

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

П.В. Трощинский

ПРАВОВАЯ
СИСТЕМА
КИТАЯ

中国法律体系

Москва
ИДВ РАН
2016

УДК 34(510)
ББК 67(5Кит)
Т76

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д. полит. н. *Виноградов А.В.*, д. ю. н. *Марченко М.Н.*,
к. ю. н. *Бородич В.Ф.*, к. и. н. *Лазарева Т.В.*

Трощинский П.В.

Т76 Правовая система Китая : монография / П.В. Трощинский. — М. : ИДВ РАН, 2016. — 472 с.

ISBN 978-5-8381-0305-5

Предлагаемая читателю монография представляет собой комплексное фундаментальное исследование правовой системы современного китайского государства через анализ действующего в нем законодательства, древнего (традиционного) права, правовой культуры и правосознания его граждан. Работа содержит развернутую характеристику основных этапов развития правовой системы с момента образования в 1949 г. Китайской Народной Республики по настоящее время, приводятся основные особенности социалистической правовой системы с китайской спецификой. Исследуются вопросы влияния традиции на право КНР, взаимоотношения права и политики, права и идеологии в китайском обществе. Особое место уделяется обзору вклада российской юридической и синологической наук в дело изучения права Китая.

Отдельная глава монографии посвящена исследованию основных отраслей публичного и частного права КНР. В ней содержится анализ конституционного, уголовного, гражданского, административного и иных отраслей (экологического, энергетического, трудового, военного) права, а также мало изученного российской наукой процессуального права КНР. Важное значение для понимания специфики китайского права играют правовые системы Сянгана (Гонконга), Аомэня (Макао) и Тайваня, характеристика которых содержится в заключительной главе представляемой работы.

Книга предназначена для широкого круга читателей: от профессиональных юристов и ученых, интересующихся вопросами сравнительного правоведения до практикующих китаистов, которые по роду своей деятельности сталкиваются с китайским законодательством. По ней можно преподавать отдельный курс «Китайское право» в учебных заведениях России в рамках специальности «политология», «юриспруденция».

Ключевые слова: право Китая, сравнительное правоведение, юридическая наука, правовая система, законодательство, конфуцианство, легизм, смертная казнь, социалистическое право, реформы, китайская специфика, политика.

УДК 34(510)

ББК 67(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0305-5

© Трощинский П.В., 2016

© ИДВ РАН, 2016

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
*выдающегося российского ученого,
основоположника комплексного изучения права Китая
в российской юридической науке и синологии,
учителя и создателя*
профессора Леонида Моисеевича Гудошникова (18.08.2014 †)
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Оглавление

Введение	5
Глава I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	14
§ 1.1. Основные этапы эволюции правовой системы	14
§ 1.2. Особенности социалистической правовой системы с китайской спецификой.....	42
§ 1.3. Традиционные взгляды на право и их влияние на современное законодательство КНР	64
§ 1.4. Право, политика и идеология.....	90
§ 1.5. Право Китая в трудах российских ученых	114
Глава II. ОТРАСЛИ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА КНР	154
§ 2.1. Конституционное право.....	155
§ 2.2. Уголовное право	191
§ 2.3. Гражданское право.....	223
§ 2.4. Административное право	257
§ 2.5. Другие отрасли права	291
Глава III. ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СЯНГАНА (ГОНКОНГА), АОМЭНЯ (МАКАО) И ТАЙВАНЯ	341
§ 3.1. Правовая система Сянган (Гонконг). Основной закон Сянганского особого административного района	342
§ 3.2. Правовая система Аомэнь (Макао). Основной закон Аомэньского особого административного района.....	373
§ 3.3. Правовая система Тайваня. Теория Сунь Ятсена о разделении властей	399
Заключение	436
Список литературы	441
Summary	471

Введение

Отечественная наука сравнительного правоведения в последнее время уделяет все больше внимания изучению правовых систем государств Азиатского региона. Азия отличается от других частей света не только характером населяющих ее жителей, их образом жизни, политическим и социально-экономическим строем, но и особенностями правового регулирования существующих общественных отношений. Одной из наиболее интересных с позиции юридической компаративистики представляется правовая система Китая, эволюция которой насчитывает тысячелетнюю историю. Китайское право оказало глубокое влияние на формирование правовых систем Японии, Кореи, Сингапура, Вьетнама. Знание особенностей права древнего и современного Китая позволит российским ученым глубоко понимать происходящие во всей Азии процессы, учитывать особенности правового регулирования существующих в ней общественных отношений.

Для Российской Федерации отношения с Китаем носят характер добрососедства, дружбы и сотрудничества, направленные на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Предоставляется серьезная взаимная поддержка как в сфере двусторонних торгово-экономических отношений, так и на международной арене. Позитивное влияние на российско-китайские отношения оказывает институционализация Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС, в рамках которых наши страны расширяют двусторонние контакты.

Россия и Китая решают во многом сходные задачи развития и находятся перед лицом одинаковых вызовов и угроз. К ним относятся замедление роста экономики, усиление социального неравенства, ухудшение экологической обстановки, старение населения, распространение терроризма и экстремизма. В связи с этим повышается актуальность и значимость правотворческого опыта китайского государства в сфере разрешения стоящим перед ним проблем. Целесообразно обращать свои взоры не только на западно-европейские правовые модели, но и изучать право Азии, в которой Китаю принадлежит одно из центральных мест.

Работа с Китаем предполагает поиск не только наиболее выгодных направлений сотрудничества, но и более глубокое понимание его особенностей, истории, культуры, менталитета, языка, права. Без понимания правовых основ китайской государственности нам будет невозможно не только успешно выстраивать двусторонние деловые отношения, но и, что более важно, углублять взаимопонимание и дружбу между народами двух стран. Через изучение традиционного и современного права Китая перед нами откроются скрытые механизмы государственно-правового регулирования, лежащие в основе достигнутых в политической, экономической и социальной сферах успехов.

В сфере правового развития Китаю всегда свойственна уникальная, национально-окрашенная специфика. Ему присущ особый опыт правового регулирования общественных отношений, существенно отличающийся от других государств мира. При решении вопросов государственно-правового строительства для Китая нехарактерно бездумное привнесение зарубежных правовых институтов и норм в национальное законодательство без учета собственной специфики. Власти страны в своей правотворческой деятельности прежде всего руководствуются национальными интересами, а лишь затем обращают взоры на советы и рекомендации иностранных партнеров. В политико-правовой сфере сохраняется приоритет государственных интересов над интересами общества и личности. Традиционные ценности выступают частью правовой системы Китая, обеспечивая ее высокую внутреннюю своеобразность и устойчивость, не позволяя «раскачать» страну извне.

Исследование правовой системы Китая представляет значительный интерес для российской юридической и синологической наук. Отечественный ученый Е.В. Куманин констатирует, что этот интерес «начинает базироваться не только на желании лучше узнать политико-правовую жизнь Китая. За время, прошедшее после начала реформ, в КНР накоплен определенный опыт использования права для стимулирования социальных преобразований, оживления социалистической экономики. Изучение этого опыта имеет практическое значение для проведения правовой реформы в нашей стране»¹.

Правовая система КНР уникальна. Она представляет собой смешанный тип, включающий в себя древнее право, право стран социализма, англосаксонскую (правовая система Гонконга) и романо-германскую (правовая система Макао) правовую традицию, при оказанном на нее глубоком влиянии советской юридической науки, наследие

которой проявляется в законодательстве КНР до сих пор. Эта «гремучая правовая смесь» настолько своеобразна, насколько неповторима вся история Поднебесной. Для российских исследователей право КНР, его законодательство представляется чем-то знакомым, родным. Структура правовой нормы, характер закрепленных в китайских законах положений — все несет на себе отпечаток советской эпохи. В отличие от западных специалистов, отечественным исследователям многим понятнее дух и сущность современного китайского права. Именно это позволяет нам более глубоко понимать китайскую терминологию и те сложности, с которыми сталкивается законодатель при разработки текстов актов правотворчества.

Российскими и западными учеными правовая система КНР относится к различным типам правовых семей: дальневосточной, романо-германской, социалистической, к семье традиционного права. Выдающийся российский ученый В.Е. Чиркин предложил отнести правовую систему современного Китая к тоталитарно-социалистическому типу, для которого свойственно господство одной коммунистической партии, запрещение политической оппозиции, закрепление в праве неравноправного классового деления, отрицание разделения властей, обязательная идеология, господство социалистической собственности и др.² Предложенная классификация оригинальна и также отвечает сущностному характеру китайского права. Для российской науки сравнительного правоведения, по мнению некоторых авторов, наибольший интерес из всех правовых систем, сохранивших в себе не только национальные особенности, но и характерные черты социалистического права, вызывает «...лишь правовая система Китая»³, актуальность исследования которой будет существовать всегда.

КНР достигла больших успехов в экономической сфере, в геополитическом плане ей удалось безболезненно вернуть под свою юрисдикцию Гонконг и Макао, правовые подсистемы которых отличны от правовой системы континентального Китая. Процесс «собираения камней» проходит под «покровом» политико-правовой концепции «одно государство — две системы». В то время, когда советское государство претерпевало процессы дезинтеграции, наш сосед инициировал процесс объединения своих ранее аннексированных Западом территорий. Опыт Китая в сфере правового регулирования интеграционных процессов, социально-экономического развития государства представляет значи-

тельный познавательный интерес для российских юристов, ученых, китаистов.

Особое место в работе принадлежит исследованию правовой системы Тайваня, которая воплотила в себе правовые традиции Древнего Китая, сохранив традиционный национальный дух китайского права. Китайская Республика на Тайване — не признанное большинством стран мира образование, однако сохраняющее неформальные культурные и экономические связи со многими государствами. Включение Тайваня в настоящее исследование не случайно — его опыт правового регулирования общественных отношений позволяет дать исчерпывающую характеристику правовой системе единого Китая.

В представленной работе предпринята попытка ознакомить научное сообщество с особенностями правовой системы Китайской Народной Республики через анализ действующего в ней законодательства, особенностей древнего права Китая, правовой культуры, обычаев и правосознания ее граждан в период с 1949 г. по 2015 г. КНР была образована в октябре 1949 г., ознаменовав начало нового этапа развития китайской государственности социалистической формации. Проигравшая в гражданской войне партия Гоминьдан покинула материковый Китай и уехала на Тайвань, образовав там Китайскую Республику капиталистического типа. В связи с тем, что в работе исследуется не только правовая система КНР, но и Китайской Республики на Тайване, в названии используется термин «Китай», который в китайском языке звучит как «Чжунго» (中国), то есть «Срединное государство».

Мир китайского права обширен. Он включает в себя не только КНР, ее особые административные районы Сянган (Гонконг) и Аомэнь (Макао), не только Тайвань, но и, например, Сингапур. Известно, что подавляющее большинство жителей этого региона — выходцы из Китая. Правовая система Сингапура, требующая своего отдельного изучения, формировалась при непосредственном на нее влиянии китайской правовой традиции. Уголовное право Сингапура (как, впрочем, и Малайзии) до настоящего времени содержит свойственные традиционному праву Китая телесные наказания. Жестокость сингапурских законов основывается на политико-правовой доктрине легизма, представители которого настаивали на суровости применяемых к преступникам мер уголовной ответственности.

Современное право КНР неотделимо от воли правящей Коммунистической партии, которая определяет вектор как социально-экономического, так и политико-правового развития государства. КПК

играет решающую роль на пути правовой модернизации страны. В свое время политические методы воздействия практически полностью вытесняли правовые формы организации общественных отношений. Политическая система КНР характеризуется сильной государственной и политической властью, что сказывается на характере всей правовой системы. Если Китай сохранит стабильность и нынешние темпы экономического развития, то уже в ближайшем будущем он войдет в пятерку наиболее влиятельных государств мира. Успехи Китая напрямую связаны с выбранным им путем правового развития, который должен изучаться отечественной наукой и законодателем для использования положительного опыта в своей теоретической и практической деятельности.

Обычно в качестве структурных элементов правовой системы выделяют законодательство, правореализацию в широком смысле слова и правосознание. Специфика правовой системы Китая (согласно их терминологии: «социалистическая правовая система с китайской спецификой» (中国特色社会主义法律体系)) не позволяет описать ее с помощью традиционного методологического аппарата, поскольку кроме свойственной ей континентальной правовой системы, в Китае существуют правовые системы Гонконга, Макао и Тайваня. Адекватное представление о правовой системе Китая может дать только использование многослойного методологического аппарата, отражающего специфику китайского права.

На официальном уровне термин «правовая система» впервые появился в тексте Постановления Пленума ЦК КПК «О некоторых вопросах построения системы социалистической рыночной экономики» (中共中央关于建立社会主义市场经济体制若干问题的决定) (ноябрь 1993 г.). Затем уже в 1997 г. правящей партией была поставлена задача формирования «социалистической правовой системы с китайской спецификой» к 2010 г., которая была успешно выполнена. Таким образом, в работе правовая система Китая рассматривается с учетом анализа как действующего законодательства, так и особенностей политики, идеологии, традиции, правосознания, свойственных китайскому государству и населяющих его жителей.

Затрагивая вопрос степени научной разработанности темы отметим, что российская синологическая наука исследует китайское право с самого начала своего возникновения. Перу многих выдающихся ученых принадлежат уникальные работы в этой области. Об этом подробно рассказывается в гл. 1 настоящей монографии. В исторический период Рос-

сийской империи в основном появлялись переводы на русский язык законов китайского (маньчжурского) правительства. Благодаря ним российская общественность открывала для себя таинственный мир права Поднебесной. Отечественные востоковеды Липовцов С.В., Бичурин Н.Я., Попов П.С. и др. в своих трудах постоянно обращались к правовой проблематике. Значительный вклад в дело изучения права Китая был сделан русскими учеными-юристами, вынуждено эмигрировавшими из Советского Союза в страшные годы репрессий. В Харбине ими был создан Юридический факультет, в стенах которого трудились Рязановский В.Я., Энгельфельд В.В., Курц Б.Г., Гинс Г.К., Гильчер М.Э. и др. Их работы также легли в основу представленного исследования.

После образования в 1949 г. КНР советская наука в основном исследовала государственный строй Китая. Появились монографии Воеводина Л.Д., Лунева А.Е., Сударикова Н.Г., Игнатенко Г.В., Котова К.Ф., Черниловского З.М. и др. Последовавшее затем резкое ухудшение советско-китайских отношений вынудило большинство ученых прекратить изучение правовой проблематики КНР за отсутствием надобности в специалистах-правоведах по Китаю в советском государстве.

Впоследствии пальма первенства в деле изучения права Китая принадлежала Институту Дальнего Востока Российской Академии Наук, где под руководством профессора Гудошникова Л.М. трудилась целая плеяда выдающихся ученых, создавших золотой фонд российских работ по китайскому праву. К сожалению, все они либо ушли из жизни либо не работают в науке. Перу Л.М. Гудошникова (1927—2014) принадлежат десятки фундаментальных монографий и сотни статей по современному и традиционному праву Китая. Его ученики Имамов Э.З. и Пашенко Е.Г. (1945—2010) занимались исследованием соответственно уголовного и гражданского права КНР. Работы известного историка-китаиста Ахметшина Н.Х. (1953—2008) также посвящены уголовному законодательству Китая. Государственный строй глубоко изучался Егоровым К.А. (1949—?). Налоговое право Китая в свое время исследовал Шепенко Р.А.

Касательно темы представленной работы отметим единственный в отечественной юридической науке фундаментальный труд российского ученого Е.В. Куманина: «Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики» (М., 1990), в котором был проведен глубокий научный анализ взаимосвязи китайского права с происходящими в КНР политическими процессами. Ученым отмечается:

«Исследование правовой системы Китая представляет значительный интерес. Это право является одним из компонентов самобытного китайского общества с его древним культурным наследием и взрывными социально-политическими противоречиями. ...За время, прошедшее после начала реформ, в КНР накоплен определенный опыт использования права для стимулирования социальных преобразований, оживления социалистической экономики. Изучение этого опыта имеет практическое значение для проведения правовой реформы в нашей стране»⁴. По своей структуре, содержанию и выводам приведенная работа существенно отличается от настоящей монографии.

Особо отметим труды видных российских ученых Кокарева К.А. и Степановой Г.А., которые подробно изучали политические системы Сянганского и Аомэньского особых административных районов КНР (Гонконга и Макао), а также Китайской Республики на Тайване. Работы Лазаревой Т.В., посвященные особым автономным районам КНР, также были использованы в качестве источников.

В основу исследования взаимосвязи права и традиции положены работы двух выдающихся отечественных историков: профессора Кычанова Е.И. (1932—2013) и его ученика профессора Рыбакова В.М. Первому принадлежит фундаментальный труд «Основы средневекового китайского права (VII—XIII вв.)» (М., 1986). Второй — автор первого в мире полного перевода с древнекитайского языка на западный (русский) свода законов династии Тан, опубликовал несколько монографий по традиционному праву древнего Китая. Отметим серьезную монографическую работу Свистуновой Н.П.: «Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли)». В 2-х частях: Перевод с китайского. М., 1997, 2002, а также труды выдающегося российского китаевода Переломова Л.С., посвященные жизни и взглядам великого Конфуция и его оппонентам — легистам.

Правовая система Китая изучается и западной юридической наукой. Отметим работы Рене Давида («Основные правовые системы современности». М., 1988), Леже Раймонда («Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход». М., 2009). Из последних наибольший интерес представляет труд итальянского ученого Игнацио Кастеллуччи (Ignazio Castellucci): Rule of Law and Legal Complexity in the People's Republic of China («Верховенство права и сложности законодательства Китайской Народной Республики»)

(Università Delgi. Studi di Trento, 2012), в основу которой положена работа Вернона Валентайна Палмера: Palmer V. V. *Mixed Jurisdictions Worldwide the Third Legal Family* («Смешанная юрисдикция во всем мире: третья юридическая семья») (Cambridge, 2001). В ходе проведенного исследования также использовались монографии: «Contemporary Chinese Law: Research Problems and Perspectives». Edited by Jerome Alan Cohen. USA: Harvard Studies in East Asian Law, 4, 1970; Stanley B. Lubman. *Bird in a Cage. Legal Reform in China After Mao*. USA: Stanford University Press, 1999; Jerome Alan Cohen. *The Criminal Process in the People's Republic of China 1949—1963. An Introduction*. Cambridge, Massachusetts, 1968 и некоторые другие.

Были также использованы труды видных китайских ученых: Сунь Гогуа (孙国华), Хань Даюаня (韩大元), Ли Линя (李林), Ван Вэйгуана (王伟光), Мо Цзихуня (莫纪宏), Чжан Вэньсяна (张文显), Фэн Юйцзюня (冯玉军) и многих других на языке оригинала.

Информационную базу исследования составили законодательство КНР и Китайской Республики на Тайване, законодательство советских районов Китая, законодательство СОАР и АОАР (Гонконга и Макао), судебная практика народных судов КНР, документы КПК, выступления руководителей китайского государства, планы пятилетнего развития, планы правотворческой работы, сборники переводов законов КНР, опубликованные в ИДВ РАН, а также специализированная литература на китайском языке, включающая монографические исследования, научные статьи, публикации в прессе и сети Интернет.

Особое место занимают работы выдающихся отечественных китаеведов — академика В.М. Алексеева, академика С.Л. Тихвинского, академика М.Л. Титаренко, член-корреспондента М.И. Сладковского. В них раскрываются сущностные характеристики китайской цивилизации, его традиционной культуры и образа поведения населяющих Китай жителей.

Практическая значимость представленного исследования состоит в возможности использования его выводов и полученных результатов в ходе сотрудничества с КНР, учета китайской специфики при заключении с ними межгосударственных и иных договоров. Китайский опыт возможно использовать в законотворческой работе российских органов власти в ходе разработки и принятия необходимых для развития страны актов правотворчества с учетом национальной российской специфики.

Методологическая основа исследования представлена социологическим, диалектическим, историческим, специально-юридическим методами научного познания. В целях уяснения специфики китайской правовой системы применялись сравнительно-правовой, системный и структурно-функциональный методы, а также частнонаучные приемы и способы исследования. В монографии обобщена специальная юридическая литература, а также изучены относящиеся к предмету исследования работы по китайской философии, социологии, истории, нормативный материал на языке оригинала и правоприменительная практика.

Надеемся, что представленная на суд читателя работа послужит повышению интереса к праву Китая со стороны отечественных и зарубежных исследователей, внесет свой скромный вклад в дело углубления знаний о Китае в среде российских специалистов.

Автор выражает огромную признательность за оказанную поддержку и неоценимую помощь семье Гудошниковых и своей супруге, без которых написание настоящей монографии не было бы возможно.

Сердечную благодарность выражаю в адрес моих рецензентов: руководителя Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН Виноградова Андрея Владимировича, заведующего кафедрой теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ Марченко Михаила Николаевича, ведущего научного сотрудника ИДВ РАН Бородача Владимира Федоровича и ведущего научного сотрудника ИДВ РАН Лазаревой Татьяны Васильевны за ценные советы и рекомендации, а также за поддержку издания настоящей работы.

Литература

¹ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 5.

² Чиркин В.Е. Современные глобальные правовые системы: сближение и антагонизм // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 23.

³ Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть. М.: Зерцало, 2001. С. 451.

⁴ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 4,5.

Глава I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

§ 1.1. Основные этапы эволюции правовой системы

Правовая система Китайской Народной Республики в своем развитии прошла несколько основных этапов, каждый из которых характеризуется особенностями и характерными для соответствующего периода ее развития принимаемыми актами правотворчества. Приводимая авторская периодизация исходит из особенностей эволюции китайского законодательства в период с 1949 г. по настоящее время и учитывает основные вехи правотворческих процессов, происходящих в КНР в указанные периоды:

первый этап (1949—1957 гг.) связан с образованием в 1949 г. КНР и началом правотворческого процесса новой формации. В этот период появляются первые законы нового государства, включая Конституцию КНР и ряд органических актов правотворчества. Однако уже к 1958 г. законодательная деятельность в Китае была прекращена (отметим принятый в 1957 г. Уголовный кодекс, который официально ни где не публиковался и выступал в качестве закрытой инструкции для судей и прокуроров). 1957 г. «характеризуется отходом КПК и китайского государственного руководства от конструктивной юридической политики»¹;

второй этап (1958—1977 гг.) характеризуется проведением в КНР целого ряда разрушительных политических кампаний, центральной из которых стала «культурная революция». В эти годы о китайском праве можно говорить лишь в историческом контексте: не было принято практически ни одного закона, исключением является лишь Конституция 1975 г., носившая исключительно декларативный характер. Произошло полное свертывание юридической политики. Смерть Мао Цзэ-

дуна в 1976 г. явилось завершением «правового безвременья» указанного периода;

третий этап (1978—2001 гг.) начался с принятием в марте 1978 г. новой (третьей) Конституции КНР и развертыванием политики реформ и открытости, ознаменовавшей правосстановительный процесс в масштабах всего Китая. Страна начинает выходить на путь модернизационного строительства. 2001 г. — год вступления КНР в ВТО, законодательство страны претерпело изменения по причине необходимости соответствия закрепленным данной международной организацией требованиям;

четвертый этап (2002—2010 гг.) свидетельствует о решимости властей в построении «социалистического правового государства» (конституционные поправки 2004 г.). 2010 г. стал годом завершения первоначального этапа формирования «социалистической правовой системы с китайской спецификой», эта задача была поставлена правящей партией в 1997 г. Таким образом, к 2010 г. правовая система КНР оказалась сформированной;

пятый этап (2011 г. — по настоящее время) характеризуется появлением в правовой системе новых уникальных актов правотворчества, а также внесением изменений в действующее законодательство. Отметим принятые в декабре 2015 г. Закон КНР о противодействии терроризму, Закон КНР о борьбе с насилием в семье.

На **первом этапе (1949—1957 гг.)** был заложен фундамент китайской государственности, и, как следствие, правовой системы нового Китая.

Хотя не все районы страны к этому времени были освобождены от войск гоминьдана, тем не менее, новое руководство страны сразу приступило к формированию основ правовой системы Китая. Одним из первых китайские коммунистические власти отменили достаточно развитое для того времени гоминьдановское законодательство: «**Полная книга шести законов**» (или шести отраслей права) (六法全书). Решение об его отмене в освобожденных советских районах официально было оформлено нормативной директивой ЦК КПК в феврале 1949 г.² (для ее выполнения был издан приказ Народного правительства северного Китая № 6, апрель 1949 г.). До этого, в своем воззвании о современной политической ситуации, сделанном 14.01.1949 г., Мао Цзэдун выдвинул лозунг: «Отменить фальшивую Конституцию, отменить фальшивые законы»³, что предопределило судьбу гоминьдановского законодательства

в зарождающейся правовой системе новообразованного китайского государства. Отметим, что после исхода противников коммунистической власти на Тайвань гоминьдановское законодательство продолжает действовать в измененном виде и до сего времени, выступая в качестве фундамента правовой системы Китайской Республики.

В основу формируемой правовой системы нового китайского государства легло так называемое **«законодательство освобожденных советских районов Китая»**, которое активно принималось коммунистами в период до образования КНР в районах, находящихся под их военным контролем⁴. К нему, например, относится Положение «О выборах в Китайской Советской Республике» (ноябрь 1931 г.), Положение «О работе избирательных комиссий Китайской Советской Республики» (декабрь 1931 г.), Закон «Об организации центральных органов Китайской Советской Республики» (февраль 1934 г.) и многие другие документы. Заложенные в них принципы плавно «перетекли» в акты правотворчества, принимаемые китайскими властями в первые годы после образования государства. По-сути находящиеся под контролем КПК районы являлись своеобразными анклавом, выступая в качестве «государства в государстве». В них коммунистические власти принимали собственное законодательство для легитимизации своей деятельности в ходе противостояния с законной властью в лице партии Гоминьдан. «Именно в это время начинает активно формироваться новое правосознание и складываться правовые установки и институты, которые впоследствии оказали значительное влияние на юридическую политику и правовую систему Китая»⁵.

После официального провозглашения в октябре 1949 г. образования КНР руководство страны продолжило работу по созданию основ правовой системы страны. Первыми законодательными актами того времени стали: Закон КНР «О браке» (13.04.1950), Закон КНР «О земельной реформе» (28.06.1950), Положение «О наказаниях за контрреволюционную деятельность» (20.02.1951), Временное положение «Об охране государственной тайны» (01.06.1951), Положение «О наказаниях за коррупцию» (18.04.1952) и др.

Так, Закон КНР «О браке» отменил существовавшие в гоминьдановском законодательстве положения, предполагавшие право мужчины на наложниц, невозможность заключения брака при отсутствии согласия родителей и др. Государство декларировало всестороннюю защиту правового статуса женщины в семье, ее право на развод. Вступле-

ние нового закона в силу получило широкую поддержку в народе, что способствовало укреплению авторитета правящей коммунистической партии и ее лидеров.

Отметим, что по причине отмены «Полной книги шести законов» и отсутствия достаточного для регулирования существующих отношений нового права, в первые годы КНР была распространена практика применения народными судами отмененного законодательства и местных феодальных обычаев.

Характеризуя начальный период становления правовой системы нового Китая проф. Л.М. Гудошников пишет: «Правотворчество КНР в первые ее годы отличала и многосубъектность, которая выражалась в предоставлении нормотворческих прав широкому кругу органов. Кроме властей больших административных районов субъектами местного правотворчества выступали военно-контрольные комитеты НОАК. С образованием КНР законодательные права в национальном масштабе стали осуществлять Центральный народный правительственный совет (ЦНПС), Административный совет и его комитеты (в частности, большое количество нормативных актов издал Финансово-экономический комитет). Всего до «культурной революции» 1966—1976 гг., когда законодательная деятельность прекратилась, было издано 1500 законов и постановлений только на национальном уровне»⁶.

Первым документом конституционного характера стала Общая программа Народного политического консультативного совета Китая, принятая на его пленарной сессии 29.09.1949. Документ состоял из Введения, 7 глав, 60 статей. Эта «временная китайская Конституция» провозглашала общие принципы образованного государства (глава 1), принципы организации государственной власти (глава 2), особенности военной системы (глава 3), основные направления экономической политики (глава 4), политики в области культуры и просвещения (глава 5), а также национальной (глава 6) и внешней политики (глава 7). Статья 17 Общей программы НПКСК закрепляла: «Ликвидируются все угнетающие народ законы, указы и судебная система гоминдановского реакционного правительства и будут выработаны законы и изданы указы, защищающие интересы народа, а также установлена система народного правосудия».

Лишь после пятилетнего существования КНР, 20.09.1954 была принята **первая Конституция**. Ее значение для зарождающейся новой китайской государственности и правовой системы трудно переоценить. Подчеркнем, что до этого времени страна существовала без Основного

Закона. И он еще долгое время не был бы принят, если бы не настойчивость Сталина, который неоднократно призывал руководителей Коммунистической партии Китая (КПК) разработать и принять этот основополагающий для государства документ⁷.

Основной Закон состоял из Введения, 4 глав, 106 статей. Конституция 1954 г. своим содержанием походила на сталинскую Конституцию 1936 г. и устанавливала общие принципы деятельности государственных органов КНР (глава 2), содержала перечень основных прав и обязанностей китайских граждан (глава 3), закрепляла особенности государственной символики КНР (глава 4). В ее основу также легла рассмотренная выше Общая программа НПКСК. В первой Конституции КНР широко использовался опыт международного конституционного строительства, в частности, конституционного строительства социалистических стран⁸.

Конституция КНР 1954 г. явилась базой для последующего активного развития правовой системы страны. Вслед за ней появились пять важных органических законов, устанавливающих принципы формирования и деятельности государственных органов КНР: Закон КНР «Об организации Всекитайского собрания народных представителей» (далее: ВСНП) (20.09.1954); Закон КНР «Об организации Государственного совета» (21.09.1954); Закон КНР «Об организации местных собраний народных представителей и местных народных комитетов» (21.09.1954); Закон КНР «Об организации народных судов» (21.09.1954); Закон КНР «Об организации народной прокуратуры» (21.09.1954) и Закон КНР «О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей» (11.02.1954).

Правовая система китайского государства в рассматриваемый исторический период своего развития формировалась под влиянием советской юридической науки. Законодательство китайских советских районов, первая китайская Конституция, первые законы КНР — все разрабатывалось и принималось при непосредственном участии советских специалистов. «1 октября 1949 года Китай становится народной демократией. В нем тут же начинается систематическое перенесение советских институтов»⁹.

Советский Союз первым среди государств мира признал новое народное правительство КНР и установил с ним дипломатические отношения — на второй день после официального образования КНР (02.10.1949). 14 февраля 1950 г. между СССР и КНР был подписан Дого-

вор О дружбе, союзе и взаимной помощи, а также Соглашение о Китайско-Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, Соглашение о предоставлении КНР долгосрочного экономического кредита для оплаты поставок промышленного и железнодорожного оборудования из СССР. Советские власти оказывали помощь в создании крупных промышленных баз и заводов преимущественно на Севере-Востоке Китая¹⁰. Наша страна стала основным внешнеторговым партнером Китая. Например, в 1952 г. на долю СССР приходилось более половины всего растущего товарооборота КНР. Видный российский ученый М.И. Сладковский отмечает: «Не менее важное значение для укрепления дружественных и тесных связей между СССР и КНР имело соглашение о предоставлении советского кредита в сумме 300 млн. ам. долл. Это был самый крупный из всех экономических кредитов, когда-либо предоставлявшихся Китаю иностранными государствами. На всю указанную сумму предусматривались поставки в течение 5 лет (1950—1954) советского оборудования и материалов для электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, угольных шахт, железнодорожного и автомобильного транспорта и других отраслей китайской экономики»¹¹.

В 1957 г. Мао Цзэдун говорил: «Для того, чтобы превратить Китай в индустриальную страну, мы должны серьезно изучать передовой опыт Советского Союза. Советский Союз строит социализм уже сорок лет, и его опыт является весьма ценным для нас. Давайте посмотрим, кто спроектировал и оснастил для нас так много важных заводов? Разве США? Разве Англия? Нет. Не они. Только Советский Союз идет на это, потому что он является социалистической страной, является нашим союзником... Крепить сплочение с Советским Союзом, крепить сплочение со всеми социалистическими странами — таков наш основной курс, в этом наши коренные интересы»¹².

После официального установления дипломатических отношений между двумя странами последовало командирование советских ученых-юристов в Китай для оказания помощи в формировании правовой системы страны. Не только законодательство, но сам фундамент юридической науки КНР был заложен советскими специалистами¹³:

Во-первых, советские ученые выступали в качестве юридических консультантов, читали лекции на юридических факультетах ведущих китайских институтов (Б.С. Быков, Л.Д. Воеводин, А.Е. Лунев, Н.Г. Судариков, К.К. Яичков и др.)¹⁴. Они закладывали основы правоведения в умы китайских студентов, зарождали в них интерес к юридиче-

ской науке. Под их руководством в стенах юридических факультетов организовывались практические занятия, на которых разъяснялась сущность марксистско-ленинской общей теории права и государства.

Видный китайский ученый-административист профессор Ло Хаоцай вспоминает: «В 1956 г., когда автор поступил в Пекинский университет, на юридическом факультете по большинству дисциплин использовались советские учебники, среди них теория государства и права, советское государственное право, история государства и права, советское гражданское право, финансовое право и т.д. Что касается иностранного языка, то пришлось перейти на изучение русского. Тогда на нашем факультете не было преподавателя по административному праву, студентам приходилось заниматься по размноженным на mimeографе учебникам, составленным советскими преподавателями, работавшими в Китайском народном университете. В те годы Китай политически “придерживался одной стороны” и осуществлял “полную советизацию”. В области юридического образования, разумеется, необходимо было сохранять единство с Советским Союзом. Правовая система старого Китая в значительной степени восприняла через Японию и Германию традиции европейского континентального права. Иными словами, в ней не было существенных отличий от правовых систем царской России и Советского Союза. Поэтому использование советских учебников не приводило к каким-либо серьезным противоречиям, стыковка была достаточно плавной»¹⁵.

Китайский исследователь Ван Чжихуа пишет: «Советские специалисты в области права, в частности Судариков и Быков, работали в Китае более года и приложили немало усилий для развития политических и правовых исследований в КНР. В частности, они участвовали в работе по составлению проектов законов и предлагали рекомендации к уже составленным проектам законов и нормативно-правовых актов в КНР, составляли предложения по работе правовых ведомств и одновременно знакомили китайских правоведов с передовым советским опытом, неоднократно выступали с лекциями по советской теории государства и права перед сотрудниками политико-правовых ведомств правительства и партии, а также соответствующих учебных заведений и групп специалистов...»¹⁶.

Во-вторых, на стажировку в советские юридические институты были направлены лучшие китайские студенты и преподаватели, которые проходили обучение в МГУ, МГИМО, Казанском государственном университете (юридические факультеты). Они не только изучали русский

язык и советское право, но знакомились с особенностями правоприменения в условиях восстановления разрушенной после великой Победы над фашистскими захватчиками экономики. Выдающийся российский ученый Л.М. Гудошников вспоминает: «В 1955 г., например, большая группа работников юстиции КНР ознакомилась с опытом СССР и затем опубликовала серию книг, подробно освещавших работу органов юстиции в СССР, опыт подготовки юридических кадров и организацию научной работы в области юридических наук. В высших и средних политико-юридических учебных заведениях КНР преподавалось советское право. Значительную часть выпускавшейся в стране юридической литературы составляли переводы советских правовых работ»¹⁷.

В-третьих, на китайский язык переводились советские законы и научные труды по юриспруденции. В этом направлении проводилась огромная работа, затрачивались колоссальные людские и временные ресурсы. Однако благодаря ей китайские исследователи могли напрямую погружаться в мир советского социалистического права. Так, например, выдающиеся китайские ученые Цян Пин и Ван Цзяфу в 50-х годах XX века проходили обучение в СССР, во время которого перевели на китайский язык монографию «Советское гражданское право»¹⁸.

В-четвертых, система юридического образования была полностью скопирована со «старшего брата» Китая — СССР. Она включала в себя не только программы по обучению студентов юриспруденции, но и критерии оценки полученных знаний, подготовки профессорско-преподавательского состава.

Получившие образование в СССР китайские студенты в последующем становились видными государственными деятелями, оказывали влияние не только на формирование китайской юридической науки, но и на систему государственного управления в целом. Некоторые из них живы и, несмотря на преклонный возраст, продолжают играть заметную роль в китайском государстве. Так, известный авторитетный ученый, д.ю.н., профессор Народного университета Китая Сунь Гохуа (孙国华) (1925 г.р.)¹⁹ до настоящего времени читает лекции по праву студентам юридических факультетов и партийным руководителям страны, отстаивая необходимость укрепления отношений добрососедства и сотрудничества между нашими странами, напоминая о решающем вкладе советской науки в дело формирования правовой системы КНР. Под его редакцией выходит множество работ по современному праву Китая, ссылки на некоторые из которых содержатся в настоящем исследовании.

Китайские ученые тщательно оберегают добрую память о вкладе советских юристов в дело становления и развития правовой системы КНР. В стенах Юридического института Народного университета Китая (г. Пекин) на его первом этаже открыт небольшой музей советского права, в котором собраны уникальные документы, материалы, фотографии того времени. Представлены редкие юридические книги советского периода на русском языке и их переводы на китайском.

Широко известен в Китае видный российский ученый-криминалист Валентин Яковлевич Колдин (1925 г.р.), д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ. С ноября 1954 г. по май 1957 г. по решению Министерства высшего и среднего специального образования СССР он был командирован в КНР, где работал в качестве лектора и советника в составе группы советских специалистов. Его некоторые труды были переведены на китайский язык: «Применение научно-технических средств в следственной работе» (Пекин, 1955); «Основы методики криминалистической идентификации» (Пекин, 1957); «Советская криминалистика» (Шанхай, 1957—1958, в 2 частях). Под его руководством осуществлялась подготовка преподавателей криминалистики в Народном университете Китая (1954—1956 гг.), создавался первый в КНР Институт судебной экспертизы (Шанхай, 1956—1957 гг.). Колдин В.Я. в свое время преподавал уголовное право китайскому студенту Гао Минсуаню (高铭暄) (1928 г.р.), впоследствии ставшим еще одним из выдающихся ученых КНР²⁰.

Необходимо предпринимать максимальные усилия по углублению сотрудничества между Россией и Китаем в правовой сфере. Пройдет еще немного времени, уйдет старшее поколение китайских Учителей, с любовью относящихся к России, и им на смену придут те, кто получал образование в ведущих западных юридических университетах, ничего не знающих о той роли, которая сыграла советская школа в формировании их национального права. Тогда российской юридической науке будет еще сложнее восстановить утраченные за годы реформ и преобразований позиции.

Несмотря на активизацию правотворческого процесса после появления первой китайской Конституции 1954 г., до 1979 г. в стране так и не было принято ни одного кодифицированного акта правотворчества. Даже разработанный для опытного применения в 1957 г. Уголовный кодекс нигде не публиковался и был лишь закрытой инструкцией для судебных и прокурорских работников²¹. В стране не существовало

сколько-нибудь целостной системы права. Не было кодифицировано не только материальное, но и процессуальное право, что предоставляло широкие возможности китайскому правоприменителю по использованию действующего законодательства по своему усмотрению.

Ситуация с правом и законодательством резко ухудшилась в период проведения различных политических кампаний («упорядочения стиля», «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые», «борьба с правыми буржуазными элементами», «большой скачок», «великая культурная революция»). Законодательная работа практически полностью была остановлена в конце 1950-х годов. С этого момента можно говорить о **втором этапе** в истории правовой системы КНР (1958—1977), когда в китайском государстве были поправлены нормы закона, а право признано буржуазным пережитком. В этот период в Китае не было принято, по сути, ни одного законодательного акта (появившаяся в 1975 г. новая Конституция КНР носила исключительно декларативный характер), фактически ликвидированной оказалась конституционная система государственных органов, уставные органы КПК и общественные организации. Е.В. Куманин пишет: «Великая культурная революция» привела к практически полному отказу от использования правовых форм социального регулирования, к нарушению элементарных принципов законности в отношении политических противников и инакомыслящих. Она оказала дестабилизирующее воздействие на многие сферы жизни китайского общества. Наиболее разрушительное воздействие испытала на себе правовая система»²².

Выдающийся французский ученый Рене Давид отмечает: «Принцип законности, который и так не был прочен ни в общественном сознании, ни в практике, оказался вновь отброшен. Были прекращены кодификационные работы. Партийные директивы заменили законы. Ограничена деятельность судов, поставленных под контроль исполнительных органов. Подчеркивалось подчинение права (как и экономики) политике. ...Мао Цзэдун в речи, произнесенной в феврале 1957 года, говорил, что право создано не для всего мира...»²³.

Наибольший удар по китайской государственности и правовой системе был нанесен «культурной революцией» (1966—1976). В ее основе лежал тезис Мао Цзэдуна о том, что «без разрушения нет созидания. Разрушение — это критика, это революция» и его формула: «только устроив великую смуту в Поднебесной, можно впоследствии создать там великий порядок»²⁴. В результате «культурной революции» была

практически уничтожена основанная на Конституции 1954 г. политическая система КНР, подвергнута чистке армия и правоохранительная система, репрессированы видные работники государственно-партийного аппарата Китая.

Принятая в августе 1966 г. и состоявшая из 16 пунктов Резолюция ЦК КПК «О великой пролетарской культурной революции», подменяя собой действующее в стране законодательство, предоставило неограниченную власть революционным учащимся («хунвэйбины») и революционным комитетам («китайские парижские коммуны»). Их деятельность получила одобрение со стороны Мао Цзэдуна, который 18.08.1966 г. появился на трибуне площади Тяньаньмэнь в военной форме с повязкой «хунвэйбина».

Во время «культурной революции» закрепились практика расправ на «судах масс» с участием десятков тысяч зрителей. Для подобных судилищ было характерно отсутствие уголовного процесса и закона. Многочисленные толпы «обвинителей» подвергали свои жертвы издевательствам и глумлением, обряжая их в колпаки, надевая на них различные надписи, и в таком виде водили по улицам городов и деревень. В помещениях учебных заведений и предприятий создавались самодельные тюрьмы, где незаконно содержались десятки тысяч заключенных, многие из которых погибали. В стране царил хаос и беспорядок, а уже разрушенные органы государственной власти не были способны взять под контроль создавшуюся ситуацию. Повсюду в общественных местах были вывешены сфабрикованные «обвинительные заключения» — так называемые дацзыбао (рукописная стенгазета), в которых содержались обвинения в ревизионизме и контрреволюции по отношению к различным категориям граждан.

Еще во время 11-го пленума ЦК КПК 05.08.1966 Председатель КНР Мао Цзэдун написал дацзыбао «Огонь по штабам», призывавшее к разгрому государственных и партийных органов, а также комсомольских и профсоюзных комитетов. Главный идеолог «культурной революции» супруга Мао Цзэдуна Цзян Цин, выступая перед «красной молодежью», заявляла, что «войска общественной безопасности, прокуратура, Верховный народный суд — все это органы, пришедшие к нам от капиталистических государств. Они стоят над партией, над правительством; все они, в конечном счете, устанавливают надзор над нами, представляют о нас черные материалы, все они являются бюрократическими органами»²⁵. В период «культурной революции» государственные орга-

ны были полностью заменены революционными комитетами. Намети-лась тенденция слияния практически уничтоженных органов обществен-ной безопасности, суда и прокуратуры в единую организацию, находящейся под военным контролем. Цзян Цин требовала, «...чтобы все войска общественной безопасности, за исключением частей железнодорожной охраны и пожарной охраны, были переданы в ведение армии»²⁶.

В эти годы произвола и беззакония погибли сотни тысяч невин-ных граждан, а еще большее число было репрессировано. Как отмечал отечественный исследователь уголовного права КНР Э.З. Имамов, в этот период «...невозможно говорить о существовании и действии в Китае права»²⁷.

Об этом свидетельствует и авторитетный исследователь китай-ского права профессор Инако Цунэо, который писал: «...в период «куль-турной революции» из центра поступало множество указаний, уведомле-ний, сообщений, которые содержали выражения «карается законом», «строго карается законом государства», «строго карается законополо-жениями государства». Однако и в данный период право существовало лишь в этих узких пределах. Упомянутый в документах «закон» отно-сился лишь к сфере уголовного права, направленного на поддержание порядка. Ничего конкретного о том, какие это «законы», не говорилось. Более того, сам факт неоднократного издания директивных документов свидетельствовал о том, что подобное «право» не восполняло действия подлинного права»²⁸.

В период «культурной революции» в Китае восторжествовало ни-гилистическое отношение к праву и законности. Как справедливо отмеча-ет Е.В. Куманин, в этот период «нормы закона заменялись расплывчаты-ми идеологическими принципами “линии масс” и “продолжающейся ре-волюции”. Преступления рассматривались не столько с точки зрения про-тивозаконности действий, нарушающих общественный порядок, сколько с учетом социального происхождения, мотивов преступного поведения и его самооценки нарушителем. Политическая практика была поставлена выше Конституции — Основного закона страны. Важнейшие конституци-онные положения отменялись партийными решениями без внесения соот-ветствующих вопросов в государственные органы... Критерием правомер-ности становится не рациональная деятельность в рамках законности, а соответствие поступков лозунгам маоизма»²⁹.

Перед самым окончанием «культурной революции» была при-нята **вторая Конституция КНР** (17.01.1975), число статей которой в

сравнении с первой Конституцией было значительно сокращено (со 106 до 30). «Конституцию КНР 1975 г. трудно было отнести к категории основных законов государства. Она представляла собой скорее декларацию определенных политических сил, причем сил не полностью однородных, а выступающих с различными установками относительно нынешнего положения и дальнейшего развития страны»³⁰.

В период «культурной революции» было закрыто большинство учебных заведений, дискредитирован профессорско-преподавательский состав. Учителей водили с веревкой на шее с позорящими надписями на груди, изобличающими их «контрреволюционное мышление». Юридическая наука, правотворческая деятельность оказались разрушены. За годы «культурной революции» в Китае не вышло ни одной работы по юриспруденции, юридические факультеты были упразднены, интерес к праву был на «нуле». Преподавателей юридических факультетов в массовом порядке отправляли в деревни на «перевоспитание» либо уничтожали как реакционный класс. Репрессиям подверглись видные ученые-юристы Чэнь Шэнцин, Чэнь Тицян, Хэ Цзисян и др.³¹. «В годы «культурной революции» все лекции на факультете были прекращены, общество оказалось в состоянии полного разгула беззакония, чудовищные бедствия обрушились на государство, не миновала чаша сия и автора»³².

Как отмечает Е.В. Куманин, «в годы большого скачка развитие юридического образования было приостановлено. Несколько юридических институтов и факультетов были закрыты или слиты с другими. Ситуация несколько изменилась к лучшему после общенациональной конференции по правовому образованию 1963 г. Были созданы Восточнокитайский институт политических и юридических наук, вновь начали открываться юридические факультеты. Однако с началом «культурной революции» в 1966 г. система юридического образования была почти полностью уничтожена. Остались только юридические факультеты в Пекинском и Гириномском университетах, но 7—8 лет на них не было новых наборов»³³.

После окончания «культурной революции», смерти Мао Цзэдуна (1976 г.) и ареста основных ее руководителей («банда четырех»), правовая система КНР вступила в **третий этап** своего развития (1978—2001 гг.). Более точно можно сказать, что начался этап восстановления некогда порушенной в годы «культурной революции» правовой системы страны. В конце 70-х годов прошлого столетия в КНР возобновилась правотворческая деятельность. Именно с этого времени принято говорить об уникальном опыте правового строительства китайского государства. На новом

этапе перед руководством Китая стояла задача стабилизировать положение в стране, восстановить разрушенную систему управления.

Главный идеолог реформ Дэн Сяопин провозгласил курс на осуществление модернизационного развития страны. Основой для практической разработки реформаторских идей Дэн Сяопина стал курс «четырех модернизаций», поставивший целью преобразования в четырех областях — промышленности, сельском хозяйстве, армии, науке и технике. Была принята программа осуществления «политики реформ и открытости», которая положила начало бурному экономическому развитию Китая. Процесс реформ был охарактеризован Дэн Сяопином как «вторая революция» после 1949 г., но революция, не направленная на слом старой надстройки и против какого-либо общественного класса, а революция в смысле революционного обновления социализма на его собственной основе путем самосовершенствования. Наряду с проведением экономической реформы, изменениям подверглась и политическая система Китая. Содержание реформы политической системы, направленной на развитие демократизации, виделось в развитии и укреплении существующей системы представительных органов власти (собрания народных представителей), расширении их контролирующих функций и демократических начал в их деятельности, упрощении и сокращении управленческого аппарата, четком разделении полномочий между партийными и административными органами, между центром и местами.

На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) было подчеркнуто, что «социалистическая модернизация нуждается в строгом соблюдении закона и дисциплины... Необходимо добиться, чтобы у нас были законы, на которые можно положиться; исполнение законов должно быть строгим, нарушение законов должно расследоваться и пресекаться»³⁴. Современный облик китайское право стало приобретать с конца 1978 г.³⁵, когда Китай встал на путь широких экономических и политических преобразований. Как отмечал один из руководителей китайского государства Цзян Цзэминь, «после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва наша партия и народ, вооруженные теорией товарища Дэн Сяопина о построении социализма с китайской спецификой, задались целью провести реформу и основательно взялись за дело. Жизнь по всей стране забила ключом, на китайской земле произошли великие исторические перемены»³⁶.

Обращение к праву и законности как к основным регуляторам общественных отношений в новом Китае было утверждено на VIII съез-

де КПК еще в 1956 г. Лишь на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва, проходившего в Пекине с 18 по 22 декабря 1978 г., была «...торжественно выдвинута великая задача по оздоровлению социалистической законности, утвержден курс по строительству социалистической законности, состоящий из 16 иероглифов: при наличии закона опираться на него, при наличии закона обязательно исходить из него, обязательно строго исполнять закон, обязательно преследовать за нарушение закона»³⁷.

Восстановление правовой системы КНР после «культурной революции» связано, прежде всего, с принятием новой **Конституции КНР 1978 г.**, ставшей первоначальной базой этого процесса (принята 05.03.1978)³⁸. Объем третьей китайской Конституции был в 2 раза больше предыдущей. Ее основу составляли главные положения Конституции 1975 г., с использованием некоторых положений и формулировок первой Конституции КНР 1954 г. В общем плане в Конституции 1978 г. была законодательно оформлена политика руководства страны, направленная на восстановление страны после долгого разрушительного периода «культурной революции». И хотя данная Конституция просуществовала совсем недолго (до 1982 г.), однако она явилась основой зарождающегося правотворческого процесса в масштабах всего Китая.

В год принятия Конституции 1978 г. на состоявшемся Всекитайском совещании по вопросам законодательного строительства в форме доклада политико-юридической группы ЦК КПК была обнародована программа принятия или восстановления наиболее важных для страны законодательных актов:

1) *в хозяйственной сфере* (в целях восстановления порушенного экономического порядка, скорейшего привлечения зарубежных инвестиций);

2) *в природоохранительной сфере* (требования защиты экологии);

3) *в сфере охраны общественного порядка* (восстановление разрушенных правоохранительных органов);

4) *в сфере организации государственных органов* (восстановление разрушенных органов государства)³⁹.

Первыми после 15-летнего перерыва опубликованными правовыми актами явились Положение КНР «Об арестах и задержаниях» (23.02.1979) (основывалось на аналогичном акте 1954 г., восстанавливая роль уничтоженных в «культурную революцию» органов правопорядка) и экспериментальный (т.е. вводимый в опытный порядок) Лесной кодекс КНР (25.02.1979). Первый был направлен против распространившихся в

период «культурной революции» явлений произвола и беззакония в уголовной и уголовно-процессуальной сферах. Второй — пытался поставить преграду на пути хищнической вырубке лесов, которая оказывала влияние на климатические условия и сельскохозяйственное производство в ряде районов страны.

В масштабах всего Китая начинает «бурлить» юридическая жизнь. Открываются юридические факультеты в ведущих университетах страны, китайские студенты и преподаватели начинают выезжать за рубеж для получения юридического образования и повышения квалификации. На свет появляется юридическая литература, содержащая широкий плюрализм мнений по многим дискуссионным вопросам права. До 1978 г. в КНР не было выпущено ни одного официально изданного учебника по праву или посвященного исследованию вопросов юриспруденции монографического труда. Сразу после начала процесса восстановления китайской юридической науки стали появляться первые монографии по праву КНР (первые работы вышли в начале 80-х годов в Народном университете Китая).

В 1978 г. в четырех крупных регионах Китая, включая Пекин, был возобновлен прием студентов на юридические факультеты⁴⁰. Уже к концу 1989 г. по всему Китаю функционировало 106 юридических факультетов (институтов), количество обучающихся на них специалистов достигло 14 тыс. человек, аспирантов — около 4 тыс., преподавателей — 2100. В институтах 29 регионов Китая была введена специальность «юриспруденция»⁴¹. Так, если до 1978 г. по всему Китаю действовало всего лишь 3 высших учебных заведения, в которых существовали юридические факультеты, количество же выпускников-юристов не превышало 200 человек в год, то за 30 лет осуществления политики реформ и открытости к 2008 г. таких вузов уже насчитывалось 559, количество студентов юридических факультетов достигало 330 000 человек⁴².

В рассматриваемый период «значительно увеличилось число научно-исследовательских учреждений и научных сотрудников, специализирующихся по праву, возрос научный потенциал политико-юридических учебных заведений. Постоянно выходят в свет учебники, учебные материалы, специальные издания, сборники статей. На страницах газет публикуется много научных статей по правовой тематике. Появляются и новые отрасли права»⁴³.

Основной тенденцией третьего периода развития правовой системы КНР стало командирование специалистов, преподавателей и сту-

дентов в западные юридические институты, научно-исследовательские учреждения для обучения, повышения квалификации. При этом совершенно угасает интерес в отношении права Советского Союза, а позже — реформируемой России.

Китайский правотворец приступает к принятию основополагающих правовых документов, без которых было невозможно успешное реформирование государства. Семьдесят процентов принимаемых законов и подзаконных нормативных правовых актов было направлено на регулирование экономической сферы. Появляются Положение КНР «О поощрении выпуска продукции высшего качества» (30.06.1979); Закон КНР «Об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале» (01.07.1979); Положение «Об особых экономических зонах провинции Гуандун» (26.08.1980); Временное положение «О постоянных представительствах иностранных предприятий в КНР» (30.10.1980); Закон КНР «О хозяйственном договоре» (13.12.1981); Положение «О регистрации промышленных и торговых предприятий» (07.07.1982); Закон КНР «О товарных знаках» (23.08.1982) и многие другие акты.

Главный идеолог осуществляемых крупномасштабных реформ Дэн Сяопин, после визита в феврале 1984 г. в Шэньчжэнь говорил: «На этот раз Шэньчжэнь произвел на меня впечатление картиной огромного подъема и развития. Строительство там идет довольно быстро, а в Шэкоу еще быстрее. Причина этого в том, что людям предоставлены кое-какие права: они сами распоряжаются ассигнованными средствами в размере 5 млн. американских долларов. Их девиз: “Время — золото, а эффективность — жизнь!” Дома в Шэньчжэне растут буквально на глазах: пара дней — и этаж готов, а еще через несколько дней уже высятся целое здание»⁴⁴. Приведенные слова руководителя Китая можно отнести не только к экономическому, но и к правовому строительству КНР. В годы реформ оно претерпело бурное развитие.

Наряду с появлением актов правотворчества экономической направленности, высший законодательный орган Китая впервые с момента образования в 1949 г. КНР принимает Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы (01.07.1979), а также Закон КНР «Об организации народных судов», Закон КНР «Об организации народной прокуратуры» (01.07.1979) и — впервые — Временное положение «Об адвокатах» (26.08.1980). 13 апреля 1982 г. появляется Закон КНР «О нотариате». За долгие годы существования КНР в ее правовой системе впер-

вые появляются крупные кодификационные акты правотворчества и законы в сфере адвокатуры и нотариата.

В период с 1978 по 1982 г. в стране было принято 7 законов конституционного характера (включая Конституцию 1978 г.), 3 закона в гражданско-правовой сфере, 6 административных закона, 2 экономических, 2 в социальной сфере, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы⁴⁵. Наряду с законами в стране широко принимаются различные Положения, Уведомления, Инструкции, Правила, зачастую по своему характеру заменяющие не имеющиеся на то время в правовой системе законодательные акты.

Первоначальный этап восстановления правовой системы КНР характеризуется принятием временных либо экспериментальных актов правотворчества, что свидетельствует об очень осторожном подходе китайского законодателя к вопросам правового регулирования существующих общественных отношений. Правотворец предпочел медленный, но выверенный путь для достижения поставленных в законодательной сфере целей. С течением времени многие принятые в экспериментальном порядке нормативные правовые документы приобретали постоянный характер.

После более чем двухлетней подготовки 4 декабря 1982 г. была принята **действующая** (четвертая по счету) **Конституция КНР**. Она прошла стадию всенародного обсуждения, при этом ее проект был опубликован практически за полгода до официального принятия (28.04.1982), что позволило до ноября проводить работу по доработке текста Основного закона с учетом замечаний граждан. 26.11.1982 на 5-й сессии ВСНП 9-го созыва с докладом о проекте доработанной Конституции выступил заместитель председателя специальной конституционной комиссии Пэн Чжэнь. 04.12.1982 Конституция КНР была утверждена высшим органом законодательной власти Китая. На следующий день, 05 декабря, текст Конституции КНР был опубликован в официальной печати страны.

Действующая Конституция КНР состоит из Введения, 4 глав и 138 статей. Из нее китайским законодателем были изъяты все формулировки, свойственные периоду «культурной революции». По отношению к регулированию организации и деятельности государственных органов КНР Основной закон почти полностью повторяет первую китайскую Конституцию 1954 г., при этом восстанавливается пост Председателя КНР.

По мере государственно-правового развития страны, в действующую китайскую Конституцию вносились различные изменения и поправки, сыгравшие важную роль в деле успешного построения правовой системы КНР. В общей сложности действующая Конституция КНР подвергалась поправкам 4 раза⁴⁶.

После принятия в 1982 г. новой Конституции, правовая система КНР продолжила поступательное развитие в направлении постепенного принятия необходимых для стимулирования экономического развития страны правовых документов. Основной упор в правотворческой деятельности был сделан на разработку нормативных правовых актов в экономической сфере, при этом достаточно активно развивалось процессуальное право Китая. С течением времени появлялись важные акты правотворчества, включая Общие положения гражданского права (1986 г., аналог первой части ГК РФ), Таможенный кодекс КНР (1987 г.), Административно-процессуальный кодекс КНР (1989 г.), Закон КНР «О регулировании налогообложения» (1992 г.), Закон КНР «О договоре» (1999 г.), Закон КНР «О правотворчестве» (2000 г.) и многие другие нормативные правовые акты.

Вступление в декабре 2001 г. КНР в ВТО ознаменовало собой новый этап в деле формирования социалистической правовой системы китайского государства (четвертый этап, 2001—2010 гг.), послужило толчком к глубоким изменениям не только в социально-экономической, но и в законодательной сфере страны. Не случайно, что руководством китайского государства вступление в ВТО было признано одним из главных событий за период осуществления политики реформ и открытости.

До официального провозглашения о вступлении КНР в ВТО китайский правотворец проделал комплексную работу по приведению своего национального законодательства в соответствии с требованиями международного права. Были изменены положения Таможенного кодекса КНР, Закона КНР «О контроле качества импортируемой и экспортируемой продукции», законы КНР, касающиеся предприятий, основанных на иностранном капитале. В течение 10 лет с момента вступления в ВТО в правовой системе Китая появился целый ряд новых правовых актов, а многие ранее принятые законы подверглись существенным изменениям и/или дополнениям. В первую очередь это касается законов в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, в инвестиционной и налоговой, банковской и предпринимательской сферах, в сфере бор-

бы с отмыванием денег и др. Существенным изменениям подверглось не только материальное, но и процессуальное право Китая.

Китайский исследователь Хэ Минцзюнь отмечает: «...в процессе приема Китая в ВТО стране была предложена система требований экономического и административного характера в связи с присоединением к ВТО, включающая трансформацию национального законодательства в части, регулирующей внешнеэкономическую сферу страны и оказывающую влияние на внутренний рынок и социальную и экономическую динамику. В частности, были аннулированы требования к предприятиям с иностранным капиталом о поддержании баланса иностранной валюты, предъявлены более строгие и конкретные требования к прозрачности действий администрации при взаимодействии со всеми субъектами рынка, регулирования инвестиций, защиты прав инвесторов в соответствии с требованиями ВТО»⁴⁷. Благодаря вступлению в ВТО Китай добился значительных результатов в сфере экономического развития и привлечения зарубежных инвестиций в различные отрасли народного хозяйства страны.

Вместе с изменением либо отменой не соответствующего требованиям ВТО общегосударственного законодательства, в Китае была развернута широкомасштабная кампания по принятию, изменению либо отмене местных актов правотворчества. Во всех китайских провинциях и крупных городах местными органами законодательной власти осуществлялась «чистка» действующих нормативных правовых документов, не соответствующих общим принципам международного права. Общее количество подвергнутых изменениям, дополнениям либо отмене местных актов правотворчества превысило 190 тысяч. Было отменено действие 12 крупных административных актов, приостановлено действие 34 соответствующих государственных нормативных документов, положения которых не соответствовали требованиям, предъявляемым международным сообществом к стране, претендующей на вступление в ВТО⁴⁸.

Несмотря на заявления руководства китайского государства об успешности процесса приведения национальной системы права в соответствии с предъявляемыми международными требованиями, все же эти изменения не могут быть признанными полными и достаточными. Скорее они носят «показательный», «умиротворяющий», «компромиссный», а в большинстве случаев «временный» характер. Китайские власти в процессе реформирования правовой системы исходят исключительно из собственных интересов, руководствуясь целями и задачами, стоящими

перед лицом китайского общества, а лишь затем обращают свои взоры на предложения и замечания со стороны иностранных партнеров.

Даже те серьезные изменения, которым было подвергнуто законодательство КНР в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, в результате так и не привели к достаточной правовой охране интересов иностранных компаний на территории Китая. Известны лишь единичные случаи, когда за неправомерное использование чужого товарного знака, патента либо авторского права недобросовестные китайские предприниматели несли юридическую ответственность⁴⁹. При этом положения действующих к настоящему времени Закона КНР «О торговой марке» (23.08.1982), Закона КНР «О патентах» (12.03.1984), Закона КНР «Об авторском праве» (07.09.1990) в общем соответствуют предъявляемым к ним международными экспертами требованиям. Однако их применение на практике невозможно из-за существования множества подзаконных и местных Инструкций, Правил, Извещений, Распоряжений, которые тормозят реализацию законодательных норм в судах КНР.

Вместе с этим достаточно успешно в рамках действующего законодательства КНР защищаются права интеллектуальной собственности китайских производителей и предпринимателей, что свидетельствует о наличии «двойного стандарта» в правоприменительной деятельности китайских судебных органов. Так, корейский Samsung Electronics проиграл судебную тяжбу в Китае местной компании Holley Communications. Народный суд КНР г. Ханчжоу обязал Samsung, которая была признана нарушителем патентов на двухдиапазонные телефоны, выплатить Holleycomm 50 млн. юаней (примерно 8,3 млн долларов)⁵⁰. Что касается защиты интересов национальных производителей — тут китайские законы действуют со всей присущей им силой.

Сразу после вступления КНР в ВТО китайский законодатель продолжил активизацию усилий, направленных на принятие необходимых для страны нормативных правовых актов, но уже с учетом членства государства в этой значимой международной организации. Особый рост количества появившихся актов правотворчества пришелся на период с 2002 по 2005 гг. За это время были приняты и внесены существенные изменения в десятки важнейших законов страны. В 2002 г. появился Водный кодекс КНР, Закон КНР «О правительственных закупках», Закон КНР «О содействии малым и средним предприятиям», внесены поправки в Закон КНР «О контроле за импортируемыми и экспортируемыми товарами», Закон КНР «О страховании». В 2003 г. появился Закон КНР «Об инвестицион-

ных фондах», «Закон КНР О регулировании и контроле за банковской деятельностью», внесены изменения в Закон КНР «О Народном банке Китая», в Закон КНР «О коммерческих банках».

В 2004 г. для поддержки китайских производителей сельскохозяйственной техники, модернизации сельского хозяйства и повышения конкурентоспособности в связи с выходом на рынки стран-членов ВТО был принят Закон КНР «О содействии механизации сельского хозяйства». С учетом взятых на себя Китаем обязательств по вступлению в ВТО внесены существенные изменения в Закон КНР «О внешней торговле». Изменениям подвергся Закон КНР «О компаниях» (исключена ч. 2 ст. 131, которая предусматривала необходимость получения разрешения ведомства Государственного совета КНР по контролю за ценными бумагами в случае, если цена выпускаемых акций превосходит номинальную стоимость) и Закон КНР «О ценных бумагах».

28 февраля 2005 г. впервые в правовой системе Китая был принят Закон КНР «О возобновляемой энергии» (вступил в силу 01.01.2006). На мартовской сессии ВСНП в 2005 г. был принят также целый ряд законов, к наиболее важным из которых следует отнести Закон КНР «О противодействии расколу страны», в апреле того же года Закон КНР «О государственных служащих», а в августе Закон КНР «О наказаниях в сфере управления общественным порядком» и Закон КНР «О нотариате».

В последующие затем годы (2006—2010) правовая система китайского государства пополнилась несколькими десятком новых и чрезвычайно важных актов правотворчества. Так, в 2006 г. были приняты: Закон КНР «О безопасности качества сельскохозяйственной продукции», Закон КНР «О банкротстве предприятий», Закон КНР «О борьбе с отмыванием денег», Закон КНР «О специализированных кооперативах сельских жителей» и др. К основным законодательным актам, принятым в 2007 г., следует, прежде всего, отнести Закон КНР «О вещных правах», который явился важным правовым документом для регулирования широкого круга гражданско-правовых отношений при отсутствии в стране Гражданского кодекса. В этом же году был принят и Закон КНР «О подоходном налоге с предприятий». Членство в ВТО потребовало от китайского законодателя принятия в 2007 г. Закона КНР «О борьбе с монополизмом», а также внесения изменений в ГКК КНР.

К основным актам правотворчества, принятым китайским законодателем в период с 2008 по 2010 г. следует отнести: Закон КНР «О

стимулировании экономического оборота» (2008); Закон КНР «О государственных активах предприятий» (2008), внесение изменений в Закон КНР «О патентах» (2008), Закон КНР «О безопасности пищевой продукции» (2009), внесение изменений в Закон КНР «О страховании» и в действующий Уголовный кодекс КНР (УК КНР) (2009), Закон КНР «Об урегулировании хозяйственных споров по земельным подрядам в деревнях» (2009). Закон КНР «Об ответственности за нарушение прав» (2009). В 2010 г. появились Закон КНР «Об оборонной мобилизации», новая редакция Закона КНР «Об авторском праве и Закона КНР «Об охране государственной тайны». Был принят Закон КНР «О социальном страховании» (вступил в силу 01.07.2011) и Закон КНР «О применении законодательства в гражданско-правовых отношениях с участием иностранных лиц» (вступил в силу с 01.04.2011).

Анализ появившихся в течение десяти лет с момента вступления КНР в ВТО правовых актов позволяет сделать вывод о том, что китайский законодатель принимал в рассматриваемый период наиболее проработанные и «испытанные» на практике акты правотворчества, избегая «сырых», «необкатанных» законов. Так, появившийся в августе 2006 г. Закон КНР «О банкротстве предприятий» своим вступлением в силу отменил ранее действующий, но применяемый в опытный порядке, закон с тем же названием. Закон КНР «О вещных правах» (16.03.2007) был принят согласно действующей в китайском гражданском праве программы «трех шагов», согласно которой до принятия единого Гражданского кодекса должны быть приняты Закон КНР «О договорах» (15.03.1999) и Закон «О вещных правах», а лишь за тем сам ГК КНР.

Важным с точки зрения процесса эволюции правовой системы КНР стала поставленная на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) задача ее формирования к 2010 г. Для этого китайский законодатель стал принимать «План правотворческой работы» на предстоящие годы с прицелом на 2010 г., в результате которого на свет ежегодно появлялись новые нормативные правовые акты⁵¹.

Согласно официальному заявлению председателя Постоянного комитета ВСНП У Банго, сделанного им 10.03.2011 в докладе перед делегатами 4-й сессии ВСНП 11-го созыва, «...социалистическая правовая система с китайской спецификой уже сформирована» (中国特色社会主义法律体系)⁵². К концу 2010 г. в правовой системе Китая действовало 236 законов, 690 административных актов и более 8600 местных актов правотворчества. К 2016 г. общее число законов КНР составляет около 250.

В настоящее время правовая система китайского государства переживает **пятый этап** своего развития (**2011 г. по настоящее время**). Одной из приоритетных задач, стоящих перед законодателем, становится «превращение» подзаконных актов в законы, принятие единого кодифицированного акта правотворчества в гражданско-правовой сфере, а также внесение необходимых изменений в действующие нормативные правовые акты. Возрастает необходимость в разработке пакета правовых документов, направленных на развитие экономики в условиях углубляющегося мирового финансового кризиса, дестабилизации международной обстановки.

После завершения XVIII съезда КПК (2012 г.), в своем докладе перед делегатами 12-й сессии ВСНП (08.03.2013) председатель ПК ВСНП У Банго заявил, что необходимо «...своевременно изменять положения законов, несоответствующих социально-экономическому развитию страны, централизованно развертывать работу по чистке законов, стимулировать в соответствующих областях чистку административного законодательства и местных актов правотворчества, принимать дополняющие законы акты правотворчества»⁵³. Руководство страны очевидно стало уделять более пристальное внимание роли права и закона в жизни общества.

Анализ правотворческой работы позволяет выделить несколько главных направлений, в рамках которых свое развитие получает современная правовая система КНР. В отчетном докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК были сформулированы основные проблемы, которые предстоит решать современному пятому поколению китайских руководителей. Ху Цзиньтао заявил, что к ним относятся экологическая безопасность, безопасность продуктов питания и медикаментов, безопасность производства, рост коррупции и проблемы в сфере обеспечения правопорядка⁵⁴.

В течение 2011—2015 гг. появился целый ряд важных законов, существенно дополнивших содержание правовой системы КНР. В сфере государственно-правового строительства 1 ноября 2014 г. китайский парламент принял Закон КНР «О борьбе со шпионажем», который своим вступлением в силу отменил действовавший с 1993 г. Закон КНР «О государственной безопасности». В июле 2015 г. ПК ВСНП принимает Закон КНР «О государственной безопасности» в новой редакции. Закрепленные в нем положения свидетельствуют об ужесточении законодательной политики Китая в сфере национальной безопасности. Это обусловлено новыми угрозами, с которыми в последнее время сталкивается китайская государственность⁵⁵.

15 марта 2015 г. внесены первые за 15 лет поправки в Закон КНР «О правотворчестве». Суть изменений состоит в исключении превышения законодательных полномочий органами власти на местах, устранения противоречий между центральными и региональными актами правотворчества. Китайский законодатель принял решение о делегировании правотворческих полномочий местным субъектам в части регулирования вопросов городского строительства и управления, охраны окружающей среды и культурного наследия.

В декабре 2015 г. принимается Закон КНР «О противодействии терроризму», положения которого направлены на усиление борьбы с террористической деятельностью и ее финансированием. Известно, что в последние годы террористическая проблематика стала одной из основных в сфере обеспечения внутренней безопасности Китая.

В уголовно-правовой сфере китайский законодатель идет по пути существенной либерализации института смертной казни путем снижения составов преступлений, ее предусматривающих. 29 августа 2015 г. китайским парламентом приняты очередные поправки в УК КНР, которые своим вступлением в силу отменили высшую меру наказания по 9 составам преступлений. **Общее количество составов преступлений, предусматривающих смертную казнь, снизилось с 55 до 46.**

28.12.2013 решением ПК ВСНП был отменен действующий с 1957 г. институт трудового перевоспитания, направленный на социальную адаптацию антиобщественного элемента. Особо активно трудовые лагеря использовались в период «культурной революции» для перевоспитания недовольных политикой государства лиц.

В административно-правовой сфере власти КНР продолжают проводить широкомасштабную административную реформу. Ее целью является оптимизация штатной структуры правительственных органов (сокращение государственного аппарата) и снижение количества разрешительных процедур (особый упор делается на сокращении административных барьеров в сфере малого и среднего бизнеса)⁵⁶. Приняты новые акты правотворчества: Закон КНР «Об административном принуждении» (2011 г.), Закон КНР «О порядке въезда в страну и выезда из страны» (2012 г.), Постановление ПК ВСНП «Об усилении безопасности в сети» (2012 г.), Закон КНР «О туризме» (2013 г.), Закон КНР «О безопасности специального оборудования» (2013 г.) и др.

В сфере политики контроля за рождаемостью 28.12.2013 ПК ВСНП принял «революционное» по сути Постановление «Об урегули-

ровании и совершенствовании политики рождаемости», которое на законодательном уровне закрепило право китайских семей на рождение второго ребенка (если хотя бы один из супругов вырос единственным ребенком в своей семье). Такое существенное послабление в сфере демографической политики обусловлено резким старением населения и предполагаемым серьезным давлением из-за этого в будущем на пенсионную систему страны.

Законодательное решение китайского парламента не привело к демографическому «взрыву». Серьезность проблемы старения населения заставила китайские власти уже через два года полностью отменить действующую с 1979 г. политику «одна семья — один ребенок». На очередном 5-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва (октябрь 2015 г.) было принято решение о разрешении всем китайским семьям без исключения «заводить» второго ребенка. Партийное решение получило законодательное оформление 27 декабря 2015 г. в виде Постановления ПК ВСНП «О внесении изменений в Закон КНР о народонаселении и планировании рождаемости».

В плане правотворческой работы китайского парламента на ближайшие годы стоит принятие нормативных правовых актов, подготовка текстов которых активно велась в течение нескольких лет. К наиболее важным из них следует отнести Закон КНР «О противодействии взяточничеству и коррупции», Закон КНР «Об иностранных инвестициях», Закон КНР «О ядерной безопасности», Закон КНР «Об управлении зарубежными неправительственными организациями», и др. Содержащиеся в них положения, несмотря на особую китайскую специфику, представляют значительный научный и практический интерес для отечественной компаративистской науки.

* * *

1. Правовая система КНР уникальна и включает в себя характерные черты права стран социалистической системы, нормы традиционного (древнекитайского) права и имплементированные в национальное законодательство некоторые принципы, нормы международного права. Ее фундамент закладывался советской юридической наукой. Происходила прямая рецепция советского права китайскими властями. Влияние советского права на правовую систему нового Китая настолько значительно, что оно сохраняет актуальность и в современных условиях

развития китайской государственности. Трагический распад СССР и последовавшее за этим бездумное заимствование властями новой России западных правовых моделей и институтов без учета национальной специфики серьезно подорвало авторитет российской модели государственного управления в глазах наших китайских партнеров. Это привело к практически полной остановке исследований права РФ в китайской юридической науке. Отсутствие интереса со стороны ученых КНР к глубокому изучению права перестраивающейся России объяснимо: мы потеряли свою уникальность, пойдя по пути копирования существующих на Западе моделей. Китайские специалисты анализировали лишь причины крушения некогда огромной державы, включая и их правовые аспекты. Отмечалась правильность выбора китайского законодателя, отказавшегося от включения в Конституцию КНР положения, предоставляющего права нациям на самоопределение (основным способом решения национального вопроса стала политика территориальной национальной автономии)⁵⁷. «Право наций на самоопределение не упоминается ни в одном из документов, относящихся к образованию КНР. Ни одному из народов Китая не была предоставлена автономная государственность»⁵⁸. По мнению китайских юристов, для СССР это оказалось «миной замедленного действия», которая «взорвалась» в известный период великих потрясений.

В последние годы наметилась тенденция восстановления двусторонних контактов в научно-юридической сфере. Это связано как с углублением двусторонних отношений, так и с появлением в правовой системе РФ новых специфических законов, интересных для правовой науки КНР. Основная проблема в изучении права России и Китая учеными наших двух стран состоит в острой нехватке квалифицированных кадров, на высоком уровне владеющих как русским (китайским) языком, так и имеющих специальное юридическое образование. Без этих двух обязательных требований к специалисту развитие двусторонних исследований в правовой сфере будет продвигаться медленно. По этому поводу несколько десятилетий назад проф. Л.М. Гудошников писал: «Существует проблема с кадрами исследователей китайского права, по юридическим специальностям аспиранты-китаеведы нигде не подготавливаются. Китаеведов с юридическими научными степенями — считанные единицы, большинство из них относится к ученым среднего и старшего поколения. Определенная трудность состоит в том, что ведущий китаеведческий центр нашей страны — Институт Дальнего Востока

не имеет возможности готовить аспирантов по правовой тематике и может рассчитывать в этом направлении исследований лишь на работников, подготовленных в других научных или учебных учреждениях»⁵⁹.

Отрадно, что юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова существенно расширил студенческий обмен с китайской стороной, благодаря чему уже несколько десятков студентов из России получило возможность учиться в юридических институтах КНР. Надеемся, что с течением времени российская наука пополнится новыми квалифицированными кадрами.

2. Законодательная система КНР, по-существу, начала комплексно формироваться лишь с 1980-х гг. XX столетия. То есть ее история насчитывает приблизительно 35 лет. Отказ от прогрессивного гоминьдановского законодательства, последующая затем разрушительная «культурная революция» отбросили право на «задворки» китайской государственности. Руководству КНР долгое время было не до принятия законов, которые воспринимались как связывающий по рукам и ногам действующую власть буржуазный пережиток. Первая Конституция в КНР появилась лишь после пятилетнего существования нового Китая, первые Уголовный и Уголовно-процессуальный кодекс — спустя 30 лет. Государство привыкло жить многие десятилетия без законов.

Современная правовая система КНР молода возрастом и находится лишь в процессе своего формирования. Не стоит забывать, что китайской государственности известна уникальная правовая традиция, связанная с именами великого Конфуция, Шан Яна и др. Многие западные политико-правовые теории были известны Китаю задолго до их появления в европейской науке⁶⁰. Китайское право всегда будет вызывать большой интерес у зарубежных исследователей.

3. Особый интерес вызывает опыт правового строительства КНР с учетом ее вступления в ВТО (2001 г.), а также проведения начатой Дэн Сяопином в 1978 г. политики «реформ и открытости». Китайский законодатель пошел по особому пути, предполагающему имплементирование международных норм только с учетом собственной национальной специфики. В интересах государства руководство страны не спешит с привнесением зарубежных правовых институтов на свою «законодательную почву». Это позволило сохранить китайскую специфику действующему законодательству и обеспечить устойчивое динамичное развитие страны в условиях проведения ширококомасштабных социально-экономических преобразований.

§ 1.2. Особенности социалистической правовой системы с китайской спецификой

Правовая система современного китайского государства обладает целым рядом особенностей, которые существенно отличают её от аналогичных систем других стран мира. В ней удивительным образом соединены характерные черты права социалистического типа, традиционные представления китайцев о роли закона в обществе (политико-правовое учение легизма и высокие нормы конфуцианской морали), некоторые основополагающие принципы международного права. Само название «социалистическая правовая система с китайской спецификой» (中国特色社会主义法律体系) (**Чжунго тэсэ шэхуэй чжуи фалюй тиси**), официально сформулированное руководством КНР, свидетельствует об особом содержании исследуемой темы, подтверждает взятый Китаем курс на построение социалистического правового государства⁶¹ с учетом собственных национальных особенностей. Правовая система современного Китая сохранила в себе не только национальные особенности, но и характерные черты социалистического права.

Социалистической правовой системе с китайской спецификой присущи следующие основные особенности:

I. Правовая система КНР включает в себя не только законодательство континентального Китая, но и право возвращенных в конце 1990-х годов Особых административных районов (далее: ОАР) Сянган (Гонконг) и Аомэнь (Макао). Статус этих двух китайских территорий определяется ст. 31 Конституции КНР, которая гласит: «государство в случае необходимости создает особые административные районы. Режим особых административных районов устанавливается с учетом конкретной обстановки законами, принимаемыми Всекитайским собранием народных представителей».

В соответствии с осуществляемой руководством страны политикой «одно государство — две системы» (И го лян чжи) (一国两制) в указанных ОАР действует отличное от континентального Китая законодательство, которое сохраняет свою уникальную специфику, сложившуюся до возвращения в «лоно Родины» этих территорий. «С точки зрения суверенитета внутренние территории, Гонконг, Макао и Тайвань — одно государство, то есть Китай, что означает существование только одного Китая, границы китайского суверенитета включают в себя внут-

ренние территории, Гонконг, Макао и Тайвань, однако в отношении Тайваня пока не осуществляется право на управление им»⁶².

Российский исследователь Мутай И.М., относя право Китая к классическому типу «смешанной юрисдикции» («mixed jurisdictions»), отмечает: «...что смешанной правовой системой, согласно концепции В. Палмера, является тогда, когда в пределах одной правовой системы в одном государстве существует несколько порядков правового регулирования — сосуществование континентального и общего права. Чаще всего подобная ситуация возникает вследствие процессов в колониальный и постколониальный периоды, когда, например, бывшие колонии Великобритании, живущие по общему праву, возвращают национальную независимость или иным образом переходят в сферу влияния континентального права. В случае с Китаем такими правовыми системами («юридическими анклавными общими правами») являются Гонконг и Макао»⁶³. Отметим, что Гонконг является ярким примером системы общего права, когда как Макао — континентального. Вместе с системой социалистического права КНР они создают неповторимый «ансамбль», «правовой эклектизм», успешно функционирующий уже многие годы.

Согласно «Совместной декларации по вопросу о Гонконге между Правительством Китайской Народной Республики и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии» (подписано в Пекине 19.12.1984) и положениями «Основного закона Сянганского особого административного района Китайской Народной Республики» (вступил в силу 01.07.1997) ранее действующее на территории Гонконга законодательство остается без изменений (ст. 8, ст. 160). «ОАР Сянган не строит социалистическую систему и не проводит социалистическую политику, сохраняет сложившуюся капиталистическую систему и способы жизни, что остается без изменений в течение 50 лет» (ст. 5 Основного закона Сянганского ОАР КНР). Таким образом, **до июля 2047 г.** на территории Гонконга будет действовать правовая система, включающая в себя англосаксонское право и право Цинской империи, а также собственное гонконгское законодательство и некоторые нормы актов правотворчества КНР, имеющих силу на территории указанного ОАР.

То же самое касается и АОАР (Макао), в котором **до 2049 г.** свою силу также сохраняет принятое ранее законодательство: ст. 8, ст. 145 Основного закона Аомэньского ОАР КНР (вступил в силу 20.12.1999). В основе правовой системы Макао лежит португальское право как в виде кодексов Португалии, так и в виде принятых в ОАР собственных

законов, образцом для которых были соответствующие законодательные акты Португалии. Так как португальское право относится к континентальной правовой системе, ведь его основу составляют статутные законы, а не судебные прецеденты, то именно поэтому оно значительно ближе к праву континентального Китая, чем гонконгское.

В рамках рассматриваемой проблематики скажем несколько слов и о правовой системе Тайваня (中華民國)⁶⁴. Она также исключительна, воплощает в себе фундаментальные основы древнего (традиционного) китайского права, сформированного в результате глубоких философских споров между великим Конфуцием и легистами. На ее формирование оказали существенное влияние традиционные западные правовые системы, в результате чего ее можно отнести к романо-германской правовой семье с некоторыми элементами англо-саксонского права.

В настоящем параграфе мы анализируем основные особенности правовой системы континентального Китая. Правовые системы Гонконга, Макао и Тайваня требуют отдельного исследования, которое будет проведено в главе 3 монографии. Подчеркнем, что законодательству континентального Китая, Сянганя (Гонконга), Аомэня (Макао) и Тайваня присущи свои подходы к решению многих дискуссионных вопросов государственно-правового характера.

Правовые системы рассматриваемых регионов сформированы под влиянием:

КНР	СОАР (Гонконг)	АОАР (Макао)	Тайвань
1. Романо-германской (континентальной) правовой семьи. 2. Англосаксонской правовой семьи. 3. Советского права. 4. Традиционного права Китая	1. Англосаксонской правовой семьи. 2. Традиционного права Китая.	1. Романо-германской (континентальной) правовой семьи. 2. Традиционного права Китая	1. Романо-германской (континентальной) правовой семьи. 2. Англосаксонской правовой семьи. 3. Традиционного права Китая.

II. В правовой системе современного китайского государства действует относительно небольшое по сравнению с Российской Федерацией количество законов. К началу 2016 г. их общее количество не превышает 250.

Относительная малочисленность основных законов по сравнению с оперативными постановлениями (подзаконными актами) по локальным вопросам — давняя традиция. Склонность современного китайского законодателя к малому числу основополагающих интегральных актов и потоку частных нормативов — особенность, своими корнями уходящая в далекое прошлое китайской истории. Об этом подробнее мы расскажем в следующей главе.

Законотворческой работе китайского парламента свойственна различная степень интенсивности. В истории государства было время, когда в течение многих лет законы в стране не принимались вовсе (напр., в годы «культурной революции») либо их количество было чрезвычайно мало. Например, в 2008 г. ВСНП законов не издавал. ПК ВСНП принял лишь два новых закона: Закон КНР «О стимулировании экономического оборота и Закон КНР «О государственных активах предприятий»⁶⁵.

Встречались периоды, когда для регулирования различных сфер общественных отношений китайский законодатель проделывал большой объем правотворческой работы. Например, в 2012 г. ПК ВСНП принял в общей сложности около 20 правовых документов. Появились новые Закон КНР «О страховании военнослужащих», Закон КНР «О порядке въезда в страну и выезда из страны», Закон КНР «О психическом здравоохранении», Постановление «Об усилении безопасности в сети», внесены серьезные изменения в УК КНР, ГПК КНР и др. законодательные акты⁶⁶.

Китайский законодатель не спешит с принятием законов. Это обосновывается нежеланием выпускать их «сырые, необкатанные» варианты. Подготовка нового закона либо поправок в действующий обычно происходит в течении долгих лет. В это время проект документа публично обнародуется, заслушивается мнение населения, существует специальная процедура его учета в законодательных комитетах парламента. Процесс появления нового закона в правовой системе стран настолько трудоемок, что иногда законодатель принимает решение об отказе в его принятии. Так произошло, например, с Гражданским кодексом, проекты которого неоднократно обсуждались специалистами, но до его принятия дело так и не дошло.

До принятия необходимого для правовой системы закона китайские власти прибегают к активному использованию подзаконного, местного регулирования, что способствует более своевременному реагированию на происходящие в стране изменения. Местное правотворчество настолько развито, что для успешной работы в правовом поле КНР необходимо в первую очередь изучать действующее в том или ином

регионе законодательство, которое широко используется китайским правоприменителем. Без знания положений местных законов решить возникшую юридическую проблему, руководствуясь лишь ограниченным перечнем действующих центральных законов, невозможно.

III. *Широкое подзаконное, местное правотворчество сыграло решающую роль в деле масштабного привлечения крупных иностранных инвестиций в различные сектора экономики КНР, что способствовало ускоренному экономическому развитию страны.* Законодатель предпочитает идти по пути интенсивного принятия отдельных локальных актов правотворчества для более оперативного реагирования на происходящие в стране изменения социально-экономического и/или государственно-политического характера. Центральные власти предоставляют широкие правотворческие полномочия органам власти на местах для незамедлительного принятия соответствующих правовых документов по устранению существующих пробелов в регулировании возникающих общественных отношений.

Зарубежным инвесторам не приходилось ожидать появления в правовой системе Китая необходимого инвестиционного закона, вместо которого Государственным советом и местными правительственными администрациями активно принимались подзаконные нормативные правовые акты, предоставляющие инвестору различные налоговые и иные преференции⁶⁷. Местные нормотворческие акты зачастую принимались настолько оперативно, насколько этого требовал инвестор.

В то же самое время для зарубежного, в том числе российского, инвестора существуют серьезные риски, связанные с тем, что при изменении внутринеополитического курса китайских властей либо рыночной конъюнктуры местными органами власти с такой же оперативностью могут быть приняты нормативные акты, существенно ухудшающие правовое положение иностранного инвестора (предприятия) на территории китайского региона. При отсутствии закона, на изменение которого требуется значительное время, подзаконные и местные акты могут быть исправлены в кратчайшие сроки, что представляет серьезные риски для иностранного бизнеса, работающего на рынке Китая. Несмотря на то, что зарубежным бизнесом эта проблема пока еще не достаточно принимается во внимание, риск именно такого развития ситуации в будущем достаточно велик. Не понятно, в какую сторону повернутся власти КНР при возникновении прямых угроз ее государственности со стороны недружественных ей стран.

Кроме того, предоставление местным органам власти широких правотворческих полномочий, права на принятие решения о предоставлении тем или иным предприятиям особых льготных экономических режимов, привело к росту коррумпированности среди китайских должностных лиц, правомочных принимать такого рода судьбоносные для бизнеса решения. Стали встречаться случаи, когда из-за «доверительных отношений» между местным чиновником и главой коммерческой организации, последней делались серьезные налоговые послабления при отсутствии предоставления сходных преференций другим конкурирующим организациям. В результате такого подхода многие не имеющие отношения с чиновниками предприятия проигрывали конкурентную борьбу и вынуждены были уходить с рынка, что влекло за собой многоаспектные негативные последствия для экономического развития региона.

IV. Регулирование существующих в КНР общественных отношений осуществляется на трех основных уровнях:

1) на уровне государственных (партийных) программных документов, принимаемых партийными и/или правительственными органами, и выступающими в качестве главных регуляторов государственно-политического и социально-экономического развития страны. К основным из них следует отнести Планы пятилетнего развития, Государственные программы среднесрочного и долгосрочного развития, Государственные планы развития исследований в различных областях и др.;

2) на уровне законов и подзаконных нормативных правовых актов, при отсутствии некоторых кодифицированных актов правотворчества. При этом большое количество подзаконных актов принимается Государственным советом КНР;

3) на уровне актов правотворчества, принимаемых местными органами власти и, в основном, направленных на регулирование вопросов социально-экономического развития региона, в частности, в сфере предоставления особых льготных налоговых режимов китайскому и зарубежному инвестору.

Особое место в правовой системе КНР занимают государственные (партийные) документы, планы пятилетнего развития, которые определяют вектор развития страны на краткосрочный и долгосрочный периоды. Хотя они и не содержат мер юридической ответственности за нарушение закрепленных в них положений, однако на практике китайские чиновники лишаются своих постов в случае неисполнения партийно-государственных решений. Именно исходя из содержания постав-

ленных правящей партией задач китайский правотворец принимает необходимые для их реализации акты правотворчества. К основным из действующих в настоящее время документов следует отнести: План XIII пятилетки (2016—2020 гг.) (в октябре 2015 г. был обсужден на пятом Пленуме ЦК КПК 18-го созыва, а в марте 2016 г. представлен на утверждение ВСНП), Программа 863 (Государственный план развития исследований в области высоких технологий), Программа 973 (Государственный план развития основных фундаментальных исследований), Государственная программа среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006—2020 гг. и многие другие.

Несмотря на важное значение государственных (партийных) программных документов для правовой системы КНР, их, с позиции отечественной юридической науки, все же нельзя отнести к источникам права Китая. Отечественный исследователь Третьяков К.Н. отмечает: «мы анализируем документы политического характера с точки зрения формы и содержания, оцениваем их связь с нормативными актами и приходим к выводу, что такие документы не относятся к формально-юридическим источникам, однако играют большую регулятивную роль и являются одной из предпосылок формирования писаных и неписаных норм конституционного характера. Иначе говоря, политическая воля правящей Компартии КНР, будучи материальным источником права, фиксируется в форме политических документов, которые, таким образом, занимают своего рода буферное положение между материальным и формальными источниками современного китайского конституционного права»⁶⁸. Государственно-партийные документы занимают важное место в правовой системе современного Китая, их изучение необходимо для более полного и всестороннего понимания происходящих в государственно-правовой сфере Китая процессов.

V. В правовой системе КНР до настоящего времени не приняты некоторые важные кодификационные акты правотворчества: Гражданский кодекс, Административный кодекс, Налоговый кодекс. Первый Уголовный кодекс появился лишь после 30-летнего существования нового Китая (1979 г.). До этого короткое время действовал экспериментальный вариант уголовного закона (его проект был представлен сессии ВСНП в 1957 г.), который никогда официально не публиковался и выступал, по сути, закрытой инструкцией для судей и прокуроров, применяясь также в закрытом порядке. Позже, в связи с резким обострением внутриполитической ситуации в стране (борьба с «правыми элементами», «куль-

турная революция») работа над проектом Уголовного кодекса вовсе прекратилась (период с 1957 г. по 1976 г.), и китайское общество продолжило свое существование без этого важнейшего документа.

В Китае до настоящего времени нет и Гражданского кодекса. Его отсутствие, во-первых, обусловлено осуществляемым в стране курсом «идти на двух ногах» (两条腿走路) в деле правового строительства КНР. Рассматриваемый курс, с одной стороны, предполагает работу над проектом единого для конкретной отрасли права нормативным правовым документом. С другой стороны, пока такой документ (кодекс) не готов, повсеместно осуществляется «принятие отдельных законов, в которых возникает необходимость и для которых созревают условия»⁶⁹ для регулирования тех или иных вопросов гражданско-правовой деятельности.

Российский ученый Е.Г. Пашенко так характеризовал осуществляемую китайским законодателем курс на отказ в принятии единого кодифицированного акта, при упоре на введение в действие отдельных разрозненных правовых документов. «Процесс правового обеспечения реформы показал, что законодатель при разработке норм тех отраслей материального права, которыми регулируются разнообразные общественные отношения (имущественные, трудовые, управленческие, земельные, природоресурсные и др.), связанные между собой единством цели — необходимостью обеспечения надлежащего функционирования экономики, не пошел по пути отраслевой кодификации или принятия кодификационных законов. Законодатель предпочел иной путь — путь постепенного введения в действие отдельных нормативных актов, в основном комплексного характера, регулирующих те или иные стороны либо звенья обновляемого хозяйственного механизма, отдельные области или участки экономических отношений, которые по тем или иным причинам требовали первоочередной регламентации»⁷⁰.

Во-вторых, долгое время в Китае существует борьба между цивилями и сторонниками хозяйственного права, настаивавшими на принятии хозяйственного кодекса, положения которого должны были бы регулировать экономические отношения в период построения социализма с китайской спецификой, предполагавшего наличие государственного контроля и планирования в экономической сфере. Впоследствии вопрос о разработке и принятии Гражданского кодекса с начала 80-х годов прошедшего столетия приобрел актуальность, было предложено несколько проектов ГК, которые, однако, отклонялись по причине их несоответствия тенденциям развивающейся китайской экономики.

Справедливости ради отметим, что подготовка единого ГК КНР ведется путем принятия важных разрозненных актов правотворчества в гражданско-правовой сфере. Уже действуют: Общие положения гражданского права (приняты в 1986 г., аналог Общей части ГК РФ), Закон КНР «О вещных правах» (2007 г.), Закон КНР «Об ответственности за нарушение прав» (2009 г.), Закон КНР «О применении законодательства в гражданско-правовых отношениях с участием иностранных лиц» (2010 г.) и некоторые другие законы (Закон КНР «О патентах», Закон КНР «О товарных знаках», Закон КНР «Об авторском праве», Закон КНР «О договорах», Закон КНР «О компаниях»), которые в будущем станут составными частями ГК КНР.

Осуществляемые в Китае реформы в области административно-го права поставили законодателя и перед проблемой принятия единого нормативного правового акта, положения которого были бы посвящены регламентации важнейших административных институтов. Работа над созданием Административного кодекса началась еще в 1986 г., достаточно быстро были разработаны некоторые главы кодекса. Однако непрекращающиеся споры вокруг готовности китайского общества к такому документу, необходимости его существования в правовой системе Китая вылились лишь в отказ от его принятия. Таким образом, как и в гражданском праве Китая, в административном праве отсутствует единый кодифицированный акт правотворчества, который принят и применяется в правовых системах многих стран мира.

Вместе с тем в КНР достаточно хорошо развито процедурное право. В стране приняты Уголовно-процессуальный кодекс (1979 г.), Гражданско-процессуальный кодекс (1991 г.), Административно-процессуальный кодекс (1989 г.), Арбитражный кодекс (1994 г.), Закон КНР Об особом процессуальном порядке разрешения морских споров (1999 г.).

Китайский законодатель в сфере материального права не спешит с принятием громоздких и трудноизменяемых кодексов, предпочитая им разрозненные, но оперативно принимаемые и изменяемые локальные акты правотворчества. При этом ведется тщательная и неспешная работа по подготовке проекта кодификационного документа, заслушиваются предложения широкого круга ученых-юристов и практикующих специалистов, формируется общественное мнение и мнение международного экспертного сообщества по поддержке возможного появления в правовой системе КНР соответствующего кодекса.

VI. Правовой системе КНР известен так называемый экспериментальный (опытный) порядок, подразумевающий осуществление

правового регулирования существующих правовых отношений посредством принятия нормативных правовых актов не ограниченных по сроку действия и предполагающих их принятие в окончательной редакции лишь после проведения экспертной оценки целесообразности существования акта и эффективности его действия. Такого рода осторожный подход китайского законодателя к оценке эффективности действия принятого «сырого» акта правотворчества зарекомендовал себя с положительной стороны.

По мнению российского исследователя В.Н. Ельцова, «цель правового эксперимента — определенный компетентным субъектом идеальный результат, для достижения которого указанный эксперимент организуется и проводится. Данный идеальный результат заключается в проверке гипотезы об эффективности той или иной правотворческой идеи, об эффективности действия экспериментальных правовых норм, а также в выявлении возможных “побочных эффектов” действия экспериментального фактора. В связи с этим, в ходе правового эксперимента должно быть установлено соответствие (или несоответствие) произошедших социальных изменений предполагаемым при выдвигании гипотезы. Одновременно важнейшей целью правового эксперимента является предотвращение правотворческих ошибок и отрицательных последствий, которые они влекут за собой»⁷¹.

В основе принятия нормативных правовых актов в опытном (экспериментальном) порядке также лежит эмпирический подход китайских властей при проведении широкомасштабных экономических преобразований в стране. Китайские реформаторы и законодатель строго придерживались древней китайской пословицы: «**переходить реку, нащупывая камни**» (摸着石头过河), что означает не что иное, как призыв действовать с предельной аккуратностью и осторожностью, полагаться на метод проб и ошибок. Российский исследователь Куманин Е.В. пишет, что одна из особенностей правовой системы «заключается в широком распространении экспериментального, опытного подхода к праву. Формирование и реализация такого подхода обусловлены не только отсутствием достаточно устойчивого опыта правового регулирования, но и значительной внутренней разобщенностью многих общественных отношений. Экспериментальное правовое регулирование не всегда позволяет обеспечить единство законности и ограничивается рамками отдельных административно-хозяйственных единиц или определенным контингентом субъектов права»⁷².

Исследуя действие экспериментальных актов правотворчества в инновационной сфере, российский исследователь Севальнев В.В. констатирует: «Особенностью налогово-правовой системы КНР в инновационном секторе экономики является активное применение экспериментального порядка, подразумевающего осуществление правовой регламентации посредством принятия подзаконного нормативного правового акта, не ограниченного по времени действия. В последующем периодически проводится анализ его правоприменительной практики на предмет социальных и экономических последствий. На основе полученных данных уполномоченный орган принимает решения о закреплении на законодательном уровне или отказе от такового апробированной экспериментальной модели правового регулирования налогообложения»⁷³.

Одними из первых появившихся в правовой системе Китая после разрушительной «культурной революции» законов — Лесной кодекс КНР (Закон КНР «О лесах») и Закон КНР «Об охране окружающей среды» — были приняты в опытном порядке (1979 г.). Уже после апробации их положений на практике и внесения соответствующих изменений в тексты правовых документов, Лесной кодекс КНР был официально принят в 1984 г., а Закон КНР «Об охране окружающей среды» в 1989 г. По такому же пути китайский законодатель пошел и при принятии Гражданско-процессуального кодекса КНР (1982 г. — принят в опытном порядке, 1991 г. — окончательное принятие в исправленной редакции); Закон КНР «О безопасности пищевых продуктов» (1982 г. — принят в опытном порядке, 1995 г. — окончательное принятие); Закон КНР «О банкротстве предприятий» (1986 г. — принят в опытном порядке, 2006 г. — окончательное принятие в новой редакции); Закон КНР «Об организации комитетов сельского населения» (1987 г. — принят в опытном порядке, 1998 г. — окончательное принятие) и др.

Принятие законодательных актов в экспериментальном порядке осуществляется и в настоящее время. Так, 20.10.2010 в опытном порядке принят «Регламент работы адвокатских коллегий в сфере законов о ценных бумагах», 23.09.2013 — «Регламент гражданско-процессуального контроля народной прокуратуры», 01.11.2014 — «Правила управления в сфере питания», 08.04.2015 — «Временные правила проверки соответствия государственной безопасности зарубежных инвестиций в экспериментальные зоны свободной торговли» и др.

VII. Текстам китайских нормативных правовых актов свойственна нечеткость, расплывчатость, неконкретизированность

формулировок, что особенно было характерно для актов правотворчества, появившихся в правовой системе страны в первые годы после образования КНР и в первое время после окончания «культурной революции». На это обстоятельство особо обращали внимание отечественные специалисты⁷⁴. Все это самым серьезным образом влияет на единообразное, правильное, точное толкование и применение содержащихся в правовом акте положений, ограничивает возможности сторон по делу на эффективную законную защиту своих интересов.

Приведенная особенность совсем не связана с тем, что для отечественных исследователей права КНР китайское иероглифическое письмо представляет значительные трудности при переводе используемых китайским законодателем терминов на русский язык. Дело в том, что для китайского правоприменителя создаются весьма комфортные условия по применению нечетких формулировок при решении задач государственно-политического характера, а также по трактовке правовой нормы в свою пользу.

Характерным примером вышесказанного служат, например, «Правила управления доменными именами сети Интернет Китая» (приняты Министерством информации 14.03.2002, с изменениями от 28.09.2004), согласно положениям ст. 27 которых «регистрируемые и использованные доменные имена каких-либо организаций или отдельных лиц не должны содержать в себе данные»: «подрывающие авторитет и интересы государства» (п. 3); «разрушающие религиозную политику государства, распространяющие сектанство и феодальные ереси» (п. 5); «распространяющие ложные слухи, подрывающие общественный порядок, разрушающие стабильность в обществе» (п. 6).

В соответствии со ст. 5 «Правилами управления и обеспечения безопасности компьютерной информационной сети в международном Интернете» (обнародованы Министерством общественной безопасности КНР 30.12.1997) «ни какие организации и отдельные лица не должны, используя международную сеть Интернет изготавливать, копировать, знакомиться и распространять следующую информацию»: «содержащую злостную клевету либо извращенные факты, распространяющую ложные слухи, подрывающую общественный порядок» (п. 5); «подрывающие репутацию государственных органов» (п. 7).

Многие закрепленные в праве современного Китая положения подпадают под неоднозначную трактовку, способствуют росту коррупционной составляющей. В принятых китайским законодателемложе-

ниях действующих нормативных правовых актов избыточно термины «может» (可以), «вправе» (有权), «и другие» (等等), «своевременно» (及时), «правдиво» (如实).

Так, например, в ч. 1 ст. 23 Закона КНР «О борьбе с отмыванием денег» (вступил в силу в 2007 г.) закреплено: «административный орган Государственного совета, ведущий борьбу с отмыванием денег, или его провинциальные подчиненные органы первой ступени, в случае обнаружения деятельности по заключению сомнительных сделок, *при наличии необходимости в проведении проверок, могут* проводить проверки в отношении финансовых органов». В рассматриваемой правовой норме и в тексте самого Закона отсутствуют основания, указывающие на «наличие необходимости в проведении проверок» со стороны соответствующих административных органов Государственного совета. Это свидетельствует о том, что необходимость в проведении проверки устанавливается по субъективному усмотрению уполномоченного на то органа (широта дискреционных полномочий, обусловленная отсутствием оснований принятия решения о проведении проверок в отношении заключенных сомнительных сделок, осуществленных частными лицами или организациями.). Кроме того, определение компетенции по формуле «вправе» («могут проводить проверки») также свидетельствует о возможном использовании китайским правоприменителем нормы по собственному субъективному усмотрению.

Характерно, что в той же ч. 1 ст. 23 китайский законодатель устанавливает, что в обязанности финансовых органов, при проведении в отношении них проверок в целях противодействия отмыванию денег, вменяется «координировать проверки, *правдиво предоставлять* необходимые документы и материалы». В данном случае налицо юридико-лингвистическая неопределенность, то есть использование не ясных, не устоявшихся формулировок, терминов и понятий, что влечет установление неопределенных требований к организациям, осуществляющим предоставление соответствующих документов для проверяющих органов. В соответствии с ч. 2 ст. 20 «финансовые органы, при осуществлении одноразовых сделок или многократных сделок в установленный период времени, если их сумма превышает установленную или при обнаружении сомнительных сделок, должны *своевременно* ставить в известность об этом информационный центр по борьбе с отмыванием денег». В китайском законодательстве не содержится толкования термина «своевременно», что может привести к негативным последствиям для лиц и ор-

ганизаций, допустивших, по мнению правоохранительных и судебных органов КНР, нарушения закрепленных в законе положений.

1 ноября 2014 г. китайский парламент принял важный Закон КНР «О борьбе со шпионажем». В тексте документа широко используются расплывчатые термины «может» и «своевременно», что свидетельствует не о низком уровне правотворческой техники, а о желании предоставить органам государственной безопасности КНР свободу в осуществлении правоприменительной деятельности на свое усмотрение. Часть 2 ст. 11, например, гласит: «Органы государственной безопасности при наличии необходимости в проведении работы по противодействию шпионажу на основании соответствующих государственных положений *могут* в приоритетном порядке использовать или в соответствии с законом реквизировать принадлежащие органам, коллективам, производственным единицам и частным лицам транспортные средства, средства связи, места и сооружения; при необходимости *могут* создавать соответствующие места для работы и устанавливать оборудование; после выполнения задачи должны *своевременно* вернуть или восстановить первоначальное положение, а также на основании положений выплатить соответствующую компенсацию; причиненный ущерб подлежит обязательному возмещению».

Приведенные выше на примере Закона КНР «О борьбе с отмыванием денег» и Закона КНР «О борьбе со шпионажем» неточные формулировки свойственны многим действующим в правовой системе КНР нормативным правовым актам. В последние годы китайский законодатель принимает меры по стандартизации используемых юридических терминов, прилагает усилия по изменению сложившейся в правовой системе страны ситуации⁷⁵. Подтверждением сказанному служит ст. 13 «Правил управления контролем за борьбой с отмыванием денег финансовых органов» (09.12.2014, приняты в опытный порядок), устанавливающая: «Финансовые органы, в случае обнаружения следующих обстоятельств, должны своевременно (в течение десяти рабочих дней после обнаружения) доложить Народному банку Китая или его филиалам: ...». Впервые в тексте нормативного документа правотворец расшифровывает термин «своевременно».

В отличие от наших китайских коллег, российский законодатель отказался от использования терминов двойного толкования при формулировке правовой нормы («вправе», «может», «своевременно» и др.). Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 (№ 96) утверждена специальная методика антикоррупционной экспертизы нормативных правовых

актов и их проектов на предмет выявления коррупциогенных факторов, к которым относятся: широта дискреционных полномочий, определение компетенции по формуле «вправе», юридико-лингвистическая неопределенность и др. Отечественный опыт в сфере формулирования правовой нормы представляет практический интерес для наших китайских коллег.

VIII. Китайским властям свойственен особый подход к имплементации международных правовых норм в национальное законодательство, исполнения взятых на себя обязательств перед международным сообществом. Отметим, что одним из источников права современного Китая выступают международные договоры и/или соглашения, которые подписаны (ратифицированы) КНР либо к которым она присоединилась, с учетом сделанных оговорок. В Конституции КНР отсутствуют нормы, устанавливающие приоритет норм международного права над национальным либо закрепляющие общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве составной части правовой системы Китая. Однако это вовсе не означает, что КНР не признает некоторые положения международного права в качестве обязательных для китайского правоприменителя. Вступление китайского государства в международные организации, подписание и ратификация международных договоров потребовало от законодателя учета международных правовых норм в правоприменительной практике, в законотворческой работе.

В действующем законодательстве КНР содержатся положения, закрепляющие примат норм международных договоров над китайским правом в случае наличия между ними противоречий. Такого рода положения закреплены по следующей формулировке: «если международными договорами, которые заключены КНР или в которых она участвует, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены: 1) гражданским законодательством КНР (ч. 2 ст. 142 Общих положений гражданского права КНР); 2) гражданско-процессуальным Кодексом (ст. 238 ГПК КНР); 3) Административно-процессуальным кодексом (ст. 72 АПК КНР), то применяются правила международных договоров. Однако это не относится к тем договорным положениям, в отношении которых КНР сделаны оговорки».

Что касается особой позиции КНР по отношению к заключенным международным договорам, то следует в качестве примера привести Международный пакт о гражданских и политических правах — пакт Организации Объединённых Наций, основанный на Всеобщей декларации прав человека. Пакт был подписан Китаем 05.10.1998, однако по причине на-

личия в уголовном законодательстве КНР статей, устанавливающих широкое применение высшей меры наказания за целый ряд преступлений, документ до настоящего времени так и не ратифицирован ВСНП.

Китайские власти в процессе реформирования правовой системы исходят исключительно из собственных интересов, руководствуясь целями и задачами, стоящими перед лицом китайского общества, а лишь затем обращают свои взоры на предложения и замечания со стороны иностранных партнеров. Ярким подтверждением тому служит ч. 2 ст. 126 Закона КНР «О договоре», в которой, несмотря на присоединение КНР к Венской конвенции 1980 г. сказано: «к исполняемым на территории Китайской Народной Республики договорам о совместных предприятиях, о кооперационных предприятиях с китайским и иностранным участием, о китайско-иностранном сотрудничестве в освоении природных ресурсов применяется право Китайской Народной Республики».

Особое значение для правовой системы КНР общие принципы и нормы международного права приобрели в период присоединения страны к ВТО. В течение 10 лет с момента вступления в эту авторитетную международную организацию (2001 г.) в правовой системе Китая появился целый ряд новых правовых актов, многие ранее принятые законы подверглись существенным изменениям и/или дополнениям. В первую очередь это касается законов в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, инвестиционной и налоговой сферах, банковской и предпринимательской сферах, в сфере борьбы с отмыванием денег и др.

Однако международное сообщество, иностранный бизнес, работающий в правовом поле КНР констатируют лишь формальный характер произошедших в законодательстве Китая изменения. Когда речь заходит о защите национальных интересов страны, откуда ни возьмись «вырастают» подзаконные акты, которые своими положениями не только противоречат законам, но и усилиями китайского правоприменителя по силе начинают превышать их. Всем известны масштабные нарушения заводами КНР прав интеллектуальной собственности иностранных компаний. Несмотря на наличие законодательных запретов в осуществлении такой деятельности, контрафактная продукция в огромных масштабах продолжает производиться и по настоящее время.

Принятый в 1996 г. Закон КНР «О борьбе с отмыванием денег» обязывает правоохранителя устанавливать законность вкладываемых зарубежным инвестором средств в экономику. На практике же властей КНР совсем не беспокоит характер денег, на которые, например, рос-

сийский бизнес строит на территории Китая заводы и фабрики. Случаев поступления соответствующих запросов с китайской стороны в Росфинмониторинг практически нет. Главное для КНР — приток инвестиций, открытие производств, новые рабочие места. А каким путем добыты деньги иностранным инвестором — не важно.

IX. Положения некоторых принимаемых в КНР законов носят декларативный характер, преследуется цель внешнего соответствия правовых норм страны общим принципам международного права при сохранении осуществляемого политического курса на уровне многочисленных партийных директив, заявлений руководства, подзаконных актов. Более того, партийные документы в некоторых случаях становятся над законом, имеют большую силу, чем Конституция. Российский ученый Куманин Е.В. отмечает: «при анализе китайского конституционного законодательства необходимо иметь в виду наличие существенного разрыва между официально декларируемыми правовыми ценностями и реальной юридической политикой. Партийные органы нередко подменяют деятельность органов государственной власти... В современной правовой системе отсутствует механизм реализации многих политических прав»⁷⁶.

Так, например, согласно ч. 1 ст. 36 Конституции КНР «граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания». «Никакие государственные органы, общественные организации и отдельные лица не могут принудить граждан исповедовать или не исповедовать религию, не могут дискриминировать граждан за исповедование или неисповедование религии» (ч. 2).

На практике же свобода вероисповедания существенно ограничивается партийными инструкциями, заявлениями высших партийных руководителей, настаивающих на невозможности исповедования религии членами Коммунистической партии Китая. Более чем 85 млн. членов партии на основании партийных распоряжений ограничены в конституционном праве свободного вероисповедования⁷⁷.

Характерным в плане рассматриваемой проблематики являются слова Председателя КНР и генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя, в которых государственный и партийный лидер четко указал, что «...религиозное и марксистское мировоззрение в корне противоположно. Коммунисты являются атеистами, и их мировоззрение должно быть марксистским. Они не только не могут исповедовать ту или иную религию, но и обязаны пропагандировать среди народа атеизм, распространять научное мировоззрение. ...Не помешает заметить: то, что коммуни-

сты обязательно должны быть атеистами, совсем не противоречит политике свободы вероисповедания. Нельзя из-за свободы вероисповедания проявлять нерешительность в вопросе о верующих коммунистах и бояться вести воспитательную работу»⁷⁸.

Заместитель заведующего Отделом единого фронта ЦК КПК Чжу Вэйцюнь в своей статье в авторитетном журнале «Цюши» заявил, что необходимо исключать из партии коммунистов, имеющих религиозные убеждения. По его словам, если позволить коммунистам исповедовать религию, идеологическое единство 80-миллионной политической организации будет нарушено и тогда в партии наступит идеологический раскол⁷⁹.

Согласно принятому совместно в 2002 г. ЦК КПК и Государственным советом Постановлению «Об усилении религиозной работы» членам партии запрещается исповедовать религию, «необходимо обучать членов партии, кадровых работников в духе стойкости в коммунизме, препятствовать губительному влиянию религии».

Декларативность многих закрепленных китайской Конституцией и законом норм подтверждается их невозможностью применения в практической деятельности в связи с наличием государственно-политических установок, действиями конкретного китайского правоприменителя (в частности, участие защитника в уголовном процессе КНР), положениями закона, вступающих в противоречие с конституционными нормами.

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Закона КНР «О почте» «свобода и тайна переписки граждан находятся под защитой закона». Ни какие организации или частные лица ни под каким предлогом не могут нарушать свободу и тайну переписки, за исключением необходимости в обеспечении государственной безопасности либо в рамках уголовного судопроизводства, при котором органы общественной безопасности, органы государственной безопасности и органы прокуратуры могут осуществлять проверку почтовой корреспонденции только в строго установленном законом порядке. Кроме того, «за исключением установленных законом случаев, ни какие организации или частные лица не могут проверять, задерживать почтовую корреспонденцию, почтовые денежные переводы» (ч. 2 ст. 3).

Таким образом, в Законе «О почте» подтверждается закрепленное Конституцией КНР право гражданина на свободу и тайну переписки (ст. 40). Однако, в тексте ст. 40 Конституции КНР к перечню субъектов,

обладающим правом на нарушение свободы и тайны переписки, относятся лишь органы общественной безопасности и прокуратуры, когда как в рассматриваемом законе к ним относятся и органы государственной безопасности (ч. 1 ст. 3). Налицо несоблюдение иерархии нормативных правовых актов, при которой законом расширяется круг субъектов, обладающих правом на нарушение основных конституционных прав и свобод гражданина, который ограничивается нормой Основного Закона страны.

Нарушение принципа иерархии нормативных правовых актов для правовой системы китайского государства не является редким. В качестве наглядного примера следует привести существующую путаницу в китайском законодательстве относительно продолжительности рабочего дня. Трудовым кодексом КНР устанавливается 8-часовой рабочий день, 44-часовая рабочая неделя (ст. 36). Однако принятым Государственным советом КНР 03.02.1994 Положением «О рабочем времени сотрудников», с изменениями от 25.03.1995, также устанавливается 8-часовой рабочий день, но при 40-часовой рабочей неделе (ст. 3).

Наличие в правовой системе китайского государства двух противоречащих друг другу положений, при том, что Трудовой кодекс по юридической силе стоит выше подзаконного Положения, совсем не означает обязательное действие высшего по силе документа. На практике противоречие норм выражается в том, что на частных коммерческих предприятиях рабочая неделя составляет 40 часов, а вот на государственных — 44 часа, работник выходит на работу в субботу в первую половину дня.

Косвенным подтверждением возможности привлечения работника к труду по субботам служит ст. 38 Кодекса, которая гласит: «наниматель должен гарантировать трудящимся по крайней мере один день отдыха каждую неделю». В китайском законодательстве нет упоминания об обязательных выходных днях по субботам и воскресеньям.

Х. Особой спецификой обладает правосознание обычного китайского гражданина. В его понимании закон практически всегда ассоциируется с институтом наказания, институтом юридической ответственности⁸⁰, однако юридическая ответственность зачастую смешивается с одним из ее основных видов — уголовной ответственностью. Китаец старается «стоять на почтительном расстоянии» от права, в своем поведении руководствуется не юридическими нормами, а стремлением «сохранить лицо», не подвергнуться осуждению со стороны родст-

венников и знакомых, стремится соответствовать общепринятым нормам морали. При этом иногда нарушение норм права может быть признано допустимым, моральным и заслуживающим одобрение. Это может касаться вопросов исполнения договорных обязательств, в том числе и международного характера. То, что становится невыгодным сейчас, автоматически теряет в глазах нашего партнера юридическую силу несмотря ни на какие юридические основания.

Следует отметить, что само китайское законодательство достаточно жестко реагирует на разного рода нарушения правовых норм. За любые, даже небольшие правонарушения, оно карает строго и незамедлительно. Особо развит в КНР институт уголовной ответственности, одно из центральных мест в котором принадлежит институту смертной казни. В Китае широко известна древняя стратагема: **«бить по траве, чтобы вспугнуть змею»** (打草惊蛇), согласно которой наказание, пусть и жестокое, одного лица, выступает в качестве «битья по траве», в результате которого многочисленные преступные элементы — «вспугнутые змеи» — отвращаются от преступления⁸¹. Не случайно, что в истории КНР долгое время было распространено публичное приведение в исполнение смертных приговоров на стадионах при скоплении большого числа людей. Таким способом правоохранитель предупреждал потенциальных преступников об опасности для их жизни в случае серьезного нарушения норм уголовного закона.

О подходе китайского законодателя к наказанию как к способу устрашения потенциальных преступников и отвращению их от совершения преступлений еще в XIX в. писал один из основателей российского китаеведения о. Иакинф (Н.Я. Бичурин (1777—1853)). По его словам для Китая было характерным, что «...наказание малою планкою производится для стыда, ибо маловажные преступления стыдом должны быть наказываемы. Наказание большою планкою производится для обуздания, ибо страхом сего наказания удерживаются от преступлений»⁸².

Китайской философии известны два фундаментальных понятия, которые выражены в следующих иероглифах: 惧 — означает «страх» и 耻 — «стыд». «Страх» перед наказанием за преступление — хотя и низменное чувство, вызванное внешними факторами (жестким законом) — однако наиболее действенно по отношению к людям, лишенным морали. «Стыд» — это внутреннее, более глубокое внутреннее ощущение морали, отвращающее человека от преступления. «Стыд» выше «страха», однако он присущ лишь не многим лицам. С самых древних времен

в Китае считалось, что чем тяжелее санкции, то есть мера наказания за установленные правонарушения, то тем менее будет желающих их совершать. Концепция наказательного характера китайского права является доминирующей в китайском обществе и в среде китайских юристов.

* * *

1. Правовой системе современного Китая присущ целый ряд уникальных особенностей, отличающих ее от аналогичных систем других государств мира. Это небольшое в сравнении с Российской Федерацией количество законов, отсутствие некоторых важных кодифицированных актов правотворчества: Гражданского, Административного и Налогового кодексов, развитое подзаконное, местное правотворчество, регулирование существующих в государстве общественных отношений на трех уровнях, на одном из которых находятся партийные программы и директивы, использование экспериментального правотворчества. Перечисленные особенности образуют особую специфику исследуемой нами проблематики. Несомненный интерес для отечественной науки сравнительного правоведения представляет опыт китайского государства в сфере использования экспериментального порядка действия нормативных правовых актов. В КНР он зарекомендовал себя с положительной стороны и продолжает активно применяться законодателем.

Интересным с практической точки зрения видится подход китайских коллег в плане неспешного принятия законов. Малое их количество в правовой системе страны свидетельствует о большой осторожности в деле их разработки и дальнейшего «выпуска» в жизнь. Законодатель предпочитает не спешить с принятием законов и кодексов, считая возможным заменять их разрозненными локальными актами для оперативного регулирования возникающих вопросов. В этом плане опыт китайских партнеров представляется весьма полезным для отечественной юридической науки.

Вместе с тем в КНР существует проблема «подзаконной инфляции», когда один и тот же вопрос регулируется множеством разрозненных актов правотворчества, положения которых зачастую противоречат друг другу. Иногда для поиска необходимой для решения задачи нормы специалистам требуется провести анализ огромного количества документов, доступ к некоторым из которых может быть вообще ограничен по причине их секретности. Все это препятствует успешной защите сво-

их интересов перед лицом правоприменителя, для которого созданы максимально благоприятные условия по использованию действующего законодательства по своему усмотрению;

2. Одна из уникальных особенностей правовой системы КНР состоит в том, что она выступает классическим образцом «смешанных юрисдикций». В ней присутствуют характерные черты права стран социализма, традиционного права Китая, права англосаксонской (Гонконг) и романо-германской правовых семей (Макао). Этот «правовой эклектизм» живет по вполне ясным законам, успешно функционирует и является миру пример вполне комфортного сосуществования принципиально различных «семей права» в одном государстве.

В связи с этим встает вопрос о достоверности утверждения выдающегося французского ученого Рене Давида о невозможности существования вместе общего, континентального и социалистического права. После возвращения в «лоно Родины» Гонгконга и Макао правовая система КНР с некоторыми оговорками ставит под сомнение такой вывод. В оправдание позиции ученого российский исследователь И.М. Мутай пишет: «Эта аргументация Рене Давида базировалась главным образом на том, что на момент написания книги примеров сосуществования социалистического государства и общего права действительно не наблюдалось. Отсутствие таких примеров для последующих исследователей в области сравнительного права оказало медвежью услугу, являясь ложной посылкой, подкрепленной авторитетом такого известного автора, как Рене Давид. Однако в момент написания книги Рене Давидом политическая карта мира была иной, и возможности анализа правовых явлений были иными»⁸³;

3. Китайский законодатель умышленно использует термины двойного толкования при формулировке положений действующих нормативных правовых актов. В их текстах мы встретим слова «может» (可以), «вправе» (有权), «и другие» (等等), «своевременно» (及时), «правдиво» (如实). В оправдание учеными КНР приводятся аргументы о недостаточном уровне юридической техники правотворца, говорится о том, что законодатель находится лишь в начале пути постижения западных требований к четкому изложению нормы права.

Согласимся с тем, что такого рода явление имело место в первоначальный период формирования законодательной системы КНР и в годы проведения «политики реформ и открытости», когда китайская государственность «вставала с колен» после разрушительной «культур-

ной революции». Принимаемые в начале 80-х гг. законы изобиловали нечеткими формулировками. Чего стоит первый Уголовный кодекс КНР, принятый в 1979 г. Однако по прошествии десятилетий видится прямой умысел в желании правотворца «выпустить» документ с недостаточно четким содержанием. Это происходит исключительно в целях «облегчить жизнь» правоприменителю для обеспечения интересов государства в его практической деятельности. Создание так называемых «каучуковых норм», закрепляющих абстрактно-расплывчатые категории, вне сомнения, способствует более гибкому и подвижному их применению со стороны государственных органов.

Не конкретизированные формулировки на практике способствуют повышению уровня коррумпированности чиновника, правоохранителя, которые правомочны использовать норму по своему собственному усмотрению. Властям КНР рано или поздно придется отказаться от такой порочной практики, иначе проводимая на государственном уровне борьба с коррупцией не принесет своих положительных результатов. Интересы государства и его безопасность не могут защищаться таким недопустимым способом.

§ 1.3. Традиционные взгляды на право и их влияние на современное законодательство КНР

В рамках рассматриваемой в настоящей монографии проблематики важно исследовать традиционные взгляды китайцев на соотношение категорий права и морали, права и обычаев. Китайская традиция уникальна, ее эволюция насчитывает вековую историю, она оказала огромное влияние на правосознание и правовую культуру не только жителей КНР, но и других государств Юго-Восточной Азии.

Термин «закон» (а шире — «право» (в китайской юридической науке они не разделяются)) раскрывается в китайском иероглифе «法» («фа»). Известно, что существует непосредственная взаимосвязь между правом как «в-себе-бытие» и его конкретным выражением в языковой форме (позитивное право)⁸⁴. От того, в каких знаковых языковых формах будет выражена та или иная правовая категория зависит не только понимание правовой нормы, но и ее последующая реализация в практической правоприменительной деятельности.

Напомним, что в новом Китае в свое время была проведена реформа письменности, выразившаяся в серьезном упрощении большого количества старых традиционных иероглифов. В 1964 г. появилась «Сводная таблица упрощения иероглифов», в которой содержался список из 2238 иероглифов, замененных упрощенными вариантами. Приведенный нами выше иероглиф «法» («фа») представляет собой упрощенный вариант традиционного написания. Он состоит из двух элементов (ключей), передающих его смысл: слева «水» — «вода» («шуй»), а справа — «去» — «идти», «уходить», «удаляться» («цюй») (глагол, обозначающий движение по направлению от говорящего). «Вода», являясь одним из пяти первоэлементов в китайском даосизме, как бы облекает форму взаимодействующего с ней явления, не противоборствуя ему. Кроме того, «вода» — это ровная гладь, в иероглифе обозначающая справедливость и беспристрастность ко всему. Вода — источник жизни, она стремиться «вниз» к народу.

Глагол «цюй» означает движение от говорящего, под ним может пониматься выраженная в указах, решениях, словах воля правителя, судьи, чиновника, старшего лица. Таким образом «法» («фа») — исходя из смысла современного упрощенного иероглифа — есть призыв к гражданину следовать за беспристрастным решением властного органа, подчиняясь ему. В то же самое время «фа» означает и необходимость самого закона по примеру воды облекаться в соответствующую для китайского общества традиционным нравственным ценностям форму, как бы взаимодействуя с ними.

Сакральный смысл «фа» выражается полно лишь в традиционном, древнем его написании. В полном виде иероглиф ранее выглядел так: 灋. Слева от него также стоит ключ «вода». Внизу справа уже известный нам глагол «цюй». Но иероглиф содержит еще несколько элементов, существенно дополняющих его сущность. Справа ключ 广 («гуан»), означающий «навес» и символизирующий судебное помещение, где происходит рассмотрение дела. Под навесом уже не встречающийся в современном китайском языке ключ 麤 — символизирующий мифическое животное, единорога «сиечжи» (獬豸)⁸⁵. Согласно древним поверьям единорог помогал судье в процессе разбирательства установить правую и виновную стороны, для чего указывал на них своим единственным рогом. Мифического единорога в китайской традиции можно сравнить с древнегреческой мифологической богиней правосудия Фемидой, упомянутой в гомеровской «Одиссее». Отметим, что на

эмблемах известных в Китае Сямэньского юридического института⁸⁶ и Юридического института транспортного университета Шанхая⁸⁷ присутствуют изображения этого животного.

В китайской философии говорится о том, что во вселенной так же, как и на земле, есть Закон «фа», которому подчиняются все живые существа. Не случайно, что термины «дао» и «фа» часто взаимообуславливают друг друга в китайском даосизме. Чем глубже человек понимает «фа», тем в большей гармонии со вселенной он живет. *Традиционный иероглиф «фа» состоит из даосской «воды», облекающей собой принятое в судебном учреждении беспристрастное решение на основе небесной справедливости.*

Истоки иероглифа «фа» берут свое начало в буддизме. Под ним понимается сложное понятие «дхарма», иногда понимаемой как «универсальный закон бытия», то есть то, что необходимо для поддержания идеального порядка во вселенной. Таким образом, налицо связь «закона» с божественной волей: 道法自然 — «естественность морали и права».

Выдающийся отечественный ученый Е.В. Кычанов пишет: «Связь преступных деяний с верой в сверхъестественные силы некоторые исследователи прослеживают в том, что в Китае издавна бытовала вера в то, что некоторые люди, совершившие дурные проступки и преступления, не могут избежать наказания со стороны духов и различных божеств, избежать, как бы мы сказали, «суда божьего», хотя и могут избежать наказания со стороны властей и государства. Во время жертвоприношей, совершаемых местной администрацией, в частности говорилось: «Если их, (преступников), преступления не будут раскрыты, они получат наказания от духов: или все члены их семей пострадают от эпидемии, или произойдет беда с их домашним скотом, или их постигнут беды при обработке земли». «Это очевидно, — писал проф. Ф.М. Чэнь, — что закон в некоторой степени полагался и на сверхъестественные силы и между санкциями на основании закона и религиозными санкциями существовала тесная связь»⁸⁸.

Наглядным примером «небесной кары» за совершенное нарушение норм «Ли» не подвергнутого человеческого суду преступника служит рассказ **Юань Мэя (1716—1797) «Гром казнит гарнизонного солдата»**⁸⁹, который начинается со слов: «Во вторую луну третьего года Цянь-лун убило громом одного гарнизонного солдата. Так как ничего дурного за ним не водилось, то люди сочли это удивительным». По мере повествования обнаруживается, что солдат однажды предпринял по-

пытку изнасилования беззащитной монахини, которая едва смогла спрятаться от него в крестьянском доме. Впоследствии покушение на честь женщины привело к трагической гибели целого семейства. Хотя дело было и замято, мужчина так не избежал небесного наказания.

Право рассматривается китайцами не как система норм, выраженная в законах и других нормативных правовых актах (нормативное понимание права), а как форма общественного сознания, выражающаяся в представлениях о том, что морально, а что нет (естественно-правовая концепция). Лицо может совершать только такие действия, которые отвечают принципам морали. В разные периоды развития китайской государственности мораль была даосской, буддистской, конфуцианской, социалистической. Но она всегда задавала вектор правовой эволюции. Нарушение «фа» воспринимается в традиционной китайской философии как посягательство на существующий во Вселенной порядок, разрушающий небесную гармонию.

Сокращение традиционного иероглифа «фа», в полной мере раскрывающего взгляды вековой китайской философии на право, оказало влияние на восприятие современными китайцами «права» как выраженной в законе божественной справедливости. О ней знают они все меньше. Однако по существу их отношение к действующему законодательству не претерпело коренных изменений. Оно продолжает восприниматься как нечно инородное, подчинение ему происходит исключительно из-за страха наказания, а не по причине необходимости сохранения божественного порядка во Вселенной, на чем настаивали китайские философы-гуманисты.

Наибольшее влияние на формирование нравственного образа права в истории китайского государства оказали идеи великого Конфуция, во главе которых стояла гуманность и человеколюбие, выраженные в «ли». «На смену обычному праву, на котором держалась жизнь общин, и нарождающемуся законодательству Конфуций спешил оформить свою систему нравственных ориентиров и норм поведения. В условиях, когда управление государством и народом предполагалось осуществлять на основании Правил-ли, они и должны были выполнять функцию закона»⁹⁰. Российский ученый Е.В. Куманин отмечает, что в Китае «длительное время сохраняла свою устойчивость историческая традиция приоритета мудрости и нравственной чистоты государственного деятеля над законом. Эта традиция восходит к конфуцианским представлениям о социальной ограниченности права, неразрывной связи политики и

нравственности, культе верховной власти, апелляции не к закону, а к разуму и нравственности правителя».

Даже в период попытки слома новыми коммунистическими властями традиционных представлений о нравственных ценностях через призму конфуцианского наследия, на каком-то глубоком ментальном уровне, руководители КНР и обычные граждане продолжали жить многовековыми конфуцианскими устоями. И это несмотря на то, что учение Конфуция было объявлено реакционным, противоречащим основам социалистической государственности. В 1973—1974 гг. в КНР была развернута широкая политическая кампания **«Критика Линь Бяо и Конфуция»** (批林批孔运动), целью которой была борьба за власть внутри правящей партии. Китайские историки проводили аналогию между деятельностью приемника Мао Цзэдуна Линь Бяо и других партийных лидеров с конфуцианской политикой и традицией. При этом обвиняя их в исповедовании «старорежимной» конфуцианской идеологии. Конкретно Линь Бяо подозревали в желании возврата рабовладельческого строя эпохи Западного Чжоу и моральных принципов того времени, что вступало в протворечие с «достижениями» проводимой «культурной революции».

Борьба с конфуцианским наследием проводилась в масштабах всего Китая. На всю страну звучал призыв **«бить Конфуция, как крысу, перебегающую улицу»**. «В настоящее время на плечах наших рабочих, крестьян и солдат лежит весьма тяжкое бремя критики Линь Бяо и Конфуция. Освободив идеологию от пут и покончив с суевериями, мы должны и впредь развивать пролетарский дух бесстрашия и, вооружившись марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэдуна, в пух и прах раскритиковать учение Конфуция и Мэн-цзы, как крысу, перебегающую улицу, когда каждый кричит: “Бей ее!” Широкие слои революционной интеллигенции должны соединиться с рабочими, крестьянами и активно вступить в бой» — так писал партийный журнал Хунци в 1974 г.»⁹¹

В местах скопления людей вывешивались плакаты с призывом **«Критикуй Линь Бяо, критикуй Конфуция — это сейчас самое важное для партии, армии и народа»**. В ходе кампании инициаторы «культурной революции» стремились не только захватить власть в КПК, но и уничтожить в народе высокие принципы конфуцианской морали.

Выдающийся российский ученый Л.С. Переломов пишет: «Общегосударственный «поход» против Конфуция был задуман в несколько этапов: на первом должны были поработать специалисты — философы

и историки; на втором — соответственно подготовленные теоретики «из народа», на третьем намечалось подключить широкие массы, которые должны были завершить тщательно спланированную операцию»⁹².

Выпускались многочисленные брошюры с критикой идей Конфуция, направленные против его гуманистических идеалов и ценностей. «Миллионными тиражами ценой в один фэнь (1/2 копейки) распространялись лубочные издания, представляющие собой упрощенный критический комментарий к изречениям Конфуция»⁹³. «Репутация Учителя как «вечного просветителя», как «вечного образца для всех учителей» была объявлена искусственной»⁹⁴. По мнению Переломова Л.С. «урон, нанесенный нравственности китайского народа в ходе этой кампании, сопоставим лишь с уроном, нанесенным русскому народу во время антицерковных кампаний большевиков»⁹⁵.

В этих сложных идеологических условиях, как отмечает российский ученый В.И. Лафитский, конфуцианство все равно оказывало влияние «...и на политические взгляды председателя Коммунистической партии и лидера Китая Мао Цзэдуна (1893—1976). Многие его статьи и речи составлены в конфуцианском духе. В частности, об этом можно судить по тому, как Мао Цзэдун трактовал принцип датун («Великое единение»)»⁹⁶. Хотя в 70-е годы XX столетия «великий кормчий» и утверждал, что его учителями являются легисты, однако в его практической деятельности присутствовало конфуцианское пренебрежение правом. Когда решением Политбюро ЦК КПК в августе 1958 г. было заявлено о создании в Китае народных коммун, что означало по сути изменение Конституции КНР 1954 г. партийной директивой, а не принятым парламентом в лице ВСНП законом, Мао Цзэдун спокойно заявил: «Не нарушают ли народные коммуны Конституцию? Например, по вопросу о соединении власти и управления коммуны ничего не принято собранием народных представителей, ничего нет и в Конституции. В Конституции много положений, отстающих от эпохи. В настоящее время исправлять это не будем, а когда перегоним Америку, запишем в Конституцию»⁹⁷. Из увлечения легизмом «...Мао Цзэдун выводил не приоритет закона, а приоритет силы. Кредо силовой борьбы осталось для него главным навсегда, что было выражено в известном афоризме «винтовка рождает власть»⁹⁸.

Значение нравственного учения Конфуция на формирование правосознания китайца невозможно переоценить. Видный историк К.М. Тертицкий пишет: «Конфуцианская этика проникла во все сферы социума и, как регулятор общества, иногда заменяла право, а иногда

лежала в его основе. Это дало основание современным китайским интеллектуалам говорить о «тотальной этизации» китайского общества»⁹⁹.

Одной из центральных категорий в учении Конфуция является «сяо» (孝). С.Р. Кучера отмечает: «Обычно этот термин переводится как «почитание (уважение) родителей», «преданность (усердное служение) родителям», «усердное исполнение воли (осуществление идеалов) родителей (предков)» ...или, короче, «сыновняя почтительность». Все приведённые значения действительно присущи сяо, однако не исчерпывают его содержания, ибо, во-первых, ограничиваются пределами семьи и, во-вторых, даже внутри её ещё более сужают семантическое поле отношением детей к родителям с как бы условным включением и предков. Между тем в действительности ёмкость данного понятия значительно шире. В рамках семьи оно определяет весь комплекс отношений между младшими и старшими, причём в обоих направлениях. Кроме того, оно действует и в пределах государства, которое, кстати сказать, мыслится как большая семья, двусторонне регулируя связи между правителем и подданными. ...Поэтому русский вариант «сыновняя почтительность» необходимо понимать условно, как некую смысловую аббревиатуру»¹⁰⁰.

В классическом конфуцианском трактате «Сяо цзин» (孝经) («Канон сыновней почтительности») практически с самого начала говорится: «...Сыновняя почтительность начинается со служения родным [в детстве], [продолжается в] служении правителю в зрелые годы...» (夫孝，始于事亲，中于事君，终于立身)¹⁰¹. Нарушение норм «сяо» считалось в Китае тяжчайшим преступлением и предполагало за это суровую ответственность. Так, к мучительнейшей смертной казни в виде «линчи» (凌迟) преступник приговаривался не только за государственные преступления (организацию массовых беспорядков, измену, свержение власти), но и в случаях посягательств детей на родителей, младших братьев на старших, жен на мужей, рабов на господ. Эта казнь была введена в законодательство Китая еще в XII веке и отменена лишь в апреле 1905 г. после привезенных на Запад французскими солдатами фотографий о бесчеловечных изуверствах. Подчеркнем, что измена государю также приравнивалась к нарушению принципа «сяо».

В случаях противоречия действующего законодательства с необходимостью «почитания старших», право должно было уступить морали. Так, кодексом Тан устанавливалась обязанность членов общества доносить на лицо, совершившее преступление. Отечественный исследователь древнекитайского права доктор В.М. Рыбаков по этому поводу

отмечает: «Идея взаимной ответственности и круговой поруки была весьма близка и, вероятно, симпатична танским законодателям, ибо в ней наилучшим образом фокусировались принципы заботы коллективистского общества о самом себе. Понятие доноса тогда еще совсем не было скомпрометировано так, как теперь. Напротив, донос был одним из наиболее достойных проявлений гражданских добродетелей. Нечто подобное круговой поруке было введено и в государственных учреждениях, с тем чтобы их внутренняя жизнь максимально соответствовала тем принципам, по которым живет вся страна»¹⁰².

Однако, если это преступление было совершено старшим членом семьи, то младший родственник освобождался от ответственности за не-доносительство, так как конфуцианский принцип уважения младшими старших стоял выше правовой нормы (соблюдение трех законов отношений: государь — подданный, родители — дети, муж — жена). В некоторых случаях интересы самого государства должны уступить сохранению семейных связей («у нас отец прикрывает сына, — говорит Конфуций, — а сын прикрывает отца»). В указе от 66 г. до н.э. императора Сюань-ди предписывалось: «Отныне сын укрывает отца и мать, жена укрывает мужа, внук укрывает деда и бабуку, и все они не должны считаться сообщниками... Старший и младший братья обязаны укрывать друг друга, как отец и сын; всякий, кто донес на деда, бабуку, отца или мать, подлежит удавлению»¹⁰³. Также: «Всякий, кто подал донос на деда или бабуку по мужской линии либо на отца или мать, наказывается удавлением»¹⁰⁴.

Переломов констатирует: «Суровое осуждение Конфуцием практики доносов на родителей и родственников было закреплено и развито китайским уголовным и обычным правом. В итоге органическое неприятие доноса на сородича, отношение к нему как к тягчайшему моральному преступлению стало национальной чертой»¹⁰⁵.

Кодексом закреплялось и уголовное наказание за организацию свадьбы в ту пору, когда отец, мать, дед, бабука по мужской линии находились в тюрьме (считалось, что в это время радоваться нельзя, ведь член общества преступил действующие правовые нормы, совершил антиморальный поступок). Рыбаков подчеркивает: «Одно и то же веселье, поскольку оно могло идти вразрез с надлежащей скорбью различных интенсивностей, могло тем самым демонстрировать различные уровни аморальности. Если тот, кто находился в тюрьме, совершил наказуемое смертью преступление (то есть ему грозила смертная казнь), новобраный получал 1,5 года каторги. Если тем, кто в тюрьме, было совершено

преступление, наказуемое ссылкой, новобрачному полагался 1 год каторги. Если же предок находился в заключении из-за преступления, наказуемого каторгой, наказание за свадьбу было — 100 ударов тяжелыми палками»¹⁰⁶.

Но если на заключение брака настоял отец либо дед, находящиеся в тюрьме, то лицо освобождалось от ответственности исходя из главенства принципа подчинения младших воле старших. В кодексе особо указывалось, что брак для таких случаев возможен, но его празднование — нет.

В правовой системе современного Китая исследуемый принцип «сяо» получил законодательное закрепление. Действующая Конституция КНР 1982 г. в ст. 49 устанавливает: «Родители обязаны содержать и воспитывать несовершеннолетних детей, *совершеннолетние дети обязаны содержать и поддерживать родителей*» (ч. 3) и «*Запрещается нарушение свободы брака и жестокое обращение со стариками, женщинами и детьми.*» (ч. 4).

Квинтэссенция правового регулирования конфуцианского почитания старших содержится в уникальном **Законе КНР «О защите прав и интересов пожилых людей»** (中华人民共和国老年人权益保障法), принятого 29.08.1996 на 21-м заседании ПК ВСНП восьмого созыва (с изменениями от 27.08.2009, 28.12.2012 и 24.04.2015). Правовой акт значителен по объему, состоя из 9 глав, 85 статей¹⁰⁷. Все его содержание направлено на защиту стариков, число которых в современном Китае превышает 220 млн человек. Под ними понимаются граждане в возрасте свыше 60 лет (ст. 2). В ч. 3 ст. 3 особо подчеркивается: «*Запрещаются дискриминация, унижение, истязание либо оставление пожилых людей*». Отметим, что китайским законодательством дискриминация, унижение либо истязания запрещены по отношению к человеку вне зависимости от пола и возраста. Однако, учитывая важность принципа «сяо» в традиции и культуре Китая, этот запрет получает дополнительное усиление в отдельном правовом документе. Что касается запрета на оставление пожилых людей — то эта норма имеет прямое отношение к их родственникам. Законодатель предупреждает об ответственности за neglect о пожилых членах рода. При этом используемый в законе термин «оставление» (遗弃) может быть трактован правоприменителем по разному, исходя из жизненных обстоятельств конкретной семьи.

В ст. 6 закона указывается, что обеспечение законных прав и интересов пожилых людей является общей ответственностью всего со-

циума. Государство в лице своих органов, общественные организации, родственники — все обязаны проявлять заботу о стариках. Радио, телевидение, газеты и журналы, интернет-провайдеры должны рассказывать о их жизни, пропагандировать необходимость обеспечения их прав, служить им (ч. 4 ст. 7).

Законом установлен День пожилого человека: это девятый день девятого месяца по лунному календарю (ст. 11). Этот день приходится на «две девятки», сакральные числа для китайской традиции (в Книге перемен «И-цзин» цифра «шесть» считается «иньским» числом (мрачное, женское начало, «отрицательное»), а «девятка» — «янским» (светлое, мужское, «положительное»)). В девятый день девятого лунного месяца даосы прославляют девять Великих императоров созвездия Северного Ковша, которые по поверьям вершат судьбы людей. Праздник «двух девяток», кроме прочего, включал в себя традиционный обряд почитания предков. В этот день старшие в роду мужчины забивали на могиле предка свинью. По существующему поверию, дух предка, не получивший ежегодной жертвы, умирал навсегда, и не мог более заботиться о благополучии потомков. В 2015 г. он приходится на 21 октября по григорианскому календарю. Международный день пожилого человека, отмечаемый в мире 1 октября, не получил в Китае какого-либо массового признания. Он отмечается в КНР лишь для проформы.

Глава 2 закона полностью посвящена вопросам заботы о пожилых людях. В ней указывается на то, что члены семьи обязаны поддерживать их, установлен запрет на «насилие» по отношению к старикам (ст. 12). Статья 13 содержит требования об экономическом содержании, уходе и необходимости психологической помощи со стороны содержащих их лиц, проявлении заботы по отношению к их «особым потребностям». При этом родственниками и другим установленным законом лицам следует при необходимости нести материальные затраты на их лечение (ч. 1 ст. 14).

Статья 15 гласит: «Содержащие пожилых людей лица должны надлежащим образом заботиться об их жилье, не допускается принуждение к их проживанию либо перемещению в помещения с худшими условиями» (ч. 1). «Жилые помещения, принадлежащие пожилым людям, либо за которые они несут ответственность, не могут быть захвачены детьми или иными родственниками, права собственности на них либо иные отношения аренды не могут быть ими самовольно подвергнуты изменению» (ч. 2). «Содержащие пожилых людей лица несут обязан-

ность по текущему ремонту их жилых помещений». В случаях нарушения установленных в законе положений виновные физические и юридические лица подлежат привлечению к ответственности, включая уголовную (гл. 8).

Наибольший резонанс в китайском обществе вызвали поправки в текст закона «О защите прав и интересов пожилых людей» от 28.12.2012 (в новой редакции закон вступил в силу 01.07.2013), закрепляющие обязанность проживающих отдельно от стариков членов семьи «часто навещать или передавать приветы пожилым людям» (ч. 2 ст. 18). Конфуцианский принцип заботы о родителях сформулирован в законе чрезвычайно расплывчато. «Если не уточнить формулировку «часто навещать», то к числу нарушителей закона можно отнести огромное количество людей, таких, например, как поденщики, студенты и дети, проживающие не в родном городе, ведь они могут вернуться в родные пенаты лишь раз или два в год»¹⁰⁸. При этом наказание за нарушение приведенного требования состоит лишь в «моральном осуждении», что не соответствует духу законодательного акта.

21 февраля 2014 г. Государственным советом КНР были обнародованы **Временные правила «О социальной помощи»** (社会救助暂行办法)¹⁰⁹, в которых закрепляется обязанность государства по содержанию и уходу за пожилыми людьми (гл. 3). Совместным решением Министерства коммерции и Министерства гражданской администрации от 24.11.2014 разрешено создание коммерческих домов престарелых с участием иностранного капитала (关于外商投资设立营利性养老机构有关事项的公告)¹¹⁰. Иностранные инвесторы теперь вправе создавать в Китае бизнес проекты в сфере ухода за престарелыми людьми в виде совместных кооперационных или совместных паевых предприятий с китайскими компаниями, предприятиями или другими организациями, а также в форме предприятий с 100-процентным иностранным капиталом. На коммерческие дома престарелых с иностранным капиталом будут распространяться те же налоговые льготы, что и на государственные дома престарелых.

Российский ученый Е.В. Куманин подчеркивает: «при исследовании китайского права очень важно не допустить отождествления этических норм, регулирующих внутрисемейные связи, с правовыми нормами, установленными государством и ориентированными на регулирование более широкого круга общественных отношений. Тезисы о доминирующем в китайской правовой системе традиционализме и его носи-

теле — субъективном праве — конструируются исходя из смешения социальной природы права и морали, преувеличения регулятивной роли воспитательных начал, заложенных в праве... Действие правовых норм может стимулироваться подключением морали, однако не в этом заключается главная особенность социального бытия права. Характерной чертой права была и остается возможность его поддержания мерами государственного принуждения»¹¹¹. Соглашаясь с мнением ученого, все же отметим, что для китайского традиционализма свойственно смешение права и морали, а в определенные периоды исторического развития страны нравственное осуждение правонарушителя играло не меньшую роль, чем принуждение со стороны государства к исполнению правового предписания.

Не меньшее значение для формирования правосознания и правовой культуры китайца сыграл легизм («Школа законников» («фа цзя») (法家), IV—III вв. до н.э.), как некоторая противоположность нравственному учению великого Конфуция. В противовес нормам морали «ли» они настаивали руководствоваться исключительно «фа». Представитель раннего легизма Гуань Чжун доказывал: «совершенномудрый правитель, — говорил он, — полагается на закон, а не на мудрость. ...если же он откажется от закона и предпочтет знания, то народ забросит все дела и ринется за славою»¹¹².

Как было отмечено, легисты разработали и применили на практике модель тоталитарного, основанного на жестких законах управления обширной территорией государства (империя Цинь, 221—209 гг. до н.э.). Ими была установлена суровая система ответственности за совершаемые нарушения правовых предписаний. Жесткость современных законов КНР напрямую связана с заложенным легистами в подсознание китайца отношением к наказанию как к основному способу обеспечения правопорядка в государстве.

Основоположником и крупнейшим идеологом легизма был Шан Ян (Гунсунь Ян), перу которого принадлежит фундаментальный трактат «Книга правителя области Шан» (Шан Цзюнь Шу) (商君书)¹¹³, в котором раскрывается концептуальное содержание учения легистов, их взгляды на право и закон в жизни общества. Шан Ян был китайским «позитивистом» в праве. Он настаивал на главенствующей роли закона при управлении государством. Закону отводилась роль верховной силы, которой должны подчиняться все подданные государства. За его нарушения должна наступать суровая юридическая ответственность, включая смертную казнь, ко-

торая должна приводиться публично и в жестокой форме для устрашения потенциальных преступников. При этом сам монарх, как творец законов, не обязан ни с кем законы обсуждать. Его власть абсолютна, наказанию за нарушение законов он не подлежит (гл. 5).

Гуманистические идеи Конфуция легисты не принимали и жестко их критиковали. Шан Ян подчеркивал: «Гуманный может быть гуманным к другим людям, но он не может заставить людей быть гуманными» (гл. 18). Приведенная цитата была направлена против известного изречения Конфуция относительно вопроса управления государством: «Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на законе, и поддерживать порядок [угрозой] наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится [чувства] стыда. Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем [использования] Правил, то [в народе] появится [чувство] стыда и он исправится»¹¹⁴.

Для наилучшего управления государством Шан Ян призывал правителя заставить народ заниматься земледелием и помышлять о войне. Образование населения должно быть сведено к минимуму: «Если люди глупы, их легко принудить к тяжкому труду, а если умны, то принудить трудно» (гл. 6). Длительное отсутствие войн, по его мнению, ведет к разложению страны внутренним «ядом» и «рождению шести паразитов»: стремления беспечно пожить на склоне лет, бездумной траты зерна, страстия к красивой одежде и вкусной еде, любви к предметам роскоши, пренебрежения своими обязанностями, стяжательства (гл. 4).

В своем подходе к «наградам и наказаниям», Шан Ян делал акцент на наказании, которое должно быть предельно строгим даже за малую провинность: «Там, где людей сурово карают за тяжкие преступления и мягко наказывают за мелкие проступки, не только нельзя будет пресечь тяжкие преступления, но невозможно будет даже предотвратить мелкие проступки»¹¹⁵.

Главным основанием для получения рангов знатности и должностей должна быть воинская доблесть. Кроме того, ранги знатности могут предоставляться землевладельцам за плату после сдачи государству излишков зерна, а также доносчикам. Важным элементом государственной власти должна стать система круговой поруки внутри семьи, соседской общины, любой группы людей, временно объединенных общим делом, а также в армии, где за проступок одного воина должно отвечать все низшее подразделение (пяток).

Для КНР свойственна жесткая система юридической ответственности и наказания. Действующий УК КНР содержит смертную казнь. Ранее она проводилась в КНР публично (например, в отношении преступников, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков). С принятием в 1996 г. поправок в УПК КНР публичность исполнения высшей меры наказания запрещена. Китайские ученые практически единодушны во мнении, что отказ от смертной казни для их общества невозможен. Они отмечают, что «большинство стран, которые в разное время по тем или иным соображениям объявляли об отмене смертной казни, впоследствии все же вновь восстанавливали действие высшей меры или же если и не восстанавливали официально, то создавали лазейки в законодательстве для обхода имеющегося запрета»¹¹⁶.

Легисты подчеркивали, что смертная казнь должна существовать «... не во вред народу, а ради пресечения зла и преступлений, ибо нет лучшего средства пресечь зло и преступления, нежели суровые наказания. Если наказания суровы и каждый неизбежно получает то, что заслужил, народ не осмелится испытывать на себе силу закона, и тогда в стране исчезнут осужденные. О государстве, где нет осужденных, говорят: “Если наказания ясны, исчезнет смертная казнь”»¹¹⁷.

Для защиты интересов государства современный китайский законодатель незамедлительно прибегает к серьезным репрессивным мерам по отношению к преступникам. Так было в деле печально известной крупной китайской молочной компании «Саньлу», деятельность по незаконному добавлению в продукцию химического вещества меламин которой привела к смерти и отравлению детей. Среди обвиняемых, двое — Гэн Ципин, руководитель предприятия, которое продавало молоко, содержащее меламин, и Чжан Юйцзюня, руководитель предприятия, которое производило и продавало меламин молочным компаниям, — приговорены к смертной казни, двое — к пожизненному заключению, в том числе бывший председатель правления компании Тянь Вэньхуа (женщина)¹¹⁸.

Особо жестко китайский законодатель наказывает за преступления в сфере незаконного оборота наркотических (психотропных) веществ¹¹⁹. К смертной казни за наркотические преступления приговариваются не только граждане КНР, но и иностранные граждане. Так, 29 декабря 2009 г. впервые в истории страны приговор к высшей мере наказания был вынесен в отношении гражданина Великобритании Акмал Шейха.

Легисты настаивали на том, что ужесточение мер наказаний к нарушителям Уголовного закона благоприятно сказывается на криминогенной ситуации в стране, снижает общий уровень преступности. Их позиция имеет фактическое подтверждение статистическими данными современного Китая.

Так, для борьбы с не виданным ранее по количеству трагедий «управлением автомобилем в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения», влекущим за собой многочисленные жертвы среди граждан КНР, власти страны стали активно прибегать к самым суровым приговорам по отношению к «пьяным убийцам», незамедлительно включив при этом в УК КНР статью, устанавливающую уголовную ответственность за «пьяное вождение».

Показательным примером суровости мер уголовной ответственности, применяемых к пьяным водителям, служит дело Чжан Минбао (张明宝) (г. Нанкин), который 30.06.2009, управляя автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, сбил 9 человек, из которых пятеро погибло, четверым был причинен серьезный вред здоровью. Одной из погибших была беременная женщина¹²⁰. Решением народного суда преступник был приговорен к пожизненному лишению свободы с лишением политических прав и выплатой штрафа потерпевшим сторонам. Близкие родственники погибших настаивали на приговоре к смертной казни¹²¹.

Приговор был вынесен в соответствии со ст. 115 УК КНР и «Мнением по вопросам применения законодательства о преступлениях, связанных с управлением автомобилем в состоянии алкогольного опьянения» (关于醉酒驾车犯罪法律适用问题的意见), обнародованному Верховным народным судом КНР 11.09.2009 (№ 47). Приведенная в документе статистика ВНС количества преступлений в исследуемой сфере была следующей: в 1998 г. по вине пьяных водителей погибло 2363 человека; в 2008 г. — 3060; с января по август 2009 г. — 1302 погибших¹²².

Еще одним нашумевшем на весь Китай делом по рассматриваемому составу преступления стало дело Сунь Вэймина (孙伟铭) (пров. Сычуань), который, по данным следствия, 14.12.2008 находясь в состоянии алкогольного опьянения, управляя автомобилем, сбил насмерть 4 человека и нанес тяжкий вред здоровью 1 пешеходу¹²³. Первоначально виновный был приговорен судом средней ступени г. Чэнду к смертной казни, однако затем приговор смягчили до пожизненного лишения свободы (08.09.2009). Такое решение китайской Фемиды вызвало ожесто-

ченные дискуссии в обществе. Сторонники приговора Сунь Вэймина к смертной казни ссылались на количество погибших человек и призывали правосудие к применению высшей меры наказания. Их оппоненты признавали тяжесть совершенного преступления, но настаивали на неумышленном характере преступления.

Осознав высокую опасность для общества «пьяного вождения», понимая необходимость ужесточения законодательных мер по борьбе с ним, китайский законодатель 25 февраля 2011 г. принял восьмые по счету Поправки в действующий УК КНР. Одним из их положений стало включение «управления автомобиля в состоянии алкогольного опьянения» (вне зависимости от последствий) в ст. 133 УК КНР. Начиная с 1 мая 2011 г. (дата вступления Поправок в силу), если установлен факт управления автомобилем в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения, при отсутствии каких-либо последствий, лицо приговаривается к уголовному (а не административному) аресту на срок от 1 до 6 месяцев, а также штрафу.

Ужесточение мер уголовной ответственности к пьяным водителям незамедлительно привело к резкому снижению числа преступлений по рассматриваемому составу преступлений:

1) за короткий период с 01.05.2011 по 15.05.2011 было принято к производству 2038 дел по «пьяному вождению», количество которых за аналогичный период 2010 г. снизилось на 35 %. Ежедневно таких дел в среднем было 136, снижение в сравнении с 2010 г. составило 43 %. Количество дорожных аварий с участием пьяных водителей, приведших к гибели и травмам людей снизилось по сравнению с аналогичным периодом на 37,8 % и 11,1 соответственно¹²⁴;

2) за период с 01.05.2011 по 30.12.2011 количество случаев управления автомобиля в состоянии алкогольного опьянения по сравнению с указанным периодом предыдущего года снизилось на 45 %. Число погибших в «пьяных ДТП» снизилось на 22,3 % (205 человек)¹²⁵;

3) в последующее время число преступлений, совершаемых пьяными водителями, ежегодно снижалось. За три года со времени вступления восьмых поправок в УК КНР в силу (с 01.05.2011 по 30.04.2014) общее число совершаемых ДТП по вине находящихся в состоянии алкогольного опьянения преступников снизилось на 25 %, а количество погибших на 39,3 %. Количество водителей, лишенных права на управление транспортным средством составило 158 тыс., подвергнутых административному аресту — 11 тыс.¹²⁶

Подчеркнем, что долгое время в истории Китая происходила борьба между высокими нравственными идеалами конфуцианства и жесткими нормативными требованиями легистов. Великий Конфуций, на вопрос о целесообразности применения смертной казни по отношению к преступникам отвечал так: «Вы управляете, зачем же прибегать к убийству? Если Вы пожелаете быть добрым, то и народ будет добр. Добродетели благородного мужа — это ветер, а качества низкого человека — это трава, и ветер, гуляющий по траве, непременно пригибает ее»¹²⁷. Однако полемика между двумя школами практически не влияла на смягчение мер юридической ответственности в отношении к нарушителям правовых предписаний. Более того, Конфуций совсем не отрицал важность института наказания в защите нравственных устоев. Однако на фоне жестких заявлений легистов его позиция оказалась не услышанной.

После смерти Мао Цзэдуна и окончания «культурной революции» идеи Конфуция стали активным образом влиять на формирование не только экономической модели развития государства, но и на его правовую систему. Уникальный опыт правового строительства китайского государства с использованием экспериментального (опытного) порядка принятия нормативных правовых актов своей основой зиждиться на принципах, заложенных еще великим Конфуцием, настаивающем на постепенном неспешном регулировании существующих общественных отношений без резких скачков и «шоковых терапий». Положительный результат экспериментальный порядок дал в налогово-правовой сфере, в особенности в деле стимулирования инновационного развития КНР¹²⁸.

В контексте рассматриваемой проблематики скажем несколько слов об истории китайской правовой науки, которая насчитывает не одну тысячу лет. Видный китайский ученый Ян Хунле в своей фундаментальной научной работе, впервые изданной в 1936 г., разделяет период развития юридической науки древнего Китая на четыре основных этапа¹²⁹.

1. «Эпоха зарождения» (до V века до н.э.). Характеризуется сочетанием понятий морали и нравственности, их единством в регулировании общественных отношений.

2. «Эпоха противостояния конфуцианства, школы Мо-цзы, даосизма и легизма» (IV век — конец III века до н.э.). В этот период происходит разделение понятий морали и права, антагонизм между конфуцианством и легизмом.

3. «Эпоха господства конфуцианства» (II век до н.э. — начало XX века); во II веке до н.э. — VII веке происходит воссоединение права

и морали и рождается идеология, основанная на «примирении» правил ритуала и законов, которая впервые была закреплена в Танском кодексе и просуществовала без изменений до начала XX века.

4. «Эпоха проникновения европейской и американской правовых систем» (с начала XX века). Лидеры китайского государства активизируют процесс имплементации правовых норм Франции, Германии и Японии в национальную систему законодательства.

Некоторые известные фундаментальные правовые концепции современности зарождались в лоне традиционной китайской юридической науки. С сожалением приходится констатировать о существовании «информационной блокады» достижений правовой и философской мысли Древнего Китая. В популярных российских учебниках по истории зарубежного государства и права редко встретишь строки о традиционных китайских теориях, взглядах на их основные институты. Отметим, например, что идея правового государства задолго до своего появления на Западе получила свое развитие в работах Лян Цичао (ученик Кан Ювэя) и Шэнь Цзябэня¹³⁰. Вместе с тем следует согласиться с мнением отечественных ученых, которые считают, что термин «правовое государство» применительно к Китаю не следует трактовать в том смысле, в котором данный термин имеет свое широкое распространение в западной юридической науке. Справедливо отмечено, что «использование в Конституции КНР термина, «правовое государство», не должно, по нашему мнению, трактоваться как признак развития китайской правовой системы по западной модели, поскольку из истории известны примеры употребления данного термина в отличном от принятого в настоящее время смысле (например, у Г. Кельзина). Правильнее говорить именно о специфической модели правового государства»¹³¹.

Китайскому государству всегда был свойственен свой особый, специфический, «национально окрашенный» подход ко многим фундаментальным институтам государства и права, определение и понимание которых в западной науке уже достаточно устоялось. Наглядным подтверждением вышесказанного являются, например, слова китайского ученого У Чжэнсюня относительно института демократии. Он пишет, что если «демократия на западе это политическая система, то китайская демократия это один из методов административного управления. Руководство КПК испытывает давление тысячелетних традиций императорской власти и абсолютного авторитета главы семьи»¹³².

Китаю известна целая плеяда ученых, перу которых принадлежат уникальные политико-правовые теории. К ним принадлежат Кан Ювэй, Чжан Чжидун, Тань Сытун и др.¹³³. Российский ученый-компаративист В.И. Лафитский отмечает: «Принято считать, что юридическая наука возникла в древнем Риме. Во всяком случае, именно этому учат в большей части российских университетов. А между тем юридическая наука блистательно развивалась во многих частях света задолго до появления первых трактатов древнеримских юристов. ...Первая юридическая школа была основана в Древнем Китае великим философом Конфуцием...»¹³⁴. Оставим за скобками утверждение авторитетного ученого о том, что первая юридическая школа была основана Конфуцием (это не совсем верно), однако подчеркнем правильность его слов в контексте необходимости более углубленного изучения традиционного права Древнего Китая.

Политико-правовые концепции Древнего Китая зарождались в лоне традиционной китайской философии, а совсем не в юридической науке. Рене Давид констатирует: «Китай в течение веков жил, не зная организованных юридических профессий. Суд творили администраторы, сдававшие для занятия поста экзамены литературного характера. Они не знали права и руководствовались советами своих чиновников, принадлежавших к наследственной касте. Людей, сведущих в законе, презирали, и если советовались с ними, то тайно. Не было юридической доктрины, и в долгой истории Китая не обнаруживается ни одного крупного юриста, оставившего в ней след»¹³⁵.

В рассказе выдающегося китайского новеллиста Пу Сун-лин (псевдоним: Ляо Чжай) (1622—1715) «Тайюаньское дело»¹³⁶ приводится характерный пример правителя-администратора, который замещая собой судебный орган, осуществлял правосудие. Одно запутанное дело он решил так же мудро, как и легендарный правитель объединенного Израильского царства Соломон, когда две женщины претендовали на материнство в отношении одного младенца. В «Тайюаньском деле» свекровь обвинила невестку в незаконном сожителстве с одним мужчиной. Невестка в свою очередь свекровь. Мужчина же показал на невестку как свою сожительницу. По закону того времени это являлось преступлением и виновное лицо подлежало привлечению к суровой ответственности.

Мудрый китайский губернатор, выдержавший все государственные экзамены, выказавший свои способности к разрешению тяжб и уголовных дел» обвинил в блуде не обеих женщин, а самого мужчину,

считая его виновным в их совращении. Для его наказания он разложил перед ними различные по размеру кирпичи, ножи и предложил им убить его. Невестка, питавшая ненависть к оговорившему ее мужчине, стала кидать в него самые большие кирпичи, желая его смерти. Свекровь же лишь маленькие камешки. «Тогда правитель велел им взять по ножу. Свекровь опять замялась. Правитель остановил их. — Я знаю, — сказал он, — кто из вас блудница! И велел задержать свекровь, наложив на нее жестокие колодки». Отметим, что для Древнего Китая было характерно ведение судебных заседаний не профессионально обученными судьями, а представителями высшей административной власти.

Выразим свое несогласие с позицией российского ученого В.Е. Варавенко, который пишет: «Еще одной неточностью, допускаемой исследователями, является утверждение о слабом развитии права, правовых традиций и ценностей в Китае. В одной из последних работ по сравнительному правоведению, принадлежащей перу Раймона Леже, данный тезис обосновывается влиянием конфуцианства на государственно-политическую жизнь Китая. Действительно, конфуцианство утверждает приоритет морали над любыми другими регуляторами отношений между людьми. Во II—I вв. до н.э. конфуцианство стало официальной идеологией в Китае. Однако к этому времени конфуцианство в чистом виде (как в IV—V вв. до н.э.) уже не существовало. Оно было модернизировано под влиянием другой идеологии — легизма»¹³⁷. Подчеркнем, что правовая наука Древнего Китая развивалась исключительно в лоне науки философской. Легисты сыграли определенную, но вовсе не определяющую роль в формировании правовой культуры и правосознания китайцев. Всегда существовавшее в Китае пренебрежение правом объясняется исключительным влиянием конфуцианских и иных религиозно-этических доктрин на ментальность его граждан. Конфуцианство в течение почти двух тысяч лет являлось той философской и этической основой, которая определяла общественное, включая правовое, сознание в Китае. Существующая долгие годы в современной КНР социалистическая идеология, не предполагающая верховенство права, также гармонично дополнила многовековое содержание отношения наших партнеров к священным для западной цивилизации правовым категориям.

К сожалению, мало кто из российских исследователей проводит параллели между традиционными взглядами на право, существовавшими долгое время в древнем китайском обществе, и современной правовой системой КНР. Зачастую не ставится вопроса о степени влияния

правовых традиций на особенности законотворческой работы современного правотворца, существует разрыв между исследованиями традиционного и современного права Китая. Все это обедняет отечественную науку сравнительного правоведения в плане отсутствия комплексного подхода к исследованию правовой проблематики современного китайского государства, его правоприменительной практики и правовой традиции. Роль правовых традиций Древнего Китая в деле созидания новой социалистической законодательной системы настолько велика, что этот вопрос должен стать отдельным предметом исследования современного права КНР. По мере углубления в правовую тематику нашего великого соседа мы погрузимся в интереснейший мир китайского права, в котором его древние нормы будут явственно отображаться в современной правовой действительности.

В предыдущей главе отмечено, что в правовой системе современного Китая принято и действует относительно небольшое по сравнению с Российской Федерацией количество законов. При относительно небольшом количестве законов, в китайском государстве широко развито подзаконное, местное правотворчество. Указанная особенность берет свое начало еще с традиционных представлений китайцев о праве. Об этом подробно в своих работах свидетельствуют видные российские исследователи права Древнего Китая проф. Е.И. Кычанов и его ученик доктор В.М. Рыбаков.

Стоит ознакомиться с проведенным ими анализом основных дошедших до нас правовых памятников древнего китайского права, как становится очевидным влияние традиции на современную правотворческую деятельность китайского законодателя. Древнему китайскому праву было известно деление всех существующих правовых документов на «люй» (律) (уголовные законы), «лин» (令) (административные), «гэ» (格) (при династии Тан: сборники указов, дополнявшие кодекс, при династии Сун: специальные правила, определявшие штат чиновников, размеры наград, сроки отпусков и т.п.) и «ши» (式) (правила ритуального поведения, правила отношений людей между собой). При этом самих уголовных (иными словами, законов, составлявших ядро правовой системы Древнего Китая) было крайне мало. Общественные отношения в большинстве регулировались «линями» (включавшие «гэ» и «ши») ¹³⁸.

Рыбаков подчеркивает: «Концепция дуализма Инь и Ян породила изоморфное этой паре структурирование многих китайских понятий, в частности, Закона фа и Морали ли, которые, в свою очередь, про-

являлись в запретительных законах типа люй и гэ и предписывающих законах типа лин и ши. Гэ и ши были реакциями на изменения конкретики общественного бытия. Люй и лин были более долгосрочны, их изменения обуславливались изменениями не текущего положения, но духа, изменениями в представлениях о справедливости и порядке»¹³⁹.

В современной правовой системе КНР самих законов также крайне мало. Для того, чтобы разобраться в особенностях правового регулирования того или иного рода общественных отношений, необходимо тщательно изучить подзаконные местные акты правотворчества. Доступ к некоторым из них может быть ограничен, о существовании документа не всегда можно узнать из открытых источников.

Работающим в правовом поле КНР иностранным юристам, исследователям китайского права приходится изучать огромную нормативную базу для поиска ответа на интересующий правовой вопрос, при этом последнее слово всегда остается за китайским правоприменителем, который в любой момент по своему собственному усмотрению может объявить положения того или иного документа по силе выше, чем другого. Это касается, например, уже отмененного 28.12.2013 Постановлением ПК ВСНП действующего с 60-х годов прошлого столетия института трудового перевоспитания, основой которого служил не закон, а принятое 01.08.1957 ПК ВСНП Постановление «Об утверждении Решения Государственного совета о вопросах трудового воспитания» (全国人民代表大会常务委员会批准国务院关于劳动教养问题的决定的决议) и само Решение Государственного совета. На протяжении многих десятилетий в правовой системе КНР так и не был принят Закон «О трудовом перевоспитании», страна жила согласно подзаконным актам правотворчества. Акт Государственного совета КНР по-существу был антиконституционным, ведь он закреплял право административных органов на заключение гражданина КНР в специализированные воспитательные трудовые лагеря без всякого суда и следствия. Он продолжал применяться до конца 2013 г. не встречая в среде юристов каких-либо протестов.

Правосознанию обычного гражданина на всем протяжении истории китайской государственности было характерно пренебрежительное отношение к праву. Рыбаков подчеркивает, что «в отличие от многих древних обществ (Рим) законы в Китае никогда не мыслились как нечто священное и непререкаемое, как благой дар богов смертным людям, как идейная сверхценность. Напротив, господствующая теория поначалу относила их к продукту творчества не китайских, «варварских»

народов, не ведающих морали и стыда, а потому вынужденных, чтобы хоть как-то наладить общежитие, прибегать к постоянному насилию посредством законодательно налагаемых запретов»¹⁴⁰.

Рене Давид дополняет: «Традиционная китайская концепция не отрицает права, но полагает при этом, что оно хорошо для варваров, для тех, кто не заботится о морали, для неисправимых преступников, наконец, для иностранцев, которым чужда китайская цивилизация. Китайский же народ прекрасно обходится и без права. Он не интересуется тем, какие нормы содержат законы, не обращается в суд и регулирует межличностные отношения так, как ему подсказывает смысл, следуя не праву, а соглашению и гармонии. ...Ряд факторов еще более усугубляет неприязнь к праву. Среди них на первом плане плохая (быть может, умышленно плохая) организация правосудия, что отнюдь не волнует власти. Чиновник, на которого возложено вершить правосудие, весьма далек от тяжущихся, так как, по общему правилу, он приглашается на этот пост из другой провинции и поэтому плохо знает местные наречие и обычаи. Его служащие, с которыми непосредственно имеют дело тяжущиеся, коррумпированы, они нарочно затягивают процесс, ибо кормятся от него. Обращение с тяжущимися унизительное, а исход процесса всегда весьма сомнителен. “Выигранный процесс — потерянные деньги”, — говорит народная поговорка. Все это побуждает китайцев обходить суды и решать споры путем внесудебных процедур»¹⁴¹.

Приведем высказывание российского ученого Э.О. Ботчаева, который справедливо отмечает, что «...традиционное неприятие западных идей права и правопорядка с их строгой определенностью предписаний и абстрактностью норм и массового неодобрения поведения людей, настаивающих на своих правах, поскольку, согласно традиции, долг каждого — стремиться к согласию и забывать о себе в интересах всех. К юристам китайцы традиционно относились с недоверием, поскольку те, применяя абстрактные нормы, охватывающие общие случаи и формализующие лишь наиболее часто возникающие обстоятельства, создают препятствия к достижению компромиссов в конкретных ситуациях и независимо от намерений тем самым способствуют недостойному с точки зрения традиции и несовместимому с интересами общества поведению»¹⁴².

В правосознании не только обычного китайца, но даже правоприменителя мораль зачастую стоит выше закона. Хотя современная мораль носит название социалистической, тем не менее, такое отношение к закону своими корнями уходит в глубокое конфуцианское про-

шное. Признано, что в Китае партия стоит над законом, в своих решениях судебные органы обязаны в первую очередь руководствоваться интересами государства, партийными директивами, а лишь затем обращать свои взоры на право.

Уже отмечалось и то, что текстам китайских нормативных правовых актов свойственна нечеткость, расплывчатость, неконкретизированность формулировок, что особенно было характерно для актов правотворчества, появившихся в правовой системе страны в первые годы после образования КНР и в первое время после окончания «культурной революции».

Еще столетие назад на эти особенности китайских законов обращали свое внимание находящиеся в эмиграции на территории Китая отечественные исследователи. Русский ученый Энгельфельд В.В. писал, что «вина» в недостаточном понимании русскими исследователями китайского права лежит «...на китайском законодательстве, язык которого чрезвычайно расплывчат». Также: «язык Конституции нередко чрезвычайно расплывчат и полон неопределенностей, дающих возможность толкования ее постановления в различном смысле»¹⁴³.

Эту особенность китайского законодательства в рецензии на труд В.В. Энгельфельда «Очерки государственного права Китая» отмечал его коллега Б.Г. Курц¹⁴⁴: «Автор вскрывает в китайских конституциях и законах искусственность, заимствования, неясность, расплывчатость. Язык конституции нередко чрезвычайно расплывчатый и полон неопределенностей, китайская юридическая терминология не выработана; законам присущи пышность, фразировка и нелюбовь к точности и отчетливости». Нечеткость, двойственность закрепленных в современных китайских законах формулировок — традиционная особенность юридической техники китайского законодателя на протяжении всей истории государства.

Отечественной юридической науке и китаеведению необходимо всесторонне учитывать влияние правовых традиций Древнего Китая, правосознания китайца, обычаев и нравственных концепций, сформированных тысячелетней культурой на современную правовую систему, законодательство КНР. Недопустимо автоматически переносить общепризнанные европейской юридической наукой категории и институты на китайскую почву без учета ее специфики. Такое безапелляционное утверждение собственной правоты и исключительности приведет лишь к еще большему напряжению в отношениях между западной и восточ-

ной цивилизациями. Нам следует более пристально обращать свои взоры на опыт Китая с тем, чтобы правильно и с пользой учитывать его в своей законотворческой и научной-исследовательской работе.

* * *

1. Правовая система КНР, правовая культура и правосознание ее граждан сформированы под глубоким влиянием нравственного учения великого Конфуция и политико-правового учения легистов. Конфуций настаивал на необходимости управления государством при помощи морали: «Осуществлять правление, опираясь на добродетель, — это подобно Полярной звезде. Она замерла на своем месте, а все другие звезды движутся окрест нее»¹⁴⁵. Легисты придерживались противоположной позиции: в основе регулирования общественных отношений ими ставился закон.

Право и мораль в китайской традиции рассматривались как борьба двух вечно единых стихий *Инь* (женская) и *Ян* (мужская), борьба темного и светлого, пассивного и активного, где право — Инь, а мораль — Ян. Мораль стоит выше права, она является главным в деле регулирования существующих в обществе отношений. Несмотря на известный антогонизм между Инь и Ян, обе школы оказали глубокое влияние друг на друга — как «...весна и осень (символ продолжающегося года) лишь во взаимном единстве могут только образовать прекрасное единство»¹⁴⁶. С течением времени в правовой системе Китая произошла синергия этих двух противоположных концепций: высокие принципы конфуцианской морали стали требовать от члена общества руководствоваться в своей жизни нравственными ориентирами, а жесткое (порой жестокое) законодательство — карало за их нарушение.

Выраженные в нормах «*Ли*» конфуцианские «заповеди» плавно перетекли в правовые нормы «*Фа*». При этом нормы «*Ли*» принимались всем китайским обществом в различные периоды его развития. «Нельзя смотреть на то, что противоречит *ли*, нельзя слушать то, что противоречит *ли*, нельзя говорить то, что противоречит *ли*», — требовал Конфуций»¹⁴⁷. Про «*Фа*» так сказать нельзя. Не случайно, что отношение к праву у обычного китайца настороженное, его верховенство в жизни государства ставится под сомнение даже самим законодателем. Все вышесказанное необходимо учитывать при исследовании права современного Китая и отношения его граждан к нему. Китайская традиция на-

считывает многотысячелетнюю историю, и ее значение в контексте рассматриваемой проблематики чрезвычайно важно.

2. Высокие принципы конфуцианской морали получили свое закрепление в нормах действующего законодательства КНР. Особенно это касается уникальных китайских законов в сфере защиты правового статуса пожилых людей, предусматривающих обязанность членов семьи проявлять заботу о них. В правовой системе действует важный Закон КНР «О защите прав и интересов пожилых людей», Временные правила Государственного совета «О социальной помощи», совместное решение Министерства коммерции и Министерства гражданской администрации, санкционирующее создание коммерческих домов для престарелых при участии зарубежного инвестора.

Налицо законодательное регулирование при помощи «*Фа*» традиционного для китайского общества конфуцианского принципа «почитания старших» («*Сяо*»), которое имеет отличную от западной цивилизации азиатскую специфику. Китайское законодательство пронизано конфуцианской моралью, несмотря на присутствие в нем нетрадиционной для древнего общества социалистической идеологии.

3. Не меньшее влияние на правовую систему КНР оказало политико-правовое учение легистов. Суровость китайских законов напрямую связана с ним. При этом следует учитывать то обстоятельство, что азиатской цивилизации всегда была характерна жесткая законодательная политика в сфере борьбы с противоправными явлениями. До настоящего времени в КНР и других азиатских странах присутствует институт смертной казни, широко применяется пожизненное лишение свободы. В Китае одним из видов дополнительного наказания выступает конфискация имущества и лишение политических прав. Уголовным кодексом КНР предусматривается и уголовная ответственность юридических лиц (организаций) как исключение из классического принципа личной ответственности виновного в уголовном праве.

Легизму так и не удалось привить в сознание китайцев позитивистского отношения к праву. Мораль во всех ее разновидностях (даосская, буддистская, конфуцианская, социалистическая) все равно стоит выше закона.

Отечественный исследователь правовой системы Китая Е.В. Куманин отмечает: «для осмысления современной китайской юридической политики важное значение имеет принцип «древность на службе у современности». Вся история китайской общественно-

политической мысли заполнена выбором оптимального варианта из двух наиболее приоритетных моделей социального управления: конфуцианского и легистского. Сейчас в Китае вновь оживает интерес к этой проблематике, активно обсуждается проблема соотношения «управления на основе воли человека» и «управление на основе закона»¹⁴⁸.

Завершим настоящий параграф словами выдающегося российско-го ученого Е.И. Кычанова, который писал: «Китайское право — автономная система, развивавшаяся практически без всякого влияния извне. Есть предположения, что некоторые моменты обязательственного права сложились под воздействием древнеиндийского права и права ираноязычных народов (в частности, формы хозяйственных документов). Но в целом это была самостоятельная оригинальная правовая система, собственная традиционная правовая культура и самобытное правосознание, положившие начало дальневосточной правовой семье. Рецептрованное из Китая, право сыграло большую роль в формировании административных и даже социальных структур Кореи, Японии, Вьетнама»¹⁴⁹.

§ 1.4. Право, политика и идеология

Проводимая КНР в последние годы внутренняя политика направлена на разрешение целого ряда серьезных проблем, стоящих перед современным китайским обществом, — укрепление его стабильности, повышение авторитета партии в глаза простого народа, усиление позиций Китая на международной арене. Осуществляемый лидерами государства политический курс неразрывно связан с принятием целого ряда важных для успешного развития страны нормативных правовых актов, внесения изменений в действующее законодательство. Наметилась устойчивая тенденция усиления роли правового фактора в деле углубления политических реформ и экономических преобразований. Серьезное обращение к механизму правового регулирования существующих общественных отношений стало особенностью политического курса КНР в настоящее время.

Несмотря на глубокие изменения, которые претерпевают современные системы многих государств мира, Китай не стал отказываться от сформулированной ранее идеологической концепции государственно-правового и социально-экономического развития. До настоящего времени остается актуальной проблема претворения в жизнь теории

«начальной стадии социализма» (社会主义初级阶段)¹⁵⁰, которая предполагает сугубо прагматический подход к решению насущных проблем страны. В Преамбуле Конституции КНР закрепляется: «Китай будет в течение длительного времени находиться на начальной стадии социализма. Коренная задача государства состоит в том, чтобы на основе теории социализма с китайской спецификой сконцентрировать силы на социалистической модернизации». Часть 3 ст. 6 Конституции КНР гласит: «На начальной стадии социализма государство поддерживает экономическую систему, при которой общественная собственность доминирует и другие формы собственности развиваются параллельно, придерживается системы, при которой распределение по труду доминирует при сосуществовании с другими способами распределения».

На XIII съезде Коммунистической партии Китая (1987 г.) осуществление социалистической модернизации было признано основным содержанием начальной стадии построения социализма, которая завершится не ранее, чем через сто лет. Критерием завершения этой стадии будет выступать достижение Китаем экономического уровня среднеразвитой державы: «...к середине следующего столетия догнать средне развитые страны по ВВП на душу населения, сделать жизнь народа сравнительно зажиточной и в основном модернизировать страну»¹⁵¹. Указанная стадия предполагает проведение активных реформ во всех сферах жизни общества, в том числе и в области права. Бурные перемены в экономике стали своего рода стимулом к внесению изменений в государственно-правовую надстройку КНР.

Прошедший в ноябре 2012 г. XVIII съезд КПК подтвердил важную роль права в жизни китайского общества. Руководством партии была подчеркнута необходимость продвижения курса на построение социалистического правового государства, усиление конституционного принципа равенства всех перед лицом закона, активизацию усилий по искоренению коррупционных явлений в партийно-государственном аппарате. Генеральный секретарь КПК Ху Цзиньтао заявил, что правящая партия будет способствовать «всестороннему стимулированию управления государством на основе закона», признано, что «верховенство закона является основой управления государством и политикой». Китайский лидер отметил необходимость «стимулирования научного правотворчества, строгого исполнения закона, соблюдения закона всеми судебными органами и гражданами, строгого равенства всех перед законом, гарантирования деятельности в соответствии с законом, строгого исполнения

закона, привлечения к ответственности за нарушение закона»¹⁵². Подчеркнуто, что без основополагающих законодательных актов, повышения уровня правосознания и правовой культуры простых граждан невозможно достичь положительных результатов в ходе проведения социалистической модернизации. *С конца 2012 г. юридическая терминология стала неотъемлемой частью докладов государственных (партийных) лидеров Китая.*

Характерно, что новое (пятое) (中国第五代领导人) поколение руководителей КНР имеет прямое отношение к юриспруденции. Это также самым непосредственным образом влияет на более частое обращение с их стороны к правовой проблематике осуществляемых преобразований. Так, избранный в марте 2013 г. в качестве Председателя КНР Си Цзиньпин в декабре 2001 г. защитил диссертацию, получив степень доктора права¹⁵³. Заместитель Председателя КНР Ли Юаньчао также имеет степень доктора права, а новый премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян закончил юридический факультет Пекинского университета, затем получив степень доктора экономики¹⁵⁴. Такое положение дел в биографической истории китайских лидеров впервые. Ни «великий кормчий» Мао Цзэдун, ни главный архитектор китайских реформ Дэн Сяопин, ни автор концепции «трех представительств» Цзян Цзэминь, ни разработчик теории «научного развития» и «гармоничного общества» Ху Цзиньтао не имели отношения к юридической специальности. Основной состав пятого поколения руководителей будет управлять Китаем до 2022 г., когда им придется уступить кресла новому, шестому, поколению лидеров.

Кроме того, что многие члены Политбюро ЦК КПК имеют юридическое либо экономическое образование (ранее первенство было за выпускниками технических институтов), треть зарегистрированных в Китае адвокатов являются членами правящей партии. Практически во всех юридических институтах, университетах и крупных юридических организациях КНР созданы партийные ячейки, которые «направляют» их деятельность на благо партии и государства.

Ныне действующий Председатель КНР Си Цзиньпин в своих программных выступлениях подчеркивает необходимость руководствоваться законом в деле решения задач государственного развития. Лидер Китая настаивает на необходимости «строгого соблюдения конституционных принципов, развития конституционных традиций, исполнения конституционной миссии, придерживаясь управления государством на

основе закона, осуществления правления в соответствии с Конституцией»¹⁵⁵. Си Цзиньпин, вторя известному изречению Дэн Сяопина о том, что «не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей»¹⁵⁶ подчеркивает: «При осуществлении государством различных “измов” ключевым является то, может ли этот “изм” решить стоящие перед государством вопросы исторического характера»¹⁵⁷. Несомненно, что практической стороне взаимоотношения политического курса и правового, социально-экономического развития страны лидерами КНР уделяется первостепенное внимание.

Коммунистическая партия Китая играет ключевую роль в деле формирования правовой системы страны в направлении всестороннего регулирования существующих сфер общественной жизни государства. На «революционном» 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) было подчеркнуто, что «социалистическая модернизация нуждается в строгом соблюдении закона и дисциплины... Необходимо добиться, чтобы у нас были законы, на которые можно положиться; исполнение законов должно быть строгим, нарушение законов должно расследоваться и пресекаться»¹⁵⁸. В октябре 1992 г. генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь в развернутом докладе, представленном на XIV съезде партии, наряду с задачей построения системы социалистической рыночной экономики, также утвердил курс на укрепление социалистической законности. В своем выступлении Цзян Цзэминь заявил: «Необходимо уделять самое пристальное внимание совершенствованию правовой системы... Необходимо строго соблюдать Конституцию и другие законы, усиливать контроль за их исполнением, решительно бороться с такими явлениями, как “телефонное” право, несоразмерность наказания и вины и т.п., гарантировать, на основании действующего законодательства, независимое рассмотрение дел народными судами и надзор со стороны прокуратуры»¹⁵⁹.

В соответствии с партийными директивами китайский парламент ежегодно принимает необходимые для развития законодательной системы страны акты, разрабатывается план правотворческой работы на будущее¹⁶⁰. Именно в правовых документах находят свое отражение основные направления политики реформ и открытости, начавшейся осуществляться с конца 1978 г. и проводимой до настоящего времени. Большинство принимаемых законов и подзаконных нормативных правовых актов направлено на регулирование экономической и административной сфер.

За 25 лет работы Всекитайского собрания народных представителей и его Постоянного комитета (с 1982 г. по 2008 г.) был принят 441 закон (имеем в виду не только сам закон, но и изменения в них как отдельный законодательный акт), среди которых 130 в экономической сфере (29,47 %). Таким образом, треть законодательной работы китайского правотворца пришлось на экономическую сферу, для сравнения, в те же сроки было принято 23 закона в социальной сфере, что составило лишь 5,21 % от общего числа появившихся нормативных правовых актов.

Основной объем законодательной работы в Китае приходится на ПК ВСНП, а не на само ВСНП. Создается впечатление, что принятие закона для китайских властей является привилегией лишь узкого круга законодателей (как известно, состав ПК ВСНП в разы меньше состава ВСНП: около 200 человек ПК ВСНП против 3000 делегатов ВСНП). От участия в законотворческом процессе отсекается широкий круг представителей общества.

Одной из характерных особенностей правовой системы КНР является высокая степень влияния КПК на формирование принимаемого в государстве законодательства. Партийные решения определяют вектор развития китайского права, закладывают основу правового строительства в стране. При этом деятельность КПК в сфере правового регулирования общественных отношений, хотя и носит характер прямого вмешательства в юридическую сферу, однако называется китайскими чиновниками «руководством». Исследователями неоднократно отмечено влияние партии и на принимаемые народными судами решения, замена принятыми партийными директивами действующего законодательства. Кроме того, юридически КПК стоит как бы вне рамок закона. «Главная черта сложившейся системы — монополизация власти в руках руководства правящей партии, стоящей вне контроля партии и общества; партия слилась с государственной машиной; утвердилось положение о безусловном примате государства над правом, рассматривавшемся как простой инструмент государственной власти»¹⁶¹.

«Подавать в суд на партию опасно и бессмысленно, — сказал мне Хэ Вэйфан, бывший в ту пору профессором юриспруденции при Пекинском университете, одним из старейших и престижнейших вузов Китая. — Как организация, КПК находится вне и над законом. Она должна быть юридическим лицом, чтобы на нее можно было подать иск, однако она даже не зарегистрирована в качестве организации. Партия вообще существует вне правового поля». КПК настаивает, чтобы любые

общественные организации регистрировались в государственных органах, и наказывает нарушителей, в то время как сама никогда не соблюдала такое требование, невозмутимо полагаясь на одну единственную строчку в Преамбуле к Конституции, где говорится о ее «направляющей и руководящей роли», считая эту строчку достаточным основанием для своей власти», — пишет экс-глава пекинского бюро лондонской *Financial Times* Ричард МакГрегор¹⁶².

Профессор Л.М. Гудошников подтверждает: «В КНР остается даже теоретически нерешенной проблема проверки нормативных документов КПК, общественных объединений на соответствие Конституции и законам государства. Отсутствует механизм обеспечения, например, проверки соответствующих документов духу и букве Конституции, принципам экономической, социальной и политической системы, требованиям защиты прав граждан и т.п. Изменение существующего положения, при котором конституционный надзор лишен соответствующего механизма его осуществления, потребовало бы проведения радикальной реформы политической системы, введения системы разделения властей. Однако руководство КПК, ее партаппарат решительно противятся такому разделению и, на словах допуская реформу политической системы, говорят лишь о «совершенствовании существующей системы собраний народных представителей». Де-юре такая система государственных органов претендует на всю полноту власти в стране. Де-факто она находится под жестким контролем аппарата КПК, действующего через депутатов, подчиненных партийной дисциплине»¹⁶³.

В КНР действует особая процедура привлечения к ответственности за коррупцию членов КПК. При получении информации о коррумпированности чиновника уголовное дело по этому факту сразу не возбуждается, что противоречит нормам действующего процессуально-го законодательства. Статья 107 УПК КНР гласит: «Органы общественной безопасности или народная прокуратура в случае обнаружения признаков состава преступления либо подозреваемого в совершении преступления должны в пределах своей компетенции возбудить дело и приступить к производству предварительного следствия».

Вместо необходимого согласно закону возбуждения дела изучением полученной информации об участии члена КПК в коррупционных схемах начинают заниматься оперативные сотрудники (Центральной) комиссии по проверке дисциплины. Их деятельность подменяет собой работу следственных органов. Еще до возбуждения уголовного дела и

судебного приговора о виновности (не виновности) лица, информация о возможной преступной деятельности коррупционера становится публичной. По сути, лицо еще до судебного разбирательства и вступления в законную силу приговора суда признается виновным в коррупции. Такого рода процедура полностью противоречит действующему в КНР законодательству, но имеет широкое применение в рамках КПК и признается допустимой. Таким образом потенциально нарушаются процессуальные права более чем 85 млн граждан КНР — членов КПК¹⁶⁴. Ведь согласно ст. 12 УПК КНР *«никто не может быть признан виновным в совершении преступления, если в отношении него нет вынесенного в соответствии с законом приговора суда»*.

Касательно вопроса вмешательства правящей партии в деятельность судебных и правоохранительных органов, член Постоянного Политбюро Ло Ган отмечал: «Вражеские силы, — заявил он, — пытаются подорвать и поделить Китай, пользуясь правовой системой как предлогом. Вопроса о том, какую позицию должны занимать юридические органы, вообще не существует. Правильная политическая позиция та, на которой стоит партия»¹⁶⁵. Сказанное выше вступает в прямое противоречие с положениями ст. 126 Конституции КНР, гласящей: «Народные суды в пределах, установленных законом, осуществляют правосудие самостоятельно, без вмешательства со стороны административных органов, общественных объединений и частных лиц» и ст. 5 УПК КНР: «Народный суд в соответствии с законом независим в осуществлении правосудия, народная прокуратура на основании закона независимо осуществляет прокурорский надзор, никакие административные органы, общественные объединения и отдельные лица не могут вмешиваться в их деятельность».

Отметим, что в китайском юридическом сообществе существует критика сложившейся ситуации верховенства партии над законом. Видный профессор Института марксизма Народного университета Китая Чжан Синь пишет: «Правящая партия может осуществлять свою деятельность только в рамках Конституции и закона, она должна осуществлять свои функции согласно действующему законодательству. Правящая партия должна подвергаться контролю и замечаниям со стороны народа и закона, она должна сознательно исполнять закон, действовать в его рамках, охранять его, категорически запрещается каким-либо структурным органам или отдельным лицам правящей партии стремиться к каким-либо особым правам, которые выше закона либо находятся за его

рамками. В то же время также необходимо дальнейшее реформирование и совершенствование форм осуществления правящих функций Коммунистической партии Китая, чтобы поставить их на рельсы законности». И далее важное замечание ученого: «История и реальная действительность в который раз свидетельствуют, что если правящая партия осуществляет свои функции не по закону, то это неизбежно оказывает серьезное влияние на становление законности в государстве, приводит к снижению, вплоть до полного умаления, авторитета Конституции и закона, дисбалансу в общественных отношениях и в общественном порядке, невозможности установления гармонии в обществе; поэтому осуществление правящей партией своих функций согласно закону является ключевым вопросом строительства социалистического правового государства и построения гармоничного общества»¹⁶⁶.

В связи с приоритетом партийной воли над нормой закона на местах это нередко приводит к злоупотреблению властными полномочиями, которое происходит не в интересах государства или общества, а в угоду личной заинтересованности. Результатом чего становится рост коррупции в среде партийной номенклатуры, хотя на уровне высшей власти декларируется суровая борьба с ней. Но как бороться с коррупцией, если в руках партийного чиновника широкие властные полномочия, по силе превышающие действующее законодательство, которое, в свою очередь, размыто и не конкретизированно?!

Касательно рассматриваемого вопроса особого внимания заслуживает позиция российского исследователя А.В. Виноградова, который считает, что на начальном этапе развития социалистической рыночной экономики в Китае коррупция способствовала экономическому росту страны. В этот период чиновник выступал в качестве «одного окна», оперативно разрешая возникающие у бизнеса трудности при отсутствии каких либо четких административно-правовых механизмов. Ученый пишет: «У коррупции две функции. Первая, общепризнанная, негативная, затрудняющая экономическое развитие. Вторая, о которой не принято говорить, социокультурная — *позитивная*, санкционирующая предпринимательскую активность населения и одновременно стабилизирующая отношения власти и бизнеса. *На начальном этапе реформ вторая функция играет главную роль, она восполняет несовершенство правового режима, вводя специальные механизмы контроля за новой сферой жизнедеятельности* (курсив наш. — Авт.) Использование служебного положения в личных целях означало появление особой формой

взаимовыгодного совмещения личного и государственного интереса. Без этого совмещения предпринимательская инициатива индивида и рыночные реформы были бы не возможны. Поэтому целью борьбы с коррупцией на том этапе являлось не ее искоренение, а удержание в определенных рамках, потому что она была органической частью повышения экономической активности и создания параллельного с плановой системой свободного экономического пространства. Быстрая победа над ней означала бы уничтожение предпринимательской инициативы и возвращение к дореформенным временам»¹⁶⁷.

Однако по мере государственного развития коррупция из фактора, стимулирующего экономический рост, превратилась в серьезную угрозу для национальной безопасности китайского государства. В отчетном докладе XV съезду КПК в сентябре 1997 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь заявил: «Борьба с коррупцией является серьезным политическим сражением, от которого зависит существование либо гибель партии и государства»¹⁶⁸. «До тех пор, — пишет А.В. Виноградов, — пока коррупция реализовывала свою созидательную функцию, общество воспринимало ее как неизбежное зло и мирилось. Но как только темпы роста снизились, в обществе усилилось ощущение социальной несправедливости. На этапе становления рыночной экономики протест вызывали предприниматели, первыми начавшие повышать свой жизненный уровень и нарушившие, таким образом, социальное равенство, и чиновники, которые им в этом помогали. Теперь протест вызывают, прежде всего, государственные чиновники, которые нарушают принципы социальной справедливости, декларированные государством. На начальном этапе государство с помощью чиновников создавало рыночную систему, теперь чиновники хотят ее эксплуатировать уже без государства. Этого же хочет бизнес. Таким образом, из фактора, стабилизирующего отношения власти и бизнеса, коррупция превратилась в фактор, дестабилизирующий отношения власти и общества»¹⁶⁹.

Подчеркнем, что на первоначальном этапе экономических преобразований, несмотря на противозаконность коррупционной деятельности, она допускалась по причине ее благоприятного влияния на развитие реформируемого государства. Таким образом, в очередной раз политическая воля правящей элиты по силе превышала действующие законы. Впоследствии это привело к серьезным негативным результатам для всего Китая: коррупция превратилась «в раковую опухоль на его теле».

26 декабря 2013 г. Центральным комитетом КПК был официально обнародован «**План работы по построению и оздоровлению карательной и предупреждающей коррупцию системы на 2013—2017 гг.**» («**建立健全惩治和预防腐败体系2013—2017年工作规划**») ¹⁷⁰. Согласно закрепленным в нем положениям, борьба с коррупцией должна включать в себя не только усиление мер юридической ответственности, привлечение виновных к заслуженному наказанию, но и повышение уровня неприятия коррупции в обществе, разработку научных мер предупреждения коррупционных явлений в государстве. Законодателю предписано активизировать работу по разработке и принятию необходимых для борьбы с коррупцией актов правотворчества.

Осознавая серьезность проблемы вмешательства партии в деятельность юридических органов 18 марта 2015 г. в правовой системе КНР появилось **Положение «О фиксации, оповещении и привлечении к ответственности руководящих кадров за вмешательство в деятельность органов юстиции и препятствовании в проведении разбирательства по делам»** (领导干部干预、插件处理的记录、通报和责任追究规定) (принято совместно Канцелярией ЦК КПК и Канцелярией Государственного совета КНР) ¹⁷¹. В документе, состоящем всего из 13 статей, предусматривается ответственность за противоправное вмешательство имеющих статус государственных работников партийных органов всех уровней, собраний народных представителей, судебных органов, органов прокуратуры, военных органов, компаний, предприятий, производственных единиц, общественных объединений.

Под противоправным вмешательством партийный документ понимает (ст. 8):

— просьбы о снисхождении к стороне дела на различных его этапах, включая проверку, возбуждение дела, расследование, судебное разбирательство, исполнение;

— требование к ответственным за разбирательство по делу лицам о личной (негласной) встрече со стороной дела либо с его защитником, процессуальным представителем, близкими родственниками или иными заинтересованными в исходе дела лицами;

— намек, потворствование окружающих работников либо близких родственников на обращение с просьбой о снисхождении к стороне дела;

— высказывание тенденциозного мнения либо предъявление конкретного требования в отношении разбирательства по делу при пре-

вышении полномочий в форме заслушивания докладов, организации координационных встреч, отправки документов в интересах региона либо органа;

— иная деятельность по незаконному вмешательству в работу органов юстиции, препятствующая справедливому разбирательству по делу.

При совершении предусмотренных ст. 8 нарушений лицо подлежит привлечению к дисциплинарной, административной ответственности в соответствии с действующим законодательством и партийными документами. Например, член КПК — согласно Правилам Коммунистической партии Китая «О дисциплинарных взысканиях» (中国共产党纪律处分条例); государственный служащий — «Правилам взыскания работников административных органов» (行政机关公务员处分条例); прокурорский работник — «Правилам дисциплинарного взыскания сотрудников прокуратуры (в опытном порядке)» (检察人员纪律处分条例 (试行)); работники судебных органов — «Правилам взыскания работников народных судов» (人民法院工作人员处分条例); военнослужащий — «Приказу Народной освободительной армии Китая о дисциплинарных взысканиях» (中国人民解放军纪律条令) и др. При наличии в действиях нарушителя состава преступления, лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности согласно положениям действующего УК КНР (ст. 9).

В документе прописывается возможность оповещения общества о фактах незаконного вмешательства лиц в процесс разбирательства по делу. Используется уже известная нам формула через глагол «*может*»: «при необходимости можно предать гласности обществу» (ч. 1 ст. 8). Однако ни в партийных документах, ни в законодательстве не содержатся условия, свидетельствующие о «необходимости» оповещения общества о вмешательстве в деятельность органов, рассматривающих то или иное дело. А даже если такая необходимость будет признана, партия не обязывает такое оповещение, а лишь говорит о его возможности. Налицо широта дискреционных полномочий, предполагающая отсутствие их пределов для ответственного лица в ходе практического применения предусмотренных Положением норм.

Практически сразу после вступления в силу рассмотренного партийного документа соответствующие судебные, правоохранительные и иные компетентные органы КНР приступили к принятию ведомственных актов, направленных на исполнение закрепленных КПК предписаний. Так, 1 июня 2015 г. Верховной народной прокуратурой в опытном поряд-

ке были обнародованы Правила претворения в жизнь положений указанного выше акта¹⁷². 29.06.2015 — аналогичный внутренний документ был принят Министерством общественной безопасности¹⁷³.

В нынешних условиях китайской действительности исключить влияние правящей партии на судебную, правоохранительную, административную системы невозможно. Можно говорить лишь о его некотором снижении, смягчении давления на принимаемые государственными органами решения. При широких властных полномочиях КПК, размытом законодательстве, неспособности гражданского общества бороться за свои права партия будет играть определяющую роль в жизни государства и общества, «руководя» процессом их эволюции в заданном направлении.

28 мая 2013 г. были обнародованы «**Правила принятия партийного законодательства Коммунистической партии Китая**» (中国共产党党内法规制定条例)¹⁷⁴. Российским позитивистам не стоит удивляться такому странному названию партийного документа, опубликованного при этом в одном из официальных (наряду с «Жэньминь жибао») государственных изданий. Мы умышленно даем дословный перевод китайских документов для того, чтобы показать разность в отношении фундаментальных институтов государства и права, существующих в Китае и России. Если у российский юристов сразу возникнут вопросы о правомерности принятия партией законодательства, то в китайском обществе это обстоятельство не вызовет недоумения¹⁷⁵. Да, партия принимает собственные партийные акты, но они носят законодательный характер, — ответят нам китайские коллеги.

Согласно ч. 1 ст. 4 Правил под партийным законодательством понимаются: устав, правила, положения, регламенты, постановления, инструкции. До своего принятия они должны пройти проверку содержания на предмет соответствия (ст. 21):

во-первых, уставу КПК и партийной теории, линии, курсу, политике;

во-вторых, Конституции и законам;

в-третьих, вышестоящему партийному законодательству;

в-четвертых, равному по силе партийному законодательству, регулирующему тот же самый вопрос;

в-пятых, проведенных консультаций с соответствующими органам в отношении затрагиваемых важнейших политических мер;

в-шестых, полномочиям и процедуре принятия.

Особо подчеркнем, что соответствие принимаемых КПК документов положениям Конституции и законам проверяется лишь во вторую очередь, после того, как утверждено их совпадение с проводимым партией курсом. Законность снова ставится на позицию после политической целесообразности. Уже не удивляет ч. 2 ст. 23 Правил, гласящая: «после утверждения партийного законодательства оно обычно должно быть обнародовано». То есть может иметь место существование и закрытых документов, о которых не будет знать ни только китайское общество, зарубежные исследователи, но и 85 млн членов КПК. В связи с этим вспоминается период в китайской истории, когда до появления в 1979 г. первого УК КНР в стране некоторое время действовал уголовный закон (если так можно назвать этот документ) в виде закрытой инструкции для прокуроров и судей, которую применяли лишь во время вынесения приговоров. Подозреваемые, обвиняемые и подсудимые лишь догадывались о степени ответственности за совершенное ими деяние, которое лишь по закрытой инструкции образовывало состав преступления и подлежало наказанию по известной лишь суду мере.

Справедливости ради отметим, что в Правилах теоретически указывается на необходимость отмены действия либо исправления партийных документов в случае их «несоответствия Конституции и законам» (п. 2 ст. 18). Партийное «правотворчество» должно отвечать правотворчеству государственному, в противном случае замена партией законов приведет лишь к углублению внутренних противоречий, росту коррупционных явлений, недовольству общества. Российскому исследователю права современного Китая необходимо тщательно изучать влияние КПК на действующее в стране законодательство, принимать во внимание особенность правоприменительной практики с учетом вмешательства партии в деятельность судебных и правоохранительных органов.

В августе 2013 г. ЦК КПК было обнародовано Постановление «Об отмене и провозглашении прекращения действия ряда партийного законодательства и нормативных документов», в соответствии с которым было аннулировано 3000 принятых с момента образования в 1978 г. КНР партией документов, 467 сохранили свою силу, при этом 42 подверглись изменениям. В ноябре 2014 г. партией был принят Пятилетний план работы по принятию партийного законодательства на 2013—2017 гг., который явился первым за всю историю нового Китая документом, закладывающим основу «чистки» принятых КПК нормативных документов, вступающих в противоречие с действующим законом.

В рамках рассматриваемой проблематики скажем несколько слов об известной современному Китаю правовой доктрине **«управление государством на основе закона»** (依法治国)¹⁷⁶, которая была сформулирована на XV съезде КПК, проходившем в Пекине с 12 по 18 сентября 1997 г. Тогда была заложена основа будущей законодательной политики Китая на многие десятилетия вперед. В марте 1999 г. термин «управление государством на основе закона» в результате принятых поправок был внесен в действующую Конституцию КНР (13-я Поправка): «Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством».

В ноябре 2002 г. указанная концепция стала одной из задач построения в Китае «общества малого благоденствия» (小康社会) («сяо-кан» — иначе «среднезажиточное общество»). В октябре 2007 г. правящей партией была подчеркнута особая важность доктрины «управление государством на основе закона» для успешного построения социалистического правового государства (社会主义法治国家).

Главным вопросом повестки прошедшего в октябре 2014 г. 4-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва стала указанная выше политико-правовая доктрина¹⁷⁷. Впервые в истории Китая правовой проблематике было уделено столь много внимания. По результатам доклада Председателя КНР Си Цзиньпина на Пленуме принято Постановление ЦК КПК **«О некоторых важных вопросах всестороннего стимулирования управления государством на основе закона»** (中共中央关于全面推进依法治国若干重大问题的决定)¹⁷⁸, что предопределило появление в правовой системе КНР в конце 2014 г. некоторых новых актов правотворчества, разработку и подготовку к принятию целого ряда других важных для страны законов в ближайшем будущем.

Постановление представляет собой достаточно объемный документ, состоящий из 17 тыс. иероглифов и делится на 7 составных частей:

— продолжение движения по социалистическому правовому пути с китайской спецификой и построение социалистической правовой системы с китайской спецификой;

— совершенствование основанной на Конституции социалистической правовой системы с китайской спецификой и усиление исполнения Конституции;

— углубление и стимулирование основанного на законе администрирования и ускорение создания правового правительства;

- обеспечение справедливого правосудия и повышение доверия к нему;
- повышение правосознания граждан и стимулирование построения правового общества;
- усиленное формирование групп по правовой работе;
- усиление и улучшение руководящей роли КПК в деле всестороннего продвижения управления государством на основе закона.

Партийно-государственное руководство КНР сделало особый акцент на необходимости совершенствования правовой системы страны, принятии новых законов, внесении дополнений и изменений в действующие акты правотворчества. Все это должно быть осуществлено в ближайшие годы для всестороннего регулирования проводимых преобразований («политика углубления реформ»). На пленуме подчеркнуто: «Закон является важным орудием при управлении государством, хороший закон — предпосылка для правильного управления. В ходе построения социалистической правовой системы с китайской спецификой следует строго придерживаться приоритета правотворчества, выявлять его направляющую и стимулирующую роль, осознавать важность повышения качества правотворческой деятельности». Отмечено, что «управление государством на основе закона является сущностным требованием и важнейшей гарантией твердого отстаивания и развития социализма с китайской спецификой, необходимым требованием к осуществлению системы государственного управления и способности к модернизации, имеет отношение к управлению государством партией, к счастью и благополучию народа, к долгосрочной безопасности партии и государства».

Одной из главных задач, стоящих перед руководством страны, было признано построение социалистического правового государства. Для этого власти призывают к соблюдению следующих важных принципов:

1. *Учет руководящей роли партии в происходящих в государстве и правовой системе процессах.* Отмечается, что решения партии играют ключевую роль в ходе осуществляющихся преобразований. КПК занимает главенствующее положение в стране и выступает, по сути, источником правотворческих процессов в Китае. «В 1949 г. под руководством Коммунистической партии Китая, возглавляемой Председателем Мао Цзэдуном, народы всех национальностей Китая, пройдя тяжелый и тернистый путь длительной вооруженной и других форм борьбы, в кон-

це концов свергли господство империализма, феодализма и бюрократического капитализма, одержали великую победу в новодемократической революции, создали Китайскую Народную Республику. С тех пор китайский народ взял государственную власть в свои руки и стал хозяином страны», — говорится в Преамбуле Конституции КНР.

И далее: «Победа новодемократической революции и успехи социализма в Китае стали возможными потому, что Коммунистическая партия Китая, ведя за собой народы Китая и руководствуясь марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, отстаивала истину, исправляла ошибки, преодолевала многочисленные трудности и препятствия. ...Народы всех национальностей Китая, руководимые Коммунистической партией Китая и руководящиеся марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, теорией «тройного представительства», будут и впредь отстаивать демократическую диктатуру народа и социалистический путь, сохранять курс на реформы и открытость, постоянно совершенствовать различные социалистические институты, развивать социалистическую рыночную экономику, развивать социалистическую демократию, укреплять социалистическую законность, с тем чтобы собственными силами и упорной борьбой постепенно осуществить модернизацию промышленности, сельского хозяйства, государственной обороны, науки и техники, стимулировать гармоничное развитие материальной, политической и духовной культуры, превратить нашу страну в богатое, могучее, демократическое, цивилизованное социалистическое государство»

Китайский ученый Се Чуньтао в статье «Нет оснований сомневаться в решимости партии осуществлять управление государством на основе закона» заявляет, что «без руководства со стороны партии невозможно осуществлять управление государством на основе закона»¹⁷⁹. По его мнению именно благодаря КПК китайское государство встало на путь правового строительства, а его народ получил не виданные ранее права и свободы. Такая позиция присутствует во всех официальных источниках информации КНР. Однако в действительно правовом государстве справедливее было бы говорить о роли гражданского общества в деле формирования национальных законодательства и правовой культуры.

2. Главенствующая роль народа при проведении внутригосударственных реформ. Обязательный учет интересов населения в деятельности государственных органов предусмотрен основным законом страны. Согласно ст. 2 Конституции КНР вся власть в стране принадлежит

народу (ч. 1), который осуществляет ее через систему собраний народных представителей (ч. 2). Всекитайское собрание народных представителей, его Постоянный комитет, местные собрания народных представителей — органы законодательной (представительной) власти в Китае. Именно ими принимаются важные для государства законы и другие правовые документы. В последние годы все разрабатываемые в законодательных комитетах китайского парламента законы подлежат обязательному обсуждению со стороны населения. Проекты будущих правовых актов размещаются на сайте ВСНП для учета замечаний и предложений обычных граждан, ведется подсчет, а затем обнародуется количество принявших участие в обсуждении законопроекта человек. То же самое касается и важных нормативных правовых актов, принимаемых Государственным советом КНР.

Сказанное выше является неоспоримым фактом: в Китае уже давно действует достаточно отлаженная система учета мнений населения по предлагаемым к принятию законопроектам. В свою очередь активность граждан возрастает год от года. Долгий процесс принятия законодательного акта не в последнюю очередь связан с обязанностью профильных комитетов прислушиваться к мнению тех китайцев, которые выражают его путем обращения через Интернет в представительный орган власти.

3. *Равенство всех граждан перед лицом Закона.* Часть 2 ст. 33 Конституции КНР закрепляет этот важный для любого государства принцип. Часть 4 ст. 33 гласит: «Каждый гражданин пользуется правами, предусмотренными Конституцией и законами, и в то же время должен выполнять обязанности, предусмотренные Конституцией и законами».

В контексте приведенного принципа руководство КПК делает особый акцент на необходимости привлечения к ответственности за совершенные преступления всех виновных лиц, не взирая на их социальный и/или имущественный статус. Особо показательными являются коррупционные преступления, за совершение которых по уголовному законодательству КНР предусматривается смертная казнь.

Так, принявших участие в октябрьском Пленуме 2014 г. членов ЦК КПК было 199 человек (на 6 человек меньше, чем избрано), а кандидатов в члены — 164 (на 7 человек меньше, чем избрано). Часть из тех, кто не присутствовал на Пленуме, была отстранена от работы вследствие обвинений в коррупции. Обвинения в коррупции предъявлены 3 членам ЦК КПК (Цзян Цземинь, Ли Дуншэн, Ян Цзиньшань) и 5 канди-

датам (Пань Иян, Ли Чуньчэн, Ван Юнчунь, Вань Цинлян, Чэнь Чуаньпин). Для КПК это беспрецедентный случай — 8 человек изгоняются из высшего состава правящей партии по причине обвинений в коррупции.

В конце 2014 г. по обвинению в коррупции исключен из партии один из самых высокопоставленных чиновников в истории Нового Китая Чжоу Юнкан (член Политбюро ЦК КПК) (возбуждено уголовное дело). Запущена процедура расследования, возбуждено уголовное дело в отношении Лин Цзихуа (главный советник бывшего лидера КНР Ху Цзиньтао, зам. председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая), развернута широкомасштабная кампания по борьбе с «тиграми и мухами», то есть с крупными и мелкими коррупционерами всех уровней.

4. *Единство концепций «управление на основе закона» и «управление государством при помощи морали»*, предполагающее учет в правовой и правоприменительной деятельности нравственных ценностей и категорий, ядром которых выступает социалистическая мораль. Мы уже говорили о том, что на формирование права Китая, правовую культуру и правосознание его граждан решающее влияние оказали учения великого Конфуция, легистов, иных известных древних китайских мыслителей. Не случайно, что КПК старается поддерживать сформированные веками нравственные принципы у китайского народа, предполагающие уважение младшими старших — от отношений в семье до подчинения властям, стремление к образованию, повышение культурного уровня.

Вместе с этим заявляется о ценностях социалистической морали, которые, на наш взгляд, производны от традиционных для древнего китайского общества представлений о взаимоотношениях личности с государством и окружающим ее социумом. Единство конфуцианских и социалистических ценностей резко диссонирует с распространяющимся культом наживы, оказывающим разрушительное влияние не только на обычных граждан Китая, но и на высокопоставленных членов партии.

В рамках осуществляемой широкомасштабной административной реформы по результатам ноябрьского Пленума ЦК КПК 2013 г. было принято решение о создании Центрального комитета по национальной безопасности (Совет государственной безопасности) (中央国家安全委员会) — единого органа координации и обеспечения государственной безопасности (новый орган в системе исполнительной власти). Председателем данного органа назначен глава КНР Си Цзиньпин. В рамках

обеспечения государственной безопасности он координирует деятельность Министерства общественной безопасности, Военной полиции, органов юстиции, второй и третьей части НОАК, МИД, Министерства государственной безопасности и других органов, включая Центральную комиссию КПК по проверке дисциплины. Китайские эксперты свидетельствуют, что КНР «...крайне нуждается в авторитетном учреждении, способном координировать деятельность различных силовых ведомств страны исходя из национальных интересов в целом, чтобы тем самым справиться со все более усложняющимися и серьезными вопросами национальной безопасности»¹⁸⁰.

Данный орган впервые в истории КНР стал своего рода «мега-министерством», сконцентрировав в своих руках широкие властные полномочия в сфере обеспечения государственной безопасности.

5. *Учет китайской специфики*, запрет на бездумное привнесение зарубежных ценностей и категорий на китайскую почву. Китайские власти настаивают на особой специфике своего государства, модели управления им, невозможности полного и безоговорочного имплементирования норм международного права в правовую систему КНР. Отмечено, что Китаю всегда был свойственен свой особый «национально окрашенный» подход ко многим фундаментальным институтам государства и права, устойчивые определения и понимание которых уже сформировались в западно-европейской науке.

Некоторые китайские ученые придерживаются жесткой позиции в отношении навязываемого их стране института демократии по западному образцу. Научный сотрудник Центра мировых проблем агентства Синьхуа Вань Чэнцай утверждает: «Неоднократные попытки демократизации Китая оказались безуспешными. История Китая свидетельствует о том, что демократия приводит к внутренним смутам. Китайские руководители считают, что всеобщие демократические выборы по западному образцу могут привести к новым смутам, поэтому идет поиск типа демократии, соответствующей китайской действительности. Успехи китайской экономики свидетельствуют о том, что на ближайшие 100 лет Китай имеет оптимальную власть, хотя не все идеально. Зачем же Китаю западная демократия, которая “может привести к взрыву?”»¹⁸¹.

Приведенные выше позиции авторитетных ученых в полной мере можно отнести и к правотворческой деятельности китайского законодателя. Парламент КНР не спешит принимать давно действующие в

западном мире кодифицированные акты правотворчества, руководствуясь собственными соображениями и спецификой правоприменения.

Правовая доктрина «управление государством на основе закона» предполагает серьезное повышение независимости и открытости судопроизводства в государстве. Для контроля за выносимыми китайскими судами приговорами и решениями по уголовным, гражданским, административным делам создана система онлайн-трансляции судебных заседаний через всемирную сеть Интернет, любой желающий, включая зарубежного исследователя, может свободно следить за судебным разбирательством заинтересовавшего его дела.

С 1 января 2014 г. вступили в силу принятые Верховным народным судом КНР «**Правила обнародования в сети Интернет решений народных судов**» (最高人民法院关于人民法院在互联网公布裁判文书的规定), согласно которым китайские суды всех уровней обязаны обнародовать вынесенные приговоры (решения, постановления) в сети Интернет. При этом четко закрепляется, что по делам, затрагивающим государственную тайну, частную жизнь граждан, по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, при использовании медиативных процедур и в иных случаях обнародование судебных решений в Интернете не допускается (ст. 4).

Кроме того, перед Верховным народным судом КНР партией поставлена задача активизации процесса создания *системы выездных судов*, совершенствования системы публичных обвинений со стороны органов народной прокуратуры, системы народных заседателей. Отмечен категорический запрет на разрешение дел, используя связи, личную заинтересованность, покровительство родственников и знакомых с использованием несовершеннолетнего законодательства.

В крупных городах Китая Шэньчжэнь и Шэньянь уже созданы передвижные суды ВНС КНР для разбирательства важных административных и гражданских дел. Они являются аккредитованными органами ВНС КНР. Их судьями работают судьи ВНС КНР. Законная сила приговоров, вынесенных такими судами, равняется силе приговоров ВНС — суда последней инстанции.

Партией отмечена необходимость повышения уровня правовой культуры, юридической грамотности населения. Для этого повсеместно государством учреждаются мобильные юридические консультации для оказания безвозмездной помощи населению. Рекрутируется и проходит обучение штат добровольцев-юристов, которые приходят на помощь не

только совершеннолетним членам общества, но и проводят занятия в школах¹⁸². Кроме того, заявлено о важной роли института адвокатуры в китайском обществе: «адвокатские отряды выступают важнейшей силой управления государством на основе закона, следует всеми силами повышать их идеологическое и политическое строительство, превращая поддержку руководства со стороны Коммунистической партии Китая, социалистического правопорядка в основное требование к адвокатской деятельности»¹⁸³. Для защиты статуса адвоката в процессе планируются изменения в действующий Закон КНР «Об адвокатуре».

Современное китайское право с формальной стороны носит ярко выраженный идеологический характер. Не случайно, что правовая система КНР в официальных документах называется не иначе, как: «социалистическая правовая система с китайской спецификой». Наиболее идеологичнее других отраслей выглядит конституционное право КНР. В Преамбуле к Конституции содержится указание на примат марксистско-ленинской идеологии. Идеологические постулаты содержатся и в действующем УК КНР, УПК КНР, ГПК КНР, Общих положениях гражданского права, Трудовом кодексе, Законе КНР «О судьях», Законе КНР «О прокурорах» и др. Например, ст. 1 УПК КНР гласит: «Настоящий Кодекс разработан в соответствии с Конституцией в целях гарантирования точного исполнения уголовного закона, наказания преступников, защиты населения, обеспечения государственной и общественной безопасности, *охраны социалистического общественного порядка*». Статья 1 Трудового кодекса устанавливает, что он принят в целях «построения и защиты соответствующей *социалистической рыночной экономики* трудовой системы».

Несмотря на отнесение (с оговорками) современного китайского права к социалистическому типу, все же оно чрезвычайно национально специфично. Академик М.Л. Титаренко отмечает: «То, что строится в Китае, и путь, по которому он идет, не укладываются ни в привычные рамки традиционных представлений о социализме, ни в либеральные схемы рыночных отношений западной демократии»¹⁸⁴. При декларировании приверженности государства марксистско-ленинской идеологии, она потеряла свое определяющее законодательство и политику значение. Власти КНР руководствуются исключительно национальными интересами и «китайской спецификой», а социализм является лишь «ширмой» для поддержания внутренней стабильности в государстве, некой «скрепой» общества, защищающего его от распада. Хотя в официальных

партийных документах в обязательном порядке присутствует упоминание о ценностях социалистической модели управления, социалистической законности, идеях китайских руководителей разных поколений, общество живет по иным более меркантильным законам. Существующее в китайском законодательстве прямое воспроизведение марксистско-ленинских формулировок, идей и лозунгов не находит поддержки у нового молодого поколения китайских граждан.

Называть китайское право только социалистическим и отнести правовую систему полностью к этому типу было бы не правильным. Да, на первоначальном этапе становления новой китайской государственности Мао Цзэдун призывал учиться у советской России, заимствуя все самые прогрессивные правовые институты, базирующиеся на марксистско-ленинской теории государства и права. Но даже в то время проявился специфический китайский характер, поставивший законодателя перед необходимостью учета традиционных для общества ценностей и принципов. Более того, коммунистическим властям КНР не хотелось во всем быть похожими на СССР, для чего предпринимались различные усилия по созданию собственной уникальной правовой системы. Прискорбно слышать из уст китайских ученых следующие слова: «Проведение окончательного пересмотра базовых принципов советского права является последним препятствием в модернизации права КНР»¹⁸⁵. Как жаль, что в глазах авторитетных исследователей бесценный советский опыт является преградой к движению в «светлое китайское будущее».

После разрушительной для китайской государственности «культурной революции» власти КНР пошли по пути признания всех видов собственности, сочетания социалистической системы с рыночной экономикой. Появилась концепция «социалистической рыночной экономики» с обязательной приставкой — «с китайской спецификой».

Доктор политических наук А.В. Виноградов отмечает: «Развитие общественно-политической мысли после 1978 г. определялось взаимодействием двух тенденций: стремлением реконструировать теоретическую систему марксизма и разочарованием в существующей концепции социалистического строительства, постепенно вытеснявшейся радикальной экономической реформой. Результаты последней, существенно отличаясь от прежних представлений, вновь привлекли внимание к отношениям между идейно-теоретической доктриной и политическим курсом КПК...Снятие после периода острой идеологической борьбы ограничений на пользование зарубежными источниками привело к ус-

воению западных моделей и методологических подходов, а вместе с ними мировоззренческих установок и ценностей, способствовавших зарождению «буржуазной либерализации» Практика экономических реформ, расходившаяся с классической марксистской теорией, а также западные экономические концепции, ее объяснявшие, бросили вызов марксизму, особенно чувствительно относившемуся к результатам экономической мысли»¹⁸⁶. В результате чего появилась китайская трактовка марксизма и ленинизма, предполагающая принципиально новую модель государственно-правового и социально-экономического развития. Все это незамедлительно сказалось и на китайском законодательстве. С одной стороны, в нем присутствовали идеологические термины о верности социалистическим идеалам (первые статьи принимаемых законов), с другой — их содержание было направлено на регулирование курса «социалистической рыночной экономики», что сильно диссонировало с провозглашаемой верностью «вечным идеалам революции».

В реформенный период впервые была признана необходимость права для китайского общества, подвергнута критике теория «исчезновения права» в коммунистическом государстве. В то же время к праву не относились как к «священной корове», первые появившиеся в правовой системе КНР после 1978 г. законы были чрезвычайно несовершенными.

В последующие годы по мере развития товарно-денежных отношений, роста китайской экономики и открытости внешнему миру законодателем стали приниматься более грамотные с точки зрения юридической техники нормативные правовые акты, характер содержания которых лишь по первым статьям можно было отнести к социалистическим. Однако полного отказа от марксистско-ленинской теории государства и права не случилось. Руководство КНР продолжает декларировать приверженность этим идеалам. Социалистическая риторика продолжает сохраняться в текстах многих китайских законов.

* * *

1. Исследование права современного Китая не возможно в отрыве от понимания основ марксистско-ленинской идеологии и происходящих в государстве политических процессов. Одной из главных особенностей правовой системы КНР является определяющее влияние Коммунистической партии Китая на формирование принимаемого в государстве законодательства. Современный Китай представляет собой

партократическое государство, в котором присутствует фактическая принадлежность власти центральным и местным органам правящей партии. Решения КПК определяют вектор развития китайского права, закладывают основу правового строительства в КНР. Деятельность партии в сфере правового регулирования общественных отношений носит характер прямого вмешательства в юридическую сферу под лозунгом «руководства» и «направления» законодательного развития страны. Партия стоит над законом, в отдельных случаях своими решениями подменяя его. Социалистическая целесообразность, в понимании китайского чиновника, верховенствует над позитивным правом.

Со времени образования в 1949 г. КНР была принята трансформация политических решений КПК в законодательные акты. В годы различных политических кампаний (1958—1976) решения партии имели силу закона, что не могло не сказаться на правосознании китайских граждан. Профессор Л.М. Гудошников свидетельствует: «что касается КПК, то эта партия еще со времен установления ее власти в освобожденных районах издавала и продолжает издавать директивные акты, непосредственно регулирующие деятельность государственных органов, практикуется и издание совместных партийно-государственных постановлений. ...Более того, в течение многих лет не только в освобожденных районах, но и в КНР обычной практикой было вынесение судебных решений по получении указаний партийных комитетов»¹⁸⁷. Все вышесказанное следует учитывать зарубежным исследователям при работе в правовом поле КНР.

Российский ученый Е.В. Куманин констатирует: «проблематика соотношения политики и права особенно важна для понимания китайского права. В силу исторических и национальных особенностей в Китайской Народной Республике политические методы воздействия длительное время вытесняли правовые формы организации общественных отношений. Поэтому для исследования китайского права требуется детальное выявление каналов взаимодействия политики и права»¹⁸⁸.

2. Принимая во внимание влияние идеологии и политики на правовую систему КНР, отнесем ее к смешанному, гибриднему типу. В ней наличествуют как характерные черты права социалистического, так и основные институты континентальной и англосаксонской правовых семей. Все это цементируется китайской спецификой, характеризующейся значительным влиянием высоких принципов конфуцианской морали на правосознание и правовую культуру китайского гражданина. Не только нам,

зарубежным исследователям, но и самим китайским ученым трудно дать точный ответ на вопрос об отнесении правовой системы КНР только к одному из существующих в мире типов. В этом и состоит главная специфика права современного Китая, его уникальность и неповторимость, так сильно притягивающая к нему взоры современных ученых.

3. В последнее время серьезным изменениям подверглась риторика руководителей китайского государства в направлении признания важной роли права в жизни общества, необходимости усиления механизма правового регулирования общественных отношений по примеру других государств. Научно развилась концепция «управление государством на основе закона», предполагающая усиление правового фактора в деятельности государственных органов. Праву стали уделять несравненно больше внимания в сравнении с предыдущими периодами исторического развития китайской государственности новой социалистической формации.

Однако предпринимаемые усилия в направлении правового строительства не способны кардинальным образом изменить существующее в сознании китайских граждан отношение к праву и его институтам. Необходимы более серьезные, фундаментальные шаги по признанию верховенства закона, искоренению влияния правящей партии на судебные решения и деятельность правоохранительной системы. Пока в государстве закон будет находиться в подчиненном к КПК положении, он никогда не будет пользоваться заслуженным уважением. Требуется кардинальная трансформация действующих политических и правовых институтов в сторону их независимости и самостоятельности от руководящей и направляющей роли КПК.

§ 1.5. Право Китая в трудах российских ученых

Российско-китайские отношения стратегического сотрудничества и партнерства в настоящее время переживают особый период развития. Российская Федерация идет по пути углубления отношений с Китаем, признавая его за одного из надежных партнеров на международной арене. Заметно увеличились контакты на высшем уровне между руководством двух стран, подписываются крупные экономические соглашения, активизируется сотрудничество в культурной, образовательной, научной, военной областях.

На этом фоне особый интерес у российских специалистов вызывает право и законодательство Китая. В отечественных научных, образовательных учреждениях создаются специализированные группы, отделы, центры по его изучению. Нередкими стали совместные российско-китайские конференции, круглые столы, научные встречи, посвященные вопросам правовой культуры, правосознания и правоприменения, свойственные китайской цивилизации. Начался процесс глубокого научного изучения права нашего великого соседа.

Вместе с тем современными российскими исследователями зачастую упускаются из вида ранее полученные отечественной юридической наукой и китаеведением достижения в сфере изучения права Китая. Это связано, прежде всего, с отсутствием достаточной информации о них. Многие начинают «изобретать велосипед», даже не предполагая, что их предшественниками уже проведен глубокий анализ исследуемой проблематики. Подчеркнем, что на различных этапах развития российской государственности в отечественной науке проводилось изучение китайского права. Это касается как царской, так и советской России. Значительные результаты в рассматриваемой области были достигнуты и в постсоветский период. Россия по праву занимает одно из ведущих мест в мировой синологической науке. Отечественными учеными написано множество крупных работ по проблематике китайского права. Знание их содержания обязательно для современных исследователей права КНР, ведь они заложили прочный фундамент, на котором настоящее и будущее поколение специалистов может проводить свои научные изыскания.

Основная проблема юридического направления отечественного китаеведения заключается в том, что разрушена преемственность поколений, когда от старших и опытных учителей своим последователям передаются полученные за долгие годы кропотливой научной работы драгоценные знания. После распада СССР большинство ученых, занимавшихся изучением права Китая, ушло из науки в бизнес, восполнить потери специалистов в те годы оказалось невозможным. Интерес к исследованию права Поднебесной стал возрождаться лишь в последние годы. Все большее число российских юристов и китаистов обращают свое внимание на китайское право.

Автор предпринял попытку дать максимально полную информацию о выдающихся российских ученых и их работах, содержание ко-

торых должно знать новое поколение отечественных специалистов, интересующихся правом Китая.

Право Китая в работах ученых царской России

Китай долгое время был закрытой для иностранцев страной. Первые письменные сведения о Китае в российском государстве появились в XV в. у Афанасия Никитина (?—1475). Первые посланники русского государства в Китай: И. Петелин («Роспись», 1618), Ф.И. Байков («Список», 1660), Н.Г. Милеску-Спафарий («Описание», 1677) оставили нам более подробное описание этой страны. Несколько столетий в Пекине действовала Русская духовная миссия, из которой вышли создатели отечественной синологии: крупнейшие переводчики, ученые, миссионеры¹⁸⁹.

В их первых о Китае трудах современным исследователям следует искать ответы на вопросы о характере и специфике древнего (традиционного) права Поднебесной. Как первооткрыватели неизвестной до этого русскому человеку цивилизации, им стали доступны глубинные основы китайского права. Наряду с изучением китайского языка, географии, культуры, они постепенно исследовали правовую культуру Китая, «погружаясь» в первоисточники. На русский язык переводились китайские законы. С содержанием этих уникальных правовых документов можно ознакомиться в Синологической библиотеке Института Дальнего Востока РАН.

Выдающийся русский востоковед Алексей Леонтьевич Леонтьев (1716—1786) по личному распоряжению Екатерины II перевел на русский язык «Тайцинъ Гурунь и Ухери Коли, то есть все законы и установления китайского (а нынъ маньжурского) правительства» (1781—1783. Т. 1—3). Это одна из немногочисленных работ о цинском праве на русском языке (перевод с маньчжурского языка). В предисловии к переводу А.Л. Леонтьев с уважением отзывается о законах китайского правительства: «Рассматривая писания древние, не могу я о благоразумии царей и владык первых веков сомневаться; они правительствовали благочинно, повеления к подданным издавали, согласуя всегда с волею высочайшего неба, и с пользою, следовательно, общественною, а при том, установя для порядочного следования и исправления дел образцы и законы».

Правотворческий опыт древнего законодателя актуален и для современности. Так, на с. 171 оригинала работы в пункте «Не брать от притителей по делам подарков» сказано: «За подарки того, кто дарил, и

того кто принимал, лишать чинов, и отдавать обоих под следствие, дабы сведать по каким делам и причинам подарки шли, а хотя кто от просителя предлагаемая подарки и не взял, то тогда не объявил об них где надлежит, и открылось оное после, наказать однакож того вычетом жалованья за год»¹⁹⁰.

Русский китаевед-переводчик **Степан Васильевич Липовцов (1770—1841)** издал переведенное с маньчжурского языка «Уложение китайской палаты внешних сношений» («Лифаньюань») (Т. 1, 2. СПб., 1828), включавшее в себя, кроме прочего: «уложение Гражданское» (часть первая), «устав Воинский и Почтовое Правление» (часть вторая), «уложение гражданское» (часть третья). В нем С.В. Липовцов отметил: «Как переводчик, я поставил себе в существенную обязанность передать Маньчжурский подлинник на Российском языке, сколь можно вернее и во всей его силе, не отступая нигде от точного смысла оногo и вовсе не думая об украшении перевода выражениями, не сообразными содержанию книги сего рода. Чистота и ясность в понятиях были для меня единственными предметами, на которые обращал я все внимание; но, может быть, и в сем отношении не везде достиг я таковой цели. Кто знает свойство Восточных языков и примет в уважение обширность сочинения, принадлежащего к науке Правоведения, тот извинит меня в недостатках, какие усмотрит в переводе».

Значительный вклад в развитие юридического направления российского китаеведения сделал **Никита Яковлевич Бичурин (1777—1853)**, один из основоположников русской синологии, начальник девятой Духовной миссии. К 1837 г. он завершил перевод «Свода узаконений Великой династии Цин» («Да Цин хуэй дьянь»). Хотя перевод и не был издан, однако на его основе ученый написал свои фундаментальные труды по Китаю. К основным из них, содержащих анализ действующего в Китае права, следует отнести:

1) «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Сочинение монаха Иакинфа» (СПб., 1840) (глава VI. Уголовное законодательство). В работе содержится важное замечание ученого, характеризующее характер китайского права во все времена его существования: «Наказание малою планкою производится для стыда: ибо маловажны преступленія стыдомъ должны быть наказываемы. Наказание большою планкою производится для обуздания: ибо страхомъ сего наказания удерживаются отъ преступлений. Временная ссылка есть неволя: ибо виновный по качеству преступления долженъ быть наказан позором рабства. Вечная

ссылка есть смертная казнь для важнаго преступника заслуживающаго по обстоятельствамъ дела снисхождение: ибо он освобождается от смерти под условием пожизненной разлуки с родиною»;

2) «Китай в гражданском и нравственном состоянии. Сочинение монаха Иакинфа в четырёх частях» (СПб., 1848). В нем содержится, наряду с прочим, описание государственного устройства, судоустройство и уголовное законодательство. Фундаментальный труд ученого заслужил высокую оценку не только в России, но и за рубежом. Касательно принимаемых в китайском государстве законов ученый пишет: «Первоначальные законы, изложенные в уложениях соответственно современным обстоятельствам, со временем становятся недостаточными; почему и пополняются, а иногда и заменяются новыми законами под названием постановлений, которые со времени своего утверждения получают силу закона же».

Перу еще одного выдающегося русского синоведа — **Павла Степановича Попова (1842—1913)** принадлежит фундаментальный труд «Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших времен до второй половины X века по Р.Х.» (Труды Третьего международного съезда ориенталистов в СПб., 1976. Т.1. СПб., 1879—1880). Содержащиеся в нем замечания не потеряли актуальность и до настоящего времени.

В 1899 г. вышла работа полковника В.С. Козлова: «Китай. Гражданское и уголовное законодательство. Справка об административном и судебном устройстве областей, входящих в состав Китайской империи, и о существующем в стране гражданском и уголовном законодательстве СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1899. («Печатано по распоряжению Военного Министра».) В ней содержатся следующие строки: «Китайские уголовные законы сохранили и по сие время отпечаток величайшей древности. Непонятные во многом для нас, воспринявших, вместе с христианством, догматы прощения и обид и общего человеколюбия, они при всей своей строгости и подчас жестокости, имеют глубокий смысл, непосредственно заимствованный из жизни народной и прекрасно принаровлены к укоренившимся веками обычаям страны. Черпая материалы для своего законодательства из опыта тысячелетий осмысленной, но замкнутой жизни, Китай не нуждался в подражаниях народам Запада, прозябавших еще в первобытном варварстве, когда застенное государство в течении уже десятков столетий существовало своей своеобразной культурной жизнью, имело письмена, справедливо признаваемыми одними из древнейших в мире,

и достоверную историю, восходящую до царствования императора Хуанди (2696 — 2597 гг. до Р.Х.)» (с.18).

В начале XX в. на свет появилась брошюра Сергея Михайловича Поршнякова «Карательная система китайского уложения хана Юнь-Джень» (СПб, 1909). Приложением к работе выступает сокращенный перевод с маньчжурского языка «Китайского Уложения» А.Л. Леонтьева.

В завершении обзора приведем опубликованный во Владивостоке в 1903 г. труд Алабастера «Заметки и комментарии на китайское уголовное право. Составленные по материалам, собранным сэром Чалонер Алабастером, бывшим генеральным консулом в Китае: Перевод с английского А.Д. Дабовского. В нем содержатся уникальные аналитические материалы, собранные англичанином, долгое время прожившим в Китае.

Исследования права Китая в среде русской эмиграции

В период великих потрясений, связанных с октябрьским переворотом и последующими за этим событиями, многие видные российские юристы и востоковеды были вынуждены покинуть Родину и жить в эмиграции. Часть из них «осела» в китайских городах Шанхай, Харбин, Пекин. Находясь в чрезвычайно тяжелых условиях, они все же продолжали заниматься наукой, внося неопределимый вклад в дело исследования права Китая.

Видный китайский ученый, заведующий Отделом России и руководитель Центра славяноведения Института Европы и Азии Шанхайской академии общественных наук Ван Чжичэн в своем крупном монографическом труде об истории русской эмиграции в Шанхае¹⁹¹ отмечает, что в 1929 г. ею было создано Русское юридическое общество, называвшееся также Обществом русских адвокатов. В работе приводится список практиковавших в Шанхае адвокатов российского происхождения, которых в 1939 г. было 12 человек. В дальнейшем дела вели еще 20 адвокатов, также представленных в книге отдельным списком. Все они одновременно были членами Китайской коллегии адвокатов. К сожалению, российская наука до настоящего времени не проводила каких-либо исследований особенностей деятельности русских юристов в правовом поле тогдашнего Китая. Очевидно, что знание этого уникального опыта наших предшественников могло бы существенно обогатить российскую синологическую науку.

Комплексное исследование положения русских эмигрантов ученых-юристов в Харбине провел доктор юридических наук, профес-

сор Григорий Серафимович Стародубцев. Ученый пишет о том, что большинство преподавателей юридических дисциплин Приморья встретили советскую власть враждебно, некоторые из них навсегда покинули Родину: Г.К. Гинс, М.П. Головачёв, Н.И. Миролюбов, В.А. Рязановский, Н.В. Устрялов и др. После эмиграции в Китай их усилиями был открыт юридический факультет в Харбине. «Профессорская и преподавательская корпорация превышала 50 человек, а число студентов доходило до тысячи. Юридический факультет дал жизнь Маньчжурскому юридическому факультету и Восточным курсам»¹⁹².

Одновременно с преподаванием классических юридических дисциплин, российские ученые активно изучали право Китая, оставив нам богатое научное наследие. Декан факультета Рязановский В.Я. отмечал: «...мы живем в Китайской республике и по одному чувству известной признательности, а также и по соображениям целесообразности приходится знакомить своих слушателей с китайским законодательством... Таким образом, содержание юридического факультета составляет, прежде всего, изучение основных начал права и ознакомление слушателей с научным методом, затем ознакомление со старым и новым русским законодательством и с китайским правом»¹⁹³.

Профессорско-преподавательским составом факультета за неолгие годы его существования были изданы фундаментальные труды по праву Китая:

Энгельфельд Владимир Викторович (1891—1937). В 1921—1923 гг. был профессором Пекинского института русского языка и юридических наук, совмещая в 1921—1922 гг. должность советника Министерства юстиции в Пекине. Затем с 1923 по 1937 г. работал в Харбине. Его перу принадлежит свыше десятка интереснейших работ по праву Китая. К основным из них отнесем: фундаментальный труд «Очерки государственного права Китая» (Т. I, II. 1925, 1926); «Очерки китайского административного права». Вып. I., 1928 г. (включает «опыт исследования китайского полицейского права») и Вып. II., 1929 г. (включает государственное устройство, законодательство о труде, образование, горное законодательство и Закон «О китайском подданстве»).

При исследовании права Китая ученый настаивал на необходимости особого отношения к привнесению известных западной юридической науке терминов и понятий на китайскую юридическую почву. Он писал, что «...при изучении политического устройства Китая вообще и старого Китая в особенности приходится чрезвычайно осторожно при-

менять европейские мерилa и понятия»¹⁹⁴. В.В. Энгельфельд отмечал и особенность юридического китайского языка, представляющего сложность для всех поколений российских исследователей китайского права. По его мнению, «вина» в недостаточном понимании русскими исследователями китайского права лежит «...на китайском законодательстве, язык которого чрезвычайно расплывчат». Также: «Язык Конституции нередко чрезвычайно расплывчат и полон неопределенностей, дающих возможность толкования ея постановления в различном смысле»¹⁹⁵.

Эту особенность китайского законодательства в рецензии на труд Энгельфельда В.В. «Очерки государственного права Китая» отмечал его коллега **Борис Григорьевич Курц (1885—1938)**¹⁹⁶: «Автор вскрывает в китайских конституциях и законах искусственность, заимствования, неясность, расплывчатость. Язык конституции нередко чрезвычайно расплывчатый и полон неопределенностей, китайская юридическая терминология не выработана; законам присуща пышность, фразировка и нелюбовь к точности и отчетливости».

Рязановский Валентин Александрович (1884—1968). В 1918—1922 гг. — профессор в университетах Томска, Иркутска, Владивостока. В 1920—1921 гг. — декан гуманитарного факультета Иркутского государственного университета. В 1922 г. эмигрировал в Китай. В 1922—1934 гг. — профессор гражданского права на юридическом факультете в Харбине и в Тяньцзине. Декан харбинского юридического факультета (1924—1929). Основные работы: «Современное гражданское право Китая» (Вып. 1,2. Харбин, 1926, 1927); «Основные начала земельного, горного и лесного права Китая» (Харбин, 1928); «Китайская республика. Законы, постановления» // Гражданский кодекс Китайской республики / под ред. В.А. Рязановского. Харбин, 1934. Кн. 4.

Отметим глубокое исследование вклада профессора В.А. Рязановского в дело изучения китайского права, проведенное российским дальневосточным ученым А.А. Хисамутдиновым, который пишет: «В.А. Рязановский имел очень много рецензий и отзывов на свои труды со всего мира. За вклад в науку он был избран почетным и действительным членом многих обществ (Royal Asiatic Society и др.). Но ни единого слова — ни доброго, ни худого — не получил он из России. В.А. Рязановский писал с горечью В.М. Алексею: «Но русские юристы и восточники не обмолвились не слова. И в результате все мои коллеги уже бросили изучать кит. и монг. право: нет смысла тратить свои последние деньги на книги, которые никто не читает и знать не хочет. Я один еще продол-

жаю работать над монг. правом, но и у меня (к 25-летнему юбилею) начали опускаться руки. Меня не читают даже специалисты. Ясно: я не нужен родине. И передо мной встал вопрос: работать дальше по вост. праву и печататься на англ. языке или совсем оставить занятия правом и заняться другой научной специальностью, хотя бы в качестве дилетанта, или даже замолчать»¹⁹⁷. Одной из главных трагедий русских ученых-эмигрантов состояла в том, что их работы оказались невостребованными советской наукой. В современной России их имена известны лишь очень узкому кругу специалистов;

Гинс Георгий Константинович (1887—1971). В 1920—1937 гг. — экстраординарный профессор по кафедре римского права и торгового права юридического факультета в Харбине, читал курсы лекций по римскому праву, торговому праву, гражданскому праву, общей теории права. В 1926—1928 гг. — заместитель декана юридического факультета, был бессменным редактором «Известий» факультета, выпустив 12 томов этого издания. Под его руководством на факультете издавался журнал «Вестник китайского права». Основные работы: «Очерки торгового права Китая» (Вып.1. Торговое товарищество. Харбин, 1930); «Свобода и принуждение в гражданском кодексе Маньчжу-Ди-Го» (Харбин, 1938).

Правом Китая занимались и другие профессора юридического факультета¹⁹⁸, например, **Камков Александр Александрович (1868—?)**. Его перу принадлежит работа: «Институт «Соучастия» в Китайском Уголовном праве (Из лекций по уголовному праву Китая) / А. Камков // Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1928. Том V. С.259 — 290.

В 1932 г. в Москве увидела свет его работа **«Очерки современного уголовного права Китайской Республики»**. В ней содержится следующая характеристика действующего в тот период Уголовного кодекса: «Почти целиком заимствованный из японского УК, а частью — из законодательств Франции, Бельгии, Германии, Голландии, УК 1928 г. вносит в уголовное право Китая много совершенно новых идей и институтов, которые, проходя через призму мировоззрения китайского народа, созданного тысячелетней совершенно самостоятельной и резко разнящейся от западной культурой, под влиянием этого мировоззрения приобретают совершенно особый своеобразный характер».

Гильчер Михаил Эммануилович (1874—?). Работал преподавателем юридического факультета в Харбине с 1920 г. по 1930 г., препода-

вал китайское гражданское право и китайский гражданский процесс, вел занятия по римскому праву. Опубликовал работы: «К вопросу о применении советских законов в китайских судах» // Вестник Маньчжурии. 1925. №8—10; «Очерки китайского акционерного права» // Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1925. Том I.

Профессора харбинского юридического факультета, несмотря на крайне стесненные материальные условия, практически полного отсутствия финансирования своей деятельности, продолжали трудиться во славу русской юридической науки и Китаеведения в целом. Российский ученый П.Н. Дудин дает следующую точную характеристику их служения: «Преподаватели Юридического факультета в Харбине, несмотря на ограниченность финансовых, материальных и прочих ресурсов, находясь на территории другого государства, не только сохранили научные познания, приобретенные ими в стенах ведущих вузов бывшей Российской империи, но и сумели преумножить их и распространить всеми доступными им способами»¹⁹⁹. Согласимся с отечественным исследователем В.П. Пономарёвой, которая констатирует: «Феномен Юридического факультета в Харбине многие годы оставался вне интересов отечественных правоведов. В то же время многие аспекты теории и истории права, сравнительного правоведения, научно-педагогическая деятельность и труды профессоров и преподавателей факультета, работы эмигрантов-юристов, безусловно, являются частью золотого фонда российского правового наследия»²⁰⁰.

Кроме харбинского юридического факультета, китайское право исследовали русские ученые-эмигранты, проживающие в других городах Китая. Так, перу отечественного цивилиста Михаила Яковлевича Пергамента (1866—1932), оставшемуся в Пекине, принадлежат работы: «Из вопросов о подсудимости в Китае» // Вестник Маньчжурии. 1925. №3—4; «Новейший обмен мнений по вопросу об экстерриториальности в Китае» // Вестник Маньчжурии. 1925. №8—10; «Об юридической природе так называемого Дипломатического Квартала в Пекине» // Вестник Маньчжурии. 1926. №6 и «К юридической природе так называемого Дипломатического Квартала в Пекине» // Вестник Маньчжурии. 1926. №7.

Отметим важность вышеуказанных трудов русских профессоров-эмигрантов для современной отечественной юридической науки и синологии. В них раскрывается загадочный мир китайского права, даются ответы на многие глубинные вопросы правовой культуры и правосознания простого китайца. Нам, современникам, еще предстоит изу-

чать, анализировать их работы. Мы можем по праву гордиться тем, что российские ученые в трагический для Отечества период продолжали приносить на алтарь науки свои уникальные знания и опыт.

Советские исследования права Китая

Несмотря на чрезвычайно сложные условия в начальный период становления советской власти, отечественная китаистика продолжала, хотя и слабо, но развиваться. К сожалению, в рамках юридического направления работ, посвященных праву Китая, практически не появлялось. Это объяснимо: большая часть исследователей-правоведов эмигрировала, а оставшиеся в России подвергались репрессиям и уничтожению.

Комплексные исследования права Китая в советском государстве стали осуществляться сразу после образования 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики и до 1960 г. Советский Союз всячески поддерживал новые коммунистические власти. Кроме помощи в строительстве фабрик и заводов, в Китай были командированы тысячи специалистов, среди которых были и видные советские ученые-юристы²⁰¹. Некоторые из них после возвращения в Россию публиковали работы по праву и государству КНР. Параллельно с этим в советской юридической и исторической науке стали появляться фундаментальные монографии по различным отраслям китайского права, переводы и аналитика принимаемого в КНР законодательства. Именно в рассматриваемый исторический период юридическое направление российского китаеведения стало облекаться в целостную научную форму.

Ниже приведем таблицу с фамилиями ученых и перечнем их **основных работ** (диссертаций), увидевших свет в СССР в период с 1950 по 1960 г. (список приводится согласно дате опубликования):

№	ФИО	Название работы	Год издания	Примечание
1	Пентковский Вячеслав Иванович (1886—?)	«Условия труда рабочих и вопросы трудового законодательства в Китае в период господства гоминьдановской реакции (1927—1949 гг.)»	1954	Кандидатская диссертация по экономике, защищенная в 1954 г. в Институте Востоковедения. В эмиграции принял китайское гражданство. В 1936 г. открыл юридическую фирму в Шанхае. В 1946 г. вернулся на Родину

2	Гельфер Мирон Абрамович (1909—1989)	«Уголовное законодательство Китайской Народной Республики» (Учебное пособие для студентов ВЮЗИ)	1955	С 1949 г. и до конца жизни работал на кафедре уголовного права Всесоюзного юридического заочного института
3	Воеводин Леонид Дмитриевич (1922—1998)	«Государственный строй Китайской Народной Республики»	1956	Выпускник и профессор Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1950 по 1952 г. работал в Китае. Внес неоценимый вклад в дело формирования правовой системы КНР.
4	Лунев Александр Ефремович (1910—1984)	«Правовое положение органов государственного управления Китайской Народной Республики»	1956	Работа опубликована на кафедре государственного и международного права Высшей школы КГБ при Совете Министров СССР. Указанная монография была основой докторской диссертации ученого, защищенной в том же году. В 1950-х годах работал советником политико-юридического комитета правительства КНР
5	Судариков Николай Георгиевич (1913—?)	«Государственный строй Китайской Народной Республики»	1956	С 1956 по 1962 г. работал в должности советник-посланник посольства СССР в Китае.
6	Чжоу Фан (?)	«Государственные органы Китайской Народной Республики»	1958	Перевод с китайского Гудошниковой Л.М. и Остроумова Г.С. Под ред. Шафира М.А. (перевод на русский язык изданной в 1955 г. в КНР монографии под ред. Чжоу Фана: 周方. 我国国家机构. 中国青年出版社, 1955)
7	Игнатенко Геннадий Владимирович (1927—2012)	«Система представительных органов Китайской Народной Республики»	1959	В 1956 г. под руководством Воеводина Л.Д. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Система представитель-

				ных органов Китайской Народной Республики»
8	Котов Константин Флегонтович (1923—1982)	Местная национальная автономия в Китайской Народной Республике: на примере Синьцзян-Уйгурской автономной области.	1959	В 1962 г. защитил докторскую диссертацию на тему: Сущность местной национальной автономии в Китайской Народной Республике: Основные проблемы и практика национального строительства в КНР на примере Синьцзян-Уйгурской автономной области, 1949—1957 гг. В течение 1952—1953 гг. работал преподавателем-советником Пекинского народного университета
9	Чугунов Владимир Евгеньевич (1923—1973)	«Уголовный процесс Китайской Народной Республики»	1960	Докторская диссертация

Особо отметим работу выдающегося российского ученого **Зиновия Михайловича Черниловского (1914—1995)**, специалиста по истории государства и права зарубежных стран — «Государственный строй Китайской Народной Республики». М.: Госюриздат, 1951. За нее он получил разгромную статью в советской газете Известия и строгий выговор по партийной линии, предусматривавший увольнение со всех занимаемых должностей. Лишь после смерти Сталина выговор был снят и он продолжил трудиться в науке.

Подчеркнем, что «КНР с момента своего образования до конца 1950-х годов была объектом тщательного изучения советскими юристами, которое носило однако несколько односторонний характер — подавляющее большинство советских юридических работ по Китаю концентрировалось вокруг одной отрасли права КНР — государственного права. С этой отраслью связаны наиболее значительные из вышедших в 50-е годы монографий Л.Д. Воеводина, К.Ф. Котова, А.Е. Лунева и других советских юристов. По другим (кроме государственного) отраслям права юридические исследования ограничивались статьями и, в лучшем случае, разделами в учебных пособиях и брошюрами. Известным исключением в этом отношении была довольно значительная по объему

монография В.Е. Чугунова «Уголовное судопроизводство КНР» (М., 1959)»²⁰². Добавим, что в 1959 г. советскими учеными **Р.М. Кондратьевым** и **Л.А. Грачевым** была опубликована монография «**Государственный строй Китайской Народной Республики**» (М.: Госюриздат).

Кроме монографических исследований, советская наука осуществляла перевод принимаемых в КНР нормативных правовых актов на русский язык. В этой чрезвычайно трудной работе принимали участие многие выдающиеся ученые: Гингольд Л.С., Богданов Г.А., Воеводин С.А., Гельбрас В.Г., Гудошников Л.М., Гурьева Е.А., Котов А.В., Новак Л.И., Остроумов Г.С., Поспелов Д.М., Чехутов А.И. и др.

№	Название работы	Год издания	Примечание
1	Законодательные акты Китайской Народной Республики. Перевод с китайского. Под ред. Ковалева Е.Ф.	1952	Первая крупная работа по переводу законодательных актов КНР в СССР. Ковалев Е.Ф автор монографии: «Аренда и арендные отношения в Китае. Очерк». М.: Госполитиздат, 1947
2	Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. Перевод с китайского. Под ред. Сударикова Н.Г.	1955	Над переводом работала группа советских ученых, некоторые из которых были в Китае
3	Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики (1954—1958). Перевод с китайского. Под ред. Крымова А.Г., Шафира М.А.	1959	Шафир Марк Аркадьевич (1917—1997). Д.ю.н., в последние годы жизни работал в ИГП РАН. Крымов Афанасий Гаврилович (1905—1988) (настоящие имя и фамилия — Го Шаотан). Автор крупной работы: «Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае». М., 1972.
4	Основные нормативные акты о местных органах государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики (Сборник документов)	1959	Перевод выполнен сотрудником Всесоюзного института юридических наук Гавриловым Эдуардом Петровичем (1933 г.р.). В настоящее время — ординарный профессор НИУ ВШЭ. По его воспоминаниям Сборник переводов получил высокую оценку в американской науке. В 1959 г. им совместно с Боботовым С.В. и Лукьяновым А.И. была опубликована

			ликована статья «Обобщение масс в законодательной деятельности в Китайской Народной Республике» (Советское государство и право. № 5. С. 96—107)
--	--	--	---

Интерес к праву КНР в рассматриваемый период был значительным. Однако ни кто из вышеперечисленных ученых не стал продолжать его изучать, переквалифицировавшись на другие направления исследований. Прежде всего это было связано с резким ухудшением советско-китайских отношений в конце 1960-х годов, их разрывом и серьезными политическими разногласиями между руководством двух стран. Необходимость в глубоком изучении Китая, по мнению тогдашних властей, перестала существовать.

Именно в этот сложный период развития отечественной китайистики его юридическое направление обретает «второе дыхание» благодаря усилиям **Леонида Моисеевича Гудошника (1927—2014)**, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, главного научного сотрудника Института Дальнего Востока Российской академии Наук.

Его следует признать основателем отдельного направления исследований в российской синологии — права Китая (традиционное право, право КНР, право Китайской Республики на Тайване, право Аомэня (Макао) и Сянгана (Гонконга)). Перу ученого принадлежат десятки фундаментальных монографий и сотни статей. Под его руководством и научным консультированием защищали диссертации несколько поколений российских исследователей. Некоторые работы Гудошника Л.М. переведены на многие иностранные языки (английский, немецкий, чешский, польский, венгерский, монгольский, китайский и др.)²⁰³.

Вклад ученого в российскую юридическую науку и Китаеведение невозможно переоценить, память о нем навсегда останется в сердцах отечественных исследователей права Китая. Л.М. Гудошников был настоящим созидателем, его исследования никогда не потеряют актуальности, на их основе должны воспитываться новые поколения российских китайистов.

Кроме многочисленных работ по праву Китая, Гудошниковым в разные годы опубликованы статьи и брошюры по вопросам государст-

венного устройства и законодательства других зарубежных государств. Так, например, в 1961 г. увидела свет рукопись «Государственный строй Цейлона» (М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961). Также: Гудошников Л.М. Перестройка управления народным хозяйством в Корейской Народно-Демократической Республике // Советское государство и право. 1961. №3. С.73—77; Гудошников Л.М. Новая Конституция Пакистана // Советское государство и право. 1962. №10. С.129—133; Гудошников Л.М. Эволюция местного управления Японии // Советское государство и право. 1968. №3. С.122—131; Гудошников Л.М. Судебная система Демократической Республики Вьетнам // Советская юстиция. 1971. №24. С.28—29.

Статьи Гудошникова Л.М. публиковались и в китайской печати. Например: «Особенности конституций стран народной демократии Центральной и Юго-Восточной Европы». Жэньминь жибао (Народная газета). 20.07.1954. С.3 (на кит. яз.).

Отец Гудошникова Л.М. — Моисей Андреевич (1894—1956) — был известным исследователем, историком, профессором, педагогом. Им опубликован монографический труд: «Очерки по истории гражданской войны в Сибири» (Иркутское книжное издание, 1959. Подготовлена к печати Комиссией по литературному наследию М.А. Гудошникова под председательством д.и.н., проф. В.И. Дулова). Память о нем бережно хранится в стенах Иркутского государственного университета. Справедливо сказано: «Леонид Моисеевич получил хорошее образование, семья воспитала в нем те нравственные принципы, которые всю жизнь служили опорой и скрепой на непростом пути человека и ученого»²⁰⁴.

Гудошников получил высшее образование в Институте внешней торговли, окончив в 1950 г. его юридический факультет. Уникальность полученного образования заключалась в том, что студенты факультета, кроме юриспруденции, также изучали иностранные языки. Леонид Моисеевич изучал китайский, что предопределило его дальнейшую научную судьбу²⁰⁵. Поступив в аспирантуру того же института, в 1953 г. он защищает кандидатскую диссертацию по теме: «Судебная организация Китайской Народной Республики». В 1954 г. ученый приходит работать в Институт государства и права АН, где в 1971 г. защищает докторскую диссертацию: «Эволюция государственного строя Китайской Народной Республики (становление, развитие и деформация системы государственных органов)».

В 1974 г. Гудошников Л.М. переходит на работу в Институт Дальнего Востока АН, где до самой своей кончины работает в должности руководителя группы правовых исследований Китая.

К основным монографическим трудам ученого следует отнести:

1) Судебные органы Китайской Народной Республики. М.: Академия наук СССР. Институт права им. А.Я. Вышинского; Государственное издательство юридической литературы, 1957;

2) Местные органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики // отв. ред. А.Е. Лунев. М.: Академия наук СССР. Институт права им. А.Я. Вышинского; Издательство Академии наук СССР, 1958;

3) Высшие органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики // отв. ред. А.Е. Лунев. М.: Академия наук СССР. Институт права им. А.Я. Вышинского; Издательство Академии наук СССР, 1960;

4) Политический механизм Китайской Народной Республики. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974;

5) Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. Пер. с китайск. М: Прогресс, 1984 (редакция);

6) Современное право КНР. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985 (редакция);

7) Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988 (редакция);

8) Китайская Народная Республика: Законодательные акты. 1984—1988. Пер. с кит. М.: Прогресс, 1989 (редакция);

9) Правовые аспекты модернизации в КНР (экономика и научно-технический прогресс). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990 (редакция);

10) Юридическая жизнь в Китае: Пер. с кит. М.: Юрид. лит., 1990 (редакция);

11) Политическая система Тайваня. М.: КОМАРМ, 1999 (совместно с К.А. Кокаревым);

12) Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов. М.: Зерцало-М, 2004 (редакция);

13) Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978—2005. М.: Русская панорама, 2007 (руководитель авторского коллектива);

Последним крупным исследованием Л.М. Гудошникова, увидевшим свет, стал труд: «Современное право Китайской Народной Республики (обзор законодательства 1978—2010 гг.). М.: Учреждение Российской акад. наук Ин-т Дальнего Востока, Центр науч. информ. и документации, 2012 (две части). Он выступил в ней не только редактором, но и автором многих глав.

Гудошников работал до самой своей кончины, давая бесценные советы исследователям права Китая. Он участвовал в подготовке фундаментального исследования «Государственный строй КНР» и «Правоохранительная система КНР», которые пока не опубликованы. Похоронен ученый на Долгопрудненском кладбище, на его центральной аллее рядом со своей супругой Валентиной Федоровной (1932—2008).

За годы своей работы Л.М. Гудошников подготовил целое поколение исследователей права Китая (а также и историков). Под его руководством и консультированием в российском Китаеведении и юридической науке появилась плеяда выдающихся ученых-юристов, внесших неоценимый вклад в изучение китайского законодательства. Ниже (*в зависимости от отрасли права*) приведен полный их список:

№	ФИО	Отрасль права	Основные работы / год издания	Примечание
1	Куманин Евгений Васильевич (1952 г.р.)	Теория государства и права	«Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики». М., 1990	Выпускник юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1974). Долгое время работал в Институте государства и права АН в секторе общей теории и социологии права. В 1991 г. в ИГП РАН защитил докторскую диссертацию по теме монографии. В известный период распада страны ушел из науки в бизнес. В настоящее время планирует вернуться в науку. Российский ученый, исследовавший фундаментальные основы права и законодательства КНР

2	Егоров Ким Алексеевич (1949 г.р.)	Конституционное право	«Государственный аппарат КНР. 1967—1981». М., 1982; «Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (80-е годы)». М., 1993; «Представительная система Китая: история и современность». М., 1998	В 1974 г. под руководством Гудошникова Л.М. в МГИМО защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Государственный механизм военно-бюрократической диктатуры в Китае: Основные государственные институты». В 1992 г. докторскую диссертацию по теме: «Эволюция политической системы Китайской Народной Республики и политическая динамика (1980-е — начало 1990-х годов)» (МГИМО, специальность 12.00.02). Ушел из науки по болезни
3	Имамов Эльбек Зуннунович (1949 г.р.)	Уголовное право	«Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретические вопросы Общей части». М., 1990	Долгое время работал в ИДВ АН под руководством Гудошникова Л.М. В 1992 г. защитил докторскую диссертацию по теме: «Основные тенденции формирования и развития уголовного права Китайской Народной Республики» в ИГиП РАН. В известный период распада страны ушел из науки в бизнес. Российский ученый, оставивший глубокий след в исследовании фундаментальных основ общей теории и уголовного права Китая
4	Ахметшин Наиль Хасанович (1953—2008)	Уголовное право	«Современное уголовное законодательство КНР» (совместно с Х.М. Ахметшиным, А.А. Петуховым). М., 2000;	Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова. Историк. В 1979 г. там же защитил кандидатскую диссертацию по теме

			«История уголовного права КНР». М., 2005;	«Военный регионализм в КНР». Затем работал в ИГП РАН, где занимался проблемами уголовного права КНР. Уехал из России в Китай на работу в Бюро переводов ЦК КПК, во время которой собрал уникальные материалы, легшие в основу опубликованных монографий. Гудошников Л.М. называл его «настоящим рыцарем науки» ²⁰⁶ .
5	Пашенко Евгений Георгиевич (1945—2010)	Гражданское право	«Экономическая реформа в КНР и гражданское право» М., 1997; «Гражданское законодательство КНР: Пер. с кит.»/Серия: Современное зарубежное и международное частное право. М., 1997	Окончил МГИМО в 1968 г. В 1994 г. защитил докторскую диссертацию по теме: «Гражданско-правовое регулирование хозяйственных отношений в КНР периода реформы экономической системы». До 1996 г. работал в ИДВ РАН под руководством Гудошникова Л.М. Затем профессор кафедры международного частного и гражданского права МГИМО
6	Шепенко Роман Алексеевич (1967 г.р.)	Налоговое право	«Правовое регулирование налогообложения в Китайской Народной Республике». М., 2001; «Налоговое право Гонконга». М., 2003; затем: 2007, 2012; «Налоговое право Китая: источники и субъекты». М., 2004; «Налоговое право Китая: взимание и ответственность». М., 2005	В 2005 г. защитил докторскую диссертацию по теме: «Правовое регулирование налоговой системы Китайской Народной Республики». В настоящее время профессор кафедры административного и финансового права МГИМО

Под редакцией Л.М. Гудошникова в 1978 г. на русский язык был переведен фундаментальный труд известного японского ученого **Инако Цунэо** «Право и политика современного Китая. 1949—1975 гг.». Перевод с японского В.В. Батуренко и Е.Г. Пашенко. М., 1978.

В 1983 г. под руководством Гудошникова Л.М. в ИДВ АН кандидатскую диссертацию защитил **Ярослав Ортман** по теме: «Эволюция политики руководства КПК в области законодательства (1949—1979 гг.)». В 1984 г. — **Аскар Оразалиевич Шакиров** по теме: «Органы общественной безопасности в государственном механизме Китайской Народной Республики (1949—1983 гг.)» (специальность 12.00.01, Академия МВД СССР).

Возглавляемое Гудошниковым Л.М. юридическое направление в конце 1990-х годов столкнулось с общими для российской науки проблемами. По причине нестабильной политической обстановки в стране, прекращением финансирования АН в годы крушения СССР, руководимая им группа правовых исследований распалась. Ученые были вынуждены искать новую работу для выживания в сложных условиях. Однако даже в этой ситуации Гудошников Л.М. продолжал свои исследования права Китая. В ИДВ РАН продолжали выходить Сборники современного законодательства КНР, публикации статей по праву.

Леонид Моисеевич Гудошников воспитывал новое поколение ученых. Двери его кабинета всегда были открыты для студентов, аспирантов, преподавателей и научных работников, занимавшихся исследованиями права Китая. В 2000-е годы правовое направление отечественной синологии стало возрождаться. Его учениками защищались кандидатские диссертации по праву Китая. Леонид Моисеевич продолжал проводить исследования до конца своей жизни.

Особо отметим работы старшего научного сотрудника ИДВ РАН, к.э.н. **Евгения Васильевича Бирюлина**, перу которого принадлежат переводы китайских законов в сфере природоохранного законодательства КНР и глубокие аналитические комментарии к ним. Одним из последних явился труд ученого: «Новое законодательство КНР. Проблемы экологии». М.: ИДВ РАН, 2010. В сборнике приводятся переводы важных законов КНР (Закон о сбережении энергоресурсов, Закон о возобновляемых источниках энергии, Закон о содействии рециркуляционной экономике) и статьи, посвященные защите экологической безопасности в Китае.

Неоценимый вклад в дело изучения традиционного (древнего) права Китая был сделан выдающимися учеными Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН) (Санкт-Петербург). Основоположителем этого направления следует признать д.и.н., профессора **Кычанова Евгения Ивановича (1932—2013)**. Особую ценность представляет его монографический труд: «**Основы средневекового китайского права (VI—XIII вв.)**» (М., 1986). В ней ученый обращается ко всем синологам со следующими важными словами: «Чтобы узнать страну, надо знать ее право. Чтобы полнее изучить историю страны, надо изучить и историю ее права». В 2012 г. под его научным руководством в Санкт-Петербургском Государственном университете была защищена кандидатская диссертация Мыльниковой Ю.С. по теме: «Правовое положение женщин в истории Средневекового Китая (династия Тан-Сун)».

Его ученик, д.и.н. **Рыбаков Вячеслав Михайлович (1954 г.р.)**, автор первого в мире полного перевода с древнекитайского языка на западный (русский) свода законов династии Тан, опубликовал несколько фундаментальных работ по традиционному праву Древнего Китая: «Уголовные установления Тан с разъяснениями и комментариями» в 4-х томах (перевод, введение и комментарий В. М. Рыбакова. 1999, 2002, 2005, 2008); «Танская бюрократия. Часть I. Генезис и структура» (2009). В 2009 г. ученый защитил докторскую диссертацию по теме: «Китайская бюрократия периода Тан (618—907 гг.) по материалам исторических и юридических источников».

Известным российским ученым, сотрудником Института Востоковедения РАН к.и.н. **Свистуновой Наталией Павловной (1930 г.р.)** опубликован фундаментальный труд: «Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли)». В 2-х частях: Перевод с китайского. М., 1997, 2002. В нем содержится глубокий анализ права древнего Китая.

Важный вклад в изучение традиционного права Китая сделан академиком РАЕН **Кучерой Станиславом Робертовичем**. Ученый — один из крупнейших знатоков китайской истории, в феврале 1953 г. был направлен для обучения в аспирантуре в Пекинский университет, где в 1960 г., единственный среди иностранных студентов, защитил под руководством члена-корреспондента Академии наук КНР Чжан Чжэн-лана диссертацию на китайском языке на тему «Классовая структура древнекитайского общества на основе материалов “Чжоу ли”». В 2012 г. уви-

дела в свет его монография: «**История, культура и право древнего Китая: собрание трудов**» (М.: «Наталис»).

Значительный вклад в изучение фундаментальных основ правовой культуры, правосознания и правоприменения, свойственных китайской цивилизации и ее гражданам сделан выдающимся отечественным ученым, д.и.н., профессором, главным научным сотрудником ИДВ РАН, президентом Русского конфуцианского фонда **Леонардом Сергеевичем Переломовым** (1928 г.р.). В рамках рассматриваемой проблематики отметим его основные труды: «Книга правителя области Шан». М.: Наука, 1968; «Конфуцианство и легизм в политической истории Китая». М.: Наука, 1981; Конфуций: «Лунь юй». М.: Восточная литература, 1998.

Несмотря на большую научно-исследовательскую работу, проделанную российской наукой в сфере изучения права Китая, к сожалению, многие современные отечественные исследователи игнорируют ее достижения. Подчеркнем, что определяющую роль в постижении особенностей древнего (традиционного) и современного права Поднебесной сыграла Российская академия наук в лице Института Дальнего Востока, Института государства и права, Института восточных рукописей, Института востоковедения. В их стенах трудились выдающиеся российские ученые. Их работы — золотой фонд отечественной юридической, исторической наук. Нам следует изучать оставленное старшим поколением наследие. Только так возможно сохранить преемственность и приумножить знания. Следует гнаться не за количеством написанных работ, а за их качеством. Для этого требуется глубокое изучение трудов предшественников.

Лафитский В.И. констатирует: «К сожалению, мы очень плохо знаем историю нашей науки. Многие ученые прошлого забыты. О великих трудах прошлого большинство в лучшем случае знает только понаслышке»²⁰⁷. Надеемся, что приведенная информация послужит делу прославления памяти выдающихся российских ученых, потрудившихся на ниве изучения права Китая. Призываем современных исследователей чаще обращаться к их работам, восстанавливая прерванную связь поколений.

* * *

1. Отечественное китаеведение с самого начала своего зарождения обращало взоры на право Древнего Китая. В лоне Российской ду-

ховной миссии (учреждена в 1713 г.) в г. Пекине появлялись первые переводы на русский язык уникальных китайских законов и комментариев к ним. Изучалось не только традиционное законодательство, но и правовая культура, правосознание китайских граждан. До нас дошли работы выдающихся русских ученых А.Л. Леонтьева, С.В. Липовцова, Н.Я. Бичурина, П.С. Попова и некоторых других. Ими был заложен прочный фундамент для последующих поколений российских ученых, исследующих традиционное и современное право Китая. Они первыми открыли нам фундаментальные основы правовой мысли китайской цивилизации, тысячелетия скрывающейся от иностранного исследователя;

2. В период трагических революционных потрясений российской государственности китайское право активно изучалось в среде русской эмиграции. Неоценимый вклад в развитие этого направления был сделан профессорско-преподавательским составом Юридического факультета г. Харбин, в стенах которого право Китая исследовалось уже не просто китаистами, а выдающимися учеными-юристами, заслужившими научный авторитет еще в период существования царской России. Особо отметим работы профессора В.В. Энгельфельда, перу которого принадлежат точные характеристики китайского законодательства, не потерявшие актуальность и до настоящего времени;

3. Серьезное развитие исследования права Китая получили в трудах советских ученых. Именно в этот период началось его комплексное всестороннее изучение. «Исследования права КНР в советской юридической науке начались в 50-е годы. Во многих работах были представлены тогда основные положения складывающегося в КНР конституционного, уголовного, семейного права, показана роль права в закреплении основных завоеваний новой государственной власти. В это время выходят сборники переводов китайского законодательства, в советских юридических журналах появляются статьи китайских ученых»²⁰⁸.

Основателем юридического направления в российской синологической науке по праву следует признать профессора Л.М. Гудошникова, под руководством которого в стенах Института Дальнего Востока Российской академии наук многие десятилетия воспитывалась целая плеяда юристов-китаеведов. К основным из них следует отнести Имамова Э.З., Куманина Е.В., Пашенко Е.Г. Глубочайшими по содержанию являются работы докторов юридических наук Э.З. Имамова и Е.В. Куманина, в которых мы найдем ответы на фундаментальные вопросы традиционного и современного права Китая.

Оставленное нам предыдущими поколениями российских ученых наследие в области исследования китайского права богато и уникально, оно требует своего комплексного изучения. Юридическая наука и синология России могут гордиться достигнутыми в рассматриваемой сфере выдающимися результатами. Нам, современным исследователям, следует, придерживаясь преемственности поколений, продолжать добросовестно трудиться на благо Отечества и российской науки для постижения сущностных характеристик права великого Китая.

Литература

¹ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: «Наука», 1990. С. 33.

² См.: 中国国家 и 法的历史参考资料 (Чжунго гоцзя хэ фадэ лиши цанькао цзиляо) : [Справочные материалы по истории китайского государства и права]. Пекин: Издательство Народного университета Китая, 1956. С. 1—3 (на кит. яз.).

³ См. : 中国法制60年 (1949—2009) (Чжунго фачжи 60 нянь) : [60 лет законодательной системе Китая] (1949—2009) // под ред. Чжан Цзиньфаня. Сиань: Шаньсинское народно издательство, 2009. С. 93 (на кит. яз.).

⁴ См.: Советские районы Китая. Законодательство Китайской Советской Республики. 1931—1934. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

⁵ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 21.

⁶ Гудошников Л.М. Становление и модернизация правовых институтов // Китай на пути модернизации и реформ. 1949—1999. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 412—413.

⁷ Историкам известны неоднократные призывы Сталина к Лю Шаоци, Мао Цзэдуну о необходимости скорейшего принятия Конституции в новообразованном китайском государстве. См.: Чжан Цзиньцай. 刘少奇与新中国第一部宪法的制订和通过 : (Лю Шаоци юй синь Чжунго ди и бу сяньфа дэ чжидин хэ тунго) : [Лю Шаоци и разработка, принятие первой Конституции нового Китая]. URL: <http://dangshi.people.com.cn/GB/17801723.html> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит.яз.).

⁸ См.: Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. Пер. с кит. / под ред. и с предисл. Н.Г. Сударикова. М.: Издательство Иностранной литературы, 1955. С. 29—53.

⁹ Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 241.

¹⁰ См.: Александрова М.В. Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь КНР в 50-х годах XX века // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 18. С. 326—348.

¹¹ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М.: Наука, 1977. С. 195—196.

¹² Мао Цзэдун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. М.: Правда, 1957. С. 48.

¹³ См.: 中国人民大学法学院院史 (Чжунго жэньминь дасюе фасюеюань юаньши) : [История Института права Народного университета Китая (1950—2010)]. Пекин: Издательство Народного университета Китая, 2010. С. 33—40 (на кит. яз.).

¹⁴ См. фундаментальное исследование китайского ученого Тан Шичунь. 建国初期来华苏联法学专家的群体考察 (Цзяньго чуци лайхуа сулянь фасюе чжуань-цзя дэ цюньти каоча) : [Изучение групп советских специалистов-юристов, посетивших Китай в начальный период его образования] // Цюаньцю фалюй пинлунь. 2010. № 5. С. 133—151.

¹⁵ Ло Хаоцай. Очерки современного административного права Китая / Пер. с кит. д-ра экон. наук А.В. Островского, канд. экон. наук В.В. Жигулевой, Б.Я. Надточенко; под ред. канд. юрид. наук, доцента А.А. Демина. М.: Книгодел, 2010. С. 6.

¹⁶ Ван Чжихуа. Влияние советского права на право КНР // Государство и право. 2010. № 4. С. 76.

¹⁷ Гудошников Л.М. Произвол и насилие — основа политики маоистов (О попрании права и законности в КНР в годы «большого скачка» и «культурной революции») // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 3. С. 66.

¹⁸ Лю Цзюнь Пин. Кодификация гражданского законодательства в Китайской Народной Республике. Автореф. дисс. ...канд. юр. наук. М., 2010. С. 16.

¹⁹ См.: Гудошников Л., Кокарев К. Развитие (к юбилею профессора Сунь Гохуа) // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 6. С. 83—90. Также: URL: <http://baike.baidu.com/subview/932468/15644623.htm> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит.яз.)

²⁰ URL: <http://baike.baidu.com/view/316153.htm> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит.яз.).

²¹ Современное право КНР / под ред. Л.М. Гудошникова и Л. Кржижковского. М.: Наука, 1985. С. 27.

²² Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 37.

²³ Рене Давид. Основные правовые системы современности. Пер. с франц. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. С. 254—255.

²⁴ Цит. по: Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время. М.: Стилсервис, 2009. С. 447.

²⁵ Цит. по: Гудошников Л.М. Произвол и насилие — основа политики маоистов // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 3. С. 70.

²⁶ Яковлев М.И. 17 лет в Китае. М.: Политиздат, 1981. С. 238.

²⁷ Имамов Э.З. Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретические вопросы общей части. М.: Главная редакция восточной литературы Наука, 1990. С. 18.

²⁸ Инако Цунэо. Право и политика современного Китая. 1949—1975 гг. / под ред. Л.М. Гудошниковой и В.И. Прокопова. М.: Прогресс, 1978. С. 208.

²⁹ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 18.

³⁰ Китай после «культурной революции»: (политическая система, внутриполитическое положение) / Л.М. Гудошников, Б.П. Баракта, В.Г. Карымов, Р.М. Неронов / М.: Мысль, 1979. С. 238.

³¹ Хэ Циньхуа. 新中国法学发展规律考 (Исследование закономерностей развития юридической науки нового Китая) // Чжунго фасюе (Юридическая наука Китая). 2013. № 3. С. 135 (на кит.яз.).

³² Ло Хаоцай. Очерки современного административного права Китая. С. 6.

³³ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: «Наука», 1990. С. 82.

³⁴ Жэньминь жибао. 24.12.78 (на кит.яз.).

³⁵ Гудошников Л.М. Становление и модернизация правовых институтов // Китай на пути модернизации и реформ. 1949—1999. М.: Восточная литература, 1999. С. 420.

³⁶ Доклад на 14 Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая // Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность. Статьи и выступления. М.: Паляя, 1996. С. 180.

³⁷ Цзинзи жибао (Экономическая газета). 21.06.2011 (на кит.яз.).

³⁸ Подр. см.: Гудошников Л.М. Конституция КНР 1978 г. и начало правосознательного процесса в Китае // Публично-правовые исследования. 2008. № 3. С. 119—129.

³⁹ Жэньминь жибао. 28.10.78 (на кит.яз.).

⁴⁰ 中国法治30年: 1978—2008 (Чжунго фачжи 30 нянь) : [30 лет законодательству Китая]. Пекин: «Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ», 2008. С. 253 (на кит.яз.).

⁴¹ Цзэн Сяньи, Чжан Вэньсянь. 中国法学专业教育教学改革与发展战略研究 (Чжунго фасюе чжуанье цзяюй цзяосюе гайгэ юй фачжань чжаньлюе яньцзю) : [Исследование стратегии развития и реформы китайской системы образования и обучения по специальности юриспруденция]. Пекин: «Гаодэн цзяюй яньцзю чубаньшэ», 2002. С. 3 (на кит.яз.).

⁴² 中国法学三十年 (1978—2008) (Чжунго фасюе саньши нянь) : [30 лет юридической науке Китая]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюе чубаньшэ, 2008. С. 3 (на кит.яз.).

⁴³ Юридическая жизнь в Китае. Пер. с кит. / отв. ред. Л.М. Гудошников. М.: Юридическая литература, 1990. С. 105—106.

⁴⁴ Дэн Сяопин. О строительстве специфически китайского социализма. Бэйцзин: Издательство литературы на иностранных языках, 1985. С. 34.

⁴⁵ См.: 新中国法制建设与法学发展 60 年 (Синь Чжунго фачжи цзяньшэ юй фасюе фачжань) : [60-летие построения правовой системы нового Китая и развития юридической науки] / под ред. Ли Линя. Пекин: Издательство Академии общественных наук Китая, 2010. С. 11.

⁴⁶ См.: 新中国宪法发展60 年 (Синь Чжунго Сяньфа фачжань 60 нянь) : [60 лет развития Конституции нового Китая] / под ред. Хань Даюаня. Гуанчжоу: Гуандунское народное издательство, 2009.

⁴⁷ Хэ Минцзюнь. Присоединение КНР к ВТО как фактор ускорения экономического развития. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М., 2013. С. 6.

⁴⁸ URL: http://www.npc.gov.cn/npc/zgrdzz/2012—02/10/content_1687754.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁴⁹ URL: <http://www.tirttn.com/news/3086/> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁵⁰ URL: http://news.xinhuanet.com/it/2008-12/26/content_10562448.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит.яз.).

⁵¹ См.: 中国特色社会主义法律体系前沿问题研究 (Чжунго тесе шэхуэй чжуи фалюй тиси цянъянь вэньти яньцзю) : [Исследование важных вопросов социалистической правовой системы с китайской спецификой] / под ред. Сунь Гохуа, Фэн Юйцзюня. Пекин: Чжунго миньчжу фачжи, 2005. С. 11 (на кит.яз.).

⁵² Цзинзи жибао (Экономическая газета). 11.03.2011 (на кит.яз.).

⁵³ Жэньминь жибао. 21.03.2013 (на кит.яз.).

⁵⁴ Доклад Ху Цзиньтао на открытии XVIII съезда КПК. XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8—14 ноября 2012 г.). Экспресс-информация. № 7. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 20—21.

⁵⁵ Манцуров А.Ю. Национальная безопасность Китайской Народной Республики: административно-правовой аспект // Национальная безопасность / nota bene. 2015. № 1. С. 15—18.

⁵⁶ Бородич В., Виноградов А., Трощинский П. 1-я сессия ВСНП 12-го созыва и новая административная реформа в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 59—65.

⁵⁷ В классической Большой Советской Энциклопедии в первых строках о СССР сказано: «Важнейшей конституционной гарантией суверенитета союзных республик является их право свободного выхода из СССР». См.: БСЭ / гл. ред. Б.А. Введенский. М.: Советская энциклопедия, 1957. Том 50. 2-е изд. С. 9 (право свободного выхода из СССР союзной республики закреплялось в каждой советской конституции (1924 г., 1936 г. и 1977 г.)).

⁵⁸ Гудошников Л.М. Великодержавный шовинизм руководства КНР в вопросах национально-государственного строительства // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 94.

⁵⁹ Гудошников Л.М. Современное китайское право: состояние и вопросы изучения // Основные итоги и задачи советского китаеведения. Сборник докладов второй всесоюзной конференции китаеведов. 25—27 января 1982 г. М.: ИДВ РАН, 1983. С. 279.

⁶⁰ См.: Максимов Д.А. Политические и правовые учения в Китае в конце XIX — начале XX века. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2003.

⁶¹ 13-я Поправка к Конституции КНР, принятая 15.03.1999 на 2-м заседании Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва, которая закрепляет необходимость «построения социалистического правового государства» (建设社会主义法治国家). Жэньминь жибао. 17.03.1999 (на кит.яз.).

⁶² Чжэн Юнлю. 中国法圈：跨文化的当代中国法及未来走向 (Чжунго фацзюань: куа вэньхуа дэ дандай Чжунго фа цзи вэйлай цзоусян) : [Круг китайского права: обозревая культуру современного права Китая и его направления развития в будущем]. Чжунго фасюе. 2012. № 4. С. 5 (на кит. яз.).

⁶³ Мутай И.М. Исследование права современного Китая. Рецензия на книгу: Ignazio Castellucci. Rule of Law and Legal Complexity in the People's Republic of China. Università Delgi Studi di Trento, 2012. 250 p. // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 181.

⁶⁴ См.: Трощинский П.В., Чжао Чжучэн. Правовая система и финансово-банковский сектор Китайской Республики на Тайване // Вопросы экономики и права. 2014. № 8. С. 16—21.

⁶⁵ Современное право КНР (обзор законодательства) / под ред. Л.М. Гудошников, П.В. Трощинского. Часть 2. 2002—2010. М.: Центр научной информации и документации ИДВ РАН, 2012. С. 130—153.

⁶⁶ См.: Трощинский П.В. Законодательство. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012—2013. Сборник научных трудов / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: ИД «Форум», 2013. С. 60—79.

⁶⁷ См. работы российских ученых, посвященные особенностям налогового регулирования КНР. Напр.: Шепенко Р.А. Правовое регулирование налогообложения в Китайской Народной Республике. М.: Муравей, 2001; Севальнев В.В. Правовое регулирование налогообложения инновационного сектора КНР. Дисс. ...канд.юр.наук. Москва, 2012.

⁶⁸ Третьяков К.Н. Основные источники современного конституционного права Китайской Народной Республики. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 21.

⁶⁹ Жэньминь жибао. 04.04.86 (на кит.яз.).

⁷⁰ Пашенко Е.Г. Экономическая реформа в КНР и гражданское право. М.: Спарк, 1997. С. 33.

⁷¹ Ельцов В.Н. Правовой эксперимент в современной России: Проблемы эффективности. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 7.

⁷² Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 62.

⁷³ Севальнев В.В. Правовое регулирование налогообложения инновационного сектора КНР. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 12.

⁷⁴ Ахметшин Х.М. Уголовный кодекс КНР. Лекция. М.: Военный Краснознаменный институт, 1981. С. 14.

⁷⁵ Языковая ситуация в Китае: 2006. Глава 3. Использование языка в юридической сфере // КНР: Социальная гармония как гарантия успеха реформ. Экспресс-информация. № 5. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 11.

⁷⁶ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 83—84.

⁷⁷ См.: Афонина Л.А. Формирование и принципиальные моменты нормативно-правового регулирования религиозной сферы в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 6. С. 138—151.

⁷⁸ Надлежаще вести религиозную работу. Выступление во время беседы с группой представителей Всекитайского собрания народных представителей по вопросам религиозной работы // Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность. Статьи и выступления. М.: Палей, 1996. С. 84.

⁷⁹ Чжу Вэйцюнь. 共产党员不能信仰宗教 (Гунчанданюань бу нэн синьян цзунцзяо) : [Член партии не может исповедовать религии] // Цюши. 2011. № 24. С. 25—28 (на кит.яз.).

⁸⁰ См.: Трощинский П.В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М.: ИДВ РАН, 2011.

⁸¹ Харро фон Зенгер. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия / под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: Прогресс; Культура, 1995. С. 190.

⁸² Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002. С. 136.

⁸³ Мутай И.М. Исследование права современного Китая. Рецензия на книгу: Ignazio Castellucci. Rule of Law and Legal Complexity in the People's Republic of China. Università Delgi Studi di Trento, 2012. 250 p. // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 181—182.

⁸⁴ Прокофьев Г.С. Соотношение права и языка: теоретико-философский анализ. Автореф. ... канд. юр. наук. М., 2002. С. 4.

⁸⁵ URL:<http://baike.baidu.com/view/254991.htm?fromtitle=%E8%A7%A3%E5%BB%8C&fromid=8049828&type=syn> (дата обращения - 15.02.2016) (на кит.яз.).

⁸⁶ URL: <http://law.xmu.edu.cn/> (дата обращения - 15.02.2016) (на кит.яз.).

⁸⁷ URL: <http://law.sjtu.edu.cn/> (дата обращения - 15.02.2016) (на кит.яз.).

⁸⁸ Кычанов Е.И. *Ли* и право // Этика и ритуал в традиционном Китае. Сборник статей. М.: Наука, 1988. С. 302.

⁸⁹ См.: Юань Мэй. Новые (записи) Ци Се (Синь Ци Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй). Пер. предисл., коммент. и прил. О.Л. Фишман. М.: Наука, 1977.

⁹⁰ Переломов Л.С. «Четверокнижие» — ключ к постижению конфуцианства». Вступит. статья // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии А.М. Майорова. М.: Восточная литература, 2004. С. 27.

⁹¹ Переломов Л.С. «Четверокнижие»... С. 55.

⁹² Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. — XXI в.). М.: Стилсервис, 2009. С. 489.

⁹³ Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. С. 263.

⁹⁴ Делюсин Л. П. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» в КНР (1973—1975 годы). М., 2004. С. 164

⁹⁵ Переломов Л.С. Конфуцианство... С. 492.

⁹⁶ Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права: в 2 т. Том второй. М.: Статут, 2011. С. 293.

⁹⁷ Инако Цунео. Право и политика современного Китая (1949—1975 гг.). М.: Наука, 1978. С. 145.

⁹⁸ Туганов Ю.Н., Дробышевский В.С., Гуменюк О.П. Теория права Китая: традиции и новации. Иркутск—Чита: ЧитГУ, 2005. С. 113—114.

⁹⁹ Тертицкий К. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. Часть 1. М.: ИСАА МГУ, 1994. С. 19.

¹⁰⁰ См.: Кучера С. История, культура и право древнего Китая: собрание трудов. М.: Наталис, 2012.

¹⁰¹ URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_4092.aspx (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁰² Рыбаков В.М. Механизм общеслужебной ответственности в уголовных законах династии Тан // Восток (Oriens). 2012. № 5. С. 18.

¹⁰³ Цит. по: Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права. М.: Наука, 1986. С. 74, 105.

¹⁰⁴ Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и). Цзюани 17—25. Пер. с кит., введ. и коммент. В.М. Рыбаков. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. С. 260 (ст.345).

¹⁰⁵ Переломов Л.С. Исторические судьбы легизма и конфуцианства // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл.ред. М.Л. Титаренко. ИДВ РАН. М.: Вост. лит., 2006. Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко. 2009. С. 131.

¹⁰⁶ Рыбаков В.М. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. С. 165.

¹⁰⁷ URL: http://www.gov.cn/flfg/2012-12/28/content_2305570.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит.яз.).

¹⁰⁸ Чун Яту. Чувство досады, вызванное статьей о «регулярных визитах» // Журнал «Китай». 2013. № 8. С. 6.

¹⁰⁹ URL: http://www.gov.cn/flfg/2014-02/27/content_2624221.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит.яз.).

¹¹⁰ URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/f/201412/20141200819221.shtml> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит.яз.).

¹¹¹ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 60.

¹¹² Цит. по: Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. С. 43.

¹¹³ Книга правителя области Шан. Пер., вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М.: Ладомир, 1993.

¹¹⁴ Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Пер. с кит. и коммент. А.И.Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии А.М. Майорова. М.: Восточная литература, 2004. С. 161.

¹¹⁵ Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. С. 127.

¹¹⁶ Люй Цзигуй, Цянь Гояо. 打击经济领域犯罪活动的强大武器 (Дацзи цзинци линюй фаньцзуй ходунды цяньда учи) : [Сильное оружие в нанесении удара по преступности в сфере экономики] // Чжэнчжи юй фалюй. 1982. № 2. С. 33.

¹¹⁷ Книга правителя области Шан. Пер., вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М.: Ладомир, 1993. С. 207.

¹¹⁸ См.: Трощинский П.В. Основные направления борьбы с преступностью в современном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 2. С. 105.

¹¹⁹ См.: Трощинский П.В. Правовое регулирование борьбы китайского государства с незаконным оборотом наркотиков // Наркоконтроль. 2015. № 1. С. 31—36.

¹²⁰ Жэньминь хуабao (Народный иллюстрированный журнал). 2010. № 1. С. 8 (на кит. яз.).

¹²¹ 无期不能接受, 要求判死刑 (Уци бу нэн цзешоу, яоцзо пань сысин) : [«Пожизненное лишение свободы не принимаем, требуем смертной казни»] // Наньцзинь жибао (Нанкинская газета). 24.12.2009. С. 8 (на кит. яз.).

¹²² URL: <http://www.chinalaw.gov.cn/article/fgkd/xfj/sfwj/201012/20101200330527.shtml> (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹²³ URL: <http://baike.baidu.com/subview/2074849/2074849.htm> (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹²⁴ Цзиньцзи жибао (Экономическая газета). 18.05.2011. С. 4 (на кит. яз.).

¹²⁵ Чжунго циннянь бао (Китайская молодежная газета). 22.03.2012. С. 11 (на кит. яз.).

¹²⁶ Жэньминь жибао. 20.10.2014 (на кит. яз.).

¹²⁷ Беседы и суждения Конфуция. Пер. с кит. СПб.: Кристалл, 1999. С. 432.

¹²⁸ См.: Севальнев В.В. Правовое регулирование налогообложения инновационного сектора КНР. Автореф. ...канд. юр. наук. М., 2012. С. 12.

¹²⁹ Ян Хунлэ. Чжунго фалюй сысян ши (中国法律思想史) (История правовой мысли Китая). Пекин: Чжунго чжэнфа дасюе чубаньшэ, 2004 (на кит.яз.). Также: Максимов Д.А. Политические и правовые учения в Китае в конце XIX — начале XX века. Дисс. ...канд.истор.наук. М., 2003. С. 6.

¹³⁰ См., напр.: Цзяо Жуньмин. 梁启超法律思想综论 (Лян Цичао фалюй сысян цзунлунь) : [Комплексное обсуждение правовых идей Лян Цичао]. Пекин: Чжунхуа шущюй чубаньшэ, 2006 (на кит. яз.); Максимов Д.А. Политико-правовая теория Шэнь Цзябэня // Информационные материалы. Серия В. Выпуск 10—11. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 86—92; Максимов Д.А. Идея правового государства в Китае в начале XX века // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межкультурных отношений в XXI веке. Тезисы докладов XII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 25—27 сентября 2001 г.). Ч.2. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 144—148.

¹³¹ Туганов Ю.Н., Дробышевский В.С., Гуменюк О.П. Теория права Китая: традиции и новации. Иркутск—Чита: ЧитГУ, 2005. С. 177.

¹³² У Чжэнсюн. Развитие гражданского общества в современном Китае. По материалам Синей книги «Общество в 2009 г.» // «Чжунгун яньцзю». 2009. Т. 43. № 3. С. 62—77 // КНР: Социальная гармония как гарантия успеха реформ. Экспресс-информация № 5. М.: Центр научной информации и документации ИДВ РАН, 2009. С. 65.

¹³³ См.: Максимов Д.А. Политические и правовые учения в Китае в конце XIX — начале XX века. Дисс...канд. исторических наук. М., 2003.

¹³⁴ Лафитский В.И. Юридическая наука: история и современность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 3. С. 26.

¹³⁵ Рене Давид. Основные правовые системы современности. Пер. с франц. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988.

¹³⁶ Пу Сун-лин (Ляо-Чжай). Рассказы о людях необычных. Пер. с кит. М.: Государственное издательство художественной литературы 1954. С. 255—256.

¹³⁷ Варавенко В.Е. Правовые системы Китая // Основы права Китайской Народной Республики: курс лекций / под общ. ред. С.Ф. Литвиновой. Владивосток: ВГУЭС, 2010. С. 12.

¹³⁸ См.: Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII — XIII вв.). М.: Наука, 1986. С. 9. (Согласно трактовке Рыбакова В.М. под «лой-лин-гэ-ши понимаются соответственно: уголовные, общеобязательные, нормативные и внутриведомственные установления (см.: Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Часть 2: Правовое саморегулирование. Том 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. С. 39.)

¹³⁹ Рыбаков В.М. Благотворные иллюзии культуры: Философская основа и правовая конкретика уголовного кодекса китайской династии Тан // Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций. Тезисы докладов XXV Международной конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». 22—24 апреля 2009. Санкт-Петербург: Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С. 234.

¹⁴⁰ Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Часть 2: Правовое саморегулирование. Том 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. С. 35.

¹⁴¹ Рене Давид. Основные правовые системы современности. Пер. с франц. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988.

¹⁴² Ботчаев Э.О. Правовое регулирование деятельности политических партий на Тайване // под ред. Л.М. Гудошников. М.: Россельхозакадемия, 2003. С. 22—23.

¹⁴³ Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая. Том II. Известия Юридического Факультета в г. Харбинь, 1925. С. 8, 120.

¹⁴⁴ Курц Б. Рецензия на кн.: [Энгельфельд В. В. Очерки государственного права Китая]. V. V. Engelfeld. *Precis de droit constitutionnel chinois*. Paris, Societe Anonyme Imprimerie de Navarre. [Харбин, 1925]. (Изв. юрид. Фак-та в г. Харбине, т. II.) // Новый Восток. 1927. № 18. С. 225—226.

¹⁴⁵ Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Пер. с кит. и коммент. А.И.Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии А.М. Майорова. М.: Восточная литература, 2004. С. 161.

¹⁴⁶ Чжан Чжунцю. *传统中国法的精神及其哲学* (Чуаньтун Чжунго фа дэ цзиньшэнь цзи чжэсюе) : [Дух традиционного китайского права и его философия] // Чжунго фасюе. 2014. № 2. С. 198.

¹⁴⁷ Кычанов Е.И. *Ли* и право // Этика и ритуал в традиционном Китае. Сборник статей. М.: Наука, 1988. С. 299, 230.

¹⁴⁸ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 52.

¹⁴⁹ Кычанов Е.И. Правовая культура древнего Китая // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл.ред. М.Л. Титаренко. ИДВ РАН. М.: Вост. лит., 2006.

Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко. 2009. С. 402.

¹⁵⁰ См., напр.: Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. М.: Муравей, 2003. С. 109—130.

¹⁵¹ Цзян Цзэминь. Глубоко осмыслить и всесторонне претворять в жизнь дух важных бесед товарища Дэн Сяопина, быстрее и лучше осуществлять экономическое строительство, реформу и открытость. Речь на курсах усовершенствования руководящих кадров на уровне провинции и министерства в Партийной школе ЦК КПК. 9 июня 1992 г. В кн.: Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность. Статьи и выступления. М.: Паляя, 1996. С. 150.

¹⁵² Доклад Ху Цзиньтао на открытии XVIII съезда КПК. XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8—14 ноября 2012 г.). Экспресс-информация. № 7. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 236.

¹⁵³ Тема диссертации: 中国农村市场化研究 («Маркетинговое исследование китайской деревни»). Университет Цинхуа. 169 с. Хотя работа носит преимущественно политологическо-экономический характер, однако соискателю была присуждена юридическая степень по причине, во-первых, ее защиты в рамках марксистско-ленинской теории. Во-вторых, одним из основных выводов диссертации касался вопроса административного права — отмены регистрации (прописки) жителей китайской деревни. См.: URL: <http://www.do00.cc/2014/08/30608.shtml> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит.яз.).

¹⁵⁴ См.: Жэньминь хуабao (Народный иллюстрированный журнал). 2012. № 12. Вкладка с биографией основных лидеров КПК (на кит.яз.).

¹⁵⁵ Жэньминь жибао. 27.12.2012 (на кит.яз.).

¹⁵⁶ В оригинале: 不管黑猫白猫, 捉到老鼠就是好猫 (Не важно, какого кот цвета - черный он или белый. Хороший кот такой, который ловит мышей).

¹⁵⁷ Жэньминь жибао. 12.04.2013 (на кит.яз.).

¹⁵⁸ Жэньминь жибао. 24.12.78 (на кит.яз.).

¹⁵⁹ Доклад на 14 Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. В кн.: Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность. Статьи и выступления. М.: Паляя, 1996. С. 209.

¹⁶⁰ См., напр.: 全国人大常委会2015年立法工作计划 (Цюаньго Жэньда чанвэйхуэй 2015 нянь лифа гуңцзо цзихуа) : [План правотворческой работы ПК ВСНП на 2015 г.]. URL: <http://npc.people.com.cn/n/2015/0529/c14576-27075488.html> (дата обращения - 15.02.2016) (на кит.яз.).

¹⁶¹ Егоров К.А. Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (80-е годы). М.: Наука, 1993. С. 160.

¹⁶² МакГрегор Р. Партия: тайный мир коммунистических властителей Китая. Пер. с англ. И. Судакевича. М.: Эксмо, 2011. С. 48.

¹⁶³ Гудошников Л.М. Всекитайское собрание народных представителей. В разделе: Политическая культура новейшего времени // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. ИДВ РАН. М.: Вост. лит., 2006. Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко. 2009. С. 235.

¹⁶⁴ По состоянию на конец 2013 г. число членов Коммунистической партии Китая составляло 86 млн 686 тыс. человек. См.: Журнал Китай. 2014. № 8. С. 12.

¹⁶⁵ МакГрегор Р. Партия... С. 52—53.

¹⁶⁶ Чжан Синь. Управление государством на основе закона как условие построения гармоничного общества // Проблемы развития государства и общества в России и Китае после 1990 года. Материалы российско-китайского симпозиума. М.: МГЮА, 2006. С. 74.

¹⁶⁷ Виноградов А.В. Власть, бизнес и коррупция в Китае // Проблемы Дальнего Востока. № 1. 2014. С. 90 (курсив мой. — Авт.).

¹⁶⁸ URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64568/65445/4526290.html> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит.яз.).

¹⁶⁹ Виноградов А.В. Власть, бизнес... С. 94.

¹⁷⁰ Цзиньцзи жибао. 26.12.2013 (на кит.яз.).

¹⁷¹ URL: http://news.xinhuanet.com/2015-03/30/c_1114812232.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит.яз.).

¹⁷² URL: http://www.spp.gov.cn/xwfbh/wsfbt/201506/t20150601_98427.shtml (дата обращения - 15.02.2016) (на кит.яз.).

¹⁷³ URL: <http://fanfu.people.com.cn/n/2015/0630/c64371-27232762.html> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит.яз.).

¹⁷⁴ Цзиньцзи жибао. 28.05.2013. С. 5 (на кит.яз.).

¹⁷⁵ См., напр.: 中国共产党党内法规选编. (Чжунго гунчандан дан нэй фагуй сюаньбянь) : [Избранное законодательство Коммунистической партии Китая]. 2007—2012. Пекин: Фалюй чубаньшэ, 2013.

¹⁷⁶ См. Трощинский П.В. Влияние доктрины «управление государством на основе закона» на правовую систему современного Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 189—203.

¹⁷⁷ Жэньминь хуабао. 2014. № 11. С. 10—13 (на кит.яз.).

¹⁷⁸ Жэньминь жибао. 29.10.2014. С. 1—4 (на кит.яз.).

¹⁷⁹ 法治中国 — 新常态下的大国法治 (Фачжи гоцзя — синь чан тай ся да го фачжи) : [Правовой Китай — правовое регулирование великого государства в новых нормализованных условиях]. Пекин: Хунци чубаньшэ, 2014. С. 11 (на кит. яз.).

¹⁸⁰ Хуа Ивэнь. Создание Комитета по делам национальной безопасности как никогда своевременно. Ежемесячный журнал «Китай». 2013. № 12. С. 4.

¹⁸¹ Китайские политологи об отношениях КНР с Россией и США (оценки и прогнозы). Экспресс-информация. № 3. М.: ИДВ РАН, 2010. С. 37.

¹⁸² Цзинци жибао. 06.11.2014. С. 15 (на кит.яз.).

¹⁸³ Си Цзиньпин. 加快建设社会主义法治国家 (Цзякуай цзэньшэ чжуи фачжи гоцзя) : [Ускоряя построение социалистического правового государства] // Цюши. 2015. № 1. С..

¹⁸⁴ Титаренко М.Л. О феномене китайского социализма (Размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 4.

¹⁸⁵ Ван Чжихуа. Указ. соч. С. 78—79.

¹⁸⁶ Виноградов А.В. Дискуссия о марксизме // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл.ред. М.Л. Титаренко. ИДВ РАН. М.: Вост. лит., 2006. Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко. 2009. С. 87—88.

¹⁸⁷ Гудошников Л.М. Эволюция политических институтов Китая во второй половине XX и начале XXI вв. // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А.Д. Воскресенского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 580.

¹⁸⁸ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 13.

¹⁸⁹ См.: Архив российской китаистики / Ин-т востоковедения РАН. Т. 1. Сост. А.И. Кобзев; отв. ред. А.Р. Вяткин. М.: Наука — Вост. лит., 2013. С. 16—17.

¹⁹⁰ С оригиналом документа можно ознакомиться в библиотеке Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

¹⁹¹ Гудошников Л., Трощинский П. Китайский исследователь Ван Чжичэн об истории шанхайской ветви русской эмиграции // Проблемы Дальнего Востока. 2000. №4. С.146—155.

¹⁹² Стародубец Г. Русское юридическое образование в Харбине (1919—1937) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. №6. С.141.

¹⁹³ Известия юридического факультета. 1925. Т.1. С.223—224. Цит. по: Стародубец Г. Русское юридическое образование... С. 145—146.

¹⁹⁴ Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая. Том II. Известия Юридического Факультета въ г. Харбинь, 1925. С.7.

¹⁹⁵ Энгельфельд В.В. Очерки... С.8, 120.

¹⁹⁶ Курц Б. Рецензия на кн.: [Энгельфельд В. В. Очерки государственного права Китая]. V. V. Engelfeld. *Precis de droit constitutionnel chinois*. Paris, Societe Anonyme Imprimerie de Navarre. [Харбин, 1925]. (Изв. юрид. Фак-та в г. Харбине, т. II.) // Новый Восток. 1927. №18. С.225—226.

¹⁹⁷ Хисамутдинов А.А. Профессор юриспруденции и востоковед В.А. Рязановский // Проблемы Дальнего Востока. 2003. №2. С.140.

¹⁹⁸ Гинс Г.К. Список профессоров, преподавателей и лекторов Юридического Факультета и их печатные труды за время существования Факультета (1 марта 1920 г. — 1 июля 1931 г.) / Г.К. Гинс // Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1931. Т.9. С.342.

¹⁹⁹ Дудин П.Н. Русское право и русская правовая мысль на страницах маньчжурской прессы // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Т.2. №2. С.139.

²⁰⁰ Пономарёва В.П. Феномен Юридического факультета в городе Харбине в правовом пространстве русского зарубежья // Пространство и время. 2014. № 4. С. 181.

²⁰¹ См.: Трошинский П.В. Основные этапы формирования правовой системы Китайской Народной Республики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. №4. С.71—72.

²⁰² Гудошников Л.М. О состоянии и задачах изучения права КНР // Проблемы советского Китаеведения (Сборник докладов Всесоюзной научной конференции Китаеведов, состоявшейся в ноябре 1971 года). М.: ИДВ РАН, 1973. С.182.

²⁰³ Напр.: Leonid Gudoshnikov. *Mechanizm polityczny Chin*. Warszawa, 1979 (на польском яз.). Leonid Gudoshnikov. Rostislav Neronov. *China after Mao*. Moscow, 1979 (на англ. яз.) (и эта же работа на китайском языке, изданная в том же году в Тайланде).

²⁰⁴ Леониду Моисеевичу Гудошникову — 80 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2008. №1. С.188.

²⁰⁵ В то время вышел приказ Микояна А.И. об обязательном распределении студентов 1-го курса, владеющих английским языком, в группы по изучению китайского языка. Гудошников Л.М., несмотря на слабое зрение, не стал отказываться от этого (многие под разными предлогами, зная чрезвычайную сложность предмета, находили причины для отказа). Всего было сформировано две группы. Вместе с Гудошниковым Л.М. учились Л.И. Новак, А. Воинов, Н.Д. Радченко-Васельцова (Оксюкевич). Преподавателем был Люшир Линшайло (уйгур по национальности). Все они впоследствии участвовали в переводах китайских законов на русский язык. Оксюкевич до настоящего времени (ноябрь 2015 г.) преподает китайский язык в ВАВТ.

²⁰⁶ Ахметшин Н.Х. Поднебесная — судьба моя. Книга памяти. М., 2009. С. 334.

²⁰⁷ Лафитский В.И. Юридическая наука: история и современность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 3. С. 29.

²⁰⁸ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 6—7.

ГЛАВА II

ОТРАСЛИ

ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА

Китайской юридической науке широко известно деление права на публичное (公法) и частное (私法), которое проводилось еще в римском праве (Домиций Ульпиан). Ученые КНР пишут: «мы считаем, что непосредственным критерием разграничения публичного и частного права является метод правового регулирования»¹, согласно которому публичное право связано с публичной властью, носителем которой является государство, а частное право защищает интересы личности, обеспечивает ее свободную самореализацию.

Именно публичное право получило наибольшее развитие в правовой системе КНР, не случайно, что ядром древнекитайского (традиционного) и современного права Китая выступало уголовное и административное право. Частному праву китайский законодатель стал уделять внимание лишь в последние десятилетия, что было связано с необходимостью правового регулирования осуществляемой с конца 1978 г. «политики реформ и открытости», предполагавшей развитие альтернативных государственной и коллективной форм собственности, частного предпринимательства, новых видов товарно-денежных отношений, защиты интересов частных инвесторов. Развитие норм публичного права подтверждается наличием, хотя и принятого с опозданием, Уголовного кодекса КНР (1979 г.), когда как Гражданского кодекса в правовой системе Китая нет до сих пор. При этом процедурное право более развито, чем право материальное. В КНР действуют Уголовно-процессуальный кодекс (1979), Гражданско-процессуальный кодекс (1991), Административно-процессуальный кодекс (1989), Арбитражный кодекс (1994).

§ 2.1. Конституционное право

Конституционное право выступает в качестве одной из основных отраслей публичного права КНР, оно закрепляет основы взаимоотношения государства, общества и личности, регламентирует организацию государственной власти, закрепляет особенности существующего общественного строя в стране. Основным источником конституционного права КНР выступает действующая **Конституция 1982 г.**, в которой достаточно детально прописаны основы государственного строя Китая, права и обязанности граждан КНР, порядок формирования и функционирования государственных органов. «В правовом обществе, — пишет авторитетный китайский ученый Хан Даюань, — Конституция обладает высшей юридической силой, создает основную систему ценностей социально-политической общности индивидов, выступает в качестве основы формирования системы прав и свобод. От Конституции, являющейся основой законности, от уровня ее совершенности зависят процесс развития законности в целом и общественная польза. ...В процессе осуществления законодательных реформ в современном Китае Конституция играет все большую роль, а по мере изменения Конституции мы можем все отчетливее следить за процессом перехода Китая от несовершенной законодательной системы к более совершенной, а также прогнозировать тенденции в развитии законодательной системы Китая в будущем»².

Истории китайского государства известен и еще один основной источник конституционного права — нормативно-программный акт — **Общая программа Народного политического консультативного совета Китая**, которая была принята 29.09.1949 в г. Пекине 1-й сессией НПКСК и до появления в 1954 г. первой китайской Конституции выступала в качестве Основного закона страны (имела характер временной Конституции)³. «Общая программа НПКСК явилась базой правотворческой деятельности государственных органов КНР в первом пятилетии ее существования, до принятия первой Конституции КНР (1954 г.). Высшим органом власти в этот период был Центральный народный правительственный совет (ЦНПС), избранный пленарной сессией НПКСК»⁴.

Общая программа устанавливала: «Китайская Народная Республика, являющаяся государством новой демократии, то есть народной демократии, осуществляет находящуюся под руководством рабочего

класса диктатуру народной демократии, основанную на союзе рабочих и крестьян и объединяющую все демократические классы и все национальности Китая, и ведёт борьбу против империализма, феодализма, бюрократического капитала — за независимость, демократию, мир, единство и создание процветающего и сильного Китая» (ст. 1). Согласно ст. 3 одним из направлений государственной политики новых властей являлось «ликвидация всех особых прав и привилегий империалистических стран в Китае, конфискация бюрократического капитала, его передача в собственность народного государства». Принципами внешней политики были объявлены «обеспечение независимости, свободы, целостности территории и суверенитета Китая, защита длительного мира во всем мире, поддержание дружественного сотрудничества между народами всех стран и борьба с империалистической политикой агрессии и войны» (ст. 54).

Современному конституционному праву Китая известны и две так называемые «малые конституции», под которыми понимаются Основные законы особых административных районов КНР Сянган (Гонконга) и Аомэня (Макао), принятые поочередно в 1990-е годы: **Основной закон Сянганского особого административного района Китайской Народной Республики** (принят на 3-й сессии ВСНП 7-го созыва 04.04.1990) и **Основной закон Аомэньского особого административного района Китайской Народной Республики** (принят на 1-й сессии ВСНП 8-го созыва 31.03.1993). Для более полного закрепления правового статуса возвращенных «в лоно Родины» бывших британской и португальской колоний китайским законодателем также были приняты: Закон КНР «О гарнизоне Сянганского особого административного района» (принят на 23-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 30.12.1996) и Закон КНР «О гарнизоне Аомэньского особого административного района» (принят на 10-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва 28.06.1999) (приведенные выше законы в китайском праве также имеют статус конституционных).

В правовой системе китайского государства, наряду с Конституцией КНР, являющейся ядром конституционного права Китая, приняты и действует целый ряд *«законов, имеющих отношение к Конституции»* (宪法相关法类) (в российской юридической науке такого рода нормативные правовые акты носят название «конституционные законы»). Их общее количество около 40, важнейшими из них являются «ор-

ганические законы», т. е. законы, закрепляющие основы организации и деятельности государственных органов КНР.

К основным «органическим законам» относятся:

1) **Закон КНР «Об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств различных ступеней»** (принят на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва 1 июля 1979 г., с изменениями от 10.12.1982, 02.12.1986, 28.02.1995, 27.10.2004, 29.08.2015);

2) **Закон КНР «О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней»** (принят на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва 1 июля 1979 г., с изменениями от 10.12.1982, 02.12.1986, 28.02.1995, 27.10.2004, 14.03.2010, 29.08.2015);

3) **Закон КНР «Об организации народных судов»** (принят на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва 1 июля 1979 г., с изменениями от 02.09.1983, 02.12.1986, 31.10.2006);

4) **Закон КНР «Об организации народной прокуратуры»** (принят на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва 1 июля 1979 г., с изменениями от 02.09.1983, 02.12.1986);

5) **Закон КНР «Об организации Всекитайского собрания народных представителей»** (принят на 5-й сессии ВСНП 5-го созыва 10 декабря 1982 г.);

6) **Закон КНР «Об организации Государственного совета»** (принят на 5-й сессии ВСНП 5-го созыва 10 декабря 1982 г.);

7) **«Некоторые положения Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей о прямых выборах депутатов собраний народных представителей уездного уровня и ниже»** (приняты на 26-м заседании ПК ВСНП 5-го созыва 5 марта 1983 г.);

8) **«Регламент Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики»** (принят на 23-м заседании ПК ВСНП 6-го созыва 24 ноября 1987 г., с изменениями от 24.04.2009);

9) **«Регламент Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики»** (принят на 2-й сессии ВСНП 7-го созыва 4 апреля 1989 г.);

10) **Закон КНР «О депутатах Всекитайского собрания народных представителей и местных собраний народных представителей различных ступеней»** (принят на 5-й сессии ВСНП 7-го созыва 3 апреля 1992 г., с изменениями от 27.08.2009, 28.10.2010, 29.08.2015).

Конституционное право КНР образует и иные «имеющие отношение к Конституции законы», к важнейшим из которых следует отнести уникальные, не имеющие аналогов в российском конституционном праве:

1) **Закон КНР «О правотворчестве»** (принят на 3-й сессии ВСНП 9-го созыва 15 марта 2000 г., с изменениями от 15.03.2015);

2) **Закон КНР «О противодействии расколу страны»** (принят на 3-й сессии ВСНП 10-го созыва 14.03.2005);

3) **Закон КНР «Об освобождении имущества иностранных Централных банков от судебных мер принуждения»** (принят на 18-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 25.10.2005).

В Законе КНР «О правотворчестве» прописан порядок принятия законов ВСНП, ПК ВСНП, а также административно-правовых актов Государственным советом, местных законов и правил, положений, уведомлений, нормативных актов районов национальной автономии. В нем достаточно подробно закреплена иерархическая структура взаимоотношений между принятыми центральными и местными органами государственной власти правовыми документами.

Важные изменения в *Закон КНР «О правотворчестве»* были внесены в марте 2015 г. самим ВСНП. Их суть состоит в упорядочении деятельности китайского законодателя, исключении превышения законодательных полномочий органами власти на местах, возникновения противоречия между центральными и региональными актами правотворчества. В масштабах Китая создано 284 города в особых районах городского подчинения, из которых 49 предоставлено право на принятие местных нормативных правовых актов. Таким образом, 235 городов лишено возможности на самостоятельную региональную правотворческую деятельность. Для устранения перегибов в предоставлении прав на принятие местных локальных актов, китайский законодатель принял решение о делегировании правотворческих полномочий указанным субъектам в части регулирования вопросов городского строительства и управления, охраны окружающей среды и культурного наследия.

Закон КНР «О противодействии расколу страны» направлен на борьбу с «независимостью» Тайваня, он закрепил возможность применения Китаем военной силы для обеспечения территориальной целостности государства.

Согласно ст. 1 Закон был принят «...в соответствии с Конституцией с целью противодействия и сдерживания сепаратистских сил, стремящихся к «независимости Тайваня», действия которых направлены на раскол страны, в интересах мирного объединения Родины, сохранения мира и стабильности в зоне Тайваньского пролива, обеспечения суверенитета и территориальной целостности государства, для защиты коренных интересов китайской нации». В ст. 2 документа подчеркивается: «В мире существует только один Китай, расположенный на материке и на острове Тайвань. Суверенитет и территориальная целостность Китая в равной степени распространяются на его материковую часть и на Тайвань. Защита суверенитета и территориальной целостности государства является общим долгом всего китайского народа, включая соотечественников на Тайване (ч. 1). Тайвань — часть Китая. Государство решительно не позволяет сепаратистским силам, стремящимся к “независимости Тайваня”, отколоть его от Китая под каким бы то ни было предлогом в какой бы то ни было форме (ч. 2). Если тенденция к независимости Тайваня будет углубляться либо возможность к осуществлению мирного объединения исчезнет — КНР прибегнет к **“немирным способам и другим необходимым мерам для защиты суверенитета и территориальной целостности страны”** (ч. 1 ст. 8).

Закрепленные в *Законе КНР «Об освобождении имущества иностранных Центральных банков от судебных мер принуждения»* положения имеют большое значение для работающих на финансовом рынке Гонконга (Макао) иностранных банковских учреждений (Центробанков). Согласно ранее действующему (до возвращения КНР) в ОАР Гонконг законодательству (Приказ правительства Великобритании о государственном освобождении) иностранные центральные банки освобождались от применения к ним мер принуждения в отношении их имущества. Однако центральное законодательство КНР устанавливало противоположные правила, и указанный акт на территории Гонконга перестал применяться, что вызывало недовольство зарубежных банкиров и создавало сложности в деятельности одного из крупнейших финансовых центров мира. Появление рассматриваемого Закона в правовой системе КНР явилось реакцией китайского правительства на требования международного банковско-финансового сообщества. *Указанный Закон состоит всего лишь из 4 статей и является самым маленьким по объему среди всех действующих китайских законов.*

Кроме приведенных выше законов, конституционное право современного Китая также включает Закон КНР «О гражданстве» (1980), Закон КНР «О национальной районной автономии» (1984), Закон КНР «О дипломатических привилегиях и иммунитетах» (1986), Закон КНР «О собраниях, шествиях и демонстрациях» (1989) и некоторые другие. Их общее количество — 40.

Эволюция Конституции КНР

Фундаментом конституционного права КНР выступает ее Конституция.

20 сентября 1954 г., после пятилетнего существования нового китайского государства, была принята первая Конституция КНР (中华人民共和国宪法)⁵. Ее появление явилось важной вехой на пути зарождения и последующего развития не только основ конституционного строя коммунистического Китая, но и всей правовой системы страны. Принятие Конституции 1954 г. было признано одним из великих дел в истории китайского государства⁶. Заложенный Конституцией фундамент на долгие годы определил вектор будущего государственно-правового и социально-экономического развития страны. Первая китайская Конституция «заложила основу социалистических Конституций нового Китая». «Конституция 54-го года» явилась первой в истории Китая самостоятельно принятой народом Конституцией, а также первой Конституцией нового Китая, установив конституционное положение о том, что народ является хозяином своей страны, в концентрированном виде воплотив социалистические принципы и принципы народной демократии⁷.

Принятию первой китайской Конституции предшествовала серьезная работа со стороны специальной комиссии, созданной Центральным народным правительственным советом. Хотя комиссию и возглавлял Мао Цзэдун, однако всей работой занимался Лю Шаоци (второй человек после «великого кормчего», скончался от репрессий в годы «культурной революции»)⁸. Принятие первой Конституции проходило в два этапа. На первом был предложен проект Основного закона страны, первый вариант которого был рассмотрен ЦК КПК 23.03.1954 (предложение о разработке Конституции было официально внесено ЦК КПК в декабре 1952 г.). Всего было высказано свыше 5900 замечаний со стороны более 8 тысяч специалистов. На втором этапе проект Конституции был публично обнародован для всенародного обсуждения (14.06.1954).

В период с 16.06.1954 по 11.09.1954 населением было высказано более 1 млн 180 тыс. замечаний.

Основной закон состоял из Введения, 4 глав, 106 статей. Первый русскоязычный перевод для советского читателя был опубликован в уже ставшем библиографической редкостью издании Издательства «Правда» в 1954 г. объемом в 32 страницы, тиражом в 500 тыс. экз.

В Преамбуле Конституции 1954 г. сказано: «настоящая Конституция закрепляет завоевания народной революции в нашей стране и новые победы в области политики и экономики, одержанные со времени создания Китайской Народной Республики, а также отражает коренные требования государства в переходный период и общие чаяния широких народных масс в отношении строительства социалистического общества». А далее отмечено: «Наша страна уже установила отношения нерушимой дружбы с великим Союзом Советских Социалистических Республик и со странами народной демократии; с каждым днем растет дружба народа нашей страны с миролюбивыми народами всего мира. Эта дружба будет и впредь развиваться и укрепляться... Борьба за благородные цели мира во всем мире и прогресса человечества является неизменным курсом нашей страны в международных делах».

Принятие первой китайской Конституции явилось крупнейшим событием в государственно-правовой жизни страны, её значение для правовой системы тогдашнего Китая трудно переоценить. Конституция своим содержанием очень походила на «сталинскую» Конституцию 1936 г. и устанавливала общие принципы деятельности государственных органов КНР (глава 2), содержала перечень основных прав и обязанностей китайских граждан (глава 3), закрепляла особенности государственной символики КНР (глава 4). В ее основу легла Общая программа НПКСК. В первой Конституции КНР широко используется и опыт международного конституционного строительства, в частности, конституционного строительства социалистических стран. Про первую китайскую Конституцию проф. Л.М. Гудошников писал: «Она была построена по модели Конституции СССР и стран народной демократии. Ею закреплялась руководящая роль КПК в государстве и ее руководство Единым народно-демократическим фронтом, т.е. фактическая монополия партии на власть»⁹.

Согласно ст. 1 Конституции КНР 1954 г. «Китайская Народная Республика есть государство народной демократии, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян». Таким обра-

зом, китайский законодатель закреплял руководящую роль рабочего класса в государстве совместно с крестьянами как основу народовластия. В ч. 1 ст. 2 закреплялся принцип принадлежности государственной власти народу в лице Всекитайского собрания народных представителей и его местных собраний народных представителей (высший орган законодательной власти). Депутатами ВСНП 1-го созыва во время всеобщих выборов 1953—1954 гг. было избрано 1226 человек. Согласно ст. 25 Конституции сессии ВСНП проходят один раз в год (такое положение дел сохранилось и до настоящего времени, чаще всего в марте месяце). В остальное время вместо ВСНП законотворческую деятельность осуществляет его Постоянный комитет. Срок полномочий ВСНП каждого созыва устанавливался в 4 года.

В ст. 5 Конституции закреплялось право на существование следующих форм собственности:

1) государственная собственность, т. е. общенародная собственность;

2) кооперативная собственность, т. е. коллективная собственность трудящихся;

3) собственность капиталистов: в их отношении государство проводило политику «их использования, ограничения и преобразования» (ч. 2 ст. 10), при этом «государство запрещает любому лицу использовать частную собственность во вред общественным интересам» (ст. 14).

Глава 2 Конституции была полностью посвящена вопросам государственной структуры КНР: ВСНП (раздел 1); Председатель КНР (раздел 2); Государственный совет (раздел 3); Местные СНП и местные народные комитеты (раздел 4); Органы самоуправления в районах национальной автономии (раздел 5); Народный суд и народная прокуратура (раздел 6). Основные права и обязанности граждан КНР закреплялись в главе 3 Конституции (ст. 85—103).

Подчеркнем, что вся система органов государственной власти, которая практически в неизменном виде существует и в современном Китае, была создана Конституцией 1954 г. «Начиная с «Конституции 54-го года» все Конституции закрепляли одинаковые мысли в отношении юридического статуса собраний народных представителей» — пишет профессор Юридического института Сямэньского университета Чжу Фухуэй¹⁰.

Так, в ст. 85 закреплялось равенство всех граждан КНР перед законом. Провозглашалась свобода слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций (ст. 87), свобода вероисповедания (ст. 88), неприкосновенность личности (ст. 89), неприкосновенность жилища и тайна переписки (ч. 1 ст. 90) и многие другие права. К основным обязанностям отнесено: 1) соблюдение Конституции и законов; дисциплины труда; общественного порядка; общественной морали (ст. 100); 2) плата налогов (ст. 102); 3) защита Отечества; военная служба (ст. 103).

Конституция 1954 г. ввела в систему высших органов власти **институт Председателя КНР**¹¹, который представлял КНР в международных отношениях и возглавлял вооруженные силы. В его функции входил также созыв Верховных государственных совещаний, выработавших предложения «по важным государственным вопросам». До принятия Конституции по вопросу правового статуса Председателя КНР в китайском руководстве происходили бурные дискуссии, которые, впрочем, были разрешены волевым вмешательством Мао Цзэдуна¹².

Административный совет заменялся Государственным советом — центральным правительственным органом, ведавшим в полном объеме всеми сферами управления страной.

Конституция КНР 1954 г. явилась базой для последующего активного развития правовой системы страны. Вслед за ней появляются многие важные акты правотворчества, устанавливающие принципы формирования и деятельности государственных органов КНР. Появляется Закон КНР «О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей» (принят на 22-м заседании ЦНПС 11.02.1954).

К сожалению, закрепленные в Конституции прогрессивные для того времени нормы так и не получили своей практической реализации. Через несколько лет после ее принятия Китай захлестнули различные разрушительные политические кампании, апогеем которых стала страшная «культурная революция». Ее идеологами Конституция и законы были признаны враждебными обществу. Вся созданная Конституцией вертикаль власти оказалась полностью разрушенной.

Следующей по счету Конституцией КНР стал Основной закон страны, принятый перед самым окончанием разрушительной для китайской государственности «культурной революции» 17 января 1975 г.¹³. Конституция КНР 1975 г. **упразднила пост Председателя КНР** (главой

государства становится Постоянный комитет ВСНП), значительно ограничила полномочия высшего и местных органов законодательной власти (ВСНП и местных СНП), закрепила за революционными комитетами статус постоянно действующих органов местных СНП и вместе с тем местных народных правительств¹⁴. По своей структуре она была одинакова с предыдущей Конституцией 1954 г., однако число её статей было значительно сокращено: с 106 до 30. Сокращениям подверглись основные главы Конституции: «Государственная структура» (гл. 2) и «Основные права и обязанности граждан» (гл. 3). Так, в гл. 3 китайский законодатель оставил лишь 4 статьи против ранее 19 (были исключены многие основные права граждан). Оставлено право избирать и/или быть избранным, однако с указанием на существующие в стране ограничения в отношении установленных законом категорий лиц (ч. 1 ст. 27).

Конституция 1975 г. содержит положение о борьбе с предательством и контрреволюционной деятельностью, о наказании лиц, ее совершающих (ч. 1 ст. 14), а также о лишении политических прав помещиков, кулаков, реакционных капиталистов и других вредных элементов (ч. 2 ст. 14).

Одним из главных отличий новой Конституции 1975 г. стало закрепление руководящей роли КПК и идеологической основы государства. Статья 2 гласила: «Коммунистическая партия Китая является руководящим ядром всего китайского народа. Рабочий класс осуществляет руководство государством через свой авангард — Коммунистическую партию Китая» (ч. 1). «Идеи марксизма, ленинизма и Мао Цзэдуна являются теоретической основой, определяющей идеологию нашего государства» (ч. 2). Из текста Конституции 1975 г. исключили и положение о советско-китайской дружбе и дружбе с другими странами социалистического лагеря. В годы «культурной революции» в среде китайских «хунвэйбинов» был в ходу лозунг об «освобождении Москвы» от реакционных и враждебных мировому коммунизму сил, поколение китайских ученых, с любовью относившихся к СССР, было подвергнуто жесточайшим репрессиям¹⁵. В Конституции 1975 г. нет идеи о том, что «борьба за благородные цели мира во всем мире и прогресса человечества является неизменным курсом нашей страны в международных делах», закреплённой в Конституции 1954 г. В противовес этому говорится о необходимости «готовиться к войне», «бороться против политики агрессии и войны, проводимой империализмом и социал-империализмом, против гегемонизма сверхдержав».

Оригинальным содержанием был наполнен текст ч. 1 ст. 9, закреплявший принцип распределения по труду: «Государство осуществляет принцип социализма — «кто не работает, тот не ест», «от каждого по его способностям, каждому — по его труду». Хотя эту фразу китайские законодатели и приписывали В.И. Ленину (статья «О голоде»), она присутствовала и в ст. 12 советской Конституции 1936 г., однако изначально они были произнесены апостолом Павлом во втором послании к Фессалоникийцам, глава 3, стихи 6—12: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Об этом факте китайский законодатель вряд ли знал.

О Конституции 1975 г. Л.М. Гудошников писал: «Новая конституция КНР, как явствует из ее анализа, основным своим назначением имеет не возвращение страны в рамки конституционной законности, а закрепление выгодных маоистам результатов “культурной революции”. Вместе с тем она, несомненно, несет следы компромисса различных группировок китайского руководства; например, наряду с призывом о подготовке к войне в конституцию включены пять принципов мирного сосуществования, общему духу конституции явно не соответствует фраза о постепенном повышении материального и культурного уровня жизни народа (ст. 10)»¹⁶.

Японский проф. Инако Цунэо подчеркивает: «В Конституции не только отражен общий принцип руководства государством со стороны партии, но и зафиксировано, что КПК руководит вооруженными силами страны — Народно-освободительной армией и народным ополчением, а Председатель ЦК КПК возглавляет вооруженные силы страны (ст. 15). Благодаря этому восстановлена ситуация периода гражданской войны в Китае, когда вооруженные силы были не государственными, а партийными»¹⁷.

Третья по счету китайская Конституция была принята 5 марта 1978 г.¹⁸, сразу после окончания «культурной революции», ознаменовав собой широкомасштабный правовосстановительный процесс в стране. Конституция зафиксировала отстранение лидеров кровавой «культурной революции» от руководства страной («банда четырех» (四人帮)). В то же время она стала компромиссным документом, содержащим ряд противоречивых моментов: с одной стороны, в ней закреплялся набор политических установок прежних лет, с другой — она в некоторой мере учитывала потребности дальнейшего развития страны. По свидетельству Е.В. Куманина, она «оказалась правовым документом, в котором нашли свое отражение оба основных направления китайской юридической по-

литики — леворадикальное и возрождающееся конструктивное. Ее содержание носило компромиссный характер. Принятие Конституции 1978 г. отразило постепенный переход к методам и формам социально-экономического движения, качественно отличавшимся от тех, которые господствовали во времена «культурной революции»¹⁹.

Основной закон был освобожден от некоторых наиболее одиозных формулировок (исключена известная Конституции 1975 г. формула о подготовке к войне), отсутствовал тезис о «внести сравнительно большой вклад в дело человечества», замененный на борьбу «за дело прогресса и освобождения человечества». Основу Конституции 1978 г. составили «...главные положения Конституции КНР 1975 г. с привлечением некоторых установлений и формулировок первой Конституции КНР 1954 г. Подтверждая в законодательной форме свою политическую линию, руководящая китайская группировка вместе с тем использует Основной закон для создания более эффективного аппарата управления государством, а также для украшения фасада режима, придания ему более привлекательного в глазах населения и мирового общественного мнения облика. Авторы конституции позаботились о том, чтобы она стала своего рода клятвой верности маоизму. Только в Преамбуле имя Мао Цзедуна упоминается 6 раз. С ним непосредственно связываются вся история народно-революционной борьбы, основание КНР и последующее ее развитие»²⁰.

Значительно расширены положения главы 3 «Основные права и обязанности граждан», общее количество статей Конституции составило 60. В общем плане в Конституции 1978 г. была законодательно оформлена политика руководства страны, направленная на восстановление страны после долгого разрушительного периода «культурной революции». И хотя данная Конституция просуществовала совсем недолго (до 1982 г.), однако она явилась основой зарождающегося правотворческого процесса в масштабах всего Китая²¹.

Впервые в Преамбуле Конституции 1978 г. напрямую закреплялась политика возвращения Тайваня в лоно Родины: «Тайвань — священная территория Китая. Мы непременно освободим Тайвань и завершим великое дело воссоединения Родины». Принцип «кто не работает, тот не ест» остался в ст. 10. В ст. 20 присутствовала формулировка: «Всекитайское собрание народных представителей является высшим органом государственной власти», когда как в ст. 16 предыдущей Конституции было: «Всекитайское собрание народных представителей яв-

ляется высшим органом государственной власти, находящимся под руководством Коммунистической партии Китая». Практически были восстановлены все положения Конституции 1954 г., определяющие полномочия высших государственных органов. «Ревкомы» были оставлены, но уже не в качестве всевластных органов времен «культурной революции», а лишь в качестве исполнительных органов местных собраний народных представителей (СНП). Конституция восстановила упраздненные прокурорские органы, возложив на них надзор за соблюдением Конституции и законов. При этом институт Председателя КНР восстановлен так и не был.

В целом, Конституция 1978 г. подводила итоги окончания «культурной революции», разгромила ее главных идеологов и предопределила новый путь развития китайской государственности в будущем. Она заложила основы правового развития китайского государства после начала «революционной» политики реформ и открытости (декабрь 1978 г., инициатор реформ — Дэн Сяопин). Китайским законодателем два раза в нее были внесены изменения:

1) 01.07.1979 ВСНП своим решением усилил статус государственных органов;

2) 10.09.1980 китайский парламент в соответствии с предложением Дэн Сяопина отменил положение ст. 45 Конституции, закреплявшей лозунги «культурной революции», предоставляющие право гражданам, в том числе, и на вывешивание в публичных местах «дацзыбао».

4 декабря 1982 г. на 5-й сессии ВСНП 9-го созыва после более чем двухлетней подготовки была принята **действующая Конституция КНР**²². В отличие от Конституций 1975 г. и 1978 г., она прошла стадию всенародного обсуждения. При этом ее проект был опубликован практически за полгода до официального принятия (28.04.1982), что позволило до ноября проводить работу по доработке текста Основного закона с учетом замечаний граждан.

Действующая Конституция КНР состоит из Введения, 4 глав и 138 статей. Из нее китайским законодателем были изъяты все формулировки, свойственные периоду «культурной революции». По отношению к регулированию организации и деятельности государственных органов КНР Основной закон почти полностью повторяет первую китайскую Конституцию 1954 г., при этом **восстанавливается пост Председателя КНР**, который в последующем занимали: 1983—1988 гг. — Ли Сянь-

нянь; 1988—1993 гг. — Ян Шанкунь; 1993—2003 гг. — Цзян Цзэминь; 2003—2013 гг. — Ху Цзиньтао; с 2013 г. — Си Цзиньпин.

Конституция КНР 1982 г. внесла существенные изменения и в государственную структуру страны. Помимо восстановления поста Председателя КНР, устанавливается: предоставление ПК ВСНП фактически тех же прав, что и ВСНП; образование Центрального военного совета КНР, совпадающего по персональному составу с Военным советом ЦК КПК; ограничения сроков пребывания на своих постах высших государственных должностных лиц; установление несовместимости членства в ПК ВСНП с занятием административных, судебных и прокурорских должностей, учреждение в составе правительств различных ступеней системы ревизионных органов. Конституцией КНР были восстановлены основные автономные права национальных районов, в том числе право на издание положений об автономии и отдельно действующих положений.

Преамбула Конституции довольно обширная. Закрепленные в ней положения отражают основные политические и идеологические установки современного китайского государства. Они выступают в качестве важных ориентиров, позволяющих лучше понять специфику КНР, его историю и способствуют правильному толкованию закрепленных в Основном законе страны положений.

В Преамбуле кратко излагается революционный путь китайского народа: от свержения эксплуататорских классов до образования нового социалистического государства. Подчеркивается решающая роль в деле укрепления народной демократии идей марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина и концепции «трех представительств» (участие в управлении государством представителей передовых производственных сил, передовой китайской культуры и широких народных масс).

Указывается, что «Китай — одно из государств мира с самой древней историей. Народы всех национальностей Китая общими усилиями создали блестящую культуру, имеют славные революционные традиции... В XX веке в Китае произошли коренные перемены великого исторического значения... В 1949 г. под руководством Коммунистической партии Китая, возглавляемой Председателем Мао Цзэдуном, народы всех национальностей Китая, пройдя тяжелый и тернистый путь длительной вооруженной и других форм борьбы, в конце концов свергли господство империализма, феодализма и бюрократического капитализ-

ма, одержали великую победу в новодемократической революции, создали Китайскую Народную Республику. С тех пор китайский народ взял государственную власть в свои руки и стал хозяином страны... Китайский народ и Народно-освободительная армия Китая одержали победу в борьбе против агрессивных и подрывных действий, вооруженных провокаций империализма и гегемонизма, защитили независимость и безопасность страны, укрепили национальную оборону... В нашей стране эксплуататоры как класс уже ликвидированы, однако классовая борьба в определенных рамках будет существовать еще в течение длительного времени... Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики. Завершение великого дела воссоединения Родины — священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване... Настоящая Конституция в форме закона зафиксировала результаты борьбы народов Китая, определила основной строй и основные задачи государства. Конституция, основной закон страны, имеет высшую юридическую силу. Все народы, все государственные органы и вооруженные силы, все политические партии и общественные организации, предприятия и учреждения руководствуются положениями Конституции как основным критерием своей деятельности, ответственны за соблюдение Конституции и претворение ее в жизнь».

Глава 1 Конституции КНР носит название «Общие положения» и закрепляет основы государственного строя китайского государства, охрану всех видов собственности, земельного, лесного, водного фонда, развитие социалистической культуры, образования, науки и техники, медицины (ст. 1—32).

Согласно ч. 1 ст. 1 КНР представляет собой «...социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян». За социалистическим строем закрепляется основное положение, «запрещается любым организациям или отдельным лицам подрывать социалистический строй» (ч. 2 ст. 1). В Конституции закрепляется принцип народо-властия: «Вся власть в Китайской Народной Республике принадлежит народу» (ч. 1 ст. 2). Эту власть китайский народ осуществляет через ВСНП и местные СНП. Государственные органы КНР придерживаются принципа демократического централизма (ч. 1 ст. 3), предполагающего выборность всех руководящих органов снизу доверху, периодическую отчетность всех органов перед своими организациями и перед выше-

стоящими органами, строгую дисциплину и подчинение меньшинства большинству, безусловную обязательность решений высших органов для низших. ВСНП и местные СНП «...ответственны перед народом и находятся под его контролем» (ч. 2 ст. 3).

Часть 2 ст. 27 Конституции КНР гласит, что «все государственные органы и государственные служащие должны опираться на народ, постоянно поддерживать тесные связи с народом, прислушиваться к мнениям и предложениям народных масс, находиться под их контролем, отдавать все силы служению народа». Статья 77 Конституции КНР предусматривает право отзыва депутатов ВСНП органами, их избравшими. Указанной конституционной норме вторит и ч. 1 ст. 45 Закона КНР «Об организации Всекитайского собрания народных представителей»: «Депутаты Всекитайского собрания народных представителей подконтрольны органам, которые их избрали. Органы, избравшие депутатов, имеют право отозвать избранных ими депутатов».

В соответствии со ст. 46 Закона КНР «О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей КНР» депутаты ВСНП, СНП местных уровней находятся под контролем со стороны своих избирателей либо органов, их избравших. Избиратели вправе отозвать избранных ими депутатов. Для отзыва депутатов СНП уездного уровня требуются подписи на письменном требовании об отзыве, предоставляемого в ПК СНП уездного уровня, не менее 50 человек с района, откуда депутат избирался, а для отзыва депутата сельского уровня — не менее 30 подписей (ч. 1 ст. 47). Согласно ч. 2 ст. 47 требование об отзыве провинившегося депутата должно содержать причину отзыва. Сам же депутат обладает правом выступить со словами в свою защиту на собрании своих избирателей или изложить свою позицию в письменном виде. В обязанность ПК СНП уездного уровня вменяется опубликование для избирателей требования об отзыве депутата и его аргументов в свою защиту (ч. 3 ст. 47). Требование об отзыве депутатов также может быть выдвинуто и Президиумом СНП либо не менее 10 % депутатов соответствующего СНП (ч. 1 ст. 48).

Отзыв депутата СНП уездного и сельского уровней производится путем проведения тайного голосования (ст. 49) простым большинством голосов избирателей избравшего депутата избирательного округа (ч. 1 ст. 50). Отзыв же депутатов, избранных местными СНП выше уездного уровня, также осуществляется простым большинством голосов, но уже депутатами соответствующих СНП.

Действующая конституционная процедура отзыва депутата применяется в Китае редко. Однако именно в этом виде конституционная ответственность в Китае приобретает свое воплощение на практике. Один из первых в современном китайском государстве случаев обращения населения к властям с требованием отзыва избранного ими депутата датируется 2 февраля 2003 г. Тогда 33 избирателя района Наньшань г. Шэньчжэня обратились в ПК СНП своего района с требованием об отзыве депутата Чэнь Хуэйбиня. Причину его отзыва избиратели объяснили тем, что их народный избранник не обращал внимания на существующие серьезные угрозы безопасности их жизни и имуществу, не предпринимал меры по их устранению. Несмотря на то, что районным СНП требование избирателей об отзыве депутата было отклонено, тем не менее, сама попытка отзыва депутата простыми гражданами была признана китайскими юристами важным явлением в конституционно-правовой жизни общества ²³.

Конституция КНР закрепляет равенство всех национальностей (ч. 1 ст. 4). «Государство гарантирует законные права и интересы всех национальных меньшинств, охраняет и развивает отношения равенства, сплоченности и взаимопомощи всех национальностей. Запрещаются дискриминация и гнет в отношении любой национальности, запрещаются действия, направленные на подрыв сплоченности между национальностями и их раскол».

Важные положения содержится в ст. 5 Конституции КНР. Так, ч. 1 закрепляет, что «Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством». Само же китайское государство «...обеспечивает единство и соблюдение социалистической законности» (ч. 2). «Все государственные органы и вооруженные силы, политические партии и общественные организации, предприятия и учреждения должны соблюдать Конституцию и законы. За любое нарушение Конституции и законов необходимо привлекать к ответственности» (ч. 4). В соответствии с положениями ст. 28 Конституции КНР государство охраняет общественный порядок в стране, «...подавляет предательскую и прочую преступную деятельность, подрывающую безопасность государства, карает за нарушение общественной безопасности, дезорганизацию социалистической экономики и другие преступные действия, наказывает и перевоспитывает преступные элементы».

Глава II Конституции КНР содержит положения, закрепляющие основные права и обязанности граждан (ст. 33—56). Закрепленные в китайской Конституции права и свободы могут быть условно подразделены на три большие группы: 1) личные права и свободы; 2) гражданские и политические права и свободы; 3) экономические, социальные и культурные права и свободы. Каждая группа прав и свобод образует относительно самостоятельный конституционно-правовой институт, охватывающий определенную сферу жизнедеятельности человека. При этом необходимо особо подчеркнуть декларативность многих закрепленных в Конституции прав и свобод гражданина (свобода слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий, демонстраций, вероисповедания и т.п.). Китайское государство в лице своих партийных и государственных органов достаточно жестко реагирует на любые противоречащие интересам страны и общества явления, инакомыслие и протесты, незамедлительно принимая меры по их устранению. Вместе с тем ч. 1 ст. 41 Конституции закрепляет право граждан на критику государственной власти: «Граждане Китайской Народной Республики имеют право обращаться с критикой или предложениями в адрес любых государственных органов или государственных служащих...», «...никто не может оказывать давление на граждан и мстить им» (ч. 2). «Лица, понесшие ущерб в результате посягательства на гражданские права со стороны государственных органов и государственных служащих, имеют право на получение компенсации в соответствии с законом» (ч. 3).

Рассматриваемая глава Конституции КНР начинается с закрепления равенства всех граждан страны перед законом: «Все граждане Китайской Народной Республики равны перед законом (ч. 2 ст. 33). Статья 34 Конституции закрепляет право граждан КНР избирать и быть избранным, при этом оговаривается, что «исключение составляют лица, лишённые политических прав по закону» (вид дополнительного наказания по УК КНР). Статья 40 закрепляет свободу и тайну переписки граждан КНР. «Никакие организации или отдельные лица ни под каким предлогом не могут препятствовать свободе и тайне переписки граждан, за исключением случаев, когда в интересах государственной безопасности или в целях расследования уголовного преступления органы общественной безопасности или органы прокуратуры в порядке, установленном законом, осуществляют проверку переписки». В приведенной конституционной норме право на нарушение тайны переписки при наличии законных оснований принадлежит лишь органам общественной безо-

пасности и прокуратуры, когда как на практике тайну переписки нарушают и органы государственной безопасности КНР.

К основным конституционным обязанностям граждан относятся: обязанность трудиться («труд — почетная обязанность всех трудоспособных граждан» (ч. 3 ст. 42)); обязанность учиться (ч. 1 ст. 46); обязанность супругов планировать деторождение в семье (ч. 2 ст. 49); обязанность родителей содержать и воспитывать своих несовершеннолетних детей (ч. 3 ст. 49); обязанность детей содержать и поддерживать родителей (ч. 3 ст. 49); обязанность защищать единство государства и сплоченность национальностей (ст. 52); обязанность соблюдать Конституцию и законы (ст. 53); обязанность хранить государственную тайну (ст. 53); обязанность беречь общественную собственность (ст. 53); обязанность соблюдать трудовую дисциплину (ст. 53); обязанность соблюдать общественный порядок (ст. 53); обязанность уважать нормы общественной морали (ст. 53); обязанность охранять безопасность, честь и интересы Родины (ст. 54); «защита Отечества и отражение агрессии — священный долг каждого гражданина Китайской Народной Республики» (ст. 55); военная служба и участие в народном ополчении — почетная обязанность граждан КНР (ст. 55); обязанность платить налоги (ст. 56).

Глава III Конституции КНР, состоящая из наибольшего количества статей (ст. 57—135) и являющаяся самой большой по содержанию, посвящена конституционной регламентации государственной структуры Китая (ВСНП, Председатель КНР, Государственный совет, Центральный военный совет, Местные СНП и местные народные правительства, органы самоуправления в районах национальной автономии, народный суд и народная прокуратура).

Завершает Конституцию глава IV «Государственный флаг, государственный герб, столица» (ст. 136—138), в которой устанавливается, что государственный флаг Китая представляет собой красное полотно с изображением на нем 5 звезд (ст. 136), государственный герб Китая представляет собой изображение, на котором в центре располагаются освещенные 5 звездами ворота главной площади страны Тяньаньмэнь, по краям — колосья и зубчатое колесо (ст. 137). Пекин получил статус столицы КНР (ст. 138).

По мере государственно-правового развития страны, в действующую китайскую Конституцию вносились различные изменения и поправки, сыгравшие важную роль в деле успешного построения право-

вой системы КНР. В общей сложности действующая Конституция КНР подвергалась поправкам 4 раза²⁴:

1) на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва 12.04.1988 были внесены изменения в ст. 11 и ч. 4 ст. 10 Конституции, легализующие частные хозяйства и устанавливающие возможность передачи права землепользования (**1-я и 2-я поправки**);

2) на 1-й сессии ВСНП 8-го созыва 29.03.1993 была принята целая серия поправок в Конституцию (**3—11 поправки**), касающихся вопросов вынесения на конституционный уровень задачи претворения в жизнь «четырех модернизаций», многопартийного сотрудничества под руководством КПК, построения социалистической рыночной экономики и др. Важным в поправках стало преобразование государственного сектора экономики в сектор экономики, основанный на государственной собственности, означавшее переход владения государственной собственностью к самостоятельным хозяйственным организациям. Впервые на конституционном уровне было закреплено понятие «начальной стадии социализма», которое впоследствии получила широкое теоретическое освещение в китайской научной литературе и программных документах правящей Коммунистической партии;

3) на 2-й сессии ВСНП 9-го созыва (15.03.1999) в Конституцию КНР были внесены «революционные» с точки зрения правового строительства поправки (12—17 поправки): от некоторого изменения содержания текста Введения Конституции (упомянута «теория Дэн Сяопина», выдвинута задача «развивать социалистическую рыночную экономику») до исключения из текста Конституции формулировки «государство...подавляет предательскую и прочую контрреволюционную деятельность...».

Наиболее важной, по нашему мнению, является 13-я поправка, которая впервые в истории КНР на конституционном уровне вводит понятие «социалистическое правовое государство». В ней устанавливается: «Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством». Приведенная конституционная норма ранее законодательно правовой системе известная не была. Дискуссия об использовании термина «правовое государство» велась в китайском обществе давно и вылилась в решение законодателя о ее закреплении в тексте Конституции КНР.

Лозунг становления КНР как социалистического правового государства нельзя отнести к нововведениям²⁵, однако впервые в китай-

ской истории он получил конституционное закрепление, что является ярким подтверждением приверженности руководства страны правовому пути развития государства.

Профессор Л.М. Гудошников отмечает: «Поправка отражала быстрое нарастание в стране большого пласта разнообразных правовых норм. Реформа права считается в КНР важным направлением политической реформы, однако на деле она вместе с административной реформой в известной степени подменяет политическую реформу, так как политические институты практически не реформируются. Лозунг становления КНР как социалистического правового государства тоже нельзя отнести к нововведениям. Он сравнительно давно присутствует в терминологии политических и научных статей. Разумеется, его поднятие на конституционный уровень имеет немаловажное значение для жизни страны»²⁶;

4) на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва 14.03.2004 были приняты 4 по счету поправки (18—31), которые также существенно дополнили действующую Конституцию КНР. Так, в ст. 33 Основного закона было добавлено важное по содержанию установление, ставшее ч. 3 указанной статьи: «Государство уважает и охраняет права человека». Данная конституционная поправка была с одобрением воспринята китайским обществом и международным экспертным сообществом, основанием к ее принятию послужила, в том числе и необходимость учета мнения зарубежных партнеров по международным организациям, требующих конституционного закрепления государственных гарантий института прав

Учитывая общественные ожидания относительно конституционного закрепления защиты со стороны государства прав частной собственности, высший орган законодательной власти КНР изменил и ч. 2 ст. 11 Конституции КНР, которая в новой редакции гласит: «Государство охраняет законные права и интересы индивидуальных и частных хозяйств необщественного сектора экономики. Государство поощряет, поддерживает и оказывает направляющее воздействие на развитие необщественных хозяйств, в соответствии с законом осуществляет в отношении необщественного сектора экономики контроль и регулирование».

В дополнение к этому китайский законодатель изменил и содержание ст. 13 Конституции на следующее содержание: «Законная частная собственность граждан неприкосновенна (ч. 1). Государство в соответствии с законом защищает права граждан на частную собственность и ее наследование (ч. 2). Государство в общественных интересах может в со-

ответствии с положениями закона экспроприировать либо реквизируют частную собственность граждан с выплатой компенсации (ч. 3)».

Система государственных органов КНР состоит из:

I) Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП)
(全国人民代表大会)

Высшим органом государственной власти (ст. 57 Конституции КНР), осуществляющим законодательную власть в КНР (ст. 58 Конституции КНР) является Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП). Постоянно действующим органом ВСНП является Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) (全国人民代表大会常务委员会).

ВСНП стоит во главе всей системы собраний народных представителей, составляющей политическую основу китайского государства. ВСНП представляет собой однопалатный высший законодательный орган страны, состоящий из представителей, избранных от провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, особых административных районов и вооруженных сил (ч. 1 ст. 59 Конституции КНР). При этом, «все национальные меньшинства должны иметь соответствующее число представителей». Срок полномочий ВСНП составляет 5 лет. За два месяца до истечения срока полномочий ВСНП его Постоянный комитет проводит выборы во ВСНП следующего созыва. При чрезвычайных ситуациях, когда проведение выборов не представляется возможным, допускается отсрочка проведения выборов и продление срока полномочий ВСНП по решению не менее 2/3 делегатов ПК ВСНП. Выборы во ВСНП следующего созыва должны быть проведены в течение года после отмены чрезвычайной ситуации (ч. 2 ст. 60 Конституции КНР).

Основными законодательными актами, регламентирующими порядок формирования ВСНП, местных СНП, их деятельности и полномочий являются: **Закон КНР «Об организации Всекитайского собрания народных представителей»** (принят на 5-й сессии ВСНП 5-го созыва 10.12.1982); **Закон КНР «О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней»** (принят на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва 01.07.1979, с последующими изменениями от 10.12.1982, 02.12.1986, 28.02.1995, 27.10.2004, 14.03.2010, 29.08.2015); **Закон КНР «Об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств различных ступеней»** (принят на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва 01.07.1979, с последующими изменениями от

10.12.1982, 02.12.1986, 28.02.1995, 27.10.2004, 29.08.2015); **Закон КНР «О контроле Постоянных комитетов собраний народных представителей всех уровней»** (принят на 23-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 27.08.2006); **Закон КНР «О депутатах Всекитайского собрания народных представителей и местных собраний народных представителей различных ступеней»** (принят 5-й сессии ВСНП 7-го созыва 03.04.1992, с последующими изменениями от 27.08.2009 и 28.10.2010, 29.08.2015); **Регламент Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики** (принят на 2-й сессии ВСНП 7-го созыва 04.04.1989); **Регламент Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики** (принят на 23-м заседании ПК ВСНП 6-го созыва 24.11.1987, с последующими изменениями от 24.04.2009).

Существующий в современном китайском государстве институт собраний народных представителей включается в себя ВСНП и местные СНП. Согласно ч. 1 ст. 2 Конституции КНР «вся власть в Китайской Народной Республике принадлежит народу», который «осуществляет государственную власть через Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей различных ступеней» (ч. 2). Местные СНП существуют на уровне провинций (провинция, автономный район, город центрального подчинения), округов и городов, уездов, волостей. Начиная с ВСНП 6-го созыва установленное число делегатов ВСНП каждого созыва **не должно превышать 3000 человек**. Активным и пассивным избирательным правом пользуются все граждане КНР, достигшие 18 лет, за исключением лишенных политических прав лиц (п. 2 ч. 1 ст. 34 УК КНР). Выборами во ВСНП руководит его Постоянный комитет (ч. 2 ст. 59 Конституции КНР). Избирательная система Китая характеризуется сочетанием прямых и многостепенных выборов.

Сессии собраний народных представителей, как правило, проводятся один раз в год. По предложению свыше 1/5 делегатов можно созвать временную сессию СНП различной категории. Сессии ВСНП и местных СНП на уровне уезда и выше созываются их постоянными комитетами. В последние годы ежегодная сессия ВСНП проходит в начале марта, срок ее работы около двух недель. Сессии местных СНП различных ступеней обычно также проходят до и после марта. Заседания ПК ВСНП обычно проходит один раз в два месяца, продолжительностью около недели. В особых случаях созывается временное заседание. ПК

ВСНП принимает большинство законодательных актов, кроме тех, принятие которых отнесено к исключительной компетенции ВСНП. Количество депутатов ПК ВСНП каждого созыва ни разу за свою историю не превышало **200 человек** (устанавливается решением сессии ВСНП. Например: с 1954 по 1959 — 65, а с 2013 по 2018 — 175)²⁷ (*законодательная регламентация точного количества членов ПК ВСНП отсутствует*). Должность председателя ПК ВСНП занимает видный политический деятель, член высшего руководства Коммунистической партии Китая. В настоящее время им является член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Чжан Дэцзян (张德江).

К **основным полномочиям ВСНП** относится (ст. 62 Конституции КНР):

- внесение изменений в Конституцию КНР, осуществление контроля за ее исполнением;

- принятие и изменение уголовного, гражданского законодательства, законодательства о государственной структуре, других «основных законов»;

- по представлению Председателя КНР утверждение кандидатуры Премьера Государственного совета;

- по представлению Премьера Государственного совета утверждение кандидатуры его заместителей, членов, министров, председателей комитетов, главного ревизора, начальника секретариата;

- избрание председателя Центрального военного совета, а по его представлению — утверждение кандидатур других членов ЦВС;

- избрание Председателя Верховного народного суда КНР, Генерального прокурора Верховной народной прокуратуры КНР;

- рассмотрение и утверждение планов экономического и социального развития, отчетов об их выполнении;

- рассмотрение и утверждение государственного бюджета и отчета о его исполнении;

- изменение или отмена ненадлежащих постановлений ПК ВСНП;

- утверждение образования провинций, автономных областей и городов центрального подчинения, утверждение создания особых административных районов и их режимов;

- решение вопросов войны и мира;

- осуществление иных полномочий.

ПК ВСНП осуществляет следующие основные полномочия (ст. 67 Конституции КНР):

дает толкование Конституции и законам КНР, осуществляет контроль за исполнением Основного закона страны;

принимает законы, вносит в них изменения, за исключением тех, которые должны приниматься ВСНП;

отменяет правотворческие акты местных органов государственной власти в случае их противоречия Конституции и законам страны;

осуществляет контроль за работой Государственного совета, Центрального военного совета, Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры;

в период между сессиями ВСНП по представлению премьер-министра Государственного совета принимает решения о назначении и смещении министров, председателей комитетов, главного ревизора и начальника секретариата; в период между сессиями ВСНП по представлению председателя ЦВС принимает решения о назначении и смещении членов ЦВС;

по предложению председателя Верховного народного суда назначает и смещает его заместителей, судей и членов судебного комитета, председателей военных судов; по предложению генерального прокурора Верховной народной прокуратуры назначает и смещает его заместителей, прокуроров и членов коллегии, главных прокуроров военных прокуратур, а также утверждает назначения и смещения главных прокуроров народных прокуратур провинций, автономных областей и городов центрального подчинения;

принимает решения о назначении и отзыве полномочных представителей в иностранных государствах, о ратификации и денонсации договоров и важных соглашений, заключенных с иностранными государствами;

устанавливает воинские звания, дипломатические ранги и иные специальные звания; учреждает государственные ордена и награждает ими, устанавливает государственные почетные звания и присваивает их;

принимает решения о помиловании;

принимает решения о всеобщей или частичной мобилизации, о введении режима чрезвычайного положения, в период между сессиями ВСНП принимает решение об объявлении войны;

выполняет другие функции, возлагаемые на него ВСНП.

Таким образом, основные полномочия собраний народных представителей (ВСНП — 15 видов; ПК ВСНП — 21 вид; местные СНП выше уездного уровня — 15 видов; ПК СНП выше уездного уровня — 14 видов; СНП волостного уровня — 13 видов) можно разделить на не-

сколько групп: 1) законодательные полномочия; 2) полномочия в решении важных государственных вопросов; 3) полномочия в назначении и смещении должностных лиц; 4) контрольные полномочия. Согласно Поправкам в ст. 98 Конституции КНР от 15.04.2004 «срок полномочий каждого созыва местных собраний народных представителей всех ступеней составляет 5 лет». Ранее срок полномочий СНП волостей, национальных волостей, поселков составлял 3 года.

В современной политической и социально-экономической жизни КНР ВСНП и его Постоянный комитет играют чрезвычайно важную роль. Являясь высшим органом государственной власти, ВСНП определяет основные направления развития китайского государства. По принимаемым им и его ПК решениям можно судить об избранном политическом и экономическом курсе страны.

Председатель КНР (中华人民共和国主席)

Согласно положениям раздела 2 главы 3 Конституции КНР (ст. 79—84) Председатель (заместитель Председателя) КНР избираются Всекитайским собранием народных представителей. Высшим должностным лицом государства (его заместителем) может стать любой гражданин КНР, достигший возраста 45 лет и имеющий право избирать и быть избранным. Срок полномочий Председателя (заместителя Председателя) КНР составляет 5 лет. «Председатель и заместитель Председателя Китайской Народной Республики может занимать эти должности не более чем два срока подряд» (ч. 3 ст. 79 Конституции КНР). Отметим, что *начиная с Цзян Цзэминя (1993—2003 гг.) в Китае сложилась негласная практика выбора на должность Председателя КНР главы правящей Коммунистической партии.*

Порядок избрания Председателя (заместителя Председателя) КНР следующий: 1) Президиум ВСНП предлагает кандидатуры на пост главы государства и его заместителя; 2) список кандидатур отдается на обсуждение всех представительств ВСНП; 3) Президиум на основании мнения большинства делегатов ВСНП утверждает список кандидатов и печатает бюллетени для голосования; 4) сессия ВСНП проводит выборы путем тайного голосования; 5) Председателем (заместителем председателя) КНР становится тот, чья кандидатура получила более половины голосов всех делегатов. При этом в КНР отсутствует законодательно закрепленный обычай принесения присяги Председателем КНР.

Впервые в истории Китая пост Председателя КНР и его заместителя был введен Конституцией 1954 г. В то время возраст кандидата

на пост Председателя КНР устанавливался в 35 лет, срок полномочий в 4 года (ст. 39). Пост Председателя КНР (заместителя председателя) был фактически ликвидирован во время «культурной революции». В Конституциях КНР 1975 г. и 1978 г. пост Председателя КНР (заместителя председателя) не предусматривался. Номинально в качестве главы государства выступал председатель ПК ВСНП. С принятием Конституции КНР 1982 г. пост Председателя КНР (заместителя председателя) был восстановлен.

Во время принятия Конституции КНР 1982 г. в среде китайских партийных руководителей по вопросу восстановления поста Председателя КНР проходили «ожесточенные споры»²⁸. Предлагались следующие варианты:

1. Восстановление должности Председателя КНР, который бы играл роль главы государства.

2. Отказ от восстановления указанной должности. Функции главы государства возлагаются на председателя ПК ВСНП или премьера Государственного совета.

3. В качестве главы государства выступает ПК ВСНП.

Впоследствии, остановив свой выбор на первом из трех вышеуказанных вариантов, разработчики Конституции не стали законодательно закреплять за Председателем КНР статус главы государства. Об этом нет речи и в других законах страны.

Согласно мнению разработчиков первой китайской Конституции, **пост главы государства коллегиальный и состоит из Председателя КНР и ПК ВСНП**. «Главой государства может быть либо одно лицо, либо коллегиальный орган. В Советском Союзе Президиум Верховного Совета СССР является коллегиальным главой государства... Институт главы государства в нашей стране по своему типу аналогичен советскому, но в силу практических условий нашей страны и нашего революционного опыта функции главы государства у нас осуществляются не одним Председателем Китайской Народной Республики или Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей, а совместно Председателем Китайской Народной Республики и Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей. Такая форма института коллегиального главы государства является особенностью нашего государства»²⁹. «Функции главы государства в нашей стране исполняются совместно Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей и Председателем Китай-

ской Народной Республики... Таким образом, глава государства в нашей стране коллегиальный»³⁰.

По вопросу коллегиальности главы китайского государства проф. Гудошников Л.М. отмечает: «Но в этом определении, вызванном, по всей вероятности, понятным для того времени стремлением приблизиться к коллективному институту главы государства в СССР (им был Президиум Верховного Совета СССР), существовала и некоторая нагрузка, так как, во-первых, Председатель КНР выполнял и выполняет сейчас ряд функций единолично...; во-вторых, не во всех случаях он действовал совместно с Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП), иногда он действовал совместно также и с самим ВСНП. Это обстоятельство и позволило в свое время профессору А. Е. Луневу ...определить председателя КНР в качестве единоличного высшего неополитического органа ВСНП и ПК ВСНП. Действительно, свои основные полномочия председатель КНР осуществляет на основании решений ВСНП и ПК ВСНП»³¹. Ученый Е.В. Куманин свидетельствует: «В систему высших органов власти Конституции 1954 г. ввела институт Председателя КНР, который в большинстве случаев при исполнении своей компетенции действовал на основании решений ВСНП и его ПК, поэтому рассматривался как часть коллегиального института главы государства»³².

В современном Китае Председатель КНР является еще и главой КПК, а также председателем Центрального военного совета (подчинены вооруженные силы страны). Кроме того, он возглавляет Комитет по национальной безопасности (входят все правоохранительные органы) и Комитет по углублению реформ (финансово-экономический блок). Таким образом, фактически Председатель КНР все же выступает в качестве главы государства (несмотря на отсутствие конституционного закрепления в этом статусе).

Председатель КНР (заместитель председателя) поставлен Конституцией КНР под контроль ВСНП, а его деятельность должна вестись в соответствии с принятыми ВСНП и ПК ВСНП законами. Как уже было отмечено выше, Председатель КНР (заместитель председателя) избирается ВСНП (ч. 1 ст. 79; п. 4 ст. 62 Конституции КНР), ВСНП также вправе освободить от должности Председателя КНР (заместителя председателя) (п. 1 ст. 63) (предложение об освобождении от должности Председателя и заместителя председателя КНР могут вносить не менее трех делегаций или не менее 1/5 от общего числа депутатов ВСНП. Ре-

шение принимается простым большинством голосов всех депутатов ВСНП.). Основная функция заместителя Председателя КНР заключается в оказании помощи в работе Председателю КНР (ч. 1 ст. 82 Конституции КНР). В политической жизни Китая во время отпуска или отсутствия Председателя КНР его заместитель принимает зарубежных гостей, ведет с ними переговоры, принимает верительные грамоты дипломатических представителей иностранных государств.

Основные функции Председателя КНР состоят в следующем (Поправки № 27 и 28 в Конституцию КНР от 14.03.2004) (ст. 80 и 81 Конституции КНР): на основании решений ВСНП и ПК ВСНП Председатель КНР:

1) обнародует законы (принятый высшим представительным органом КНР закон вступает в силу лишь после его подписания Председателем КНР);

2) назначает и смещает премьера и заместителя премьера Государственного совета КНР;

3) назначает и смещает министров, председателей комитетов, Главного ревизора, начальника секретариата;

4) награждает государственными орденами и присваивает государственные почетные звания;

5) издает указы о помиловании;

6) издает указы о введении чрезвычайного положения;

7) издает указы о мобилизации;

8) объявляет о состоянии войны;

9) ратифицирует и денонсирует договора и важные соглашения, заключенные с иностранными государствами;

10) представляет КНР, принимает иностранных дипломатических представителей.

Должность Председателя КНР является одной из ключевых в современном китайском государстве. Внешняя и внутренняя политика Китая во многом определяется тем лицом, которое занимает пост Председателя КНР. Как правило, лицо, занимающее пост Председателя КНР, также является генеральным секретарем ЦК КПК и председателем Центрального военного совета КНР.

Государственный совет КНР (国务院)

Основу правовой регламентации положения Государственного совета КНР в системе органов государственной власти Китая составляют:

- 1) **Конституция КНР** (глава 3 раздел 3 ст. 85—92);
- 2) **Закон КНР «Об организации Государственного совета»** (принят на 5-й сессии ВСНП 5-го созыва 10.12.1982);
- 3) **Закон КНР «Об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств различных ступеней»** (принят на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва 01.07.1979, с последующими изменениями от 10.12.1982, 02.12.1986, 28.02.1995, 27.10.2004, 29.08.2015);
- 4) **Правила работы Государственного совета** (приняты на 1-м пленарном заседании Государственного совета 21.03.2008);
- 5) **Правила КНР «Об открытом информационном правительстве»** (приняты на 165-м заседании Постоянного бюро Государственного совета 17.01.2007);
- 6) **Закон КНР «О государственных служащих»** (принят на 15-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 27.04.2005)

Согласно ст. 85 Конституции КНР Государственный совет (Центральное народное правительство) является «исполнительным органом государственной власти, высшим государственным административным органом». Государственный совет состоит из премьера, заместителей премьера, членов Госсовета, министров, председателей комитетов, главного ревизора (включен в состав Госсовета с 1982 г.), начальника секретариата. В состав Госсовета также входит не указанный в действующем законодательстве КНР в качестве члена состава Госсовета председатель Народного банка Китая. Срок полномочий Государственного совета КНР составляет 5 лет. Премьер, его заместители и члены Госсовета не могут занимать эти должности более чем два срока подряд. Государственный совет осуществляет систему ответственности премьера. Министерства и комитеты осуществляют систему ответственности министров и председателей комитетов.

Важно, что в соответствии с положениями ст. 92 Конституции КНР «Государственный совет ответственен перед Всекитайским собранием народных представителей и ему подотчетен, в период между сессиями Всекитайского собрания народных представителей ответственен перед Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей». Обычно Государственный совет формируется ВСНП на первой сессии каждого созыва. Изменения в составе Госсовета в период между сессиями ВСНП осуществляются его Постоянным комитетом. Кандидатуру премьера Государственного совета по представлению

Председателя КНР утверждает ВСНП, после чего Председатель КНР назначает лицо на должность своим указом. По представлению премьера Госсовета ВСНП также утверждает кандидатуры его заместителей, членов Госсовета, министров, председателей комитетов, главного ревизора, начальника Секретариата. Назначение на должность указанных лиц также проводится указом Председателя КНР.

Государственный совет является коллегиальным органом, его заседания проводятся регулярно и бывают двух видов: пленарные заседания, созываемые ежемесячно в составе премьера, заместителей премьера, министров, председателей комитетов; и внеочередные заседания, а также заседания Бюро Государственного совета в составе премьера, его заместителей и секретаря, созываемые при необходимости премьером Госсовета. Пленарные заседания и заседания Бюро обсуждают наиболее важные вопросы в области государственной административной работы.

Государственный совет КНР, согласно Конституции, является, с одной стороны, «высшим органом государственного управления общей компетенции, ему подчинены все отрасли и все органы государственного управления КНР. С другой стороны, он представляет собой исполнительно-распорядительный орган высшего органа государственной власти и в силу этого проводит в жизнь политику, выраженную в актах высшего органа государственной власти»³³.

Действующее законодательство КНР достаточно подробно регулирует состав, полномочия и порядок деятельности центрального и местных народных правительств различных ступеней. Существует жесткая система ответственности работников китайского правительства за исполнение поставленных перед ними задач. Все принимаемые высшим законодательным органом КНР (ВСНП) и его ПК законы, постановления, иные правовые документы и решения должны исполняться Государственным советом.

К основным функциям Государственного совета КНР относятся (ст. 89 Конституции КНР):

- 1) в соответствии с Конституцией и действующим законодательством определяет перечень мероприятий по исполнению поставленных перед ним задач;
- 2) определяет задачи и обязанности министерств и комитетов, осуществляет единое руководство работой министерств и комитетов;

3) принимает административно-правовые акты, издает постановления и распоряжения;

4) составляет и исполняет планы экономического и социального развития государства, государственный бюджет;

5) руководит работой в области экономики, городского и сельского строительства, в области образования, науки, культуры, здравоохранения, физкультуры и спорта, планирования рождаемости;

6) руководит и управляет работой органов гражданской администрации, общественной безопасности, судебного управления, оборонным строительством, делами национальностей;

7) защищает законные права и интересы китайцев, проживающих за границей, а также китайцев, вернувшихся из-за границы, и членов их семей;

8) изменяет или отменяет ненадлежащие распоряжения, инструкции, положения министерств и комитетов, местных административных органов;

9) принимает решение о введении режима чрезвычайного положения на отдельных территориях внутри провинций, автономных областях и городов центрального подчинения;

10) осуществляет иные функции, которые возлагаются на него ВСНП.

Местные народные правительства создаются по административным регионам Китая и делятся на четыре категории: провинциальные местные народные правительства; городские местные народные правительства; уездные местные народные правительства; волостные местные народные правительства. Все местные народные правительства являются государственными административными органами, находящимися под единым руководством Госсовета КНР и в его подчинении (ч. 3 ст. 55 Закона КНР «Об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств различных ступеней»). В то же время «местные народные правительства различных ступеней ответственны перед собраниями народных представителей соответствующей ступени и стоящими на ступень выше государственными административными органами и им подотчетны» (ч. 1 ст. 55). Таким образом, в КНР на законодательном уровне закреплена система подчинения местных народных правительств перед образующими их СНП и вышестоящими народными правительствами либо Госсоветом.

Центральный военный совет (中央军事委员会)

Согласно ч. 1 ст. 93 Конституции КНР «Центральный военный совет Китайской Народной Республики руководит всеми вооруженными силами государства». Срок его полномочий составляет 5 лет. ЦВС состоит из председателя (Си Цзиньпин) (срок пребывания не ограничен), его заместителей (Фань Чанлун и Сюй Цилян) и 8 членов.

В соответствии со ст. 13 **Закона КНР «О государственной обороне»** (принят на 5-й сессии ВСНП 8-го созыва 14.03.1997) ЦВС осуществляет следующие функции:

- 1) осуществляет единое руководство всеми вооруженными силами страны;
- 2) определяет военную стратегию и планы ведения военных действий;
- 3) руководит и управляет строительством НОАК, принимает планы и программы, претворяет их в жизнь;
- 4) представляет на рассмотрение ВСНП и ПК ВСНП предложения;
- 5) в соответствии с Конституцией и законами принимает военное законодательство, издает распоряжения и приказы;
- 6) определяет структуру и состав НОАК, задачи и функции органов высшего военного управления, а также военных округов, видов вооруженных сил и родов войск;
- 7) в соответствии с положениями законов, военного законодательства осуществляет назначение на должности, проводит обучение, аттестацию, поощряет и наказывает личный состав вооруженных сил;
- 8) утверждает планы развития системы оснащения вооружением и образцов вооружения вооруженных сил, совместно с Государственным советом руководит и управляет научными исследованиями и производством в сфере государственной обороны;
- 9) совместно с Государственным советом заведует расходами на государственную оборону и имуществом в сфере государственной обороны;
- 10) осуществляет иные установленные законом функции.

Центральный военный совет ответственен перед ВСНП и ПК ВСНП (ст. 94 Конституции КНР). Он выполняет свои функции совместно с высшим партийным органом по руководству всеми Вооружёнными силами КНР — Военным советом ЦК КПК, который также возглавляет

Си Цзиньпин. Во всех армейских подразделениях КНР созданы партийные комитеты, с личным составом работают партийные работники.

Центральный военный совет руководит Народно-освободительной армией Китая (НОАК) и войсками народной вооруженной полиции. Ему подчиняются Генеральный штаб НОАК, Главное политическое управление НОАК, Главное управление тыла НОАК, Главное управление вооружения и военной техники НОАК. Под руководством Центрального военного совета в Народно-освободительной армии Китая учреждены главные органы управления и другие руководящие органы родов и видов войск, а также военных округов. В войсках народной вооруженной полиции Китая учрежден Главный штаб.

ЦВС КНР является преемником существовавшего в первые годы образования нового Китая Народно-революционного военного совета, который в период с 1949 по 1954 г. возглавлял Мао Цзэдун. Затем, в соответствии со ст. 42 Конституции КНР 1954 г. «Председатель Китайской Народной Республики возглавляет вооруженные силы страны и является председателем Государственного комитета обороны». В период «культурной революции» руководство вооруженными силами КНР перешло в руки председателя ЦК КПК (ч. 2 ст. 15 Конституции КНР 1975 г.; ч. 1 ст. 19 Конституции КНР 1978 г.). Принятие новой Конституции КНР 1982 г. заложило основу создания отдельного государственного органа по руководству вооруженными силами страны, при этом руководящая роль КПК в отношении армии осталась ключевой. О важности Центрального военного совета, его особой роли в системе государственных органов КНР говорит тот факт, что в свое время великий китайский реформатор Дэн Сяопин, уйдя со всех постов в высшем руководстве Китая, оставил за собой лишь пост председателя ЦВС (1983—1989).

* * *

1. Конституционное право, как отрасль публичного права, является одним из наиболее развитых в правовой системе КНР. В нем наличествуют многие необходимые для правового регулирования конституционных институтов нормативные правовые акты. Вместе с этим в Китае приняты не имеющие аналогов в Российской Федерации конституционные законы, положения которых весьма специфичны. В первую очередь к ним относятся Закон КНР «О правотворчестве» и Закон КНР «О противодействии расколу страны». В них отражается особая право-

вая культура китайского законодателя, предполагающая точечное локальное регулирование наиболее важных для государства вопросов.

Закон КНР «О правотворчестве» достаточно подробно регламентирует порядок принятия, действия и отмены нормативных правовых актов, принимаемых центральными и местными органами государственной власти. Закрепленные в нем положения представляют значительный интерес для отечественной юридической науки, обусловленный разработкой российским законодателем проекта ФЗ «О нормативных правовых актах в Российской Федерации».

Закон КНР «О противодействии расколу страны» направлен на защиту территориальной целостности Китая в контексте «тайваньской проблемы». Одним из его положений юридически закрепляется право КНР на применение военной силы в решении этого сложного вопроса. Появление в правовой системе указанного закона стало сигналом западному миру о недопустимости вмешательства во внутренние дела Китая, в особенности Соединенным Штатам Америки, поддерживающим Тайвань. Это в свою очередь усилило напряженность в отношениях между КНР и Китайской Республикой на Тайване, побудило власти США к активизации продаж оборонительного вооружения тайваньскому правительству.

2. В настоящее время наметилась тенденция приведения норм Конституции КНР и «законов, имеющих отношение к Конституции» в соответствии с общими принципами международного права, однако с учетом особой «китайской специфики». Главным подтверждением сказанному служат внесенные в Конституцию 1982 г. поправки, содержание которых воспринимает передовой опыт конституционного строительства зарубежных государств. С точки зрения сравнительного правоведения Конституции России и Китая отличаются друг от друга, что представляет значительный интерес в их сравнительном исследовании учеными обоих государств.

В то же время, несмотря на кажущуюся схожесть норм Основного закона Китая с конституциями других стран мира, налицо существенные ментальные отличия, которые становятся очевидными уже сразу после ознакомления с текстом ее Преамбулы. Китайский законодатель предпочитает придерживаться собственного пути конституционного развития, именующегося «с китайской спецификой». Эта специфика распространяется не только на материальный текст Конституции, но и на практическую деятельность правоприменителя. Также отметим

сложность понимания для европейского сознания иероглифического текста китайского правового документа. Каким бы хорошим не был перевод текста китайской Конституции на русский (европейский) язык, все равно он будет «беден», не до конца четок и в нем не будут содержаться глубокие ментальные отличия китайского правосознания и права от их зарубежных аналогов.

Некоторые закрепленные в конституционном законодательстве правовые институты не получают действительной реализации на практике. Реальная юридическая политика существенно отстает от декларативных конституционных ценностей. Российский ученый Е.В. Куманин отмечает: «Проблемы реализации китайского конституционного законодательства в своей значительной части порождены сложным политическим развитием страны, трудностями достижения экономического благосостояния в различных регионах, для большинства из которых не менее актуальным является и преодоление низкого культурного уровня. Во многих сферах сказывается наличие чрезвычайно сложных демографических проблем»³⁴. Следствием этого является отсутствие совершенного механизма реализации закрепленных в Конституции КНР политических прав.

3. Современная наука сравнительного правоведения позволяет приблизиться к пониманию традиций и специфики конституционного развития зарубежных стран, включая нашего великого соседа — Китайскую Народную Республику. На формирование права Поднебесной, ее государственное развитие значительное влияние оказали традиционные политико-правовые учения Древнего Китая, которые комплексно изучаются отечественными учеными³⁵. Конституционное развитие КНР является предметом отечественных исследований³⁶. Все это позволяет понимать специфику государственно-правового развития Китая и заимствовать его положительный опыт в рамках проводимого компаративистского анализа.

По нашему мнению в ближайшие годы в Конституцию КНР будут внесены очередные (пятые по счету) поправки, затрагивающие:

а) *систему органов государственной власти* (коснутся конституционного статуса нового органа — Центрального комитета по национальной безопасности);

б) *политику контроля над рождаемостью* (в сторону смягчения, право на рождение второго ребенка);

в) *усиление сферы государственной безопасности и обороноспособности страны* (в связи с дестабилизацией международного по-

рядка; в 2014 г. принят новый Закон КНР «О борьбе со шпионажем», в 2015 г. — Закон КНР «О государственной безопасности» в новой редакции, что свидетельствует о нарастающей обеспокоенности китайских властей вопросами национальной безопасности государства)³⁷.

В завершении напомним, что решением ПК ВСНП (от 01.11.2014) 4 декабря объявлено в КНР «Днём Конституции».

§ 2.2. Уголовное право

Уголовное право на протяжении всей истории китайской государственности являлось фундаментом правовой системы древнего и современного Китая. В традиционном праве уголовные законы составляли большую часть всех действующих в государстве правовых актов. Авторитетный отечественный ученый Е.И. Кычанов подчеркивает, что еще в Древнем Китае «...сложилась система уголовных законов — «люй», которые были не просто ядром традиционных китайских законов, но и составляли большую их часть...»³⁸.

Важную роль уголовное право играло и в первые годы после образования КНР, первостепенное значение оно сохранило и в настоящее время. Российским исследователям, изучающим вопросы древнего (традиционного) и современного права Китая в первую очередь следует обращать свои взоры на уголовное право, в котором нашли свое отражение фундаментальные основы правовой культуры и правосознания китайских граждан. Действующее уголовное законодательство КНР предусматривает высшую меру наказания, конфискацию имущества, лишение политических прав, уголовную ответственность юридических лиц и др. По своей развитости уголовное право не уступает других отраслям, оно содержит в себе некоторые заимствованные из советской юридической науки институты. В свою очередь традиционное китайское уголовное законодательство оказало глубокое фундаментальное влияние на формирование уголовного права большинства государств азиатского региона.

До образования в 1949 г. КНР, в стране действовало достаточно развитое для того времени гоминьдановское законодательство. Еще в 1912 г., через год после свержения маньчжурской династии, президент Китайской Республики Сунь Ятсен утвердил временный свод уголовных законов — **Уголовное уложение** (暂行新刑律), состоящее из 411 статей

(обнародовано 30.04.1912). Затем уже в 1928 г. после внесения ряда изменений Уголовное уложение было переименовано в **Уголовный кодекс** (中华民国刑法)³⁹. Позднее этот Кодекс действовал в редакции 1935 г. и состоял из 357 статей.

Анализ указанного документа позволяет дать высокую оценку закрепленным в нем на то время нормам. Совершенно точно можно сказать, что «почти целиком заимствованный из японского УК, а частью — из законодательств Франции, Бельгии, Германии, Голландии, УК 1928 г. вносит в уголовное право Китая много совершенно новых идей и институтов, которые, проходя через призму мировоззрения китайского народа, созданного тысячелетней совершенно самостоятельной и резко различающейся от западной культурой, под влиянием этого мировоззрения приобретают совершенно особенный своеобразный характер»⁴⁰. Так, например, ст. 28 гласила, что «незнание данным лицом закона не может служить основанием к освобождению его от уголовной ответственности; однако, по обстоятельствам дела, незнание может служить основанием к уменьшению данного наказания наполовину».

Параллельно с действующим на территории гоминьдановского Китая УК 1928 г., на территориях Освобожденных районов Китая начинает действовать свое уголовное законодательство. Первым значительным документом в уголовно-правовой сфере стало **«Положение Китайской Советской Республики о наказании за контрреволюционные преступления»**, опубликованное Декретом Центрального исполнительного комитета Китайской Советской Республики 08.04.1934⁴¹. Положение состояло из 41 статьи, из которых 14 условно можно отнести к нормам, регулирующим вопросы Общей части, а остальные 27 устанавливали уголовную ответственность за отдельные виды преступлений. Рассматриваемое Положение, согласно утверждению отечественного исследователя Э.З. Имамова «...можно условно назвать актом общих принципов уголовной ответственности за контрреволюционные преступления, предоставляющим судам широкие полномочия детализировать эти принципы в каждом конкретном случае»⁴². Статья 3 гласила: «Все, организующие контрреволюционные вооруженные отряды и бандитские группы для вторжения на советскую территорию или подстрекающие население на советской территории к контрреволюционным мятежам, караются смертной казнью». Также: «Все, вступившие в сговор с империалистами, гоминьданом и милитаристами для вооруженного вторже-

ния на советскую территорию или сопротивления Советской Красной армии, караются смертной казнью» (ст. 4).

В последующие годы на Освобожденных территориях было опубликовано множество нормативных актов уголовно-правового характера. К наиболее важным из них следует отнести: Положение «О борьбе с курением опиума в Юго-Западных районах Китая» (1938 г.); Положение «О наказаниях за уголовные преступления в период анти-японской войны в пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся» (1939 г.); Временное положение «О наказании преступников, создающих помехи в военной работе и представляющих опасность для армии» (1942 г.); Положение «О борьбе с коррупцией, наказании расхитителей в Освобожденных районах Северо-Востока» (1947 г.).

В феврале 1949 г. директивой ЦК КПК было отменено действие законодательства гоминьдановского Китая («Полной книги шести отраслей права») на территориях Освобожденных районов. А уже после официального провозглашения КНР ст. 17 Общей программы Народного политического консультативного совета Китая подтвердила на государственном уровне отмену гоминьдановского законодательства. Взамен него было предложено руководствоваться положениями, выраженными в программах, приказах, постановлениях и других документах, опубликованных народными правительствами и Народно-освободительной армией, а при их отсутствии — «политикой народной демократии».

В первые годы после образования КНР законодатель не спешил, как и в период существования советских районов, с принятием Уголовного кодекса. Вместо него за короткое время в правовой системе КНР появились различные акты правотворчества, основными из которых являются: Циркулярный приказ «О строгом запрещении опиума и других наркотиков» (24.02.1950); Положение «О наказании за контрреволюционную деятельность» (10.02.1951); Временное положение «О наказаниях за подрыв государственной системы» (12.04.1951); Положение «О наказании за коррупцию в КНР» (21.04.1951); Временное положение «Об охране государственной тайны» (01.06.1951) и некоторые другие документы уголовно-правового характера⁴³. Характерной особенностью указанных актов правотворчества является то, что, наряду с отказом в принятии единого уголовного закона, китайский законодатель продолжал идти по пути принятия разрозненных актов, устанавливающих уголовную ответственность за совершение однородных преступлений, посягающих на общий родовый объект.

На первоначальном этапе существования новой власти упор в уголовно-правовой политике был сделан на борьбу с контрреволюционерами и кулаками (буржуазией). Постепенно был взят курс на истребление сторонников гоминьдана. Появившиеся в правовой системе КНР Положение «О наказании за контрреволюционную деятельность» и Временное положение «О наказаниях за подрыв государственной системы» предусматривали самые суровые меры ответственности, вплоть до приговоров к смертной казни. Так, согласно ст. 3 Положения «О наказании за контрреволюционную деятельность» «лица, поддерживающие связь с империалистами и предающие свою Родину, караются смертной казнью или пожизненным тюремным заключением». Статья 19 закрепляет институт доноса: «Любое лицо может раскрыть контрреволюционные преступления и тайно сообщить об этом народному правительству. Однако при этом недопустимы ложные обвинения и клевета».

Очевидец событий того времени советский журналист М.И. Яковлев свидетельствует: «10 октября 1950 года ЦК КПК принял специальное постановление о борьбе с внутренней контрреволюцией. После этого началась широкая политическая кампания с участием многомиллионных масс населения. По городам и селам проводились открытые митинги-суды. Они проходили во дворах предприятий, учреждений, на деревенских площадках. ...В городе заметно увеличилось число арестов. Часто можно было видеть, как ведут арестованного в органы общественной безопасности. По улицам развешивались длинные списки контрреволюционеров, приговоренных к смертной казни. Время от времени устраивались показательные казни. Тогда приговоренных к смерти провозили на автомашинах по городским улицам. На груди у них висели большие фанерные или картонные бирки со словами: “Контрреволюционер”. Машина двигалась медленно, и один из конвоиров кратко объяснял, за что тот или иной преступник будет казнен, когда и где. На эти казни собирались большие толпы народа»⁴⁴.

Японский ученый Инако Цунэо пишет: «Практика, однако, показала, что и кампания подавления контрреволюции развивалась отнюдь не в соответствии с принятыми нормативными актами. ...О подобном отправлении правосудия можно судить по сообщению «Жэньминь жибао» о массовом митинге, состоявшемся в Пекине в марте 1951 г. Митинг проходил в центральном пекинском парке. После пятичасового предъявления обвинения председательствующий на суде мэр Пекина, подводя итог разбирательства, обратился к собравшимся: “Товарищи,

как поступают со всеми преступниками, ворами, шпионами, злонамеренными помещиками? Их расстреливают! Разве к ним проявляют мягкосердечность? Как бы не так! Мы представляем здесь народ, и наш долг — выполнить волю народа. Мы подавляем контрреволюционные элементы и делаем это в соответствии с законом. Того, кто должен быть казнен, мы казним. Когда безразлично, казнить или нет, мы не казним. Однако, когда необходимо казнить, мы делаем это”. По сообщению Пекинского радио, исполнение приговора состоялось на следующий день за городом в присутствии народных масс»⁴⁵.

Как свидетельствовали советские ученые, «подавление контрреволюционной деятельности и укрепление диктатуры народной демократии составляют одну из важнейших и первоочередных задач уголовного права Китайской Народной Республики»⁴⁶.

Нельзя не отметить, что работа по подготовке Уголовного кодекса все же велась начиная с 1950 г. В сентябре 1954 г. появились «**Проект программы УК**» (中华人民共和国刑法大纲草案) (всего 157 статей) и «**Проект руководящих принципов УК**» (中华人民共和国刑法指导原则草案) (первая версия) (всего 76 статей). Официально работа над проектом УК КНР началась с октября 1954 г. 28.06.1957 был представлен его экспериментальный вариант на сессии ВСНП. Однако указанный проект никогда официально не публиковался и выступал, по сути, закрытой инструкцией для судей и прокуроров, применяясь в закрытом порядке. Вместе с тем именно временной отрезок с 1949 по 1957 г. был признан китайскими учеными как важный «...начальный период становления уголовного права нового Китая»⁴⁷, который затем на долгое время был прерван «культурной революцией».

В связи с резким обострением внутривнутриполитической ситуации в стране работа над проектом Уголовного кодекса практически прекратилась (период с 1957 по 1976 г.). Китайское общество продолжило свое развитие без этого важнейшего документа. В годы «культурной революции» миллионы ни в чем не повинных людей были незаконно привлечены к уголовной ответственности по надуманным и сфабрикованным обвинениям. Страна на протяжении длительного времени оказалась ввергнутой в пучину хаоса, когда на смену праву пришли лозунги и цитаты, а место судебных органов заняли ревкомы.

В рамках рассматриваемого вопроса отметим тот факт, что в период правления Мао Цзэдуна (1949—1976 гг.) и до начала 1980-х годов криминальная обстановка в Китае характеризовалась крайне низ-

ким уровнем общеуголовной преступности. В эти годы практически не было слышно об убийствах, грабежах, разбоях, коррупции, терроризме, незаконном обороте наркотиков, управлении автомобилем в состоянии алкогольного опьянения и др. Государство в основном боролось с «правыми» и «левыми элементами», контрреволюционерами, «кулаками», при этом как таковой уголовной преступности было не много. Преступлений в экономической сфере практически не совершалось. Тоталитарная модель управления вкупе с отсутствием развития товарно-денежных отношений не создавали основу к росту преступлений экономического и иного характера.

Хотя даже в этот период жесткого государственного регулирования всех сфер общественной жизни все равно находились лица, которые вставали на скользкий путь совершения преступлений. Показательным примером организации преступной группы и совершения ею преступлений является широко известное в Китае дело Ван Шоусин (王守信) (женщина). По мнению центрального органа ЦК КПК газеты «Жэньминь жибао» от 23.04.1979 (публикация судебного разбирательства была помещена на первую страницу газеты 21.10.1979), оно было признано самым крупным уголовным делом по размеру коррупции, совершенное с момента образования КНР (1949—1980 гг.). В результате проведенных следственных мероприятий преступная группа была избличена, а ее участники были приговорены к различным срокам уголовного наказания — от 2 до 15 лет (всего 7 человек). Сама же Ван 20 октября 1979 г. по приговору народного суда средней ступени района Сунхуацзян (г. Харбин, пров. Хэйлуцзян) была приговорена к смертной казни через расстрел (приведен в исполнение 08.02.1980)⁴⁸.

В середине 70-х годов стало очевидным, что проводимый внутриполитический курс разрушает государство. Одним из первоочередных шагов по преодолению сложившегося кризиса стал процесс восстановления порушенной правовой системы Китая. В первые годы после окончания «культурной революции» были приняты важные нормативные правовые акты: Конституция КНР (1978 г.), Закон КНР «Об организации народных судов» (1979 г.), Закон КНР «Об организации народной прокуратуры» (1979 г.), Временное положение КНР «Об адвокатуре» (1980 г.) и др.⁴⁹ В том числе и первый **Уголовный кодекс КНР** (принят на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва 01.07.1979). Отметим, что УК КНР появился в правовой системе китайского государства спустя лишь 30 лет после его существования.

Уголовный кодекс в редакции 1979 г. состоял 2 частей, 8 глав, 192 статей. Его перевод на русский язык был сделан известным российским ученым Н.Х. Ахметшиным⁵⁰. В личной беседе с автором настоящей монографии он отмечал, что выполненный им перевод несовершенно в виду крайне неконкретизированной, «сырой» терминологии, используемой китайским законодателем, а также по причине отсутствия опыта в выполнении такого рода крупных работ. Все же, несмотря на известные шероховатости в переводе, следует рекомендовать российским исследователям ознакомиться с его текстом в единственной русскоязычной редакции. Так, ст. 1 УК КНР гласила: «Уголовный кодекс Китайской Народной Республики разработан на основе руководящего курса идей марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, на основании Конституции, в соответствии с политикой сочетания наказания и прощения, с учетом конкретного опыта осуществления народами всех национальностей нашей страны демократической диктатуры народа, руководимой рабочим классом и основанной на союзе рабочих и крестьян, то есть диктатуры пролетариата, и проведения социалистической революции, социалистического строительства и сложившейся реальной обстановки».

Несмотря на большую значимость уголовного закона для китайского общества того времени, закрепленные в нем нормы характеризовались обилием общих и нечетких формулировок, неопределенных и оценочных понятий, допускающих различные толкования. Кроме того, в соответствии с решением ПК ВСНП свою юридическую силу сохранило большинство ранее принятых нормативных актов уголовно-правового характера⁵¹. Появление Уголовного кодекса явилось новой вехой в истории развития и становления институтов уголовного права, что позволило правоприменительным органам в ходе привлечения лица к уголовной ответственности руководствоваться не отдельными разрозненными актами правотворчества, а единым кодифицированным актом.

По мере успешного экономического развития, вызванного политикой «реформ и открытости», начался стремительный рост числа уголовных правонарушений. Страна столкнулась с новыми видами преступных деяний, которые стали распространяться по всему Китаю. Так, повсеместно возникали преступные группы и сообщества, целью которых стала борьба за контроль над теневым бизнесом. Seriously повысилась уровень коррупции в среде китайских чиновников, банковская система превратилась в инструмент совершения преступлений в экономиче-

ской сфере, появилась проблема ухода от налогов в крупных объемах, увода капитала, отмывание денег и многое другое.

С самого начала проведения политики «реформ и открытости» в Китае бурным темпом стала расти преступность в экономической сфере⁵². Особый удар по имиджу правящей партии и государственного аппарата в глазах обычных граждан был нанесен коррупционными скандалами. Все это поставило китайского законодателя перед необходимостью экстренных мер по разработке и принятию соответствующих правовых документов. В спешном порядке были приняты некоторые характерные акты правотворчества, среди которых наиболее значимыми явились: Постановление ПК ВСНП «**Об усилении наказания лиц, совершивших преступления, серьезно подрывающие экономику**» (08.03.1982); Дополнительное положение ПК ВСНП «**О наказании за преступления в сфере контрабанды**» (21.01.1988); Дополнительное положение ПК ВСНП «**О наказании за коррупцию и взяточничество**» (21.01.1988).

До принятия первых крупных поправок в УК КНР в 1997 г. в общей сложности в уголовно-правовой сфере в период с 1980 г. появилось **23 нормативных правовых акта**, регулирующих вопросы борьбы с преступностью в государстве. Кроме того, уголовную сферу затрагивали и более сотни статей административных, гражданских, экономических законов. Широко применялся принцип аналогии.

Китайский законодатель не успевал вовремя реагировать на новые преступные явления в обществе. Принятие многих важных актов правотворчества в уголовно-правовой сфере осуществлялось нередко со значительной задержкой и опозданием. Именно в период бурного экономического развития страны руководство китайского государства стало уделять особое внимание борьбе с коррупцией и экономической преступностью. Дэн Сяопин в 1982 г. говорил: «Борьба с экономической преступностью является важнейшей гарантией уверенного движения Китая по социалистическому пути и осуществления четырех модернизаций. Это обычная борьба, обычная работа. Иначе как можно придерживаться социалистического пути? Если не заниматься этой борьбой, то мы потерпим поражение в осуществлении четырех модернизаций, внешней открытости и в экономической политике внутри страны»⁵³. В отчетном докладе XV съезду КПК в сентябре 1997 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь заявил: «Борьба с коррупцией является серьезным поли-

тическим сражением, от которого зависит существование либо гибель партии и государства»⁵⁴.

По мере стремительного роста числа преступлений, совершаемых в стране, китайские правоохранительные органы приступили к более активной борьбе с преступностью, профилактике преступлений, законодатель — к усилению мер юридической ответственности за совершение противоправных уголовных деяний. Как свидетельствуют китайские криминологи, пик роста преступности после начала реформ пришелся на 1980-е годы. «Этот пик количества совершаемых преступлений был достигнут в ситуации дальнейшего расширения и углубления реформ и открытости, ускоренного развития товарной экономики, когда сложные и запутанные социальные противоречия проявились со всей очевидностью»⁵⁵.

Несмотря на быстро меняющуюся обстановку внутри страны, лишь в конце 90-х годов китайским законодателем был внесен ряд существенных изменений в действующий Уголовный кодекс КНР. Их анализ позволяет констатировать, что в Китае был принят совершенно новый закон, в котором достаточно подробное закрепление получили важнейшие институты уголовного права.

14 марта 1997 г. «... после многолетних оживленных дискуссий, яростных споров и политических согласований...»⁵⁶ на 5-й сессии ВСНП 8-го созыва были приняты поправки в действующий УК КНР 1979 г., которые вступили в силу с 1 октября 1997 г.⁵⁷. Ныне действующий УК КНР построен по пандектному принципу и состоит из трех частей: Общей, Особенной и Дополнительной, включает в себя 10 глав, 452 статьи **(против ранее 192)**.

Содержание УК КНР в редакции 1997 г. свидетельствует о существенных изменениях, которые претерпели фундаментальные институты уголовного права Китая в части формулирования его принципов, задач, институтов. Так, например, в новой редакции была исключена глава «Контрреволюционные преступления» (вместо нее: «Преступления против государственной безопасности»). Отменен действовавший в УК КНР 1979 г. принцип «аналогии». По новому сформулировано понятие «преступление». Под ним понимается: «Все деяния, наносящие вред суверенитету, территориальной целостности и безопасности государства, ведущие к расколу страны, свержению власти демократической диктатуры народа и социалистической системы, подрывающие общественный и экономический порядок, посягающие на государственную или

коллективную собственность трудящихся масс, частную собственность граждан, права личности, демократические и другие права граждан, а также наносящие вред обществу деяния, за которые в законе предусмотрено уголовное наказание».

К настоящему времени в УК КНР в редакции 1997 г. были внесены 9 важных поправок, содержание которых представляет значительный познавательный интерес для отечественных юридической и синологической наук (последние датируются 29.08.2015).

Общая часть УК КНР содержит 5 глав, статьи 1—101, и посвящена задачам, основным принципам и сфере действия УК, преступлению, наказанию и его применению, разъяснению используемых в Особенной части УК КНР терминов. Так, согласно ст. 1 УК КНР кодекс был принят «...в соответствии с Конституцией для наказания преступников, защиты народа, сочетания конкретного опыта Китая в борьбе с преступностью с реальной ситуацией». Параграф 3 главы 2 Общей части (статьи 30—31) содержит нормы, предусматривающие уголовную ответственность юридических лиц за совершение предусмотренных Особенной частью УК преступлений. В соответствии с положениями главы 3 уголовное наказание в Китае делится на два вида: основное и дополнительное. К основному виду наказаний относится надзор, арест, срочное лишение свободы, бессрочное лишение свободы, смертная казнь, которая широко применяется в Китае в отношении совершивших особо опасные преступления осужденных. К дополнительным видам наказаний относятся штраф, лишение политических прав и конфискация имущества.

Согласно ст. 4 «все лица, совершившие преступление, равны перед законом. Никто не имеет особых прав, выходящих за рамки закона».

Особенная часть УК КНР состоит из 10 глав, статьями 102—451 и содержит исчерпывающий перечень преступлений против государства, общества, личности, признаваемых преступлениями, а также конкретные наказания, назначаемые за их совершение. Особенная часть начинается главой 1 «Преступления против государственной безопасности», затем идет глава 2 «Преступления против общественной безопасности», следом глава 3 «Преступления против социалистического рыночного экономического порядка», и лишь затем следует глава 4 «Преступления против прав личности, демократических прав граждан». Затем идет глава 5 «Преступления против собственности», глава 6 «Преступления против общественного порядка и порядка управления», глава 7 «Преступления против интересов обороны государства», глава 8

«Коррупция и взяточничество», глава 9 «Преступления против интересов государственной службы» и завершает глава 10 «Преступления военнослужащих против воинского долга».

Завершает УК КНР глава «Дополнительные положения», состоящая из одной 452-й статьи.

Китайский законодатель остался на позиции примата интересов государства и общества над личностью. По этому принципу строится Особенная часть УК КНР. Преступления против личности стоят после преступлений против государства, общества, рынка.

Китайское государство достаточно жестко (а порой и жестоко) противостоит преступности, которая по причине большого числа населения, тяжелых материальных условий жизни простых граждан, отсутствия главенствующих морально-религиозных принципов, стремительного роста социального неравенства имеет достаточно большие масштабы. Основными направлениями борьбы с преступностью в последние годы стала борьба с коррупцией, борьба с распространением наркотиков, борьба с вожделением автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, борьба с некачественными, опасными для жизни и здоровья продуктами питания, медицинскими препаратами, борьба с отмыванием денег⁵⁸.

Кроме Уголовного кодекса, к источникам уголовного права КНР следует отнести и разъяснения Постоянного комитета ВСНП к различным статьям Уголовного кодекса, а также толкования Верховного суда КНР содержания некоторых статей УК КНР. Это, например, Постановление Верховного народного суда КНР «По вопросу критериев установления размера денежных сумм при квалификации преступлений по признакам вымогательство» (28.04.2000); Разъяснение ПК ВСНП «О кредитных картах, упоминающихся в соответствующих положениях УК КНР» (29.12.2004); Разъяснение Верховного народного суда КНР и Верховной народной прокуратуры КНР «О некоторых вопросах применения законодательства при производстве по уголовным делам о преступлениях, посягающих на режим государственной границы» (20.12.2012); Разъяснение Верховного народного суда КНР и Верховной народной прокуратуры КНР «О некоторых вопросах применения законодательства при производстве по уголовным делам о нарушении безопасности продуктов питания» (02.05.2013); Разъяснение ПК ВСНП о применении отдельных статей УК КНР и УПК КНР от 24.04.2014 и др.

В Китае ведется ежегодная официальная статистика совершаемых в стране преступлений. Согласно отчетному докладу Председателя

Верховного народного суда КНР Чжоу Цяна перед китайским парламентом (10.03.2014)⁵⁹ статистические данные в сфере борьбы с преступностью за 2013 г. следующие:

1) Народные суды КНР по первой инстанции рассмотрели 954 тыс. уголовных дел, приговорив к различным срокам наказания 1 млн 158 тыс. человек. Так, по тяжким составам преступлений, включающим сепаратизм, терроризм, убийство, разбой, изнасилование, торговля людьми и др. — рассмотрено 250 тыс. уголовных дел, к уголовной ответственности привлечено 325 тыс. преступников. В сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ рассмотрено 95 тыс. уголовных дел, наказание понесло 99 тыс. человек. В общей сложности было рассмотрено 90 тыс. уголовных дел по составу «управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения». Рассмотрено 50 тыс. дел по экономическим преступлениям, которые включают такие составы преступлений, как «контрабанда», «отмывание денег», «мошенничество в финансовой сфере», «коммерческий подкуп» и др. К уголовной ответственности привлечено 69 тыс. человек;

2) в целях усиления открытости судопроизводства свыше 45000 дел рассматривались Народными судами при их онлайн трансляции в различных средствах массовой информации (включая уголовные дела). При этом Верховным народным судом в открытом доступе в сети Интернет размещены 3858 приговоров по гражданским, уголовным и административным делам, а местными судами — 1646000;

3) в отношении 381 сотрудника народных судов КНР возбуждены дела за превышение должностных полномочий, из них к уголовной ответственности привлечен 101 человек.

За 2014 г. статистика следующая⁶⁰:

1) народные суды КНР по первой инстанции рассмотрели 1 млн 23 тыс. уголовных дел, приговорив к различным срокам наказания 1 млн 184 тыс. человек, что составило 7,2 и 2,2 % роста соответственно по сравнению с 2013 г. По особо тяжким составам преступлений — «терроризм» и «сепаратизм» — народными судами было рассмотрено 558 уголовных дел, приговорено к уголовной ответственности 712 человек, что составило рост по сравнению с предыдущим годом на 14,8 и 13,3 % соответственно. В общей сложности рассмотрено 248 тыс. дел по составам преступлений «убийство», «разбой», «похищение», приговорено 304 тыс. преступников. По наркотическим составам рассмотрено 107 тыс. дел, вынесено приговоров в отношении 110 тыс. человек;

2) народными судами КНР в общей сложности рассмотрено 31 тыс. уголовных дел по коррупционным преступлениям в отношении 44 тыс. человек, что составило рост по сравнению с 2013 г. на 6,7 и 5,2 %. Среди них 99 человек — руководители уровня канцелярий, департаментов и выше, 871 — уездов, управлений. К уголовной ответственности привлечено 2394 коррупционера, что составило рост по сравнению с 2013 г. на 12,1 %. В рамках экономических преступлений рассмотрено 56 тыс. дел, приговорено к ответственности 73 тыс. человек;

3) Во исполнение принципа «презумпция невиновности» народными судами КНР были вынесены оправдательные приговоры в отношении 518 лиц по делам публичного обвинения и 260 — по делам частного обвинения.

Презумпция невиновности как один из главенствующих принципов уголовного процесса появился в Уголовно-процессуальном кодексе КНР лишь после внесения в него крупных поправок 17.03.2006⁶¹. Статья 12 УПК КНР устанавливает, что «никто не может быть признан виновным в совершении преступления, если в отношении него нет вынесенного в соответствии с законом приговора суда». До этого времени указанный принцип законодательно Китаю был не известен по причине его отнесения к институтам буржуазного права.

Некоторые актуальные вопросы уголовного права КНР

Смертная казнь

Смертная казнь, как и ее публичное приведение в исполнение в недалеком прошлом, всегда была одним из самых действенных орудий наказания преступников и устрашения потенциальных правонарушителей в Китае. В отношении вопроса целесообразности, гуманности и необходимости ее применения в китайском обществе не существует какой-либо широкой дискуссии. Как и ранее, смертная казнь имеет самое широкое распространение и в современном Китае, а ее исполнение *в некоторых случаях* (в основном за наркотические составы преступлений) до середины 90-х годов прошлого столетия было публичным. Впоследствии информация о случаях расстрелов преступников на стадионах при массовом скоплении людей перестала появляться.

При этом сразу после начала проведения политики реформ и открытости **в китайском законодательстве действовал запрет на публичное приведение в исполнение смертной казни**. Согласно ч. 3 ст. 155 УПК КНР в редакции 1979 г. «приговор к высшей мере наказания должен быть обнародован, а ее исполнение не должно демонстри-

роваться массам». Однако, несмотря на законодательный запрет, практика публичных исполнений смертных приговоров продолжалась. 21.11.1984 Отдел пропаганды ЦК КПК совместно с Верховным народным судом, Верховной народной прокуратурой, Министерством общественной безопасности и Министерством юстиции выпустили совместное Извещение, согласно которому смертная казнь не должна исполняться на публике, а также в местах, близких к населенным районам, транспортным развязкам и туристическим объектам. Декларировался запрет на проникновение в места исполнения смертных приговоров посторонних людей, ведения ими фото- или видеосъемки. 24.07.1986 подобное извещение о запрете публичного исполнения смертной казни было также выпущено китайскими правоохранителями.

Последующими поправками в УПК КНР от 1996 г. и 2012 г. законодатель сохранил положение о запрете на публичность исполнения смертных приговоров (ч. 5 ст. 252). Согласно ч. 3 ст. 252 УПК КНР в действующей редакции «смертная казнь может приводится в исполнение в местах наказания либо в строго определенных местах заключения под стражу».

В октябре 2011 г. возглавляемая крупным наркоторговцем Нор Кхамом (糯康) (Naw Kham) вооруженная преступная группировка совершила разбойное нападение на китайские речные суда «Хэпин» и «Юйсин-8», двигавшиеся по реке Меконг на территории Таиланда. Члены экипажей были убиты (13 человек). Сами суда были похищены для перевозки наркотиков из Мьянмы в Таиланд. Впоследствии глава банды, ее активные члены были арестованы и переданы властям КНР. По решению китайского суда Нор Кхам и еще несколько человек были приговорены к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение путем введения смертельной инъекции 01.03.2013. По причине того, что убийство моряков вызвало массовые протесты в китайском обществе, власти страны приняли решение о трансляции в прямом эфире последних часов жизни преступников: было записано предсмертное интервью с ними, показана подготовка к исполнению приговора.

Возникает вопрос о соответствии действий китайского правоохранителя ст. 252 УПК КНР, закрепляющей запрет на публичность смертного приговора. Да, сама смерть преступника не была показана публике, однако все предшествующие ей приготовления попали на телевизионный экран. Подчеркнем, что власти КНР таким образом старались успокоить китайских граждан, заявить о том, что ни одно преступ-

ление против них не останется без законного возмездия. В китайском обществе такие действия властей получили практически всенародную поддержку.

Существующее в международном сообществе резкое порицание Китая в отношении применения смертной казни не может быть нами поддержано. Несмотря на личное отрицательное отношение автора настоящей монографии к смертной казни, считаю недопустимым вмешательство во внутреннюю политику независимого государства и перенесение на его национальную почву чуждых китайскому правосознанию западных институтов и ценностей. Смертная казнь для Китая — краеугольный камень, на котором зиждется вся система уголовных наказаний, отказ от нее в настоящее время означал бы разрушение фундаментальных основ правовой культуры китайской нации. «На систему смертной казни КНР постоянно обращают внимание организация “Международная амнистия” и западные страны, однако на нынешнем этапе развития КНР не может полностью отменить смертную казнь. Смертная казнь — один из древних видов наказаний, который существовал и в Китае. Укоренившийся в обычаях некоторых народов принцип талиона (возмездия) — “убийство за убийство” — трудно изменить уже на протяжении длительного периода. Пока сохранение смертной казни играет определенную роль в духовном равновесии общества»⁶².

Китай на протяжении многих лет занимает 1-е место в мире по числу смертных казней, однако точное количество приведенных в исполнение приговоров неизвестно и является закрытой информацией. Уголовный кодекс КНР в редакции 1979 г. насчитывал 27 составов преступлений, ее предусматривающих. К 1997 г., благодаря появлению в уголовно-правовой сфере разрозненных актов правотворчества, это количество увеличилось до 71. УК КНР в редакции 1997 г. устанавливал 68 состав преступлений с возможностью применения высшей меры наказания.

В последние годы китайское руководство проводит в жизнь политику либерализации уголовного наказания в отношении некоторых категорий преступлений. Причиной к этому служит непрекращающееся давление со стороны международного сообщества, призывающего Китай если не полностью, то хотя бы частично отказаться от смертной казни. Принятые 25.02.2011 Поправки в действующий УК КНР отменили высшую меру наказания **по 13 составам** экономических преступлений (преступления ненасильственного характера)⁶³:

1) контрабанда культурных ценностей; 2) контрабанда драгоценных металлов; 3) контрабанда ценных животных и продукции из них; 4) контрабанда иных товаров и предметов; 5) мошенничество с финансовыми векселями; 6) мошенничество с использованием заведомо фальшивых или поддельных переводных векселей, простых векселей и банковских чеков; 7) мошенничество с аккредитивами; 8) фиктивная выписка специальной квитанции об уплате налога на добавленную стоимость или неправомерная выписка иных квитанций, на основании которых производится возврат экспортной пошлины или уменьшение налогов; 9) подделка или продажа поддельных специальных квитанций об уплате налога на добавленную стоимость; 10) кража общественной или частной собственности; 11) обучение способам преступной деятельности; 12) тайные раскопки и разграбление памятников древней культуры, древних захоронений, представляющих историческую, культурную и научную ценность; 13) тайные раскопки и разграбление окаменелостей древнего человека и древних позвоночных животных, находящихся под охраной государства и имеющих научную ценность.

Таким образом, общее количество составов преступлений, по которым лицо может быть приговорено к смертной казни, снизилось с 68 до 55 (на 19,1 %). Проводится политика **«меньше убивать, осторожно убивать»** (少杀, 慎杀)⁶⁴. При этом смертная казнь за такие ненасилиственные преступления, как коррупция, перевозка/хранение/сбыт наркотических (психотропных) веществ китайским государством продолжала применяться.

В августе 2015 г. китайский законодатель отменил смертную казнь по еще 9 составам преступлений (контрабанда ядерных материалов, контрабанда оружия и боеприпасов, контрабанда поддельной валюты, подделка валюты, получение денежных средств путем мошенничества, организация проституции, насильное вовлечение в занятие проституцией, воспрепятствование исполнению должностных обязанностей в военной сфере, распространение слухов в военное время), **снизив их количество до 46.**

Смертная казнь по действующему УК КНР применяется за:

1) «Преступления против государственной безопасности» (Глава 1) (возможность применения смертной казни устанавливается в ст. 113: «За совершение перечисленных в настоящей главе преступлений, нанесших вред государственной безопасности, за исключением

преступлений, упомянутых в ч. 2 ст. 103 и ст. 105, 107 и 109 настоящего Кодекса, в случае причинения особо серьезного вреда государству и народу и при особо отягчающих обстоятельствах, может применяться смертная казнь. За совершение указанных в настоящей главе преступлений может также применяться наказание в виде конфискации имущества): государственная измена (ст. 102); сепаратизм и подстрекательство к сепаратизму (ст. 103); вооруженные беспорядки и бунты (ст. 104); переход на сторону врага (ст. 108); участие в шпионской организации, выполнение их задач, указание военных целей противнику (ст. 110); разведывательная деятельность в иностранных интересах (ст. 111); оказание помощи врагу в военное время (ст. 112);

II) «Преступления против общественной безопасности» (Глава 2) (при наличии особо тяжких последствий): деяния, повлекшие за собой пожар, наводнение, взрыв, выброс токсичных веществ, или угрозу общественной безопасности при наличии особо тяжких последствий (ст. 115); нанесение вреда транспортным средствам, транспортным коммуникациям, электрооборудованию, огнеопасному или взрывоопасному оборудованию (ст. 119); захват воздушного судна (ст. 121); незаконное изготовление, купля-продажа, перевозка, отправка почтой, хранение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ (ст. 125); хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ (ст. 127);

III) «Преступления против социалистического рыночного экономического порядка» (Глава 3): производство и реализация поддельных лекарственных средств (ст. 141);

IV) «Преступления против прав личности, демократических прав граждан» (Глава 4): умышленное убийство (ст. 232); умышленное нанесение телесных повреждений (ст. 234); изнасилование (ст. 236); захват заложников, сопряженный со смертью заложника (ст. 239); похищение и продажа женщин и детей (ст. 240); разбой (ст. 263);

V) «Преступления против собственности» (Глава 5): не содержит;

VI) «Преступления против общественного порядка и порядка управления» (Глава 6): организаторы вооруженного побега, беспорядков в местах заключения (ст. 317); контрабанда, реализация, перевозка, изготовление наркотиков (ст. 347);

VII) «Преступления против интересов обороны государства» (Глава 7): порча военного оборудования, военных сооружений или

военных средств связи (ст. 369); поставка непригодного военного оборудования, создание непригодных военных сооружений (ст. 370);

VIII) «Коррупцию и взяточничество» (Глава 8): расхищение государственного имущества (ст. 384); взяточничество (ст. 385, 388);

IX) «Преступления против интересов государственной службы» (Глава 9): не содержит;

X) «Преступления военнослужащих против воинского долга» (Глава 10): неподчинение приказу в военное время (ст. 421); сокрытие или заведомо ложная передача военной информации, отказ в передаче или фальсификация военной информации (ст. 422); сдача в плен (ст. 423); дезертирство в военное время (ст. 424); дезертирство (ст. 430); раскрытие военной тайны иностранным лицам (ст. 431); хищение военного оборудования, материальных запасов армии, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ (ст. 438); незаконная купля-продажа или передача военного оборудования (ст. 439); мародерство в военное время (ст. 446).

Отметим, что приговор к смертной казни, например, за «сдачу в плен» (ст. 423) возможен только в случае если лицо будет оказывать содействие врагу, повлекшее за собой тяжкие последствия (об этом говорится в комментариях к УК УКР).

Власти Китая считают невозможным полный запрет на применение смертной казни в китайском обществе, при этом прилагают усилия на уменьшение количества составов преступлений, ее предусматривающих, гуманизацию способа приведения смертного приговора в исполнение. В настоящее время высшая мера наказания приводится в исполнение путем введения инъекции (注射死刑) (хлорид калия) или через расстрел (поправки в УПК КНР от марта 1996 г.: ч. 2 ст. 212). Так, убийца 6 полицейских Ян Цзя (杨佳) был умерщвлен 26.11.2008 путем введения смертельной инъекции⁶⁵. Впервые смертный приговор через инъекцию в Китае был приведен в исполнение 28.03.1997 в отношении двух убийц. Местом исполнения приговора обычно служит специально оборудованный автомобиль.

Отметим, что в большинстве случаев Верховный народный суд КНР выносит **приговоры к смертной казни с отсрочкой исполнения на 2 года** (затем, если осужденным не совершаются новые преступления, наказание смягчается до пожизненного, далее до 25 и 20 лет; осужденному лицу предоставляется возможность своим деятельным раскаянием добиться смягчения приговора до пожизненного лишения свободы и далее). **Смертная казнь не применяется к лицам старше 75 лет**

(кроме совершивших убийство с особой жестокостью), **несовершеннолетним** (до 18) и **беременным**.

Касательно приведения в исполнение приговора к высшей мере наказания в отношении беременной женщины, в китайской и зарубежной прессе ходила информация, согласно которой арестованной за наркотики преступнице (Ма Вэйхуа (*马卫花*), 29 лет, транспортировка 1606 гр. героина) сделали искусственное прерывание беременности и затем уже привели приговор в исполнение⁶⁶. Итальянский корреспондент ссылался даже на официальное заявление представителя полиции г. Ланьчжоу, который якобы заявил: «Уголовный кодекс не должен становиться инструментом в руках торговцев наркотиками, стремящихся избежать наказания»⁶⁷. Однако, несмотря на серьезность ситуации, информации по ней найти не удалось. Мы не исключаем, что после ее попадания в прессу китайские власти засекретили уголовное дело Ма Вэйхуа и окончательная судьба женщины не известна. При этом мы допускаем возможность именно такого развития уголовного дела в отношении беременной наркопреступницы.

Все приговоры к смертной казни подлежат **обязательному утверждению Верховным народным судом КНР**. Без его окончательного подтверждения приговор в исполнение не приводится. Так, 23 августа 2014 г. по решению Верховного народного суда КНР были приведены в исполнение приговоры к смертной казни в отношении 8 террористов, признанными виновными в убийствах и взрывах в различных регионах Китая, включая совершенный террористический акт на центральной площади г. Пекина — Тяньаньмэнь⁶⁸.

К сожалению, китайскими судами при утверждении приговоров к смертной казни допускаются трагические непоправимые ошибки. Так, народный суд высшей ступени Внутренней Монголии недавно отменил вынесенный и приведенный в исполнение в 1996 г. приговор к смертной казни в отношении 18-летнего юноши, ошибочно обвиненного в изнасиловании и убийстве женщины. Установлено, что китайскому правоохранителю потребовалось тогда всего лишь 62 дня на проведение следствия, разбирательства в суде и приведения приговора в исполнение, чтобы лишить жизни невиновного человека⁶⁹.

В завершение приведем таблицу по смертной казни, применяемой в рамках всего китайского региона (КНР, Гонконг, Макао, Тайвань):

Континентальный Китай	Гонконг	Макао	Тайвань
<p>Сохранена Действует 46 составов преступлений, предусматривающих смертную казнь</p>	<p>Отменена в 1993 г. (фактически не применялась с декабря 1966 г.) (последний приговор был приведен в исполнение 16.11.1966 в отношении гражданина Вьетнама за совершенные им разбой и убийство. Затем все приговоры к смертной казни до ее официальной отмены в 1993 г. решением английской королевы о помиловании заменялись на пожизненное лишение свободы)</p>	<p>Отменена в 1996 г. (хотя действующий с 1886 г. португальский УК устанавливал смертную казнь, однако на территории Макао не применялась. 14.11.1995 был принят УК Макао, который вступил в силу 01.01.1996, юридически отменив смертную казнь (ст. 39))</p>	<p>Сохранена В общей сложности действует около 50 составов преступлений, предусматривающих высшую меру наказания. В последние годы приговоры к смертной казни в исполнение не приводятся (с декабря 2005 г. смертная казнь не применялась в течение 1585 дней до апреля 2010 г., когда были расстреляны четверо особо опасных преступников)</p>

Уголовная ответственность юридических лиц

Особое место в ныне действующем Уголовном кодексе КНР занимает институт уголовной ответственности организаций как исключение из классического принципа личной ответственности виновного в уголовном праве⁷⁰. Вопрос о признании организации в качестве субъекта уголовной ответственности был косвенно решен еще в УК КНР в редакции 1979 г. Так, в статьях, предусматривающих ответственность за неправомерное использование торгового знака, физические лица, выступающие от лица компании, подлежали привлечению к уголовной ответственности. Такое положение явилось основанием возможного наказания самой организации по статьям УК КНР. Статья 127 гласила: «нарушение законоположений о товарных знаках, подделка промышленными и торговыми предприятиями товарных знаков, закрепленных за другими предприятиями, совершенные лицами, непосредственно ответственными за деятельность предприятия, наказываются лишением свободы на срок до 3 лет, уголовным арестом либо штрафом».

Затем уже в ст. 110 Общих положений гражданского права китайский законодатель установил: «Если деяния граждан, юридических

лиц образуют состав преступления, то граждане, законные представители юридического лица подлежат привлечению к уголовной ответственности». Таким образом, приведенная норма косвенно подтверждала существование института уголовной ответственности юридических лиц в правовой системе КНР.

В принятом в 1987 г. Таможенном кодексе КНР в ст. 47 (последний абзац) закреплялась уголовная ответственность за контрабанду организаций в виде штрафа, конфискации контрабандных товаров и средств ее транспортировки, а также незаконно полученных доходов.

Чуть позже указанная норма получила подтверждение в Дополнительном постановлении ПК ВСНП «О наказании за контрабанду» (п. 5) и Дополнительном постановлении ПК ВСНП «О наказании за коррупцию и взяточничество» (п. 9), 1988 г. Отметим, что в текстах проектов приведенных выше двух Дополнительных постановлений (разработаны в 1982 г.) уже предусматривалась возможность привлечения организаций к уголовной ответственности.

Несмотря на законодательное закрепление института уголовной ответственности юридических лиц, некоторые авторы категорически заявляли о недопустимости его применения. По мнению китайского ученого Чжан Минкяя, основные проблемы, с которыми будет сталкиваться правоприменитель, состоят в том, что организация не обладает волей, не может сама по себе выступать объектом уголовного наказания, а сама возможность наступления уголовной ответственности организаций в корне противоречит принципу личной ответственности, и возникает опасность, что непосредственно виновные в совершении преступления лица избегнут уголовной ответственности⁷¹.

В основе института уголовной ответственности организаций по законодательству КНР лежат два фактора: исторический и экономический. Первый означает традиционные представления китайцев о так называемой коллективной ответственности, суть которой заключается в законодательной фиксации как можно большего круга лиц, подлежащих привлечению к ответственности за совершенное противоправное деяние. Экономический фактор явился своего рода стимулом для ускорения законодательного закрепления рассматриваемого института. По мере успешного экономического развития китайского государства на первый план стали выходить различного рода экономические преступления, вред от совершения которых был чрезвычайно велик. В новых условиях наибольшую опасность, по мнению выдающегося исследователя уго-

ловного права Э.З. Имамова, стали представлять «...не преступления отдельной личности или группы, а вредоносные деяния предприятий и организаций, наделенных большой самостоятельностью и действующих в условиях конкуренции»⁷². Именно для более успешной борьбы с экономической преступностью китайский законодатель и пришел к мнению о необходимости привлечения к уголовной ответственности не только физических лиц, но и непосредственно самих организаций.

В соответствии со ст. 30 и 31 § 4 («Корпоративное преступление») гл. 2 УК КНР уголовная ответственность организаций реализуется в двух формах: компания, предприятие, учреждение, орган, коллектив наказываются штрафом, а непосредственно ответственные за руководство и ответственные лица подлежат уголовному наказанию. По мнению китайских юристов, в таких случаях речь идет о так называемой «шуанчунсин», т. е. «двойственной природе» уголовной ответственности организаций⁷³. Это означает, что, с одной стороны, ответственности подлежит организация, непосредственно виновная в совершении уголовно наказуемого деяния, а с другой — ее руководство. Причем в рамках уголовной ответственности организация может быть также подвергнута мерам гражданской и административной ответственности.

Особенная часть УК КНР содержит весьма значительное количество статей, в которых предусматривается уголовная ответственность организаций (более 100 составов преступлений, по которым предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц). Например, ст. 125 устанавливает ее за незаконное производство, торговлю, перевозку, пересылку по почте, хранение стрелкового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, незаконную торговлю, перевозку ядерного материала. Статья 150 предусматривает уголовную ответственность организаций при наличии определенных условий за совершение целого ряда преступлений, среди которых — выдача поддельной продукции за подлинную, низкокачественной за высококачественную, производство и сбыт поддельных, некачественных лекарств, производство и сбыт несоответствующих санитарным нормам продуктов, продуктов с примесями ядовитого, вредоносного непищевого сырья и т.п. Уголовная ответственность организации устанавливается и за незаконное привлечение вкладов населения (ст. 176), привлечение инвесторов к купле-продаже ценных бумаг обманным путем через умышленное предоставление ложной информации (ст. 181) и др.

Для более правильного и четкого применения положений уголовного закона, устанавливающих уголовную ответственность юриди-

ческих лиц, китайским правоприменителем в разное время были изданы следующие нормативные документы: Разъяснение Верховного народного суда «О некоторых вопросах конкретного применения закона при рассмотрении дел о преступлениях, совершенных организацией» (03.07.1999), «Ответ Исследовательского бюро по юридической политике Верховного народного суда по вопросам применения закона о преступлениях, совершенных иностранными компаниями, предприятиями, производственными единицами» (15.10.2003) и некоторые другие⁷⁴.

Для признания организации в качестве субъекта уголовной ответственности китайские ученые призывают руководствоваться следующими основными признаками⁷⁵:

а) совершаемые организацией преступления должны представлять осознанную, целенаправленную деятельность. Такая преступная деятельность может быть либо умышленной, либо неосторожной, но ее суть заключается в понимании поставленных перед организацией целей и задач, для достижения которых совершается нарушение уголовно-правовых предписаний. Особо оговаривается то обстоятельство, что умышленная или неосторожная форма вины должна быть установлена путем определения формы вины непосредственно виновных в совершении преступления ответственных работников организации;

б) преступная деятельность организации должна осуществляться только от ее имени и только в ее интересах. В китайском государстве существует великое множество видов организаций, и нередки случаи, когда отдельное лицо исполняет свои служебные обязанности сразу в нескольких организациях. Если произошло нарушение уголовного закона, то ответственности будет подлежать только та организация, в пользу которой были нарушены нормы уголовного права, а не все те, в которых работает лицо. Если же допущенные нарушения противоречат интересам организации, то за них к уголовной ответственности должно быть привлечено лишь физическое лицо;

в) в качестве непосредственных исполнителей преступлений, совершаемых организациями, могут выступать лишь непосредственно ответственные за руководство и другие ответственные лица. Хотя законодатель не дает перечня указанных выше лиц, к ним можно отнести руководителей, представителей, других работников организации, непосредственно виновных в совершении противоречащих нормам уголовного закона деяний. Если в преступной деятельности указанных лиц участвовали другие сотрудники организации, неподозревающие о про-

тивозаконном характере осуществляемой ими деятельности (например, осуществляли компьютерное сопровождение сделки), то они не должны привлекаться к уголовной ответственности⁷⁶.

24 апреля 2014 г. ПК ВСНП обнародовал Разъяснение к ст. 30 УК КНР⁷⁷, в котором уточняется применение уголовного законодательства в случаях, когда организация осуществляет общественно опасные деяния, но законом не предусмотрено ее привлечение к уголовной ответственности. Тогда к ответственности должны привлекаться лица, которые занимаются организацией, подготовкой и осуществлением общественно опасных деяний.

Законодательное закрепление института уголовной ответственности в УК КНР сопряжено со многими проблемами практического и теоретического характеров. Как быть с определением деликтоспособности и установлением формы вины организации при совершении преступления? Как вести в таких случаях речь об умысле и неосторожности организации, состоянии необходимой обороны, крайней необходимости организации и т.п.? Применение штрафа как меры уголовной ответственности организации, по сути, дублирует аналогичную меру наказания, существующую в административном праве. Однако указанные вопросы не смущают китайского правоприменителя. Они, по его мнению, носят больше теоретический, чем прикладной характер.

Вместе с тем отметим, что существующий институт уголовной ответственности юридических лиц в наименьшей степени соответствует основам китайской правовой культуры. Традиционное (древнее) право Китая уделяло первостепенное внимание субъективной стороне преступления, пытаясь разобраться в психологических особенностях личности, преступившей закон. Цель следствия заключалась в том, что бы понять внутренние мотивы преступника, посягнувшего на нарушение действующих морально-правовых предписаний. Объективная сторона преступления законодателя интересовала мало. Как пишет Э.З. Имамов, «с точки зрения самого процесса разбирательства по уголовному делу китайское право, в отличие от европейского, пренебрегало объективной стороной преступления, преувеличивая роль субъективных элементов состава. Целью расследования было не установление цепи фактических событий — звеньев преступления, а вскрытие порочного внутреннего мира, умонастроения преступника, выявление низменных мотивов деяния, которые закономерно привели к правонарушению»⁷⁸.

Действующая в современном праве КНР уголовная ответственность организации не дает ответа на вопрос об ее субъективном, внутреннем отношении к совершаемому преступлению, ведь ее действия осуществляются через «соответствующих ответственных лиц». Однако наличие данного уголовно-правового института в праве КНР позволяет властям привлекать к ответственности больший круг лиц, что способствует более жесткой борьбе с преступностью в государстве.

Борьба с незаконным оборотом наркотических (психотропных веществ)

Борьба с преступностью в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (далее по тексту — наркотики) является одним из приоритетных направлений комплексного обеспечения национальной безопасности современного китайского государства. На протяжении своей истории Китай неоднократно сталкивался с проблемой распространения наркотиков. В XIX веке Китай пережил бум потребления опиума, завозимого на его территорию из колониальных владений европейскими торговцами. Известны две кровопролитные Опиумные войны, которые Цинская империя вела с Великобританией и Францией (1840—1842 гг. и 1856—1860 гг.). Существенных изменений ситуация не претерпела и после свержения в 1911 г. маньчжурской династии, и это несмотря на начавшуюся консолидацию антинаркотических усилий на международном уровне⁷⁹. Во второй половине XIX — первой половине XX века практически все слои китайского общества были подвергнуты пагубному влиянию опиума. Российский исследователь О.В. Почагина отмечает: «За сто лет наркомания пустила глубокие корни, став подлинным социальным бедствием. Таким образом, китайский народ уже в XIX в. испытал на себе разрушительные последствия массового употребления наркотиков»⁸⁰.

Ситуация изменилась во второй половине XX века. В период правления Мао Цзэдуна в результате жестких репрессивных мер количество преступлений в рассматриваемой сфере снизилось до самого низкого уровня. Характерно, что одним из первых нормативных документов образованного в октябре 1949 г. нового китайского государства стал Циркуляр Центрального народного правительственного совета от 24 февраля 1950 г. «О строгом запрещении опиума и других наркотиков».

10 июля 1950 г. премьер Чжоу Эньлай издал распоряжение о закрытии курительных домов и начале решительной борьбы с наркоманией. Благодаря поведению последовательной суровой политики по отношению

к сбытчикам наркотиков и наркоманам через 30 лет международное экспертное сообщество признало Китай «страной без наркотиков»⁸¹.

При подготовке первого в истории КНР Уголовного кодекса 1979 г. китайский законодатель исходил из того, что с наркоманией как массовым явлением в стране практически покончено. Тем не менее, в уголовном законе все же закрепили ответственность за незаконное производство, торговлю, перевозку наркотиков (ст. 171): «производство, перевозка опиума, героина, морфия либо других наркотических веществ и торговля ими наказываются лишением свободы на срок до 5 лет либо уголовным арестом; может быть наложен штраф (ч. 1). Систематическое либо в большом количестве производство, перевозка указанных наркотических веществ и торговля ими наказываются лишением свободы на 5 лет и более; может быть применена также конфискация имущества».

Последовавшая после смерти «великого кормчего» политика реформ и открытости привела не только к бурному экономическому росту Китая. Страну захлестнул рост преступности, включая незаконное распространение наркотиков. В 1979 г. в провинции Юньнань при переходе китайской границы был задержан первый наркокурьер. В 1980 г. органами общественной безопасности было зарегистрировано 900 случаев незаконной торговли наркотическими средствами. В последующие годы рост наркопреступности превзошел даже самые пессимистические прогнозы. Например, только в результате успешно проведенных 16 августа 1986 г. оперативно-розыскных мероприятий китайской полиции удалось разгромить преступную группу, у которой изъяли свыше 22 кг героина. «Данное дело стало первым в истории нового Китая проявлением организованной преступности, связанной с наркобизнесом»⁸².

Современная ситуация в наркосфере напоминает происходившие в цинском Китае события, когда усиление экономической открытости страны привело к всплеску незаконного оборота наркотиков. При этом они распространяются не только в самой КНР, но и активно продвигаются на зарубежные рынки, включая Россию⁸³. Китай превращается в мировую «фабрику» по производству наркотиков, что серьезно угрожает не только его национальной безопасности, но и соседствующим с ним державам. Осознавая необходимость решительной борьбы с этим злом, руководство КНР ведет активную борьбу с наркотиками, создавая для нее соответствующую нормативно-правовую базу. В свое время за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в Китае широко применялись публичные расстрелы преступников

на стадионах при большом скоплении народа (к настоящему времени под давлением мирового сообщества публичные казни отменены).

Согласно обнародованной 26.06.2014 Верховным народным судом КНР информации в отношении следующих особо опасных преступников за совершенные ранее преступления в сфере незаконного оборота наркотиков была применена высшая мера наказания⁸⁴:

1. Сюн Дунпин (м.), 1990 г.р., крестьянин. Признан виновным в сбыте, транспортировке метамфетамина (4748,7 г.) и героина (3701,53 г.). Приговор приведен в исполнение 19.06.2014;

2. Ян Юншу, (м.), 1966 г.р., крестьянин. Признан виновным в транспортировке метамфетамина (778,32 г.). Приговор приведен в исполнение 20.06.2014.

3. Сяо Вэньчжун (м.), 1966 г.р., безработный. Признан виновным в сбыте метамфетамина (194,463 г.). Приговор приведен в исполнение 24.06.2014.

В рамках рассматриваемого вопроса особую роль играют решения судебных органов КНР в отношении иностранных граждан, которые по приговорам суда были признаны виновными в совершении указанного рода преступлений и приговорены к смертной казни. Согласно статистике, в Китае ежегодно регистрируется рост преступлений в рассматриваемой сфере, совершаемый гражданами иностранных государств.

В соответствии с ч. 1 ст. 347 УК КНР «за контрабанду, торговлю, перевозку, производство наркотиков независимо от их количества должна наступать уголовная ответственность, деяния являются уголовно наказуемыми». При этом, согласно ч. 2 ст. 347 УК КНР, за совершение указанных преступных действий лицо наказывается лишением свободы на срок 15 лет, либо пожизненным лишением свободы, а в отдельных случаях приговаривается к смертной казни. Подчеркнем, что виновное лицо может быть приговорено к высшей мере наказания за контрабанду (торговлю, перевозку, производство) всего лишь 50 г героина, что свидетельствует о достаточно жестком отношении китайского законодателя к совершаемым преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков (п. 1 ч. 2 ст. 347 УК КНР). Даже за 10 г героина лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности и последующему наказанию сроком на 7 лет и более (ч. 3 ст. 347 УК КНР).

При этом не делается исключений и в применения столь суровых наказаний к иностранным гражданам, что обусловлено ростом числа совершаемых ими преступлений.

Так, например, первым иностранцем из еврозоны, в отношении которого была применена высшая мера наказания за контрабанду наркотиков, стал гражданин Великобритании Акмал Шейх (29 декабря 2009 г.)⁸⁵. Несмотря на широкие протесты со стороны английских властей, мировых правозащитных организаций и Евросоюза, китайское государство не позволило внешним силам повлиять на ход судебного разбирательства. Более того, официальные лица заявили о недопустимости вмешательства во внутренние дела своего государства, подчеркнув, что Китай является правовым государством, а его судебные органы строго руководствуются нормами Уголовного закона КНР⁸⁶.

Место казни британца — город Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района, для которого борьба с незаконным оборотом наркотиков является чрезвычайно актуальной.

Впоследствии китайские власти продолжили жесткую уголовно-правовую политику в отношении граждан иностранных государств, признанных в судебном порядке виновными в совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Печальная участь постигла гражданина Японии 65-летнего Мицунобу Акано (6 апреля 2010 г.) и еще трех граждан Японии (9 апреля 2010 г.), которые были признаны виновным в контрабанде наркотиков и приговорены к смертной казни⁸⁷. Акано стал первым с 1972 г. (год восстановления дипломатических отношений между КНР и Японией) гражданином Японии, казненным в Китае.

Кроме этого, приговором народного суда от 15 июля 2009 г. к смертной казни за контрабанду наркотиков была приговорена гражданка Южной Африки Дженис Бронвин Линден, которая 30 ноября 2008 г. провезла с собой из г. Дубай в г. Гуанчжоу 3 кг «льда». Приговор был приведен в исполнение 12 декабря 2011 г. Среди иностранцев, в отношении которых ранее в Китае был приведен в исполнение смертный приговор, значится и бирманец Тань Минлинь (уроженец пров. Сычуань, эмигрировавший в 1993 г. в Бирму), считавшийся в зоне «золотого треугольника» наркобароном № 1.

Китайской правоприменительной практике известны случаи задержания по подозрению в контрабанде наркотиков и российских граждан. В основном китайские правоохранители задерживали жителей Приморского края, которые провозили в желудках или ручной клади запрещенные к обороту наркотики. При этом в отношении некоторых

российских граждан китайскими судами также были вынесены достаточно суровые приговоры.

На 31-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 29 декабря 2007 г. принят **Закон КНР «О запрещении наркотиков»**. Согласно его положениям борьба с наркотиками признается «совместной ответственность всего общества». «Государственные органы, общественные коллективы, производственные единицы, а также иные организации и граждане обязаны в соответствии с положениями настоящего Закона и иных законов осуществлять функции и обязанности по запрету наркотиков» (ст. 3). Китайским законодательством предусматривается: льготная налоговая политика в отношении тех, кто участвует в борьбе с наркотиками (ст. 7); поощряются заявления граждан о совершаемых наркопреступлениях и при этом обеспечивается их безопасность и материальное стимулирование (ст. 9); поощряется общегосударственная программа пропаганды вреда наркотиков (гл. 2), в том числе особые требования предъявляются к родителям несовершеннолетних в рамках исполнения их обязанностей по недопущению употребления их детьми наркотических средств (ст. 18); государство осуществляет особую систему контроля над оборотом наркотических и психотропных веществ (ст. 21); делается особый упор на контроль со стороны органов общественной безопасности за увеселительными местами отдыха граждан (ст. 27); осуществляется система принудительного лечения наркозависимых граждан (ст. 31).

Ряд российских ученых в своих работах отмечают важность данного Закона для правоохранительной системы КНР⁸⁸.

Кроме приведенных выше УК КНР и Закона КНР «О запрещении наркотиков» в правовой системе страны приняты и успешно действуют некоторые другие локальные акты правотворчества, регулирующие исследуемую проблематику. К основным из них следует отнести:

1. Принятые Государственным советом КНР 22 июня 2011 г. **«Правила лечения от наркомании»**, состоящие из 7 глав (46 статей). Данный подзаконный документ своими положениями дополняет Закон КНР «О запрещении наркотиков» и регламентирует добровольный, принудительный порядок лечения наркозависимых лиц в специальных лицензированных медицинских учреждениях Китая.

2. Принятые Государственным советом 17 августа 2005 г. **«Правила управления химическими препаратами, из которых легко изготавливаются наркотики»**, включающие 8 глав (45 статей). Поло-

жения этого нормативного документа посвящены регулированию оборота химических препаратов, из которых возможно в обычных условиях изготовить наркотическое средство, а также порядку лицензирования организаций, хозяйствующих в данной сфере.

3. Принятое совместно несколькими министерствами 18 января 2013 г. «Мнение об усилении работы в районах лечения от наркомании и в районах восстановления здоровья», состоящее из 5 разделов (16 пунктов). Этот локальный нормативный акт затрагивает вопросы усиления государственной работы в созданных для лечения наркозависимых лиц местах и районах, конкретизируются сроки, задачи такой работы, рекомендуется конкретное количество работников в данной сфере.

4. Принятое Государственным комитетом по запрещению наркотиков 12 ноября 2013 г. «**Мнение о дальнейшем усилении и нормализации работы по принудительной изоляции для лечения от наркомании**», состоящее из 6 разделов (17 пунктов). Данный ведомственный акт посвящен конкретным вопросам практической реализации закрепленного в действующем китайском законодательстве института принудительного лечения от наркомании.

5. Принятое совместно несколькими министерствами в мае 2013 г. «**Извещение о дальнейшем усилении контроля за травой хвойника, серьезной борьбе с ее незаконной куплей-продажей и другими связанными с этим преступлениями**».

6. Принятый в июне 2012 г. совместный нормативный документ Верховного народного суда, Верховной народной прокуратуры и Министерства общественной безопасности «**О некоторых вопросах применения законодательства при производстве по уголовным делам о контрабанде и незаконном обороте комбинированных препаратов с содержанием эфедриновых веществ**».

7. Обнародованное в июле 2014 г. Центральным комитетом Коммунистической партии Китая и Государственным советом КНР «**Мнение об усилении работы по борьбе с наркотиками**».

8. Принятое в августе 2014 г. Верховным народным судом, Верховной народной прокуратурой и Министерством общественной безопасности совместное Извещение — «**Мнение по некоторым вопросам стандартизации толкования наименований наркотических средств**».

Тем не менее, нормативно-правовая база китайского государства, регламентирующая борьбу с наркотиками, все еще находится на стадии своего становления. Несмотря на действующий Уголовный кодекс,

предусматривающий суровые меры ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (вплоть до смертной казни), детали борьбы с этим злом законодательно отрегулированы слабо. С одной стороны, правоохранитель не связан «по рукам и ногам» жестким материальным и процедурным правом при проведении практической работы по противодействию наркобизнесу. С другой — присутствует недостаточная профилактическая работа, информационное сопровождение угрозы наркомании для безопасности государства, чему должны быть посвящены положения отдельных актов правотворчества.

В то же время российской правоохранительной системе, отечественной науке и законодателю есть, чему поучиться у наших китайских коллег. Так, например, в Китае широко применяется институт уголовной ответственности юридических лиц за наркотические преступления, как это имеет место и во многих других странах⁸⁹, от чего, в свое время, отказался отечественный законодатель.

* * *

1. Руководство китайского государства придерживается пути усиления мер уголовной ответственности за совершаемые в стране преступления. Основным методом борьбы с преступностью в КНР по-прежнему является ужесточение уголовно-наказательной политики. Такой подход оправдывает себя и приводит к снижению уровня преступности в обществе. Китайский гражданин в своем большинстве готов подчиниться закону лишь при существовании в его положениях жестких мер ответственности, наступающих за совершение противоправных деяний. На всем протяжении китайской истории уголовное право являлось ядром правовой системы страны, а уголовная ответственность — стержнем всего института юридической ответственности. Только благодаря жесткой системе наказаний руководству КНР удалось сдерживать огромное по численности население в рамках действующих правовых норм.

Вместе с тем власти Китая параллельно осуществляют некоторую либерализацию института уголовного наказания, который затрагивает самый неоднозначный вид уголовной ответственности — смертную казнь. Уменьшение количества составов преступлений, за совершение которых судом может быть назначена высшая мера наказания с 68 до 55 (2011 г.), а затем далее до 46 (2015 г.), произошло в большей степени по

причине давления международного сообщества на руководство КНР. Полный отказ от смертной казни для Китая невозможен. Ее смягчение обусловлено лишь необходимостью успешной интеграции страны в международные организации, а никак не свободной волей властей и народа. Смертная казнь в Китае существовала во все исторические периоды его развития, она является неотъемлемой специфической чертой правовой системы этой азиатского государства;

2. Из проведенного исследования видно, что в сфере борьбы с преступностью Китай столкнулся со схожими и для России проблемами. Однако разгула криминала в КНР не случилось. Жесткая, а порой даже жестокая уголовная политика позволила избежать китайскому государству присущих России 1990-х годов явлений. Общее между нашими странами можно обнаружить в реакции законодателя на некоторые преступные явления: так, китайские власти, как и российские, внесли в Уголовный закон статью, устанавливающую ответственность за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Разница лишь в том, что сделали они это еще в 2011 г. и что при наступлении тяжких последствий виновный подлежит приговору к пожизненному лишению свободы или даже к смертной казни. В России уголовно-наказательная политика чрезвычайно либеральна. Известно, что максимальное наказание за такое преступление — 9 лет, что зачастую несоизмеримо с наступившими последствиями.

В последние годы китайское государство активно борется с коррупцией. Опыт такой борьбы для российского законодателя и отечественной науки представляется весьма полезным. Коррупция — явление, которое известно Китаю с давних времен. Известно, что даже при строительстве Великой китайской стены ответственные лица умудрились выстраивать коррупционные схемы, некоторые из них уличались в «разложении» и приговаривались к смертной казни. В последние годы борьба с коррупцией особенно активизировалась. России необходимо выстраивать более тесные партнерские отношения с Китаем на предмет оказания взаимной помощи по коррупционным делам. Современная международная обстановка требует от нас более активного сотрудничества и взаимодействия с Китаем.

3. Уголовное право современного Китая продолжает активно развиваться. Согласно плану правотворческой работы в ближайшие годы в уголовно-правовой сфере появятся Закон КНР «О местах предварительного заключения», Закон КНР «Об оказании помощи потерпевшим

в уголовном судопроизводстве» и др. Таким образом, можно констатировать активизацию процесса либерализации уголовного законодательства, предполагающего не только улучшение условий содержания осужденных лиц, повышения уровня защиты законных прав и интересов потерпевших в уголовных делах, но и снижения количества составов преступлений, предусматривающих высшую меру наказания.

В КНР существуют некоторые явления, которые у непосвященных исследователей могут вызвать серьезные недоумения. Так, несмотря на уголовный запрет организации и занятия проституцией, в Китае она процветает. Еще совсем недавно экономика известного приморского города Дунгуань в прямом смысле основывалась на этой преступной деятельности. Власти «сквозь пальцы» смотрели на это разрушающее общество явление. Ведь если начать полномасштабную борьбу с проституцией, то миллионы китайских граждан останутся без средств к существованию, экономика некоторых городов придет в упадок. Иногда китайский правоохранитель проводит показательные рейды, суды выносят приговоры, но сути дела это не меняет.

То же самое касается и борьбы с контрафактной продукцией. С формальной точки зрения борьба с ней идет достаточно активно, а по существу — нет. Если закрыть заводы, производящие поддельную продукцию, то значительное количество граждан КНР останется без работы.

Очевидно, что политическая воля руководства страны стоит выше действующего закона, иногда даже подменяя его. Не случайно, что несмотря на существовавший с 1979 г. в законодательстве запрет на публичное исполнение приговоров к смертной казни, в некоторых регионах Китая практиковался расстрел наркопреступников на стадионах в присутствии многотысячной толпы. Это осуществлялось с одобрения местного партийного руководства с показательной целью устрашения потенциальных преступников и получало поддержку со стороны населения.

§ 2.3. Гражданское право

Центральное место среди отраслей китайского частного права принадлежит гражданскому праву. Осуществляемая с конца 1978 г. социалистическая модернизация поставила руководство КНР перед необходимостью усиления роли правового фактора в деле успешного экономического развития страны. Направленность осуществляемых в Китае

реформ на экономическую составляющую имела следствием превращение гражданского права из ранее рассматривавшейся как незначительной отрасли права в «...одну из профилирующих в системе права КНР и, соответственно, в отрасль, которая все активнее “задает тон” в правовой реформе, развертывающейся в Китае»⁹⁰. С момента проведения экономических реформ в стране день ото дня все большее количество юридических и физических лиц становилось участниками общественных отношений, регулируемых нормами гражданского права, приобретая соответствующие новому статусу права и обязанности.

Гражданское право КНР образуют более 35 законов и значительное количество подзаконных нормативных правовых актов. В самом начале своего становления оно формировалось при непосредственном участии советских специалистов. На китайский язык переводились советские учебники по гражданскому праву под редакцией Л.А. Лунца, Е.А. Суханова и др. При этом, как отмечают некоторые китайские исследователи, «...существовала тенденция к упрощению материала, неглубокого вникания в суть изученных проблем, поверхностное обращение непосредственно к китайскому праву»⁹¹. В настоящее время китайский законодатель учитывает не только международный опыт в гражданско-правовой сфере, но и собственную правовую специфику, что выражается в формулировках, присутствующих в содержании появляющихся актов правотворчества.

В КНР до сих пор **не принят Гражданский кодекс**, который должен выступать фундаментом существующих в обществе гражданско-правовых институтов. Такая позиция китайского правотворца, во-первых, обусловлена осуществляемым в стране **курсом «идти на двух ногах»** в деле правового строительства. Рассматриваемый курс, с одной стороны, предполагает работу над проектом единого для конкретной отрасли права нормативным правовым документом. С другой стороны, пока такой документ (кодекс) не готов, повсеместно осуществляется «принятие отдельных законов, в которых возникает необходимость и для которых созревают условия»⁹² для регулирования тех или иных вопросов гражданско-правовой деятельности.

Вопрос о разработке и принятии Гражданского кодекса с начала 1980-х годов приобрел важную актуальность, было предложено несколько проектов ГК, которые, однако, незамедлительно отклонялись по причине их несоответствия тенденциям развивающейся китайской экономики.

Отметим, что еще в мае 1931 г. в гоминьдановском Китае вступил в действие Гражданский кодекс Китайской Республики, разработанный властями с учетом японского ГК 1898 г. и Германского гражданского уложения 1900 г. (первый проект ГК принадлежал цинской администрации, но по причине падения Цинской империи в 1911 г. кодекс так и не был принят, еще один проект ГК был известен Китаю в 1926 г., однако, он также не стал Кодексом). Хотя «гражданский кодекс, разработанный при гоминьдановском режиме, существовал только на бумаге и, следовательно, не мог внести каких-либо изменений в китайскую правовую традицию»⁹³, тем не менее он содержал в себе достаточно передовые для того времени нормы. ГК состоял из 5 книг (разделов), 29 глав, 1226 статей и был первым Гражданским кодексом в истории Китая. Первый ГК содержал в себе нормы как гражданского, так и торгового права. Книги (разделы) вступили в силу в разное время: Раздел I «Общие положения» — 10.10.1929; Раздел II «Обязательства» и Раздел III «Вещные права» — 05.05.1930; Раздел IV «Семейные права» и Раздел V «Наследование» — 05.05.1931.

Так, например, ст. 185 устанавливала институт солидарной ответственности нескольких лиц, если они «...совместно недозволенным образом нарушат чужие интересы». Кодекс содержал и норму, предусматривающую гражданскую ответственность «должностных лиц, умышленно нарушивших свои обязательства по отношению к третьим лицам и тем причинившие ущерб интересам таковых...» (п. 1 ст. 186). Ст. 190 гласила, что «если животное причинило ущерб другому лицу, то владелец его несет ответственность по возмещению ущерба, за исключением тех случаев, когда по роду животного или по его характеру уже обращено соответствующее внимание, но все-таки ущерб возник неизбежно».

Параллельно с гоминьдановским ГК, в рамках марионеточного государства Маньчжоу-го, образованного японской военной администрацией на оккупированной Японией территории Маньчжурии (1932—1945 гг.) также был принят свой Гражданский кодекс (01.12.1937)⁹⁴. На территориях, находящихся под контролем КПК, в так называемых освобожденных Советских районах, действовало свое, отличное от гоминьдановского, гражданское законодательство.

Новые китайские власти в 1949 г. пошли на полный разрыв со «старым режимом», отменив еще до официального провозглашения КНР ранее действующее гоминьдановское законодательство. По всей стране начался процесс перестройки существующих экономических

отношений, что не замедлило сказаться и на характере гражданских правоотношений. Китайский законодатель решил создать новый гражданский кодекс по модели советского. Сам же отмененный на территории КНР Гражданский кодекс в измененном виде действует на территории Тайваня, оказывая позитивное влияние на развитие экономики тайваньского региона.

С усилением правового нигилизма («культурная революция») многие институты гражданского права «повисли в воздухе» либо имели место лишь в рамках уголовного судопроизводства. В эти годы вакуум в сфере гражданского законодательства отчасти был заполнен нормами Конституции, Закона КНР «О браке», Закона КНР «О земельной реформе» и др. Отдельные органы Государственного совета КНР принимали нормативные акты, которые регулировали отношения в области купли-продажи, поставок товара, подряда. Формированию гражданских правоотношений также способствовали некоторые Постановления и Положения, носившие административный характер и регулирующие процессы преобразований в китайской промышленности, торговли, финансах. И хотя подготовка крайне необходимого для нового государства Гражданского кодекса началась уже с середины 50-х годов, напряженная политическая обстановка внутри страны не позволила китайскому законодателю завершить процесс работы над проектом ГК его принятием. Как отмечали отечественные ученые, «...процесс формирования относительно полного гражданского законодательства (и не только гражданского) развертывался медленно, непоследовательно, прерывался различными политическими кампаниями»⁹⁵.

Решения 3-го, декабрьского, Пленума ЦК КПК 11-го созыва 1978 г. положили начало осуществлению экономических преобразований в масштабе всей страны. Главной проблемой, с которой столкнулось руководство китайского государства на первых этапах реформ, стала недостаточная и несовершенная нормативная правовая база, которая требовала скорейшего изменения и дополнения. По этому поводу «отец китайских реформ» Дэн Сяопин заявлял, что «...объем законодательных работ довольно велик, а работников мало, поэтому допустимо, если правовые нормы поначалу будут не такими совершенными, их потом можно будет доработать. Кое-какие акты не мешают сначала составлять в опытном порядке на местах, а затем на основе обобщения опыта и их совершенствования разрабатывать общекитайские законы. Следует вносить поправки и дополнения в действующие законы по мере их го-

товности, постатейно, и не ожидать, как говорится, «комплектного оборудования»⁹⁶.

Практически сразу после провозглашения о начале проведения «политики реформ и открытости» ЦК КПК и Государственный совет КНР в июле 1979 г. принимают совместное решение об особых мерах в отношении провинций Гуандун и Фуцзянь, направленных на поощрение их внешнеэкономической деятельности. Тогда же было решено создать сначала две, а затем еще две (Шаньтоу и Сямэнь) особые экономические зоны. 13.08.1979 Госсовет принимает Положение «**О некоторых вопросах всемерного развития внешней торговли для увеличения поступления иностранной валюты**», которое расширило права местных органов власти и региональных предприятий в сфере внешнеэкономической деятельности, стимулировав экспорт производимой в приморских районах продукции.

26.08.1980 ПК ВСНП принял постановление о создании четырех специальных экономических зон (СЭЗ) и утвердил **Положение «О статусе специальных экономических зон провинции Гуандун»**. В мае-июне 1981 г. Госсовет провел совещание по работе СЭЗ, включая таможенные пошлины, упрощение формальностей для въезда в зоны и выезда из них, налоговую политику и т.д. 19 июня 1981 г. ЦК КПК и Госсовет утвердили материалы данного совещания. Они стали основой для дальнейшего развития зон, стимулировав их превращение в экономически развитые регионы не только Китая, но и всего мира.

30 ноября 1981 г. ПК ВСНП принял постановление о предоставлении СНП провинций Гуандун, Фуцзянь и их постоянным комитетам права выработать отдельно действующие положения по всем экономическим вопросам для подчиненных им СЭЗ. Региональным властям двух провинций были предоставлены беспрецедентные полномочия для улучшения инвестиционного климата на своих территориях, они получили право реализации проектов с иностранным участием без ограничений объема инвестиций, при условии, что провинции смогут самостоятельно обеспечить соответствующие предприятия фондами, сырьем, энергией.

В правовой системе КНР появляются Положение КНР «**О поощрении выпуска продукции высшего качества**» (30.06.1979), Закон КНР «**О смешанных предприятиях, основанных на китайском и иностранном капитале**» (01.07.1979), Временное положение «**О постоянных представительствах иностранных предприятий в КНР**»

(30.10.1980), Закон КНР «**О хозяйственном договоре**» (13.12.1981), Положение «**О регистрации промышленных и торговых предприятий**» (07.07.1982), Закон КНР «**О торговой марке**» (23.08.1982), Закон КНР «**О патентах**» (12.03.1984), Закон КНР «**О наследовании**» (10.04.1985) и многие другие акты правотворчества.

В эти годы особенно острой стала проблема разработки и принятия Гражданского кодекса, который включил бы в себя необходимые для успешного проведения в жизнь экономических реформ институты. В связи с этим уже в 1979 г. образованной при ПК ВСНП Комиссией по юридической работе была сформирована специальная группа, которая возобновила работу над проектом ГК. Всего группой было принято четыре проекта ГК. Однако большинство китайских юристов, принимавших участие в разработке проектов ГК, пришло к единодушному мнению, что в связи с «...весьма значительной сложностью, недостатком опыта в гражданской законотворческой деятельности, а также с учетом того, что Китай только-только начинает проводить реформирование экономической системы...»⁹⁷ китайское общество еще не созрело для его принятия. Официальные объяснения по поводу отказа от принятия ГК были обнародованы тогдашним председателем ПК ВСНП Пэн Чжэнем и председателем Комиссии по юридической работе ПК ВСНП Ван Ханьбином на 13-м заседании ПК ВСНП 6-го созыва в ноябре 1985 г.⁹⁸ Весной 1986 г. Председатель ПК ВСНП Пэн Чжэн заявил, что «гражданский кодекс нельзя разработать за короткий период. Это не от того, что мы не прилагаем усилий, а потому, что вопросы сами по себе очень сложны, кроме того, система преобразовывается, еще нет окончательных решений, на практике возникают трудности. Поэтому, **с одной стороны, надо разрабатывать гражданский кодекс, с другой — надо выработать отдельные законы, гражданский кодекс и отдельные законы можно продвигать одновременно**»⁹⁹. Таким образом, первая систематизация Гражданского кодекса успехом не увенчалась, китайский законодатель не стал спешить с его принятием¹⁰⁰.

По прошествии некоторого времени работа над проектом единого кодифицированного акта правотворчества продолжилась. В марте 1998 г. сформированная Комиссией по юридической работе ПК ВСНП рабочая группа из 9 известных в Китае цивилистов (проф. Политико-юридического университета Китая Цзянпин, главные научные сотрудники Института права АОН Китая Ван Цзяфу и Лян Хуэйсин, проф. Пекинского университета Вэй Чжэньин, проф. Университета Цинхуа

Ван Баошу, проф. Народного университета Китая Ван Лимин, представитель Верховного суда Фэй Цзунь, сотрудники Комитета по законодательной работе Сяо Сюнь и Вэй Яожун) приступила к разработке нового проекта ГК. В декабре 2002 г. готовый Проект ГК был представлен на обсуждение. Однако затем работа над проектом ГК приобрела «вялотекущий» характер, в этом ключе она продолжается и в настоящее время.

Современное гражданское право КНР образует целый пакет важных законов, которые китайский законодатель разрабатывал в течение достаточного длительного периода для постепенного формирования необходимого для страны кодифицированного гражданско-правового документа. *Именно они лягут в основу будущего Гражданского кодекса КНР, принятие которого должно рано или поздно состояться.*

Китайский исследователь Лю Цзюньпин, основываясь на выработанном юридической наукой КНР подходе к выделению подотраслей гражданского права пишет: «В настоящее время общепринято выделение в китайском гражданском праве пяти таких подотраслей: Вещное право; Обязательственное право; Семейное право; Наследственное право; Право интеллектуальной собственности — защиту личных немущественных благ, и в том числе чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц, жизни, здоровья и личной неприкосновенности граждан, тайны их личной жизни и т.п. В данную систему большинство китайских правоведов предлагают включать еще подотрасль торгового права. Выработанное российской наукой гражданского права деление подотраслей гражданского права на институты, то есть совокупности правовых норм, регулирующих менее крупные однородные группы общественных отношений, и подразделяющиеся на еще более дробные, мелкие совокупности норм — субинституты, сохраняющие, однако, единство и однородность своего предмета и своей юридической природы, — находится в поле зрения китайских цивилистов»¹⁰¹.

Сказанное выше подтверждается и российским исследователем В.Е. Варавенко, который приводит позиции некоторых авторитетных китайских ученых относительно вопроса подотраслей гражданского права. При этом ученым отмечается, что «внутренне строение гражданского права Китая не так очевидно. Если опираться на анализ структуры основного источника китайского гражданского права — Общие положения гражданского права Китайской Народной Республики 1986 г., то там выделяются общая часть, а также все подотрасли, присутствующие

в гражданском праве России. Однако дальнейшее реформирование китайского права демонстрирует отход от этой модели систематизации гражданского права»¹⁰².

Исходя из позиций китайской цивилистики, в настоящем параграфе мы дадим краткую характеристику некоторым основным подотраслям гражданского права, в которые включим вещное, обязательственное, торговое, семейное, наследственное право и право интеллектуальной собственности.

Долгое время в правовой системе китайского государства главную роль в регулировании гражданско-правовой сферы играют принятые на 4-й сессии ВСНП 6-го созыва 12 апреля 1986 г. **Общие положения гражданского права КНР** (далее: ОПГП КНР) (**中华人民共和国民法通则**)¹⁰³, с изменениями от 27.08.2009, которые по своему содержанию схожи с традиционно понимаемой Общей частью ГК, хотя и немногим шире ее. ОПГП состоит из 9 глав, 156 статей, в них закрепляются основные институты гражданского права (Общие принципы, гражданская правоспособность и дееспособность, статут юридических лиц, гражданско-правовые действия, гражданские права, гражданская ответственность и т.д.). В будущем Гражданском кодексе КНР ОПГП станут его первой (Общей) частью.

Согласно ст. 1 ОПГП КНР они были приняты «в соответствии с Конституцией и с учетом действительного положения в Китае, обобщения практического опыта гражданской деятельности в целях обеспечения законных гражданских прав и интересов граждан и юридических лиц, правильного регулирования гражданских отношений в связи с требованиями развития социалистической модернизации».

Одно из центральных мест в ОПГП КНР принадлежит институту гражданской ответственности. Так, «чтобы показать субъектам гражданского права необходимость четкого соблюдения норм этой отрасли, исключить выход за рамки допустимого поведения, регулирование правомерных действий и правонарушений разделяется и вводится самостоятельный, отделенный от обязательственного права институт гражданской ответственности»¹⁰⁴.

В отличие от Гражданского кодекса РФ, в котором нормы гражданской ответственности рассредоточены по всему документу, китайский законодатель посвятил рассматриваемому институту целый раздел, в котором попытался свести воедино общие положения гражданской ответственности, условия ее наступления в случае нарушения договора и прав, а

также ее основные способы. Раздел 6 ОПГП КНР носит название «Гражданская ответственность» и состоит из 4 глав и 29 статей (с 106 по 134). В общем плане рассматриваемая ответственность в сравнении с ранее действующим законодательством получила достаточно подробное закрепление, но содержание многих ее институтов не получает должного закрепления, а некоторые вопросы и вовсе обходятся стороной.

Особое место в нормах гражданского права КНР занимает так называемая ответственность за действия третьих лиц, которую необходимо отличать от ответственности без вины. Особенность такого рода гражданской ответственности заключается в том, что у субъекта, понесшего ответственность «за чужую вину», есть право регрессного иска к непосредственно виновному допущенного нарушения. Смысл регрессного иска состоит в восстановлении имущественной сферы того лица, которое понесло убытки по вине другого. Так, в случаях отказа заемщика от выполнения предусмотренных договором обязательств, гражданской ответственности перед кредитором подлежит лицо-гарант (поручитель). Однако после выполнения своих гарантийных обязательств он вправе требовать от заемщика возмещения понесенных расходов¹⁰⁵.

Статья 116 ОПГП КНР гласит, что «если одна из сторон не может исполнить предусмотренное договором обязательство из-за вышестоящих органов, она должна в соответствии с условиями договора возместить ущерб другой стороне или принять иные меры к исправлению положения, а вышестоящий орган должен возместить причиненные убытки». Статья 122 ОПГП КНР устанавливает, что «в случае причинения вреда имуществу других лиц, имуществу и здоровью граждан вследствие ненадлежащего качества товара изготовитель товара, продавец согласно закону обязан нести гражданскую ответственность. Если ответственность за это несут перевозчик, хранитель, то изготовитель товара, продавец имеет право требовать возмещение убытков». Несколько иначе дело обстоит в случаях причинения вреда недееспособным или ограниченно дееспособным лицом. Хотя гражданская ответственность и возлагается на опекуна (ч. 1 ст. 133 ОПГП КНР), но речь о регрессе в таких случаях идти не может.

Важной составляющей вины как субъективного условия наступления гражданской ответственности выступает широко известной китайскому праву принцип презумпции виновности. В современном китайском праве рассматриваемый принцип берет свое начало из уголовного законодательства Древнего Китая. В то время всякое лицо, в отно-

шении которого имелись подозрения в совершении им преступления, считалось априори виновным. Как отмечал Е.И. Кычанов, «следователь исходил из презумпции виновности обвиняемого, и его задачей было ни сколько уличить обвиняемого, сколько добиться от него личного признания им своей вины»¹⁰⁶. Признание лица было «царицей обвинения», поэтому в ходе допроса применялись пытки и психические атаки на личность. То же самое происходило и в годы так называемой «культурной революции». Что говорить о гражданском праве КНР, когда в уголовном праве Китая принцип презумпции виновности имел самое широкое распространение и сохранял свою действительность вплоть до 1997 г. По мнению сторонних наблюдателей, в Китае сложилась такая ситуация, при которой в ходе судебного разбирательства по уголовному делу «...судья вершит суд, исходя из виновности обвиняемого»¹⁰⁷.

Кардинальные изменения, произошедшие с презумпцией виновности в уголовном праве КНР, не сказались на ее приоритетном положении в гражданском праве страны. Так, ст. 126 ОПГП КНР гласит, что «в случае причинения вреда другим лицам в результате обвала зданий или иных строений, а также в результате падения предметов и пролития веществ, находящихся в ветхих частях зданий или в подвешенном состоянии, владельцы или лица, в чьем ведении находятся здания или строения, обязаны нести гражданскую ответственность; однако гражданская ответственность не возникает, если возможно доказать, что это произошло не по их вине». В данном случае китайский законодатель призывает правоприменителя исходить из того факта, что лицо априори виновно в предъявленном ему иске и бремя доказывания обратного должно быть возложено на него.

Большой объем содержания «Общих положений гражданского права КНР» не позволяет в рамках настоящей работы дать даже краткую характеристику их основным особенностям. Для ознакомления с ними рекомендуем российским исследователям ознакомиться с работами отечественного ученого Е.Г. Пашенко, который долгое время углубленно изучал гражданское право КНР¹⁰⁸.

Вещное право

Вещное право, как подотрасль гражданского права, представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих субъективное право собственности и иные субъективные вещные права. Иными словами, это субъективное гражданское право, объектом которого является индивидуально-определенная вещь. Статья 71 ОПГП КНР гласит: «Пра-

во собственности на имущество представляет собой принадлежащее собственнику в отношении своего имущества право владения, пользования, извлечения выгоды и распоряжения согласно закону».

Важным нормативным правовым актом, принятым китайским законодателем в сфере вещного права, стал Закон КНР «О вещных правах» (中华人民共和国物权法) (принят на 5-й сессии ВСНП 10-го созыва 16 марта 2007 г., состоит из 5 разделов, 19 глав, 247 статей). «В условиях отсутствия основополагающего гражданского закона — Гражданского кодекса — появление Закона о вещных правах знаменует собой один из самых важных шагов китайского законодателя в направлении формирования не только гражданского права как самой «рыночной» отрасли права, но и законодательной системы Китая в целом. До принятия Закона о вещных правах отрасль гражданского права развивалась в основном по пути регулирования статуса различных субъектов хозяйственно-предпринимательской деятельности (частные предприниматели в городе и деревне, предприятия различных форм собственности) и договорных (обязательственных) отношений, обеспечивающих хозяйственный оборот в экономике (Закон КНР о договорах от 15 марта 1999 г.)»¹⁰⁹.

Закон «О вещных правах» основан на некоторых свойственных германскому праву принципиальных положениях с учетом китайской специфики, а его принятие является важной вехой в развитии гражданского законодательства Китая. Особенностью принятого Закона является стремление закрепить в качестве объектов права собственности не только вещи как таковые, но и имущественные права, то есть права, которые могут быть выражены в денежной форме.

Нормативный правовой акт представляет собой достаточно объемный по содержанию документ и включает в себя положения, регулирующие вопросы возникновения, изменения, перехода и прекращения вещных прав, права государственной, коллективной, частной собственности, вещного сервитутного права, вещного обеспечительного права, залога, удержания и др.

Часть первая «Общие положения» включает в себя 3 главы: Глава 1 «Основные принципы». Глава 2 «Возникновение, изменение, переход и прекращение вещных прав» (глава состоит из 3 параграфов: §1. Регистрация недвижимого имущества; §2. Передача движимого имущества; §3. Прочие положения). Глава 3 «Защита вещных прав».

Часть вторая «Право собственности» состоит из 6 глав: Глава 4 «Общие положения». Глава 5 «Право государственной, коллективной,

частной собственности». Глава 6 «Разграничение прав собственности хозяев строений». Глава 7 «Соседские отношения». Глава 8 «Общая собственность». Глава 9 «Специальные положения о приобретении права собственности».

Часть третья «Вещное сервитутное право» состоит из пяти глав: Глава 10 «Общие положения». Глава 11 «Право подрядного хозяйствования на земле». Глава 12 «Право пользования землей, отведенной под строительство». Глава 13 «Право пользования землей, отведенной под жилье». Глава 14 «Преимущественное право на земле».

Часть четвертая «Вещное обеспечительное право» включает в себя четыре главы: Глава 15 «Общие положения». Глава 16 «Право залога» (§1 «Общие положения», §2 «Залог в максимальном размере»). Глава 17 «Залог» (§1 Залог движимого имущества; §2 Залог прав). Глава 18 «Удержание».

Часть пятая «Владение» включает только одну главу: Глава 19 «Владение». Завершают объемный закон «Дополнительные установления», в которых устанавливается дата вступления закона в силу (01.10.2007).

В соответствии со ст. 2 Закона понятие «вещи», используемое в нем, включает «недвижимое и движимое имущество». «Понятие “вещные права”, используемое в настоящем Законе, означает права правообладателя согласно закону непосредственно распоряжаться и господствовать над определенными вещами, включая право собственности, вещные сервитутное и обеспечительное права».

Статья 3 гласит: «На начальной стадии социализма государство поддерживает основную экономическую систему, при которой общественная собственность, выступая в качестве ведущей, развивается одновременно с другими формами собственности. Государство создает социалистическую рыночную экономику, обеспечивает право на равное юридическое положение и развитие всех субъектов, действующих на рынке».

Законодатель уравнивал в правах государственную и частную собственность, предоставив им номинально равную защиту. Статья 4 устанавливает: «Вещные права государства, коллективов, частных лиц и других правообладателей пользуются юридической защитой, никакие организации и частные лица не должны их нарушать». Кроме этого, принцип защиты частной собственности закреплен также в ст. 66: «Имущество частных лиц, принадлежащее им на законных основаниях,

охраняется законом, никакие организации и частные лица не должны захватывать, отнимать, портить его». Таким образом, китайское гражданское законодательство кардинально либерализировалось в сравнении с теми положениями, которые присутствовали в правовой системе КНР до начала проведения крупномасштабных экономических преобразований. Конституционная поправка от 2004 г., предусматривающая равную правовую защиту всех форм собственности, получила свое последующее закрепление в рассматриваемом законе.

После появления в правовой системе КНР рассматриваемого законодательного акта страна вплотную приблизилась к принятию единого кодифицированного акта правотворчества — Гражданского кодекса. Китайским гражданам был дан еще один сигнал, свидетельствующий о том, что государство поощряет их стремление к созданию материальных благ, личному обогащению.

Обязательственное право

Обязательственное право представляет собой составную часть (подотрасль) гражданского права КНР, нормы которого непосредственно регулируют имущественный или экономический оборот, преобразуя его в форму гражданско-правового оборота. В обязательственном праве наиболее отчетливо проявляется специфика китайского частноправового регулирования, предопределяемая необходимостью существования и развития рыночного оборота. Как часть гражданского права обязательственное право имеет предметом определенные имущественные отношения. Часть 1 ст. 84 ОПГП КНР гласит: «обязательство — это отношение по поводу определенных прав и обязанностей, возникающих между сторонами в соответствии с условиями договора или согласно установлениям законодательства. Лицо, которое обладает правом, является кредитором, лицо, которое несет обязанности, является должником».

Центрально место в указанной подотрасли гражданского права принадлежит **Закону КНР «Об ответственности за нарушение прав» (中华人民共和国侵权责任法)** (принят на 12-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 26 декабря 2009 г.). Документ состоит из 12 глав, 92 статей и вступил в силу 1 июля 2010 г. В соответствии со ст. 1 Закон был принят в целях «защиты законных прав и интересов субъектов гражданских правоотношений, установления ответственности за нарушение прав, предупреждения и наказания деяний по нарушению прав, стимулирования социальной гармонии и стабильности».

Часть 1 ст. 6 Закона устанавливает, что «лицо, виновное в причинении вреда гражданским правам и интересам других лиц, подлежит ответственности за нарушение прав». При этом ч. 2 данной статьи уточняет, что согласно принципу презумпции виновности в гражданском праве, если лицо не докажет свою невиновность, оно должно быть привлечено к ответственности. В положениях Закона закрепляется ответственность лиц и организаций за произведенную и реализованную продукцию, совершенное дорожно-транспортное происшествие, ущерб, причиненный в результате лечения, за вред, причиненный окружающей среде, за высокие риски, за вред, причиненный в результате ухода за животными, за имущественный ущерб.

Принятый Закон своими положениями существенно дополняет действующие в стране Общие положения гражданского права КНР. Его нормы направлены на совершенствование института гражданской ответственности в правовой системе Китая.

Так, например, ст. 15 Закона устанавливает основные меры, которые применяются в отношении лица, совершившего правонарушение в гражданско-правовой сфере:

- прекращение нарушения;
- устранение препятствия;
- ликвидация угрозы;
- возврат имущества;
- восстановление первоначальной обстановки;
- компенсация ущерба;
- принесение извинений;
- устранение влияния, восстановление репутации.

Важнейшим положением Закона КНР «Об ответственности за нарушение прав» является ответственность интернет-провайдера при нарушении прав пользователями его услуг. Данное положение тесно связано с усилением внимания китайских законодателей к вопросам охраны товарных знаков, авторского права, защиты производителей от недобросовестной конкуренции. Если интернет-пользователь совершает правонарушение через Интернет, то потерпевшая сторона имеет право сообщить провайдеру и просить его принять необходимые меры, такие как удаление содержания, проверка содержания. Если провайдер не предпринимает необходимых действий после получения информации о правонарушениях, то он должен будет нести солидарную с пользователем ответственность (ст. 36).

Закон устанавливает ответственность за вред, причиненный некачественной продукцией (гл. 5), за причиненное по вине транспортного средства дорожно-транспортное происшествие (гл. 6), за ущерб по вине медицинских учреждений и их работников (гл. 7) и тд.

Появление Закона КНР «Об ответственности за нарушение прав» также является важным шагом на пути принятия единого кодифицированного Гражданского кодекса КНР.

Договор в праве КНР

Истории гражданского права КНР известен целый ряд актов правотворчества, регулирующих важный институт договора. Так, в свое время были приняты **Закон КНР «О хозяйственном договоре»** (13.12.1981), **Закон КНР «О внешнеэкономическом договоре»** (21.03.1985), **Положение КНР «О договорах на импорт техники»** (24.05.1985), **Закон КНР «О техническом договоре»** (23.06.1987) (все они утратили силу). ОПГП КНР в ст. 85 определяют договор как «соглашение, устанавливающее, изменяющее или прекращающее гражданские отношения между сторонами».

В 1999 г. появился фундаментальный **Закон КНР «О договорах»** (принят на 2-м заседании ВСНП 9-го созыва 15 марта 1999 г. Составляет из 23 глав, 428 статей). Он был «разработан в целях защиты законных прав и интересов договаривающихся сторон, поддержания социально-экономического порядка, содействия осуществлению социальной модернизации» (ст. 1). В соответствии с ч. 1 ст. 8 «договор, заключенный согласно закону, обладает юридически обязывающей силой для сторон. Стороны должны исполнять свои обязанности в соответствии с договором, самовольное изменение или расторжение договора не допускается».

Законом предусматриваются следующие виды договоров («Особенная часть»): «договор купли-продажи», «договор снабжения электроэнергией, водой, газом, тепловой энергией», «договор дарения», «кредитный договор», «договор аренды», «финансовая аренда», «договор строительного подряда», «договор перевозки», «технический договор», «договор хранения», «договор складского хранения», «договор поручения», «договор комиссии», «договор о посредничестве». При этом, «соглашения о личных отношениях (брак, усыновление, опека и т. д.) регулируются нормами иных законодательных актов» (ч. 2 ст. 2).

Законодателем недействительными признаются договоры, если (ст. 52): 1) одна из сторон заключила его путем обмана, угрозы, нару-

шила права и интересы государства; 2) он заключен в результате злонмеренного соглашения и тем самым причинен вред правам и интересам государства, организаций или третьих лиц; 3) он прикрывает незаконные цели; 4) нарушены общественные права и интересы; 5) нарушены императивные нормы законодательства, административных установлений.

В свою очередь каждая из сторон, заключивших договор, имеет право в одностороннем порядке обращаться в народный суд или в арбитражные органы с просьбой изменить или аннулировать договор, заключенный с нарушениями. Закон не исключает возможность обращения сторон и в «другие арбитражные органы», помимо арбитражных органов в КНР.

Значительная часть положений закона посвящена порядку реализации, изменения и передачи договоров, прекращения прав и обязанностей по договорам, ответственности за нарушение условий договоров для сторон, отношения между которыми строятся по принципу «кредитор-должник». Таким образом, власти стремятся упорядочить финансовые отношения, сложившиеся между предприятиями-участниками хозяйственной деятельности из-за ежегодного увеличения количества споров между ними.

Договор РЕПО (逆回购) (как один из наиболее актуальных видов договора для современного Китая)

Осуществляемые с конца 1978 г. китайским государством экономические реформы превратили КНР в одну из наиболее развитых мировых держав, играющую важную роль на международной арене. Вступление Китая в новый этап социально-экономического развития предполагало реформирование и рынка ценных бумаг, который в своем развитии существенно отставал от аналогичных рынков в других странах. При углублении реформ в стране активным образом стал развиваться рынок кредитования, приобретая ранее неизвестные государству формы. При этом повсеместно стали создаваться акционерные компании, основанные как на китайском, так и на смешанном и иностранном капитале. С течением времени в китайском государстве стали появляться различные виды гражданско-правовых сделок, договоров, всесторонне развитие стали получать иные институты гражданского права.

Перечисленные выше процессы привели и к возникновению в правовой системе страны нового института — Договоров РЕПО, которые ранее китайскому государству был не известны. Эксперимент со

сделками РЕПО впервые в Китае прошел в 1991 г.¹¹⁰, при нем государство дало возможность инвесторам использовать облигации в качестве залога для получения краткосрочных кредитов (от 1 недели до 9 недель). Однако эксперимент в тот период окончился неудачей по причине «не нормализации рынка РЕПО с государственными облигациями», в результате заключения сделок РЕПО возникла серьезная проблема взаимной задолженности. К активному использованию института РЕПО китайское государство приступило лишь недавно (необходимо отметить, что на крупнейших фондовых биржах КНР в Шанхае и Шэньчжэне в середине 1990-х годов сделки РЕПО проводились регулярно).

В последнее время сделки РЕПО получили широкое распространение в Китае, особенно в сфере финансовых рынков. Например, в конце сентября 2012 г. Народный банк Китая, для решения проблемы дефицита ликвидности накануне предстоящего праздника в честь образования КНР (1 октября), «влил» в финансовую систему рекордные 290 млрд юаней (36 млрд долл.) через соглашения обратного РЕПО¹¹¹. Сделки обратного РЕПО являются одним из самых распространенных способов финансирования китайских банков из средств Регулятора. Китайские экономисты свидетельствуют, что с каждым годом роль Договоров РЕПО в банковско-финансовом секторе КНР непрерывно повышается.

Отечественным экспертам, несомненно, будет интересно знать процентные ставки за пользование денежными средствами регулятора. В среднем 1,5 % годовых / день либо 4 % годовых / 7 дней (то есть, за 7 дней придется выплатить $7/360 * 4 \% = 0.0778 \%$ от взятой суммы)¹¹². Сроки пользования денежными средствами в отдельных случаях могут достигать до полугода. Так, например, на Шанхайской фондовой бирже действует 9 видов Договоров РЕПО с различными сроками: 1, 2, 3, 4, 7, 14, 28, 91 и 182 дня.

Участниками Договоров РЕПО в Китае, кроме банковских структур, могут быть инвестиционные фонды, финансовые компании, частные лица. Однако большинство сделок по РЕПО инициируется китайским государством в лице Народного банка Китая.

Специалисты единодушны во мнении, что Договоры РЕПО по своей сути представляют кредитование участника рынка денежными средствами под залог предоставляемых ценных бумаг¹¹³. Однако по форме такой Договор имеет форму договора купли-продажи, при этом китайцы по-своему решили проблему названия документа: 返销或回购

合同 — Договор Обратной продажи/обратной покупки¹¹⁴. При этом в китайских кругах не ведется дискуссии о том, что в судебных органах КНР такого рода сделка может быть признана ничтожной по причине её притворности (по сути, вместо Договора залога применяется Договор купли-продажи). Именно в таких случаях китайский правоприменитель будет исходить из фактических обстоятельств дела, хотя институт притворной сделки китайскому гражданскому праву известен. Таким образом, к Договору РЕПО относятся положения китайского законодательства в сфере регулирования Договоров купли-продажи. На практике условия сделки РЕПО четко прописываются сторонами во избежание двусмысленности и разного толкования их положений.

В последнее время Договора РЕПО стали использоваться и в предпринимательской деятельности. Так, китайские предприниматели преимущественно предпочитают заключать **Соглашение обратной покупки недвижимости**¹¹⁵. В самом Соглашении прописываются условия, при котором на время его действия «покупатель»/«продавец» не вправе распоряжаться недвижимым имуществом. Однако, если «продавец»/«покупатель» в установленный срок не выкупит обратно объект недвижимости, то все права на него переходят другой стороне по договору. При этом между сторонами подписывается два документа.

1. Договор купли-продажи.
2. Соглашение об обратном выкупе.

В некоторых случаях сделка РЕПО используется китайскими предпринимателями для заключения «ипотеки», что, однако, вызывает крайнюю негативную реакцию в среде китайских адвокатов¹¹⁶.

По аналогичной схеме действуют стороны при заключении сделки РЕПО в случае купли-продажи голосующих акций китайских компаний. На время действия сделки в Соглашении стороны оговаривают невозможность использования «покупателем» акций для влияния на деятельность компании.

Действующее гражданское законодательство КНР не содержит норм, непосредственно регулирующих Договора РЕПО, нет о них упоминания и в текстах разрозненных актов гражданского правотворчества. Однако, исходя из смысла некоторых статей китайских законов, можно сделать правомерный вывод о том, что заключение участниками рынка Договора РЕПО является законным и обоснованным. Так, ст. 6 ОПГП КНР гласит: «При осуществлении гражданской деятельности необходимо соблюдать законодательство; в случае отсутствия законодательных

установлений необходимо соблюдать государственную политику» (активное участие Народного банка Китая в заключении Договоров РЕПО как раз и есть одно из направлений государственной политики в финансово-экономической сфере, что оправдывает использование Договоров РЕПО и в частной сфере).

Часть 1 ст. 88 ОПГП КНР устанавливает: «Стороны по договору должны полностью исполнять свои обязанности в соответствии с его условиями», что подтверждает статус Договора РЕПО и обязанности сторон по нему в праве Китая. Статья 111 ОПГП КНР направлена на защиту интересов одной сторон в случае неисполнения взятых на себя обязательств другой стороной: «В случае неисполнения обязательств по договору одной из сторон или их исполнения не в соответствии с условиями договора другая сторона имеет право требовать их исполнения или предпринять меры к исправлению положения, а также вправе требовать возмещения убытков». Таким образом, неурегулированность отношений РЕПО нормами гражданского законодательства КНР не препятствует регулированию этих отношений соглашениями сторон в соответствии с общими принципами китайского права.

В соответствии с положениями Закона КНР «О договоре» «договор, заключенный согласно закону, обладает юридически обязывающей силой для сторон. Стороны должны исполнять свои обязанности в соответствии с договором, самовольное изменение или расторжение договора не допускается. Договор, заключенный в соответствии с законом, пользуется правовой защитой» (ст. 8). При решении возникающих споров по не урегулированным гражданским законодательством Договорам РЕПО следует руководствоваться следующей правовой нормой: «При возникновении спора, связанного с толкованием стандартных условий, их надлежит толковать в соответствии с обычным пониманием. В случае наличия двух или более пониманий стандартных условий надлежит принимать во внимание понимание той стороны, которая не была заинтересована в предложении стандартных условий. Если стандартные и нестандартные условия не совпадают, применению подлежат нестандартные условия» (ст. 41).

При этом необходимо учитывать, что когда одним из участников Договора РЕПО является акционерное общество с двумя или более акционерами, «если законный представитель либо ответственное лицо юридического лица или иной организации заключил договор, превысив свои полномочия, представительские действия считаются действитель-

ными, за исключением случаев, когда другая сторона знала или должна была знать о превышении полномочий» (ст. 50). В соответствии со ст. 59 «если стороны путем заключенного соглашения причинили вред правам и интересам государства, организаций или третьих лиц, полученное в результате этого имущество обращается в собственность государства либо подлежит возвращению организациям, третьим лицам».

Необходимо принимать во внимание, что Договора РЕПО в Китае оформляются как договора купли-продажи, на них распространяются положения гл. 9 Закона КНР «О договорах» (сделка РЕПО оформляется как договор купли-продажи определенного имущества с обязательством его обратного выкупа.). Так, ст. 132 Закона КНР «О договоре» устанавливает: «Продаваемая вещь должна быть собственностью продавца или принадлежать ему на праве распоряжения. Если законодательство, административные установления запрещают или ограничивают передачу определенных вещей, надлежит соблюдать их положения». Статья 133 гласит: «Право собственности на вещь переходит при ее передаче, если законом или договором сторон не установлено иное». Статья 134 дополняет: «Стороны договора купли-продажи могут условиться о том, что при неисполнении покупателем обязанности уплатить цену либо иной обязанности, право собственности на вещь остается у продавца». На практике, как уж было сказано выше, право на распоряжение вещью ограничивается условиями Соглашения обратного выкупа на срок действия сделки РЕПО.

Непосредственно регулирующим сферу Договоров РЕПО является принятый 22.03.2004 на 5-м заседании Канцелярии Директора Народного банка Китая (2004, № 1) нормативный документ **«Положение об управлении операциями покупки и обратного выкупа ценных бумаг на межбанковской фондовой бирже Китая»** (вступил в силу с 20.05.2004 и действует в принятом виде до настоящего времени)¹¹⁷. К сожалению, приведенный документ содержит весьма расплывчатые положения, больше говорящие о желании китайских властей использовать институт Договоров РЕПО, чем отвечающий на конкретные вопросы их применения.

В соответствии со ст. 2 Положения под сделкой РЕПО понимается именно купля-продажа ценной бумаги и ее обратный выкуп по оговоренной цене в установленное время участниками сделки. При совершении сделки участники рынка должны придерживаться принципов равноправия, искренности, дисциплины, равного несения рисков (ст. 4).

Китайский нормотворец предполагает подписание двух видов документов при заключении сделки РЕПО:

1) Генеральное соглашение о покупке и об обратном выкупе (ст. 5) (главным в его содержании является наличие положений об обязательном исполнении условий сделки и предоставляемых сторонами гарантиях);

2) Договор о покупке и обратном выкупе (ст. 6) (содержит всю необходимую и достаточную информацию о сторонах сделки и предмет сделки).

Оба документа составляют один цельный Контракт (ч. 1 ст. 6). «Стороны, при наличии необходимости, могут также заключать Дополнительное соглашение» (ч. 2 ст. 6).

В принятом 28.07.2000 Управлением по валютной политике Народного банка Китая нормативном документе (с измененным 18.05.2004 названием (но не содержанием): «Уведомление Народного банка Китая О генеральном соглашении о покупке и об обратном выкупе ценных бумаг на межбанковском фондовом рынке Китая» раскрывается понятийный аппарат, используемый при заключении сделок РЕПО и устанавливаются требования к содержанию Генерального соглашения¹¹⁸.

1. Под сделкой обратного РЕПО понимается продажа держателем ценной бумаги покупателю ценной бумаги с достижением обоюдной договоренности о том, что в установленный срок и по установленной цене ценная бумага будет выкуплена ее продавцом обратно (п. 1 ст. 2).

2. Срок сделки: устанавливается сторонами Договора (п. 2 ст. 2), цена акции устанавливается в юанях (п. 6 ст. 2).

3. Содержатся пояснения установления сроков покупки и выкупа ценных бумаг, определения стоимости, понятия сторон в сделке, установления процента по сделке и др.

4. Приводятся три способа расчета между сторонами: на условиях DVP (Delivery Versus Payment), на условиях PAD (Payment after Delivery), на условиях DAP (Delivery after Payment) с их расшифровкой (п. 17 ст. 2).

5. Подчеркивается, что Генеральное соглашение о покупке и об обратном выкупе заключается вместе с Договором о покупке и обратном выкупе, которые образуют единый Контракт РЕПО (ст. 3).

6. Часть 2 ст. 4 содержит требования к содержанию Договора о покупке и обратном выкупе (срок сделки, наименование сторон, информация по ценным бумагам, сроки обратного выкупа, определение цены и др.).

7. В обязанности сторон сделки вменяется выкуп ценных бумаг в установленные договором РЕПО срок и сумму (через перечисление средств), обратный выкуп ценных бумаг в установленный срок и сумму, передача ценных бумаг при их выкупе, обратная передача ценных бумаг при их обратном выкупе (ст. 6, 7).

8. В ч. 1 ст. 9 Уведомления содержится положение, предусматривающее частичное либо полное освобождение стороны сделки за нарушение ее условия в случае наступления обстоятельств непреодолимой силы, под которыми понимаются «объективные обстоятельства, которые невозможно предвидеть, невозможно избежать, а также преодолеть» (ч. 2 ст. 9).

9. При нарушении стороной условий сделки РЕПО в первую очередь необходимо прибегать к консультациям для разрешения возникшей проблемы. Если в течение 2-х рабочих дней проблема так и не разрешилась, сторона-нарушитель привлекается к ответственности (ст. 10), при этом можно обращаться в арбитраж либо народный суд (в зависимости от содержащейся в контракте арбитражной оговорки).

Несмотря на существующую нормативно-правовую неурегулированность института РЕПО, тем не менее, он активно используется Народным банком Китая в целях стимулирования кредитно-денежной системы страны. В последние годы РЕПО стало применяться и на уровне других видов хозяйствующих субъектов, что свидетельствует о важной роли, которую начинает играть исследуемый вид договора в гражданском праве Китая.

Право интеллектуальной собственности (知识产权)

Одна из наиболее развитых подотраслей гражданского права современного Китая¹¹⁹. Его образуют следующие уже давно действующие в правовой системе КНР нормативные правовые акты.

1. **Закон КНР «О торговой марке»** (принят на 24-м заседании ПК ВСНП 5-го созыва 23 августа 1982 г.), с изменениями от 22.02.1993, 27.10.2001, 30.08.2013.

Первое упоминание торговой марки в современном понимании этого термина в Китае относится к 1902 г., когда между Цинской империей и Британской империей был заключен «Обновленный договор о торговле и навигации» (известный по имени английского представителя как «Договор Маккея»). В соответствии с данным договором стороны обязались «осуществлять взаимную защиту торговых марок». Первым в Китае товаром с зарегистрированной торговой маркой под номером

00001 стал лосьон для волос «Нептун» Тяньцзиньской косметической компании;

2. **Закон КНР «О патентах»** (принят на 4-м заседании ПК ВСНП 6-го созыва 12 марта 1984 г., с изменениями от 04.09.1992, 25.08.2000, 27.12.2008).

Согласно официальной статистике в КНР за период с 2008 по 2013 гг. было получено 9 млн 367 тыс. 243 патента на изобретения, среди них: 5 млн 458 тыс. 417 — китайские изобретения (58 %) и 3 млн 908 тыс. 826 — зарубежные изобретения (42 %) ¹²⁰.

3. **Закон КНР «Об авторском праве»** (принят на 15-м заседании ПК ВСНП 7-го созыва 7 сентября 1990 г., с изменениями от 27.10.2001, 26.02.2010).

Впервые понятие авторского права в законодательстве КНР появилось в 1986 г. в результате принятия ОПГП КНР. Статья 94 гласит: «Авторское (издательское) право, которым обладают граждане и юридические лица, согласно закону включает право на имя, на выпуск произведения в свет, на получение вознаграждения и другие права».

4. **Иные акты правотворчества.** Так, гл. 3 разд. 5 ОПГП носит название «Интеллектуальная собственность» и посвящена общим вопросам защиты интеллектуальной собственности в КНР. В главе содержится всего лишь 4 статьи, однако нормы, в них закрепленные, важны для общего понимания особенностей института интеллектуальной собственности в праве Китая. Право интеллектуальной собственности также регулируют Закон КНР «О защите государственной тайны», Закон КНР «О борьбе с недобросовестной конкуренцией», Закон КНР «О договоре», Закон КНР «О внешней торговле» и др.

Правотворческая деятельность китайского государства в сфере защиты интеллектуальной собственности в своем развитии прошла три этапа, каждый из которых обладает своей уникальной спецификой ¹²¹.

Первый этап (становление) (начало осуществления политики реформ и открытости (1978 г.) — 1990-е годы). В этот период китайским законодателем был принят ряд правовых актов, заложивших основу для всей системы правового регулирования охраны интеллектуальной собственности в будущем. К основным из них относятся Закон КНР «О торговой марке», Закон КНР «О патентах», Закон КНР «Об авторском праве» и Закон КНР «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» (принят 02.09.1993).

Кроме вышеперечисленных законодательных актов, регламентирующих защиту интеллектуальной собственности в КНР, китайским законодателем в первое десятилетие с начала осуществления политики реформ и открытости были приняты и другие акты правотворчества, в той или иной мере затрагивающие рассматриваемую сферу. Наиболее важные среди них следующие:

Закон КНР «О совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом» (01.07.1979); Положение КНР О применении Закона «О совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом» (20.09.1983); Закон КНР «О предприятиях иностранного капитала» (12.04.1986); Положение КНР О применении Закона «О предприятиях иностранного капитала» (28.10.1990); Закон КНР «О кооперационных предприятиях с китайским и иностранным участием» (13.04.1988); Закон КНР «О защите государственной тайны» (05.09.1988); Закон КНР «О внешней торговле» (12.05.1994) и некоторые другие правовые документы.

После принятия указанных основополагающих актов правотворчества в рассматриваемой сфере китайская система защиты интеллектуальной собственности в общем плане была сформирована. По признанию Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее: ВОИС) за относительно небольшой промежуток времени с момента начала проведения политики реформ и открытости Китай добился беспрецедентных успехов в области разработки и принятия законодательных актов, направленных на охрану интеллектуальной собственности от противоправных посягательств.

Второй этап (развитие) (начало 1990-х годов — начало XXI века). В рассматриваемый исторический промежуток времени китайский законодатель встал на путь принятия новых правотворческих актов, которые служили дополнением к уже действующим законам страны в сфере защиты интеллектуальной собственности. Китайскими специалистами был разработан план правотворческой (нормотворческой) деятельности в рассматриваемой сфере на ближайшие годы, в соответствии с которым законодатель разрабатывал и принимал необходимые для страны документы. Наиболее важными из принятых в рассматриваемый период документов были следующие акты:

1. «Правила защиты компьютерных программ», обнародованы Государственным советом КНР 4 июня 1991 г. (утратили силу. Вместо них действуют аналогичные правила, вступившие в силу 01.01.2002).

2. «Правила управления видеопродукцией», обнародованы Государственным советом КНР 25 августа 1994 г. (утратили силу. Вместо них действуют аналогичные правила, вступившие в силу 01.02.2002).

3. «Правила защиты новых видов растений», обнародованы Государственным советом КНР 20 марта 1997 г., вступили в силу с 01.10.1997.

4. «Правила таможенной защиты интеллектуальной собственности», обнародованы Государственным советом КНР 2 декабря 2003 г. (изменены 24.03.2010).

5. «Правила управления специальными обозначениями», обнародованы Государственным советом КНР 13 июля 1996 г., а также многие другие нормативные правовые документы.

После вступления КНР во Всемирную торговую организацию (декабрь 2001 г.) китайский законодатель приступил к всестороннему пересмотру и изменению принятых ранее актов правотворчества в рассматриваемой области. В это же время были приняты и некоторые иные нормативные акты, направленные на более полную нормативно-правовую регламентацию новых вопросов, возникших в сфере защиты интеллектуальной собственности. Так, 28.03.2001 Госсоветом КНР были приняты «Правила защиты схематических чертежей интегральных схем», а 04.02.2002 «Правила защиты олимпийской символики». Все это способствовало успешной интеграции Китая в мировую систему защиты интеллектуальной собственности, а также активизации процесса приведения внутреннего законодательства в соответствии с общепринятыми международными нормами.

Третий этап (совершенствование) (с начала 2000-х годов по настоящее время). По мере изменения международной и внутрикитайской обстановки в сфере защиты интеллектуальной собственности законодатель встал на путь регулярного изменения действующих в стране правовых документов в рассматриваемой сфере. Кроме внесения поправок в существующие нормативные правовые акты, власти продолжили принимать необходимые для защиты интеллектуальной собственности законы, направленные на более полное правовое регулирование общественных отношений в данной области. Существенным изменениям подверглись Закон КНР «О торговых марках», Закон КНР «О патентах», Закон КНР «Об авторском праве», Закон КНР «О защите государственной тайны» и многие другие акты правотворчества. Кроме того, законодательными органами КНР был принят целый ряд новых правовых ак-

тов, дополняющих уже существующую систему законов в области защиты интеллектуальной собственности Китая.

Были приняты: 1) Правила применения Закона КНР «О торговых марках»; 2) Меры регулирования и регистрации коллективных торговых марок и знаков сертификации и Положение о признании и защите известных торговых марок (17.04.2003); 3) Правила таможенной защиты прав интеллектуальной собственности (01.03.2004); 4) Закон КНР «О вещных правах» (16.03.2007); 5) Меры регулирования специальных знаков происхождения товаров (22.03.2007) и некоторые другие правовые документы.

Интеграция китайского государства в международное экономическое пространство, открытость Китая внешнему миру, процессы мировой глобализации потребовали от политического руководства страны ратификации целого ряда международных договоров и соглашений, в том числе и в сфере защиты интеллектуальной собственности. В рамках рассматриваемого вопроса Китаем подписаны такие основополагающие международные документы, как Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1985 г.), Мадридская конвенция о международной регистрации торговых марок (1989 г.), с 1 января 1994 г. Китай стал полноправным участником Договора о патентной кооперации и др.

Принятые в правовой системе КНР законы в сфере интеллектуальной собственности соответствуют предъявляемым к ним международным экспертным сообществом требованиям. **Однако их применение на практике невозможно из-за существования множества подзаконных и местных Инструкций, Правил, Извещений, которые тормозят реализацию законодательных норм в судах КНР.** Известны лишь единичные случаи защиты прав интеллектуальной собственности в народных судах КНР зарубежными компаниями при посягательствах на их законные интересы со стороны недобросовестных китайских предпринимателей.

Автору известны случаи, когда китайские «партнеры» регистрируют от своего имени используемую зарубежными компаниями торговую марку на территории КНР, что впоследствии приводит к значительным финансовым потерям со стороны добросовестного бизнеса. Так, одна компания с международной сферой деятельности начала импортировать свою продукцию в Китай для продажи на внутреннем рынке страны. Компания наняла местного агента (китайца) в Шанхае для организации импорта товара. Довольно быстро иностранцы стали проникать на китайский рынок с массой продуктов под одним товар-

ным знаком. Их товарооборот в месяц достиг значительной суммы. Впоследствии компания уволила местного китайского агента за допущенные нарушения в работе, а попросту говоря, воровство. Тогда бывший агент сразу зарегистрировал товарный знак, используемый иностранной компанией, в г. Циндао и оформил в Бюро товарных знаков в г. Пекине документы о праве его интеллектуальной собственности на данную торговую марку. После окончательной регистрации товарного знака на свое имя он обратился в суд г. Циндао с иском о наложении ареста на партию товара, импортируемого иностранной компанией в г. Шанхай, и аресте банковских счетов компании и ее нового агента в г. Шанхае. Иск был удовлетворен. Для разрешения данного дела и аннулирования регистрации торговой марки потребовался срочный вылет зарубежных юристов в города Шанхай, Циндао и Пекин. Прямые расходы, связанные с разрешением дела, составили около 1,5 млн долл., без учета дополнительных расходов, связанных с задержкой поставок и выполнением существующих обязательств. В итоге вся заработанная прибыль иностранной компании за время своего присутствия на китайском рынке ушла на покрытие расходов, связанных с защитой собственной торговой марки.

Практика регистрации торговых марок на территории Китая показывает, что наиболее правильным шагом в ее защите для российского предпринимателя будет немедленная регистрация знака еще до того, как будет принято решение о комплексном вхождении на китайский рынок. Только так возможно защитить свои будущие интересы на территории КНР. Как уже было показано выше, некоторые недобросовестные китайские «дельцы» после сотрудничества с иностранной компанией (частным лицом) организуют свой бизнес и немедленно регистрируют используемую бывшим иностранным коллегой торговую марку. В результате чего иностранец оказывается выкинутым с рынка, на котором появляется уже аналогичная китайская продукция, но уже принадлежащая бывшему китайскому «партнеру». Сама регистрация торговой марки на территории КНР не представляет особых трудностей и не является затратной.

Торговое право

Торговое право КНР, как подотрасль гражданского права, начало развиваться лишь после осуществления политики реформ и открытости. Как отдельная отрасль частного права оно получило свое признание в среде некоторых китайских юристов (Сюй Сюелу, Ван Баошу). В целях популяризации торгового права в китайском государстве, изучении

его теоретических и практических аспектов при Китайском юридическом обществе было создано Исследовательское общество торгового права (中国法学会商法学研究会)¹²², сотрудники которого занимаются проблематикой торгового права, проводят конференции и симпозиумы по его актуальным вопросам.

Вместе с тем многие видные китайские цивилисты не признают торговое право в качестве самостоятельной отрасли права (Ван Лимин). Ученые свидетельствуют, что «в Китае действует система единства гражданского и торгового права. При осуществлении правотворчества, правотворец не разделяет торговое и гражданское...структура гражданского и торгового права является составной частью законодательной системы социалистической рыночной экономики...»¹²³. Некоторым компромиссом между сторонниками и противниками торгового права как самостоятельной отрасли права служат официально издаваемые Сборники действующего законодательства КНР, в которых все китайские законы размещены по отраслевому признаку. В Сборниках присутствует и отдельный раздел: «Законы в гражданской и торговой сферах»¹²⁴.

Основными нормативными правовыми актами, образующими торговое право Китая, являются:

1) **Закон КНР «О совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом»** (принят на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва 1 июля 1979 г., с изменениями от 04.04.1990, 15.03.2001);

2) **Закон КНР «О предприятиях иностранного капитала»** (принят на 4-й сессии ВСНП 6-го созыва 12 апреля 1986 г., с изменениями от 31.10.2000);

3) **Закон КНР «О промышленном предприятии общенародной собственности»** (принят на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва 13 апреля 1988 г., с изменениями от 27.08.2009);

4) **Закон КНР «О совместных предприятиях с китайским и иностранным участием»** (принят на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва 13 апреля 1988 г., с изменениями от 31.10.2000);

5) **Кодекс торгового мореплавания КНР** (принят на 28-м заседании ПК ВСНП 7-го созыва 7 ноября 1992 г.);

6) **Закон КНР «О компаниях»** (принят на 5-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 29 декабря 1993 г., с изменениями от 25.12.1999, 28.08.2004, 27.10.2005, 28.12.2013);

7) **Закон КНР «О векселях»** (принят на 13-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 10 мая 1995 г., с изменениями от 28.08.2004);

8) **Закон КНР «О ценных бумагах»** (принят на 6-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва 29 декабря 1998 г., с изменениями от 28.08.2004, 27.10.2005, 29.06.2013, 31.08.2014);

9) **Закон КНР «Об инвестиционных фондах ценных бумаг»** (принят на 5-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 28 октября 2003 г., с изменениями от 28.12.2012 и 24.04.2015);

10) **Закон КНР «О банкротстве предприятий»** (принят на 23-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 27 августа 2006 г.).

Важное место в торговом праве КНР занимает Закон «О компаниях» (中华人民共和国公司法). По мнению китайских юристов, он выступает в качестве основополагающего акта правотворчества в области торгового права. Закон состоит из 13 глав, 218 статей и направлен на регулирование вопросов создания и организации компаний с ограниченной ответственностью, акционерных компаний с ограниченной ответственностью, выпуска и передачи акций акционерных компаний, финансовой отчетности компаний, слияния, разделения компаний, увеличения или уменьшения уставного фонда компаний и др.

Согласно ст. 1 Закона он принят «в целях упорядочивания организации и деятельности компаний, обеспечения законных прав и интересов компаний, акционеров и кредиторов, поддержания социально-экономического порядка, стимулирования развития социалистической рыночной экономики». Под компанией китайский законодатель понимает «предприятие со статусом юридического лица, имеющее собственное имущество и пользующееся имущественными правами в отношении данного имущества. Компания несет ответственность по своим обязательствам всем своим имуществом» (ч. 1 ст. 3). Участники компаний с ограниченной ответственностью несут ответственность перед компанией в пределах внесенных ими сумм; акционеры акционерных компаний с ограниченной ответственностью несут ответственность перед компанией в пределах акций, которыми они владеют (ч. 2 ст. 3). При этом, в случае злоупотребления участником (акционером) компании своими правами, в результате чего компании или другим участникам (акционерам) причинен ущерб, на данное лицо возлагается ответственность по возмещению ущерба (ч. 2 ст. 20). В случае злоупотребления участником (акционером) компании независимым положением компании как юридического лица и ограниченной ответственностью участников (акционеров) для уклонения от обязательств, в результате чего кредиторам ком-

пании причиняется серьезный ущерб, на данного лица возлагается солидарная ответственность по обязательствам компании (ч. 3 ст. 20).

Законом закрепляется обязанность компании пройти регистрацию в соответствующих регистрационных органах для получения Свидетельства о праве ведения хозяйственной деятельности, которое должно содержать сведения о наименовании компании, ее местонахождении, уставном капитале, фактически оплаченном капитале, сфере хозяйственной деятельности, а также имя и фамилию законного представителя (ст. 7). Наличие данного свидетельства служит подтверждением законного статуса китайской компании. Именно его российскому бизнесу необходимо в первую очередь спрашивать у ответственных лиц китайской стороны еще до заключения сделок во избежание широко распространенных фактов мошенничества под прикрытием несуществующих компаний на рынке Китая.

Особый интерес представляет ст. 19 Закона, в которой указано, что «в компании на основании Устава КПК создается организация КПК и разворачивается партийная деятельность. Компания обязана обеспечивать необходимые условия для деятельности партийной организации». Конечно, не во всех компаниях, зарегистрированных на территории КНР, имеются представители правящей Коммунистической партии Китая, однако они в обязательном порядке присутствуют в крупном государственном и частном бизнесе. Согласно положениям действующего Устава КПК при наличии на предприятии трех и более действительных членов партии в обязательном порядке должна учреждаться партийная организация (ст. 29). В соответствии с концепцией «тройного представительства» членами партии становятся руководители крупных частных и государственных компаний, их заместители, которые представляют интересы бизнеса в государственных и партийных органах. Таким образом, любое крупное китайское предприятие имеет в своем штате достаточное для создания партийного представительства членов КПК.

Современные тенденции развития торгового права Китая свидетельствуют о его возможном самостоятельном существовании как отдельной отрасли права в правовой системе КНР в недалеком будущем. При этом вопрос о необходимости в принятии отдельного кодифицированного акта правотворчества — Торгового кодекса — китайскими учеными и законодателем пока еще остро не ставится.

Гражданское право КНР состоит и из других подотраслей, которые требуют своего отдельного изучения. Так, **семейное право** как под-

отрасль гражданского права современного Китая регулируется **Законом КНР «О браке»** (中华人民共和国婚姻法), принятым на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва 10 сентября 1980 г., с изменениями от 28.04.2001. Он состоит из 6 глав, 51 статьи. Законом устанавливаются свобода вступления в брак, единобрачие, равенство в семье между женщиной и женщиной. Запрещаются браки по стовору, двоебрачие, жестокое обращение, «злонамеренное оставление» одного супруга другим. Статья 4 гласит: «Супруги должны быть верны друг другу и взаимно уважать друг друга. Члены семьи должны уважать старших и любить детей, помогать друг другу, поддерживать равные, гармоничные, цивилизованные брачные и семейные отношения».

К основаниям расторжения брака законодателем отнесено (ст. 32):

1) двоеженство или сожителство одного из супругов с другим лицом;

2) домашнее насилие, жестокое обращение, злонамеренное оставление одним из супругов другого;

3) наличие у одного из супругов пристрастия к азартным играм, употребление наркотиков и иных пагубных привычек, неисправимых несмотря на многократные наставления;

4) раздельное проживание супругов более 2 лет в связи с потерей взаимной привязанности;

5) иные обстоятельства, ведущие к потере взаимной привязанности супругов.

Брачным отношениям в китайском обществе всегда уделялось центральное внимание. Не случайно, что первым законодательным актом новых коммунистических властей стал Закон КНР «О браке» (принят 01.05.1950), который предоставил широкие права и свободы женщине. Древнее право Китая не считало женщину за равноправного члена семьи. В свое время были известны так называемые семь оснований, по которым женщина могла быть выброшена из дома своего мужа. К ним традиция относилa неуважение женой родителей, бесплодие женщины, прелюбодеяние, ревность, тяжелое заболевание, сплетничество и воровство.

Гоминьдановский Гражданский кодекс в главе «Родственные отношения» закреплял более 100 статей, непосредственно посвященных вопросам брака. Указанным нормам также были присущи две особенности: во-первых, было слишком сильным феодальное наследие. Напри-

мер, несовершеннолетние брачующиеся должны были в обязательном порядке получить согласие на брак со стороны законных представителей (родителей, опекунов). Так как право на вступление в брак согласно Гражданскому кодексу наступало с 16 лет, то при наличии желания сторон вступить в брак, но при отсутствии согласия родителей, брак не заключался. Другой особенностью рассматриваемого периода являлось законодательное закрепление права на наложниц.

Традиционные правила вступления в брак претерпели изменения еще до образования КНР в 1949 г. Именно в освобожденных советских районах впервые появились отдельные документы, персонифицированно регулирующие вопросы брака. Таких актов было два: первый — нормативный — «Положение о браке в Китайской Советской Республике» (28.11.1931) и второй — правовой — «Закон о браке в Китайской Советской Республике» (08.04.1932). В Законе о браке были законодательно закреплена свобода вступления в брак (ст. 1, ст. 4), единобрачие (ст. 2), «гражданский брак» приравнивался к официальному браку (ст. 9), свобода развода (ст. 10). Однако, если «жена бойца Красной армии...» требовала развода, то она должна была получить на то согласие своего мужа (ст. 11). После развода мать имела приоритетное право на воспитание своих детей (ст. 16), а в обязанность бывшего мужа вменялась выплата алиментов (ст. 17). Большинство изложенных положений легли в основу появившегося в мае 1950 г. Закона КНР «О браке»¹²⁵.

Наследственное право как подотрасль гражданского права регламентируется **Законом КНР «О наследовании»** (中华人民共和国继承法) (принят на 3-м заседании ПК ВСНП 6-го созыва 10 апреля 1985 г.) (состоит из 5 глав, 37 статей). В нем, основываясь на ст. 13 Конституции, предусматривается право граждан на наследование частной собственности, которая охраняется государством.

Статьей 7 Закона устанавливается, что «наследник лишается права наследования при совершении любого из действий, перечисленных ниже:

- 1) умышленное убийство наследодателя;
- 2) убийство других наследников с целью завладения наследством;
- 3) оставление наследодателя без содержания и ухода или жестокое обращение с ним при отягчающих обстоятельствах;
- 4) подделка, изменение в свою пользу или уничтожение завещания при отягчающих обстоятельствах».

Порядок вступления в наследство устанавливается ст. 10: «В первую очередь — супруг, дети, родители; во вторую очередь — братья и сестры, дед и бабушка со стороны отца и матери. После открытия наследства к наследованию призываются наследники первой очереди; наследники второй очереди к наследованию не призываются. В случае отсутствия наследников первой очереди к наследованию призываются наследники второй очереди.

К детям, указанным в настоящем Законе, относятся дети, рожденные в браке, внебрачные дети, приемные дети, а также находящиеся на иждивении пасынки и падчерицы. К родителям, указанным в настоящем Законе, относятся родные отец и мать, приемные родители, находящиеся на иждивении отчим и мачеха. К братьям и сестрам, указанным в настоящем Законе, относятся полнородные братья и сестры, неполнородные братья и сестры по линии отца и матери, приемные братья и сестры, братья и сестры, находящиеся на иждивении».

Гражданское право КНР также образуют:

1. **Закон КНР «О защите прав и интересов потребителей»** (中华人民共和国消费者权益保护法) (принят на 4-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 31 октября 1993 г., с изменениями от 27.08.2009, 25.10.2013);

2. **Закон КНР «О поручительстве»** (中华人民共和国担保法) (принят на 14-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 30 июня 1995 г.);

3. **Закон КНР «О страховании»** (中华人民共和国保险法) (принят на 14-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 30 июня 1995 г., с изменениями от 28.10.2002, 28.02.2009, 31.08.2014 и 24.04.2015);

4. **Закон КНР «Об аукционах»** (中华人民共和国拍卖法) (принят на 20-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 5 июля 1996 г., с изменениями от 28.08.2004 и 24.04.2015);

5. **Закон КНР «О применении законодательства в гражданско-правовых отношениях с участием иностранных лиц»** (中华人民共和国涉外民事关系法律适用法) (принят на 17-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 28 октября 2010 г.) и другие нормативные правовые акты.

* * *

1. Современное гражданское право КНР представляет собой достаточно развитую отрасль частного права, история формирования которого началась со времени проведения политики реформ и открыто-

сти (конец 1978 г.). За несколько десятков лет китайский законодатель прошел особый специфический путь правового регулирования общественных отношений в гражданской сфере, в результате чего на свет появлялись различные акты правотворчества, способствующие беспрецедентному экономическому росту государства. По мере интенсивного развития гражданских правоотношений власти КНР также активно принимали необходимые для страны нормативные правовые акты, локально и точно регулирующие возникающие в правовой системе вопросы. Если в начале разработки концепции развития гражданского права за основу брался опыт советского государства (50-е годы XX столетия), то впоследствии законодатель стал заимствовать передовые западные институты с учетом своей национальной специфики. При этом правотворец исходил из сугубо прагматических соображений: воспринимать то, что способно благоприятно повлиять на ход осуществляемых реформ, и отказаться от тех западных разработок, которые бы противоречили социалистическому духу китайских преобразований.

2. Несмотря на известную активизацию правотворческого процесса в гражданско-правовой сфере, власти страны отказались от принятия единого кодифицированного акта правотворчества — Гражданского кодекса. Считая, что наличие в правовой системе трудноизменяемого документа, не способного оперативно подстраиваться под постоянно возникающие изменения, законодатель пошел по пути принятия разрозненных законов и подзаконных правовых актов для точечного регулирования существующих правоотношений. С течением времени появились Общие положения гражданского права КНР, Закон КНР «О вещных правах», Закон КНР «Об ответственности за нарушение прав», Закон КНР «О наследовании», Закон КНР «О браке», Закон КНР «О торговой марке», Закон КНР «Об авторском праве», Закон КНР «О патентах» и др. Все они в будущем станут основой единого Гражданского кодекса, принятие которого рано или поздно обязательно состоится.

Отсутствие в правовой системе КНР Гражданского кодекса, как, впрочем, и Налогового кодекса, не явилось препятствием для бурного экономического развития Китая, притока огромного объема инвестиций из-за рубежа.

3. Гражданско-правовая сфера современного Китая продолжает развиваться в направлении всестороннего регулирования наиболее актуальных для страны вопросов. Так, в ближайшие годы должны появиться: Закон «О зерне» (糧食法) (должен включать запрет на производство

ГМО-зерна), Закон «Об имущественной оценке» (资产评估法), Закон «О планах развития» (发展规划法), Закон «Об электронной торговле» (电子商务法), Закон «О фьючерсах» (期货法), Закон «О стимулировании киноотрасли» (电影产业促进法) и некоторые другие. Изменениям подвергаются многие действующие законы.

В целях стимулирования притока инвестиций из-за рубежа планируется принять Закон КНР «Об иностранных инвестициях» (中华人民共和国外国投资法). Главная задача правового документа — повышение инвестиционной привлекательности китайского рынка для зарубежного инвестора, устранение причин оттока капиталов из страны, предоставление гарантий безопасности вложенных средств в китайскую экономику со стороны крупных международных корпораций. Немаловажное значение правовой акт имеет и для уже работающих на территории Китая представительств иностранных компаний.

Кризис в мировой экономике, снижение деловой активности в самом Китае требует от властей оперативной разработки и принятие ответственных законодательных решений в гражданско-правовой сфере. В этом плане правотворческий опыт КНР представляет собой значительный интерес и для отечественной юридической науки для поиска наиболее правильных путей решения современных проблем экономического развития российского государства.

§ 2.4. Административное право

Административное право занимает важное место в правовой системе китайского государства. Отличительной его особенностью является отсутствие единого кодифицированного акта правотворчества — Административного кодекса, при наличии значительного количества разрозненных локальных актов правотворчества в административно-правовой сфере. Существующие в Китае на современном этапе общественные отношения, выступающие предметом регулирования нормами административного права, постоянно подвергаются значительным изменениям, что, по мнению китайских ученых, препятствует принятию трудноизменяемого административного кодекса, и вынуждает китайского правотворца принимать локальные административные акты для более оперативного реагирования на происходящие в стране перемены.

Профессор Л.М. Гудошников отмечает: «Китайские юристы подчеркивают, что в Китае не существует единого кодекса административных законов. Объясняя его отсутствие, они указывают, что административные отношения являются достаточно сложными и обширными. К тому же в этой области происходят быстрые изменения, в связи с чем осуществить составление административного кодекса, который объединил бы все законы и иные нормы административного права, представляется весьма затруднительным, если вообще реализуемым»¹²⁶.

Истоки китайского административного права берут свое начало с глубокой древности. Как считал Е.И. Кычанов, «административное право, пожалуй, было одним из самых обширных видов традиционного китайского права»¹²⁷, и в основном его установления служили для правового регулирования деятельности бюрократии, регулирования учета населения, практики сбора налогов и некоторых других аспектов китайской административной деятельности. Административная ответственность в китайском административном праве носила ярко выраженный ретроспективный характер и отождествлялась с наказанием, нередко граничащим с уголовными санкциями.

С провозглашением в 1949 г. КНР действующее на некоторых территориях Китая гоминьдановское административное законодательство было объявлено антинародным. Китайские ученые в своих работах по административному праву утверждают, что «хотя в феодальном Китае и существовало несколько Кодексов, касающихся административной деятельности, например, такие, как Танский кодекс, кодекс династии Юань, однако, говоря по существу, характер феодального общества не предполагал возможности существования административного кодекса. Так называемый Танский кодекс и другие кодексы не только были направлены на охрану «прав бюрократии» существующей феодальной системы, но сильно отличались от административных законов в нашем современном понимании»¹²⁸.

В период, начинающийся с образования КНР и завершающийся несколькими годами до окончания «культурной революции», со стороны китайских ученых, юристов и практических работников административному праву не уделялось должного внимания. При этом в самые первые годы после образования нового китайского государства административное право страны формировалось под непосредственным влиянием советских административистов. По свидетельству китайских ученых, «теория административного права и государственная система бывшего

Советского Союза оказала непосредственное влияние на административное право Китая»¹²⁹. Первые акты правотворчества КНР в административно-правовой сфере, принятые сразу после образования нового китайского государства, также были разработаны с учетом правоприменительного опыта СССР (Закон КНР «Об организации Центрального народного правительства» (1949), «Правила организации народных правительств провинций» (1950), Положение «О временной организации комитетов по охране общественного порядка» (1952) и т.д.).

По мнению китайских юристов, лишь после 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) «административное право в нашей стране начало развиваться, “тронулось с места”...»¹³⁰. Именно в это время некоторые институты Китая начали вводить в систему юридического образования предмет «Административное право»¹³¹. В 1985 г. Министерство юстиции поручает Политико-юридическому университету открыть группы по повышению квалификации преподавателей административного права. В этом же году было основано научно-исследовательское Общество административного права, а уже в 1986 г. административное право было включено в учебные планы большинства юридических факультетов и вузов страны¹³².

Осуществляемые в Китае реформы в области административного права поставили законодателя перед проблемой принятия единого нормативного правового акта, положения которого были бы посвящены регламентации важнейших институтов рассматриваемой отрасли права. Работа над созданием Административного кодекса началась еще в 1986 г., достаточно быстро были разработаны некоторые главы кодекса. Однако непрекращающиеся споры вокруг готовности китайского общества к такому документу, необходимости его существования в правовой системе Китая вылились лишь в отказ от его принятия на том этапе реформирования административного права. Таким образом, как и в гражданском праве Китая, в административном праве отсутствует единый кодифицированный акт правотворчества, который принят и применяется в правовых системах многих стран мира.

Современное административное право КНР образуют около 90 законов, около тысячи принятых органами Государственного совета КНР административно-правовых актов, множество местных актов нормотворчества.

К основным действующим законам в области китайского административного права следует отнести следующие:

1) **Закон КНР «Об административных наказаниях»** (принят на 4-й сессии ВСНП 8-го созыва 17 марта 1996 г., с изменениями от 27.08.2009);

2) **Закон КНР «Об административном контроле»** (принят на 25-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 9 мая 1997 г., с изменениями от 25.06.2010);

3) **Закон КНР «О пересмотре административных действий»** (принят на 9-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва 29 апреля 1999 г.);

4) **Закон КНР «О государственном языке и письменности»** (принят на 18-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва 31 октября 2000 г.);

5) **Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости»** (принят на 25-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва 29 декабря 2001 г.);

6) **Закон КНР «Об административных лицензиях»** (принят на 4-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 27 августа 2003 г.);

7) **Закон КНР «О государственных служащих»** (принят на 15-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 27 апреля 2005 г., с изменениями от 29.12.2007);

8) **Закон КНР «О наказаниях за нарушение общественного порядка»** (принят на 17-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 28 августа 2005 г., с изменениями от 26.10.2012);

9) **Закон КНР «Об административном принуждении»** (принят на 21-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 30 июня 2011 г.);

10) **Закон КНР «О порядке въезда в страну и выезда из страны»** (принят на 27-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 30 июня 2012 г.).

Большое количество актов в административно-правовой сфере принимается Государственным советом КНР, который в соответствии с п. 1 ст. 89 Конституции КНР «...определяет административные мероприятия, формулирует административно-правовые акты, издает постановления и распоряжения». В соответствии с положениями гл. 3 Закона КНР «О правотворчестве» Государственный совет организует всю работу по подготовке проектов административного законодательства, а также «...в соответствии с Конституцией и законом принимает административно-правовые акты» (ст. 65). Если какое-либо из его министерств считает, что существует необходимость в принятии какого-либо административно-правового акта, то такого рода предложение должно быть передано на рассмотрение Госсовету. После разработки

и последующего рассмотрения проекта акта правотворчества, вынесения его на суд общественности, а также проведения экспертизы на соответствие Конституции и законам, он подписывается премьером и подлежит опубликованию в Вестнике Государственного совета и во внутриведомственной печати. Так, например, Государственным советом КНР на 69-м заседании Постоянного бюро 05.11.2004 приняты «Правила наказания и наложения взысканий за противоправные деяния в финансовой сфере»; на 173-м заседании Постоянного бюро 04.04.2007 приняты «Правила наложения взысканий на работников административных органов».

В число источников китайского административного права входят многочисленные Распоряжения, Инструкции, Положения, Правила, издаваемые министерствами, государственными комитетами и центральными ведомствами страны. Кроме того, административное право КНР получает свое развитие и в так называемых локальных нормативных правовых актах, издаваемых местными собраниями народных представителей, их постоянными комитетами, местными народными правительствами. Так, например, положения «Правил управления полезными ископаемыми и ресурсами» пров. Хайнань, принятых на 33-м заседании ПК СНП 1-го созыва 12.12.2007 с последующими изменениями от 27.11.2009, регулируют вопросы использования природных ресурсов государственными и коммерческими организациями в районах этой провинции¹³³.

Обилие принятых в административно-правовой сфере актов правотворчества свидетельствует о том, что китайский законодатель отдает приоритет в разработке и принятию многочисленных отдельных законов и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих административную сферу, перед принятием единого и кодифицированного акта правотворчества — Административного кодекса, либо принятием аналогичного и уже давно существующего в России Кодекса об административных правонарушениях.

Некоторые институты административного права по-разному регламентируются в праве Китая и России. Так, согласно действующему уголовному законодательству КНР (ст. 37 УК КНР), в случае отсутствия необходимости привлечения совершившего незначительное преступление лица к уголовной ответственности, оно может быть привлечено к ответственности административной: «В отношении лиц, совершивших незначительные преступления и которых нет необходимости привлекать

к уголовной ответственности, можно не применять уголовное наказание; с учетом конкретных обстоятельств дела им может быть вынесено общественное порицание или они могут быть обязаны письменно раскаяться, принести извинения, возместить ущерб либо компетентным органом на них налагается административное наказание или взыскание).

Российское уголовное законодательство не предусматривает возможности привлечения совершившего уголовное правонарушение лица к административной ответственности, хотя ранее действовавший УК РСФСР 1962 г. предусматривал возможность освобождения лица от уголовной ответственности с привлечением к административной (ст. 50). Отечественный законодатель в ходе принятия ныне действующего Уголовного кодекса решил отказаться от ранее закрепленной возможности привлечения совершившего преступление лица к мерам административной ответственности, тем самым, сузив круг оснований административной ответственности до административного проступка. В отличие от него, китайский законодатель, наоборот, при принятии поправок в УК КНР 1979 г. добавил такого рода норму в действующий уголовный закон.

Некоторые актуальные вопросы современного административного права КНР

Обеспечение безопасности пищевых продуктов

Современное китайское общество столкнулось с серьезными проблемами в сфере обеспечения безопасности продуктов питания. Несмотря на наличие суровых мер юридической ответственности за нарушения в указанной сфере (включая смертную казнь, которая была применена к виновным в добавлении меламина в сухое молоко — тогда погибло шесть человек¹³⁴), повсеместно возникают случаи массовых пищевых отравлений от непригодных к потреблению продуктов. Так, правоохранитель в масштабах целого Китая борется с добавлением в пищу «地沟油»¹³⁵ — так называемого пищевого масла, которое после его многократного использования подлежит утилизации, однако продается по цепочке в другие, более дешевые рестораны, где его продолжают добавлять в пищу и затем перепродают далее. Не меньшей проблемой стало добавление «гормонов роста» в животноводческой сфере, использование ГМО в сельском хозяйстве, подделка риса (вместо риса используется картофельный крахмал) и др.

Летом 2011 г. к различным срокам уголовного наказания, включая приговор к смертной казни с отсрочкой исполнения на 2 года, были

приговорены члены преступной группы, которые в промышленных масштабах добавляли в корм свиней запрещенный в пищевой промышленности «кленбутерол»¹³⁶, который запрещен в профессиональном спорте еще с 1992 г. Кленбутерол приводит к увеличению мышечной массы скота, однако такое мясо разрушает сердце человека, его употребляющего.

В последние годы на китайском рынке появились поддельные нано-продукты/товары, продажа которых приносит большие доходы недобросовестному бизнесу. Маркетинговые исследования китайского рынка показали, что упоминание производителями и продавцами приставки «нано» в названии или описании продукта/товара приводит к увеличению его продаж. Именно поэтому в Китае в рекламных объявлениях продукция часто звучит как нанопаста, нанодобавка и т. д. Однако качество таких продуктов опасно для жизни и здоровья потребителя.

Некоторыми учеными признается, что наночастицы способны вызывать целый ряд серьезных заболеваний: ингаляционное/трансдермальное накопление; хронические заболевания легких; злокачественные новообразования (рак легких, костного мозга); нейродегенеративные заболевания (болезнь Паркинсона, Альцгеймера); нарушения мозгового и коронарного кровообращения, нарушения сердечной деятельности (аритмии, инфаркты); нарушения процесса репликации ДНК (генома клетки)¹³⁷.

Все эти «манипуляции» с едой серьезно разрушают здоровье потребителя, нередко приводят к его смерти. Проблема безопасности продуктов питания в Китае приобрела такой масштаб, что она обсуждается на всех уровнях: от руководителей КНР до обычного гражданина.

Все вышесказанное послужило причиной к разработке и принятию в административной сфере нового закона, направленного на борьбу с правонарушениями в сфере обеспечения безопасности продуктов питания. 28 февраля 2009 г. на 7-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва был принят **Закон КНР «О безопасности пищевой продукции»** (中华人民共和国食品安全法), который вступил в силу с 01.06.2009; 24 апреля 2015 г. в него были внесены существенные изменения.

Указанный акт правотворчества состоит из 10 глав: гл. 1 «Общие положения»; гл. 2 «Мониторинг и оценка рисков безопасности пищевой продукции»; гл. 3 «Стандарты безопасности пищевой продукции»; гл. 4 «Деятельность по производству пищевой продукции»; гл. 5 «Проверка пищевой продукции»; гл. 6 «Экспорт и импорт пищевой про-

дукции»; гл. 7 «Разрешение происшествий в сфере безопасности пищевой продукции»; гл. 8 «Контроль и управление»; гл. 9 «Юридическая ответственность»; гл. 10 «Дополнительные положения») — всего 154 статьи. Согласно положению ст. 1 Закона, он был принят «для гарантирования безопасности пищевой продукции, обеспечения безопасности жизни и здоровья народных масс».

30 октября 1995 г. в стране был принят Закон КНР «О гигиене пищевой продукции», положения которого, по мере ускоренного экономического развития государства, уже не могли в полном объеме регулировать постоянно возникающие новые общественные отношения в сфере безопасности продуктов питания.

Государственный совет КНР 01.09.2004 обнародовал *Постановление «О дальнейшем усилении работы в сфере безопасности пищевой продукции»*, в котором закреплялась необходимость в изменении действующего на то время Закона «О гигиене пищевой продукции». В июле 2004 г. была сформирована рабочая группа по разработке проекта изменения закона, которая после многочисленных обсуждений приняла решение о разработке нового правового документа с названием «О безопасности пищевой продукции». Проект нового Закона был обсужден и принят Государственным советом КНР 31.10.2007, а в декабре того же года поступил на рассмотрение в ПК ВСНП. Проект нового Закона был представлен общественности 20.04.2008, получив широкий отклик в среде китайских специалистов и простых граждан. После его вступления в силу в июне 2009 г. было отменено действие Закона КНР «О гигиене пищевой продукции» (ст. 104 Закона КНР «О безопасности пищевой продукции» в редакции 2009 г.).

В соответствии с положениями Закона Министерство здравоохранения КНР несет обязанность по комплексному согласованию вопросов безопасности пищевой продукции. Главное государственное управление по контролю, проверке качества и карантину, Главное государственное торгово-промышленное административное управление и государственное Управление по контролю за пищевой продукцией и лекарственными препаратами осуществляют собственный контроль за безопасностью продуктов питания. Именно поэтому указанные органы Государственного совета КНР разрабатывают и принимают собственные нормативные документы, направленные на более полное регулирование вытекающих из норм Закона «О безопасности пищевой продукции» отношений.

Так, Главным государственным управлением по контролю, проверке качества и карантину было доработано **Положение «Об управлении маркировкой пищевой продукции»** (принято 27.08.2007, изменено 22.10.2009). Главным государственным торгово-промышленным административным управлением во исполнение ст. 29 Закона КНР «О безопасности пищевой продукции» 30.07.2009 были обнародованы **«Правила управления оборотом лицензий на пищевую продукцию»**. Таким образом, государство старается осуществлять систему контроля за качеством продуктов питания «от земли крестьянина до обеденного стола» в целях предотвращения появления в потребительской корзине покупателя опасных для его здоровья и жизни продовольственных товаров. В системе контроля качества также участвуют Министерство сельского хозяйства КНР, Министерство торговли КНР, Министерство охраны окружающей среды КНР и многие другие министерства и ведомства. В большинстве китайских провинций созданы комитеты по контролю за безопасностью продуктов питания (провинции Шаньси, Ляонин, Цзилинь, Цзянсу, Гуандун и др.).

Действие Закона КНР «О безопасности пищевой продукции» распространяется на физические лица и организации, которые:

- производят, перерабатывают, распространяют пищевую продукцию, а также осуществляют обслуживание в сфере общественного питания;

- производят пищевые добавки;

- производят используемые для пищевой продукции упаковку, тару, дезинфекторы, антисептики, а также инструменты и оборудование, используемое при производстве пищевой продукции;

- используют пищевые добавки, сопутствующую пищевым товарам продукцию;

- осуществляют управление в сфере безопасности пищевой продукции, пищевых добавок и сопутствующей пищевым товарам продукции.

Разработка стандартов безопасности пищевой продукции должна осуществляться в целях обеспечения здоровья народных масс, при соблюдении принципов научности и рациональности, безопасности и надежности (ст. 24). Согласно закону импортируемая в страну из-за рубежа пищевая продукция, пищевые добавки и сопутствующая пищевым товарам продукция должны отвечать государственным стандартам безопасности пищевой продукции (ст. 92).

При возникновении случаев, нарушающих безопасность пищевой продукции, соответствующие хозяйствующие субъекты «обязаны незамедлительно принимать меры к устранению опасности, предотвращать ее распространение» (ч. 1 ст. 103). При возникновении серьезных нарушений в сфере безопасности продуктов питания соответствующие административные органы здравоохранения народных правительств должны незамедлительно расследовать случившееся, представив доклад о произошедшем народному правительству по месту нахождения (ч. 1 ст. 106).

Особое место в Законе «О безопасности пищевой продукции» занимают нормы (ст. 122—149), регулирующие ответственность за нарушения закрепленных в законе положений. Меры, применяемые к нарушителям действующих правовых предписаний в сфере безопасности продуктов питания чрезвычайно обширны: от аннулирования лицензии на право осуществления деятельности, штрафа и конфискации опасной продукции, незаконно полученных доходов до гражданской ответственности по возмещению причиненного вреда и уголовной ответственности при наличии в деяниях лица (организации) состава преступления. Так, «в случае нарушения положений настоящего Закона, повлекшего причинение вреда здоровью, имуществу или иного вреда, в соответствии с законом лицо несет ответственность по его возмещению (ч. 1 ст. 147). При производстве не отвечающей стандартам безопасности пищевой продукции или реализации заведомо не соответствующей стандартам безопасности пищевой продукции потребитель, кроме требования о возмещении вреда, также вправе требовать от производителя или продавца выплаты компенсации в десятикратном/трехкратном размере от стоимости продукции (ч. 2 ст. 148).

Появление в административно-правовой сфере рассмотренного нами Закона КНР «О безопасности пищевых продуктов», вне сомнения, благоприятно скажется на здоровье потребителя продуктов питания, заставит бизнес более ответственно относиться к вопросам обеспечения безопасности поставляемого на рынок продовольствия.

Обеспечение сохранности государственной тайны

В связи с повышением активности зарубежных спецслужб в сфере добычи информации, составляющей государственную тайну, необходимостью ее защиты от противоправных посягательств, китайский законодатель в последние 5 лет пошел по пути принятия целого ряда важных законов в административной сфере, направленных на правовое регулирование мер обеспечения сохранности государственной тайны. Появились

Закон КНР «О защите государственной тайны», Закон КНР «О борьбе со шпионажем», Закон КНР «О государственной безопасности».

29 апреля 2010 г. в правовой системе КНР в новой измененной редакции был принят Закон КНР «**О защите государственной тайны**» (中华人民共和国保守国家秘密法) (впервые Закон был принят 05.09.1988). В том же году появилось и **Дополнительное постановление ПК ВСНП «О наказании за преступления, связанные с утечкой государственной тайны».**

Согласно ст. 1 данный акт правотворчества был принят «в целях охраны государственной тайны, защиты безопасности и интересов государства, обеспечения успешного осуществления реформы и открытости, социалистического строительства». Под государственной тайной законодатель понимает все то, что: 1) относится к безопасности и интересам государства; и 2) определяется в установленном законом порядке; и 3) осведомленность в чем принадлежит определенному ограниченному кругу лиц в течение установленного времени (ст. 2). В обязанность всех государственных органов, вооруженных сил, политических партий, общественных организаций, производственных единиц и граждан вменяется защита государственной тайны (ст. 3).

Согласно ст. 9 Закона следующая информация может быть отнесена к государственной тайне, если она 1) затрагивает безопасность и интересы государства; 2) после ее разглашения возможен вред безопасности и интересам государства в политической, экономической, оборонной, дипломатической сферах:

1) секретная информация в области важнейших политических решений по государственным делам;

2) секретная информация в области оборонного строительства и вооруженных сил;

3) секретная информация в области дипломатической и зарубежной деятельности, а также секретная информация, которая должна сохраняться согласно обязательствам, взятым перед зарубежными странами;

4) секретная информация в области национальной экономики и социального развития;

5) секретная информация в области науки и техники;

6) секретная информация в области деятельности по обеспечению государственной безопасности и преследованию за уголовные преступления;

7) иная секретная информация, которая признана ею компетентными административными органами в сфере государственной тайны.

Статья 10 устанавливает три степени секретности сведений, составляющих государственную тайну: «особой важности», «совершенно секретно» и «секретно». В Законе четко установлены сроки хранения сведений, составляющих государственную тайну (ст. 15). Общий период хранения «особо важных» сведений составляет 30 лет, период защиты государственной тайны содержащей «совершенно секретную» информацию, не должен превышать 20 лет, а период для защиты государственной тайны, содержащей «секретную» информацию, не должен превышать 10 лет. При этом доступ к государственной тайне должен быть ограничен до минимума в соответствии с реальной необходимостью.

При возможности число лиц, допущенных к государственной тайне, должно быть ограничено конкретными работниками, если возможно, или допуск должен быть ограничен конкретными органами или учреждениями, которые в свою очередь должны ограничить число работников, имеющих допуск к государственной тайне. В случае возникновения реальной необходимости для непосвященного персонала получить допуск к государственной тайне требуется разрешение ответственного лица соответствующего органа или учреждения (ст. 16).

Законом запрещается незаконное воспроизведение, запись или хранение государственных секретов. Государственная тайна не может передаваться через Интернет или любые иные общественные информационные сети, либо через проводные или непроводные средства связи без каких-либо мер защиты. Не допускается упоминание государственной тайны в частных контактах или корреспонденции (ст. 26). Сами же операторы и провайдеры услуг Интернета или других общественных информационных сетей должны оказывать содействие в расследовании случаев, касающихся утечки секретных сведений, составляющих государственную тайну, проводимых органами общественной безопасности, органами национальной безопасности и органами прокуратуры; при обнаружении, что информация, передаваемая через Интернет или любые иные информационные сети, касается утечки секретных сведений, составляющих государственную тайну, операторы и провайдеры должны немедленно прекратить передачу такого сообщения, сохранить соответствующие записи и сообщить о случившемся в органы общественной безопасности, органы государственной безопасности или компетентные

административные отделы по защите секретности; по требованию органов общественной безопасности, органов государственной безопасности или компетентных административных отделов по защите секретности информация, разглашающая государственную тайну, должна быть уничтожена.

Как и в РФ, лицо, допущенное к сведениям, составляющим государственную тайну, может быть ограничено в праве свободного выезда за пределы государства. Так, ст. 37 устанавливает, что имеющее допуск лицо может выехать из Китая только с разрешения соответствующих отделов. Если соответствующие органы считают, что его выезд из Китая нанесет ущерб государственной безопасности или серьезно ущемит интересы государства, то гражданину не будет позволено покинуть Китай.

Глава 5 Закона устанавливает юридическую ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную тайну и/или нарушение режима секретности вплоть до уголовной ответственности (ст. 51). Важно, что если организация в лице своих сотрудников допустила утечку государственной тайны, то к ответственности привлекаются также и ее непосредственное руководство (ст. 49).

1 ноября 2014 г. в административно-правовой сфере появился уникальный **Закон КНР «О борьбе со шпионажем»** (中华人民共和国反间谍法). Он был принят «в целях противодействия, пресечения и наказания шпионской деятельности и защиты государственной безопасности» (ст. 1). Одним из видов шпионской деятельности согласно п. 3 ст. 38 Закона законодателем признается «захват, выведывание, приобретение или незаконное предоставление государственной тайны».

В ст. 24 указано, что «никакие граждане и организации не вправе незаконно владеть документами, материалами и другими предметами, относящимися к государственной тайне». Если же такое обстоятельство имеет место, то «орган государственной безопасности может в соответствии с законодательством провести личный обыск, обыск предметов, мест жительства и других соответствующих мест данного лица и конфисковать документы, материалы и другие предметы, относящиеся к государственной тайне и находящиеся в незаконном владении у данного лица», «...при наличии состава преступления в незаконном владении документами, материалами или другими предметами, относящимися к государственной тайне, виновные лица в соответствии с законом привлекаются к уголовной ответственности; при отсутствии состава пре-

ступления орган государственной безопасности выносит предупреждение или применяется административный арест на срок до 15 суток» (ст. 32).

1 июля 2015 г. появился **Закон КНР «О государственной безопасности»** (中华人民共和国国家安全法). Отметим, что впервые правовой акт с таким названием был принят в Китае в 1993 г., но ст. 40 Закона КНР «О борьбе со шпионажем» его действие было прекращено. Однако крайняя необходимость в дополнительном регулировании правоотношений в сфере обеспечения государственной безопасности подвигла китайского законодателя к скорейшей разработке и принятию нового закона, с учетом предыдущего правотворческого опыта. Касательно вопроса защиты государственной тайны в ч. 2 ст. 15 закона сказано, что государство «принимает меры предосторожности, пресекает и в соответствии с законом наказывает деяния, посягающие на государственную безопасность в виде захвата, утечки государственной тайны». В обязанности же граждан и организаций входит обеспечение сохранности государственной тайны (п. 6 ст. 77).

В рамках рассматриваемого вопроса скажем несколько слов и о принятом 24 апреля 2009 г. в административно-правовой сфере **Законе КНР «О почте»** в новой измененной редакции (первая редакция относится к 02.12.1986). Так, если Закон КНР «О почте» в редакции 1986 г. содержал в себе лишь 44 статьи, то ныне действующий акт правотворчества состоит уже из 87 статей и 9 глав (гл. 1 «Общие положения»; гл. 2 «Инфраструктура почты»; гл. 3 «Почтовые услуги»; гл. 4 «Почтовые тарифы»; гл. 5 «Возмещение вреда»; гл. 6 «Услуги скоростной почты»; гл. 7 «Контроль и проверки»; гл. 8 «Юридическая ответственность»; гл. 9 «Дополнительные положения»).

В соответствии с ч. 1 ст. 3 «свобода и тайна переписки граждан находятся под защитой закона». При этом ни какие организации или частные лица ни под каким предлогом не могут нарушать свободу и тайну переписки, за исключением необходимости в обеспечении государственной безопасности либо в рамках уголовного судопроизводства, при котором органы общественной безопасности, органы государственной безопасности и органы прокуратуры могут осуществлять проверку почтовой корреспонденции только в строго установленном законом порядке. Кроме того, «за исключением установленных законом случаев, ни какие организации или частные лица не могут проверять, задерживать почтовую корреспонденцию, почтовые денежные переводы» (ч. 2 ст. 3).

Таким образом, в Законе «О почте» подтверждается закрепленное Конституцией КНР право гражданина на свободу и тайну переписки (ст. 40). Однако в тексте ст. 40 Конституции КНР к перечню субъектов, обладающих правом на нарушение свободы и тайны переписки, относятся лишь органы общественной безопасности и прокуратуры, тогда как в Законе КНР «О почте» к ним законодатель относит и органы государственной безопасности (ч. 1 ст. 3). Налицо несоблюдение иерархии нормативных правовых актов, при которой законом расширяется круг субъектов, обладающих правом на нарушение основных конституционных прав и свобод гражданина, который ограничивается нормой Основного закона страны.

В Законе «О почте» дается перечень предметов и материалов, запрещенных к почтовой пересылке (ст. 37). К ним относятся такие предметы и материалы, содержание которых направлено на:

1) призыв к свержению государственной власти, социалистического строя либо к расколу страны, подрыву государственного единства, нарушению государственной безопасности;

2) **раскрытие государственной тайны;**

3) распространение ложных слухов, нарушающих общественный порядок, подрывающих социальную стабильность;

4) разжигание национальной ненависти, национальной дискриминации, подрыв национального единства;

5) распространение ереси или суеверий;

6) распространение порнографии, азартных игр, террористической информации или подстрекание к совершению преступлений;

7) содержат иную запрещенную законом, административным законодательством информацию.

Таким образом, Закон КНР «О почте» предоставляет органам государственной безопасности широкие полномочия в сфере обеспечения сохранности государственной тайны.

Особое место в правовой системе КНР принадлежит вопросу защиты **коммерческой тайны**. Хотя нормативно-правовые акты, его регулирующие, в большей степени относятся к отрасли гражданского права, однако сам институт коммерческой тайны нередко рассматривается китайскими юристами и в рамках административного права.

Согласно **Закону КНР «О борьбе с недобросовестной конкуренцией»** под ней понимается «техническая и деловая информация, которая публично не известна, потенциально несет владельцу экономиче-

скую выгоду, обладает свойством практического использования и по которой владельцем были предприняты меры по сохранению секретности» (ч. 3 ст. 10). Законом запрещается (ч. 1 ст. 10):

1. Получение коммерческой тайны с помощью кражи, подкупа, угроз или иных неправомерных способов.

2. Делать известными, использовать или позволять пользоваться другим коммерческой тайной, полученной вышеуказанными способами.

3. В нарушение договоренностей или в нарушение соответствующих требований правообладателя о сохранении коммерческой тайны делать известными, использовать или позволять пользоваться другим находящейся в собственном распоряжении коммерческой тайной.

При этом четко указывается, что если третьи лица знают или должны знать о случаях нарушения коммерческой тайны, но получают, используют или делают известными коммерческие секреты, принадлежащие другим, то их действия также признаются нарушением коммерческой тайны (ч. 2 ст. 10).

Закон КНР «О внешней торговле» в ст. 13 содержит прямое указание на обязанность государственных органов КНР в сохранении конфиденциальности коммерческой тайны участника внешнеэкономической деятельности, который предоставляет необходимые документы в китайские органы. Статья гласит: «Участники внешнеэкономической деятельности должны в соответствии с решениями, вынесенным согласно закону компетентным ведомством по внешней торговлей Государственного совета КНР или иным соответствующим ведомством Государственного совета КНР, представлять в соответствующие ведомства документы и материалы, связанные с внешнеэкономической деятельностью. Соответствующие ведомства должны сохранять конфиденциальность коммерческой тайны лица, представившего документы». В соответствии со ст. 16 КНР вправе ограничить или вовсе запретить экспорт (импорт) товаров (технологий), если, например, это необходимо в целях защиты государственной безопасности (п. 1). Таким образом, если гражданин Китая при подаче заявки на получение патента за границей на полученное им изобретение не прошло проверки на наличие секретных сведений либо если в результате проведенной проверки было установлена его секретность, то вывоз документации, продукта или технологии за рубеж запрещен.

Обеспечение сохранности коммерческой тайны регулируется и Законом КНР «О борьбе со шпионажем». Так, ч. 2 ст. 17 гласит: «Органы государственной безопасности и их работники вправе использовать

сведения и материалы организаций и физических лиц, полученные в ходе исполнения обязанностей в борьбе со шпионажем, только в целях борьбы со шпионажем. Сведения, относящиеся к государственной тайне, коммерческой тайне или тайне частной жизни, должны быть сохранены в конфиденциальности». За раскрытие коммерческой тайны сотрудники органов государственной безопасности подлежат привлечению к уголовной ответственности (ст. 37).

Правовое регулирование туристической сферы

Основным регулятором туристической сферы выступает **Закон КНР «О туризме»** (中华人民共和国旅游法), принятый 25 апреля 2013 г. Подчеркнем, что указанный закон был первым законодательным документом, который подписал Председатель КНР Си Цзиньпин после своего официального вступления в высокую должность руководителя китайского государства. Положения закона в первую очередь направлены на комплексное регулирование туристической отрасли страны, защиты прав и интересов потребителей туристических услуг, борьбу с нелегальным рынком в рассматриваемой сфере. Кроме того, китайский законодатель постарался исключить возможность использования туризма как метода скрытого поощрения замешанных в коррупции чиновников. Еще до принятия закона высшее руководство страны обращало внимание на недопустимость участия государственных служащих в различных мероприятиях (конференции, симпозиумы, встречи, международные обмены), которые по своей сути носят туристический (развлекательный) характер. Все это направлено на борьбу со скрытыми видами взяток (приглашение хозяйствующими субъектами покровительствующих им чиновников для деловых поездок по стране и за рубеж с полной оплатой их проживания, питания, экскурсионного обслуживания) и призвано снизить уровень коррупции в китайском государстве.

Согласно ст. 1 Закона КНР «О туризме» нормативный правовой акт был принят для обеспечения законных прав и интересов туристов и лиц, занимающихся туристической деятельностью, упорядочивания порядка на рынке туристических услуг, защиты и рационального использования туристических ресурсов, стимулирования непрерывного здорового развития туристической отрасли. Государство награждает организации и лиц, внесших весомый вклад в дело развития туристической сферы (ст. 5), при этом борется с монополизмом в туризме (ст. 6).

Важные положения, касающиеся злоупотреблений в туристической сфере, содержатся в ст. 9 Закона. Согласно им турист вправе отка-

заться от совершения действий, вытекающих из принудительных сделок, навязываемых операторами туристической деятельности. При этом китайский законодатель особо подчеркивает, что турист вправе знать о реальном положении дел, связанным с покупкой туристических товаров и услуг (ч. 2).

В последние годы туристическую сферу китайского государства потрясли масштабные скандалы, связанные с недовольством туристов в отношении характера предоставляемых туристическими фирмами услуг. Так, основной упор при работе с туристом компании и их гиды делали на посещение магазинов и иных торговых точек для стимулирования клиента к совершению покупок по достаточно высоким ценам, в которых закладывался интерес оператора туристической деятельности. Известны случаи, когда гиды отказывались работать с группой по причине нежелания последней посещать магазины и делать в них покупки. В свою очередь туристы по всей стране жаловались на принудительное посещение магазинов, покупку дополнительных услуг, которые ранее не входили в программу и о которых туристы не предупреждались. Такого рода «туристическая деятельность» недобросовестных фирм и их сотрудников поставлена Законом КНР «О туризме» под жесткий государственный контроль.

В ст. 32 законодатель закрепляет обязанность туристических компаний правдиво, точно и без обмана публиковать информацию, направленную на привлечение туристов. При этом турфирмы не могут, используя заниженные цены на туристические услуги, вводить в заблуждение туриста, а также путем организации покупок либо взимания платы за дополнительные услуги возмещать понесенные потери в прибыли (ч. 1 ст. 35). «Туристические компании, организующие, встречающие туристов, не могут определять конкретные места покупок, устраивать посещение туристических объектов за дополнительную плату, однако, за исключением двусторонних единогласных соглашений либо требований туриста, которые не влияют на организованный маршрут других туристов» (ч. 2 ст. 35).

При допущении нарушений указанных выше положений турист вправе в течение 30 суток после окончания тура потребовать от компании организации возврата приобретенного товара и уплаченных денежных средств либо возврата дополнительных расходов за посещение туристических объектов (ч. 3 ст. 35). Согласно ч. 3 ст. 38 туркомпания при направлении на работу с группой гида не могут требовать от гида выплаты им

денежных средств либо организацией гидом взимания с группы каких-либо денежных средств. Сами гиды и турлидеры должны строго придерживаться туристического расписания, не могут его самовольно изменять, не вправе требовать от туристов выплаты чаевых, обманным, насильственным, завуалированным способом вести их в магазины либо посещать объекты за дополнительную плату (ч. 2 ст. 41). При осуществлении операторами туристической деятельности продажи, приобретения товаров и услуг не допускается дача либо получение взяток (ст. 51).

Особое место в Законе уделено вопросам заключения «контракта на предоставление туристических услуг» (гл. 5, ст. 57—75). Обязанность в его заключении между туркомпанией и туристом предусматривается ст. 57. В нем должны получить отражение данные на компанию и туриста, туристический маршрут, минимальное количество туристов в группе, условия передвижения, проживания, питания, содержание туристических объектов и время их посещения, свободное время туриста в рамках экскурсионной программы, сроки и формы оплаты за предоставляемые услуги, формы договорной ответственности и разрешения споров, иные вопросы. При этом туроператоры при заключении контракта обязаны довести до сведения туриста обстоятельства, препятствующие ему участвовать в организуемой турдеятельности, вопросы обеспечения безопасности и условия, при наличии которых компания не несет ответственности перед туристом за неисполнение условий договора.

Важно, что согласно положениям ст. 66 Закона при наличии одного из следующих обстоятельств, туристическая компания вправе расторгнуть договор:

- 1) турист болен заразным заболеванием, которое может повредить здоровью других туристов;
- 2) берет с собой предметы, угрожающие общественной безопасности либо отказывается их передать соответствующим компетентным органам;
- 3) осуществляет незаконную либо нарушающую общественную мораль деятельность;
- 4) осуществляет деятельность, оказывающую серьезное влияние на права и интересы других туристов, от которой его невозможно отговорить либо которую невозможно пресечь;
- 5) в иных предусмотренных законом случаях.

За контроль в сфере рынка туристических услуг отвечают компетентные органы по туризму народных правительств уездного и выше

уровня (ст. 83), работникам которых строжайше запрещается в любой форме участвовать в туристической деятельности (ч. 2 ст. 84). Контроль осуществляется в сфере лицензионного порядка деятельности гидов и турлидеров, деятельности туристических компаний и их гидов, турлидеров и иных работников и др. При проведении проверок от имени органа должно присутствовать не менее двух человек, которые должны предъявлять действующие удостоверения. Туристические компании обязаны содействовать проверяющим, правдиво излагать обстоятельства и предоставлять документы, материалы, не чинить препятствия проводимой проверке (ст. 87). За допускаемые в туристической сфере нарушения компании, гиды, турлидеры подвергаются административному штрафу, могут быть лишены лицензии на право осуществляемой деятельности. А при наличии в деяниях юридического и/или физического лица состава преступления привлекаются к уголовной ответственности (гл. 9 «Юридическая ответственность»).

Кроме того, Законом также предусмотрены льготы и преференции в отношении инвалидов, пожилых людей и несовершеннолетних граждан при предоставлении им туристических услуг (ст. 11). При этом туроператоры обязаны принять меры по обеспечению их безопасности (ч. 3 ст. 79). В обязанности туриста, кроме общего соблюдения общегосударственных законов и местных правил, обычаев, культуры и религиозных верований региона, особо вменяется: «выехавшие за пределы страны туристы не могут незаконно находиться за границей, путешествующие с группой выехавшие за границу туристы **не могут самостоятельно отделяться от группы, покидать группу**» (ч. 1 ст. 16).

Государственный совет и местные народные правительства уездного и выше уровня должны включать развитие туристической сферы в планы национального социального и экономического развития (ч. 1 ст. 17). При этом в обязанность компетентных органов вменяется предоставление туристам на безвозмездной основе необходимой информации по вопросам достопримечательностей, транспорта, погоды, жилья, безопасности, медицинского обслуживания в данном туристическом регионе (ч. 1 ст. 26). Операторы туристической деятельности должны обладать: местом ведения деятельности, необходимым планом, соответствующим регистрационным капиталом, работниками и гидами, отвечать требованиям закона (ст. 28). Они вправе осуществлять деятельность по внутреннему, выездному, приграничному и въездному туризму, которая подлежит обязательному лицензированию (ст. 29). Операторы

ры туристической деятельности обязаны хранить в тайне ставшую им известную личную информацию туриста (ст. 52).

Отметим важность принятого закона для всей правовой системы КНР. Опыт правового регулирования туристической сферы китайского законодателя представляется весьма полезным и для России. В отечественной туристической отрасли творится настоящий «правовой беспредел». Большинство работающих в ней гидов не имеют лицензий, многие туристические организации обманывают потребителя туристических услуг, неправомочно включая в программы необязательные к посещению места. В летний сезон Россию наводняют граждане иностранных государств (в основном, граждане КНР), которые безо всяких лицензий и иных разрешений водят толпы китайских туристов, выступая для них в качестве «легального» гида. В их рассказах нередко слышатся «дикие» истории про наше Отечество, а иногда даже противозаконные заявления, посягающие на территориальную целостность и суверенитет РФ. Если бы российский гражданин на территории КНР, проводя экскурсию для российских граждан, даже вскользь упомянул о территориальных проблемах Китая в невыгодном для правительства свете, то он был бы подвергнут немедленному административному выдворению за пределы страны, а в определенных случаях привлечен к уголовной ответственности. За сам факт проведения экскурсии иностранным гражданином в КНР существует административная ответственность. Туристическая сфера имеет прямое отношение к государственной безопасности, в ней могут работать только лицензированные граждане государства, к которому они принадлежат. Китайский закон «О туризме» не дает возможности иностранным гражданам рассказывать об истории Китая в его территориальных границах на законных основаниях.

Государственные закупки

Еще одним важным нормативным правовым актом в административной сфере, краткую характеристику которого мы считаем необходимым дать, выступает **Закон КНР «О правительственных закупках»** (中华人民共和国政府采购法) (принят 29.06.2002), вступил в силу 01.01.2003. Закон состоит из 9 глав, 88 статей и посвящен вопросам правового регулирования важной для экономического развития Китая сферы государственных закупок. Некоторые китайские источники относят указанный закон и к сфере экономического (хозяйственного) права. Отметим, что в КНР по существу отсутствует институт общественного контроля за государственными закупками. Контроль в рассматриваемой

сфере осуществляется со стороны компетентных государственных и партийных органов, в определенных случаях — со стороны органов правоохранительных.

В последние годы вопросу правового регулирования государственных закупок в Китае уделяется крайне пристальное внимание. С одной стороны, в современных кризисных условиях требуется снижение бюджетных расходов при размещении государственных заказов. С другой — необходим строгий контроль за деятельностью чиновников в указанной сфере для исключения коррупционных составляющих при проведении госзакупок.

Согласно ст. 1 Закон «принят в целях упорядочения правительственных закупок, повышения эффективности использования государственных средств, охраны интересов государства и общества, защиты законных прав и интересов участников государственных закупок, содействия созданию неподкупного правительства». Закон применяется в отношении правительственных закупок, производимых на внутреннем рынке Китая (ч. 1 ст. 2). Под правительственными закупками понимаются «действия государственных органов всех уровней, учреждений и организаций по закупке товаров, строительных объектов и услуг при использовании средств финансового характера в пределах установленных согласно закону перечней централизованных закупок либо закупочных квот» (ч. 2 ст. 2). Все правительственные закупки осуществляются в строгом соответствии с утвержденными бюджетами (ст. 6). На общегосударственном уровне перечни централизованных закупок и закупочные квоты утверждаются Государственным советом, а на региональном — народными правительствами провинций, автономных районов и городов центрального подчинения.

Глава 2 Закона полностью посвящена участникам правительственных закупок. Под ними понимаются различные субъекты, обладающие правами и несущие обязанности в процессе деятельности по осуществлению правительственных закупок, включая закупщиков, поставщиков, представительские закупочные структуры и др. Закупщиками являются государственные органы, учреждения и общественные организации, осуществляющие в соответствии с законом правительственные закупки. Поставщики, участвующие в правительственных закупках, должны отвечать следующим основным требованиям (ст. 22):

— быть в состоянии самостоятельно нести гражданскую ответственность;

- иметь хорошую деловую репутацию и здоровую финансово-бухгалтерскую систему;
- располагать материальными и специальными техническими возможностями, необходимыми для выполнения договора;
- иметь хорошие показатели по налогообложению и социальному страхованию;
- не иметь серьезных нарушений закона на протяжении трех лет, предшествующих участию в правительственных закупках;
- отвечать иным условиям, предъявляемым законами и административно-правовыми актами.

Согласно ст. 26 закона формами правительственных закупок являются: 1) открытые торги; 2) приглашения на участие в торгах; 3) конкурентные переговоры; 4) односторонние закупки ресурсов; 5) запрос цен; 6) иные утвержденные правительством формы. При этом открытые торги признаются главным видом закупок. При этом с момента размещения информации о торгах до возможного предоставления участниками тендерной документации должно пройти не менее 20 дней (ст. 35).

При допущении нарушений положений закона ответственными работниками правительственных органов они подлежат привлечению к административной, дисциплинарной ответственности, а в ряде случаев и к ответственности уголовной (ст. 80).

Подчеркнем, что роль правительственных закупок для успешного осуществления модернизационного строительства в Китае чрезвычайно важна. В отношении Китая в полной мере можно отнести слова западных экономистов, на которые активно ссылаются китайские юристы: «...правительственные закупки все еще являются важнейшим инструментом реализации Правительством общественной политики. Так как масштабы правительственных закупок сравнительно большие, то Правительство уже превратилось в самого единственного крупнейшего потребителя на внутреннем рынке, а закупаемые им товары и услуги оказывают на рынок решающее влияние»¹³⁸.

При этом некоторые зарубежные эксперты расценивают принятие рассмотренного закона как прямое законодательное закрепление китайскими властями протекционистской политики в отношении поддержки товаров, выпущенных собственным производителем. И такое мнение не случайно, ведь согласно ч. 2 ст. 2 Закона под правительственными закупками понимается закупка только той продукции, технологий

и услуг, которые содержатся в специально утвержденном перечне. А такой перечень в своем большинстве содержит наименование продукции, технологии и услуг, имеющих непосредственное отношение к китайскому производителю¹³⁹. Редким исключением из этого правила является высокотехнологическая продукция, ведь ее производство в КНР не является массовым, а уровень качества сильно отстает от аналогичной зарубежной продукции. Несмотря на то, что китайские власти с начала осуществления политики реформ и открытости проводили курс опоры на собственные силы и политику импортозамещения, тем не менее, во многих высокотехнологических отраслях экономики собственных технологий все равно недостаточно.

В ч. 1 ст. 10 Закона устанавливается: «в ходе осуществления правительственных закупок необходимо приобретать китайские товары, строительные технологии и услуги, за исключением нижеуказанных случаев:

- 1) когда необходимые для закупки товары, строительные технологии или услуги не могут быть произведены на территории Китая либо когда они не могут быть произведены в условиях рациональных расходов;
- 2) когда осуществляется закупка по используемым за пределами Китая товарам, строительным технологиям и услугам;
- 3) в иных установленных положениями законов, административного законодательства случаях».

Для более точного понимания приведенного выше положения необходимо обратиться к **Правилам исполнения Закона КНР «О правительственных закупках»** (中华人民共和国政府采购法实施条例), в которых дается толкование используемых китайским законодателем формулировок. Так, производство товара, строительных технологий, услуг на территории Китая будет признано нерациональным в случае превышения их стоимости на аналогичный вид, **произведенный не в Китае, на 20 % и выше** (ч. 4 ст. 10). Указанному положению Закона КНР «О правительственных закупках» вторит и ст. 11 Постановления Государственного совета «О претворении в жизнь Временного положения о стимулировании регулирования производственной структуры», в которой прямо сказано, что китайское государство «поощряет импорт передового технического оборудования и ресурсов, которых в стране недостаточно. ...придает значение заимствованию передовых технологий, управленческого опыта и высококвалифицированным кадрам...».

В последние десятилетия Китай активно закупает за рубежом передовые технологии, правда, с целью их освоения (производства) на своей территории. Известны многочисленные коммерческие визиты китайских чиновников в страны Европы для заключения многомиллиардных контрактов по закупке высокотехнологической продукции и оборудования у зарубежных предприятий. Основными целями визита, конечно, провозглашаются укрепление дружбы и сотрудничества с иностранными государствами, повышение взаимодоверия и взаимопонимания между народами разных стран. На деле проводится прямой промышленный шпионаж наиболее передовых зарубежных технологий. Не случайно, что основными торговыми партнерами Китая в области закупки высокотехнологической продукции являются Япония, США, страны Западной Европы. На их долю приходится свыше 70 % закупок техники и 90 % технической документации и «ноу-хау». При этом основная часть китайских закупок машин, оборудования за рубежом приходится на долю Японии.

Активно скупают китайцы и современные российские разработки. Так, головная компания «СИТРОНИКС Микроэлектроника» — крупнейшего в России и СНГ производителя и экспортера микроэлектроники — ОАО «НИИМЭ и Микрон», которая занимается научными исследованиями, разработкой, производством и реализацией интегральных микросхем, в том числе на экспорт, поставляет в Китай RFID-чипы. «...Интерес китайцев к российским кристаллам на пластинах может быть вызван желанием перепродавать радиочастотные метки на внешних рынках. Основные производители из США и Европы не очень-то хотят поставлять свои пластины в Китай. Из кристаллов китайцы делают RFID-метки и продают их обратно в Европу и США, увеличивая тем самым конкуренцию на рынке. Понятно, что европейским и американским производителям это совсем не нравится»¹⁴⁰.

Все вышесказанное не означает, что китайское правительство осуществляет закупки только произведенных за рубежом высоких технологий, продукции и оборудования. Широкое финансирование в рамках программы госзакупок осуществляется и в отношении созданных в Китае центров, которые по правительственному заказу изготавливают современную высокотехнологичную продукцию. Согласно ст. 9 «Правил исполнения Закона КНР О правительственных закупках» государственные закупки осуществляются, в том числе, и для поддержки среднего и малого бизнеса, малоразвитых районов и районов национальных мень-

шинств. Таким образом осуществляется всесторонняя поддержка всех видов национального бизнеса — от крупного до среднего и мелкого.

Административная реформа в КНР

В последние годы новое (пятое) поколение китайских руководителей приступило к проведению широкомасштабных реформ в административной сфере, направленных на решение стоящих перед китайским государством задач по упрощению действующих административно-разрешительных процедур, сокращению расходов на содержание исполнительного аппарата. Известно, что за более чем 35-летний период проведения политики реформ и открытости китайское государство добилось беспрецедентных успехов как внутри страны, так и на международной арене. Важную роль в происходящих процессах играла административная сфера, существовала свобода выхода иностранного инвестора на китайский рынок, отсутствовали сложные бюрократические процедуры по созданию и развитию бизнеса в Китае.

Социально-экономические преобразования, осуществляемые в настоящее время в Китае, также сопровождаются глубокими изменениями в административной сфере, требующими от правящей партии и законодателя принятия действенных административных мер по привлечению и защите зарубежных/национальных инвестиций в различные секторы экономики. Важность административной реформы неоднократно подчеркивалась в программных выступлениях высших должностных лиц КНР, для ее успешной реализации предпринимаются практические шаги в политической и законодательской сферах. Отметим, что к моменту принятия решения о новой административной реформе в истории КНР она уже неоднократно проводилась ранее, в 1982, 1988, 1993, 1998, 2003 и 2008 годах.

В ходе состоявшегося в ноябре 2012 г. XVIII съезда КПК было принято решение об углублении реформы административного аппарата, сформулированное еще на прошлом, XVII съезде. Не случайно, что в ходе мартовского заседания китайского парламента в 2013 г. законодателем был принят развернутый **«Проект реформы структуры Государственного совета и изменения полномочий»** (国务院机构改革和职能转变方案)¹⁴¹, который на нормативном уровне установил рамки грядущих административных изменений. В ноябрьском Постановлении Пленума ЦК КПК 2013 г. теме административной реформы также уделялось особое внимание¹⁴².

Суть проводимой в Китае реформы заключается в нескольких важных моментах:

1. Упрощение административных процедур, предоставления более широких полномочий административным органам на местах, **сокращение дискреционных полномочий**.

2. Искоренение бюрократизма и неповоротливости административного аппарата. Повсеместное внедрение электронного правительства.

3. Сокращение численности административных служащих, оптимизация штатов.

Как говорится в партийных документах, «**упрощение управления, освобождение полномочий**» (简政放权)¹⁴³. Реформа направлена на устранение дублирования административных функций разными органами, унификацию административной деятельности, борьбу с коррупционной составляющей на местах.

Устранение неповоротливости административного аппарата, по замыслу инициаторов реформы, должно способствовать повышению экономической эффективности предоставляемых услуг административными органами, сокращению расходов на содержание бюрократического аппарата. Количество министерств сократилось до 25 (не включая Канцелярию Государственного совета КНР), функции упраздненных органов передаются другим. При этом создаются государственные корпорации, которые должны более активно зарабатывать на рынке услуг. Более широкие полномочия по утверждению инвестиционных проектов передаются административным органам на местах, упрощаются административно-разрешительные процедуры, что будет способствовать сокращению расходов китайского бизнеса. Происходит снижение давления со стороны Госсовета на местные административные органы, уменьшение перечня разрешительных процедур и передача значительной части полномочий по разрешительным процедурам от Центрального правительства местным органам исполнительной власти.

По замыслу инициаторов реформы, ликвидация некоторых министерств, создание новых структур повлечет за собой разрыв уже оформленных коррупционных связей прежних руководителей и ответственных лиц с зависимыми от их решений хозяйствующими субъектами. В последние годы в КНР наметилась тенденция к выявлению конечных (действительных) бенефициаров юридических лиц (объединений) и лиц, скрыто осуществляющих контроль за коммерческими и иными организациями¹⁴⁴. Одной из целей осуществляемой реформы стала борьба

с использованием чиновниками аффилированных компаний для собственного незаконного обогащения.

Считается, что череда коррупционных преступлений, совершенных в Министерстве железных дорог КНР, послужила основанием к его ликвидации в рамках осуществляемой административной реформы. При этом бывший глава министерства Лю Чжицзюнь (刘志军) был приговорен к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора на 2 года¹⁴⁵. Борьбе с коррупцией китайские власти уделяют самое пристальное внимание, считая ее главным препятствием на пути стабильного развития государства.

В основе осуществляемой административной реформы лежат партийные решения и высказывания лидеров государства. С 9 по 12 ноября 2013 г. в Пекине прошел 3-й Пленум ЦК КПК 18-го созыва, на котором среди прочих были рассмотрены вопросы углубления административной реформы. Пленум принял два документа, положения которых раскрывают содержание предпринимаемых руководством страны шагов в рассматриваемой сфере:

1) **Коммюнике ЦК КПК** (中国共产党第十八届中央委员会第三次全体会议公报¹⁴⁶);

2) **Постановление ЦК КПК «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ»** (中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定¹⁴⁷).

Несмотря на то, что оба документа были приняты партией, по своей сути они обладают нормативным характером и являются обязательными к исполнению не только партийными органами, но и органами власти КНР, включая ВСНП, его Постоянный комитет, Государственный совет. В соответствии с решениями партии парламент Китая и его Правительство активизируют процесс принятия необходимых, по мнению КПК, нормативных правовых актов (законов и подзаконных актов) для всесторонней правовой регламентации проводимых в стране реформ.

Согласно опубликованной в марте 2013 г. Синей книги «Доклад о реформе административной системы Китая» (№ 3) существенным успехом в реформировании административной системы КНР признается сокращение не только самих административных органов, но и штата работников, а также перечня разрешительных процедур для получения права на осуществление предпринимательской и иной хозяйствующей деятельности, снижение административных барьеров.

До указанного ноябрьского Пленума за период с 2012 по 2013 г. Государственный совет КНР отменил 2497 разрешительных процедур, тем самым упростив выполнение формальностей хозяйствующими субъектами, предоставив более широкие нормотворческие полномочия органам государственной власти на местах. Кроме того, 15.02.2014 Государственным советом КНР было принято Постановление «Об отмене и смягчении ряда административных разрешений» (国务院关于取消和下放一批行政审批项目的决定), в соответствии с которым состоялась отмена 64 направлений административных разрешений¹⁴⁸. Так, например, правительство отменило обязательное получение разрешений при наименовании термальных источников в различных регионах Китая, при найме на китайские суда членов экипажа с иностранным гражданством, при использовании филиалами иностранных банков приносящего проценты имущества и др.

Решения Пленума ЦК КПК (ноябрь 2013 г.) в отношении административной реформы можно свести к 5 основным положениям.

1. *Оптимизация структуры правительственных органов* (优化政府机构设置). Предполагается дальнейшее снижение количества административных органов, слияние и укрупнение аппарата за счет ликвидации его части. Особое внимание обращается на искоренение дублирования полномочий и осуществляемой работы со стороны различных административных структур. Сокращению подвергнется административный аппарат в органах законодательной, исполнительной, судебной власти, а также в самой партии.

2. *Упорядочивание отношений в сфере министерских полномочий* (理顺部门职责关系). Предполагается четкое распределение прав и обязанностей между различными административными органами. Планируется прописать конкретные зоны ответственности и функционал работников административного аппарата для повышения его эффективности. Особый упор будет сделан на установлении рамок полномочий вышестоящих и нижестоящих органов, повышения контроля и персональной ответственности за выполняемую работу.

3. *Оптимизация структуры аппарата по принципу административного деления* (优化行政区划设置). Предполагается наведение порядка в системе взаимоотношений в сфере административного управления между центральными, региональными и местными органами власти. Особое внимание будет уделено вопросам непосредственного управле-

ния провинциями своими уездами и городами, учета размера территории административного субъекта при распределении полномочий.

4. *Строгое эффективное управление* (严格绩效管理). Означает повышение эффективности работы административного аппарата и его служащих. Планируется принятие стандартов оценки работы административного органа, выявление недостатков при исполнении своих обязанностей государственными служащими и их устранение.

В рамках указанного направления административной реформы ЦК КПК принял важный документ, устанавливающий новые правила оценки эффективности работы китайских чиновников (06.12.2013). Партийный документ носит название: «Уведомление О совершенствовании работы по оценке деятельности коллективов партийных руководителей и руководящих кадров»¹⁴⁹. В нем прописывается персональная ответственность партийных и административных руководителей за исполнение планов социально-экономического развития районов, за работу в сферах защиты окружающей среды, экономики в потреблении энергоресурсов, безопасности на производстве, культурного развития и др..

5. Строгий контроль за штатом административного аппарата (严格控制机构编制). Предполагается постепенное сокращение штата работников, в особенности руководящего персонала. При этом усиливаются контроль за расходами в области содержания административных работников, борьба за искоренение необоснованных трат в рассматриваемой сфере.

В рамках административной реформы китайские власти усиливают контроль за расходами самих чиновников. Согласно принятому 08.12.2013 «**Положению о государственных приемах в партийных и административных органах КНР**» чиновники обязаны ограничивать свои «аппетиты» при посещении ресторанов, отелей, других общественных заведений. Центральная комиссия Коммунистической партии Китая по проверке дисциплины 21.11.2013 приняла Извещение, согласно которому китайским чиновникам запрещается, используя государственные и общественные деньги, закупать сигареты, алкоголь, хлопушки, еду и др. как подарки в честь различных праздников¹⁵⁰. Таким образом, сидящие на государственных закупках поставщики праздничных конвертов, водки «Маотай», сигарет и «лунных» пирожных лишились заказов, чиновники — «откатов», а бюджет сэкономил огромные средства.

Согласно принятым ЦК КПК 18.11.2013 «**Правилам строгой экономии и борьбы с расточительством в партийных и государственных органах**» партия, собрания народных представителей, админи-

стративные учреждения, судебные, правоохранительные органы, профсоюзы, молодежные организации и другие объединения обязаны соблюдать крайнюю экономию при пользовании служебными автомобилями, жилыми и нежилыми помещениями, при организации приемов, совещаний, командировок по стране и за рубеж.

В рамках осуществляемой административной реформы по результатам ноябрьского Пленума 2013 г. было принято решение о создании двух новых органов:

1) **Руководящая группа ЦК КПК по всестороннему углублению реформ»** (中央全面深化改革领导小组) (п. 58 Постановления). На первом своем совещании (22.01.2014) сформировано 6 специализированных групп: Группа по реформе экономической системы и структуры экологической цивилизации; Группа по реформе в сфере демократии и законности; Группа по реформе системы культуры; Группа по реформе социальной системы; Группа по реформе системы партийного строительства; Группа по реформе системы проверки дисциплины.

Из названия специализированных групп очевидны основные направления реформ китайского государства. Возглавил работу нового органа Председатель КНР Си Цзиньпин. Основная задача Руководящей группы состоит в модернизации системы государственного управления, повышении эффективности осуществляемых преобразований, решении актуальных для общества и государства проблем;

2) **Центральный Комитет по национальной безопасности** (Совет государственной безопасности) (中央国家安全委员会) — единый орган координации и обеспечения государственной безопасности, новый орган в системе исполнительной власти.

В 1997 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь посетил США и принял решение о создании в Китае органа, аналогичного американскому Совету по национальной безопасности (англ. National Security Council) — консультативный орган при президенте США. В сентябре 2000 г. в КНР была создана Канцелярия руководящей группы по внешней работе ЦК КПК, которая включала в себя и функции будущего Комитета.

Председателем данного органа был назначен глава КНР Си Цзиньпин. В рамках обеспечения государственной безопасности новый орган координирует деятельность Министерства общественной безопасности, Военной полиции, органов юстиции, второй и третьей части НОАК, МИД, Министерства государственной безопасности и других

органов, включая Центральную комиссию КПК по проверке дисциплины. Представляется, что по своим возможностям новое «мегаминистерство» будет намного серьезней американского аналога. Прошедшие съезды ВСНП не дали ответа экспертному сообществу на вопрос о конкретных полномочиях и зоне ответственности Совета. Ясно одно: КНР встает на путь более серьезного и всестороннего обеспечения государственной безопасности в политической, экономической, социальной, научно-технической и военной сферах.

15 апреля 2014 г. Председатель КНР Си Цзиньпин провел в Пекине первое заседание Центрального комитета по национальной безопасности. На нем китайский руководитель подчеркнул: «Необходимо четко понимать новые особенности и новые тенденции изменяющейся ситуации в сфере государственной безопасности, твердо придерживаться общей концепции государственной безопасности, идти по пути государственной безопасности с китайской спецификой»¹⁵¹. По словам китайских экспертов, КНР «...крайне нуждается в авторитетном учреждении, способном координировать деятельность различных силовых ведомств страны исходя из национальных интересов в целом, чтобы тем самым справиться со все более усложняющимися и серьезными вопросами национальной безопасности»¹⁵².

В результате проводимой административной реформы Си Цзиньпин сконцентрировал в своих руках пять наиболее важных властных полномочий. Китайский руководитель является:

генеральным секретарем ЦК КПК;

Председателем КНР;

председателем Центрального военного совета и Военного совета ЦК КПК;

главой Руководящей группы ЦК КПК по всестороннему углублению реформ;

главой Центрального комитета по национальной безопасности.

В истории КНР еще не было лидера с таким широким кругом властных полномочий.

Кроме того, в названии Комитета по национальной безопасности фигурирует термин 中央 (центральный) (т.е. ЦК КПК), что означает прямую принадлежность органа к партийному аппарату. Отметим, что орган отчитывается перед Политбюро ЦК КПК. И еще: в названии всех других силовых органов КНР (кроме Центрального военного совета) нет термина «центральный», что означает их прямое подчинение государст-

ву в лице ВСНП и его ПК (они отчитываются перед китайским парламентом, а не перед партией). Однако теперь работу силовых органов курирует Комитет по национальной безопасности, подотчетный партии. Это свидетельствует не только об усилении самого Си Цзиньпина, но и об усилении роли компартии в общественно-политической жизни Китая.

В рамках углубления проводимой административной реформы, согласно Докладу премьера Ли Кэцяна перед делегатами ВСНП, в течение 2014 г. Государственный совет отменил действие 246 разрешительных процедур, 149 лицензий в сфере профессиональной квалификации. Количество новых зарегистрированных рыночных субъектов составило 12 млн 930 тыс., среди них рост новых зарегистрированных предприятий составил 45,9 %. Все это свидетельствует о решимости китайских властей довести до конца начатую многим ранее реформу административной сферы с целью упрощения сковывающих экономическое развитие страны процедур.

* * *

1. В административно-правовой сфере китайской законодатель не спешит с принятием единого кодифицированного акта правотворчества — Административного кодекса. Как и в гражданско-правовой сфере, власти КНР предпочитают принимать разрозненные локальные акты правотворчества, направленные на регулирование правовых отношений административного характера. В современной правовой системе действует более 90 административных законов и около 1000 подзаконных нормативных правовых актов. Все они образуют китайское административное законодательство и являются составной частью административного права КНР.

В последние годы в административно-правовой сфере появился ряд уникальных законов, содержание положений которых представляет значительный интерес для российской компаративистики. К ним прежде всего следует отнести Закон КНР «О туризме» (апрель 2013 г.), Закон КНР «О безопасности специального оборудования» (июнь 2013 г.), Закон КНР «О борьбе со шпионажем» (ноябрь 2014 г.), Закон КНР «О государственной безопасности» (июль 2015 г.). В плане правотворческой работы стоит принятие Закона КНР «О безопасности сети Интернет», Закон КНР «О публичных библиотеках». Все это свидетельствует об особом пути развития китайского административного права в направле-

нии оперативного и точечного регулирования важных для развития страны правоотношений.

2. Большое внимание власти КНР уделяют политике углубления административной реформы, направленной на снижение административных барьеров, сокращение численности управленческого аппарата, предоставление среднему и малому бизнесу больших свобод в плане ведения предпринимательской деятельности.

Проводимая реформа уже принесла положительные результаты в практической сфере. Открытая 29 сентября 2013 г. Шанхайская зона свободной торговли (площадь 28,78 кв. км) начала активно привлекать зарубежных инвесторов благодаря упрощенному порядку выполнения административных формальностей в банковской, финансовой, регистрационной и иных сферах. Общее сокращение числа министерств и штата административных работников существенно снизило финансовую нагрузку на центральные и местные бюджеты. Снижение административных барьеров, количества разрешительных процедур позволяет китайским предпринимателям активнее вовлекаться в экономическую жизнь страны, открывать и развивать свое дело, что значительно повышает уровень занятости населения, тем самым нивелируя социальную напряженность в обществе. Административная реформа постепенно приводит к улучшению макроэкономических показателей в стране, что способствует преодолению кризисных явлений в экономике.

3. Уникальным и заслуживающим особого исследования следует признать опыт китайского государства в административно-правовом регулировании многих важных для страны сфер, в особенности обеспечения безопасности продуктов питания, сохранности государственной тайны, туристической деятельности, государственных закупок. Власти КНР столкнулись с рядом серьезных проблем, оказывающих разрушительное влияние на безопасность государства и жизнь, здоровье его граждан. Так, использование в пище подлежащего утилизации растительного масла, добавление в мясо «гормонов роста» привело к росту отравлений в масштабах всего Китая. Оперативная и жесткая реакция законодателя в ответ на нарастающую угрозу — путь, по которому власти страны пошли незамедлительно. Предпринятые меры вызвали одобрение в обществе, послужили снижению рисков для китайских потребителей. Такой же характер действий присутствовал и в других сферах, требующих административно-правового регулирования со стороны китайского парламента. С рядом аналогичных проблем, в особенности в

сфере обеспечения сохранности государственной тайны, столкнулась и Российская Федерация. Именно поэтому опыт китайского законодателя по их разрешению чрезвычайно для нас важен. Его следует комплексно изучать на предмет возможного использования в российской правотворческой деятельности.

§ 2.5. Иные отрасли права

В связи с тем, что после начала осуществления «политики реформ и открытости» некоторые сферы правового регулирования приобрели для китайского государства особое значение, в юридической науке стало принято выделять их в отдельные отрасли, которые до 1978 г. считались подотраслями административного и гражданского права. Это относится, прежде всего, к экологическому, энергетическому, трудовому и военному праву. Мы считаем необходимым посвятить их исследованию отдельный параграф. С точки зрения российской общей теории права, их выделение в самостоятельные отрасли права иногда ставится под сомнение, однако в КНР они уже получили признание и преподаются отдельно, в отрыве от основных отраслей публичного и частного права.

Экологическое право

По мере стремительного экономического развития китайское государство столкнулось с огромным комплексом серьезных проблем в экологической сфере, которые оказывают глубокое негативное влияние на социально-экономическую и политическую стабильность в стране. Известны массовые протесты и волнения граждан КНР против строительства, работы опасных для окружающей среды и здоровья людей производств, которые периодически вспыхивают в разных регионах страны. По свидетельству российского исследователя экологического права Китая Е.В. Бирюлина «первыми известными массовыми акциями такого рода протеста стали выступления крестьян в декабре 2005 г. вблизи населенного пункта Дунчжоу в пров. Гуандун и вспыхивающие дважды выступления в течение января 2006 г. в той же провинции. Причиной акции неповиновения стали отвод земель под промышленное строительство и нарушения экологической безопасности, в частности, из-за экологически неудачных проектов строительства ветровой и крупной угольной электростанций. Из-за резко ухудшившегося общего состояния окружающей среды были загрязнены источники водоснабже-

ния, распространились многочисленные заболевания и серьезно пострадало население района»¹⁵³.

Начавшиеся в Китае с конца 1978 г. крупномасштабные экономические преобразования не были согласованы с экологической политикой, тогда разработанной крайне слабо. В погоне за прибылью бизнес не заботился о сохранении окружающей среды, само же государство не уделяло экологическим проблемам необходимого внимания. Первоочередной ставилась задача ускорения темпов экономического роста, а все остальные проблемы уходили на второй план. Это привело к тому, что за короткое время Китай превратился в центр экологических проблем земного шара. Все самые «грязные» мировые производства были размещены в КНР. Масштабы ежегодного ущерба Китая из-за ухудшения экологической обстановки, включая сокращение площади земель сельскохозяйственного назначения, огромны. Китай является мировым рекордсменом по объему сжигаемого угля. Широкое распространение в КНР получили кислотные дожди, которые охватили четверть густонаселенных районов страны. Китай стал лидером по выбросам парниковых газов в мире, обойдя по этому показателю США. В настоящее время экологические проблемы в Китае включают в себя целый комплекс вопросов. Главные из них — истощение земельных и водных ресурсов, загрязнение атмосферы. Общее ухудшение экологической обстановки в Китае выражается в масштабных стихийных бедствиях (землетрясениях, наводнениях). Растет недовольство китайских граждан осуществляемой в стране государственной экологической политикой.

Автор монографии бывал в разных городах Китая. Общим для них является крайне загрязненный воздух, плохое качество воды, страшная духота и отсутствие в достаточном количестве кислорода. Особо тяжело приходится горожанам летом. В Пекине и Шанхае в этот период не видно неба, которое заслоняет толстый слой промышленного смога. Выйдя на улицу, чувствуешь себя как в «сауне», поэтому «спасение» от такого климата возможно только в кондиционированном помещении.

При этом ч. 1 ст. 26 Конституции КНР гласит: «Государство принимает меры по охране и оздоровлению окружающей среды, предотвращает ее загрязнение и иные нарушения».

Российский ученый, специалист по экологическим проблемам Китая И.В. Ушаков свидетельствует: «...новое китайское руководство сразу же столкнулось с целым рядом неотложных экологических про-

блем. Так случилось, что выход на политическую арену нового поколения руководителей страны совпал с резким обострением проблемы смога: весь 2013 год прошел под знаком потока сообщений о распространении этого крайне неблагоприятного явления по всей территории Китая. По официальным данным, оно затронуло 25 % территории страны и около 40 % населения. Ситуация требовала действий, причем неотложных и энергичных, порой носящих чрезвычайный характер. ...Официальные данные шокировали: в 13 крупных и средних городах в регионе городов центрального подчинения Пекина и Тяньцзиня, а также провинции Хэбэй было зарегистрировано в течение года только 37,5 % дней, когда состояние атмосферного воздуха оценивалось как нормальное или хорошее. В 25 крупных и средних городах района дельты реки Янцзы таких дней было 64,2 %, а в 9 крупных и средних городах в районе дельты реки Чжуцзян — 76,3 %»¹⁵⁴.

В период проведения политики реформ и открытости экологическая ситуация в Китае настолько ухудшилась, что потребовалось прямое вмешательство государства в рассматриваемую сферу, принятие целого ряда нормативных правовых актов для всестороннего разрешения возникших экологических проблем и рисков, установление суровой юридической ответственности за нарушение содержащихся в экологическом законодательстве положений. Именно серьезное ухудшение экологической обстановки в КНР, необходимость в принятии целого ряда актов правотворчества в сфере охраны окружающей среды привело китайских юристов к необходимости выделения экологического права в отдельную отрасль публичного права и разработки мер по изменению сложившейся негативной ситуации в административно-правовой и гражданской сферах. В настоящее время главными приоритетами государственной экологической политики КНР являются: создание «низкоуглеродной экономики», сокращение выбросов парниковых газов, снижение социальной напряженности на почве экологических проблем, формирование рециркуляционной экономики, то есть создание и широкое распространение безотходных технологий.

Для более всестороннего правового регулирования экологической сферы в настоящее время в правовой системе КНР действует целый ряд законов, к наиболее важным из которых следует отнести:

1) **Закон КНР «Об охране окружающей среды морей и океанов»** (принят на 24-м заседании ПК ВСНП 5-го созыва 23 августа 1982 г., с изменениями от 25.12.1999 и 28.12.2013);

2) **Закон КНР «О предотвращении загрязнения воды»** (принят на 5-м заседании ПК ВСНП 6-го созыва 11 мая 1984 г., с изменениями от 15.05.1996, 28.02.2008);

3) **Закон КНР «О предотвращении загрязнения атмосферы»** (принят на 22-м заседании ПК ВСНП 6-го созыва 5 сентября 1987 г., с изменениями от 29.08.1995, 29.04.2000, 29.08.2015);

4) **Закон КНР «Об охране диких животных»** (принят на 4-м заседании ПК ВСНП 7-го созыва 8 ноября 1988 г., с изменениями от 28.08.2004, 27.08.2009);

5) **Закон КНР «Об охране окружающей среды»** (принят на 11-м заседании ПК ВСНП 7-го созыва 26 декабря 1989 г., с изменениями от 24.04.2014);

6) **Закон КНР «Об предотвращении загрязнения окружающей среды твердыми отходами»** (принят на 16-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 30 октября 1995 г., с изменениями от 29.12.2004, 29.06.2013 и 24.04.2015);

7) **Закон КНР «О предупреждении шумового загрязнения окружающей среды»** (принят на 22-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 29 октября 1996 г.);

8) **Закон КНР «О стимулировании чистых производств»** (принят на 28-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва 29 июня 2002 г., с изменениями от 29.02.2012);

9) **Закон КНР «Об оценке влияния на окружающую среду»** (принят на 30-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва 28 октября 2002 г.);

10) **Закон КНР «О стимулировании рециркуляционной экономики»** (принят на 4-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 29 августа 2008 г.).

Кроме того, на местном уровне приняты и действуют многочисленные акты правотворчества, направленные на регулирование экологической сферы.

Содержание каждого из вышеперечисленных законов КНР, принятых в экологической сфере, представляет значительный познавательный интерес с точки зрения отечественной науки сравнительного правоведения. Так, например, 29 февраля 2012 г. ПК ВСНП был внесен ряд серьезных изменений в **Закон КНР «О стимулировании чистых производств»** (中华人民共和国清洁生产促进法).

Отметим, что за прошедшие со времени вступления в силу закона в первоначальной редакции (01.01.2003) девять лет ситуация в экологиче-

ской сфере Китая претерпела существенные негативные изменения. Расплатой за бурное экономическое развитие стало резкое ухудшение экологии, высокий уровень загрязнения атмосферы, рост связанных с этим заболеваний в среде китайских граждан. Китайцы признают, что «развитие экономики не должно происходить за счет окружающей среды. Рост ВВП должен стать “экологически чистым”, иначе — имея материальный достаток, но живя в грязной атмосфере — люди все равно не будут испытывать радость и будут чувствовать себя несчастливymi»¹⁵⁵.

Административные органы КНР последовательно принимали различные подзаконные и местные акты для стимулирования чистых производств, однако в последнее время возникла потребность в изменении содержания самого закона. По заявлению председателя Комитета по охране окружающей среды и ресурсов ВСНП Ван Гуантао, «Закон о стимулировании чистых производств чрезвычайно важен для современных изменяющихся форм экономического развития, играет важную роль в деле популяризации использования и развития прогрессивных производственных технологий, повышения качества продукции и оптимизации производственной структуры»¹⁵⁶.

Согласно внесенным поправкам было немного дополнено содержание ст. 4 Закона, в обязанность Государственного совета и местных народных правительств уездного уровня и выше вменилось включение «чистых» производств не только в государственные планы экономического и социального развития (в прежней редакции), но и в «годовые планы». Китайский законодатель изменил содержание ст. 5, которая в новой редакции гласит: «Ведомства по комплексному согласованию чистых производств Государственного совета ответственны за организацию, проведение согласований в сфере работы по стимулированию чистых производств в масштабах всего Китая. Министерства Государственного совета по охране окружающей среды, промышленности, науки и техники, финансам в соответствии со своими полномочиями ответственны за работу по стимулированию чистых производств» (ч. 1). «Местные народные правительства уездного уровня и выше несут ответственность за руководство работой по стимулированию чистых производств в их административных районах. Утвержденные местными народными правительствами уездного уровня и выше органы по комплексному согласованию чистых производств ответственны за организацию, проведение согласований в сфере работы по стимулированию чистых производств в своих административных районах. Иные соответ-

ствующие органы местных народных правительств уездного уровня и выше в соответствии со своими полномочиями ответственны за работу по стимулированию чистых производств» (ч. 2).

Согласно 7-й поправке китайское государство осуществляет систему ограничения и закрытия производств, которые, транжируя ресурсы и нанося вред окружающей среде, производят отсталые технологии, оборудование и продукцию. При этом компетентные органы Госсовета составляют и обнародуют соответствующие списки (ст. 20). Одной из главных целей принятых поправок в закон стало вменение в обязанность китайским предприятиям использование экологически чистой упаковки под производимую продукцию, запрет на использование неэкономичной, токсичной упаковки (поправка 9, ч. 2 ст. 20). Государство в лице народных правительств уездного и выше уровней обязуется материально поддерживать те предприятия, которые в своей деятельности отдают приоритет в стимулировании чистых производств, обучению работников в данной сфере (14-я поправка).

Важно, что в соответствии с положениями ст. 17 Закона в обязанность местных правительств вменяется обнародование в средствах массовой информации списков предприятий, которые не соблюдают требования чистых производств. За нарушения правила ст. 17 компетентные органы могут быть оштрафованы на сумму до 100 тыс. юаней (ст. 36).

В августе 2008 г. в правовой системе КНР появился уникальный **Закон «О стимулировании рециркуляционной экономики»**, который был принят «в целях содействия развитию рециркуляционной экономики и повышения показателя использования ресурсов, охраны и улучшения окружающей среды и реализации на практике «устойчивого развития» (ст. 1). Под «рециркуляционной экономикой» китайский законодатель понимает «деятельность по редукации, рециркуляции, обратному использованию в производстве, обращении и потреблении производственных отходов» (ч. 1 ст. 2). В свою очередь под рециркуляцией понимается «прямое использование отходов как продукции после доработки, обновления или переработки или полное либо частичное использование отходов как составной части другой продукции» (ч. 3 ст. 2).

В законе особо отмечается, что разрабатываемая государством промышленная политика должна включать в себя требования развития рециркуляционной экономики (ч. 1 ст. 6). В ст. 10 заявляется, что «граждане должны глубоко осознавать необходимость экономики ресурсов и

охраны окружающей среды». При этом государство поощряет тех из них, кто использует товары и вторичную продукцию, которые экономят энергию, воду, древесину, сохраняют окружающую среду, сокращают отходы. Часть 3 ст. 19 устанавливает: «Упаковка промышленной продукции должна соответствовать требованиям по упаковке промышленной продукции и не допускать образования вредных веществ и нанесения ущерба окружающей среде после распаковки продукции». В целях защиты окружающей среды законодатель также запрещает выемку земли сельскохозяйственного назначения для изготовления обожженных земляных блоков. Действует запрет на производство, реализацию и использование глиняного кирпича в запрещенные периоды или в запрещенных районах и др.

Закон жестко требует от бизнеса соблюдения норм природоохранного законодательства при использовании отходов от производств. Так, например, ст. 33 гласит: «Строительные организации должны осуществлять комплексное использование производственных отходов, образующихся в ходе строительных работ; если условия не позволяют осуществлять комплексное использование таких отходов, то эти организации должны обратиться к компетентным производственным организациям или организациям-операторам для комплексного использования отходов либо захоронить отходы безопасным для окружающей среды способом». Также: «Если какое-либо предприятие не может осуществлять комплексное использование возникающих в процессе производства отходов, то оно должно обратиться к квалифицированному производителю или посреднику с предложением о комплексном использовании отходов» (ч. 2 ст. 36).

Для тех предприятий, которые участвуют в стимулировании рециркуляционной экономики, предпринимают меры по охране окружающей среды, правительство КНР водит особые льготные налоговые режимы и преференции. «Если предприятия используют, производят или разрабатывают технологии, технологические приемы, оборудование или изделия, которые входят в список поощряемых государством чистых производств и комплексного использования ресурсов, то этим предприятиям предоставляются налоговые льготы согласно соответствующим государственным постановлениям» (ч. 2 ст. 44). При нарушении установленных правил организация и физические лица привлекаются к юридической ответственности в виде крупных штрафов, отзыва лицензий, вплоть до ответственности уголовной (гл. 6).

После появления в правовой системе КНР рассмотренного закона первой отраслью его применения стала химическая промышленность, которая характеризуется высоким уровнем загрязнения, высокими показателями отработанного газа, сточной воды и отходов. Предприятиям, работающим в ней, было предложено перейти на рельсы рециркуляционной экономики, взамен государство предоставило им особые налоговые льготы и права на ведение хозяйственной деятельности.

Классическим примером применения норм экологического законодательства является сфера освоения недр континентального шельфа. Напомним, что в Китае оно началось с 50-х годов прошлого столетия, затем было прервано в связи с начавшейся «культурной революцией». Так, первым крупным газовым месторождением Китая была группа месторождений Сычуань (открыта в 1955 г.). Возобновление работ последовало в 70-е годы, после начала «политики реформ и открытости». При этом до конца 90-х годов в правовой системе КНР не существовало ни одного нормативного правового акта, регулирующего вопросы освоения недр континентального шельфа. Ответственными министерствами принимались закрытые ведомственные инструкции, которые определяли порядок работ на шельфе.

Первым нерезидентом, вышедшим на китайский шельф, стала крупная французская нефтяная компания TOTAL (1980 г.)¹⁵⁷. Под жестким тотально-административным контролем со стороны китайского правительства, при руководящем участии китайской государственной нефтяной корпорации, французы были допущены к работам в Бохайском заливе, Южно-Китайском море, Чжухае.

Важным нормативным правовым актом в сфере освоения шельфа выступает Закон КНР «Об охране окружающей среды морей и океанов». В случае несоблюдения закрепленных в нем положений китайская либо зарубежная компания может быть отстранена от работ на шельфе. По существу данный закон выступает главным в сфере регулирования допуска частных компаний к освоению недр континентального шельфа Китая. Природоохранительное законодательство — главный рычаг давления китайского правительства на иностранную компанию в шельфовом бизнесе.

В ст. 26 Закона устанавливается: «При освоении ресурсов морских островов и прилегающих акваторий необходимо самым серьезным образом осуществлять эффективные меры по охране природной среды, недопустимо менять рельеф островов, береговой линии, ухудшать при-

родную среду почвенного покрова на островах и окружающую их морскую среду обитания».

В любом случае, «запрещается выбрасывать в море нефтепродукты, кислоты и щелочи, ядовитые и выделяющие яды вещества и радиоактивные жидкие стоки» (ч. 1 ст. 33).

При использовании специального оборудования при работах на континентальном шельфе необходимо учитывать положения ст. 48 закона: «Оборудование по охране окружающей среды строящихся морских технических сооружений должно одновременно проектироваться с основным техническим оборудованием, одновременно возводиться, одновременно вводиться в действие и использоваться. Оборудование по охране окружающей среды, не прошедшее инспекции и утверждения в морском ведомстве, не может вводиться в действие; кроме того, оборудование по охране окружающей среды, не прошедшее инспекции в морском ведомстве или не соответствующее установленным технологическим требованиям, вообще не должно каким-либо образом включаться в процесс производства или использоваться».

Особое внимание обращается на аварии при работах на шельфе. Прямым текстом запрещены разлив нефти и выброс ядовитых веществ с используемых буровых установок. «Плавающие и стационарные морские нефтебуровые установки, стационарные нефтедобывающие установки и тому подобное морское оборудование не должно приводить к разливу нефти и загрязнению морских акваторий. Другие образующиеся производственные отходы и мусор также не должны загрязнять окружающую среду морей и океанов» (ст. 52). Также «запрещается сброс в морские акватории радиоактивных отходов или каких-либо других радиоактивных материалов» (ч. 2 ст. 60).

В случае нарушения работающими на континентальном шельфе компаниями природоохранительного законодательства КНР предусмотрена серьезная юридическая ответственность: от административной (отзыв лицензии), гражданской (штраф) до уголовной (гл. 9). В определенных случаях юридические и физические лица от ответственности освобождаются при:

- 1) военных действиях;
- 2) стихийных бедствиях непреодолимой силы;
- 3) чрезвычайных обстоятельствах, вызванных использованием открытого огня, или других действий при выполнении компетентными органами своих обязанностей (ст. 92).

Энергетическое право

На стыке рассмотренного нами выше экологического права располагается право энергетическое. С началом осуществления политики реформ и открытости экономика китайского государства претерпевала бурное развитие. Руководство КНР, провозгласив курс на ускоренную экономическую модернизацию, существенно недооценило ограниченность некоторых важных природных ресурсов, не уделяло должного внимания проблеме рационального производства и потребления энергии, необходимости перехода на современный тип энергосбережения. В последнее десятилетие проблема сбережения энергоресурсов, использование чистых возобновляемых источников энергии для КНР стала весьма актуальной. Широко применяемых в Китае административных мер для разрешения энергетических проблем становилось недостаточно, от китайского законодателя требовалось принятие общегосударственных нормативных правовых актов для всестороннего правового регулирования энергетической сферы.

В силу важности энергетического комплекса для экономического развития Китая энергетическое право стало выделяться в отдельную отрасль публичного права с присущими ему особенностями. Энергетическое право КНР осуществляет правовое регулирование общественных отношений, возникающих в сфере организации и функционирования топливно-энергетического комплекса государства, а также альтернативных видов энергетики. Специалистами в области китайского энергетического права создан специализированный сайт, на котором содержится правовая и иная информация, относящаяся к китайской энергетике¹⁵⁸.

Основными законодательными актами, образующими энергетическое право КНР, являются:

1) Закон КНР «**О сбережении энергоресурсов**» (中华人民共和国节约能源法) (принят на 28-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 1 ноября 1997 г., с изменениями от 28.10.2007). Правовой акт был принят «в целях поддержки общественной экономии энергоресурсов, повышения коэффициента использования источников энергии, охраны и улучшения окружающей среды, стимулирования всестороннего гармоничного экономического и социального развития» (ст. 1). Под энергоресурсами китайский законодатель понимает «каменный уголь, нефть, природный газ, энергию, получаемую из биомассы, электроэнергию, прямо или опосредованно использующие тепловую или иные виды энергии процессы переработки, энергию трансформирующих и вырабатывающих

систем и иные подобные виды энергоисточников» (ст. 2). Сбережение энергоресурсов признается законом основным направлением государственной политики, «государство осуществляет мероприятия по сбережению энергоресурсов и одновременно развивает стратегическую линию их освоения и первоочередного развития» (ст. 4).

Согласно положениям Закона, Государственный совет КНР, местные народные правительства обязаны включать деятельность по сбережению энергии в годовые планы социально-экономического развития страны, региона, а также разрабатывать и принимать среднесрочные планы сбережения энергоресурсов. Государство обязано проводить работу по пропаганде сбережения энергоресурсов, оказывать поддержку предприятиям, вставшим на путь экономии энергии, «средства массовой информации должны широко информировать о правовых основах, законодательных актах и политике в сфере энергосбережения, развертывать работу по контролю в этой сфере» (ч. 2 ст. 9). Так, например, правительством пров. Хэйлунцзян принят нормативный документ «Правила сбережения энергии общественными организациями» (10.05.2010), согласно которому средства массовой информации провинции вменяется обязанность «усилить пропаганду экономии энергии общественными организациями, выявлять контролирующую и руководящую роль общественного мнения» (ч. 2 ст. 6). В Законе четко прописаны меры экономии энергии в производственной, строительной, транспортной, технологической и иных областях. За нарушение положений Закона предусматривается юридическая ответственность, вплоть до уголовной, включая ответственность должностных лиц, осуществляющих контроль в рассматриваемой сфере (ст. 86);

2) **Закон КНР «О возобновляемых источниках энергии»** (中华人民共和国可再生能源法) (принят на 14-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 28 февраля 2005 г., с изменениями от 26.12.2009). Появление указанного Закона в правовой системе китайского государства способствовало превращению Китая в одного из мировых лидеров по масштабам использования возобновляемых источников энергии. Так, на китайском внутреннем рынке крупными промышленными производствами широко используются большие ветровые генераторы, солнечные батареи на крышах жилых и офисных помещений, иные инновационные разработки в рассматриваемой сфере.

Согласно ст. 1 Закона, он был принят «...в целях содействия освоению и использованию возобновляемых источников энергии, усиле-

ния работы по их повсеместному внедрению, улучшения структуры использования источников энергии, обеспечения сохранности источников энергии, охраны окружающей среды, осуществления на практике политики устойчивого экономического и социального развития». Под возобновляемыми источниками энергии китайский законодатель понимает «...ветровую энергию, солнечную энергию, гидроэнергию, биоэнергию, геотермальную энергию, энергию морей и океанов и иные, отличные от топливных виды энергии» (ч. 1 ст. 2). Согласно ч. 3 ст. 4 правового акта китайское государство «поощряет экономическую самостоятельность организаций всех форм собственности, направленную на участие в деле освоения и использования возобновляемых источников энергии, и в соответствии с действующим законодательством обеспечивает законные права и интересы организаций, занимающихся освоением и использованием возобновляемой энергии».

Государство определяет приоритетные направления общего технологического развития и наиболее важных высокотехнологических производств, освоения и использования возобновляемых источников энергии и научно-технических разработок в этой области и включает их в общегосударственные планы научно-технического развития и развития высокотехнологических производств. Контроль за деятельностью в сфере возобновляемых источников энергии возложен на компетентные ведомства Государственного совета КНР, которые осуществляют инспекционные проверки, разрабатывают меры поддержки, принимают ведомственные нормативные акты в рассматриваемой сфере.

В Законе четко прописаны области, в которых китайские власти осуществляют поддержку в использовании возобновляемых источников энергии:

— государство поощряет и поддерживает сетевые схемы выработки электроэнергии на базе возобновляемых источников энергии (ч. 1 ст. 13);

— государство поддерживает и поощряет создание неподключаемых к сети автономных энергетических систем, использующих возобновляемые источники энергии и предназначенных для обеспечения местных энергетических потребностей в быту и для местного производства (ст. 15);

— государство поощряет освоение и использование чистых и высокоэффективных видов биотоплива и развитие производства сель-

скохозяйственных культур, предназначенных на энергетические нужды (ч. 1 ст. 16);

— государство поощряет организации и отдельных граждан, которые устанавливают и применяют солнечные водонагревающие устройства, использующие солнечную энергию, тепловые и охлаждающие системы, системы электрических солнечных батарей и другие системы, использующие солнечную энергию (ч. 1 ст. 17);

— государство поощряет и поддерживает освоение и использование возобновляемых источников энергии в сельских районах.

В Законе также содержатся положения, определяющие государственную политику финансирования рассматриваемой сферы (гл. 6), устанавливающие меры юридической ответственности государственных органов, предприятий, учреждений всех форм собственности за допущение нарушений в сфере использования возобновляемых источников энергии, приведших к материальным потерям (гл. 7).

3) **Иные законы и подзаконные нормативные правовые акты:** Закон КНР «Об электроэнергии» (принят ПК ВСНП 28.12.1995, с изменениями от 27.08.2009 и 24.04.2015); Закон КНР «Об угле» (принят ПК ВСНП 29.08.1996, с изменениями от 27.08.2009, 22.04.2011, 29.06.2013); Закон КНР «О городском и сельском планировании» (принят ПК ВСНП 28.10.2007); «Правила применения Закона КНР “О сбережении энергоресурсов на шоссежных дорогах, водных путях”» (приняты Государственным советом КНР 25.06.2008); «Правила сбережения энергоресурсов общественными организациями» и «Правила сбережения энергоресурсов в гражданском строительстве» (оба документа приняты Государственным советом КНР 23.07.2008); «Временные правила управления и контроля за сбережением энергоресурсов и снижением выбросов центральными предприятиями» (приняты Комитетом по контролю и управлению государственным имуществом Государственного совета КНР 26.03.2010) и другие.

Развитию энергетического права уделяется все больше внимания. На повестке дня стоит вопрос о принятии Закона КНР «Об энергетике». Ограниченность ресурсов, необходимость в развитии высоких технологий в энергетической сфере, появление новых видов энергии — все это требует от китайского правительства принятия действенных законодательных мер по правовому регулированию комплекса энергетических отношений. Широкое использование угля и нефти для получения энергии приводит к серьезному загрязнению окружающей среды, что

также требует вмешательства законодателя в энергетическую сферу. Крупные инвестиции в энергетику требуют своей отдельной законодательной защиты.

7 июня 2014 г. Канцелярия Государственного совета КНР обнародовала «**План стратегических действий по развитию энергетики**» на 2014—2020 гг. (能源发展战略行动计划)¹⁵⁹. Согласно закрепленным в нем положениям государством будет стимулирована работа по разработке Закона «Об энергетике», совершенствованию Закона КНР «Об электроэнергии», Закона КНР «Об угле» и Закона КНР «Об охране нефти- и газопроводов».

22 октября 2013 г. Государственное управление по энергетике во исполнение «**Плана развития сланцевого газа**» (页岩气发展规划) на 2011—2015 гг. обнародовало «**Политику добычи сланцевого газа**» (页岩气产业政策)¹⁶⁰, в котором предусматривается комплекс мер по поддержке этого нового для Китая вида природного газа. Его добыча включена в перечень новых стратегических важных отраслей, получающих поддержку из государственного бюджета. Компании, занимающиеся добычей сланцевого газа, будут получать льготы в рамках применяемого ресурсного налога, налога на доходы предприятий и НДС. Импорт высокотехнологического оборудования по добыче сланцевого газа освобождается от таможенной пошлины. В настоящее время китайский законодатель разрабатывает ряд мер по введению особого налогового режима в отношении предприятий, работающих в сфере добычи сланцевого газа.

Трудовое право

Трудовое право КНР регулирует общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией гражданами своих способностей к труду. Под ним китайские ученые в общем плане понимают «правовую упорядоченную систему, регулиующую трудовые отношения»¹⁶¹.

Китайской Конституцией устанавливается право граждан на труд и в то же время закрепляется их обязанность трудиться. Часть 1 ст. 42 гласит: «граждане Китайской Народной Республики имеют право на труд и обязаны трудиться». Китайским законодателем труд признается в качестве почетной обязанности всех трудоспособных граждан (ч. 3 ст. 42). В Конституции КНР сказано, что «трудящиеся предприятий государственной собственности и коллективных хозяйственных организаций города и деревни должны относиться к своему труду как хозяева

страны. Государство поощряет социалистическое трудовое соревнование, награждает отличников труда и передовиков» (ч. 3 ст. 42). «Государство осуществляет необходимое трудовое обучение граждан до устройства их на работу» (ч. 4 ст. 42).

Трудовое законодательство Китая стало создаваться сразу после образования 1 октября 1949 г. нового государства и к настоящему времени является одним из наиболее развитых в правовой системе КНР. Уже осенью 1949 г. Всекитайская федерация профсоюзов приняла Временные правила «О порядке разрешения трудовых конфликтов» (20.11.1949) и Временные правила «Об установлении отношений между трудом и капиталом» (22.11.1949).

Тогда же появились «Правила организации и работы городских комиссий третейского суда по конфликтам между трудом и капиталом» (22.11.1949), хотя и относящиеся к процессуальному праву, но напрямую затрагивающие вопросы права трудового, а также Временные правила «О заключении коллективных договоров между трудящимися и предпринимателями на частных торговых и промышленных предприятиях».

6 марта 1950 г. Центральным народным правительством были обнародованы «Временные правила трудовой дисциплины на государственных предприятиях», а 25 марта 1950 г. — «Положение о безопасности и гигиене на заводах». 31 марта 1950 г. Министерством труда приняты «Временные правила безопасности на заводах», 17 июня 1950 г. Центральным народным правительством обнародованы «Временные правила разрешения трудностей при потере работы рабочими». Тогда же был принят Закон КНР «О профессиональных союзах». В ноябре 1950 г. появился «Порядок разрешения трудовых споров», а в феврале 1951 г. — «Правила трудового страхования».

В последующие годы до периода «культурной революции» в правовой системе китайского государства появлялись различные нормативные правовые акты в трудовой сфере, большинство из которых принималось Государственным советом КНР (Постановление «Об отпусках по беременности и родам для женщин, работающих в государственных учреждениях» (26.04.1955); Постановление «О реорганизации заработной платы» (16.06.1956); Положение «О профессиональных заболеваниях и о порядке обеспечения лиц, страдающих этими заболеваниями» (28.02.1957); Временное постановление «О пенсионном обеспечении рабочих и служащих» (06.02.1958).

В период «культурной революции» правотворческих актов в рассматриваемой сфере не принималось. До начала проведения политики реформ и открытости, в Китае сложилась жесткая централизованная система труда, была обеспечена полная занятость трудового населения, достаточно отлаженно работала пенсионная система, проблемы безработицы не существовало, однако не было системы квалификационных экзаменов при занятии государственных должностей.

С началом реформ трудовая сфера претерпевала существенные изменения. В стране появились предприятия новых форм собственности, заключались ранее не применявшиеся индивидуальные трудовые договора, в масштабах государства стала осуществляться миграция рабочей силы из деревень в города на сезонные заработки, остро встала проблема трудоустройства граждан, потерявших работу, а также выпускников институтов, возникла проблема медицинского и социального страхования трудящихся. Существенные изменения, которым подверглись все новых нормативных правовых актов на общегосударственном и местном уровнях для их всестороннего регулирования. С течением времени появлялись различные разрозненные Положения, Постановления, Решения, например, Временное положение «О найме рабочих и служащих на государственные предприятия», Временное положение «О страховании в период трудоустройства рабочих и служащих государственных предприятий» (оба документа опубликованы Госсоветом 12.07.1986), которые, однако, не соответствовали духу происходивших экономических преобразований.

Правовая система Китая стала остро нуждаться в появлении единого кодификационного акта правотворчества в трудовой сфере — **Трудового кодекса** (Закон КНР «О труде») (中华人民共和国劳动法), который был принят китайским законодателем на 8-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 5 июля 1994 г. (с изменениями от 27.08.2009). Основоположник китайских реформ Дэн Сяопин настаивал на необходимости его принятия при построении социалистической рыночной экономики¹⁶². Для составления Трудового кодекса китайскому законодателю потребовалось 15 лет (1980—1994 гг.), всего было проведено более 500 совещаний по вопросам его содержания.

Трудовой кодекс КНР состоит из 13 глав, 107 статей и представляет собой достаточно объемный документ, принятый в целях «...защиты законных прав и интересов трудящихся, регулирования тру-

довых отношений, создания и охраны системы труда социалистической рыночной экономики, стимулирования экономического развития и социального прогресса» (ст. 1). Согласно ч. 1 ст. 3 трудящиеся пользуются равным правом при устройстве на работу и выборе профессии, правом оплаты труда, правом на отдых, правом на обеспечение охраны безопасности и гигиены труда, правом на получение образования и профессиональной подготовки, правом на социальное страхование и благосостояние, правом на решение трудовых споров по поданным заявлениям и другими трудовыми правами, установленными законом. При приеме граждан на работу Трудовым кодексом запрещается дискриминация по национальному, половому, религиозному признаку (ст. 12), подчеркивается равенство мужчин и женщин в правах при трудоустройстве (ч. 1 ст. 13). Запрещается прием на работу несовершеннолетних лиц (ч. 1 ст. 15).

Положения гл. 3 посвящены вопросам трудового договора, под которым понимается «соглашение о трудовых отношениях между работником и нанимателем с четко прописанными правами и обязанностями сторон» (ч. 1 ст. 16).

Китайский законодатель указывает, что при установлении трудовых отношений трудовой договор должен быть заключен в обязательном порядке (ч. 2 ст. 16) в письменной форме (ч. 1 ст. 19) и содержать следующие положения:

- 1) срок действия трудового договора;
- 2) характер работы;
- 3) охрана труда и условия труда;
- 4) оплата труда;
- 5) трудовая дисциплина;
- 6) условия прекращения трудового договора;
- 7) ответственность за нарушение трудового договора.

Согласно ст. 25 работодатель может расторгнуть трудовой договор с работником, если:

1. В период испытательного срока выясняется, что работник не отвечает условиям приема на работу.
2. Работник грубо нарушает правила внутреннего трудового распорядка или трудовую дисциплину.
3. Работник причиняет значительный вред работодателю грубым нарушением обязанностей из корыстных побуждений.
4. Работник привлекался к уголовной ответственности.

Однако при наличии следующих обстоятельств работодатель не вправе расторгать контракт с работником (ст. 29):

1. Работник признан утратившим трудоспособность полностью или частично в связи с полученным профессиональным заболеванием или производственной травмой.

2. Работник находится на медицинском лечении в связи с болезнью или непроизводственной травмой.

3. В период беременности, родов, лактации.

4. В других случаях, предусмотренных законодательством.

Более полное правовое регулирование института трудового договора в китайском праве осуществляется положениями Закона КНР «О трудовом договоре» (中华人民共和国劳动合同法) (принят на 28-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 29 июня 2007 г., с изменениями от 28.12.2012) и Правилами применения Закона КНР «О трудовом договоре» (приняты Постоянным бюро Государственного совета 3 сентября 2008 г.).

Трудовым кодексом КНР устанавливается максимальный испытательный срок при приеме на работу в 6 месяцев (ст. 21). В течение испытательного срока наниматель может расторгнуть с работником трудовой договор, если последний не справляется с должностными обязанностями (п. 1 ч. 1 ст. 25), а работник — в любое время без объяснения причин (п. 1 ч. 1 ст. 32).

Трудовым кодексом КНР устанавливается 8-часовой рабочий день, **44-часовая** рабочая неделя (ст. 36): «Государство применяет режим рабочего времени, при котором рабочее время работника каждый день не превышает 8 часов, рабочее время каждую неделю в среднем не превышает 44 часа». Однако принятым Государственным советом КНР 03.02.1994 **Положением «О рабочем времени сотрудников»** (职工工作时间的规定), с изменениями от 17.02.1995, также устанавливается 8-часовой рабочий день, но при **40-часовой** рабочей неделе (ст. 3).

Парадоксально, но несмотря на то, что Трудовой кодекс, принятый парламентом, по юридической силе выше принятого правительством подзаконного Положения, на практике действуют нормы Положения, предусматривающие 40-часовую рабочую неделю. В комментариях к существующему противоречию между законом и подзаконным актом указывается, что с 01.05.1997 все китайские предприятия работают в 40-часовом режиме¹⁶³. На практике же в частных предприятиях работодатель, ссылаясь на Трудовой кодекс, устанавливает 44-часовую рабочую неделю.

Противоречие между Кодексом и Положением существует и в вопросе выходных дней. Статья 38 Трудового кодекса гласит: «Наниматель должен гарантировать трудящимся, по крайней мере, один день отдыха каждую неделю». Статья 7 Положения устанавливает: «В государственных органах и учреждениях осуществляется единая система рабочего времени, суббота и воскресенье являются выходными днями...».

Выходными днями для работников, кроме обязательного одного дня в неделю, кодексом устанавливаются (ст. 40):

- первый день Нового года (по григорианскому календарю);
- праздник Весны (китайский Новый год);
- Международный день труда;
- день образования КНР («золотая неделя»);
- иные праздничные, выходные дни, установленные законами и подзаконными актами.

Так, в соответствии с «**Правилами отпусков в государственные праздники и годовщины**» (全国年节及纪念日放假办法), принятыми Государственным административным советом 23.12.1949, с последними изменениями от 11.12.2013, китайские граждане отдыхают: 1) один день 1 января; 2) три дня в честь китайского Нового года; 3) один день в честь праздника Цинмин (почитание усопших предков); 4) один день 1 мая в День международной солидарности трудящихся; 5) один день в честь праздника Дуанью (память о древнекитайском поэте-патриоте Цюй Юане); 6) один день в честь праздника Чжунцю (середина осени); 7) три дня в честь Национального праздника КНР (образование КНР, с 1 по 3 октября) (ст. 2).

Часть граждан КНР, в соответствии со ст. 3, также отдыхает: 1) полдня в Международный женский день (8 марта) (женщины); 2) полдня в День молодежи (4 мая) (молодые лица старше 14 лет); 3) один день в День ребенка (1 июня) (лица, не достигшие 14 лет); 4) полдня в День создания Народно-освободительной армии Китая (1 августа) (военнослужащие, состоящие на действительной военной службе). Закон предусматривает выходные дни и в периоды местных национальных праздников, отдавая право на их установление органам власти на местах (ст. 4). Отдыха в День учителя, День корреспондента, День медработника и др. не предусматривается (ст. 5).

В случаях выхода работника на работу в выходные и праздничные дни, переработки наниматель обязан выплачивать ему установленную Трудовым кодексом компенсацию (ст. 44).

Трудовой кодекс КНР содержит многие иные, весьма интересные с точки зрения сравнительного правоведения положения, для изложения которых требуется отдельное исследование. Кроме Трудового кодекса и Закона «О трудовом договоре», трудовое право Китая образуют следующие важные нормативные правовые акты:

1) **Закон КНР «О профессиональных союзах»** (принят на 5-й сессии ВСНП 7-го созыва 3 апреля 1992 г., с изменениями от 27.10.2001, 27.08.2009);

2) **Закон КНР «О безопасности на производстве»** (принят на 28-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва 29 июля 2002 г., с изменениями от 27.08.2009 и 31.08.2014);

3) **Закон КНР «О содействии трудоустройству»** (принят на 29-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 30.08.2007);

4) **Закон КНР «Об арбитражном урегулировании трудовых споров»** (принят на 31-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 29.12.2007). Имеет прямое отношение к процедурному праву КНР;

5) **Закон КНР «О социальном страховании»** (принят на 17-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 28.10.2010) и др.

Трудовое право КНР продолжает поступательно развиваться в направлении регулирования все большего круга вопросов, затрагивающих сферу трудовых правоотношений.

Военное право

Военное право КНР представляет собой совокупность правовых норм, принимаемых в Китае для регулирования общественных отношений в области строительства вооруженных сил, прав и обязанностей военнослужащих, гражданского персонала. Оно включает в себя не только нормы административного, уголовного, гражданского законодательства, но и специально принимаемые военно-правовые акты, к основным из которых относятся:

1) **Закон КНР «О воинской обязанности»** (中华人民共和国兵役法) (принят на 2-й сессии ВСНП 6-го созыва 31.05.1984, с изменениями от 29.12.1998, 27.08.2009, 29.10.2011);

2) **Закон КНР «Об офицерах действительной военной службы»** (中华人民共和国现役军官法) (принят на 3-м заседании ПК ВСНП 7-го созыва 05.09.1988, с изменениями от 12.05.1994, 28.12.2000);

3) **Закон КНР «Об охране военных сооружений»** (中华人民共和国军事设施保护法) (принят на 12-м заседании ПК ВСНП 7-го созыва 23.02.1990, с изменениями от 27.06.2014);

4) **Закон КНР «Об офицерах запаса»** (中华人民共和国预备役军官法) (принят на 13-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 10.05.1995, с изменениями от 28.08.2010);

5) **Закон КНР «О военном положении»** (中华人民共和国戒严法) (принят на 18-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 01.03.1996);

6) **Закон КНР «О национальной обороне»** (中华人民共和国国防法) (принят на 5-й сессии ВСНП 8-го созыва 14.03.1997, с изменениями от 27.08.2009);

7) **Закон КНР «Об образовании в сфере национальной обороны»** (中华人民共和国国防教育法) (принят на 21-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва 28.04.2001);

8) **Закон КНР «О народной вооруженной полиции»** (中华人民共和国人民武装警察法) (принят на 10-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 27.08.2009);

9) **Закон КНР «Об оборонной мобилизации»** (中华人民共和国国防动员法) (принят на 13-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 26.02.2010);

10) **Закон КНР «О страховании военнослужащих»** (中华人民共和国军人保险法) (принят на 26-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 27.04.2012).

Вооруженные силы Китая образуют: войска действительной службы Народно-освободительной армии Китая (解放军), войска вооруженной полиции (武装警察部队), отряды народного ополчения (民兵), военнослужащие запаса (预备役部队). Все указанные органы и лица находятся под непосредственным руководством Центрального военного совета КНР (中央军事委员会), во главе которого стоит Председатель КНР Си Цзиньпин. Согласно ч. 1 ст. 93 Конституции КНР «Центральный военный совет Китайской Народной Республики руководит всеми вооруженными силами государства».

В соответствии с ч. 1 ст. 29 Конституции КНР Вооруженные силы Китая «принадлежат народу».

Их задачами является:

- укрепление обороны;
- отражение агрессии;
- защита Родины;
- охрана мирного труда народа;
- участие в деле государственного строительства;
- служение народу.

«Государство усиливает строительство вооруженных сил в направлении революционности, модернизации и регулярности, укрепляет оборонную мощь страны» (ч. 2 ст. 29).

По Конституции КНР «защита отечества и отражение агрессии — священный долг каждого гражданина Китайской Народной Республики». Воинская служба и участие в народном ополчении — почетная обязанность (ст. 55).

В декабре 2006 г. в КНР была принята программа развития государственной обороны, которая предполагает к 2020 г. достижение общих задач модернизации китайской армии¹⁶⁴. Ее конечная цель «...заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций»¹⁶⁵.

1 июля 2010 г. в правовой системе КНР вступил в силу Закон «Об оборонной мобилизации», состоящий из 14 глав, 72 статей. Он был принят «в соответствии с Конституцией в целях усиления оборонного строительства, совершенствования системы оборонной мобилизации, обеспечения успешного осуществления работы по оборонной мобилизации, защиты суверенитета, единства, территориальной целостности и безопасности государства» (ст. 1). По свидетельству китайских экспертов, «одной из основных причин обнародования Закона КНР об оборонной мобилизации в коммунистическом Китае является стремление Пекина упорядочить взаимосвязанные компетенцию и ответственность руководства военной мобилизацией за комплектование армии и создание материальных резервов»¹⁶⁶.

В ст. 8 Закона закрепляется, что в случае возникновения опасности суверенитету, единству, территориальной целостности и безопасности Китая, ПК ВСНП в соответствии с положениями Основного закона страны и нормами действующего законодательства принимает решение о всеобщей либо частичной мобилизации. При этом высшее должностное лицо — Председатель КНР — на основании решения ПК ВСНП издает соответствующий Указ о мобилизации. После устранения вышеуказанных угроз необходимо принять меры по прекращению состояния мобилизации (ст. 14).

Китайское государство претворяет в жизнь систему оборонной мобилизации, ставит на воинский учет лиц, годных к военной службе. Согласно положениям ч. 1 ст. 49 граждане мужского пола, достигшие 18

лет и по достижению 60-летнего возраста, граждане женского пола, достигшие 18 лет и по достижению 55-летнего возраста, подлежат мобилизации (возрастное ограничение не распространяется на особых выдающихся технических специалистов (ч. 3)). При этом граждане и организации, внесшие особый вклад в мобилизационную работу, подлежат поощрению, награждению со стороны государственной власти (ст. 7).

От мобилизации освобождаются следующие категории граждан: 1) граждане, занимающиеся управленческой деятельностью и работой по обслуживанию в таких социальных учреждениях, как ясли, детские сады, сиротские приюты, учреждения для инвалидов, спасательные станции; 2) граждане, занимающиеся работой по преподаванию, управлению и обслуживанию при школах с обязательными учебными периодами; 3) граждане женского пола, находящиеся в состоянии беременности, либо в период кормления; 4) больные граждане при невозможности их мобилизации; 5) граждане, потерявшие трудоспособность; 6) граждане, исполняющие обязанности в ООН и других межправительственных международных организациях; 7) иные граждане, признанные освобожденными от мобилизации решением народного правительства уездного и выше уровня.

При объявлении мобилизации государство вправе использовать в своих нуждах гражданские ресурсы (объекты социального производства, обслуживания и жизнедеятельности, оборудование, места) (ч. 1,2 ст. 54). Однако государство не вправе претендовать на: 1) предметы и места проживания, необходимые для личного и семейного существования; 2) предметы и места проживания, необходимые для существования детей, пожилых людей, инвалидов и объектов спасения в таких социальных учреждениях, как ясли, детские сады, сиротские приюты, учреждения для инвалидов, спасательные станции; 3) иные гражданские ресурсы, освобожденные от использования законодательством (ст. 56).

При объявлении мобилизации и наличии необходимости, государство вправе: 1) брать под свой контроль финансовую и транспортно-логистическую сферы, почту, телеграф, новости, радио и телевидение, Интернет, поставки водных ресурсов и медикаментов, пищевой продукции и зерна, коммерческую деятельность; 2) вводить необходимые территориальные, временные, видовые ограничения в отношении деятельности граждан, а также въезда и выезда предметов, транспортных средств в районы; 3) осуществлять особую систему работы в государственных органах, общественных коллективах и производственных еди-

ницах; 4) для приоритета вооруженных сил предоставлять различное транспортное обеспечение; 5) принимать иные необходимые меры (ст. 63).

Закон КНР «Об оборонной мобилизации» определяет основные принципы и механизм осуществления мобилизации страны в случае наличия угроз ее безопасности. Он наделяет военные органы КНР особыми полномочиями, позволяющими дать оперативный ответ на вызовы национальной обороне Китая. За нарушения его положений лицо привлекается к юридической ответственности, включая уголовную (ст. 71).

1 июля 2012 г. вступил в силу Закон КНР «О страховании военнослужащих». Положения документа направлены на повышение уровня социальной защищенности военнослужащих, включая получивших увечья либо погибших при исполнении своих обязанностей. Нормы нормативного правового акта распространяются и на уволенных с военной службы лиц. С появлением правового акта в законодательной системе КНР еще более повысился престиж военной службы в глазах простых граждан, попасть на которую всегда было мечтой многих поколений китайцев. Государство расширило обязательства в отношении «людей в погонах», значительно упростив процедуру страхования для указанной в законе категории лиц.

Согласно ст. 1 Закон был принят «в целях нормализации отношений страхования военнослужащих, защиты их законных прав и интересов, стимулирования оборонного и армейского строительства». Находящиеся на действительной военной службе лица получают страхование жизни и здоровья со стороны соответствующих компетентных подразделений НОАК. При этом страховые выплаты при наступлении смерти или увечья не распространяются на военнослужащих, которые получили их вследствие:

- умышленного совершения преступления;
- нахождения в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения;
- самоувечья либо самоубийства;
- при наличии иных установленных законом, административным законодательством и военным законодательством оснований (ст. 10).

Военнослужащий не платит «ни юаня» за страхование собственной жизни и здоровья, все расходы несет государство (ст. 12).

Глава 8 Закона посвящена мерам юридической ответственности за нарушения его положений, включая коррупционную деятельность принимающих решения по страхованию военнослужащих лиц (ст. 46).

Еще одним важным актом правотворчества, регулирующим деятельность Вооруженных сил КНР, является Закон КНР «О народной вооруженной полиции». Согласно закрепленным в нем положениям «войска народной вооруженной полиции являются составной частью вооруженных сил государства» (ч. 2 ст. 2). При этом руководство ими осуществляют два органа: Государственный совет и Центральный военный совет (ст. 3). В обязанности вооруженной полиции входит (ст. 7): охрана определенных государством объектов, целей и деятельности, общественных сооружений, предприятий, складов, гидроэлектростанций и других стратегически важных инфраструктурных объектов, мостов, дорог, туннелей, мест заключения; содействие органам общественной и государственной безопасности, судебным и административным органам, органам прокуратуры в арестах, задержаниях, перевозке ценных грузов и иной определенной законом деятельности; участие в разрешении конфликтов, беспорядков, помощь в борьбе с терроризмом и иной подрывающей общественную безопасность деятельности и др.

Российский исследователь А.Ю. Манцуров пишет: «Основная задача войск Народной вооруженной полиции Китая — защита государственной безопасности и общественной стабильности, охрана важных объектов государства, охрана безопасности народного имущества и жизни граждан, содействие НОАК в совместной обороне и боевых действиях в военное время»¹⁶⁷. Войска Народной вооруженной полиции активно используются при подавлении беспорядков. Так, они достаточно жестко пресекли массовые беспорядки в среде уйгурского населения в июле 2009 г., когда в результате вспыхнувшего между уйгурами и ханьцами (китайцами) конфликта погибло несколько человек. Своевременное вмешательство войск позволило избежать большого кровопролития, привлечь виновных с обеих сторон к уголовной ответственности, вплоть до приговора к смертной казни.

Военное право КНР, регулирующее деятельность вооруженных сил и государственной обороны, достаточно развито. В правовой системе действуют Закон КНР «О государственной обороне», Закон КНР «Об оборонной мобилизации», Закон КНР «О воинской обязанности» и др. Военное законодательство КНР выступает образцом успешной правотворческой деятельности китайского парламента, который в достаточно

целостной форме разработал и принял необходимые для армии и общества нормативно-правовые документы. В ближайшие годы в сфере военно-правового строительства планируется принять Закон КНР «Об оборонном транспортном сообщении» (国防交通法), будут внесены изменения в действующие в военной сфере законы и подзаконные акты.

Процедурное право КНР

Особое место в правовой системе КНР принадлежит процедурному праву. Являясь самостоятельной отраслью права, не относящейся к праву публичному либо частному, мы считаем необходимым сказать о нем несколько слов.

Одна из отличительных особенностей правовой системы КНР состоит в достаточной развитости процессуального права в сравнении с правом материальным. Во всех основных отраслях китайского права, при отсутствии некоторых материальных кодексов, приняты и успешно применяются кодексы процессуальные (гражданское, административное, уголовное право).

Кроме того, некоторые китайские ученые при исследовании процессуального права придерживаются позиции, согласно которой одной из отраслей права КНР выступает процедурное право, состоящее из права процессуального (например, УПК КНР) и непроцессуального (например, Закон КНР «Об экстрадиции»). Говоря о процедурном праве, китайские юристы, как правило, проводят комплексное исследование уголовного, гражданского, административного и арбитражного процесса, совсем немного уделяя внимания особенностям непроцессуального права¹⁶⁸.

Современное процедурное право Китая состоит из следующих основных актов правотворчества:

1) **Уголовно-процессуальный кодекс КНР** (принят на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва 01.07.1979, с изменениями от 17.03.1996, 28.10.2007, 14.03.2012);

2) **Постановление ПК ВСНП «Об уголовной юрисдикции по преступлениям, предусмотренными международными договорами, заключенными Китайской Народной Республикой, либо договорами, участницей которых Китайская Народная Республика является»** (принято на 21-м заседании ПК ВСНП 6-го созыва 23.06.1987);

3) **Административно-процессуальный кодекс КНР** (принят на 2-й сессии ВСНП 7-го созыва 04.04.1989, с изменениями от 01.11.2014);

4) **Гражданско-процессуальный кодекс КНР** (принят на 4-й сессии ВСНП 7-го созыва 09.04.1991, с изменениями от 28.10.2007, 31.08.2012);

5) **Арбитражный кодекс КНР** (принят на 9-м заседании ПК ВСНП 8-го созыва 31.07.1994, с изменениями от 27.08.2009);

6) **Закон КНР «Об особом процессуальном порядке разрешения морских споров»** (принят на 13-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва 25.12.1999);

7) **Закон КНР «Об экстрадиции»** (принят на 19-м заседании ПК ВСНП 9-го созыва 28.12.2000);

8) **Правила оплаты процессуальных расходов** (приняты на 159 заседании Постоянного бюро Государственного совета КНР 08.12.2006).

В силу невозможности рассмотрения даже общих вопросов процедурного права КНР в настоящем разделе дадим краткую характеристику наиболее важным из его компонентов.

Уголовный процесс

Впервые Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) КНР был принят в Китае летом 1979 г., до этого времени в течение 30 лет с момента образования КНР в стране не существовало единого кодификационного акта правотворчества в уголовно-процессуальной сфере. До появления в правовой системе китайского государства УПК действовали разрозненные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы организации деятельности народных судов и органов прокуратуры, наказания контрреволюционных и иных преступных элементов, в которых присутствовали некоторые положения, затрагивающие вопросы процессуального характера. В годы «культурной революции» основным источником уголовно-процессуального права стали цитаты и лозунги, а процесс привлечения лица к уголовной ответственности сводился к выдвижению «хунвэйбинами» надуманного обвинения в контрреволюционной деятельности и немедленном вынесении приговора «судом народных масс» при отсутствии института защиты и принципа презумпции невиновности.

После разгрома «банды четырех» и начала процесса восстановления порушенной правовой системы появление в 1979 г. первого в истории КНР УПК стало важной вехой в развитии китайского права. УПК в редакции 1979 г. состоял из 4 разделов, 17 глав, 164 статей. В нем закреплялись принципы верховенства закона, опоры на массы, независи-

мости суда при осуществлении правосудия, равенства всех перед законом, право обвиняемого на защиту, право на обжалование судебных решений. Хотя данный правотворческий акт и являлся для того времени достаточно прогрессивным документом, однако многие его положения предполагали неоднозначное толкование, налицо была слабая юридическая техника при подготовке содержания Кодекса.

По мере продвижения реформ и существенных изменений внутри страны, начиная с 1993 г., китайские ученые и практики приступили к активной разработке проекта нового УПК. Итогом работы стало внесение 17.03.1996 важных поправок в УПК КНР, объем и содержание которых позволяет утверждать, что в правовой системе страны появился новый по содержанию Уголовно-процессуальный кодекс. В редакции от 1996 г. УПК КНР состоял из 4 разделов, Дополнительного положения, 17 глав, 225 статей. Именно в это время впервые в КНР на законодательном уровне оказался закрепленным принцип презумпции невиновности, ранее китайском законом не известный (ст. 12) («никто не может быть признан виновным в совершении преступления, если нет вынесенного в соответствии с законом приговора суда»).

В последующее время китайским законодателем были внесены и другие важные изменения, датируемые 2007 и 2012 гг. Скажем несколько слов о важных поправках 2012 г.

14 марта на 5-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва китайский законодатель внес существенные изменения в действующий УПК КНР. В новой редакции он вступил в силу 01.01.2013, количество статей увеличилось с 225 до 290. Основные изменения коснулись вопросов совершенствования системы сбора доказательств, мер принуждения, института защитника в процессе, следственных действий, процесса судопроизводства по уголовному делу, положений об исполнении наказания, особого порядка производства. Одним из важных изменений явилось включение в текст УПК формулировки «уважение и обеспечение прав человека» (ст. 2), что теперь относится к задачам уголовно-процессуального закона. В этом проявилась тенденция китайской правотворческой деятельности по внедрению закрепленных в Конституции КНР норм в действующее базовое законодательство. Кроме того, поправками был усилен институт контроля органов народной прокуратуры за решениями органов общественной безопасности по вопросам возбуждения либо отказа в возбуждении уголовных дел¹⁶⁹. Впервые законодательно запрещается «выбивание» показаний от участвующих в деле подозреваемых и обвиняемых лиц (ст. 54).

До принятия поправок на заседании ПК ВСНП, Комитет по законодательной работе ВСНП еще 30.08.2011 разместил их у себя на официальном сайте (для сбора мнений специалистов и китайской общественности). И уже только за половину дня с момента появления документа в международной сети Интернет поступило около тысячи мнений со стороны разных лиц¹⁷⁰.

Существенный масштаб внесенных поправок свидетельствует о том, что китайский законодатель уделяет большое внимание уголовно-процессуальной сфере. Характер некоторых из них, несомненно, вызовет у российских специалистов значительный интерес. Так, ст. 64 гл. 6 «Меры пресечения» прежней редакции УПК гласила (ч. 2): «После задержания лица, кроме случаев, когда это может помешать производству предварительного следствия либо когда нет возможности сообщить о задержании, в течение двадцати четырех часов с момента задержания следует уведомить членов семьи задержанного либо организацию, в которой задержанный работает, о причинах задержания и месте его содержания»¹⁷¹. Таким образом, китайский законодатель закреплял два обстоятельства, при наличии которых о задержании лица не ставились в известность его родственники либо работодатель: 1) когда это могло помешать производству по делу; 2) при отсутствии возможности такого оповещения.

В новой редакции УПК КНР содержит ст. 83, ч. 2 которой гласит: «После задержания необходимо немедленно доставить задержанного в место предварительного заключения для содержания под стражей, доставление не должно превышать 24 часов. Необходимо в течение 24 часов после задержания уведомить членов семьи задержанного, за исключением случаев, когда невозможно сообщить о задержании либо когда такое сообщение по делам, касающимся преступлений против государственной безопасности, терроризма может воспрепятствовать проведению предварительного расследования. После отпадения обстоятельств, препятствующих проведению расследования, следует незамедлительно уведомить членов семьи задержанного». Таким образом, правотворец пошел по пути сужения обстоятельств, при наличии которых родственники задержанного не ставятся в известность о его задержании: 1) как и прежде, осталось обстоятельство «отсутствует возможность оповещения»; 2) лицо задержано по делам о государственной безопасности и/или по делам, связанным с террористической деятельностью. Во всех остальных случаях в обязанность правоохранителя вменяется опо-

вещение соответствующих лиц. Вместе с этим поправкой сужен круг субъектов оповещения: с родственников и работодателя (в старой редакции) до родственников (новая редакция).

В настоящее время действующий УПК КНР состоит из 5 разделов, Дополнительного положения, 290 статей. Кодекс достаточно подробно регламентирует вопросы привлечения лица к уголовной ответственности, участие защиты в процессе, утверждение приговора к высшей мере наказания, предъявление в рамках уголовного процесса гражданского иска. В целом, положения Кодекса свидетельствуют о высоком уровне регулирования уголовно-процессуальной сферы китайским законодателем.

Гражданский процесс

Основным правовым актом в сфере китайского гражданского процесса выступает принятый в 1991 г. Гражданско-процессуальный кодекс КНР, который с учетом внесенных в него в 2007 и 2012 гг. изменений состоит из 4 разделов, 27 глав, 284 статей. До появления ГПК правовой системе Китая были известны «Общие принципы судопроизводства по гражданским делам в народных судах различных ступеней» (приняты Верховным народным судом в 1956 г.), Постановление «О системе судопроизводства по гражданским делам в народных судах» (принято Верховным народным судом в 1979 г.), а в марте 1982 г. появился ГПК КНР, применяемый, однако, в опытный порядке.

Экспериментальный ГПК состоял из 5 разделов, 23 глав, 205 статей. В нем закреплялись положения, затрагивающие вопросы общего производства в суде первой инстанции (раздел 2), исполнительного производства (раздел 4) и др. По своему характеру экспериментальный Кодекс отличался существенным ограничением принципов диспозитивности и состязательности сторон, основная ответственность по сбору доказательств лежала на народном суде.

По ходу применения в опытный порядок ГПК 1982 г. китайские юристы работали над проектом более совершенного документа. Результатом стало появление на 4-й сессии ВСНП 7-го созыва 09.04.1991 нового ГПК КНР, принятого уже не в экспериментальном, а в окончательном виде¹⁷².

Раздел 1 действующего ГПК носит название «Общие положения» и посвящен вопросам подсудности, составу суда, отводам, правому статусу лиц, участвующих в процессе, доказательствам, важному институту перемирия сторон и другим общим вопросам.

Раздел 2 Кодекса объединяет в себя содержащиеся ранее в экспериментальном ГПК в разных разделах положения, регулирующие вопросы производства в суде первой и второй инстанций, а также производства в порядке надзора, приказного производства, вызывного производства, производства по делам о банкротстве предприятий, являющихся юридическими лицами, и возврате долгов. Приказное производство направлено на упрощение и ускорение рассмотрения дел в случаях, когда предполагается, что требование кредитора бесспорно и должник не будет ему возражать. Так, ч. 1 ст. 214 гласит: «Заявление о вынесении судебного приказа может быть подано в народный суд по правилам подсудности в случае, когда требования, предъявляемые кредитором к должнику о взыскании денежных сумм или выплат по ценным бумагам, отвечают следующим условиям:

— между кредитором и должником отсутствуют другие долговые споры;

— судебный приказ может быть вручен ответчику».

Раздел 4 ГПК КНР посвящен вопросам исполнительного производства, которое, так же, как и в России, чрезвычайно важно для получивших решения о взыскании юридических и физических лиц. Раздел 5 регулирует вопросы производства по гражданским делам с участием иностранных лиц, определяя общие принципы, подсудность, сроки, обеспечительные меры и т.д. Положения данной главы должны применяться с учетом содержащихся в Законе КНР «О применении законодательства в гражданско-правовых отношениях с участием иностранных лиц норм» (28.10.2010).

К основному содержанию внесенных в 2012 г. изменений в ГПК КНР отечественные специалисты относят: «Появился принцип добросовестности; определена подсудность корпоративных споров; изменились правила подсудности по соглашению; расширен перечень оснований для отвода сотрудников суда; появилась возможность подачи иска в защиту прав неопределенного круга лиц; расширен перечень лиц, которые могут быть назначены представителями; расширен перечень доказательств; увеличены суммы штрафов за гражданско-процессуальные нарушения; появилось требование к судам об обязательной публикации решений и определений; появилась возможность выбора упрощенного производства по соглашению; определены правила производства по мелким спорам; введена процедура по делам о подтверждении мировых соглашений; введена процедура по делам о реализации залога; значи-

тельные изменения в надзорном производстве; усовершенствовано исполнительное производство; расширены полномочия прокуратуры в сфере гражданского судопроизводства»¹⁷³.

В целом следует констатировать, что гражданско-процессуальное право Китая достаточно развито и включает в себя, кроме ГПК, законы, регулирующие деятельность народных судов, местные акты правотворчества, Постановления Верховного народного суда по вопросам применения норм гражданско-процессуального права¹⁷⁴.

Административный процесс

Административный процесс играет важную роль в процессуальном праве Китая. Еще в принятой 29.09.1949 Общей программе Народно-политического консультативного совета Китая, игравшей до 1954 г. роль Конституции КНР, устанавливалось: «Граждане и народные организации имеют право обращаться во все органы народного контроля или народные судебные органы с жалобой на любые государственные органы или на любое должностное лицо в случае совершения ими противозаконных действий или нарушения служебного долга» (ч. 2 ст. 19). В первой китайской Конституции 1954 г. в ст. 97 также закреплялось право граждан КНР на обращение в государственные органы с жалобой в письменной или устной форме на работников государственного аппарата в случае нарушения ими законов или служебного долга. При этом предусматривалась выплата компенсации в случае причинения вреда интересам граждан. Такое же право на обжалование действий должностных лиц содержится и в ст. 41 действующей Конституции КНР.

После «культурной революции» административный процесс стал приобретать в меняющемся китайском обществе все большее значение. Резко возросло количество обращений граждан в суды с требованием отмены незаконных действий, решений должностных лиц, участились случаи привлечения самих граждан к административной ответственности. 04.04.1989 впервые в правовой системе КНР появляется хорошо разработанный Административно-процессуальный кодекс¹⁷⁵, который претерпел изменения лишь единожды — в ноябре 2014 г. В новой редакции АПК КНР вступил в силу 1 мая 2015 г. Одновременно с ним принято новое разъяснение Верховного народного суда КНР о применении АПК КНР в судебной системе.

Кодекс состоит из 10 глав и 103 статей. В старой редакции ст. 1 гласила, что он был принят «в целях обеспечения **точного**, своевременного рассмотрения административных дел, **обеспечения** законных прав

и интересов граждан, юридических лиц и иных организаций, **защиты** и контроля над исполнением в соответствии с законом административными органами своих административных полномочий». В новой редакции слово «точного» заменено на **«справедливого»**, перед словом «обеспечения» добавлена фраза: **«разрешения административных споров»**, исключено слово «защиты».

В Китае не существует специальной системы органов административной юстиции, однако в судебной системе при народных судах всех уровней создаются административные палаты, принимающие в свое производство административные дела. Согласно ч. 2 ст. 4 АПК КНР «для рассмотрения административных дел при народных судах создаются судебные палаты по административным делам». Практика рассмотрения административных дел в народных судах КНР свидетельствует, что большинство из них рассматривается низовыми народными судами по первой инстанции.

В соответствии со ст. 13 определен круг административных дел, которые народные суды не принимают к своему рассмотрению:

1) по действиям государства в таких сферах, как оборона, дипломатия;

2) в отношении административно-правовых актов, правил либо утвержденных и опубликованных административными органами решений, распоряжений, имеющих обязательную силу для всех;

3) в отношении таких решений, как поощрение и наказание, назначение на должность и снятие с должности административными органами сотрудников административных органов;

4) в отношении конкретных административных действий, по которым, как определено законом, административные органы принимают окончательное решение (ст. 13).

Доказательствами, принимаемыми народными судами в рамках административного процесса, могут служить (ст. 33): письменные доказательства, вещественные доказательства, аудио- и видеоматериалы, электронные базы, свидетельские показания, пояснения сторон дела, экспертное мнение, исследовательские протоколы, протоколы с места. Таким образом, в сравнении с первоначальной редакцией, законодатель расширил круг доказательств за счет включения в них «электронных баз данных» и «экспертное мнение».

Глава 6 АПК КНР устанавливает процедуру подачи исков и приема дел к рассмотрению. Глава 7 содержит положения, касающиеся

рассмотрения дела и вынесения по нему решений. В соответствии со ст. 81 народный суд обязан вынести решение в первой инстанции в 6 месячный срок со дня открытия дела (ранее в ст. 57 срок был в 3 месяца). Апелляция на решение суда должна быть подана стороной в течение 10 дней, окончательное решение выносится в течение 3 месяцев (ст. 88) (ранее в ст. 60 — 2 месяцев).

Административный процесс КНР по степени развитости стоит в одном ряду с уголовным и гражданским процессами. Внесенные в 2014 г. поправки требуют своего отдельного изучения российскими специалистами для понимания глубинных процессов, в нем происходящих.

Арбитражный процесс

История функционирования арбитражных органов начинается практически сразу после образования КНР в 1949 г. По мере проводимых в стране реформ перед властями Китая стала задача разработки механизма арбитражного разрешения споров между субъектами социалистической экономики в случаях нарушения организациями договоров подряда, снабжения, сбыта и т.д. В 1950-е годы появляются первые нормативные правовые акты, направленные на регулирование арбитражной деятельности. Однако арбитраж так и не получил широкого применения в правовой системе КНР в 50-е — 70-е годы XX века по причине непрекращающихся разрушительных политических кампаний.

С началом осуществления в КНР политики реформ и открытости (декабрь 1978 г.) по всей стране стали возникать новые формы экономических отношений, создаваться частные предприятия, в том числе и с участием иностранного капитала. Новые реалии требовали от руководства страны немедленного принятия целого ряда нормативных актов для правового закрепления происходящих в стране преобразований.

В августе 1983 г. Государственный совет КНР обнародовал **Положение «Об арбитраже по хозяйственным договорам»** (中华人民共和国经济合同仲裁条例), которое в корне изменило существовавшую ранее систему раздельного арбитража. В ст. 1 закреплялось, что оно «...принято в соответствии с Законом КНР о хозяйственном договоре в целях правильного разрешения споров по хозяйственным договорам, защиты законных прав и интересов сторон, охраны социалистического рыночного порядка».

Законодатель обязал участников арбитража придерживаться фундаментальных принципов арбитражного разрешения споров по хозяйственным договорам: 1) «руководствоваться фактами», «осуществ-

лять арбитражное рассмотрение в соответствии с государственными законами, административным законодательством и политическим курсом»; 2) «равенство сторон перед законом»; 3) в районах компактного проживания национальных меньшинств вести разбирательства на местном языке, все документы по делу также подлежали переводу на местный язык и т.д. В обязанность арбитражных органов вменялось осуществление системы одноразовых арбитражных решений (ст. 3), придерживаться системы отводов (ст. 17, 18), изменять ошибочно принятые решения (ст. 34) и многое другое.

В апреле 1991 г. был принят ГПК КНР, который закрепил, что стороны при заключении договора должны заранее оговорить арбитражную либо судебную форму защиты своих прав. При этом в случае неудовлетворения вынесенным арбитражным решением одной из сторон, право на его обжалование в судебном порядке не предусматривалось. Само исполнение вынесенного арбитражного решения в принудительном порядке по-прежнему возлагалось на народный суд.

Новой вехой в истории китайского арбитража стало принятие в августе 1994 г. Арбитражного кодекса КНР, который вступил в силу в сентябре 1995 г. Документ состоит из 4 глав, 80 статей. Нормы, в нем закрепленные, продолжают действовать до настоящего времени. Арбитражный кодекс КНР «...вводит множество новых норм относительно организации и порядка деятельности арбитражей, гораздо четче и полнее выражает свою направленность на соблюдение прав и интересов сторон в арбитражном процессе»¹⁷⁶.

Институт арбитража получил свое регулирование и в рамках некоторых иных актов правотворчества. К важнейшим из них следует отнести:

1) **Закон КНР «Об арбитражном разрешении трудовых споров»** (принят на 31-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 29.12.2007);

2) **Закон КНР «Об арбитражном урегулировании хозяйственных споров по земельным подрядам в деревнях»** (принят на 9-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 27.06.2009).

2 декабря 1986 г. КНР была ратифицирована Нью-Йоркская Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (10.06.1958). В целях эффективного ее применения Верховный народный суд издал Уведомление «Об осуществлении присоединения КНР к Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (10.04.1987).

Отметим, что согласно ст. 3 Арбитражного кодекса КНР «арбитражное разрешение споров не применяется по: 1) спорам, касающимся брака, опекуна, содержания (алиментов), наследования и 2) административным спорам, разбирательство которых должно проводиться административными органами. К основным принципам современного арбитража китайский правотворец относит принцип добровольности (ст. 4), принцип выбора, исключающего одновременное обращение в арбитраж и в народный суд (ст. 5), принцип проведения арбитражного разбирательства на основе достоверных фактов, действующего законодательства, справедливости и обоснованности (ст. 7), принцип независимости арбитража (ст. 8), принцип окончательного рассмотрения дела в одной инстанции (ст. 9).

При наличии арбитражного соглашения, заключенного сторонами на добровольной основе, народный суд должен отказать в приеме заявления, подаваемого одной из сторон, за исключением случаев недействительности арбитражного соглашения. Арбитражная комиссия или народный суд также должны отказать в приеме к рассмотрению заявления стороны о проведении повторного арбитражного разбирательства или обращения в народный суд с иском в отношении спора, по которому принято арбитражное решение. В случае отмены или отказа в исполнении решения арбитража народным судом в соответствии с законом в отношении данного спора стороны могут подать заявление о проведении арбитража на основании повторно заключенного арбитражного соглашения. При этом допускается и обращение с иском в народный суд.

В обязанность сторон вменяется добровольное исполнение арбитражного решения. В случае невыполнения одной из сторон арбитражного решения другая сторона может обратиться в народный суд с заявлением о приведении решения в исполнения на основании соответствующих положений Гражданского процессуального кодекса КНР. Народный суд, принявший заявление к рассмотрению, обязан привести арбитражное решение для исполнения (ст. 62).

В области арбитража китайский законодатель все еще находится в процессе совершенствования действующих правовых норм, регламентирующих деятельность арбитражных судов в стране. Необходимость учета международного опыта, соответствия общим принципам международного арбитража требует от властей доработки действующих в КНР арбитражных положений.

* * *

1. Китайская юридическая наука и правоприменительная практика рассматривают в качестве самостоятельных отраслей публичного и частного права экологическое, энергетическое, трудовое и военное право. До 1978 г. их роль в правовой системе КНР была незначительной, они признавались лишь в качестве подотраслей гражданского и административного права.

После начала политики реформ и открытости, по мере бурного экономического развития страны, экологическое, энергетическое и трудовое законодательство приобрело чрезвычайно важное значение. Законодатель обратил внимание на природоохранные нормы по причине резко ухудшающейся экологической ситуации. Для реализации пятилетних планов развития государству требовалось наладить бесперебойное снабжение экономики ресурсами, главным из которых стала энергетика. Это, в свою очередь, привело к развитию правотворчества в энергетической сфере. Рост экономики привел и к увеличению участвующих в хозяйственной деятельности юридических и физических лиц. Потребовалось более четкое законодательство, всесторонне регулирующее трудовые отношения между работником и работодателем.

Что касается военного права, то оно также получило свое развитие именно в годы реформ. Армия всегда являлась опорой китайской государственности. Не случайно, что во главе Центрального военного совета КНР стоит руководитель китайского государства. В связи с ростом угроз государственной безопасности, в последние годы в правовой системе КНР стали появляться уникальные законы, направленные на усиление обороноспособности страны. Военное право превратилось в одну из наиболее развитых отраслей публичного права Китая;

2. Приходится констатировать несовершенство правового регулирования многих действующих в рассмотренных отраслях права институтов. Экологическое законодательство до сих пор не способно предотвратить наносимый предприятиями ущерб природе. В погоне за прибылью бизнес находит пути обхода его норм. Акты правотворчества, действующие в энергетической сфере, не дают ответа на современные вопросы в сфере альтернативных источников энергии, ставится под сомнение возможность властей преодолеть кризисные явления в этой важной для экономики страны сфере. Трудовое законодательство содержит ряд противоречивых норм, которые используются правоприменителем

по собственному усмотрению в ущерб интересам работника. С большими трудностями решаются вопросы правовой борьбы с безработицей. Военное право не дает точного ответа на вопрос о возможном применении Китаем вооруженных сил за пределами государства. В связи с развивающимся территориальным конфликтом в Южно-китайском море, усилением военно-политической поддержки со стороны США Китайской Республике на Тайване этот вопрос приобретает первостепенный характер;

3. Более чем материальное право в КНР развито право процессуальное. Необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что в Китае, даже при отсутствии кодифицированных актов правотворчества в гражданской и административной сферах, уже давно приняты и успешно применяются Гражданско-процессуальный и Административно-процессуальный кодексы. Перед ними в 1979 г. в правовой системе появился Уголовно-процессуальный кодекс КНР. Само процедурное право Китая, частью которого является право процессуальное, подтверждено более полной и точной регуляцией. При этом многие его институты облеклись в правовую форму лишь недавно. Так, фундаментальный институт презумпции невиновности, известный еще римскому праву, был включен в китайский УПК лишь в 1996 г. Тем не менее, процедурное право КНР интересно и содержит в себе уникальные нормы с присущей Китаю спецификой.

Литература

¹ 中国特色社会主义法律体系前沿问题研究 (Чжунго тэсэ шэхуэй чжуи фалюй тиси цянъянь вэньти яньцзю) : [Исследование важнейших вопросов социалистической правовой системы с китайской спецификой]. Под ред. Сунь Гохуа, Фэн Юйцзюня. Пекин: Китайская демократия и законность, 2005. С. 389 (на кит. яз.).

² Хан Даюань. Законодательная реформа в Китае и изменения Конституции // Проблемы развития государства и общества в России и Китае после 1990 года. Материалы российско-китайского симпозиума. М.: МГЮА, 2006. С. 22.

³ См.: Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1950. С. 30—49.

⁴ Гудошников Л.М. Конституция Китайской Народной Республики в процессе исторических перемен и реформ (К двадцатой годовщине принятия действующей Конституции КНР) // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 12.

⁵ Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики (1954—1958). Пер. с кит. / под ред. А.Г. Крымова и М.А. Шафира. М.: Иностранная литература, 1959. С. 29—53.

⁶ Жэньминь хуабao. 2010. № 7. С. 25 (на кит. яз.).

⁷ Хань Даюань. «五四宪法»的历史地位与时代精神 («Усы Сяньфа» дэ лишэ дивэй юй шидай цзиншэнь) : [Место в истории и эпохальный дух «Конституции 54-го года] // Чжунго фасюе. 2014. № 4. С. 28 (на кит. яз.).

⁸ См.: Лю Шао-Ци. О проекте Конституции Китайской Народной Республики. Конституция Китайской Народной Республики. Пекин: Лит. на иностр.яз., 1954.

⁹ Гудошников Л.М. Развитие Конституции КНР // Проблемы развития государства и общества в России и Китае после 1990 года. Материалы российско-китайского симпозиума. М.: МГЮА, 2006. С. 28.

¹⁰ Чжу Фухуэй. «五四宪法»与国家机构体系的形成与创新 («Усы Сяньфа» юй гоцзя цзигоу тиси дэ синчэн юй чуансинь) : [Конституция 54-го года и формирование, инновации системы государственных органов] // Чжунго фасюе. 2014. № 4. С. 50 (на кит. яз.).

¹¹ См.: Максимова О.О. Институт Председателя Китайской Народной Республики в политико-правовом развитии страны // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 65—71.

¹² Цинь Цяньхун. «五四宪法»草案初稿中国家主席制度的雏形 («Усы Сяньфа» цаоань чугао гоцзя чжуси чжиду дэ чусин) : [Прототип системы государственного Председателя по первым проектам «Конституции 54-го года»] // Чжунго фасюе. 2014. № 4. С. 77—92 (на кит. яз.).

¹³ См.: Гудошников Л.М. Антинародная конституционная декларация маоистов // Советское государство и право. 1976. № 2. С. 95—102.

¹⁴ См.: Чжан Цзиньфань. 中国宪法史 (Чжунго Сяньфа ши) : [История китайской Конституции]. Чанчун: Цилин жэньминь чубаньшэ, 2004. С. 339—343 (на кит.яз.).

¹⁵ См.: Желоховцев А. «Культурная революция» с близкого расстояния (Записки очевидца). М.: Политическая литература, 1973.

¹⁶ Гудошников Л.М. Две конституции Китайской Народной Республики // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 2. С. 70.

¹⁷ Инако Цуэно. Право и политика современного Китая. 1949—1975 гг. Пер. с яп. В.В. Батуренко и Е.Г. Пашенко / под ред. Л.М. Гудошникова и В.И. Прокопова. М.: Прогресс, 1978. С. 267.

¹⁸ См.: 新中国宪法发展60年 (Синь Чжунго Сяньфа фачжань 60 нянь) (60 лет развития Конституции нового Китая) / под ред. Хань Даюань. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 134—166 (на кит. яз.).

¹⁹ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 45.

²⁰ Гудошников Л.М. Третья конституция КНР // Советское государство и право. 1979. № 1. С. 36.

²¹ См.: Гудошников Л.М. Конституция 1978 г. и начало правовостановительного процесса в Китае // Публично-правовые исследования. 2008. Т.3. С. 119—129.

²² См.: Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов / сост., ред. и авт. предисл. Л.М. Гудошников. М.: Зерцало-М, 2004. С. 24—55.

²³ См.: 法学原理与案例教程 (Сяньфасюе юаньли юй аньли цзяочэн) : [Учебный курс по основным положениям конституционного права и практические примеры] / под ред. Ху Цзиньгуан. Пекин, 2006. С. 242 (на кит. яз.). Также: URL: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2003-06/04/content_902806.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит.яз.).

²⁴ См.: Дун Хэпин. 法修改的基本经验与中国宪法的发展 (Сяньфа сюгай дэ цзибэнь цзинянь юй Чжунго Сяньфа дэ фачжань) : [Основной опыт конституционных изменений и развитие китайской Конституции] // Чжунго фасюе. 2012. № 4. С. 45—53 (на кит. яз.).

²⁵ См.: 法理学 (Фали сюе) : [Теория права] // под ред. Чжан Вэньсяна. Пекин, 1997. С. 245—250 (на кит. яз.). Хотя сама идея правового государства в ее современном виде пришла в Китай с Запада лишь в 20-м веке, тем не менее, предпосылки для ее возникновения на китайской почве были заложены еще в далеком 17 веке. Подробнее см.: Максимов Д.А. Идея правового государства в Китае в начале 20 века // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в 21 веке. Тезисы докладов 12 Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». (Москва, 25—27 сентября 2001 г.). Часть 2. М., 2001. С. 144—148.

²⁶ Гудошников Л.М. Конституция Китайской Народной Республики в процессе исторических перемен и реформ (К двадцатой годовщине принятия действующей Конституции КНР) // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 19—20.

²⁷ URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/全国人民代表大会常务委员会> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

²⁸ Сюй Чундэ. 中华人民共和国宪法史 (Чжунхуа жэньминь гунхэго Сяньфаши) : [История Конституции Китайской Народной Республики]. Фуцзянь: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ, 2003. С. 602—603 (на кит. яз.).

²⁹ Чжоу Фан. Государственные органы Китайской Народной Республики. Пер. с кит. Л.М. Гудошников и Г.С. Остроумова / под ред. М.А. Шафира. М.: Иностранная литература, 1958. С. 104.

³⁰ Лю Шао-ци. О проекте Конституции Китайской Народной Республики // Конституция Китайской Народной Республики. Пекин, 1954. С. 46. Цит. по: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть: учебник / рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А. Страшун. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2008. С. 795.

³¹ Гудошников Л.М. О статусе Председателя Китайской Народной Республики // Публично-правовые исследования. 2007. Т. 2. С. 298—299.

³² Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 29.

³³ Государственный строй Китайской Народной Республики / отв. ред. Л.М. Гудошников. М.: Наука, 1988. С. 191.

³⁴ Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 84.

³⁵ См., напр.: Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права: В 2 т. Том второй. М.: Статут, 2011. С. 235—303.

³⁶ См., напр.: Гудошников Л.М., Поляков В.П. Развитие конституционного права Китайской Народной Республики (1988—2004 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 47—52.

³⁷ Жэньминь жибао. 26.08.2014 (на кит. яз.).

³⁸ Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (7—13 вв.). М.: Наука, 1986. С. 7.

³⁹ Уголовный кодекс Китайской Республики. Распубликован Националистическим правительством в марте 17 г. Китайской Республики и введен в действие тем же правительством в июле того же года, а в Особом Районе Восточных Провинций 7 января 18 г. Китайской Республики (1929 г.): Пер. с кит. / под ред. Е.С. Павликовского. Пер.: Пэн Ко-Ци, Чжао Дэ-Сюань. Харбин: Отд. Тип. Кит. Вост. жел. дор., 1929.

⁴⁰ Камков А.А. Очерки современного уголовного права Китайской Республики. Вып. № 1. М., 1935. С. 7.

⁴¹ Советские районы Китая. Законодательство Китайской Советской Республики. 1931—1934. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. С. 127—133.

⁴² Имамов Э.З. Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретически вопросы Общей части / под ред. Л.М. Гудошникова. М.: Наука, 1990. С. 9.

⁴³ Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики / под ред. Н.Г. Сударикова. М.: Иностранная литература, 1955. С. 607—655.

⁴⁴ Яковлев М.И. 17 лет в Китае. М.: Политиздат, 1981. С. 9.

⁴⁵ Инако Цуэно. Право и политика современного Китая. 1949—1975 гг. Пер. с яп. В.В. Батуренко и Е.Г. Пашенко / под ред. Л.М. Гудошникова и В.И. Прокопова. М.: Прогресс, 1978. С. 69, 71.

⁴⁶ Гельфер М.А. Уголовное законодательство Китайской Народной Республики (Учебное пособие для студентов ВЮЗИ). М.: ВЮЗИ, 1955. С. 19.

⁴⁷ 新中国法制建设与法学发展60年 (Синь Чжунго фачжи цзяньшэ юй фасюе фачжань 60 нянь) : [60 лет правовому строительству и развитию юридической науки нового Китая] / под ред. Ли Линя. Пекин: Изд-во работ по общественным наукам, 2010. С. 133 (на кит. яз.).

⁴⁸ URL: <http://baike.baidu.com/subview/3227760/11115612.htm> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁴⁹ См.: КНР. Конституция и законодательные акты / под ред. Л.М. Гудошникова. М.: Прогресс, 1984.

⁵⁰ См.: КНР... С. 331—376.

⁵¹ Жэньминь жибао. 30.11.79 (на кит. яз.).

⁵² См.: 中国经济犯罪罪行论 (Чжунго цзинци фаньцзуй цзуйсин лунь) : [Китайская теория уголовного наказания за экономические преступления] / под ред. Чжан Цюна. Пекин, 1989 (на кит. яз.); 经济犯罪与对策 (Цзинци фаньцзуй юй дуйцэ) : [Экономические преступления и противодействие им] / под ред. Чжан Чжэньфана. Хэбэй, 1989 (на кит. яз.).

⁵³ Труды Дэн Сяопина. Пекин, 1983. С. 359.

⁵⁴ URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64568/65445/4526290.html> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁵⁵ 犯罪学教程 (Фаньцзуйсюе цзяочэн) : [Курс по криминологии] / под ред. Шан Сяопин и Ян Сюэфэн. Пекин, 2008. С. 123 (на кит. яз.).

⁵⁶ Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. М.: Муравей, 2000. С. 7.

⁵⁷ Полный перевод УК КНР см.: Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное... С. 253—408.

⁵⁸ См.: Трощинский П. Основные направления борьбы с преступностью в современном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 2. С. 99—111. Также:

Трошинский П.В. Борьба с преступностью в Китае: нормативно-правовой аспект // Журнал Российского права. 2015. № 8. С. 47—58.

⁵⁹ URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-03/17/c_119797489.htm (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁶⁰ URL: http://www.npc.gov.cn/npc/dbdhhy/12_3/2015-03/20/content_1930946.htm (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁶¹ Подр. об УПК КНР см.: Трошинский П.В. Уголовный процесс // Политическая система и право в процессе реформ 1978—2005 / рук. авт. колл. Л.М. Гудошников. М.: Русская панорама, 2007. С. 303—324.

⁶² Ли Гоцян. Краткий анализ восьмой поправки к Уголовному кодексу КНР, отменяющей смертную казнь как меру наказания за 13 составов преступлений // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 65.

⁶³ URL: http://news.xinhuanet.com/2011-02/25/c_121123806.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁶⁴ См.: Чжао Бинчжи. 于中国现阶段慎用死刑的思考 (Гуаньюй Чжунго сянь цзэдуань шэньюн сысин дэ сыкао) : [Размышления об осторожном применении смертной казни в Китае на современном этапе] // Чжунго фасюе. 2011. № 6. С. 5—22 (на кит.яз.).

⁶⁵ Дунфан цзаобао. 27.11.2008. С.А11 (на кит.яз.).

⁶⁶ URL: http://news.xinhuanet.com/legal/2004-08/25/content_1880027.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁶⁷ URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/gazeta019.php> (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁶⁸ Жэньминь жибао. 24.08.2014 (на кит.яз.).

⁶⁹ URL: <http://cn.nytimes.com/china/20141216/c16teenager/> (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁷⁰ См., напр.: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц за наркопреступления по законодательству Китайской Народной Республики // Наркоконтроль. 2015. № 1. С. 37—47; Федоров А.В. Китайское законодательство об уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Человек и закон. 2015. № 4. С. 25—35.

⁷¹ См.: Чжан Минкай. 适应经济体制改革正确认定经济犯罪 (Шиин цзинци тичжи гайгэ чжэньцюэ жэньдин цзинци фаньцзуй) : [Правильно квалифицировать экономические преступления в соответствии с требованиями реформы экономической системы] // Цзинци тичжи гайгэ юй дацзи цзинци фаньцзуй (Реформа экономической системы и борьба с экономическими преступлениями). Пекин, 1987. С. 43.

⁷² Имамов Э.З. Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретические вопросы Общей части / под ред. Л.М. Гудошникова. М: Наука, 1990. С. 65.

⁷³ 刑法学 (Синфа суюе) : [Уголовное право] / под ред. Су Хуэйюй. Пекин, 1997. С. 280.

⁷⁴ См.: 刑事案件审判依据 (Синши аньцзянь шэньпань ицзюй) : [Источники для судебных разбирательств по уголовным делам]. Пекин, 2008. С. 121, 125 (на кит. яз.).

⁷⁵ Хэ Бинсун. 单位 (法人) 犯罪的概念及其理论根据 (Даньвэй (фажэнь) фаньцзуйдэ гайнянь цзи ци лилунь гэньцзюй) : [Понятие совершенного организацией (юридическим лицом) преступления и его теоретическое основание] // Фасюе яньцзю. 1998. № 2. С. 95 (на кит. яз.).

⁷⁶ Подр. см.: 法人犯罪与刑事责任 (Фажэнь фаньцзуй юй синши цзэжэнь) : [Преступления, совершенные юридическими лицами и уголовная ответственность] / под ред. Хэ Бинсуна. Пекин, 1991. С. 534 (на кит. яз.).

⁷⁷ URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2014-04/25/content_1861277.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на китайском языке).

⁷⁸ Имамов Э.З. Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретические вопросы Общей части / под ред. Л.М. Гудошникова. М: Наука, 1990. С. 35.

⁷⁹ См.: Федоров А.В. К столетию Шанхайской опиумной комиссии 1909 г. // Наркоконтроль. 2008. № 4. С. 38—40; Федоров А.В., Федулов А.В. Первая международная конвенция о контроле над наркотиками // Наркоконтроль. 2007. № 4. С. 37—43.

⁸⁰ Почагина О.В. Наркомания и китайская молодежь // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 5. С. 103.

⁸¹ См.: 走进北京警察博物馆 (Цоуцзинь бейцзин цзинча бовугуань) : [Посещая пекинский музей полиции] / под ред. Лю Дэ. Пекин, 2002. С. 20 (на кит. яз.).

⁸² Ахметшин Н.Х. История уголовного права КНР. М.: МЗ Пресс, 2005. С. 223.

⁸³ См.: Комиссина И.Н. Наркоситуация в Китае: последствия для России // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 1. С. 99—119.

⁸⁴ URL: http://www.360doc.com/content/14/0629/21/12018718_390818937.shtml (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁸⁵ URL: <http://www.hudong.com/wiki/阿克毛> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁸⁶ URL: http://russian.news.cn/china/2009-12/30/c_13123179.htm (дата обращения - 15.02.2016).

⁸⁷ URL: http://www.ddhw.net/viewheadlinenews.aspx?topic_id=1000&msg_id=96459 (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.).

⁸⁸ См., напр.: Колесников К.А. Консолидация антинаркотического законодательства: опыт Китайской Народной Республики // Наркоконтроль. 2012. № 1. С. 38—39; Диченко А.А. Борьба с незаконным оборотом наркотиков в КНР: история, современность, международный аспект // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 136—143.

⁸⁹ См., напр.: Федоров А.В. Ответственность юридических лиц за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в Королевстве Испания // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 33 — 35.

⁹⁰ Пашенко Е.Г. Экономическая реформа в КНР и гражданское право. М.: Спарк, 1997. С. 5.

⁹¹ Ли Минян (Li Mingyang). Коллизионные проблемы в современном Китае. Автореф. дисс. ... канд.юр.наук. М., 2009. С. 15.

⁹² Жэньминь жибао. 04.04.86 (на кит. яз.)

⁹³ Инако Цуэно. Право и политика современного Китая. 1949—1975 гг. Пер. с яп. В.В. Батуренко и Е.Г. Пашенко / под ред. Л.М. Гудошников и В.И. Прокопова. М.: Прогресс, 1978. С. 25.

⁹⁴ См.: Мэн Сянпэй. 伪满州国民法典若干问题研究 (Вэй Маньчжоуго миньфадянь жогань вэньти яньцзю) : [Исследование некоторых вопросов Гражданского кодекса фальшивого государства Маньчжоу-го] // Шэхуэй кэсюе. 2008. № 12. С. 88—93 (на кит. яз.).

⁹⁵ Правовые аспекты модернизации в КНР / под ред. Л.М. Гудошников. М.: Наука, 1990. С. 78.

⁹⁶ Дэн Сяопин. Избранное (1975—1982). Пекин, 1985. С. 179—180.

⁹⁷ 民法学 (Миньфасюе) : [Гражданское право] / под ред. Пэн Ваньлина. Пекин: Политико-юридический институт, 1999. С. 10 (на кит. яз.)

⁹⁸ Жэньминь жибао. 14, 15.12.85 (на кит. яз.).

⁹⁹ Жэньминь жибао. 03.04.86 (на кит. яз.).

¹⁰⁰ См.: Гудошников Л.М., Пашенко Е.Г. Первая систематизация гражданского права КНР // Советское государство и право. 1988. № 2. С. 89—94.

¹⁰¹ Лю Цзюнь Пин. Кодификация гражданского законодательства в Китайской Народной Республике. Автореф. дисс. ... канд.юр.наук. М., 2010. С. 16.

¹⁰² Варавенко В.Е. Общее и особенное в формировании современного гражданского права России и Китая (сравнительно-правовой анализ) // Вестник ХГА-ЭП. 2010. № 4. С. 105.

¹⁰³ См.: Китайская Народная Республика. Законодательные акты / под ред. Л.М. Гудошникова. М.: Прогресс, 1989. С. 385—416.

¹⁰⁴ Пашенко Е.Г. Экономическая реформа в КНР и гражданское право / под ред. Л.М. Гудошникова. М. Спарк, 1997. С. 47.

¹⁰⁵ См., напр.: ст.31 Закона КНР «О поручительстве» (принят 30.06.1995).

¹⁰⁶ Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (7—13 вв.). М.: Наука, 1986. С. 108.

¹⁰⁷ Инако Цуэно. Право и политика современного Китая. 1949—1975 гг. Пер. с яп. В.В. Батуренко и Е.Г. Пашенко / под ред. Л.М. Гудошникова и В.И. Прокопова. М.: Прогресс, 1978. С. 259.

¹⁰⁸ См., напр.: Пашенко Е.Г. Экономическая реформа в КНР и гражданское право / под ред. Л.М. Гудошникова. М.: Спарк, 1997; Пашенко Е.Г. Гражданское законодательство КНР: Пер. с кит./Серия: Современное зарубежное и международное частное право. М.: Междунар. центр финансово-экономического развития, 1997.

¹⁰⁹ Гудошников Л.М. (при участии Бирюлина Е.В., Пашенко Е.Г., Шитова А.В.). Предисловие к сборнику: Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация. № 2. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 3.

¹¹⁰ URL: <http://baike.baidu.com/view/333899.htm> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹¹¹ URL: http://news.xinhuanet.com/2012-09/25/c_123761314.htm (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹¹² URL: <http://baike.baidu.com/view/1266796.htm> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹¹³ URL: <http://wiki.mbalib.com/wiki/回购协议> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹¹⁴ URL: <http://www.fabang.com/a/20110121/225311.html> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹¹⁵ URL: <http://wenku.baidu.com/view/37fcf43383c4bb4cf7ecd156.html> (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹¹⁶ URL: <http://house.tc.cn/news/Detail.aspx?id=3826> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹¹⁷ URL: <http://baike.baidu.com/view/433458.htm> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹¹⁸ URL: <http://www.jincao.com/fa/09/law09.s93.htm> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹¹⁹ В 2014 г. вышла первая серьезная работа российских экспертов по праву интеллектуальной собственности КНР, которая включает в себя перевод всех основ-

ных китайских законов в этой сфере, комментариев к ним, практические советы по защите прав интеллектуальной собственности в правовой системе Китая: Интеллектуальная собственность в Китае. Консалтинговая компания SBF Group. 2014. 164 с.

¹²⁰ См. сайт Государственного управления по интеллектуальной собственности КНР. URL: <http://www.sipo.gov.cn> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹²¹ 中国法学三十年 (Чжунго фасюе саныши нянь) (1978—2008) (30 лет китайскому праву). Сост. Цзян Минань. Пекин, 2008. С. 421—460 (на кит. яз.).

¹²² URL: <http://cn-commerciallaw.org.cn/> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹²³ Ван Вэйгуан. 中国法学30年 (Чжунго фасюе 30 нянь) : [30 лет китайской юридической науке] / под ред. Ли Линя. Пекин: Общественные науки Китая, 2008. С. 238 (на кит. яз.).

¹²⁴ См., напр.: 新版中华人民共和国常用法律法规全书 (Синьбянь Чжунхуа жэньминь гунхэго чанюнь фалюй фагуй цюань шу) : [Новая редакция полного собрания часто используемых законов и подзаконных актов КНР]. Пекин: Китайская законность, 2012. С. 2—132; 2—350 (на кит. яз.).

¹²⁵ См.: Трошинский П.В. К вопросу об истории законодательства о браке в старом Китае (до образования КНР). Экспресс-информация № 4. М.: Центр научной информации и документации ИДВ РАН, 2010. С. 165—169.

¹²⁶ Гудошников Л.М. Административное право Китайской Народной Республики // Публично-правовые исследования. 2006. Том 1. С. 300—301.

¹²⁷ Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (7—13 вв.). М.: Наука, 1986. С. 227.

¹²⁸ 行政法学总论 (Синчжэн фасюе цзунлунь) : [Общая теория административного права] / под ред. Пэн Гуйцай. Пекин, 2005. С. 24 (на кит. яз.).

¹²⁹ 行政法史论丛 (Синчжэнфа шилуньцунь) : [Сборник по истории теории административного права] / под ред. Гуань Баоин. Пекин, 2007. С. 9 (на кит. яз.).

¹³⁰ Юридическая жизнь в Китае. Пер. с кит. / под ред. Л.М. Гудошников. М.: Юридическая литература, 1990. С. 128.

¹³¹ 行政法学 (Синчжэн фасюе) : [Административное право] / под ред. Чжу Синь. Пекин, 2004. С. 18 (на кит. яз.).

¹³² См.: Гудошников Л.М. Пашенко Е.Г. Административное право Китайской Народной Республики // Административное право зарубежных стран. Учебное пособие. М.: СПАРК, 1996. С. 185.

¹³³ 海南省人民政府公报 (Хайнань шэн жэньминь чжэнфу гунбао) : [Вестник народного правительства пров. Хайнань]. 2010. № 2 (на кит. яз.).

¹³⁴ См.: URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Скандал_с_китайским_молоком_\(2008\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Скандал_с_китайским_молоком_(2008)) (дата обращения — 15.02.2016). Также: Ван Лэй. Кто виноват в «молочном инциденте» // Ежемесячный журнал «Китай». 2009. № 2. С. 52—53.

¹³⁵ См., напр.: Цзинци жибао. 15.06.2011; 16.03.2012. С. 8 (на кит.яз.).

¹³⁶ Бэйцзин цзаобао (Утренний Пекин). 26.07.2011 (на кит.яз.).

¹³⁷ URL: <http://www.proza.ru/2011/07/03/755> (дата обращения - 15.02.2016).

¹³⁸ 促进技术创新的法律机制研究 (Цуцзинь цзишу чуансинь дэ фалюй цзичжи яньцзю) : [Исследование законодательной системы стимулирования технической инновации] / под ред. Линь Сюцзинь. Пекин: Гаодэн цзяюй, 2010. С. 77. (на кит. яз.).

¹³⁹ Подр. о существующей в Китае системе государственных закупок см.: 我国政府采购制度研究 (Вого чжэнфу цайгоу чжиду яньцзю) : [Исследование системы правительственных закупок в Китае] / под ред. Ма Хайтао и Цзян Айхуа. Пекин: Бэйцзин дасюе, 2007 (на кит. яз.).

¹⁴⁰ URL: <http://www.sdelanounas.ru/blogs/2725> (дата обращения - 15.02.2016).

¹⁴¹ Цзиньцзи жибао. 15.03.2013 (на кит. яз.).

¹⁴² Подр. см.: Андрей Кириллов. Китай: время перемен // Ежемесячный журнал «Китай». № 12. Декабрь 2013. С. 22—25.

¹⁴³ URL: <http://www.gov.cn/zhuanti/jzfq2014.htm> (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.). Также: Цзинци жибао. 18.10.2014. (на кит. яз.).

¹⁴⁴ См.: Трошинский П.В. Китай // Прозрачность юридических лиц и образований: пути снижения рисков отмывания денег и финансирования терроризма (сравнительно-правовое исследование): монография / М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, МУМЦФМ. Ярославль: Литера, 2014. С. 257—283.

¹⁴⁵ URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/志> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁴⁶ URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/12/c_118113455.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁴⁷ URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/15/c_118164235.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁴⁸ URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-02/15/content_8640.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁴⁹ Жэньминь жибао. 10.12.2013 (на кит. яз.).

¹⁵⁰ Цзиньцзи жибао. 22.11.2013 (на кит. яз.).

¹⁵¹ Жэньминь жибао. 16.04.2014 (на кит. яз.).

¹⁵²Хуа Ивэнь. Создание Комитета по делам национальной безопасности как никогда своевременно // Ежемесячный журнал «Китай». 2013. № 12. С. 4.

¹⁵³ Новое законодательство КНР. Проблемы экологии. Экспресс-информация № 1. Москва: ИДВ РАН, 2010. С. 34—35. Указанный сборник уникален. Он содержит русскоязычные переводы четырех крупных законов КНР в экологической и энергосберегающей сфере, а также аналитические обзоры. Все материалы выполнены к.э.н. Бирюлиным Е.В.

¹⁵⁴ Ушаков И.В. Экологическая политика и экологическая ситуация // Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура. К 65-летию КНР. М.: ИД «Форум», 2014. С. 211—213. Об экологических проблем Китая также см.: Ушаков И.В. XVIII съезд КПК и экологический императив Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 51—56.

¹⁵⁵ Ежемесячный журнал «Китай». 2013. № 2. С. 5.

¹⁵⁶ Цзинзи жибао. 08.04.2012 (на кит. яз.).

¹⁵⁷ URL: <http://www.yjby.com/mingqi/c336.html> (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁵⁸ URL: <http://www.energylaw.org.cn/> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.) (сайт создан Исследовательским обществом энергетического права Китайского юридического общества).

¹⁵⁹ URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-11/19/content_9222.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁶⁰ URL: http://zfxgk.nea.gov.cn/auto86/201310/t20131030_1715.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁶¹ Ян Яньсуй. 新劳动法概念 (Синь лаодунфа гайнянь) : [Понятие нового трудового права]. Пекин: Цинхуа дэсюе чубаньшэ, 2004. С. 80 (на кит. яз.).

¹⁶² URL: http://www.legalinfo.gov.cn/zhuantu/content/2014-07/16/content_5669781.htm?node=70632 (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁶³ URL: <http://baike.baidu.com/view/436559.htm> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁶⁴ URL: http://www.gov.cn/zwgk/2006-12/29/content_486759.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁶⁵ Каменнов П.Б. Военная политика // Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура. К 65-летию КНР. М.: ИД «Форум», 2014. С. 114.

¹⁶⁶ О законе КНР Об оборонной мобилизации 2010 г. / сост. П.Б. Каменнов // Экспресс-информация № 3. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 42.

¹⁶⁷ Манцуров А.Ю. Место и роль полиции в системе органов исполнительной власти Китайской Народной Республики // Проблемы экономики, организации и

управления в России и мире. Материалы III международной научно-практической конференции (22 октября 2013 года) / отв. ред. Н.В. Уварина. Прага, Чешская республика: Изд-во WORLD PRESS s r.o., 2013. С. 160—161.

¹⁶⁸ См., напр.: Чжэн Вэньхуэй. 中国程序法 (Чжунго чэньсюйфа) : [Процедурное право Китая]. Гуанчжоу: Чжуншань дасюе чубаньшэ, 2004 (на кит. яз.).

¹⁶⁹ Жэньминь жибао. 21.03.2013 (на кит. яз.).

¹⁷⁰ Жэньминь жибао. 31.08.2011 (на кит. яз.).

¹⁷¹ Перевод УПК КНР в ред. 2006 г. см.: Трошинский П.В. Уголовный процесс // Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов / Сост., ред. и авт. предисл. Л.М. Гудошников. М.: ИКД «Зерцало-М», 2004. С. 314—365.

¹⁷² Подр. о ГПК КНР в ред. 1991 г. см.: Максимов Д.А. Гражданский процесс // Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978—2005 / рук. авт. колл. Л.М. Гудошников. М.: Русская панорама, 2007. С. 367—383. Пер. в ред. 1991 г. см.: Максимов Д.А. Гражданский процесс // Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов / Сост., ред. и авт. предисл. Л.М. Гудошников. М.: ИКД «Зерцало-М», 2004. С. 259—313.

¹⁷³ URL: http://cnlegal.ru/civil_criminal_administrative_procedure/china_civil_procedure_law/ (дата обращения — 15.02.2016).

¹⁷⁴ Перевод ГПК КНР в последней действующей редакции см.: Гражданский процессуальный кодекс КНР: пер. с кит. П.В. Бажанова / под ред. С.А. Халатова. Инфотропик-Медиа, 2014.

¹⁷⁵ Подр. об АПК КНР в ред. 1989 г. см.: Антонов В.И. (совместно с Гудошниковым Л.М. и Шитовым А.В.). Административное право и административный процесс // Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978—2005 / рук. авт. колл. Л.М. Гудошников. М.: Русская панорама, 2007. С. 244—267.

¹⁷⁶ Арбитражная реформа в КНР // Новое законодательство КНР. Информационные материалы. Выпуск 3. Часть II. М.: ИДВ РАН, 1995. С. 39.

ГЛАВА III

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ

СЯНГАНА (ГОНКОНГА), АОМЭНЯ (МАКАО) И ТАЙВАНЯ

§ 3.1. Правовая система Сянган (Гонконг).

Основной закон Сянганского особого административного района

Составным элементом современной правовой системы КНР выступает правовая система Сянган (Гонконг), которой присущи свои особенные уникальные черты. В юридической литературе, посвященной анализу права Гонконга, упор в основном делается на исследование влияния англосаксонской правовой традиции на его формирование и развитие. Однако из виду упускается то обстоятельство, что на его Новых территориях действовало обычное (традиционное) китайское право цинской империи. С 1997 г. Гонконг из британской колонии стал Сянганским особым административным районом КНР, что оказало серьезное влияние на его правовую систему. Китайские центральные власти запустили едва заметный, но глубокий процесс приведения норм гонконгского права в соответствие с положениями основных законов КНР. Стороннему наблюдателю может показаться, что после возвращения Гонконга «в лоно Родины» его законодательство не претерпело практически никаких изменений. Но такой вывод поверхностен. Руководство КНР незаметно, шаг за шагом старается ограничить «юридическую независимость» бывшей британской колонии. Начиналось все с дипломатического по форме противостояния между КНР и Великобританией, когда последняя пыталась в оставшееся до присоединения Гонконга к Китаю время в ускоренном порядке «подправить» на свой лад целый пласт действующего в нем законодательства. Окончилось тем, что центральные власти ограничили правотворческую свободу Гонконга в вопросах внешней политики и обороны. В настоящий

момент идет жесткое противостояние между правительством КНР и населением Гонконга по вопросу порядка избрания главы администрации, право на утверждение кандидатуры которого опять же принадлежит китайскому парламенту.

Исследователи права Гонконга утверждают, что оно относится к англосаксонской правовой семье. Но об этом можно было говорить с определенными оговорками до 1997 г. В настоящее время ситуация изменилась. Правовая система Сянган (Гонконга), кроме ранее действовавшего обычного права, права справедливости, общего права, ныне включает и Закон КНР «О гражданстве», Закон КНР «О дипломатических привилегиях и иммунитетах» и некоторые другие законы континентального Китая (Приложение 3 «Законы КНР общенационального значения, действие которых распространяется на Особый административный район Сянган» к Основному закону Особого административного района Сянган). Более того, согласно **ч. 4 ст. 18** Основного закона Особого административного района Сянган «в случае объявления Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей военного положения либо в случае введения в Особом административном районе Сянган чрезвычайного положения по причине беспорядков, вышедших из-под контроля правительства Особого административного района Сянган и создавших угрозу единству и безопасности государства, Центральное народное правительство может издать указ о введении в Особом административном районе Сянган соответствующих общенациональных законов».

Утверждение о неизменности правовой системы Сянган после 1997 г. ошибочно. То, что центральные китайские власти пока не пользуются правом на серьезный пересмотр действующих в Гонконге законов вовсе не означает, что такого права у них не существует. В любой момент, особенно учитывая нынешнюю нестабильную политическую ситуацию в мире, правительство Китая вправе в рамках закона принудить гонконгское население жить по своим правилам. И то, что сегодня кажется невероятным, может случиться завтра. Раньше невероятной казалась сама мысль о возвращении Гонконга Китаю, но прошло время и он стал территорией КНР. Пролетят десятилетия, и население Гонконга обязательно столкнется с новыми правовыми реалиями: не исключено полное изменение действующей законодательной базы региона в течении текущего столетия.

Правовая система современного Гонконга относится к смешанному типу, в ней присутствует элементы англосаксонской и континен-

тальной правовой семьи, традиционное китайское право и право самой гонконгской территории.

Все вышесказанное осуществляется в рамках известной политико-правовой концепции **«одно государство — две системы»** (一国两制)¹, которая предполагает существование капиталистических систем Гонконга, Макао и Тайваня в рамках действующей в КНР социалистической модели. По мнению ее автора, китайского реформатора Дэн Сяопина, в мире может существовать лишь «один Китай», под крылом которого должны воссоединиться все народы и территории некогда разделенного государства. Указанная концепция была предложена Дэн Сяопином в начале 1980-х годов в отношении решения «тайваньской проблемы» и получила широкое научное, практическое подкрепление в китайском обществе. Была обоснована возможность существования двух разных по сути правовых, политических и экономических систем внутри одной страны².

Касательно применения политики «одно государство — две системы» в отношении Гонконга, Дэн Сяопин заявлял: «Позиция, курс и политика китайского правительства в разрешении сянганского вопроса непоколебимы. Мы не раз заявляли, что после 1997 г., когда китайское правительство возобновит осуществление суверенных прав на Сянган, нынешний социально-экономический строй в Сянгане не изменится, законы останутся в основном теми же, образ жизни будет прежним. Не изменится и статус Сянгана как франко-порт и одного из международных торговых и валютно-финансовых центров. Сянган, как и прежде, будет поддерживать и развивать экономические сношения с разными странами и регионами. Кроме того, мы не раз заявляли, что Пекин пошлет только войска, а кадровых работников в правительство Сянганского особого района посылать не будет. Это тоже неизменно. Войска мы пошлем для охраны безопасности страны, а не для вмешательства во внутренние дела Сянгана. Наша политика в отношении Сянгана останется неизменной в течение 50 лет. И мы слова на ветер не бросаем»³.

Политико-правовая доктрина «одно государство — две системы» предполагает существование⁴:

- одного единственного суверенного государства;
- двух различных социальных систем;
- высокой степени автономии особого административного района.

В Преамбуле Конституции КНР записано: «Китайская Народная Республика — единое многонациональное государство, созданное общими усилиями народов различных национальностей всей страны». Гонконг является одной из частей унитарной системы, несмотря на кажущуюся федеративность (а иногда и конфедеративность) отношений между Центром и бывшей колонией. Некоторые признаки исследуемой концепции «одно государство — две системы» позволяют говорить о существовании в Китае элементов федеративного (конфедеративного) устройства. Это, например, право на принятие собственных законов, существование независимой от Центра судебной системы и др. Но это лишь видимость. Китайские власти не допускают федеративной (конфедеративной) самостоятельности своих субъектов, тем более, когда это касается такого стратегически важного региона, как Гонконг. Проводимая по отношению к Сянгану политика не предусматривает наличие в нем двойного гражданства, двухпалатного парламента, создаваемого обычно в федеративных государствах, общей для КНР и СОАР Конституции. «Рассматриваемая схема отличается и от конфедерации, — утверждает российский ученый К.А. Егоров, — представляющей собой союз суверенных государств, созданных для достижения каких-либо целей. В случае с Сянганом речь идет не о постоянном союзе, а о существовании одного государства с двумя системами, которое ограничивается сроком в 50 лет, начиная с 1 июля 1997 г. Тем самым не предполагается вечное сосуществование двух противоположных общественных систем в рамках одного государства, а, в конечном счете, должна быть образована одна система»⁵.

Концепция «одно государство — две системы» предполагает существование единого унитарного государства со смешанными системами внутри него. Налицо фактическая конвергенция двух противоположных по существу социалистической и капиталистической систем, осуществляемая под руководством КПК при сохранении территориального единства государства для достижения сугубо прагматических целей. Одновременно с этим правительство КНР выдвигает лозунг, согласно которому «Сянганом управляют сянганцы» (港人治港).

Политико-правовая концепция «одно государство — две системы» получила свое закрепление в ст. 31 Конституции КНР, которая гласит: «Государство в случае необходимости создает особые административные районы. Режим особых административных районов устанавливается с учетом конкретной обстановки законами, принимаемыми Все-

китайским собранием народных представителей». Не случайно, что в основе принимаемых решений о возвращении Гонконга и Макао под китайскую юрисдикцию во всех крупных официальных документах фигурирует указанное конституционное положение.

«Таким образом, — отмечает один из авторов фундаментального научного труда по вопросам Тайваня, Гонконга и Макао Л.М. Гудошников, — создание особых административных районов определено Конституцией как дело общегосударственного уровня, но, например, не провинциального, хотя по размерам территории и численности населения особые районы могут быть приравнены к единицам ниже провинциального уровня. Установление режима этих районов отнесено к компетенции ВСНП, т. е. Верховного органа государственной власти КНР»⁶.

Приведенная выше конституционная норма впервые была реализована на практике 1 июля 1997 г. после официального возвращения Гонконга под юрисдикцию КНР. В настоящее время в состав Китая входит так называемый **Особый административный район Сянган** (香港特别行政区), который для удобства мы будем называть как ОАР Сянган либо, как принято в отечественной научной синологической литературе — СОАР. В июне 2014 г. Канцелярией Государственного совета КНР была выпущена в свет брошюра (Белая книга) с названием «“Одно государство” в практике в特别行政区的实践» («Практическая реализация “одно государство — две системы” в Особом административном районе Сянган»), в которой в сжатом виде была представлена проводимая КНР политика в сфере возвращения Гонконга в «лоно Родины». Она поступила во все книжные магазины Китая, библиотеки и официальные учреждения. Напомним, что идея создания в КНР особых административных районов первоначально была озвучена по отношению к проблеме Тайваня как способ его мирного воссоединения с коммунистическим Китаем.

В середине XIX века Гонконг стал колонией Великобритании, которая подняла над ним свой флаг 28.01.1841. Англичане захватили его после первой «опиумной войны» (鸦片战争) (1840—1842 гг.). Юридически захват острова был закреплен Нанкинским договором (南京条约), который был признан первым в истории Китая неравноправным договором⁷. Согласно положениям Нанкинского англо-китайского договора «О мире, дружбе, торговле, возмещении убытков и т.д.» от 29.08.1842 Гонконг переходил под английскую юрисдикцию. В преамбуле договора

сказано⁸: «Ее величество королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и его величество император Китая, желая положить конец недоразумениям и последующим враждебным действиям, возникшим между двумя странами, решили заключить с этой целью договор...».

Далее в ст. 3 устанавливалось: «Ввиду явной необходимости и желательности, чтобы британские подданные располагали каким-либо портом, в коем они могли бы ставить для починки и чинить, если нужно, свои суда и содержать для сего арсеналы, его величество император Китая уступает ее величеству королеве Великобритании и т. д. остров Гонконг в вечное ее британского величества, ее наследников и преемников, владение с тем, чтобы он управлялся теми законами и регламентами, какие ее величество, королева Великобритании и т. д., сочтет нужным установить».

Расширение британских территорий Гонконга продолжилось после заключения неравноправной Пекинской конвенции 1860 г. по результатам второй «опиумной войны» (1856—1860 гг.). Тогда Англией были отторгнуты полуостров Коулун (Гулун) и др. В ст. 6 закреплялось: «В целях поддержания закона и порядка внутри и в окрестностях Гонконгской гавани, его вел. имп. Китая соглашается уступить ее вел. кор. В.-Бр. и Ирл., ее наследникам и преемникам в обладание и владение ту часть Гулунского городского округа в провинции Гуандун, которая была предоставлена в вечную аренду Г. См. Парксу. эскв., кавалеру ордена Бани, члену союзной комиссии в Кантоне от правительства ее Брит. вел., генерал-губернатором Лан-Цзун-Гуаном. Сверх того объявляется, что названная аренда сим отменяется, что претензии всякого китайца на какую-либо собственность в названной части Гулуна должны быть надлежащим образом обследованы смешанной комиссией из британских и китайских чинов; и что всякому китайцу, претензии коего будут признаны названной комиссией, британским правительством будет предоставлено возмещение, если удаление его будет признано британским правительством нужным».

Таким образом, Китай уступил Англии часть гулунского округа Гуандунской провинции. В последующем Соглашении о расширении территории Гонконга, заключенного между Великобританией и Китаем в Пекине 09.06.1898, пределы английских территорий на Коулуне были значительно расширены: «Так как в течение уже многих лет признавалось, что расширение гонконгской территории необходимо для надле-

жащей защиты и охраны этой колонии, то ныне правительства Великобритании и Китая постановили, что пределы британской территории будут расширены на арендных началах в размере, указанном в общих чертах на прилагаемой карте. Точные границы будут определены впоследствии, когда будут произведены надлежащие размежевания чиновниками, назначенными двумя правительствами. **Срок этой аренды определяется в девяносто девять лет.**

Вместе с тем постановлено, что в городе Гу-луне китайские должностные лица, ныне там состоящие, сохраняют свою юрисдикцию, кроме тех случаев, когда это будет несовместимо с военными требованиями обороны Гонконга. В остальной же части вновь арендуемой территории юрисдикция будет принадлежать всецело Великобритании. Китайским чиновникам и народу будет предоставлено по-прежнему пользоваться дорогою из Гу-луна в Си-нань...

Площадь, арендуемая Великобританией, показанная на прилагаемой карте, включает в себя водное пространство заливов Мирс и Глубокого, но постановляется, что китайские военные суда, как нейтральные, так и не нейтральные, сохраняют право пользования этими водами».

В период английского колониального господства вся полнота власти находилась в руках британского губернатора. Он являлся главой исполнительной власти формально и главнокомандующим вооруженными силами Гонконга. 05.04.1842 была принята «Гонконгская хартия», а 6 апреля — «Губернаторские инструкции», которые стали нормотворческой базой новой британской колонии. Были учреждены Законодательный совет (立法局) (до 1993 г. губернатор был его председателем и подписывал все принятые законы) и Административный совет (行政局) (губернатор также председательствовал в нем).

Первое заседание Законодательного совета состоялось 11.01.1844, в конце февраля того же года им были приняты первые правовые акты. 07.03.1845 были обнародованы «Общепринятые нормы и регламент заседаний законодательного органа Сянган». В рассматриваемый период все издаваемые в Гонконге законы подлежали обязательному утверждению британским парламентом и не должны были противоречить законам Великобритании. В состав Законодательного совета в разные периоды входил губернатор, командующий британскими войсками в Гонконге, верховный судья, генеральный атторней и казначей колонии и др. К 1929 г. совет состоял из 10 высших чиновников

и 8 неофициальных членов, среди которых были 3 влиятельных китайцев и 1 португалец.

Административный совет, выступая в качестве совещательного органа при губернаторе, первоначально состоял из 3 человек (по примеру Законодательного совета). Впоследствии количество его членов превысило 10. Главными из них являлись губернатор, командующий британскими войсками в колонии, ее секретарь и атторней. Лишь в 1926 г. в его состав впервые был введен крупный китайский бизнесмен.

Важность ознакомления с историей возникновения сянганских Законодательного и Административного советов объясняется тем, что они продолжают существовать и в современном Гонконге. То, что было заложено английской короной столетия назад, продолжает действовать в Китае и в настоящее время. Только в тот период все правовые решения и их претворение в жизнь было прерогативой исключительно британской империи. Китайцы к управлению Гонконгом не допускались.

Правительство Китая стремилось вернуть Сянган и его территории под свою юрисдикцию, однако это долгое время не удавалось. В годы Первой мировой войны Китай выдвинул требование о возвращении Гонконга во время Парижской мирной конференции 1919 г. В конце апреля стало известно, что все претензии на возврат отторгнутых территорий были отклонены, а подписанный без учета китайских интересов Версальский договор даже вызвал в стране патриотическое движение «4 мая». На последующей, Вашингтонской конференции 1921 г. аналогичное требование также подверглось обструкции и не было удовлетворено.

После образования в 1949 г. КНР китайское правительство неоднократно выдвигало требование о восстановлении суверенитета над Гонконгом. В ст. 55 Общей программы Народного политического консультативного совета Китая (имела характер «временной Конституции») закреплялась необходимость отказа от заключенных ранее неравноправных договоров.

В 1972 г. китайский представитель в ООН передал Специальному комитету по деколонизации (Специальный комитет 24) меморандум с требованием возвращения Гонконга, которое получило поддержку в ООН. Началом официальных переговоров между КНР и Англией о статусе Гонконга стала встреча между Дэн Сяопином и Маргарет Тэтчер в сентябре 1982 г. Китайский лидер решительно заявлял: «Что касается вопросов о суверенитете, Китай не оставляет

здесь никакого пространства для маневров. Честно говоря, суверенитет не является вопросом для обсуждения. Теперь настало время, когда нужно ясно подтвердить: в 1997 году Сянган будет возвращен Китаю»⁹. К 1984 г. было достигнуто общее согласие о возвращении Гонконга «в лоно Родины». В декабре 1984 г. лидеры КНР и Великобритании подписали Совместное заявление по вопросу восстановления китайского суверенитета над Сянганом.

Российский исследователь доктор К.А. Кокарев отмечает: «процедура возвращения Сянгана имеет особенное значение, так как впервые в истории появился уникальный опыт перехода бывшего колониального владения под власть государства с политической системой, отличной от политической системы метрополии. При этом система и режим правления в Сянгане в новых условиях оставались неизменными и, согласно принятым документам, должны оставаться таковыми в течении продолжительного периода времени»¹⁰.

Основными документами, положенными в основу возвращения Гонконга под китайскую юрисдикцию и определяющими специфику его современной правовой системы, являются следующие.

I. Совместное заявление Правительства Китайской Народной Республики и Правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии по вопросу о Гонконге¹¹ (中华人民共和国政府和大不列颠及北爱尔兰联合王国政府关于香港问题的联合声明) (**Joint Declaration of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the People's Republic of China on the Question of Hong Kong**) (подписано премьером Чжао Цзяном и Маргарет Тэтчер 19.12.1984 в г. Пекин) (вступило в силу с обменом ратификационными грамотами 27.05.1985 и было зарегистрировано правительствами в ООН 12.06.1985). Оно явилось главным политико-юридическим документом, заложившим основу формирования будущего статуса СОАР. Подписанию Совместного заявления предшествовало его парафирование в сентябре 1984 г. и одновременное обнародование в г. Пекине, г. Лондоне и Гонконге.

Согласно Совместному заявлению «...основные направления политики Китайской Народной Республики в отношении Гонконга заключаются в следующем»:

— согласно ст. 31 Конституции КНР создается Особый административный район Сянган с широкими автономными правами, включая

право на осуществление самостоятельной законодательной, исполнительной, судебной власти. За Гонконгом остается право на вынесение окончательных судебных решений. Действующее законодательство в своей основе сохраняется;

— в компетенцию Центрального народного правительства КНР входят вопросы внешней политики и обороны;

— правительство Гонконга формируется из числа местных жителей. Глава администрации избирается через коллегия выборщиков, но утверждается Государственным советом КНР. Глава представляет Центру на утверждение кандидатуры на ключевые посты в гонконгской администрации;

— существующие экономическая и социальная системы не изменяются, как и образ жизни. Действующие ранее свободы ограничениям не подлежат;

— сохраняется статус налогового режима франко-порт;

— сохраняется статус финансового центра со свободным хождением иностранной валюты;

— сохраняется финансовая независимость, Центр не взимает с Гонконга налоговые отчисления;

— Гонконг вправе самостоятельно устанавливать отношения экономического сотрудничества с зарубежными государствами, выдавать въездные визы;

— охрана правопорядка также возлагается на местные власти.

Все указанные в Совместной декларации положения сохраняют свое действие в течение 50 лет с даты восстановления китайского суверенитета над Сянганом, то есть с 1 июля 1997 г. по 1 июля 2047 г.

Вместе с Совместным заявлением китайское и британское правительства утвердили три Приложения, о которых также следует сказать несколько слов.

1. Конкретное разъяснение Правительства Китайской Народной Республики по основному курсу и политики в отношении Сянгана (中华人民共和国政府对香港的基本方针政策的具体说明) (The PRC's basic policies regarding Hong Kong) (Приложение 1). В нем устанавливается четкий срок возвращения Гонконга Китаю (01.07.1997) и подчеркивается, что в Сянгане не будет осуществляться социалистический строй и политика при сохранении капиталистической формации в течение 50 лет. Сохраняются все ранее предоставленные гражданам Гонконга права и свободы. В правительственных и судебных учрежде-

ниях, наряду с китайским языком, может использоваться и английский. Гонконг вправе иметь свой флаг и герб.

Наиболее важным в рамках исследуемой проблематики стало положение о том, что «после образования Особого административного района Сянган все ранее действующие законы (такие, как общее право и право справедливости, статуты, подзаконные нормативные правовые акты, обычное право), за исключением тех из них, которые противоречат Основному закону либо подлежат изменению законодательными органами Сянганского особого административного района, могут будут сохранены». Указанное положение подтверждает общий вектор достигнутых между Китаем и Великобританией договоренностей о неизменности правовой системы Гонконга в последующие после его возвращения КНР 50 лет. И хотя английское правительство в спешном порядке в нарушение взятых обязательств способствовало появлению множества новых законов и изменению действующих до июля 1997 г. в целях защиты своих национальных интересов, тем не менее, Китай не стал вмешиваться в законодательную политику местных властей, предпочитая приступить к этому позднее, после официального перехода колонии под его юрисдикцию.

Согласно китайским исследованиям, с 1985 по 1996 г. английская сторона при помощи органов законодательной власти Сянгана без согласования с КНР в одностороннем порядке приняла 184 закона, внесла изменения в 845 законов, число измененных подзаконных правовых актов было значительно большим¹².

При этом англичане изменяли законодательство «за спиной» у китайских партнеров преимущественно в административной и правотворческой сферах, а также в сфере юстиции. Так, например, в июне 1991 г. под давлением британской короны Законодательным советом Гонконга был принят **«Билль о правах»** (香港法案條例) в целях ввести в действие в рамках местного права положения Международного пакта о гражданских и политических правах применительно к Сянгану. И это при том, что КНР подписала международный документ лишь в 1998 г. и до настоящего времени китайским парламентом он не ратифицирован по причине наличия в УК КНР многочисленных составов, предусматривающих смертную казнь.

В Конкретном разъяснении также устанавливалось, что законодательный орган Сянгана вправе принимать собственные нормативные правовые акты, однако в соответствии с положениями Основного закона

и в строго установленном порядке. Принятые правовые документы включаются в базу ПК ВСНП.

Кандидатуры судей утверждаются главой администрации. Судебную систему ОАР Сянган возглавляет Суд окончательной инстанции, его решения обжалованию не подлежат. Лишь по уголовным делам возможно обращение к главе администрации за помилованием или смягчением наказания. Сохраняется и суд присяжных.

2. «Объединенная китайско-британская группа связи» (中英联合联络小组) (Sino-British Joint Liaison Group) (Приложение 2). Договаривающиеся стороны создали эту контактную группу для согласования конкретных практических вопросов передачи Гонконга под китайскую юрисдикцию: «В целях содействия их общим целям и для того, чтобы обеспечить плавную передачу власти в 1997 г., правительство Соединенного Королевства и правительство Китайской Народной Республики договорились продолжить обсуждение в дружеской атмосфере и развивать отношения сотрудничества, которые уже существуют между двумя правительствами, для более эффективного осуществления Совместной декларации» (п. 1). В группу связи согласно Приложению входило по 1 представителю в ранге посла, по 4 члена группы и не более 20 человек вспомогательного персонала с китайской и английской стороны. Членами группы были проведены десятки заседаний в Гонконге, Лондоне и Пекине, на которых обсуждались вопросы независимости судебной власти, функционирования гражданской авиации, рыболовства, инвестиций и др. Срок работы контактной группы был ограничен периодом до 01.01.2000.

В Приложении также устанавливалось, что «члены совместной контактной группы пользуются дипломатическими привилегиями и иммунитетами, когда находятся в трех вышеуказанных местах. Содержание переговоров Совместной контактной группы должно оставаться конфиденциальным, если иное не согласовано между двумя сторонами» (п. 10).

3. «Земельные договоры» (土地契约) (Land Leases) (Приложение № 3). В данном Приложении стороны закрепили договоренности относительно вопросов земельной аренды, прав собственности на землю, действующих ко времени и после передачи Гонконга под юрисдикцию КНР. В п. 1 устанавливается, что все договора аренды земли и вытекающие из них права признаются и охраняются законодательством СОАР. При этом отмечено, что с момента вступления Совместной дек-

ларации в силу и до 30.06.1997 британские власти могут заключать договора аренды земли на срок, не далее 30.06.2047.

II) Основной закон Особого административного района Сянган Китайской Народной Республики (中华人民共和国香港特别行政区基本法) (принят 3-й сессией ВСНП 7-го созыва 04.04.1990)¹³.

Основной закон СОАР, иначе называемый «малой сянганской Конституцией», принят за 7 лет до официального восстановления суверенитета Китая над Гонконгом. В него вошли главные положения Совместного англо-китайского заявления.

В тот же день китайский парламент принял 4 важных дополнительных Постановления¹⁴:

1. **«Об Основном законе Особого административного района Сянган Китайской Народной Республики»**, в котором указано, что «малая Конституция была разработана “на основе Конституции КНР с учетом конкретной обстановки в Сянгане...” и после создания СОАР “система, политика и законы будут базироваться на Основном законе Особого административного района Сянган”».

2. **«О создании Особого административного района Сянган»**, в п. 1 которого устанавливается учреждение СОАР КНР с 01.07.1997 и подчеркивается, что он состоит из острова Сянган, полуострова Цзюлун и примыкающих к ним группы островов и прилегающих морских территорий (п. 2).

3. **«О порядке образования Правительства и Законодательного совета первого созыва Особого административного района Сянган»**, согласно ст. 2 которого ВСНП в течение 1996 г. был сформирован Подготовительный комитет, ответственный за работу по созданию СОАР, включая образование его правительства и Законодательного совета. Согласно ст. 6 «Законодательный совет первого созыва Особого административного района Сянган создается в составе 60 человек, в том числе непосредственно избираемых в подрайонах — 20 человек, избираемых коллегией выборщиков — 10 человек, избираемых функциональными организациями — 30 человек. Члены последнего Законодательного бюро Сянгана, отвечающие данному Постановлению и соответствующие установлениям Основного закона Особого административного района Сянган, поддерживающие Основной закон Особого административного района Сянган и желающие служить верой и правдой Особому административному району Сянган Китайской Народной Республики, согласно положениям Основного закона Особого административного района Сянган».

тивного района Сянган могут, после одобрения Подготовительным комитетом, стать членами Законодательного совета Особого административного района Сянган первого созыва».

4. **«Об утверждении предложения Комиссии по выработке проекта Основного закона Особого административного района Сянган о создании Комиссии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей по Основному закону Особого административного района Сянган».** В соответствии с Постановлением создается Комиссия ПК ВСНП по Основному закону для изучения вопросов применения его статей 17 (законодательные права), 18 (законы Сянгана), 158 (толкование Основного закона) и 159 (изменение Основного закона) в составе 12 членов, назначаемых ПК ВСНП: 6 — от внутренних районов КНР, 6 — от Сянгана, в том числе 4 — от юридических кругов. Члены от Сянгана выдвигаются совместно главой администрации, председателем Законодательного совета и председателем Суда окончательной инстанции из числа китайских граждан, постоянных жителей СОАР, не имеющих права на постоянное проживание за границей.

Определяющее значение для правовой системы Гонконга играет Основной закон СОАР КНР. Для его разработки еще в 1985 г. была сформирована специальная Комиссия по выработке проекта Основного закона и Комиссия по проведению консультаций по проекту Основного закона. Первый вариант проекта был опубликован в «Жэньминь жибао» 29.04.1988 для «заслушивания мнения» по нему общественностью. Последний вариант был обнародован в «Жэньминь жибао» 18.02.1990. На первой полосе разместили уникальную фотографию рукопожатия китайских лидеров Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, Ян Шанкуня и Ли Пэна с членами Комиссии по выработке проекта Основного закона. Тут же была размещена и статья о его одобрении со стороны широкой сянганской общественности.

Основной закон СОАР КНР состоит из Введения, 5 глав, 160 статей и 3 Приложений. Глава 1 носит название «Общие положения», глава 2 — «Взаимоотношения между Центром и Особым административным районом Сянган», глава 3 — «Основные права и обязанности жителей», глава 4 — «Политический строй», глава 5 — «Экономика». Приложение 1 — «Порядок назначения главы администрации Особого административного района Сянган». Приложение 2 — «Порядок образования и процедура голосования Законодательного совета Особого административного района Сянган». Приложение 3 — «Законы КНР об-

шенационального значения, действие которых распространяется на Особый административный район Сянган».

В ч. 1 Введения Основного закона сказано: «Сянган — исконная территория Китая — был захвачен Великобританией вскоре после Опиумной войны 1840 г. Согласно Совместному заявлению, подписанному правительствами Китайской Народной Республики и Великобритании 19 декабря 1984 г., Китай и Великобритания объявили, что 1 июля 1997 г. Китайская Народная Республика восстановит свой суверенитет над Сянганом. Таким образом будет осуществлено давнее чаяние всего китайского народа о возвращении Сянгана». В ч. 2 подчеркивается, что «китайское правительство решило с момента восстановления суверенитета над Сянганом учредить на основании ст. 31 Конституции Китайской Народной Республики Особый административный район Сянган, причем в соответствии с курсом “одно государство — два строя” решило не распространять на Особый административный район Сянган социалистический строй и соответствующие политические установки».

Важные положения содержатся в **Главе 1** Основного закона.

Во-первых, в ст. 1 закрепляется, что СОАР является неотъемлемой частью КНР.

Во-вторых, подтверждается предоставление СОАР «широких полномочий» по самоуправлению, включая право на осуществление административного управления, правотворческой деятельности, независимого судопроизводства с окончательным приговором (ст. 2). Сами административные и законодательные органы СОАР должны формироваться из постоянных жителей Гонконга (ст. 3).

В-третьих, согласно ст. 5 «на протяжении 50 лет с момента образования Особого административного района Сянган в его пределах не будут вводиться социалистический строй и политические установки, будет сохранен капиталистический строй и образ жизни». Также в СОАР сохраняется право частной собственности (ст. 6).

В-четвертых, сохраняют силу действовавшие ранее в Сянгане законы: общее право, право справедливости, уложения, подзаконные нормативные правовые акты и обычное право, за исключением тех положений, которые идут вразрез с Основным законом либо которые законодательные органы СОАР посчитают нужным изменить (ст. 8). Вопросы соответствия принимаемого в Сянгане законодательства Основному закону страны занимают как центральные органы КНР, так и местные суды¹⁵.

В рамках рассматриваемой проблематики следует дать общую характеристику действовавшему ранее в Гонконге законодательству. Под «общим правом» (common law) (普通法) и «правом справедливости» (law of equity) (衡平法) понимается разновидность прецедентного права. Оно было достаточно распространено (импортировано) в годы британского владычества над Сянганом. Однако с 1997 г. гонконгские власти не вправе применять на своей территории действующее английское прецедентное право по очевидной причине: Гонконг вышел из-под британской юрисдикции и является китайским районом. При этом созданные ранее и создаваемые в будущем судебные прецеденты самих гонконгских судов могут ложиться в основу принимаемых ими решений.

Особое место в гонконгском законодательстве принадлежит так называемым уложениям (条例) (*тяоли*) (ordinance) (ордонанс) и подзаконным нормативным правовым актам (附属立法) (*фушу лифа*) (subordinate legislation), под которыми понимаются созданные гонконгским законодателем писанные акты правотворчества. «Тяоли» — это то, что принимается Законодательным советом Сянгана с момента его создания в 1844 г. А вот «фушу лифа» — правотворческие акты, принимаемые административными органами Сянгана для их практической реализации. Одним из наиболее известных в период колониального господства Великобритании над Гонконгом был «Ордонанс о браке». А вот наиболее важным из последних принятых стал новый «Ордонанс о компаниях» (вступил в силу 03.03.2014), который отменил требование об обязательном принятии учредительного договора при создании компании. Это стало существенным послаблением для работающего в Гонконге иностранного бизнеса.

Наибольший интерес для исследователей правовой системы Гонконга несомненно представляет так называемое обычное право (习惯法) (customary law)¹⁶, которое есть не что иное, как традиционное китайское право цинской империи, действовавшее до захвата Великобританией Гонконга на его Новых территориях. В основном оно регулировало семейную сферу и земельные отношения. Так, право на наследование земельных владений согласно цинскому законодательству имели только мужчины. Женщины вступали в наследство только при наличии составленного в их пользу завещания. Лишь в июне 1994 г. гонконгские власти приняли «Земельные правила Новых территорий» (新界土地 (豁免) 条例) (New Territories Land (Exemption) Ordinance), которые отменили приведенную выше норму. Англичане, впервые вступив в

гонконгскую землю в начале 1841 г., сразу же издали два распоряжения, в которых декларировали неизменность местных законов и обычаев, таким образом признав действительность цинских законов. Упомянутый ранее «Ордонанс о браке» обязывал граждан Сянгана регистрировать брак в специальных органах, только при этом условии он признавался властями. Однако для китайцев существовало исключение, предусматривающее признание брака между ними согласно традиционным свадебным обрядам, закрепленным в цинском кодексе.

В-пятых, в Основном законе устанавливается, что в соответствии со ст. 31 Конституции КНР территориальное устройство и политические установки ОАР Сянган, включая социально-экономический строй, систему обеспечения основных прав и свобод его жителей, систему административного управления, работы законодательных и судебных органов определяются им. «Любой закон, принимаемый законодательными органами Особого административного района Сянган, не должен противоречить настоящему Основному закону» (ст. 11).

В **Главе 2**, посвященной регулированию взаимоотношений между Центром и СОАР, также содержатся важные положения:

— СОАР признается местным административным районом КНР с «высокой степенью автономии», непосредственно подчиняющимся Центральному народному правительству КНР;

— ЦНП КНР от имени Гонконга ведет все внешнеполитические дела. Для этого в СОАР создается подведомственное китайскому МИДу учреждение;

— ЦНП КНР ведает делами обороны СОАР, а также отвечает за поддержание в нем общественного порядка;

— ЦНП КНР назначает главу администрации СОАР и других высокопоставленных чиновников;

— СОАР обладает правом на самостоятельное административное управление регионом;

— СОАР обладает правом на независимое от Центра судопроизводство, включая право окончательного приговора. Однако судебные органы СОАР не могут рассматривать дела, связанные с вопросами государственной обороны, внешней политики и иными прерогативами КНР;

— СОАР пользуется правом на принятие собственного законодательства. Однако, принимаемые законы должны пройти процедуру регистрации в ПК ВСНП. При этом, что важно, до их официальной ре-

гистрации они могут вступить в силу. В ч. 3 ст. 17 отмечается, что если на основании Комитета (Комиссии) по делам Основного закона СОАР, подведомственного ВСНП, ПК ВСНП сочтет, что принятый закон не соответствует положениям Основного закона, то он отсылается обратно без регистрации, но и без внесения в него изменений. Отсылка закона автоматически приводит к его недействительности;

— Общенациональные законы КНР на территории СОАР не действуют. Однако за исключением перечисленных в Приложении 3 нормативных правовых актов. Среди них: Закон КНР «О гражданстве», Закон КНР «О морских территориальных водах и прилегающих территориях», Положение КНР «О дипломатических привилегиях и иммунитетах»;

— в случае объявления ПК ВСНП военного либо чрезвычайного положения в Гонконге ЦНП КНР может издать указ о введении в действие в СОАР необходимых общегосударственных законов;

— СОАР обязан издать правовые акты, запрещающие любые действия, направленные на предательство интересов государства, иницирующие его распад, провоцирующие беспорядки, способствующие утечке сведений, составляющих государственную тайну;

— СОАР обязан издать правовые акты, запрещающие на его территории деятельность иностранных организаций с политической окраской;

— СОАР обязан издать правовые акты, запрещающие вступление сянганских политических организаций в связь с иностранными политическими организациями или обществами.

Глава 3 «Основные права и обязанности жителей Особого административного района Санган» содержит положения, предусматривающие деление населения СОАР на две категории: **«постоянные жители»** и **«непостоянные жители»**. К постоянным жителям относятся: 1) китайские граждане, родившиеся в Сянгане до или после образования СОАР; 2) китайские граждане, прожившие в Сянгане подряд не менее 7 лет, независимо от того, до или после образования СОАР; 3) дети, родившиеся за границей от лиц, указанных выше и являющиеся китайскими гражданами; 4) лица, не являющиеся китайскими гражданами, въехавшие в Сянган и прожившие в нем подряд не менее 7 лет, для которых он является единственным местом проживания; 5) их дети, родившиеся в Сянгане до или после образования СОАР, не достигшие 21 года; 6) другие лица, до образования СОАР не имевшие кроме него прав на

жительство в других местах. Перечисленные категории лиц имеют право на жительство в СОАР и получают «Удостоверение личности постоянного жителя» с обозначением права на проживание в Сянгане. Постоянные жители — это лица, могущие получить «Удостоверение личности жителя Сянгана», но без отметки о праве проживания в нем (ст. 24).

Только постоянные жители СОАР обладают активным и пассивным избирательным правом. Все же жители Сянгана равны перед законом и обладают широкими правами и свободами, которые, в отличие от континентального Китая, имеют практическую реализацию. Так, в Гонконге можно достаточно свободно зарегистрировать религиозную организацию, причем такую, которая на территории континентального Китая может быть вовсе запрещена. То же самое касается протестных выступлений, свободы слова и др. Весьма серьезно в Гонконге развит институт адвокатуры, в котором трудятся известные и за его пределами специалисты. Согласно ст. 42 «жители Сянгана и другие лица в Сянгане обязаны соблюдать законы действующие в Особом административном районе Сянган».

Глава 4 Основного закона содержит 6 разделов, регулирующих правовой статус главы администрации, правительства, Законодательного совета, судебных органов, региональных организаций и казенных служащих. Российский исследователь В.В. Сонин в своей фундаментальной статье, посвященной правовым аспектам произошедшей осенью 2014 г. в Гонконге «революции зонтиков», отмечает: «С восстановлением китайского суверенитета над Гонконгом действие британского избирательного законодательства было прекращено, в силу вступил Основной закон САР Гонконг, выражающий принцип “одна страна — две системы”. Установленная в нем система высших органов власти в Гонконге оказалась результатом сочетания нескольких факторов: британской колониальной традиции компромисса элит и смешанного представительства с использованием функциональных избирательных курий, коммунистического принципа демократического централизма, проявившегося в верховенстве исполнительной власти, а также либерально-демократической идеологии, вынуждающей действующую администрацию постепенно расширять выборный элемент в государственных учреждениях. Соответственно, в Гонконге оформилось разделение трех ветвей власти с верховенством исполнительной власти в лице главы администрации»¹⁷.

Глава администрации (в период колонии — губернатор)

Глава администрации является «верховным руководителем» СОАР. Он ответственен перед ЦНП КНР и СОАР.

Им может стать лицо, соответствующее одновременно всем нижеприведенным требованиям:

- гражданин Китая;
- постоянный житель СОАР;
- не моложе 40 лет;
- не имеющий прав на жительство в другой стране;
- проживший в СОАР непрерывно не менее 20 лет.

Глава администрации избирается посредством Избирательной коллегии (选举委员会) в составе 1200 членов (в результате проведенной в 2012 г. реформы количество членов увеличено с 800 до 1200 человек) из числа кандидатов, каждый из которых предлагается группой не менее чем из 150 членов коллегии. В будущем кандидатов должна выдвигать так называемая Номинационная коллегия. Однако официальное назначение главы администрации осуществляется ЦНП КНР. По мнению В.В. Сониной, в данном случае речь идет о «верхнем фильтре» в избирательной системе Гонконга. «Назначение “нижнего фильтра” как основного в избирательном процессе состоит в недопущении к участию в выборах открытых противников центрального правительства КНР “местными средствами” — за счет преобладания консерваторов и лоялистов в номинационной коллегии, в то время как “верхний фильтр” рассматривается как резервное средство нейтрализации избранного кандидата»¹⁸. «В целях обеспечения эффективности администрации главный администратор района должен обладать реальной властью; однако одновременно необходимо ее ограничение»¹⁹.

Срок полномочий главы администрации — 5 лет, возможно переизбраться на второй срок. Важно, что при вступлении в должность он обязан представить главному судье Суда окончательной инстанции СОАР декларацию о своем имуществе. Постановлением Подготовительного комитета СОАР ВСНП «По вопросу о присяге при вступлении в должность официальных лиц Сянганского особого административного района» от 23.05.1997 текст присяги главы администрации следующий:

«Я, (фамилия, имя), вступая в должность главы администрации СОАР КНР, торжественно клянусь хранить верность Основному закону СОАР КНР, быть преданным интересам СОАР КНР, всеми силами исполнять служебный долг, уважать законы, честно и неподкупно служить

обществу, работать на благо СОАР, отвечать [за свои действия] перед ЦНП КНР и СОАР».

С 2017 г. выборы главы администрации могут быть прямыми (такая возможность первоначально предусматривалась Постановлением ПК ВСНП от 29.12.2007 «О соответствующих вопросах всеобщих выборов и правилах формирования Законодательного совета и главы администрации Особого административного района Сянган в 2012 г.»).

Полномочия главы администрации достаточно обширны: он осуществляет руководство правительством СОАР, отвечает за исполнение действующего законодательства. Ему принадлежит право подписи (утверждения) принятых Законодательным советом законов, бюджета и отчета о его исполнении (представляется ЦНП КНР). Важным является то, что при выдвижении списков кандидатов на ключевые в СОАР административные должности (руководители департаментов и их замы, начальники управлений, комиссар по борьбе с коррупцией, начальник аудиторского управления, начальник полиции и т.д.) требуется получить согласие со стороны центральных властей КНР (также и при снятии их с должности).

Если глава администрации сочтет, что какой-либо законопроект, принятый Законодательным советом, не отвечает интересам СОАР, то он вправе не позднее, чем в 3-месячный срок, вернуть его на повторное рассмотрение. Если же в результате повторного рассмотрения он будет все-таки принят не менее 2/3 депутатов, то глава администрации в течение 1 месяца обязан его подписать либо объявить о роспуске Законодательного совета. При этом, «за один срок пребывания на посту главы администрации может распустить Законодательный совет только один раз» (ч. 2 ст. 50).

Глава администрации смещается с должности в случаях:

- утраты работоспособности по болезни и другим причинам;
- если он, отказавшись подписать законопроект, принятый Законодательным советом в первом и втором рассмотрении, также отказался распустать Законодательный совет, который в третий раз проголосовал 2/3 голосов за законопроект, который глава администрации отказался и в этот раз подписывать;
- если представленный правительством СОАР План бюджета или другой важный проект встретили отказ со стороны Законодательного совета, следствием чего явился его роспуск, но вновь избранный Законодательный совет снова отказался его подписывать.

В тех случаях, когда глава администрации не в состоянии исполнять свои должностные обязанности в течение непродолжительного времени, его могут заменить на этом посту руководитель Департамента по делам политики, руководитель Департамента по финансам, руководитель Департамента юстиции, в очередности приведенного перечисления.

При главе администрации учреждается Административное совещание. В него входят назначаемые им высокопоставленные чиновники из административного аппарата, Законодательного совета и авторитетные общественные деятели. Председательствует в нем глава администрации.

Главе администрации также подчиняется Отдел по борьбе с коррупцией и Аудиторский отдел.

Осенью 2014 г. по Гонконгу прокатились массовые протесты населения против избирательной реформы, которую инициировали центральные власти КНР через решение ПК ВСНП: 31 августа им было принято Постановление **«По вопросу о всеобщих выборах главы администрации Особого административного района Сянган и порядке формирования Законодательного совета в 2016 г.»** (全国人民代表大会常务委员会关于香港特别行政区行政长官普选问题和2016年立法会产生办法的决定). В западной прессе эти протестные выступления получили название «революции зонтиков» (雨傘革命). Согласно закрепленным в нем положениям, с 2017 г. в СОАР вводятся всеобщие выборы главы администрации. *Однако кандидатов на них назначает Номинальная коллегия, которая большинством голосов выбирает 2 или 3 человек из всех возможных претендентов.*

Оппозиция надеялась на то, что выборы главы администрации в 2017 г. пройдут по принципу «один человек — один голос» («一人一票»). Однако оказалось, что хотя голосование и будет всеобщим, однако на выборы смогут попасть лишь те претенденты, которых отберет Номинальная комиссия в составе 1200 человек. Таким образом оппозиционные лидеры будут отсечены от участия в избирательной кампании верной правительству КНР Номинальной комиссией, даже если они имеют большую поддержку в обществе. Участники акций требовали не только допущения до выборов широкого круга кандидатов, но и отмены одобрения их со стороны Пекина, а также исключения обязательного утверждения избранного главы администрации Центральным народным правительством.

18 июня 2015 г. Законодательный совет Гонконга отклонил предложенную ПК ВСНП модель избирательной реформы, что является реальной победой сянганской общественности над Пекином. Против нее проголосовало 28 членов и лишь 8 — за (всего на заседании присутствовало 37 человек, решение ПК ВСНП могло быть принятым только при его одобрении 2/3 членов Законодательного совета). Таким образом, предложенная сянганским правительством возможность проведения всеобщих прямых выборов главы администрации по «пекинской модели» осталась под вопросом. Мы ожидаем серьезных консультаций по методике проведения выборов главы администрации Гонконга в 2017 г. между Центральными пекинскими властями и администрацией Гонконга. Отметим, что нынешний глава активно поддерживает Пекин, что предполагает использование им административного ресурса для достижения поставленной ЦНП цели проведения всеобщих выборов по ранее предусмотренной китайским парламентом модели. Однако поддержка крупными западными государствами гонконгская оппозиция будет предпринимать все меры для недопущения этого. В результате происходящего противостояния власти КНР должны будут принять новый правовой документ, устраивающий все стороны конфликта.

Правительство. Правительство СОАР является административным органом, формируемым и возглавляемым лично главой администрации. Оно состоит из Департамента по делам политики, Департамента по финансам, Департамента юстиции и различных управлений, отделов, комиссий.

В его полномочия входит:

- принимать и претворять в жизнь политические установки;
- управлять административными делами;
- выполнять внешнеполитические функции;
- составлять и предоставлять бюджет и отчет о его исполнении;
- разрабатывать и предоставлять законопроекты, подзаконные акты правотворчества;
- направлять на заседания Законодательного совета своих представителей для докладов от имени правительства.

Правительство СОАР ответственно перед Законодательным советом.

Законодательный совет. Законодательный орган СОАР, членами которого могут быть постоянные жители Гонконга, имеющие китайское гражданство и не имеющие прав на жительство в других странах.

Интересно, что Основным законом допускается членство в Законодательном совете постоянных жителей Гонконга, не являющихся гражданами Китая, а также постоянных жителей Гонконга, имеющих право на жительство за границей. Однако их количество в Законодательном совете не должно превышать 20 % от общего числа депутатов. Срок полномочий Законодательного совета одного созыва — 4 года (в настоящее время действует пятый созыв: 01.10.2012—30.09.2016). В случае его роспуска новый состав должен быть сформирован в течении 3 месяцев.

С 1991 по 2004 г. Законодательный совет формировался путем прямых выборов в территориальных (географических) избирательных округах (всего 5) и косвенных в окружных функциональных корпорациях (всего 29) — крупный бизнес, образование, здравоохранение и т. д., а также через назначение Избирательным комитетом (состоял из 800 членов — постоянных жителей Гонконга). С 2004 г. Избирательный комитет в формировании Законодательного совета не участвует. С 2012 по 2016 г. число членов законодательного органа Гонконга составляет 70 человек (40 человек избрано в результате прямых выборов, 30 — косвенными, небольшой группой выборщиков).

Основные полномочия Законодательного совета состоят в следующем:

- принятие, внесение изменений, отмена законов;
- рассмотрение и утверждение бюджета СОАР;
- утверждение налоговых сборов;
- заслушивание и обсуждение докладов главы администрации о работе правительства;
- выражение согласия с назначением (смещением) судей Суда окончательной инстанции и главного судьи Суда высшей инстанции;
- проведение процедуры импичмента в отношении главы администрации;
- рассмотрение и принятие мер по жалобам граждан СОАР.

«Принятые Законодательным собранием Особого административного района Сянган законы вступают в силу лишь после того, как их подпишет и обнародует глава администрации Особого административного района Сянган» (ст. 76).

Член Законодательного совета пользуется иммунитетом и в ходе работы его сессий и по пути к ней не подлежи аресту. Однако он может быть лишен членства в случае утраты трудоспособности, неучастия в течение 3 месяцев в работе совета, утраты статуса постоянного жителя

Гонконга, назначения его на должность казенного служащего, банкротства, неисполнения решения суда о возмещении задолженностей, совершения уголовного преступления, совершения неблагоприятного поступка либо нарушения присяги, при условии, что 2/3 членов Законодательного совета проголосовали за выражение ему порицания.

В Приложении 2 к Основному закону содержится порядок образования и процедура голосования Законодательного совета СОАР. С 2017 г. выборы в Законодательный совет могут быть уже прямыми.

Последний губернатор Гонконга Крис Пэттен, несмотря на протесты Пекина, провел реформу выборов в Законодательный совет, которая вызвала серьезные разногласия в китайско-британских отношениях. Российский корреспондент в Китае, специалист по вопросам его внутренней и внешней политики В.В. Овчинников дал следующую критическую характеристику реформам К. Пэттена: «Налицо типичный пример лондонского лицемерия. Полтора года колониальные правила Гонконгом, не заикаясь о народовласти. Присланный королевой губернатор назначал значительную часть Законодательного совета. Там имели свои квоты и различные слои общества: гильдии финансистов, коммерсантов, адвокатов, врачей и так далее. Лишь небольшое количество депутатов избирались по округам. Все это считалось в порядке вещей. Лишь когда возникла первая перспектива, что губернатором станет не чиновник из Лондона, а житель Гонконга, утвержденный Пекином, англичане вдруг стали поборниками прямых всеобщих выборов в Законодательный совет. Цель очевидна: превратить его в оплот противостояния Пекину, спровоцировать конфронтацию законодательной и исполнительной властей»²⁰.

Сформированный орган в 1997 г. Пекином был распущен, а вместо него образован Временный законодательный совет с годичным сроком полномочий. После чего летом 1998 г. был образован новый Законодательный совет 1-го созыва²¹.

Судебная система. Сохраняется прежняя система, действовавшая до возвращения Гонконга под юрисдикцию КНР. Она состоит из Суда окончательной инстанции, Суда высшей инстанции (включая Кассационный суд и Суд первой инстанции), районных судов, магистратур и других специальных судов. Право окончательного приговора принадлежит Суду окончательной инстанции.

В СОАР продолжают действовать суды присяжных по британскому типу. Вынесенные судами СОАР решения не могут быть обжалованы в судебных органах КНР.

Часть 2 ст. 87 закрепляет принцип презумпции невиновности: «Любой человек, арестованный на законном основании, пользуется правом на как можно более скорое и справедливое разбирательство своего дела в суде. Вплоть до вынесения судом определения имеет силу презумпция невиновности обвиняемого». Все судьи назначаются главой администрации по рекомендации независимой Комиссии в составе местных судей и известных деятелей юридических кругов и общественности. При этом они могут быть смещены со своих должностей, только если: 1) утрачена трудоспособность; 2) совершен неблагоприятный поступок.

Не менее важные для характеристики правовой системы СОАР положения содержатся и в Гл. 5. Так, в ст. 106 устанавливается, что Гонконг сохраняет финансовую автономию. Все его доходы идут на собственные нужды, не делается отчислений в пользу Центра. СОАР также проводит самостоятельный налоговый режим, принимая для этого необходимые законы (ст. 108). Правительство СОАР самостоятельно разрабатывает и проводит кредитно-денежную политику (ст. 110). Его валютой остается сянганский доллар. При этом право на эмиссию также принадлежит гонконгским властям (ст. 111). Сянганский доллар является свободно конвертируемой валютой (ст. 112). Правительство Гонконга не ограничивает свободу совести, не вмешивается во внутренние дела религиозных организаций, не ограничивает религиозную деятельность (ч. 1 ст. 141).

Важное положение содержится в ст. 158 Основного закона, которая гласит, что право его толкования принадлежит ПК ВСНП. После того, как ПК ВСНП дал соответствующее толкование, «все суды Гонконга должны брать его за единственное правильное во всех случаях использования в судебном процессе данной статьи настоящего Основного закона». Право внесения поправок в Основной закон также принадлежит ПК ВСНП. «Любые поправки к настоящему Основному закону не должны противоречить основным курсам и политическим установкам Китайской Народной Республики в отношении Сянгана» (ч. 4 ст. 159).

Один из наиболее ожесточенных споров по характеру содержания Основного закона был вызван закрепленным в ст. 160 положением. В статье устанавливается: «Все действовавшие до момента образования Особого административного района Сянгана законы, кроме законов, объявленных Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей законами, противоречащими настоящему Основному

закону, сохраняют свою силу как законы Особого административного района Сянган. В случае, если впоследствии будет обнаружено, что какие-то из них противоречат настоящему Основному закону, то они будут в соответствии с процедурой, предусмотренной настоящим законом, исправлены либо объявлены утратившими силу» (ч. 1). Официальные документы, удостоверения, договоры, имевшие силу в условиях прежнего законодательства Сянгана, а также соответствующие права и обязанности сохраняют свою силу, признаются и охраняются Особым административным районом Сянган при условии, что они не противоречат настоящему Основному закону.

23 февраля 1997 г. ПК ВСНП принял Постановление «**О регулировании прежних законов Сянгана на основании статьи 160 Основного закона СОАР КНР**» (关于根据基本法第160条处理香港原有法律的决定), в котором дается подробная характеристика требованиям Основного закона СОАР к законодательным актам Гонконга на предмет их соответствия закрепленным в нем положениям²². В соответствии с ним все прежние законы Гонконга, включающие общее право, право справедливости, установления, подзаконные акты и обычное право, сохраняют свою силу при условии соответствия положениям Основного закона. Перечисленные в Приложении 1 нормативные правовые акты, положения статей документов, перечисленных в Приложении 2, прекращают свое действие в Гонконге. Это, например, «Положение о браке за пределами Великобритании», «Положение о министре обороне», «Положение о Королевском полке», «Положение об обязательной воинской повинности», «Положение о британском гражданстве» и др. Особо отмечено, что «любое положение об особых правах Великобритании или других стран и районов Британского Содружества теряет свою силу, однако это ограничение не распространяется на взаимовыгодные соглашения с Великобританией или другими странами и районами Британского Содружества». Также: «Из любого названия правительственной или полуофициальной организации должно быть изъято упоминание о “королевском доме”, если такое присутствует».

III) **Закон КНР «О гарнизоне Особого административного района Сянган»** (中华人民共和国香港特别行政区驻军法), принятый ПК ВСНП 30.12.1996. Состоит из 6 глав, 30 статей²³. Работа над его проектом началась еще в 1992 г.²⁴

Выше было отмечено, что «ЦНП КНР ведает делами обороны СОАР, а также отвечает за поддержание в нем общественного порядка».

Указанное положение содержится в **ст. 14** Основного закона СОАР. Центральные власти добились важной цели: размещения воинского контингента Народно-освободительной армии Китая (далее: НОАК) на территории СОАР численностью около 6 тыс. человек. Сянганский гарнизон сформирован из элитных частей сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил НОАК. Его руководство осуществляется Центральным военным советом, во главе которого стоит Председатель КНР Си Цзиньпин. Расходы по его содержанию относятся на счет ЦНП.

Правительство КНР не только разместило свой воинский контингент на территории Гонконга, но и добилось иммунитета гарнизона от распространения на него применяемых в СОАР законов. Статья 7 гласит: «Летательные аппараты, военные суда, другое вооружение и материальные ресурсы сянганского гарнизона, а также личный состав и транспортные средства при исполнении служебных обязанностей, имеющие выданные сянганским гарнизоном документы или свидетельства, не могут быть подвергнуты проверке, обыску и аресту сотрудниками правоохранительных органов Сянганского особого административного района». И далее (ст. 8) «Личный состав сянганского гарнизона вправе в соответствии с законами Сянганского особого административного района принимать соответствующие меры для пресечения деятельности, препятствующей ему выполнять свои обязанности».

Также: если власти СОАР проводят в жизнь политический курс либо принимают законодательство, затрагивающие интересы гарнизона, то им следует проводить консультации с его руководством (ч. 2 ст. 10).

Дела о преступлениях, совершенных личным составом гарнизона подсудны органам военной юстиции КНР. Да и иные нарушения законов, даже если они совершены вне исполнения должностных обязанностей, должны рассматриваться военными судами КНР. Лишь если солдат нарушит права нежителя Сянгана, да и то во внеслужебное время, оно подлежит рассмотрению в судах СОАР.

В любом случае, если возникнут споры по закрепленным в законе положениям и их применениям, право на толкование его норм принадлежит лишь ПК ВСНП (ст. 29).

- В обязанности Сянганского гарнизона согласно ст. 5 вменяется:
- предупреждение и отражение агрессии, защита безопасности;
 - несение службы по обороне;
 - заведование военными объектами;

— принятие к ведению вопросов, затрагивающих зарубежную военную деятельность.

При этом контингент не вправе вмешиваться в местные дела СОАР (ст. 9).

Наибольшим уровнем полномочий сянганский гарнизон наделяется в случаях объявления ПК ВСНП военного либо чрезвычайного положения на территории СОАР. Тогда он выполняет обязанности по наведению порядка в соответствии с общегосударственными законами КНР, которые начинают применяться центральными властями в СОАР. Правительство СОАР также может обратиться с просьбой об использовании гарнизона для оказания помощи в охране общественного порядка, борьбе со стихийными бедствиями к ЦНП.

Закон содержит требования и к личному составу сянганского гарнизона (ст. 16):

- быть преданным Родине, исполнять долг, защищать безопасность Родины, ее честь и интересы, обеспечивать безопасность Сянган;
- соблюдать государственные законы и законы СОАР;
- соблюдать воинскую дисциплину;
- уважать систему власти СОАР, его общественный строй и жизненный уклад;
- бережно относиться к общественной собственности СОАР, к частной собственности;
- соблюдать мораль, быть культурными и вежливыми.

При этом личный состав не может участвовать в какой-либо политической, религиозной, общественной организации Гонконга, заниматься коммерческой деятельностью, да и вообще любой деятельностью, не связанной с профессиональной.

Сянганский гарнизон, рядовой и офицерский состав которого скомплектован исключительно из жителей континентального Китая, готов в любой момент по команде из Пекина приступить к защите территориальной целостности и суверенитета КНР. Он отлично вооружен, обучен и подчиняется центральным законам, что обеспечивает неприкосновенность личного состава в случаях совершения действий против властей и населения СОАР в рамках исполнения приказов из центра.

Профессор Гудошников констатирует: «...при воссоединении Сянган с КНР удалось сохранить прежнюю правовую систему, основанную на нормативной базе англосаксонского типа. Поскольку эта система работает, а общественно-экономический строй региона будет оста-

ваться неизменным в течение ряда десятилетий, короткая жизнь ей не уготована. Конечно, британские судебные прецеденты будут постепенно заменены местными, произойдут (и уже происходят) какие-то изменения в статусном законодательстве. Однако существующая система норм, регулирующих положение Сянгана как крупнейшего международного, финансового, торгового и судоходного центра, не может быть подвергнута радикальным изменениям в ближайшее время»²⁵.

* * *

1. После возвращения под суверенитет КНР бывшей британской колонии Гонконга (Сянгана) произошла практическая реализация известной политико-правовой концепции «одно государство — две системы», первоначально выдвинутой китайским лидером Дэн Сяопином в отношении разрешения «тайваньской проблемы». Гонконг, превратившись в Особый административный район КНР, не воспринял социалистическую систему континентального Китая, его институты и механизмы управления. Обладая «широкой автономией», власти СОАР продолжили проводить собственную политику по отношению к вверенной им в управлении территории.

В связи с этим у сторонних наблюдателей сложилось впечатление, что ни политическая, ни правовая, ни экономическая системы после возвращения Гонконга в «лоно Родины» не претерпели существенных изменений. Это привело к возвращению в Гонконг многих покинувших его после 1997 г. жителей. При этом, если в основе причины эмиграции из Сянгана лежал страх перед приходом коммунистической власти, то причиной последующего возвращения стало желание обогатиться в наиболее экономически развитом и свободном регионе КНР.

Мнение о том, что внутренние системы Гонконга не претерпели изменения, — ошибочно. Конечно, в меньшей степени его переход под китайскую юрисдикцию затронул бизнес. Экономика региона после 1997 г. продолжала интенсивно развиваться. Центр не вмешивался в уже давно налаженную систему регулирования экономических отношений внутри СОАР.

В политическом и правовом плане произошли существенные изменения. Глава администрации Сянгана стал полностью зависим от центральных китайских властей, утверждение его назначения на должность осуществляется Центральным народным правительством. Оно же

ведает всеми внешнеполитическими делами и обороной СОАР. В Гонконге дислоцируется сянганский гарнизон в количестве нескольких тысяч хорошо обученных военнослужащих из числа жителей континентального Китая, которые не подпадают под юрисдикцию местного законодательства. В случае необходимости защиты единства КНР оснащенный по последнему слову техники гарнизон в любой момент по приказу из Пекина вступит в бой, защищая интересы государства.

Свобода Гонконга от влияния центральной власти призрачна. Не может идти речи и о федеративности (конфедеративности) характера отношений между ним и Пекином. КНР — унитарное государство с жесткой системой управления, руководимое Коммунистической партией Китая. И даже несмотря на первую «победу» представителей «революции зонтов» в вопросе выборов в 2017 г. главы администрации, установленные Пекин избирательные фильтры не допустят прихода к власти не удобного Центру политика. В случае начала массовых волнений возможно в соответствии с принятым Основным законом СОАР введение чрезвычайного положения и применение вооруженной силы с отменой действующего в Гонконге регионального законодательства.

2. Правовая система Гонконга уникальна и представляет собой смешанный тип, с преобладанием в ней англосаксонской правовой традиции. Наряду с актами собственных законодательных органов, она включает прецедентное право (общее право и право справедливости), традиционное право Китая, а также некоторые законодательные акты КНР. В СОАР действует собственная «малая Конституция» в виде его Основного закона. Все действующие в Гонконге акты правотворчества должны соответствовать закрепленным в нем положениям. При этом право толкования Основного закона принадлежит лишь ПК ВСНП, что, по сути, означает тотальный контроль Пекина над правотворческой деятельностью органов власти Сянгана. Происходит процесс «локализации права», означающий приспособление законов Гонконга к требованиям Центра в виде соответствия их Основному закону СОАР.

В случае же объявления ПК ВСНП военного либо чрезвычайного положения в Гонконге Пекин вправе издать указ о введении в действие в СОАР общегосударственных законов, что способно полностью изменить правовой облик региона. Вероятность принятия такого решения была достаточно высока в период массовых волнений в Гонконге осенью 2014 г. Таким образом, Центральное народное правительство КНР обладает все-

ми законными средствами для того, чтобы заставить СОАР подчиниться его требованиям: от правых до военных мер.

3. Критики возвращения Гонконга под юрисдикцию КНР неоднократно заявляют о том, что существующие права и свободы граждан СОАР будут в недалеком будущем подвергаться существенным ограничениям со стороны центральных китайских властей. Согласимся с тем, что Пекин вряд ли устраивает та широкая демократия, которая действует в Гонконге. Рано или поздно китайским властям придется устранить деятельность антипекинских сил, достаточно активно раскачивающих «гонконгскую лодку».

Отметим, что в период колониального господства Великобритании над Гонконгом речи о демократии не шло вовсе. Не было никакого самоуправления со стороны населяющего Сянган жителей, все свободы жестко ограничивались требованием соблюдения колониального законодательства. Губернатор, члены Законодательного совета назначались английской короной. Гонконгцы не участвовали в выборах. Китайское население Гонконга долгое время вообще не считалось за людей, в отношении него действовали серьезные колониальные запреты. Согласимся с тем, что Гонконг из колониальной зависимости от Великобритании подпал под зависимость от КНР. Но разница — и существенная — в том, что Гонконг исторически принадлежит Китаю.

Все же СОАР является самым свободным, наряду с Аомэнем (Макао), регионом КНР. В нем можно без особых административных проволочек зарегистрировать религиозную организацию, провести массовый митинг, выступить с критикой в адрес центрального правительства. Законодательство Гонконга, с одной стороны, сурово к нарушающим его лицам, с другой — характеризуется высокой степенью предоставляемых прав и свобод. Будет ли сохранен такой уникальный для КНР правовой статус его территории, пока не ясно.

Профессор Л.М. Гудошников, в начале процесса возвращения Гонконга Китаю, пророчески писал: «При всех обстоятельствах будет совершаться беспрецедентный в истории государства и права эксперимент, узнать результаты которого, пожалуй, не суждено никому из нас, разве что самым молодым, когда они уже будут глубокими стариками»²⁶.

Что же, время покажет, в каком правовом поле будет жить Гонконг после 2047 г., когда закончится отведенный для его интеграции в правовое пространство КНР срок.

§ 3.2. Правовая система Аомэня (Макао). Основной закон Аомэньского особого административного района

Уникальными чертами обладает правовая система практически не изученного в отечественной юридической науке и синологии Макао (по-китайски Аомэнь, 澳門), бывшей колонии Португалии, 20 декабря 1999 г. возвращенной под юрисдикцию КНР. В свое время Португалия маса предложила вернуть Китаю этот небольшой полуостров в управление, ведь исторически он принадлежал Поднебесной, а его население на более чем 95 % состоит из китайцев. Сам переход Макао под юрисдикцию КНР, в отличие от Гонконга, прошел плавно и незаметно, практически не было протестов и возражений против инициированного процесса. «В значительной степени это объясняется тем, что несмотря на многолетнее португальское правление влияние Китая всегда оставалось сильным в отличие от Гонконга. Кроме того, как отмечается аналитиками, население в Макао менее политизировано, чем в Гонконге, и жителей Макао больше интересуют проблемы экономики, чем политика. Поэтому в Макао не отмечалось ни всплеска антикитайских настроений, ни массового бегства за границу, ни демонстраций и акций протеста, как в Гонконге. Более того, гарнизон НОАК встречали тысячи жителей Макао с цветами и приветствиями»²⁷.

Аомэнь (Макао) расположен в западной части дельты реки Чжуцзян всего в 60 км от Гонконга, включает в себя полуостров Аомэнь и два острова — Даньцзы (Тайпа) и Лухуань (Колоан), омываемых Южно-Китайским морем. Его история насчитывает 6 тысяч лет. Со времени династии Цинь (221—206 до н.э.) Макао входил в состав провинции Гуандун. «Аомэнь не был крупным поселением — пишет российский исследователь доктор К.А. Кокарев — пока в XVI в. туда не прибыли португальские моряки, активно осваивавшие в тот период побережья Африки и Азии. Обосновавшись в Гоа (1510 г., Индия) и на полуострове Малакка (1511 г.), португальцы появились на китайском побережье в 1513 г. Они высадились на острове Линьтинь, расположенный в дельте реки Чжуцзян, где установили каменный знак, который должен был символизировать принадлежность данного острова португальскому королю»²⁸. Это, конечно, встретило лишь одно сопротивление со стороны китайских властей.

С 1557 г. Португалия владела Макао на правах аренды под часто используемым европейскими колонизаторами предлогом «просушки намокшего груза». В это время стали появляться первые португальские поселения.

С 1574 г. португальцы регулярно платили китайским императорам за пользование территорией. Однако в 1849 г. властным решением португальского губернатора Феррейра ду Амарала (João Maria Ferreira do Amaral) выплаты в китайскую казну прекратились, ликвидировалась китайская таможня и было провозглашено отделение территории от Китая. Ответом со стороны китайского населения стало убийство губернатора, которое привело к так называемому Байшалинскому инциденту (白沙岭事件), окончательно превратившему Макао в португальскую колонию.

В 1862 г. по результатам второй «опиумной войны» Китаю было навязано соглашение (中葡和好贸易条约), по которому Аомэнь был признан колониальным владением Португалии. Однако в силу необходимости внесения в него ряда уточнений, Китай его так и не ратифицировал, поэтому юридических прав на Макао у Португалии не наступило. «Для легитимизации аннексии Аомэня, а также для получения аналогичных с Великобританией, Америкой и Францией особых торговых прав, Португалия при помощи Франции начала переговоры по заключению договора с цинским правительством, парафировав “Мирный торговый договор”. Цинское правительство обнаружило, что в Договоре содержатся положения, посягающие на территорию и суверенитет Китая, и не подписало его, а также высказало мнение о взаимном обмене нотами по его изменению. Обе стороны — Китай и Португалия — развернули долгую дискуссии путем взаимного обмена нотами, Португалия пыталась через обмен нотами легитимизировать аннексию Аомэня, а цинское правительство хотело этим путем вернуть суверенитет над Аомэнем, цели обеих сторон были разными, что не представляло возможности достигнуть согласия, в результате китайско-португальский “Мирный торговый договор” превратился в не имеющий подписи цинского правительства, не обмененный Китаем и Португалией, не имеющий юридическую силу договор»²⁹.

Очередной китайско-португальский «Договор о дружбе и торговле» (中葡和好通商条约) (*Tratado de Amizade e Comércio Sino-Português*) был подписан в Пекине 01.12.1887. Он подтверждал права Португалии «на вечное управление Аомэнем» (оригинал Договора хра-

ниться в музее Гугун Китайской Республики на Тайване). Китай так его и не ратифицировал. Этот документ был признан утратившим силу в 1928 г. гоминьдановскими властями. Тогда китайский МИД направил Португалии официальную ноту, в которой объявил пекинский договор недействительным, и заключил дополнительный договор «О дружбе и торговле», который, однако, носил лишь экономический, но не политический характер.

В 1940 г. милитаристская Япония установила военный контроль над Макао. После поражения Японии во Второй мировой войне Португалия взяла регион под свой контроль. В 1951 г. управляемая премьер-министром Салазаром Португалия в рамках борьбы за сохранение своих колоний объявила Аомэнь своей заморской территорией. Сотни португальских солдат были направлены в колонию для ее защиты. Известный болгарский журналист, **дипломат Крум Босев**, впервые попав в Макао, был удивлен тому, что большинство солдат португальского гарнизона были чернокожие. В ответ на его недоумение сопровождающий гид ответил: «Да это и есть настоящие негры. Португальскую империю защищают здесь не португальцы, а солдаты из других африканских колоний Португалии... Да-да, не удивляйтесь — четыреста пятьдесят солдат, это здесь вся вооруженная сила колониальной Португалии... Из всех их африканских колоний. Почему? Это трудно понять: возможно, они больше португальцы, чем сами колонизаторы. Ведь их воспитывали десятилетиями. ... эта колония обеспечивает им все: пищу, красивых девушек и все прелести контрабанды... Португальцам это тоже выгодно. Если кому-то когда-то придется умереть, то пусть это будут не португальцы...»³⁰.

В ответ на агрессивные действия Португалии власти КНР опубликовали статью «Предупреждение португальским властям Аомэня» с призывом прекратить незаконную аннексию китайского полуострова³¹. В ней, в частности, содержались следующие строки: «Мы должны предупредить португальские власти Аомэня, нынешний Китай уже не тот, что 6 лет назад, тем более не тот, которым был 400 лет назад. Народ Китая ни когда не допускал провокации в этом вопросе, провокаторы обязательно пожнут то, что посеяли».

Важность Макао для Китая определялась тремя основными факторами:

— он выступал в качестве форпоста обороны на правом берегу р. Чжуцзян;

— португальское владение наносило ущерб интересам КНР;
— подавляющее большинство проживающего в его пределах населения было китайцами.

Начавшийся после Второй мировой войны процесс деколонизации, несмотря на противостояние ему со стороны Португалии, с течением времени коснулся и Макао. 8 ноября 1972 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила Резолюцию об исключении Аомэня из списка колоний мира. В 1974 г. Португалия в одностороннем порядке отказалась от колониальных прав на Макао и признала суверенитет КНР над ним. Однако раздираемое «культурной революцией» китайское государство не спешило вступить в свои права. Лишь **08.02.1979 г.** КНР и Португалия, установив дипломатические отношения, пришли к формулировке о признании Макао китайской территорией, находящейся под управлением Португалии с последующей передачей его Китаю.

30 июня 1986 г. в Пекине прошли официальные переговоры по аомэньскому вопросу между КНР и Португалией. Всего состоялось 4 раунда переговоров с 30 июня 1986 г. по 23 марта 1987 г. В их результате 13.04.1987 премьером Государственного совета КНР Чжао Цзяном и премьер-министром Португалии Анибалом Каваку Силва была подписана Совместная декларация, определявшая дату возвращения Макао Китаю и создания Аомэньского особого административного района (далее: АОАР) — 20.12.1999.

Макао представляет собой интереснейший для зарубежных исследователей регион. Его экономика зиждется на игорном бизнесе и туризме, это своего рода азиатский Лас-Вегас (еще его называют Восточным Монте-Карло), в котором на каждом шагу работают игорные заведения, располагаются шикарные гостиницы и рестораны. Среднегодовая температура достигает 22,7 градусов.

Автору приходилось бывать в Макао, и впечатления о нем остались самые противоречивые: с одной стороны, большинство населения этого небольшого региона задействовано в игорно-туристической сфере, повсюду атмосфера непрекращающегося праздника и развлечений. С другой — в общении с жителями города приходится слышать об их опасениях за будущее своих детей, которые воспитываются в условиях вседозволенности и доступности запрещенных в других регионах Китая и государствах мира услуг.

В Макао процветает азарт, которому сопутствуют услуги, удовлетворяющие и другие низменные человеческие страсти. При этом вся

социальная сфера региона живет за счет игорного бизнеса, который платит налоги в аомэньскую казну.

Даже профессорско-преподавательский состав юридических институтов Макао (как и других учебных заведений), в личной беседе высказываясь против существующих порядков, в материальном плане полностью зависит от налоговых поступлений от игорного бизнеса в образовательную сферу. Макао — регион КНР, где граждане получают бесплатное начальное и среднее образование, причем оно является обязательным и родители несут ответственность за направление своих детей в школы. Так называемая бесплатная 15-летка установлена в соответствии с обнародованным 26.12.2006 г. **Законом «О программе высшей системы образования»** (非高等教育制度纲要法)³².

Азартные игры были легализованы в Макао еще в 1847 г. С 1962 г. монополию на них получил крупнейший холдинг Sociedade de Turismo e Diversoes de Macau (STDM). Под его управлением развлекательная индустрия резко «поползла» вверх, в регион хлынул поток игроков из Гонконга, континентального Китая, из других государств. Монопольная лицензия на игорный бизнес у STDM истекла в 2001 г. После чего правительство Макао выдало лицензии и другим операторам (преимущественно американским). К настоящему времени игорный рынок Макао поделен между несколькими крупными компаниями, каждая из которых приносит ее владельцам большие доходы. Рядом с игорным бизнесом процветает деятельность преступных сообществ — китайских триад, которые активно занимаются легализацией своих доходов, полученных преступным путем. Борьба с ними является главным направлением правоохранительной работы в регионе, однако успехов здесь пока достигнуто мало.

19 августа 2001 г. в правовой системе АОАР появился важный нормативный документ — **«Правовой режим ведения развлекательного и игрового бизнеса»** (娱乐场幸运博彩经营法律制度)³³. Согласно закрепленным в нем положениям государство поддерживает развлекательную сферу в Макао, туристические и иные предоставляемые законно услуги. При этом запрещается осуществлять «черную» (незаконную) деятельность в игорной сфере. В п. 3 ст. 3 перечислены 24 вида игр, которые разрешены в развлекательных местах Макао. Это, например, баккара, блек-джек, фан-тан, патинко, рулетка, покер и др. Отметим, что больше половины игр — традиционные для Азиатского региона, особо любимые китайцами.

В соответствии с ч. 1 ст. 24 вход в игорные заведения запрещен:

- лицам, младше 18 лет;
- недееспособным;
- лицам, на имущество которых наложено запрещение;
- лицам, виновным в умышленном банкротстве;
- административным работникам АОАР;
- сотрудникам правоохранительных органов, за исключением случаев исполнения ими служебных обязанностей;
- лицам, находящимся в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения;
- лицам, имеющим при себе оружие, взрывчатые вещества;
- лицам, имеющим при себе звукозаписывающую аппаратуру.

В ч. 2 ст. 24 приведен перечень лиц, могущих посещать игорные заведения, но которым законом при этом запрещено принимать участие в азартных играх. К ним относятся:

- глава администрации, начальники департаментов и члены Административного совета;
- специальные административные работники;
- главный аудитор;
- руководитель Главного управления полиции;
- глава таможенного управления;
- работники развлекательного учреждения и приглашенные ими лица;
- работники управляющих развлекательными заведениями компаний и приглашенные ими лица;
- председатель исполнительного комитета и административного органа города, где размещено игорное заведение.

Игорные заведения Макао облагаются налогом на прибыль в размере 35 % (ст. 27)³⁴.

Основными документами, положенными в основу возвращения Макао (Аомэня) под китайскую юрисдикцию и определяющими специфику его современной правовой системы, являются:

I. Совместная декларация между Правительством КНР и Правительством Португалии по вопросу Аомэня (中华人民共和国政府和葡萄牙共和国政府关于澳门问题的联合声明) (Declaração Conjunta Do Governo Da República Portuguesa e Do Governo Da República Popular Da China Sobre a Questão De Macau) (13.04.1987)³⁵. ПК ВСНП и португальский парламент ратифицировали ее соответственно 23 июня

и 11 декабря 1987 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Пекине 15.01.1988. Таким образом, со дня вступления в силу Совместной декларации до официального возвращения Макао 20.12.1999 прошло 12 лет, в течение которых КНР и Португалия проделали большую работу по координации совместных усилий по мирному разрешению аомэньской проблемы. Вместе с Совместной декларацией было подписано два Приложения, раскрывающие конкретные подробности мероприятий по возвращению Макао в «лоно Родины».

На церемонии подписания Совместной декларации лично присутствовал основоположник политико-правовой доктрины «одно государство — две системы» Дэн Сяопин³⁶. Дата возвращения Макао под юрисдикцию КНР вызвала самые большие разногласия между сторонами. Португалия называла XXI век, Китай — XX. Последнее слово в этом вопросе осталось за китайскими переговорщиками.

Основные положения документа заключаются в следующем:

- восстановление суверенитета КНР над Макао;
- создание Аомэньского особого административного района, непосредственно подчиненного ЦНП (утверждено Постановлением ВСНП от 01.04.1993);
- предоставление АОАР прав «автономии высокой степени» — права на осуществление самостоятельной законодательной, исполнительной и судебной власти;
- право на выдачу въездных и выездных виз;
- право на сохранение статуса порто-франко;
- право на осуществление самостоятельной налоговой, финансовой, валютной политики.

Из компетенции АОАР исключаются внешняя политика и оборона.

По модели решения «сянганской проблемы» стороны создали совместную Объединенную группу связи (中葡聯合聯絡小組) и Группу по земле (中葡土地小組) для согласования пакета документов по передаче прав на Макао от Португалии к КНР.

II. **Основной закон Особого административного района Аомэнь** (中华人民共和国澳门特别行政区基本法) (**Lei Básica da Região Administrativa Especial de Macau**). Принят на 1-й сессии ВСНП 8-го созыва 31.03.1993³⁷. Состоит из Введения, 9 глав, 145 статей и 3 Приложений. Его проект был обнародован 17.03.1992 для заслушивания мненья.

ний по нему граждан КНР и жителей АОАР. На его разработку ушло четыре с половиной года.

Во Введении отмечается: «Аомэнь...с древних времен является территорией Китая; с середины XVI века постепенно был захвачен Португалией. 13 апреля 1987 г. правительствами двух стран — Китая и Португалии было подписано совместное заявление по вопросу об Аомэне, подтвердив, что Правительство Китайской Народной Республики с 20 декабря 1999 г. восстанавливает суверенитет в отношении Аомэня, и тем самым сбываются давние общие чаяния китайского народа на его возвращение». Важным является то, что «во имя сохранения единства страны и ее территориальной целостности, в интересах общественной стабильности и экономического развития Аомэня, учитывая историю и современное положение Аомэня, государство принимает решение при восстановлении суверенитета в отношении Аомэня...**не осуществлять в нем социалистический строй и политику**».

В соответствии с **Главой 1 «Общие положения»** Основного закона:

1. АОАР является неотъемлемой частью КНР.
2. АОАР наделяется правами высокой степени автономии, что предполагает:
 - право на административное управление;
 - право на принятие законов;
 - право на судопроизводство, включая вынесение окончательных решений по судебным делам, которые не могут быть обжалованы в судах за пределами Макао.
3. В АОАР «не устанавливается социалистический строй и не проводится социалистическая политика, сохраняется прежний капиталистический строй и образ жизни в течение 50 лет без изменений».
4. АОАР сохраняет права частной собственности.
5. В АОАР «сохраняются все ранее действовавшие законы, декреты, административно-правовые установления и иные документы нормативного характера», за исключением противоречащих Основному закону или подлежащих пересмотру законодательными органами Аомэня. Все принимаемые в АОАР нормативно-правовые документы должны соответствовать положениям Основного закона.
6. В органах государственной власти АОАР португальский и китайский языки признаются официальными.

Правовая система Макао включает в себя правовую традицию романо-германского (континентального) права, сформированного под влиянием Португалии, традиционное право Китая с примесью элементов права соседнего Гонконга и принятого внутри территории собственного законодательства³⁸. Особенно сильно португальское влияние в гражданско-правовой сфере Макао, которая создавалась преимущественно при помощи португальских колонизаторов. Таким образом, основу правовой системы АОАР составляют статутные законы, а не судебные прецеденты, как в Гонконге. В соответствии с ч. 2 ст. 18 общенациональные законы КНР не действуют на территории АОАР, за исключением приведенных в Приложении 3 (Закон КНР «О гражданстве», Закон КНР «О территориальных водах и прилегающих к ним районах», Положение «О консульских привилегиях и иммунитетах» и некоторые другие). Перечень открытый и может быть дополнен ПК ВСНП. Однако в случае объявления на территории Макао военного либо чрезвычайного положения ЦНП может издать указ о введении в нем необходимых общенациональных законов (ч. 4 ст. 18). Согласно ст. 145 Основного закона все действующие до момента образования АОАР законы, за исключением противоречащих ему, сохраняют свою силу. Центральные власти Китая при решении вопроса интеграции Макао в правовую систему КНР применили ту же схему, которая была использована при возвращении бывшей британской колонии Гонконг в «лоно Родины».

«Основной закон, объявив Аомэнь неотъемлемой частью Китая, вместе с тем предоставил ему широчайшее самоуправление, ограниченное лишь уже упоминавшимися изъятиями в отношении вопросов, связанных с обороной и иностранными делами. По сути, такие отношения Центра с регионом могли бы походить на конфедеративные, если бы не установленный Основным законом порядок назначения высших должностных лиц Центром (пусть даже из местных людей и отобранных самим регионом) и надзора за законодательством района со стороны ПК ВСНП с правом последнего возвращать их, прекращая тем самым их действие. КНР по своему государственному устройству является унитарным государством, и против таких порядков вряд ли можно возразить»³⁹.

Глава 2 Основного закона посвящена вопросам взаимоотношений между Центральным народным правительством КНР и органами власти АОАР. В ней содержатся следующие важные положения:

1. АОАР подчиняется ЦНП КНР.

2. В компетенцию ЦНП КНР входит:

- ведение внешней политики от имени АОАР;
- обеспечение обороны АОАР;
- назначение и освобождение от должности главы администрации АОАР, высших должностных лиц правительства, главного прокурора.

3. В компетенцию АОАР входит:

- самостоятельное административное управление территорией;
- принятие необходимых для развития региона законов, которые должны регистрироваться ПК ВСНП. Однако, если Комиссия по делам Основного закона АОАР посчитает, что закон не соответствует положениям Основного закона, то он не регистрирует его и возвращает назад без изменений. Отвергнутый закон признается недействительным;
- право на осуществление независимого судопроизводства, включая вынесения окончательного приговора.

Глава 3 Основного закона регулирует вопросы прав и обязанностей жителей Макао, которые подразделяются на две категории:

1. *Постоянные жители*: это китайские граждане, родившиеся в Макао до или после образования АОАР, и их дети китайского гражданства, родившиеся вне Макао; китайские граждане, прожившие в Макао не менее 7 лет вне зависимости от того, случилось ли это до или после образования АОАР, и их дети китайского гражданства, родившиеся вне Макао после того, как их родители стали постоянными жителями региона; родившиеся в Макао до или после образования португальцы, для которых Макао является единственным местом проживания; португальцы, прожившие в нем подряд не менее 7 лет, для которых Макао является единственным местом проживания; другие лица, прожившие в Макао подряд не менее 7 лет, для которых Макао является единственным местом проживания, и их дети, не достигшие 18 лет.

2. *Непостоянные жители*: это лица, могущие получить «Удостоверение личности постоянного жителя» без отметки с обозначением права на проживание в АОАР.

Отметим, что только «постоянные жители» АОАР обладают активным и пассивным избирательным правом.

В остальном жители Макао пользуются одинаковыми правами:

- свободой слова, печати, собраний, шествий, демонстраций;
- свободой совести;
- свободой перемены места жительства, выезда и въезда;
- свободой выбора рода занятий;

— в уголовном процессе действует презумпция невиновности: «обвиняемые в совершении преступления аомэньские жители пользуются правом на как можно более скорое разбирательство своего дела в суде. Вплоть до вынесения судом определения имеет силу презумпция невиновности обвиняемого;

- личная репутация и тайна охраняются законом;
- право на обжалование действий органов власти;
- право на социальное и пенсионное обеспечение.

При этом в АОАР, несмотря на крайне малую территорию региона, не проводится политика планирования деторождения.

Глава 4 «малой аомэньской Конституции» посвящена вопросам государственного (политического) устройства АОАР.

Глава администрации (Раздел 1) (ранее — назначаемый Португалией губернатор)

Выступает в качестве «верховного руководителя» АОАР и отвечает за свою деятельность перед ЦНП и Макао. Им может быть китайский гражданин, постоянно проживающий в Макао, в возрасте не моложе 40 лет и постоянно проживший непрерывно в нем 20 лет. Официальное назначение на должность производится ЦНП. Срок полномочий — 5 лет, с возможным продлением еще на один срок. При вступлении в должность глава администрации присягает на верность не только АОАР, но и КНР в целом.

Главе администрации запрещается:

- иметь право на жительство в другой стране;
- заниматься частной коммерческой деятельностью с целью извлечения прибыли.

При вступлении в должность он представляет главному судье Суда окончательной инстанции декларацию о своем имущественном положении.

В компетенцию главы администрации АОАР входит:

- руководство правительством;
- претворение в жизнь законов;
- подписание и обнародование принятых Законодательным советом законов;
- подписание бюджета и отчет о его исполнении;
- издание административных указов;
- выдвижение списков кандидатов на основные административные должности и их представление ЦНП (руководители департаментов,

комиссар по борьбе с коррупцией, руководитель аудиторского управления, руководители полиции и таможи), а также главного прокурора;

— назначение части членов Законодательного собрания (выступают в качестве депутатов парламента и не связаны ни с какой политической партией, не представляют избирательного округа. Их кандидатуры могут представлять как общественные группы, так и Законодательное собрание. Как правило, они представляют оппозицию, бизнес, культуру и пользуются широкой популярностью в обществе. Так, благодаря своей гражданской позиции в Макао большую известность имеет предприниматель, член Законодательного собрания различных созывов **Фэн Чжицян** (冯志强), которого иначе называют «Фэн, стреляющий из пушки»);

— назначение и смещение членов Административного совещания;

— назначение и смещение председателей и судей аомэньских судов;

— назначение и смещение прокуроров;

— назначение и смещение казенных служащих;

— вручение наград и почетных званий;

— принятие решений об амнистии или смягчении уголовного наказания;

— разбирательство петиций и жалоб⁴⁰.

Глава администрации АОАР обладает важным правом вето в отношении принимаемых Законодательным советом законов. Так, если он сочтет, что законопроект «не отвечает интересам района в целом, он может не позднее, чем в течение 90 дней, изложить свои замечания в письменном виде и вернуть законопроект Законодательному совету на повторное рассмотрение. Если в результате повторного рассмотрения законопроект будет все-таки принят голосованием, в котором за него проголосуют не менее 2/3 участников голосования, глава администрации должен в течение 30 дней подписать и обнародовать этот закон либо поступить согласно статье 52 настоящего Основного закона» (ст. 51). В свою очередь ст. 52 предоставляет Главе администрации АОАР право на роспуск Законодательного совета, если он откажет в подписании ранее отвергнутого закона. Роспуск Законодательного совета возможен и тогда, когда им не принят выдвинутый главой администрации проект бюджета, другие важные документы. Отметим, что глава администрации вправе распустить Законодательный совет только один раз в 5-летний период пребывания в должности.

Глава администрации обязан подать в отставку, если:

- утрачена работоспособность;
- если после роспуска Законодательного совета по причине несогласия с принятым им законом новый состав предоставит ему на подпись тот же самый законопроект, но принятый уже не менее 2/3 голосов, который глава администрации откажется утвердить;
- если после роспуска Законодательного совета по причине несогласия с принятым бюджетом (другим важным документом), новый состав также отклонит его.

В помощь главе администрации Основной закон предоставляет так называемый Административный совет, который состоит из назначаемых им высокопоставленных чиновников, членов Законодательного совета и общественных деятелей. Их количество небольшое, 7—11 человек. Заседания Административного совета проходят не реже 1 раза в месяц, на них председательствует глава администрации. В период колониального господства Португалии губернатору Макао в помощь выделялось 5 «секретарей-адъюнктов», назначаемые президентом метрополии.

Порядок выборов главы администрации достаточно подробно изложен в **Приложении I** к Основному закону (выборы главы администрации являются косвенными). Согласно нему, он избирался Избирательной коллегией (иначе: Коллегией выборщиков) со сроком полномочий 5 лет в составе **300 членов** (до 2012 г., затем — 400), которые представляли:

- промышленно-торговые и финансовые круги: 100 человек;
- культуру, образование: 80 человек;
- трудящихся, работников социальной сферы, религиозных деятелей: 80 человек;
- членов Законодательного совета, членов органов городского управления, делегатов ВСНП от Макао, членов НПКСК от Макао: 40 человек.

Для того, чтобы стать кандидатом на выборах главы администрации, претендент должен заручиться поддержкой не менее 50 членов Избирательной коллегии (до 2012 г., затем — 66).

Первый глава администрации АОАР был избран в соответствии с **Постановлением ПК ВСНП «О порядке формирования первого Правительства, Законодательного совета первого созыва и первых судебных органов Аомэньского особого административного рай-**

она». Для проведения выборов главы администрации ВСНП создало «Организационный комитет», который отвечал за формирование всех органов власти Макао. Им была сформирована Избирательная коллегия, в состав которой в то время вошло 200 человек (60 — от промышленников, торговцев, финансистов; 50 — от деятелей культуры, образования; 50 — от трудящихся, работников социальной сферы, религиозных деятелей; 40 — от работников прежней администрации, депутатов ВСНП от Макао, членов НПКСК от Макао). Им стал **Эдмунд Хо** (何厚铨) (Хэ Хоухуа), крупный аомэньский предприниматель, финансист, филантроп. К исполнению обязанностей он приступил 20.12.1999. В декабре 2004 г. он был переизбран на второй срок.

В настоящее время главой администрации АОАР является доктор **Фернандо Чуй Сай Он** (Fernando Chui Sai On) (崔世安) (Цуй Шинань), который был избран на первый срок в декабре 2009 г. и переизбран на второй срок в декабре 2014 г.

В 2012 г. Законодательным советом были внесены поправки в действующий **Закон «О выборах главы администрации»** (行政長官選舉法) от 2004 г. В декабре 2014 г. главу администрации избирала Коллегия выборщиков в составе **400 человек** (а не 300, как ранее) (ч. 1 ст. 8):

- от промышленно-торговых и финансовых кругов: 120 человек;
- от культуры, образования: 115 человек;
- от трудящихся, работников социальной сферы, религиозных деятелей: 115 человек;
- членов Законодательного совета, членов органов городского управления, делегатов ВСНП от Макао, членов НПКСК от Макао: 50 человек.

Правительство АОАР (Раздел 2)

Является административным органом АОАР, который возглавляет глава администрации, но ответственно перед Законодательным собранием. В нем созданы департаменты, управления, префектуры и отделы. Центральный аппарат правительства формируется из постоянных жителей со стажем непрерывного проживания не менее 15 лет. В его компетенцию входит:

- принимать и проводить в жизнь политические установки;
- управлять административными делами;
- составлять и представлять проект бюджета, отчет о его исполнении;

- разрабатывать и представлять законопроекты;
- разрабатывать и представлять проекты административных регламентов.

Законодательный совет (Раздел 3) (учрежден в Макао с 1976 г.)

Главный законодательный орган АОАР со сроком полномочий в 4 года. Его возглавляют председатель и заместитель председателя. Членами совета могут быть только постоянные жители, являющиеся китайскими гражданами. В период осуществления своих полномочий они пользуются иммунитетом: «Без разрешения Законодательного совета члены Законодательного совета не подлежат аресту, за исключением задержанных на месте преступления с поличным» (ст. 80).

Законодательный совет «стал самостоятельным институтом политической системы в 1920 г., когда выделился из структуры Политического совета, и действовал с тех пор автономно в качестве консультативного органа при губернаторе португальской колонии. Опубликованный в 1964 г. «Политико-административный устав провинции Аомэнь» (Аомэньшэн чжэнчжи синчжэн чжанчэн) предоставил Законодательному совету ограниченные законодательные функции»⁴¹.

Порядок выборов в Законодательный совет определяется **Приложением № 2** к Основному закону. Первый его созыв формировался согласно ранее указанному Постановлению китайского парламента. Он состоял из 23 человек (8 избраны путем прямых выборов; 8 — путем косвенных выборов; 7 назначены главой администрации). 28.08.1999 Подготовительным комитет АОАР принял **Постановление «О начале работы Законодательного совета Аомэньского особого административного района 1-го созыва до 19 декабря 1999 г.»**⁴², согласно которому «в целях обеспечения устойчивого перехода и спокойной передачи власти в Аомэне, ...Законодательный совет Аомэньского особого административного района 1-го созыва после его формирования в полном составе начинает работу до 19 декабря 1999 г.; проводит выборы председателя и заместителя председателя формируемого Законодательного совета; утверждает регламент работы Законодательного совета; рассматривает законопроекты, которые должны быть подготовлены к принятию с созданием Аомэньского особого административного района с тем, чтобы обеспечить, начиная с 20 декабря 1999 г., нормативное функционирование Аомэньского особого административного района».

Первое заседание Законодательного совета АОАР 1-го созыва состоялось 12.10.1999. На нем с должности председателя была смещена гражданка Португалии Анабела Ричи и на ее место избрали Цао Цичжэнь.

Законодательный совет *2-го созыва* (2001—2005 гг.) формировался из 27 человек:

- избранные путем прямых выборов: 10 членов;
- избранные путем косвенных выборов: 10 членов;
- назначенные главой администрации: 7 членов.

Законодательный совет *3-го созыва* (2005—2009 гг.) формировался уже из 29 человек:

- избранные путем прямых выборов: 12 членов;
- избранные путем косвенных выборов: 10 членов;
- назначенные главой администрации: 7 членов.

Законодательный совет *4-го созыва* (2009—2013 гг.) формировался из 29 человек:

- избранные путем прямых выборов: 12 членов;
- избранные путем косвенных выборов: 10 членов;
- назначенные Главой администрации: 7 членов.

Законодательный совет *5-го созыва* (2013—2017 гг.) сформирован из 33 человек с учетом внесенных в конце 2012 г. поправок в **Закон «О выборах в Законодательный совет»** (澳門特別行政區立法會選舉法) от 2001 г.:

— *избранные путем прямых выборов* (участвуют постоянно проживающие в Макао не менее 7 лет жители в возрасте от 18 лет): 14 членов. (В каждом территориальном округе создается список кандидатов на выборы из числа местных жителей, которых не может быть менее 4. Каждый житель территориального округа обладает правом одного голоса. Избранным является кандидат, набравший большинство голосов в свою поддержку. Если несколько кандидатов получили одинаковое количество подписей, то окончательный выбор осуществляется путем публичного жребия.);

— *избранные путем косвенных выборов*: 12 членов. (Голосование по функциональным группам: торгово-промышленные и финансовые круги — 4; сфера услуг — 2; профессиональная сфера — 3; социальная сфера и образования — 1; культура и спорт — 2. Каждое юридическое лицо, представляющее функциональную группу и право на голо-

сование, может отдать максимум 12 голосов за того или иного функционального кандидата.);

— *назначенные главой администрации: 7 членов* (среди них упоминавшийся ранее Фэн Чжицян; самым молодым в этом списке стал внук бывшего помощника председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Ма Ваньци (马万祺) 35-летний предприниматель Ма Чжичэн (马志成).

В период выборов 2013 г. голосование проходило в 14 территориальных избирательных округах и в 12 функциональных округах.

Общее число избирателей АОАР составляло в 2013 г. 276 034 человека, из них на выборах проголосовал 151 881, что составляет 55,02 %.

Ранее, в период португальского господства, Законодательный совет Макао насчитывал 17 членов, в том числе:

- избранные путем общих выборов: 6;
- избранные путем косвенных выборов: 6;
- назначенные губернатором: 5.

Члены Законодательного совета обязаны отчитываться о своем имущественном состоянии.

В полномочия Законодательного совета входит:

- принятие, изменение, прекращение законов;
- рассмотрение и утверждение бюджета, отчета правительства о его исполнении;
- заслушивание и проведение прений по докладу главы администрации о работе правительства;
- проведение дебатов по вопросам, затрагивающим общественные интересы;
- рассмотрение жалоб от жителей АОАР;
- инициирование процедуры импичмента главы администрации АОАР.

Отметим, что «принятые Законодательным советом Аомэньского особого административного района законы вступают в силу лишь после того, как их подпишет и обнародует глава администрации» (ст. 78).

Члены Законодательного совета лишаются статуса в случаях: 1) утраты трудоспособности; 2) незаконной работы по совместительству; 3) 5 раз подряд либо 15 раз с перерывами неучастие в работе совета;

4) нарушения присяги; 5) совершения уголовного преступления и приговора к лишению свободы не менее, чем на 30 дней.

Судебные органы (Раздел 4)

В АОАР действуют суды низовой, средней и окончательной инстанций (ступеней). Право на вынесение окончательных судебных решений в АОАР принадлежит Суду окончательной инстанции. Суды низовой ступени в необходимых случаях создают специальные судебные палаты.

Важно, что судьи Макао назначаются главой администрации по рекомендации независимой комиссии, состоящей из местных судей, адвокатов и выдающихся деятелей. *Судьями в АОАР могут быть и иностранные граждане.* Решение об освобождении судей от занимаемой должности принимается главой администрации по предложению назначенного председателем Суда окончательной инстанции судебного присутствия, состоящего не менее, чем из 3 местных судей, только тогда, когда они:

- не могут исполнять свои обязанности;
- совершают деяния, несовместимые с их статусом.

Решение об освобождении от должности судьи Суда окончательной инстанции принимается главой администрации по предложению Следственной комиссии, образуемой из членов Законодательного совета. При этом о назначении и освобождении судей Суда окончательной инстанции необходимо докладывать в ПК ВСНП.

Еще раз подчеркнем, что суды АОАР пользуются полным судебным суверенитетом. Их решения не могут быть обжалованы в Пекине. В период же колониального господства Португалии решения судов Макао могли быть обжалованы в метрополи.

Согласно **Главе 5 («Экономика»)** Основного закона АОАР сохраняет финансовую автономию. Все доходы идут на собственные нужды, отчислений в Центр не осуществляется. Нет и центральных налоговых сборов. Сам налоговый режим осуществляется администрацией АОАР самостоятельно. Независима и кредитно-денежная система, предполагающая существование собственной региональной валюты — аомэньского доллара, являющейся СКВ. Право на денежную эмиссию также принадлежит местным властям. За Макао сохраняется и статус порто-франко, в котором не взимаются таможенные пошлины. В общем плане, АОАР в экономической сфере обладает широкими автономными правами и самостоятельностью от Пекина.

Важное положение, касающееся прав и свобод граждан — жителей Макао, закреплено в **Главе 6** Основного закона («**Культурная и общественная жизнь**»), ст. 128: «Руководствуясь принципом свободы вероисповедания, Правительство Аомэньского особого административного района не вмешивается во внутренние дела религиозных организаций, не вмешивается в поддержание и развитие религиозными организациями и верующими связи с религиозными организациями и верующими других мест, не ограничивает религиозную деятельность, не идущую вразрез с законодательством Аомэньского особого административного района».

Право на толкование положений Основного закона АОАР, согласно **Главе 8** («**Толкование настоящего закона и внесение поправок**») принадлежит ПК ВСНП (ч. 1 ст. 143). Он же правомочен вносить в «малую Конституцию» изменения (ч. 1 ст. 144).

Последняя **9 Глава** Основного закона содержит всего лишь одну, но важную статью 145, включающую три части. Часть 1 гласит: «Все действующие до момента образования Аомэньского особого административного района законы, кроме законов, объявленных Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей законами, противоречащими настоящему Основному закону, сохраняют свою силу как законы Аомэньского особого административного района. В случае, если впоследствии будет обнаружено, что какие-то из них противоречат настоящему Основному закону, то они будут в соответствии с процедурой, предусмотренной настоящим законом, исправлены либо объявлены утратившими силу».

31 октября 1999 г. ПК ВСНП принял **Постановление «О приведении в соответствие со статьей 145 Основного закона Аомэньского особого административного района Китайской Народной Республики ранее принятых в Аомэне законов»**⁴³, согласно которому:

1) ранее принятые в Макао законы, декреты, административное законодательство и иные нормативные документы, за исключением противоречащих Основному закону, применяются в качестве законов АОАР;

2) перечисленные в Приложении 1 к Постановлению ранее принятые в Макао законы, которые противоречат Основному закону, теряют силу (это, например, Закон «Об утверждении образовательного уровня для вступления в должность и повышения по службе», Закон «О порядке выборов Аомэньского законодательного совета», множество декретов);

3) перечисленные в Приложении 2 к Постановлению ранее принятые в Макао законы, которые противоречат Основному закону, не применяются в качестве законов АОАР, однако до принятия АОАР новых законов допустимо в соответствии с принципами Основного закона и с учетом бывшей практики разрешать дела (использование правовой аналогии) (это, например, Закон «О нормализации системы общественной собственности на водные пространства Аомэня»);

4) перечисленные в Приложении 3 к Постановлению ранее принятые в Макао законы, которые противоречат некоторым статьям Основного закона, теряют силу (это, например, соответствующие статьи Закона «Об утверждении Закона о земле», устанавливающие продажу земли, а также право общественных юридических лиц Португалии, обладающих правоспособностью, иметь в собственности недвижимое имущество, на получение специальных паспортов о владении или распоряжении землей);

5) ранее принятые в Макао законы, выступающие в качестве законов АОАР, с 20.12.1999 в ходе своего применения подлежат обязательному изменению, приведению в соответствие, ограничению либо исключению в целях соответствия местным аомэньским положениям, принятым после восстановления суверенитета КНР над АОАР, и нормам Основного закона.

Важно, что «если по прошествии времени будет обнаружено, что ранее принятые в Аомэне законы, выступающие в качестве законов Аомэньского особого административного района противоречат Основному закону, то следует в соответствии с положениями Основного закона и в установленном законом порядке внести в них изменения либо прекратить их действие». Таким образом, Пекин оставляет себе юридическую возможность изменять действующее аомэньское законодательство в интересах защиты суверенитета КНР.

Ранее принятые в Макао португальские законы с 20.12.1999 прекращают свое действие на территории АОАР.

Своих представителей АОАР, как и СОАР, имеет в центральном китайском парламенте — ВСНП. 15 марта 1999 г. были приняты «**Правила избрания депутатов от Аомэньского особого административного района во Всекитайское собрание народных представителей**»⁴⁴. Согласно закрепленным в нем положениям АОАР должен избрать в него 12 депутатов (общая численность ВСНП — около 3000 человек). Для их избрания учреждается «Собрание по выборам депутатов».

III. Закон КНР «О гарнизоне Аомэньского особого административного района» (中华人民共和国澳门特别行政区驻军法). Принят ПК ВСНП 28 июня 1999 г., состоит из 6 глав, 30 статей⁴⁵. Создание аомэньского гарнизона было утверждено специальным решением Государственного совета и Центрального военного совета⁴⁶. Отметим, что церемония передачи Макао КНР состоялась в ночь с 19 на 20 декабря 1999 г., и уже в обед 20 декабря аомэньский гарнизон НОАК вступил на его территорию (согласно приказу председателя Центрального военного совета КНР Цзян Цзэминя от 19 декабря). Общая численность контингента в то время составляла 500 человек.

Несмотря на то, что в Основном законе АОАР отсутствуют положения, закрепляющие возможность введения центральными властями КНР воинского контингента на территорию Макао, тем не менее, взяв за основу «гонконгский опыт», Пекин пошел по пути размещения в бывшей португальской колонии лучших частей НОАК. В отличие от Гонконга, Макао достаточно политически стабильный регион, однако территориальная близость с СОАР и схожесть в моделях управления особыми административными районами заставили Пекин ввести свои войска для укрепления еще большей стабильности в регионе.

В соответствие со ст. 1 Закон был принят «в целях обеспечения законного исполнения своих обязанностей воинскими подразделениями, ответственными за оборону и дислоцируемыми Центральным народным правительством на территории Аомэньского особого административного района, охраны государственного суверенитета, единства, территориальной целостности и безопасности Аомэня».

Аомэньский гарнизон НОАК:

- подчиняется Центральному военному совету КНР;
- расходы по его содержанию отнесены на счет ЦНП;
- в его обязанности входит защита безопасности АОАР, отражение агрессии, управление военными объектами, осуществление международного военного сотрудничества;
- не вмешивается во внутренние дела АОАР;
- в случае необходимости с разрешения ЦНП может оказывать помощь местным властям в обеспечении общественного порядка, помощи в бедствиях;
- его летательные аппараты, военные суда, иное вооружение и ресурсы, личный состав, транспортные средства при исполнении должностных обязанностей обладают иммунитетом от проверок, обысков,

арестов со стороны правоохранительных органов АОАР. Задержанные аомэньским правоохранителем военнослужащие гарнизона должны быть ему переданы;

— при проведении военных учений, маневров необходимо заранее оповещать об этом администрацию АОАР.

Самое важное положение, определяющее роль аомэньского гарнизона в системе обеспечения безопасности и территориальной целостности КНР, закрепляется в ст. 7 Закона. Так, в случаях, когда ПК ВСНП объявил на территории АОАР военное либо чрезвычайное положение, гарнизон автоматически «выполняет свои обязанности в соответствии с общегосударственными законами, применяемыми на территории Аомэньского особого административного района решениями Центрального народного правительства».

Деятельность гарнизона на территории АОАР в рамках обороны и «другая государственная деятельность» не подсудны местным судам. Суды АОАР не могут осуществлять принудительное производство в отношении имущества аомэньского гарнизона.

Численность аомэньского гарнизона к настоящему времени составляет не более 1000 человек.

Содержанию Основного закона АОАР и Основного закона СОАР свойственны общие черты, позволяющие говорить о практически полной идентичности закрепленных в них положений:

1. Обе «малые Конституции» основаны на теории Дэн Сяопина «одно государство — две системы».

2. Оба документа содержат нормы о неприменении на территории Гонконга и Макао социалистического строя и социалистической политики, сохранении капиталистического строя и образа жизни, что не будет изменено в течение 50 лет после их возвращения под юрисдикцию КНР.

3. Обоим особым административным районам предоставлены права «широкой автономии», предусматривающие свободу при осуществлении законодательной, исполнительной, судебной власти (за исключением права на ведение внешнеполитической деятельности и обороны).

4. В обоих ОАР созданы суды окончательной инстанции, решения которых не могут быть обжалованы за пределами их территорий.

5. Право на изменение Основных законов принадлежит только ВСНП, право на толкование закрепленных в них положений — ПК ВСНП.

6. Центральным элементом политической системы обоих ОАР выступает административная власть, возглавляемая главой администрации, избираемого местными жителями и утверждаемого центральным правительством КНР (за основу был взят правовой статус колониальных губернаторов).

7. В обоих ОАР закрепляется защита Основным законом прав частной собственности.

8. В обоих ОАР сохраняется независимость осуществляемой налоговой, денежной, финансовой политики, сохраняется статус порто-франко с особым таможенным режимом.

9. Жителям обоих ОАР предоставлены широкие права и свободы, режим которых более либерален, чем в континентальном Китае.

10. Структура обоих «малых Конституций» идентична.

Несмотря на схожесть положений Основного закона АОАР с аналогичной «малой сянганской Конституцией», все же в обоих документах **присутствуют и существенные отличия**. Так, например:

— в Основном законе АОАР, несмотря на отнесение обороны в ведение Пекина, нет упоминания о статусе Вооруженных сил КНР на территории Макао (хотя соответствующий закон об этом был принят и воинский контингент введен);

— в Основном законе АОАР нет упоминания об использовании в правовой системе АОАР прецедентного права, поскольку она относится к романо-германской правовой семье;

— статья 7 Основного закона АОАР гласит: «Земля и природные ресурсы в пределах Аомэньского особого административного района, за исключением земель, **признанных по закону в частной собственности** до создания Аомэньского особого административного района, являются государственной собственностью». В отличие от земель Гонконга, которые полностью принадлежат государству, в Макао есть некоторые участки, право собственности на которые частное.

Отметим, что до возвращения Макао под юрисдикцию КНР в этом регионе в обороте долгое время ходили так называемые земельные договора на рисовой бумаге (纱纸契), которые закрепляли право собственности некоторых жителей Аомэня на небольшие участки земли и строения. К сожалению, многие из этих договоров не были зарегистрированы в соответствующих компетентных учреждениях. В настоящее время периодически возникают конфликты между местной властью и собственниками на предмет использования для государственных нужд того или

иного участка земли под строительство трассы, зданий, сооружений. К сожалению, проблема для острова является настолько серьезной, что из нее до сих пор не найден устраивающий обе стороны выход⁴⁷;

— в статье 15 Основного закона АОАР устанавливается, что главный прокурор Макао назначается и отстраняется от должности Центральным народным правительством КНР. В Основном законе СОАР такой нормы нет. В Гонконге прокуратура относится к административной сфере, ее работники назначаются главой администрации. Исторически главные судьи и прокуроры командировались в Макао из португальского Лиссабона, именно поэтому Основной закон АОАР оставил норму об утверждении их кандидатур из Центра;

— согласно ст. 42 Основного закона АОАР права и интересы жителей Макао португальского происхождения охраняются законом, их обычаи и культурные традиции уважаются. Таким образом, законодатель признает существование в регионе португальцев и их жизненного уклада. В Основном законе СОАР не содержится такого рода нормы по отношению к англичанам;

— в соответствии с требованиями ст. 46 Основного закона АОАР главой администрации может стать китайский гражданин из постоянных жителей Макао, достигший 40-летнего возраста и непрерывно проживающий в нем не менее 20 лет. Законодатель исключил наличествующее в Основном законе СОАР требование к кандидату на должность главы администрации, не дающее права на проживание за границей (ст. 44). Однако ст. 49 Основного закона АОАР запрещает уже избранному главе администрации проживать за границей;

— Основной закон АОАР в ст. 63 «Важнейшие должностные лица» не содержит требования о недопустимости постоянного проживания высших чиновников Макао за границей. В отличие от АОАР, ст. 61 Основного закона СОАР гласит: «Важнейшие должностные лица Сянганского особого административного района назначаются из китайских граждан, постоянных жителей Сянганского особого административного района, постоянно проживающих в Сянгане не менее 15 лет и не имеющих права постоянно проживать за границей»;

— Основным законом АОАР в ст. 86 учреждаются административные суды, которые «являются судами, в компетенцию которых входит рассмотрение административных и налоговых жалоб». В Гонконге никогда не существовало административных судов. Нет их и в настоящее время;

— часть 2 ст. 68 Основного закона АОАР устанавливает, что большинство членов Законодательного совета избирается. Остальные назначаются главой администрации (всего 7 человек). Законодательный совет Гонконга, согласно ч. 1 ст. 68 Основного закона СОАР «создается путем выборов». Существенны различия между Макао и Гонконгом и в закрепленных положениях относительно руководства Законодательных советов. Статья 72 Основного закона АОАР гласит: «Председатель и заместитель председателя должны быть китайскими гражданами — постоянными жителями Аомэньского особого административного района, непрерывно прожившими в Аомэне не менее 15 лет». В свою очередь ст. 71 Основного закона СОАР закрепляет: «Обязанности председателя Законодательного совета Сянганского особого административного района может исполнять гражданин Китая в возрасте не моложе 40 лет, постоянный житель Сянганского особого административного района, непрерывно проживший в Сянгане 20 лет и не имеющий права постоянно проживания за границей»;

— не меньше отличий содержат положения обоих Основных законов, посвященные экономической сфере. Так, налоговые поступления от игорно-развлекательной индустрии составляют большую часть бюджета Макао, тогда как для Гонконга это совершенно не свойственно. Согласно ч. 2 ст. 115 в Макао функционируют «согласительные организации консультативного характера» из представителей правительства, организаций нанимателей и организаций наемных работников для совершенствования политики и законодательства в трудовой сфере. В Гонконге такого рода общественных организаций не существует.

* * *

1. Основу законодательства АОАР составляют статутные законы, а не судебные прецеденты, как в Гонконге. Большинство принятых в Макао кодексов разработаны с учетом континентальной правовой традиции, при непосредственном участии португальской администрации. Правовая система АОАР также включает традиционное право Китая, законодательство, принятое собственными органами за долгие годы существования региона. После возвращения Макао под юрисдикцию КНР некоторые законы континентального Китая имеют прямое действие на его территории. В случае объявления Пекином чрезвычайного либо военного положения в АОАР могут применяться необходимые для разре-

шения возникших угроз акты правотворчества КНР, которые своим вступлением в силу приведут к автоматической отмене действия внутренних законов Аомэня. Наиболее развито в АОАР законодательство в сфере регулирования игорного бизнеса, развлекательных услуг и туризма. При этом практически нет законов в сфере поддержки национального производителя и промышленности.

2. Макао, так же, как и соседствующий с ним Гонконг, был возвращен Китаю в рамках политико-правовой доктрины «одно государство — две системы». Однако в отличие от Гонконга переход Макао под юрисдикцию КНР прошел вполне безболезненно. Практически не было споров по содержанию Основного закона АОАР, португальская администрация не старалась за спиной у Китая изменить аомэньские законы в угоду своим интересам.

Серьезной проблемой, с которой столкнулось Центральное правительство КНР, стал перевод с португальского языка на китайский принятых ранее в Макао нормативных правовых актов, в особенности Уголовного, Уголовно-процедурного, Административно-процедурного, Гражданского и других кодексов. Специалистов, на высоком уровне владеющих как португальским, так и китайским языками, в регионе оказалось слишком мало. По этой причине работа над переводом даже основных законов до сих пор не завершена. В общей сложности до возвращения Аомэня «в лоно Родины», в период с 1621 по 1999 г., было принято более 30 тыс. нормативных правовых актов, из них около 2 тыс. изданы португальской администрацией. Все это требует привлечения квалифицированных кадров для перевода правовых документов и значительного времени для завершения этой трудоемкой работы.

3. Правительству КНР в будущем придется принимать меры по более жесткому урегулированию сферы игорного бизнеса в Макао, искоренению сопряженных с ним услуг криминального характера. При этом понятно, что многочисленные казино приносят огромные доходы в региональную казну. С ними связаны рабочие места значительной части населения Макао. Однако при этом в игорном бизнесе «крутятся» деньги триад и коррумпированных чиновников из континентального Китая, легализуясь в результате получаемых ими выигрышей. Ужесточение правил в рассматриваемой сфере с обязательным закрытием подпольных игровых заведений затронет практически всех жителей АОАР. Чем и как будет жить Макао, когда центральные власти серьезно возьмутся за искоренение преступности в регионе — серьезный вопрос.

Рост преступности в регионе, усиление позиций теневых «бизнесменов», которые проникают во власть, — все это потребует от Пекина принятие жестких правовых мер по борьбе с противоправными явлениями. Властям КНР уже сейчас необходимо задуматься о разработке политико-правовых и экономических мер для развития региона. В противном случае, пройдет время — и аомэньская преступность, легализовавшись во власти, запустит необратимый процесс дезинтеграции с Центром.

Завершим настоящий параграф словами Л.М. Гудошникова, которые сохраняют актуальность и по сей день: «Разумеется, территориальная интеграция страны посредством особых административных районов — внутренний политический процесс в одной стране, в Китае. Однако он может иметь и международное значение. Как известно, при четкой выраженной интеграции в Западной Европе, восточная ее часть, вопреки общей исторической тенденции, пошла по пути дезинтеграции, которая выразилась сначала в распаде Совета экономической взаимопомощи, затем в распаде трех федеральных европейских государств. Этот процесс пока не остановлен, но ведь должно настать время “собирать камни”. Разъединенные государства потянутся друг к другу и опыт всякой интеграции, в том числе и через особые административные районы, может пригодиться новым складывающимся общностям народов. Наконец, в мире есть еще разделенные государства, в том числе и с различным общественным строем. Для них китайский опыт территориальной интеграции, даже пока на уровне законодательного регулирования, представляется особенно ценным»⁴⁸.

§ 3.3. Правовая система Тайваня. Теория Сунь Ятсена о разделении властей

Особая неповторимая специфика свойственна правовой системе Тайваня (далее: КР, Китайская Республика на Тайване), которая воплотила в себе правовые традиции Древнего Китая, сохранив национальный дух китайского права. На ее формирование оказали влияние и западные правовые системы, в результате чего ее можно отнести к романо-германской правовой семье с некоторыми элементами англосаксонского права. Уникальность тайваньского законодательства проявляется через

используемый правотворцем язык, который, в отличие от континентального Китая, выражается в полных (традиционных) иероглифах, сохранивших заключенный в них изначально смысл. Законам Тайваня характерны высокий уровень юридической техники, четкость содержания изложенной нормы, отсутствие идеологических надстроечных формулировок. Многие действующие на Тайване законы (в особенности органические) приняты практически столетие назад, и хотя с течением времени в них были внесены необходимые изменения, они все же сохранили свою самобытную специфику.

Тайвань — остров в Тихом океане, в 150 км от восточных берегов материкового Китая, имеет тысячелетнюю историю. Первые сведения о появлении на острове Тайвань китайцев относятся к династии Суй (589—619 н.э.), однако его колонизация началась в более позднее время. Административный контроль китайских властей сначала распространился на прилегающие к Тайваню Пескадорские острова, затем уже и на весь Тайвань. Остров Тайвань стал известен европейцам в конце XVI века, когда португальцы, пораженные красотой этих мест, назвали его «Формоза» («прекрасный») ⁴⁹. Образованная в 1911 г. Китайская Республика после окончания Второй мировой войны распространила свою юрисдикцию на Тайвань и прилегающие острова. После завершения разрушительной гражданской войны и образования 1 октября 1949 г. Коммунистической партией Китая нового государства — Китайской Народной Республики, власти Китайской Республики (партия Гоминьдан) бежали на остров Тайвань и продолжили там свою деятельность. «Тайвань юридически является провинцией Китая, а фактически независимым государственным образованием, присвоившим себе название, конституцию и атрибуты государственности Китайской Республики 1912—1949 гг. На Тайвань в конце 1949 г. были эвакуированы центральные учреждения Китайской Республики, территория которой свелась к одной провинции и небольшой группе островов, оккупированных войсками Гоминьдана» ⁵⁰.

До 1971 г. представитель Китайской Республики занимал кресло в ООН, однако решением Генеральной Ассамблеи ООН 2758 (XXVI), принятым 25 октября 1971 г., Тайвань был из нее исключен, а его место передано КНР. Российский ученый А.В. Островский по этому поводу отмечает: «В 1971 г. Китайская Республика потеряла место в ООН и на ее место пришла Китайская Народная Республика. Постепенно стало сокращаться число стран, с которыми Тайвань имел официальные дипломатические отношения, и особенно болезненно был воспринят раз-

рыв дипломатических отношений с наиболее верными союзниками — США и Японией»⁵¹.

По поводу исключения Тайваня из ООН власти Китайской Республики заявляют: «Тайбэй, который остается верен цели объединения всего Китая, исключительно желает повторить прецедент с параллельным представительством, созданный двумя Германиями и двумя Кореями, и добиться давно назревшего пересмотра ситуации, препятствующей нормальному участию КР в международной жизни. У международного сообщества наций есть обязательство принять все эти обстоятельства к тщательному рассмотрению и выработать приемлемое решение, за которым последуют конкретные шаги»⁵².

Китайская Республика на Тайване — не признанное большинством стран мира образование, однако сохраняющая неформальные культурные и экономические связи со многими государствами. Китайские ученые пишут: «Независимый Тайвань пока еще имеет некоторое признание на мировой арене. В любом случае, будет остров признан независимым государством или нет, одним из основных факторов того, сумеет ли КНР завершить великое дело объединения Родины, являются США. Соединенные Штаты на протяжении долгого времени ради сохранения своего влияния как в регионе, так и в мире, проявляют стратегическую настороженность в отношении КНР. США проводят политику сдерживания Китая, помогая острову. Эта политика привела к тому, что сторонники независимости Тайваня получили уверенность в возможности на протяжении долгого времени противиться объединению»⁵³.

После поражения в гражданской войне партия Гоминьдан увезла с собой на Тайвань не только научную и культурную элиту страны, некоторые ее исторические памятники и древние книги, но и конфуцианский дух, старую письменность и сохраненное законодательство. Как свидетельствует видный японский исследователь китайского права Инако Цунэо, «гоминьдановский режим располагал сравнительно развитой правовой системой. В конце 20-х — начале 30-х годов были разработаны уголовный и гражданский кодексы, финансовое и морское право, законы о предпринимательстве, гражданский процессуальный кодекс, закон о земле и др. Однако все они представляли собой сочетание статей, заимствованных из сводов законов западноевропейских стран и Японии, со статьями, кодифицировавшими обычное право старого Китая»⁵⁴.

Одним из первых шагов коммунистических властей КНР в деле формирования новой правовой системы была отмена достаточно

прогрессивного для того времени гоминьдановского законодательства. Отказ от «**Полной книги шести законов**» (или шести отраслей права) (六法全书) был вызван исключительно идеологическими причинами: оно признавалось реакционным, враждебным и не принималось КПК.

После исхода противников коммунистической власти на Тайвань гоминьдановское законодательство продолжает действовать в измененном виде и до настоящего времени, выступая в качестве фундамента всей правовой системы Китайской Республики. «Полная книга шести законов» включает в себя законодательные акты в сфере конституционного, гражданского, уголовного, административного (трудовое, финансовое, земельное право), материального и процессуального права⁵⁵. Уникальное «собрание законов», к сожалению, до настоящего времени не переведено на русский язык. Российская юридическая наука и китаеведение практически не изучают современное право Тайваня.

В правовой системе Китайской Республики на Тайване действует уникальный **Закон «О стандартах центрального законодательства»** (中央法規標準法)⁵⁶: принят 18.08.1959, с изменениями от 04.05.1993; аналог Закона КНР «О правотворчестве». В соответствии с закрепленными в нем положениями все принимаемые на территории Китайской Республики акты правотворчества делятся на четыре основных вида (ст. 2):

- 1) *фа* (закон) (法);
- 2) *люй* (положения) (律);
- 3) *тяоли* (правила) (條例);
- 4) *туңцзэ* (общие положения) (通則).

Статья 11 закрепляет недопустимость противоречия законов Конституции, указов (имеется в виду все подзаконное правотворчество) — Конституции и законам, низших по иерархии указов высшим. В ст. 22 устанавливается, что действие законов отменяется решением Законодательной палаты, которое обнародуется президентом. Указы отменяются органом, их принявшим. В приведенном нормативном правовом акте содержатся положения, регламентирующие порядок разработки, принятия, вступления в силу и отмены действия актов правотворчества и нормотворчества в Китайской Республике на Тайване. Его особенностью является четкая детализация правотворческого процесса.

Фундаментом правовой системы Тайваня выступает ее Основной закон — принятая высшим законодательным органом — Национальным собранием (упразднено в 2005 г.) — 22.12.1946 в г. Нанкине **Конституция Китайской Республики** (中華民國憲法)⁵⁷. Она вступила в силу 25.12.1947, поэтому в литературе иногда носит название «Конституция 1947 г.» В разные годы в нее вносились изменения (1991, 1992, 1994, 1997, 1999, 2000, 2005 г.).

В период гражданской войны Гоминьданом также были приняты оказывавшие долгие годы определяющее влияние на правовую систему Тайваня акты правотворчества, к главным из которых относятся:

1. **«Временные правила национальной мобилизации на период мятежа»** (動員戡亂時期臨時條款) (1948 г.). Закрепленные в них положения предоставляли Президенту право, в обход ст. 39 и 43 Конституции, на принятие чрезвычайных мер для устранения угроз безопасности Тайваня, преодоления финансового (экономического) кризиса и др. (введение чрезвычайного и военного положения). «В сущности, — отмечает проф. Л.М. Гудошников — введение в действие Временных правил в значительной мере превращало Конституцию в формальный документ»⁵⁸. Их действие было отменено лишь 01.05.1991, когда угроза разрешения «тайваньской проблемы» военным путем практически исчезла.

2. **«Декрет о военном положении»** (台灣戒嚴令) (1949 г.) (принят на основе Временных правил), в отечественной литературе именуемый **«Декрет о чрезвычайном положении»**, запрещавший деятельность каких-либо политических партий на Тайване, кроме Гоминьдана. Также пресекалась организация митингов, собраний, забастовок рабочих и учащихся, устанавливался контроль над выпуском печатных изданий и другими средствами массовой информации. Жестко каралось распространение слухов, ношение населением оружия. В обязанность жителям Тайваня вменялось ношение документов, удостоверяющих личность. При их отсутствии предусматривалось задержание лица для установления его личности.

В духе традиционного права Китая Декретом предусматривалась смертная казнь в отношении лиц, которые во время военного положения:

- распускают слухи либо обманывают массы;
- собирают массы для проведения беспорядков;
- подрывают финансовую систему;

- разбойничают либо насилием отнимают имущество;
- бастуют, подрывая существующий порядок;
- подстрекают к студенческим волнениям, провоцируют других на совершение преступлений;
- подрывают транспортное сообщение или крадут материалы;
- наносят вред употребляемым массами воде, электричеству, газу;
- устраивают пожары, наводнения, угрозы общественной безопасности;
- без разрешения обладают оружием и боеприпасами или взрывчатыми веществами.

По сути, до конца 1980-х годов на Тайване действовала **авторитарная однопартийная система**: существовавшие Младокитайская партия (中国青年党) и Партия демократического социализма (中国民主社会党) были полностью зависимы от Гоминьдана. «Создание каких-либо новых политических партий не разрешалось. За попытку в 1960 г. создать Китайскую демократическую партию, предпринятую одним из деятелей Гоминьдана, он был приговорен к тюремному заключению на длительный срок»⁵⁹.

Несмотря на закрепленные Конституцией свободы, на Тайване действовал жесткий авторитарный режим, который характеризовался отсутствием свободы слова, печати, собраний. Президент обладал могущественной властью, которую не могли сдерживать никакие другие силы. И это несмотря на провозглашенную политику «пяти властей». Тайвань долгое время жил в условиях подготовки к войне и в состоянии мобилизации. Закрепленные в Конституции нормы представляли собой лишь декларацию, не имеющую возможности реализации на практике.

В 1987 г., когда уровень конфронтации с КНР существенно снизился, решением президента Тайваня Цзян Цзинго действовавший в правовой системе 38 лет Декрет был отменен. «На смену авторитарному режиму, существовавшему на острове с 1949 г., когда запрещалось создание новых политических партий и организаций, открытие новых печатных изданий, проведение демонстраций в поддержку каких-либо идей, не совпадавших с представлениями правительства, и т.д., пришел подъем гражданской активности и рост общественных движений»⁶⁰.

В 1988 г. появился важный **Закон «О собраниях и демонстрациях»** (集会游行法), который декларирует обеспечение свободы собра-

ний и демонстраций граждан (ст. 1). При этом, однако, закон запрещает пропаганду «коммунизма и сепаратизма» (ст. 4). Отмечается, что «в целом данный закон — это, конечно, важный шаг на пути к правовому обществу. Однако в нем еще присутствуют определенные элементы авторитарного склада юридического мышления, а именно: большой упор не на защиту прав граждан, а на разрешительную регламентацию возможностей граждан этими правами воспользоваться»⁶¹. Начал фактически действовать и **Закон «О народных организациях»** (人民團體法) (принят в 1931 г.), который регулировал деятельность профессиональных, социальных и политических организаций.

«Отмена режима чрезвычайного положения была и фактическим началом конституционной реформы на Тайване. Одновременно был принят Закон “О национальной безопасности”, в котором, в частности, содержались положения, отменяющие юрисдикцию военных судов в отношении гражданских лиц, изымающие из ведения военных властей осмотр прибывающих на остров багажа и грузов, устанавливающий регулярную иммиграционную систему для въезда и выезда с территории Тайваня. Вместе с тем Закон устанавливал, что осуществление конституционной свободы собраний и ассоциаций не должно ни нарушать Конституцию, ни пропагандировать сепаратизм. Это положение сокращало спектр разрешенных организаций»⁶².

С отменой действия Декрета гражданские лица Тайваня больше не попадают под юрисдикцию военных судов, ввозимая и публикуемая литература проверяется не военными органами, а органами полиции и Информационным управлением, граждане вправе создавать политические объединения, собираться на митинги, заниматься иной политической деятельностью и др. «Раньше законы принимались, главным образом, в интересах обеспечения национальной безопасности, — говорит бывший министр юстиции Ляо Чжэн-хао. — Но со временем акцент сместился, и теперь законы все чаще пересматриваются в целях обеспечения большей свободы личности. Например, ... дела о государственной измене, которые во времена, когда действовало военное положение, должны были рассматриваться военным трибуналом, даже если обвиняемым являлось гражданское лицо. Сегодня же ни одно лицо неподсудно военному трибуналу по любому обвинению»⁶³.

В мае 1991 г. президент Ли Дэнхуэй отменил действие Временных правил, которые к этому времени фактически превратились в формальный документ. Во время вступления в 1990 г. в должность прези-

дента он заявил: «Надеюсь в течение года объявить о прекращении периода национальной мобилизации, а в течение двух лет осуществить конституционную реформу»⁶⁴.

После отмены вышеуказанных актов правотворчества последовало принятие первого пакета Дополнительных статей к Конституции, устанавливающих новые правила избрания депутатов Национального собрания, членов Законодательной палаты и др. Вынужденный многолетний авторитарный режим прекратил свое существование. Правовую основу деятельности политических партий на Тайване теперь составляли новые прогрессивные законы, разрешающие присутствие широкой оппозиции. «С успехом экономической, а затем и политической модернизации Тайваня начинается совершенно новый этап китайской истории, сопровождающийся глубинными изменениями в системе традиционных китайских ценностей, очевидными сдвигами в политической и правовой культуре, когда вопреки укоренившимся традициям право как эффективный механизм обеспечения устойчивого функционирования политической, экономической и других систем общества и как медиатор отношений между личностью, обществом и государством приобретает решающее значение для реализации политического выбора населения Тайваня, основанного на приоритете ценностей демократии и правовой государственности»⁶⁵.

Все вышесказанное привело в 2000 г. к победе на президентских выборах кандидата от оппозиционной **Демократической прогрессивной партии Чэнь Шуйбяня** (陈水扁), что явилось завершением 50-летней монополии Гоминьдана на политическую власть.

Преамбула Конституции Китайской Республики, по сравнению с большой Преамбулой к действующей Конституции КНР 1982 г., состоит всего лишь из одной фразы, закрепляющей обязанность всех граждан «постоянно и неукоснительно» ее соблюдать:

«Национальное собрание Китайской Республики, на основании мандата доверия, полученного от всех граждан, и опираясь на основные принципы учения доктора Сунь Ятсена, использованные им при создании Китайской Республики и завещанные потомкам, а также для укрепления государственной власти, обеспечения и охраны народовластия, создания основ социального мира и укрепления народного благосостояния, разработало и приняло эту Конституцию, которая вводится по всей стране и предполагает постоянное и неукоснительное ее соблюдение всеми гражданами Республики».

Характерно, что положения гл. 2 Конституции Китайской Республики, после Гл. 1 «Общие положения» (всего 6 статей), посвящены правам и обязанностям граждан. И только затем следуют главы о структуре органов государственной власти. Такой же порядок присутствует и в структуре Конституции КНР: Гл. 1 «Общие принципы», Гл. 2 «Основные права и обязанности граждан» и далее главы о государственных органах.

Согласно содержащимся в Конституции положениям «Китайская Республика построена на основе “трех народных принципов” и представляет собой демократическую республику народа, управляемую народом и для народа» (ст. 1). «**Три народных принципа**» (三民主義) представляют собой политико-правовую доктрину, сформулированную известным китайским революционером, основателем партии Гоминьдан **Сунь Ятсеном** (孫逸仙) (1866—1925). Они включают в себя принципы национализма, народовластия и народного благосостояния (до недавнего времени учебный предмет в системе образования на Тайване). Указанная доктрина получила свое практическое закрепление в действующей Конституции и законодательных актах Китайской Республики.

На Тайване действует уникальная система разделения властей, предполагающая взаимодействие между *законодательной, исполнительной, судебной, контрольной и экзаменационной (селективной) ветвями государственной власти*. Каждая из них осуществляется отраслевой палатой (*юанем*)⁶⁶.

Разделение на пять ветвей власти своими истоками уходит в древнекитайскую философию, согласно которой в мире существует **пять стихий**, определяющих основные параметры мироздания (*у-син*) (五行): **Вода, Огонь, Дерево, Металл, Земля**⁶⁷. Металл, как символ «справедливости», обозначает судебную власть; Огонь, как символ «ри-туала» («ли») означает законодательную власть; Земля, символ «доверия», есть административная власть; Вода — «мудрость» — контрольная власть; Дерево — «гуманность» — экзаменационная власть.

В Общей программе строительства государства от 12.04.1924 Сунь Ятсен писал: «При строительстве Китайской Республики деятельность национального правительства зиждется на революционной программе трех народных принципов и конституции пяти властей» (п. 1). И далее: «Государственная власть делится на пять независимых друг от друга властей: законодательную, судебную, исполнительную, контрольную и экзаменационную. Исполнительную власть представляет президент, зако-

нодательную — парламент, судебную — судьи. Для осуществления экзаменационной и контрольной властей также необходимо создать независимые органы. Когда конституция пяти властей вступит в силу, государство должно будет привлекать людей к выполнению административных функций только в соответствии с конституцией. Слуги народа, перед тем как приступить к своим обязанностям, должны будут держать экзамены, что положит конец использованию людей без разбора»⁶⁸.

Российский ученый В.Г. Буров пишет: «Сунь Ятсен считал, что три ветви власти не могут обеспечить нормальное функционирование государственного механизма. Поэтому их необходимо дополнить еще двумя институтами, которые в какой-то форме уже существовали в политической истории Китая — контрольным и экзаменационным органами. Он, в частности, ссылаясь на мнение американского политолога Джона Бюргисса, который в своей работе “Примирение правительства и свободы” (1915 г.) отмечал, что существующее в Китае право подачи жалоб (на действия правительственных учреждений и чиновников) является наилучшим способом примирения отношений свободы с властью... По мнению Сунь Ятсена, создание двух новых органов позволит преодолеть противостояние трех ветвей власти, в результате вся система государственных органов будет работать как единый механизм»⁶⁹.

Согласно Конституции главой Китайской Республики и ее верховным главнокомандующим является **президент** (ст. 35 и 36). В истории Тайваня ими были:

Чан Кайши (蔣介石) (1950—1975 гг.) (политик и военный)⁷⁰;

Янь Цзягань (嚴家淦) (1975—1978 гг.) (после кончины в 1975 г. Чан Кайши исполнял его обязанности до выборов президента);

Цзян Цзинго (蔣經國) (1978—1988 гг.) (при нем в 1987 г. было отменено военное положение)⁷¹;

Ли Дэнхуэй (李登輝) (1988—2000 гг.) (первый президент Тайваня, избранный в 1996 г. на этот пост в результате прямых выборов);

Чэнь Шуйбянь (陳水扁) (2000—2008 гг.) (с его приходом к власти прервалось более чем полувековое правление Гоминьдана на Тайване);

Ма Иньцзю (馬英九) (2008—2016 гг.) (окончил юридический факультет Национального университета Тайваня. Автор работ по международному морскому праву).

Выборы президента осуществляются раз в 4 года и проводятся в соответствии с **Законом «О выборах и отстранении президента и ви-**

це-президента» (總統副總統選舉罷免法) от 1998 г. с последующими изменениями. Статья 3 Закона определяет их характер: «всеобщие, равные, прямые». С 1996 г. Тайвань отверг американскую систему с коллегией выборщиков и перешел на избрание президента (вице-президента) прямым голосованием. До этого времени в истории Китая (КНР, Тайвань) лидер никогда народом не избирался. Российский журналист, историк, политолог В.В. Овчинников по этому поводу пишет: «Поистине кульминацией демократических преобразований стал 1996 год, когда Ли Дэньхуэй был впервые переизбран на своем посту прямым голосованием всех тайваньцев. Это был важный прецедент в политической истории Китая, ибо после свержения монархии в 1911 году глава государства всегда избирался членами парламента. Так было заведено у гоминьдановцев, так дело поныне обстоит и в коммунистическом Китае, где председателя КНР избирают на сессии Всекитайского собрания народных представителей. Прямые выборы президента рекламируются на Тайване как доказательство возможности сочетать дальневосточные конфуцианские традиции с идеалами западной демократии»⁷².

Активным избирательным правом обладают граждане в возрасте от 20 лет (ст. 11), пассивным — от 40 лет (ст. 20). Не могут избираться лица, находящиеся на действительной военной службе, занимающиеся самими выборами и граждане иностранных государств (ст. 27) и, конечно, отбывающие уголовное наказание либо приговоренные к нему (ст. 26).

Президент Тайваня возглавляет **Совет национальной безопасности** (中華民國國家安全會議). Функционирует в соответствии с Законом «**Об организации Совета национальной безопасности**» (國家安全會議組織法) от 1992 г. (с последующими изменениями) в составе 121 члена. Он определяет основные направления обеспечения безопасности на Тайване. Отметим, что в 1990 г. Президент также возглавлял **Совет национального объединения** (國家統一委員會) (совещательный орган), однако в 2006 г. он прекратил свое существование.

Президенту Китайской Республики непосредственно подчинены:

1. **Центральная академия исследований** (中央研究院) (*Academia Sinica*, лат. — «китайская Академия»). Впервые образована в г. Нанкине в 1928 г., общая численность сотрудников около 1,5 тыс. человек. Определяет вектор развития тайваньской науки. В основе осуществляемой ею деятельности лежит **Закон «Об организации Центральной академии исследований»** (中央研究院組織法), принятый в первоначальной редакции в 1917 г.

2. **Учреждение государственной истории** (国史馆). Численность всего 149 человек, однако они отвечают за хранение бесценных документов по истории китайской государственности, руководствуясь нормами принятого еще в ноябре 1935 г. **Положения «Об организации Учреждения государственной истории»** (国史馆组织条例).

Президентом может стать гражданин Тайваня, достигший 40-летнего возраста. Срок полномочий — 4 года (ранее: 6 лет), при возможном однократном переизбрании на второй срок. Ранее срок занятия должностей президентом (вице-президентом) ограничен не был.

В системе тайваньских органов создана должность вице-президента, который замещает вакантный пост до выборов президента. Президент обладает иммунитетом от уголовного преследования пока он находится в должности, за исключением случаев совершения им преступлений, результатом которых стал мятеж или военная интервенция.

Аппарат президента (中华民国总统府) включает главу администрации, его заместителя, секретарей, советников, чиновников (около 600 человек). Действует в соответствии с **Законом «Об организации Аппарата президента»** (中华民国总统府组织法).

К основным конституционным полномочиям президента относятся:

- издание и обнародование Указов, в том числе чрезвычайного характера;
- заключение международных договоров;
- решение вопросов войны и мира;
- объявление (отмена) в стране военного и чрезвычайного положения (только после одобрения и утверждения Законодательной палатой);
- объявление амнистии, помилование, смягчение наказания;
- назначение и увольнение гражданских и военных лиц, включая председателя Исполнительной палаты (с одобрения Законодательной палаты), министров правительства и др.;
- присвоение почетных званий и награждение.

При вступлении в должность президент Тайваня приносит присягу следующего содержания:

«Я торжественно и искренне клянусь перед народом всей страны соблюдать Конституцию, быть верным своему долгу, честно и добросовестно исполнять свои обязанности, повышать благосостояние народа и защищать безопасность государства, всегда оправдывать доверие

народа. Если же я нарушу эту клятву, то пусть меня постигнут суровые наказания со стороны государства. Это моя торжественная присяга».

Высшим исполнительным органом Китайской Республики (правительство) является **Административная палата** (行政院) (ст. 53). Она состоит из председателя (премьер), заместителя, министров, председателей комиссий и министров без портфеля (всего свыше 700 человек). Председатель (премьер) Административной палаты назначается президентом только после одобрения его кандидатуры Законодательной палатой. В свою очередь заместитель председателя (преьера), министры, председатели комиссий, министры без портфелей назначаются президентом по представлению председателя (преьера) Административной палаты.

Согласно тайваньской системе сдержек и противовесов Административная палата несет ответственность перед Законодательной палатой (то есть правительство отвечает перед парламентом). В случаях конфликта между Административной и Законодательной палатами по вопросам «основных политических установок», разработанных правительством, либо исполнения им принятых законодательным органом законов при настаивании на своем мнении 2/3 членов Законодательной палаты председатель Административной палаты должен подчиниться либо подать в отставку.

Законодательная палата (立法院) является высшим представительным органом Китайской Республики на Тайване (однопалатный парламент). «Она осуществляет законодательную власть от имени народа» (ст. 62). Свою деятельность тайваньский парламент осуществляет во время сессий, работающих два раза в год (первая: февраль—май; вторая: сентябрь—декабрь). По требованию президента либо 1/4 ее членов палата может собираться и на чрезвычайные заседания. Так, например, летом 2001 г. после двухдневной чрезвычайной сессии Законодательная палата приняла пакет документов в финансовой сфере — «...за всю историю Китайской Республики на Тайване, начиная с принятия Конституции 1947 г., это была четвертая внеочередная сессия Законодательной палаты и первая, посвященная рассмотрению финансовых законопроектов, что говорит об их особой значимости и неотложности реформы финансовой системы острова»⁷³.

Согласно внесенным в Конституцию в 1997 г. поправкам общее число членов Законодательной палаты составляло 225 человек. Поправками 2004 г. — **113 человек**, с одновременным увеличением срока пол-

номочий с 3 до 4 лет. Все это было направлено на «...создание эффективной и ответственной законодательной власти, поощрение развития в направлении двухпартийной системы, снижение влияния местной фракционности, изживание практики покупки голосов»⁷⁴.

Ныне действующий состав (112 человек) был избран в 2012 г. и будет работать вплоть до 2016 г. Основными нормативными правовыми актами, регулирующим вопросы формирования и деятельности Законодательного юаня, выступают:

1. **Закон «Об организации Законодательной палаты»** (立法院组织法) (принят в 1936 г., с последующими изменениями). Согласно ст. 10 Законодательная палата состоит из: Комитета по внутренним делам; Комитета по внешним отношениям и обороне; Комитета по экономике; Комитета по финансам; Комитета по образованию и культуре; Комитета по транспорту; Комитета юстиции и законодательства; Комитета по социальному обеспечению и здравоохранению. При необходимости по решению парламента могут учреждаться специальные комитеты. Законом членам Законодательной палаты предоставлено право найма помощников в количестве от 8 до 14 человек (ст. 32);

2. **Закон «Об осуществлении Законодательной палатой полномочий»** (立法院职权行使法) (принят в 1988 г., с последующими изменениями). Содержит положения, закрепляющие различные аспекты деятельности китайского парламента, включая вопросы кворума, рассмотрения предложенных президентом кандидатур, выдвижения законодательных инициатив, вотума недоверия и др. Так, например, ст. 39 устанавливает, что парламента может выразить недоверие председателю Административной палаты простым большинством голосов.

Отметим, что первоначально Законодательной палате отводилась второстепенная роль. До конституционной реформы 1990-х годов кроме нее законодательную ветвь власти образовывали Национальное собрание (было правомочно изменять Конституцию, избирать президента и вице-президента), а также Палата контроля, которая могла возбудить процедуру импичмента в отношении любого должностного лица на Тайване. Таким образом, Законодательная палата играла лишь номинальную роль, все основные политические решения принимались без ее участия и согласия. Действующий на Тайване авторитарный режим не предполагал существования сильной представительной власти, которая в демократических странах формировалась из представителей различных политических партий.

Как по этому поводу отмечал Л.М. Гудошников, «...парламентская власть считалась состоящей из “трех рукавов”. Законодательная палата до начала процесса демократизации не играла особой роли в функционировании авторитарного режима во главе с Гоминьданом. Ей отводилась роль “резинового штампа” для решений, принимавшихся президентом и гоминьдановским правительством»⁷⁵.

В настоящее время в полномочия Законодательной палаты входит:

- принятие и изменение законов (вступают в силу при прохождении «трех чтений» только после обнародования президентом);

- выдвижение инициативы об изменении Конституции и территории;

- рассмотрение бюджета;

- рассмотрение вопросов введения военного положения, объявления амнистии, войны, заключения международных договоров;

- утверждение назначения председателя и заместителя председателя Палаты юстиции и их верховных судей; председателя и заместителя председателя Палаты контроля и их контролеров, главного аудитора; председателя и заместителя председателя Экзаменационной палаты, ее инспекторов; высших должностных лиц Административной палаты;

- объявление чрезвычайного положения;

- запросы в Административную палату;

- выражение вотума недоверия председателю Административной палаты;

- выражение импичмента президенту и вице-президенту и др.

Члены Законодательной палаты не могут быть подвергнуты аресту, задержанию без разрешения Законодательной палаты, за исключением случаев задержания на месте преступления (поправками 1997 г. — только в период сессий).

Правовой основой подготовки и проведения выборов на Тайване является **Закон «О выборах и освобождении от должности государственных служащих»** (公職人員選舉罷免法) (принят в 1969 г., с последующими изменениями). Именно в его ст. 14 устанавливается возраст 18 лет, с которого гражданин Тайваня обладает активным избирательным правом.

Правосудие на Тайване осуществляется **Палатой юстиции** (司法院) — высшим судебным органом, который ведаёт гражданскими,

уголовными, административными делами (включая дисциплинарные меры в отношении государственных служащих) (ст. 77). Общее количество сотрудников — свыше 450. Ее аналогов в правовых системах других государств не имеется. В систему Палаты юстиции входит: Верховный суд, суды высшей ступени, окружные суды, Административный суд, суды по делам несовершеннолетних.

Палата юстиции вправе:

- толковать Конституцию;
- толковать законы и указы.

Свою деятельность она осуществляет согласно **Закону «Об организации Палаты юстиции»** (司法院组织法), принятого в 1936 г., с последующими изменениями. Статьей 3 в составе Палаты юстиции учреждается **Совет великих судей** (大法官) в количестве 15 человек. Ими могут стать выдающиеся судьи и прокуроры со стажем работы не менее 15 лет, выдающиеся адвокаты со стажем работы не менее 25 лет, профессорско-преподавательский состав со стажем работы не менее 12 лет, судьи международных судов, авторитетные ученые в области компаративистики, ученые, работавшие в научных учреждениях в области публичного права, и некоторые другие категории. Совет великих судей — уникальный орган, не имеющий аналогов в правовых системах других государств мира. Он отвечает за правильное толкование действующего законодательства Тайваня.

«Интересно, что закон устанавливает определенную пропорцию в занятии должностей великих судей представителями перечисленных категорий: ни одна из указанных групп не должна превышать трети всех великих судей. Смысл этого ограничения в том, чтобы в Совете великих судей не превалировали теоретики над практиками, политики над специалистами и наоборот»⁷⁶.

В результате внесенных в Конституцию поправок от 1992 г. Совет великих судей, кроме полномочий по толкованию Конституции и законов, получил в качестве конституционного трибунала право рассмотрения дел о роспуске политических партий. **Законом «О рассмотрении дел Советом великих судей Палаты юстиции»** (司法院大法官审理案件法) детализированы его полномочия в сфере толкования Конституции, когда (ст. 4):

— возникают сомнения относительно порядка применения Конституции;

— возникают сомнения относительно соответствия Конституции законов или указов;

— возникают сомнения относительно соответствия Конституции законов об автономии провинций и уездов, провинциального законодательства.

Характеризуя деятельность Совета великих судей, российский исследователь Ю.М. Опалев пишет: «...особенности определения компетенции великих судей по проверке конституционности актов связаны как с историческими обстоятельствами, так и с ценностным содержанием китайской культуры. Специфика формирования полномочий судебного органа обусловлена именно этими двумя факторами. Нам представляется, что история становления и практика функционирования Совета великих судей с 1947 года по настоящее время являются подтверждением тезиса о возможности трансформации правового института, рожденного в иной культурной среде. Компетенция великих судей содержит как заимствованные в европейской правовой культуре элементы, так и элементы, свойственные китайской культурной традиции. Можно сказать, что богатство китайской культуры и цивилизации было творчески использовано в оригинальной тайваньской модели конституционного контроля»⁷⁷.

Деятельность судов на Тайване также регулируется следующими законами:

1) **Закон «Об организации судов»** (法院組織法) (принят в 1921 г., с последующими изменениями);

2) **Закон «Об организации административных судов»** (行政法院組織法) (принят в 1921 г., с последующими изменениями) (подразделяются на два вида: Административный суд высшей ступени в составе трех судей и Верховный административный суд в составе пяти судей);

3) **Закон «О судьях»** (法官法) (принят в 2011 г., с последующими изменениями);

4) **Закон «Об организации Комитета по наказанию государственных служащих»** (公務員懲戒委員會組織法) (принят в 1920 г., с последующими изменениями). В отечественной литературе встречается название «Дисциплинарный комитет по делам государственных служащих». Судьи занимают свои должности пожизненно. Они могут быть отстранены от работы лишь в случаях:

— предъявления уголовного обвинения;

- привлечения к дисциплинарной ответственности;
- объявления их деятельности под запретом.

Высшим государственным экзаменационным органом, отвечающим за проведение экзаменов, назначение на службу, регистрацию и аттестацию на должности, продвижение и перемещение по службе, поощрения, награждения и др., является **Экзаменационная палата** (考试院) (ст. 83 Конституции). Она состоит из председателя, его заместителя и членов палаты (всего 19 человек), представляемых Законодательной палате президентом и им назначаемых на должности после ее одобрения. Срок полномочий — 6 лет. Нынешний состав сформирован в сентябре 2014 г. и будет продолжать работать до 31.08.2020. Впервые была создана в 1930 г.

Фактически, Экзаменационная палата осуществляет руководство и надзор за гражданской службой. Основным законом, регулирующим ее деятельность, выступает **Закон «Об организации Экзаменационной палаты»** (考试院组织法); принят в 1936 г., с последующими изменениями.

Отбор государственных служащих проводится на основании открытых конкурсных экзаменов. «Никто не может быть назначен на государственную должность без прохождения экзаменов» — главный принцип тайваньской государственной системы. В период экзаменов проводится проверка соответствия уровня подготовки государственных служащих требованиям, предъявляемым к занятию соответствующих должностей и проверка соответствия требованиям, предъявляемым к представителям специальных профессий и инженерно-техническому персоналу.

Тайваньские чиновники ежегодно проходят аттестацию и их работа оценивается по достаточно строгим критериям. Своими корнями экзаменационная система уходит в прошлое Древнего Китая, в котором для получения ранга чиновникам необходимо было проходить сложную многоуровневую проверку. Именно китайская система отбора государственных служащих на административную работу послужила прообразом западных моделей тестирования кандидатов на различные аппаратные должности.

Высшим контрольным органом в государстве является **Палата контроля** (监察院) (ст. 90 Конституции), которая осуществляет разрешительные полномочия, а также полномочия по представленным на ее рассмотрение делам по порицанию и аудиту. Поправками в Конституцию от

1997 г. **аннулировалось** право Палаты контроля инициировать процедуру импичмента президента и вице-президента, ставшее прерогативой Законодательной палаты. Срок полномочий Палаты контроля — 6 лет. Заседает ежемесячно. Ее высшие члены утверждаются Законодательной палатой по представлению президента. Впервые создана в 1931 г.

В структуру Контрольной палаты входят: Управление по контрольной деятельности, Управление по проверкам, Управление по декларированию имущества государственных служащих, Секретариат, Кабинет по общему планированию, Консультативный кабинет. Также свыше десяти комитетов, включая специальные, основными из которых являются Комитет по обороне и разведке, Комитет по финансам и экономике, Комитет по образованию и культуре, Комитет по транспорту и закупкам, Комитет по исследованию законодательства.

Основными нормативными правовыми актами, регулирующими деятельность Контрольной палаты, являются:

1) **Закон «Об организации Контрольной палаты»** (監察院组织法). Принят в 1936 г., с последующими изменениями. В соответствии со ст. 4 аудиторское подразделение Контрольного юаня осуществляет проверку исполнения бюджета правительством и его органами, указов правительства относительно расходов и доходов, его финансовой эффективности и др.;

2) **Закон «Об организации комитетов Контрольной палаты»** (監察院各委员会组织法). Принят в 1937 г., с последующими изменениями. Небольшой документ, определяющий структуру Контрольной палаты: ст. 2 содержит названия семи постоянно действующих комитетов и численность их членов при проведении заседаний;

3) **Закон «О контроле»** (監察法). Принят в 1937 г., с последующими изменениями. В ст. 2 Закона устанавливается право Контрольной палаты и ее комитетов на выдвижение обвинений в отношении чиновников, злоупотребляющих своими полномочиями, с требованием исправления ситуации.

В Палате контроля учреждается должность генерального аудитора, кандидатура которого до официального назначения президента представляется на одобрение Законодательной палаты. Он отвечает за составление финансового отчета в отношении доходной и расходной частей бюджета. Члены Палаты контроля не могут быть арестованы или задержаны без ее разрешения, за исключением случаев задержания на месте преступления.

Национальное собрание (国民大会) как высший представительный орган, по замыслу Сунь Ятсена, стоял над всеми разделенными властями. «Конкретно к полномочиям Национального собрания были отнесены избрание президента, вице-президента, смещение этих высших должностных лиц и внесение изменений в Конституцию непосредственно самим собранием или путем голосования в порядке референдума поправок, выдвинутых Законодательной палатой»⁷⁸.

Конституционное собрание созывалось раз в 6 лет. На его 2-й сессии в 1954 г., например, были продлены президентские полномочия Чан Кайши. В основе его деятельности лежали три основных закона: **Закон «Об организации Национального собрания»** (国民大会组组法), **Закон «Об осуществлении полномочий Национальным собранием»** (国民大会职权行使法) и **Закон «О праве на согласие»** (国民大会同意权行使法). Так, ст. 2 Закона «О праве на согласие» Национальному собранию предоставлялось право на утверждение либо не утверждение выдвигаемых президентом кандидатур председателя (его заместителя, Великих судей) Палаты юстиции, председателя (его заместителя, членов) Экзаменационной палаты, председателя (его заместителя, членов) Палаты контроля.

После конституционных поправок 2000 г. Национальное собрание было выведено из системы постоянно действующих органов Тайваня. Поправками в Конституцию 2004 г. (вступили в силу 07.06.2005) Национальное собрание было упразднено.

Особый интерес с точки зрения науки сравнительного правоведения представляет уголовное право Тайваня, которое по своему содержанию схоже с традиционным правом Древнего Китая. Еще в 1912 г., через год после свержения маньчжурской династии, президент Китайской Республики Сунь Ятсен утвердил временный свод уголовных законов — Уголовное уложение, состоящее из 411 статей. Затем, уже в 1928 г., после внесения ряда изменений Уголовное уложение было переименовано в Уголовный кодекс⁷⁹.

Позднее этот Кодекс действовал в редакции 1935 г. и состоял из 357 статей.

Действующий **Уголовный кодекс Китайской Республики** (中華民國刑法) сохранил закрепленные еще в прошлом столетии принципы и многие нормы, дополнив их содержание внесенными с течением времени поправками (всего 31, последняя из которых принята 18.06.2014). Он состоит из двух частей: Общая (ст. 1—99) и Особенная

(ст. 100—363). К сожалению, перевода на русский язык этого важного и интересного кодифицированного акта правотворчества не существует.

В соответствии со ст. 33 УК КР в качестве основных видов уголовного наказания тайваньский законодатель устанавливает следующие.

— Смертная казнь.

— Пожизненное лишение свободы.

— Срочное лишение свободы: от 2 месяцев до 15 лет (при смягчении наказания — до 2 месяцев, при его ужесточении — до 20 лет).

— Уголовный арест от суток до 60 дней (при ужесточении — 120 дней).

— Денежный штраф: от 1 тыс. тайваньских долларов.

В качестве дополнительного наказания применяется лишение гражданских прав, конфискация, принудительное изъятие имущества, капиталов (ст. 34). Лишение гражданских прав предусматривает увольнение с должности государственного служащего и/или потерю статуса кандидата на эту должность (ст. 36). Преступники, приговоренные к высшей мере наказания или пожизненному заключению, лишаются гражданских прав автоматически (ст. 37). Иностранцы, совершившие преступление на территории Тайваня, подлежат депортации после его отбытия либо досрочного освобождения (ст. 95).

Как и в КНР, на Тайване применяется высшая мера наказания. Общее количество составов преступлений, ее предусматривающих — 50. Причем она закрепляется как УК КР, так и другими уголовно-правовыми актами: **Уголовный кодекс сухопутных, морских и воздушных войск** (陆海空军刑法) (УК Вооруженных сил) (ст. 14, 15, 17, 18, 19, 20, 24 и др.), **Закон «О гражданской авиации»** (民用航空法) (ст. 100, 101, 110), **«Правилами предупреждения и пресечения вреда от наркотиков»** (毒品危害防制 条例) (ст. 4, 6, 15), **«Правила наказаний за вред военной службе»** (妨害兵役治罪条例) (ст. 16 и 17), **«Правила предупреждения и пресечения сделок с детьми и подростками»** (儿童及少年性交 易防制条例) (ст. 26), **«Правила наказания за групповые изуверства»** (残害人群治罪条例) (ст. 2), **«Правила контроля за огнестрельным и холодным оружием, боеприпасами»** (枪炮弹药刀械管制条例) (ст. 7), **«Правила борьбы с контрабандой»** (惩治走私条例) (ст. 4).

Смертная казнь на Тайване обычно приводится в исполнение через расстрел. Статья 90 Закона **«Об исполнении наказания в тюрьмах»** (監獄行刑法) и ст. 3 **«Правил приведения в исполнение смерт-**

ной казни» (死刑执行规则), кроме расстрела, предусматривают и введение смертельной инъекции в сердце.

Совет великих судей Палаты юстиции неоднократно давал ответы на вопрос о конституционности закрепленных в законодательстве положений о применении смертной казни на Тайване. Так, Толкованием № 194 в 1985 г. Совет признал высшую меру наказания соответствующей Конституции. В оправдание такой позиции приводилось положение ст. 23 Конституции, которая гласит: «Все перечисленные в предыдущих статьях свободы и права не могут быть ограничены законом, за исключением тех, в отношении которых подобная мера может быть оправдана необходимостью предотвратить нарушение свободы других граждан, избежать надвигающуюся серьезную опасность, сохранить общественный порядок, укрепить общественное благополучие». Иначе говоря, в период действия в КР военного положения смертная казнь имеет право на существование. Уже в 1990 г. (Толкование № 263), 1999 г. (Толкование № 476) и 2010 г. Совет великих судей повторно подтвердил конституционность высшей меры наказания, хотя Законодательная палата подписала Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, предусматривающие отмену высшей меры наказания в странах-подписантах.

Статистика приведения приговоров к смертной казни на Тайване, в отличие от континентального Китая, не является секретной. Она такова (не включает исполнение по приговорам военных судов):

Год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Число	78	59	35	18	17	16	22	38	32	24

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число	17	10	9	7	3	3	0	0	0	0

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Число	4	5	6	6	5	6

Отметим, что неофициальный мораторий на смертную казнь, в основе которого лежали политические мотивы, продержался на Тайване

4 года (с 2006 по 2009), однако после зверского убийства группой мужчин 16-летней дочери популярной певицы Пай Пин-Пин (白冰冰) последняя стала активно защищать институт смертной казни, что привело к возобновлению его исполнения. Созданный певицей «Фонд Ласточки» превратился в могучую силу по борьбе с движением против смертной казни на Тайване.

Несмотря на суровость тайваньского уголовного законодательства, права задержанных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, подсудимых защищаются по западной модели. Статья 2 в гл. 2 Конституции Китайской Республики «Права и обязанности граждан» (восьмая статья по счету) четко указывает на недопустимость задержания лица «иначе как на основании соответствующей процедуры, установленной законом, за исключением случаев задержания на месте преступления» (ч. 1). В ч. 2 закреплено: «Ни один гражданин не может быть осужден или наказан иначе как по суду согласно определенной процедуре, установленной законом. Любые арест, задержание, осуждение или наказание вопреки процедуре, выработанной законом, могут быть отклонены».

В соответствии с действующим Уголовно-процессуальным кодексом Китайской Республики подозреваемые и обвиняемые в совершении преступления пользуются защитой закона, им предоставляется право на получение юридической помощи (ст. 27). При этом четко закрепляется: «При осуществлении ареста или задержания следует обращать внимание на личность и достоинство обвиняемого» (ст. 89).

Центральное место в правовой системе Тайваня принадлежит гражданскому законодательству. Если в КНР до сих пор так и не принят Гражданский кодекс, то на Тайване он уже давно действует (однако, как и в КНР, нет Налогового кодекса). Отметим, что еще в мае 1931 г. в гоминьдановском Китае вступил в действие Гражданский кодекс Китайской Республики, разработанный властями с оглядкой на японский ГК 1898 г. и Германское гражданское уложение 1900 г.⁸⁰ Он содержал в себе достаточно передовые для того времени нормы. Так, предусматривалась гражданская ответственность «должностных лиц, умышленно нарушивших свои обязательства по отношению к третьим лицам и тем причинивших ущерб интересам таковых...» (п. 1 ст. 186).

Ныне действующий ГК Китайской Республики является системообразующим актом правотворчества в гражданском праве Тайваня, его содержание достаточно объемно (всего 1225 статей). Кроме него,

гражданское законодательство образуют другие важные правовые документы.

1. Закон «Об исполнении общих положений Гражданского кодекса» (民法总则施行法).

2. Закон «Об исполнении положений Гражданского кодекса об обязательствах» (民法债编施行法).

3. Закон «Об исполнении положений Гражданского кодекса о вещных правах» (民法物权编施行法).

4. Закон «Об исполнении положений Гражданского кодекса о родственниках» (民法亲属编施行法).

5. Закон «Об исполнении положений Гражданского кодекса о наследовании» (民法继承编施行法).

6. Закон «О применении законодательства в гражданской сфере с участием зарубежного элемента» (涉外民事法律适用法).

7. Закон «О доверии» (信托法).

8. Закон «О защите прав потребителей» (消费者保护法).

9. Закон «О земле» (土地法).

10. Законы в сфере интеллектуальной собственности: Закон «О торговой марке» (商标法), Закон «О патентах» (专利法), Закон «Об авторском праве» (著作权法) и др.

В общем плане гражданское законодательство Китайской Республики на Тайване сформировано и достаточно прогрессивно. Развито и гражданско-процессуальное законодательство, являющееся частью процедурного права КР, оно включает в себя Гражданско-процессуальный кодекс (民事訴訟法), Закон «Об исполнении ГПК» (民事訴訟法施行法), Закон «О принудительном исполнении» (強制執行法), Закон «О банкротстве» (破產法), Закон «О непроцессуальных делах» (非訟事件法), Закон «О нотариате» (公證法), Закон «Об оказании помощи по переданным иностранными судами делам» (外國法院委託事件協助法), Закон «Об управлении уничтоженными архивными делами в рамках гражданского и уголовного производств» (民刑事訴訟卷宗滅失案件處理法) и др. Особенность перечисленных выше законодательных актов заключается в отнесении их к числу процессуальных документов, что, в принципе, соответствует логике содержащихся в них положений.

Одним из самых обширных по количеству принятых правовых документов является финансово-банковская сфера Китайской Республики. И это не случайно. Известно, что Тайвань добился беспрецедентных

успехов в исследуемой области общественных отношений. Начатые в 2000-х годах финансовая реформа и реформа банковской системы привела Тайвань к устойчивому экономическому росту. Крупномасштабные преобразования начались именно с внесения изменений в действующие законодательные акты: Закон «О банках» (銀行法), Закон «О слияниях финансовых институтов» (金融機構合併法), Закон «О страховании» (保險法). Были в срочном порядке приняты Закон «О финансовых холдингах» (金融控股公司法) и Закон «О секьюритизации финансовых активов».

Так, например, в ходе законодательного оформления реформы финансово-банковского сектора было закреплено право финансовых организаций, образующихся в результате слияний, не уплачивать гербовый сбор и налог на прирост капитала, связанный с увеличением стоимости земельных участков. Убытки, образующиеся в связи с тем, что в ходе слияний третьей стороне продаются с дисконтом права на взыскание «проблемных» кредитов объединяемых банков, было разрешено погашать в течение 15 лет после слияния. Законодатель также впервые разрешил иностранным финансовым институтам приобретать тайваньские банки в полную (100 %) собственность. В целях урегулирования накопленной «проблемной» задолженности Закон «О слияниях финансовых институтов» санкционировал создание специализированных компаний по кризисному управлению активами⁸¹.

Тайвань быстро оправился и после мирового финансового кризиса 2008 г. Финансово-банковский сектор практически не пострадал. Экономика Китайской Республики продолжает расти, она обладает весьма благоприятным инвестиционным климатом, уступая по данному показателю лишь немногим странам. Основу экономики Тайваня составляют малые и средние предприятия, которые активно пользуются услугами финансово-банковского сектора. Множество крупных мировых банков имеют на Тайване свое представительство. Крупнейшие тайваньские финансовые холдинги активно приобретают компании за рубежом. Все это свидетельствует о верном направлении движения тайваньских властей в рамках правового регулирования банковской и финансовой сферы Китайской Республики.

Банковско-финансовое законодательство Китайской Республики достаточно развито и состоит из целого ряда актов правотворчества. В него включаются как сами законы, так и подзаконные нормативно-правовые акты, количество которых в разы превышает первые. И это не

случайно. Китайский законодатель, будь то в КНР или в Китайской Республике, предпочитает не спешить с принятием трудноизменяемых кодифицированных актов правотворчества, предпочитая им разрозненные подзаконные документы локального характера. Именно на уровне подзаконного нормотворчества легче всего оперативно и безболезненно регулировать важную для экономического развития региона финансовую и банковскую сферы.

К основным правовым документам в рассматриваемой сфере следует отнести: Закон «О банках», Закон «О Центральном банке», Закон «О векселях», Закон «О кредитных кооперативах», Закон «О страховании», Закон «О фондовых сделках», Закон «Об организации Министерства финансов», Закон «О государственной казне», Закон «Об общественной казне», Закон «О распределении финансовых доходов и расходов», Закон «О подоходном налоге», Закон «О таможенной пошлине», Закон «О ценных бумагах на землю крестьянских банков», Закон «О государственном имуществе», «Правила управления компании доверительного инвестирования», «Правила о кооперативной казне», «Правила об управлении чеками из государственной казны», «Правила инвестирования иностранными гражданами» и многие другие нормативные документы.

В приведенных выше актах правотворчества содержатся достаточно четкие и действенные нормативные положения, позволяющие субъекту правоприменения свободно развиваться в рамках действующего законодательства. В них практически не встречаются нормы, устанавливающие нескончаемые проверки участников финансового и банковского сектора, четко прописаны механизмы реализации предпринимателями своих прав и свобод на практике.

Одним из направлений финансовой политики Китайской Республики является усиление фискальной реструктуризации, направленной на улучшение финансового состояния Тайваня и укрепление его конкурентоспособности на международной арене. Правительство планирует постепенно снижать бюджетный дефицит, искать новые направления источников дохода, реструктурировать государственные финансы.

Важную роль в регулировании финансово-банковского сектора Тайваня играет деятельность правоохранителя по борьбе с отмыванием денег. В Китайской Республике действует принятый 03.10.1985 **Закон «О противодействии отмыванию денег»** (洗錢防制法) (с последующими изменениями). Несмотря на то, что рассматриваемый акт право-

творчества состоит всего лишь из 17 статей, его значение для всей правовой системы Тайваня трудно переоценить. Содержащиеся в нем нормы направлены на предупреждение и борьбу с преступлениями в сфере легализации доходов, полученных преступным путем. В рамках реализации закрепленных в нем положений Китайская Республика заключила уже более 30 соглашений о международном сотрудничестве в рамках борьбы с отмыванием денег. На Тайване действует Комиссия по финансовому надзору, которая также отслеживает незаконные операции с денежными средствами как внутри Республики, так и за ее пределами, с участием своих граждан.

В свое время инициатором ужесточения закрепленных в законе положений выступало Министерство юстиции КР, для которого борьба с отмыванием денег была одним из приоритетных направлений работы. Российский исследователь Н.И. Иванова пишет: «Министерство юстиции активно проталкивало поправки к Закону о борьбе с отмыванием денег, направленные на его ужесточение. Для расследования дел по подозрению в отмывании денег в рамках Бюро расследований Министерства юстиции были созданы специальные прокурорские подразделения. Крайне важным компонентом борьбы по искоренению коррупции на Тайване является наличие возможности отслеживать и прерывать продвижение потоков незаконных финансовых средств»⁸².

Широкий резонанс на Тайване имело судебное разбирательство возбужденного в отношении бывшего президента Китайской Республики Чэнь Шуйбяня, его супруги и других лиц уголовного дела по обвинению в коррупции, злоупотреблению служебным положением и отмыванию денег. Руководитель Тайваня и первая леди по приговору суда получили пожизненное лишение свободы, которое затем было заменено на лишение свободы сроком в 20 лет (впоследствии срок неоднократно изменялся). Кроме тюремного заключения, бывшие высокопоставленные руководители приговорены к значительным денежным штрафам. В 2015 г. бывший руководитель страны был условно-досрочно освобожден. Отметим, что в свое время «вновь избранный президент Чэнь Шуйбянь, в основном благодаря включению в свою программу проблемы борьбы с коррупцией, пообещал избирателям очистить правительственную платформу, считая борьбу с коррупцией своей первоочередной задачей»⁸³.

Добавим также, что в целях улучшения экономической ситуации в стране, правительство Тайваня приняло решение о создании на

своей территории «пилотных свободных экономических зон» для привлечения зарубежных инвестиций, в том числе и в финансово-банковский сектор. Ответственными органами выступают Министерство экономики и Министерство финансов. В свободной экономической зоне будут ослаблены ограничения на беспошлинный импорт и экспорт сырья и продукции, открыт сектор услуг и ослаблены ограничения на инвестиции, а также упрощены условия землепользования⁸⁴.

* * *

1. Правовую систему Тайваня характеризует наличие множества свойственных континентальной правовой семье законов, частично принятых еще в начале и середине прошлого века. Тайваньское законодательство сохранило в себе характерные черты традиционного права Китая, в особенности это касается «Полной книги шести законов», которую партия Гоминьдан «увезла» с собой на остров в 1949 г. после поражения в гражданской войне. Материальное и процессуальное право КР более развито и обширнее, чем в КНР. В правовой системе КР, в отличие от КНР, наличествует крупный Гражданский кодекс, закрепленные в нем положения подробно регламентируют различные виды гражданско-правовых отношений. Правовые традиции, правосознание и правоприменение в Китайской Республике имеют глубокие исторические корни, относящиеся к Древнему Китаю. На них в самой меньшей степени оказали влияние западные политико-правовые учения, хотя некоторые кодифицированные акты правотворчества Тайваня были созданы с учетом правотворческого опыта Германии, Франции, Бельгии, Японии. Нормативные правовые акты КР излагаются на бумаге в полных (традиционных) иероглифах, что способствует сохранению глубокой китайской традиции, имеющей свои корни в сформированной в течение многих тысячелетий письменности.

2. После обоснования гоминьдановского правительства на Тайване его лидерами была создана жесткая авторитарная система управления, в основу которой легли два нормативных документа: «Временные правила национальной мобилизации на период мятежа» и «Декрет о военном положении». Вступлением в силу они «заморозили» на долгое время закрепленные в Конституции КР широкие демократические права и свободы, запретив тайваньцам пользоваться ими. В те годы подавлялось любое инакомыслие, функционировала жестокая репрессивная ма-

шина. При этом лидерам Гоминьдана удалось избежать свойственных КНР маоцзэдуновской эпохи колоссальных безвинных жертв среди населения. Жители Тайваня поддерживали существующий режим, видя в нем единственную возможность противостоять силовому варианту решения «тайваньской проблемы» со стороны материкового Китая. До отмены действия упомянутых выше документов (1991 и 1997 г.) Тайвань нельзя было называть правовым государством, ведь действующая в нем Конституция носила декларативный характер, многие ее нормы не могли быть реализованы на практике.

3. После отмены военного (чрезвычайного) положения в КР начался бурный рост объема принимаемых законодательных актов. Если до 90-х годов прошлого века появляющиеся акты правотворчества в основном были направлены на укрепление власти правящей партии Гоминьдан и созданного ею режима, то позднее их содержание в основном затрагивало вопросы личных прав и свобод, финансово-экономического сектора, активизации сотрудничества с континентальным Китаем в плане взаимных инвестиций. Однопартийная система в течение короткого времени превратилась в многопартийную, благодаря закрепленным в Конституции свободам оппозиция возглавила государство, а Гоминьдан — встала в оппозицию к ней.

В настоящее время вектор развития законодательства КР осуществляется в направлении поиска правовых решений преодоления мирового финансового кризиса, оказывающего влияние и на остров. Являясь одним из «четырёх азиатских тигров», экономика Тайваня подвергается серьезным рискам спада производства и уменьшения бюджетных поступлений от экспортно-импортных операций. Усиливается законодательная база в сфере защиты инвестиций из-за рубежа, создаются правовые основы функционирования свободных экономических зон по типу Гонконга, Шанхая и Шэньчжэня. Происходящие на Тайване процессы требуют отдельного изучения российской юридической наукой и китаеведением, которые, к сожалению, пока мало обращаются к тайваньской проблематике.

Литература

¹ Подр. анализ см.: Ван Чжэньминь. 中央与特别行政区关系: 一种法治结构的解析 (Чжунян юй тэбье синчжэнцзюй гуанси: и чжун фачжи цзегоу дэ цзэси) : [Отношения между центром и особыми административными районами: анализ одной правовой конструкции]. Пекин: Цинхуа дасюе чубаньшэ, 2002. (на кит. яз.) С. 74—109. Также: Гонконг до и после 1 июля 1997 года: Одно государство — два строя. М.: Палея, 1997.

² Подр. см.: Дэн Сяопин. Соображения относительно мирного объединения континентальной части Китая и Тайваня // Дэн Сяопин. О строительстве специфически китайского социализма. Бэйцзин: Издательство литературы на иностранных языках, 1985. С. 24—27.

³ Дэн Сяопин. «Одно государство — два строя» // Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая: Пер. с кит. М.: Политиздат, 1988. С. 61. Также: Труды Дэн Сяопина (邓小平文选). Том 3 (1982—1992 гг.). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1993. С. 58 (на кит. яз.); 邓小平“和平统一、一国两制”理论与实践 (Дэн Сяопин «хэпин тунй, и го лян чжи» лилунь юй шицзянь) : [Теория и практика концепции Дэн Сяопина «мирное объединение, одно государство — две системы»]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1997 (на кит. яз.).

⁴ «一国两制»与香港基本法 («И го лян чжи» юй Сянган Цзибэнь фа) («Одно государство — две системы и Основной закон Сянгана»). Авторство статьи принадлежит группе ученых из 9 человек. // Фасюе яньцзю. 1997. № 4. С. 7 (на кит. яз.).

⁵ Егоров К.А. О политико-правовом содержании концепции «одно государство, две системы» в КНР // Доклады и сообщения XII ежегодной конференции «Актуальные вопросы политической системы и внутривластного положения Китайской Народной Республики». 26 декабря 1985 г. М.: ИДВ РАН. С. 25.

⁶ Гудошников Л.М. Образование Сянганского особого административного района // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. акад. С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2013. Т. X: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова; сост. Т.Г. Герасимова. 2014. С. 308.

⁷ Жэньминь жибао. 01.08.2003 (на кит. яз.).

⁸ Тексты договоров между Китаем и другими иностранными государствами. См.: Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1843—1925) // Труды московского института востоко-

ведения им. Н.Н. Нариманова при ЦИК СССР. Том VI. сост. Э.Д. Гримм. М.: Издание Института Востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927.

⁹ URL: http://news.xinhuanet.com/gangao/2013-04/09/c_124554565.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁰ Кокарев К.А. Политический механизм особых автономий Китая. М.: БФРГТЗ «Слово», 2004. С. 5.

¹¹ URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2000-12/26/content_5001577.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹² Ян Жунчжэнь. 香港回归前后法律的变化 (Сянган хуэйгуй цяньхоу фалюй дэ бяньхуа) : [Изменения в законодательстве Сянгана до и после его возвращения]. Фасюе цзачжи. 1997. № 4. С. 4 (на кит. яз.).

¹³ Жэньминь жибао. 07.04.1990 (на кит. яз.) либо: URL: http://www.gov.cn/test/2005-07/29/content_18298.htm (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁴ Подр. см.: Формирование будущего статуса Сянгана. Документы и материалы. Экспресс-информация. Выпуск 8 / сост. В.И. Антонов; пер. материалов: Д.М. Поспелов; ред. Л.М. Гудошников. М.: ИДВ РАН, 1990.

¹⁵ Подр. анализ см.: Дун Ликунь. 香港特别行政区法院的违反基本法审查权 (Сянган тэбье синчжэньцхой дэ вейфань Цзибэньфа шэньчяоань) : [Право на проверку нарушений Основного закона судами Особого административного района Сянган] // Фасюе янцзю. 2010. № 3. С. 3—25 (на кит. яз.).

¹⁶ Подр. см. научную статью авторитетного китайского проф. Су Игуна: 港英时代的中国习惯法 (ГанИн шидай дэ Чжунго сигуаньфа) : [Правовой обычай Китая в англо-сянганский период]. URL: <http://www.iolaw.org.cn/showarticle.asp?id=1267> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

¹⁷ Сонин В.В. Укрощение «Троянского коня»: избирательные фильтры на выборах главы администрации Гонконга // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 5. С. 822.

¹⁸ Сонин В.В. Укрощение «троянского коня»... С. 824.

¹⁹ Ци Пэнфэй. Политическая система Сянгана должна соответствовать принципу «одно государство, две системы» // Формирование будущего статуса Сянгана. Документы и материалы. Экспресс-информация. Выпуск 8. С. 65.

²⁰ Овчинников В. Через год над Гонконгом взвевается красный флаг // Российская газета. 08.08.1996.

²¹ Подр. см.: Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в 80—90-е гг. XX века // под ред. Чл.-корр. РАН, проф. М.Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 178—179.

²² Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация № 9. М.: ИДВ РАН, 1999. С. 31—37 (пер. Д.А. Жоголева).

²³ Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация № 9. М.: ИДВ РАН, 1999. С. 38—54 (пер. П.В. Трощинского).

²⁴ Подр. анализ закона см.: Сюй Аньбяо. 体现一国两制的香港特别行政区驻军法 (Тисянь и го лян чжи дэ Сянган тэббе синчжэн цюй чжуцзюнь фа) : [Закон о гарнизоне Особого административного района Сянган как воплощение принципа «одно государство — две системы»] // Чжунго фасюе. 2007. № 2. С. 70—77 (на кит. яз.). В КНР также вышла брошюра с комментарием к нему: 中华人民共和国香港特别行政区驻军法释义 (Чжунхуа жэнь минь гун хэ го Сянган тэббе синчжэн цюй чжуцзюнь фа ши и) : [Разъяснение к Закону КНР О гарнизоне Особого административного района Сянган]. Пекин: Цзэфань цзюнь чубаньшэ, 1997 (на кит. яз.).

²⁵ Гудошников Л.М. Локализация правовых систем в особых административных районах Китая // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М.Л. Титаренко / гл. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 301.

²⁶ Гудошников Л.М. Правовая система Гонконга (Сянгана) в настоящем и будущем // КНР — 1991: внутреннее положение. Информационный бюллетень. № 2 М.: ИДВ РАН, 1993. С. 57.

²⁷ Гудошников Л.М., Степанова Г.А. Возвращение Макао (Аомэня) // Стратегия объединения Китая: Аомэнь. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 23.

²⁸ Кокарев К.А. Аомэнь (Макао). Глава 1. История. О чем рассказывают древние письмена // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. акад. С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2013. Т. X: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова; сост. Т.Г. Герасимова. 2014. С. 487.

²⁹ Люй Ижань. 葡萄牙强占澳门与清政府拒绝批准中葡《和好贸易条约》 (Пуаоа янчжань Аомэнь юй Цин чжэнфу цзюйцзэ пичжунь ЧжунПу «Хэпин маоитяое») : [Аннексия Португалией Макао и отказ цинского правительства от подписания китайско-португальского «Мирного торгового договора»] // Чжунго бяньцзян шида яньцзю. 1999. № 2. С. 66 (на кит. яз.).

³⁰ Босев К. Острова живых драконов: Повесть о Гонконге и Макао. Пер. с болг. М.: Политиздат, 1982. С. 173—174.

³¹ 警告澳門葡萄牙当局 (Цзингао Аомэнь Путаоя данцзюй) : [Предупреждение португальским властям Аомэня]. Жэньминь жибао. 26.10.1955 (на кит. яз.).

³² URL: http://bo.io.gov.mo/bo/i/2006/52/lei09_cn.asp (дата обращения - 15.02.2016) (на кит. яз.).

³³ URL: <http://law.lawtime.cn/d433496438590.html> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

³⁴ Подр. об истории и современной ситуации в игровой сфере в АОАР см. монографию проф. Политико-юридического университета Китая Цю Тинбяо: 澳門博彩法律制度 (Аомэнь боцай фалой чжиду) : [Правовой режим игровой сферы Аомэня]. Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2014 (на кит. яз.).

³⁵ URL: <http://bo.io.gov.mo/bo/i/88/23/dc/cn/Default.asp> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.).

³⁶ Подр. см. монографию китайского профессора Ян Суючжун 我的“一国两制”觀 (Во дэ «И го лян чжи» гуань) : [Мои взгляды на «Одно государство — две системы»]. Аомэнь: Аомэнь Лигун сюеюань И го лян чжи яньцзю чжунсин чубань, 2011 (на кит. яз.).

³⁷ Русскоязычный перевод см.: Формирование статуса Аомэньского особого административного района. Нормативные акты КНР. Экспресс-информация. Выпуск № 4 / пер. В.И. Антонова, Л.М. Гудошников. М.: ИДВ РАН, 1993. С. 19—60. Либо Жэньминь жибао. 03.04.1993 (на кит. яз.).

³⁸ Подр. см.: Дай Чжанхун. 试论澳门法律本地化 (Шилунь Аомэнь фалой бэньдихуа) : [Попытка обсуждения локализации законов Аомэня] // Фасюе цзачжи. 1998. № 2. С. 23—24 (на кит. яз.).

³⁹ Гудошников Л.М. Аомэнь накануне воссоединения с Китаем (политико-юридические вопросы) // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 53.

⁴⁰ Подр. анализ полномочий см.: Цзян Сяовэй. 論對澳門特別行政區行政長官的控權機制 (Лунь дуй Аомэнь тэбье синчжэн цюй синчжэн чангуан дэ кун цюань цзичжи) : [Обсуждая систему контроля прав Главы администрации Аомэньского Особого административного района] // «И го лян чжи» яньцзю. 2014. № 2. С. 66—70 (на кит. яз.).

⁴¹ Кокарев К.А. Политический механизм особых автономий Китая. М.: ИДВ РАН, 2004. С. 108.

⁴² Русскоязычный перевод см.: Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 127 (пер. Д.А. Смирнова).

⁴³ Русскоязычный перевод см.: Стратегия объединения Китая: Аомэнь. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 58—65 (пер. П.В. Трошинского).

⁴⁴ Русскоязычный перевод см.: Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 1999. С. 28—31 (пер. Л.М. Гудошников).

⁴⁵ Русскоязычный перевод см.: Стратегия объединения Китая: Аомэнь. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 65—74 (пер. П.В. Трошинского).

⁴⁶ Жэньминь жибао. 11.11.1999 (на кит. яз.).

⁴⁷ URL: <http://cdmd.cnki.com.cn/Article/CDMD-10385-2010039303.htm> (дата доступа - 15.02.2016) (на кит.яз.).

⁴⁸ Формирование статуса Аомэньского особого административного района. Нормативные акты КНР. Экспресс-информация. Выпуск № 4. М.: ИДВ РАН, 1993. С. 12.

⁴⁹ Подр. об истории Китайской Республики на Тайване см.: История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. акад. С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2013. Т. X: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова; сост. Т.Г. Герасимова. 2014. С. 24—127.

⁵⁰ Гудошников Л.М., Степанова Г.А. О политических институтах Тайваня // Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978—2005 / рук. авт. колл. Л.М. Гудошников. М.: Русская панорама, 2007. С. 189.

⁵¹ Островский А.В. Тайвань накануне XXI века. М.: Восточная литература, 1999. С. 29.

⁵² Целесообразность пересмотра Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2758. Программный документ по вопросу участия Китайской Республики (Тайвань) в деятельности ООН. М.: МК-Сервис, 1997. С.IV.

⁵³ Ли Эрбин. Выбор Китаем внешнеполитической стратегии на начало 21 века // Китай: проблемы внешней и военной политики. Экспресс-информация. № 11. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 33.

⁵⁴ Инако Цунэо. Право и политика современного Китая. 1949—1975 гг. // под ред. Л.М. Гудошников и В.И. Прокопова. М.: Прогресс, 1978. С. 24.

⁵⁵ См.: 最新綜合六法全書 (2015年9月版) (Цзуй синь цзун хэ лю фа цюань шу) : [Новейшее собрание Полной книги шести законов]. Сентября 2015. Тайбэй: Саньминь чубаньшэ, 2015 (на традиционном кит. яз.).

⁵⁶ URL: <http://law.moj.gov.tw/LawClass/LawAll.aspx?PCode=A0030133> (дата обращения — 15.02.2016) (на кит. яз.). На данном сайте размещены тексты большинства ранее принятых и действующих актов правотворчества Тайваня.

⁵⁷ Русскоязычный перевод Основного закона Тайваня по состоянию на конец 1990-х годов см.: Конституция Китайской Республики. Правительственное информационное бюро Китайской Республики. 1998. М.: МК-Сервис. Перевод выполнен к.полит.н. В.П. Поляковым. Редакция Гудошников Л.М.

⁵⁸ Гудошников Л.М. Модификация конституционного статуса Национального собрания на Тайване // Проблемы модернизации Тайваня. Материалы научной конференции 8 декабря 2000 г., г. Москва / сост. А.Г. Ларин. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 98.

⁵⁹ Степанова Г.А. Модернизация партийной системы на Тайване // Проблемы модернизации Тайваня. Материалы научной конференции 8 декабря 2000 г., г. Москва / сост. А.Г. Ларин. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 120.

⁶⁰ Гудошников Л.М., Степанова Г.А. Многопартийность на Тайване // Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в 80-е — 90-е гг. XX века. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 118.

⁶¹ Законодательное регулирование собраний и демонстраций // Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. Выпуск 1 (10) / сост.: Л.М. Гудошников, А.Г. Ларин, Э.О. Батчаев. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 78.

⁶² Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Политическая система Тайваня. 2-е изд. М.: КОМАРМ, 1999. С. 7.

⁶³ Чжун Оскар. Торжествует ли правосудие? // Свободный Китай. 1998. № 5. С. 44.

⁶⁴ Хуан Яюань. Конституционная реформа КР // Доклады конференции в Институте стран Азии и Африки «Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона». М.: ИСАА МГУ, 1997. С. 81.

⁶⁵ Батчаев Э.О. Правовое регулирование деятельности политических партий на Тайване / под ред. Л.М. Гудошников. М.: Россельхозакадемия, 2003. С. 28.

⁶⁶ Подр. см.: Ван Инлюй. 台湾地区政治体制分析 (Тайвань дишюй чжэнчжи тичжи фэньси) : [Анализ политической системы тайваньского региона]. Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2010 (на кит. яз.).

⁶⁷ Кобзев А.И. Методологические особенности классической китайской философии и категория «пять элементов» // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. Ч.1. М.: Наука, 1986. С. 57—76.

⁶⁸ Сунь Ятсен: Избранные произведения / отв. ред.: С. Л. Тихвинский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1985.

⁶⁹ Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М.: Институт философии РАН, 1998. С. 29—30.

⁷⁰ Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши. М.: Муравей, 2000.

⁷¹ Ларин А. Г. Два президента, или Путь Тайваня к демократии. М.: Academia, 2000.

⁷² Овчинников В. Чан Кайши живет всех живых. И это не мешает Тайваню быть богаче многих других // Российская газета. 17.10.1998.

⁷³ Реформа финансового законодательства // Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. Выпуск 4 (13). М.: ИДВ РАН, 2002. С. 57.

⁷⁴ Поляков В.П. Конституционные инициативы Чэнь Шуйбэня // Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. Выпуск 8 (17). М.: ИДВ РАН, 2005. С. 42.

⁷⁵ История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. акад. С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2013. Т. X: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова; сост. Т.Г. Герасимова. 2014. С. 142.

⁷⁶ Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Организация правосудия и конституционного контроля на Тайване // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 68.

⁷⁷ Опалев Ю.М. Конституционный контроль на Тайване. Дисс. ... канд.юр.наук. М., 2007. С. 108.

⁷⁸ Гудошников Л.М. Новая ревизия конституции на Тайване / Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6. С. 50.

⁷⁹ См.: Уголовный кодекс Китайской Республики. Распубликован Националистическим правительством в марте 17 г. Китайской Республики и введен в действие тем же правительством в июле того же года, а в Особом Районе Восточных Провинций 7 января 18 г. Китайской Республики (1929 г.): Пер. с кит / под ред. Е.С. Павликовского. Пер.: Пэн Ко-Ци, Чжао Дэ-Сюань. Харбин: Отд. Тип. Кит. Вост. жел. дор., 1929.

⁸⁰ См.: Гражданский кодекс Китайской республики. Пер. с кит. М.: Международная книга, 1948.

⁸¹ Подр. см.: Мозиас П.М. Финансовая реформа на Тайване // Общество и государство в Китае: XXXIV научная конференция / Ин-т востоковедения; сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. М.: Вост. лит., 2004. С. 161—170.

⁸² Иванова Н.И. В Министерстве юстиции Тайваня продолжаются активные реформы // Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. Выпуск 5 (14) / сост. Л.М. Гудошников, А.Г. Ларин. М.: ИДВ РАН, 2002. С. 49.

⁸³ Борьба с коррупцией продолжается // Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. Выпуск 4 (13). Сост. Л.М. Гудошников, А.Г. Ларин. М.: ИДВ РАН, 2002. С. 87.

⁸⁴ Окно возможностей. Тайвань стремится обеспечить дальнейший рост экономики посредством дерегуляционных мер, предусмотренных проектом создания пилотных свободных экономических зон // Тайваньская панорама. 2014. № 4. С. 14—19.

Заключение

Завершая настоящее исследование, подчеркнем, что правовая система современного Китая принадлежит к самостоятельному уникальному типу, представляя собой самобытное явление в ряду всех существующих правовых систем мира. Она включает в себя характерные черты права стран социалистической системы, традиционные взгляды китайцев на место закона в жизни общества (конфуцианство, легизм), особенности англосаксонской (Гонконг) и романо-германской правовых семей (Макао), имплементированные в национальное законодательство с учетом оговорки некоторые принципы, нормы международного права. Правовая система КНР выступает классическим образцом «смешанных юрисдикций» («гибридный тип»). Этот «правовой эклектизм» живет по вполне ясным законам, успешно функционирует и являет пример вполне комфортного сосуществования принципиально различных «семей права» в одном государстве.

Фундамент правовой системы КНР закладывался советской юридической наукой. Законодательство китайских советских районов, первая китайская Конституция, первые законы КНР — все разрабатывалось и принималось при непосредственном участии советских специалистов. Происходила прямая рецепция советского права китайскими властями. Влияние советского права на правовую систему Нового Китая настолько значительно, что оно сохраняет актуальность и в современных условиях развития китайской государственности. Отечественным исследователям близка используемая китайским законодателем юридическая техника при формулировании правовой нормы, тексты актов правотворчества КНР содержат известные нам институты и понятия.

Правовой системе современного Китая присущ целый ряд уникальных особенностей, отличающих ее от аналогичных систем других государств мира. Это небольшое количество законов, отсутствие некоторых важных кодифицированных актов правотворчества: Гражданского, Административного и Налогового кодексов, развитое подзаконное, местное правотворчество, регулирование существующих в государстве общественных отношений на трех уровнях, на одном из которых нахо-

дятся партийные программы и директивы. Несомненный интерес представляет опыт китайского государства в сфере использования экспериментального порядка действия нормативных правовых актов. В КНР он зарекомендовал себя с положительной стороны и продолжает активно применяться законодателем. Китайские власти руководствуются древней пословицей «Переходить реку, нащупывая камни» (摸着石头过河), что означает призыв действовать с предельной аккуратностью и осторожностью в ходе принятия актов правотворчества.

Оправданным с практической точки зрения видится неспешный подход к принятию законов в КНР. Их малое количество в правовой системе свидетельствует о большой осторожности китайских властей. Законодатель предпочитает не спешить с принятием трудноизменяемых законов и кодексов, считая возможным подменять их разрозненными локальными актами для оперативного регулирования возникающих вопросов. Вместе с этим в КНР существует проблема «подзаконной инфляции», когда одна проблема регулируется множеством разрозненных актов правотворчества, положения которых зачастую противоречат друг другу. Для поиска необходимой для решения задачи нормы специалистам требуется анализ большого количества документов, доступ к которым может быть частично ограничен по причине их секретности. Все это препятствует успешной защите своих интересов со стороны субъектов права, для правоприменителя созданы максимально благоприятные условия по использованию действующего законодательства по своему усмотрению.

Исследование права современного Китая невозможно в отрыве от понимания основ марксистско-ленинской идеологии и происходящих в государстве политических процессов. Одной из главных особенностей правовой системы КНР является определяющее влияние Коммунистической партии Китая на формирование принимаемого в государстве законодательства. Современный Китай представляет собой партократическое государство, в котором присутствует фактическая принадлежность власти центральным и местным органам правящей партии. Решения КПК определяют вектор развития законов, закладывают основу правового строительства в КНР. Деятельность партии в сфере правового регулирования общественных отношений носит характер прямого вмешательства в юридическую сферу под лозунгом «руководства и направления» законодательного развития страны.

В основе формирования и развития китайского права лежат древние исторические традиции, обычаи и нравственные категории, оп-

ределяющие фундаментальные сущностные характеристики отношения китайца к закону. Правовая система Китая, правовая культура и правосознание его граждан сформированы под глубоким влиянием нравственного учения великого Конфуция и политико-правового учения легистов. Конфуций настаивал на необходимости управления государством при помощи морали. Легисты придерживались противоположной позиции: в основу регулирования общественных отношений ими ставился закон в самом позитивистском его понимании. С течением времени в законодательстве Древнего Китая произошла синергия этих двух противоположных концепций: высокие принципы конфуцианской морали стали требовать от члена общества руководствоваться в своей жизни нравственными ориентирами, а жестокие законы карали за их нарушение. Выраженные в нормах «ли» конфуцианские «заповеди» плавно перетекали в правовые нормы «фа». При этом нормы «ли» принимались всем китайским обществом в различные периоды его развития.

Китайский гражданин в большинстве случаев ассоциирует право и закон с юридической ответственностью, стержнем которой выступает ответственность уголовная. Азиатской цивилизации в целом всегда была характерна жесткая законодательная политика в сфере борьбы с противоправными явлениями. В Китае широко известна древняя поговорка: «Бить по траве, чтобы вспугнуть змею» (打草惊蛇). Согласно ей наказание, пусть и жестокое, одного лица выступает в качестве «битья по траве», в результате которого многочисленные преступные элементы — «вспугнутые змеи» отвращаются от преступления. Не случайно, что в Китае было распространено публичное приведение в исполнение смертных приговоров при стечении большого количества людей. Таким способом правоохранитель предупреждал потенциальных преступников о суровости наказания за нарушение действующих уголовно-правовых предписаний. Широким применением наказания власти китайского государства стараются удерживать население в рамках существующих законов.

После возвращения под суверенитет КНР бывших колоний — британской Гонконг и португальской Макао, произошла реализация на практике политико-правовой концепции «одно государство — две системы» (一国两制), первоначально выдвинутой китайским лидером Дэн Сяопином для разрешения «тайваньской проблемы». Гонконг и Макао, превратившись в Сянганский и Аомэньский особые административные районы КНР, не восприняли социалистическую систему континен-

тального Китая, его институты и механизмы управления. Обладая «широкой автономией», власти СОАР и АОАР продолжили проводить собственную политику по отношению к вверенным им в управлении территориям.

В связи с этим у сторонних наблюдателей сложилось впечатление, что ни политическая, ни правовая системы после возвращения Гонконга и Макао в «клоно Родины» не претерпели существенных изменений. Это ошибочное мнение. В политическом и правовом плане произошли существенные изменения. Главы администраций Сянган (Гонконга) и Аомэня (Макао) стали полностью зависимы от центральных властей, их утверждение на должность осуществляется Центральным народным правительством КНР. Оно же ведает всеми внешнеполитическими делами и обороной Особых административных районов. В Гонконге и Макао дислоцируется гарнизон в количестве нескольких тысяч хорошо обученных военнослужащих из числа жителей континентального Китая, которые не подпадают под юрисдикцию местного законодательства. В случае необходимости защиты единства КНР оснащенный по последнему слову техники гарнизон в любой момент по приказу из Пекина вступит в бой, защищая интересы государства. Свобода Гонконга и Макао от влияния центральной власти призрачна. Не может идти речи и о федеративности (конфедеративности) характера отношений между ними и Пекином. КНР — унитарное государство с жесткой системой управления, руководимое Коммунистической партией Китая.

Особая неповторимая специфика свойственна правовой системе Китайской Республики на Тайване, которая воплотила в себе правовые традиции Древнего Китая, сохранив национальный дух китайского права. На ее формирование оказали влияние западные правовые системы, в результате чего ее можно отнести к романо-германской правовой семье с некоторыми элементами англосаксонского права. Уникальность тайваньского законодательства проявляется через используемый правотворцем язык, который, в отличие от континентального Китая, выражается в полных (традиционных) иероглифах, сохранивших заключенный в них изначально смысл. Законам Тайваня характерен высокий уровень юридической техники, четкость содержания изложенной нормы, отсутствие идеологических надстроечных формулировок. Многие действующие на Тайване законы (в особенности органические) приняты практически столетие назад, и хотя с течением времени в них были внесены

необходимые изменения, они все же сохранили свою самобытную специфику.

Представленная на суд читателя работа не претендует на исчерпывающее исследование поднятой в ней проблематики. Правовая система Китая, его традиционное право и действующее законодательство, правовая культура, правосознание китайского гражданина требует более комплексного изучения со стороны отечественной юридической и синологической наук. По мере углубления российско-китайских отношений стратегического сотрудничества и партнерства, усиления межгосударственных контактов, роста числа двусторонних проектов отечественным ученым необходимо интенсифицировать исследования в области права Китая, которые должны быть выведены на более высокий уровень.

Правовая система Китая постоянно совершенствуется и реформируется, происходит оперативное изменение действующего законодательства, повышается уровень юридической грамотности населения. Предпринимаемые правотворцем меры направлены на противодействие новым вызовам и угрозам, представляющим серьезную опасность для китайской государственности. В этом аспекте опыт Китая чрезвычайно важен для нас, его можно активно использовать в теоретической и практической деятельности российскими специалистами.

Уникальность, самобытность правовой системы Китая проявляется во всех ее составных элементах. Она обладает тысячелетней историей, до конца еще не изученной даже самой китайской юридической наукой. Автор выражает надежду на то, что настоящая работа послужит основой для дальнейшего комплексного исследования права, законодательства Китая, правовой культуры и правосознания его граждан, особенностей правоприменения в китайском регионе. Для этого в России существует огромный интеллектуальный потенциал, по своей силе не уступающий западным и азиатским юридическим школам.

Автор с благодарностью примет любые конструктивные предложения и замечания по содержанию представленной монографии по электронной почте: troshc@mail.ru

Список литературы

На русском языке

Алабастер Ч. Заметки и комментарии на китайское уголовное право. Составленные по материалам, собранным сэром Чалонер Алабастером, бывшим генеральным консулом в Китае: Пер. с англ. А.Д. Дабовского. Владивосток: Паровая типо-лит. Газ. Дальний Восток, 1903.

Александрова М.В. Закрытие «большого рынка», или уход от «серых таможенных схем» // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4.

Александрова М.В. Политика возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3.

Александрова М.В. Четверть века торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР (на примере провинции Хэйлуцзян) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6.

Александрова М.В. Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь КНР в 50-х годах XX века // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 18.

Алексеев В.М. В старом Китае. Дневники путешествий. 1907 г. М.: Восточная литература, 1958.

Алексеев В.М. Наука о Востоке. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

Антонов В.И. (совместно с Гудошниковым Л.М. и Шитовым А.В.). Административное право и административный процесс // Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978—2005 / рук. авт. колл. Л.М. Гудошников. М.: Русская панорама, 2007.

Арбитражная реформа в КНР // Новое законодательство КНР. Информационные материалы. Выпуск 3. Часть II. М.: ИДВ РАН, 1995.

Архив российской китаистики / Ин-т востоковедения РАН. Т.1 / сост. А.И. Кобзев; отв. ред. А.Р. Вяткин. М.: Наука — Вост. лит., 2013.

Афанасьева И.М. Интегрированная модель политического взаимовлияния в континентальном Китае и административном районе Сянган // Политика и Общество. 2013. № 3.

Афанасьева И.М. Эволюция политической системы Сянгана: от британских традиций к глобальной модели анклавного развития // Право и политика. 2013. № 3.

Афоница Л.А., Петровский Д.И. Органы государственно-партийного регулирования религиозной сферы в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1.

Афоница Л.А. Формирование и принципиальные моменты нормативно-правового регулирования религиозной сферы в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 6.

Ахметшин Н.Х. История уголовного права КНР. М.: МЗ Пресс, 2005.

Ахметшин Н.Х. Поднебесная — судьба моя. Книга памяти. М.: Вече, 2009.

- Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. М.: Муравей, 2000.
- Ахметшин Н.Х. Уголовное законодательство Китая в XX веке // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3.
- Ахметшин Х.М. Уголовный кодекс КНР. Лекция. М.: Военный Краснознаменный институт, 1981.
- Бевеликова Н.М. БРИКС: правовые особенности развития // Журнал российского права. 2015. № 8.
- Бевеликова Н.М. Законодательство Китайской Народной Республики в сравнительно-правовом измерении // Законодательство и экономика. 2012. № 4.
- Бевеликова Н.М. Право в Китае. Элиста: Джангар, 2011.
- Бевеликова Н.М. Правовая культура стран Восточной Азии: конфуцианские основы разрешения споров // Третейский суд. 2014. № 6.
- Бевеликова Н.М. Решение экологических проблем в Китае: правовые аспекты // Право и экология. Материалы VIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов «Право и Экология». М.: ИЗиСП, 2014.
- Белюсов С.Р. Китайская версия «государственного социализма». М.: «Наука», 1989.
- Беляков А.В. Борьба с коррупцией и организованной преступностью в КНР в период реформ и открытости (1978—2005). Дисс. ...канд. истор. наук. М., 2006.
- Беседы и суждения Конфуция: пер. с кит. СПб.: Кристалл, 1999.
- Бирюлин Е.В. Новое законодательство КНР. Проблемы экологии. М.: ИДВ РАН, 2010.
- Бирюлин Е.В. Политика защиты лесных ресурсов и лесоохранное законодательство КНР // Реформы и право. 2012. № 1.
- Бирюлин Е.В. Практические меры и законодательство по борьбе с накоплениями твердых отходов: опыт Китая // Реформы и право. 2010. № 1.
- Бирюлин Е.В., Кранина Е.И. Экологические проблемы в КНР: опыт правового регулирования». М.: «Огни», 2005.
- Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002.
- Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. Сочинение монаха Иакинфа в четырёх частях. СПб., 1848.
- Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Сочинение монаха Иакинфа. СПб., 1840.
- Боботов С.В., Гаврилов Э.П., Лукьянов А.И. Обобщение масс в законодательной деятельности в Китайской Народной Республике // Советское государство и право. № 5.
- Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. М.: Советская энциклопедия, 1957. Том 50.
- Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945—1970. Краткий очерк. М.: Мысль, 1971.
- Борьба с коррупцией продолжается // Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. Выпуск 4 (13) / сост. Л.М. Гудошников, А.Г. Ларин. М.: ИДВ РАН, 2002.

- Бородич В.Ф. О понятии «Основы государственной политики и управления» // *Власть*. 2013. № 3.
- Бородич В., Виноградов А., Трошинский П. 1-я сессия ВСНП 12-го созыва и новая административная реформа в Китае // *Проблемы Дальнего Востока*. 2013. № 3.
- Босев К. Острова живых драконов: Повесть о Гонконге и Макао. Пер. с болг. М.: Политиздат, 1982.
- Ботчаев Э.О. Правовое регулирование деятельности политических партий на Тайване / под ред. Л.М. Гудошникова. М.: Россельхозакадемия, 2003.
- Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М.: Институт философии РАН, 1998.
- Ван Лэй. Злоупотребление служебными автомобилями // *Ежемесячный журнал Китай*. 2011. № 5.
- Ван Лэй. Кто виноват в «молочном инциденте» // *Ежемесячный журнал Китай*. 2009. № 2.
- Ван Чжихуа. Влияние советского права на право КНР // *Государство и право*. 2010. № 4.
- Ван Шуньшэн. Партийная система современного Китая //: *Проблемы развития государства и общества в России и Китае после 1990 года. Материалы российско-китайского симпозиума*. М.: МГЮА, 2006.
- Ванин В.И. Государственный капитализм в КНР. М.: Наука, 1974.
- Варавенко В.Е. Общее и особенное в формировании современного гражданского права России и Китая (сравнительно-правовой анализ) // *Вестник ХГАЭП*. 2010. № 4.
- Варавенко В.Е. Правовые системы Китая // *Основы права Китайской Народной Республики: курс лекций* / под общ. ред. С.Ф. Литвиновой. Владивосток: ВГУЭС, 2010.
- Варламова Н.В. Сравнительно правоведение: современные методологические подходы // *Общественные науки и современность*. 2014. № 2.
- Варламова Н.В. Право и мораль в системе социального регулирования // *Государство и право*. 2005. № 9.
- Виноградов А.В. Власть, бизнес и коррупция в Китае // *Проблемы Дальнего Востока*. № 1. 2014.
- Виноградов А.В. Изучение моделей развития Китая в России в 1990-е годы // *Проблемы Дальнего Востока*. 2013. № 2.
- Виноградов А.В. Дискуссия о марксизме // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл.ред. М.Л. Титаренко; ИДВ РАН. Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. Разд. Историческая мысль в XX — начале XXI в. / ред. М.Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2009.*
- Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942—1945. М.: Издательство Агентства печати Новости, 1974.
- Воеводин Л.Д. Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956.
- Воеводин Л.Д. О разрешении национального вопроса в государственном строительстве Китайской Народной Республики // *Советское государство и право*. 1953. № 6.

Всестороннее углубление реформ. Си Цзиньпин. Сборник высказываний, подготовленный Центром по изучению партийных документов при ЦК КПК / Перевод выполнен Бюро переводов при ЦК КПК. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014.

Галенович Ю.М. Из истории политической борьбы в КПК (1966—1969 гг.). М.: ИДВ РАН, 1988.

Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши. М.: Муравей, 2000.

Гельфер М.А. Уголовное законодательство Китайской Народной Республики (Учебное пособие для студентов ВЮЗИ). М.: ВЮЗИ, 1955.

Гильчер М.Э. К вопросу о применении советских законов в китайских судах // Вестник Маньчжурии. 1925. № 8—10;

Гильчер М.Э. Очерки китайского акционерного права // Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1925. Том I.

Гинс Г.К. Очерки торгового права Китая. Вып.1. Торговое товарищество. Харбин, 1930.

Гинс Г.К. Свобода и принуждение в гражданском кодексе Маньчжу-Ди-Го. Харбин, 1938.

Гинс Г.К. Список профессоров, преподавателей и лекторов Юридического Факультета и их печатные труды за время существования Факультета (1 марта 1920 г. — 1 июля 1931 г.) // Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1931. Т.9.

Гонконг (Сянган). Справочник. М.: ИДВ РАН, «Огни», 2004.

Гонконг до и после 1 июля 1997 года: Одно государство — два строя. М.: Палея, 1997.

Государственный строй Китайской Народной Республики / отв. ред. Л.М. Гудошников. М.: Наука, 1988.

Гражданский кодекс Китайской республики: пер. с кит. М.: Международная книга, 1948.

Гражданский процессуальный кодекс КНР: пер. с кит. П.В. Бажанова / под ред. С.А. Халатова. Инфотропик-Медиа, 2014.

Гудошников Л.М. Административная реформа в КНР // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР. Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 16—18 октября 2013 г. М.: ИДВ РАН, 2013.

Гудошников Л.М. Административное право Китайской Народной Республики // Публично-правовые исследования. 2006. Том 1.

Гудошников Л.М. Антинародная конституционная декларация маоистов // Советское государство и право. 1976. № 2.

Гудошников Л.М. Аомэнь накануне воссоединения с Китаем (политико-юридические вопросы) // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1.

Гудошников Л.М. Великодержавный шовинизм руководства КНР в вопросах национально-государственного строительства // Советское государство и право. 1973. № 9.

Гудошников Л.М. Всекитайское собрание народных представителей // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. ИДВ РАН. Том 4. Историче-

ская мысль. Политическая и правовая культура. Разд.: Политическая культура новейшего времени / ред. М.Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2009.

Гудошников Л.М. Высшие органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики / отв. ред. А.Е. Лунев. Академия наук СССР; Институт права им. А.Я. Вышинского. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.

Гудошников Л.М. Государственный строй Цейлона. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961.

Гудошников Л.М. Две конституции Китайской Народной Республики // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 2.

Гудошников Л.М. Из истории правовой системы КНР // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008.

Гудошников Л.М. Конституция КНР 1978 г. и начало правосознательного процесса в Китае // Публично-правовые исследования. 2008. № 3.

Гудошников Л.М. Конституция Китайской Народной Республики в процессе исторических перемен и реформ (К двадцатой годовщине принятия действующей Конституции КНР) // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3.

Гудошников Л.М. Локализация правовых систем в особых административных районах Китая // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М.Л. Титаренко / гл. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

Гудошников Л.М. Местные органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики / отв. ред. А.Е. Лунев. М.: Академия наук СССР; Институт права им. А.Я. Вышинского. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958.

Гудошников Л.М. Модификация конституционного статуса Национального собрания на Тайване // Проблемы модернизации Тайваня. Материалы научной конференции 8 декабря 2000 г., г. Москва / сост. А.Г. Ларин. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

Гудошников Л.М. Новая Конституция Пакистана // Советское государство и право. 1962. № 10.

Гудошников Л.М. Новая ревизия конституции на Тайване // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6.

Гудошников Л.М. О состоянии и задачах изучения права КНР // Проблемы советского китаеведения (Сборник докладов Всесоюзной научной конференции китаеведов, состоявшейся в ноябре 1971 года). М.: ИДВ РАН, 1973.

Гудошников Л.М. О статусе Председателя Китайской Народной Республики // Публично-правовые исследования. 2007. Том 2.

Гудошников Л.М. Образование Сянганского особого административного района // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. акад. С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2013. Т. X: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова; сост. Т.Г. Герасимова. 2014.

Гудошников Л.М. Перестройка управления народным хозяйством в Корейской Народно-Демократической Республике // Советское государство и право. 1961. № 3.

Гудошников Л.М. Политический механизм Китайской Народной Республики. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

Гудошников Л.М. Правовая система Гонконга (Сянган) в настоящем и будущем // КНР — 1991: внутреннее положение. Информационный бюллетень. № 2. 1993. М.: ИДВ РАН, 1993.

Гудошников Л.М. Предисловие // Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 1999.

Гудошников Л.М. [при участии Бирюлина Е.В., Пашенко Е.Г., Шитова А.В.]. Предисловие к сборнику: Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация. № 2. М.: ИДВ РАН, 2009.

Гудошников Л.М. Произвол и насилие — основа политики маоистов (О попрании права и законности в КНР в годы «большого скачка» и «культурной революции») // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 3.

Гудошников Л.М. Развитие Конституции КНР // Проблемы развития государства и общества в России и Китае после 1990 года. Материалы российско-китайского симпозиума. М.: МГЮА, 2006.

Гудошников Л.М. Реформирование системы государственного управления в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 4.

Гудошников Л.М. Современное китайское право: состояние и вопросы изучения // Основные итоги и задачи советского китаеведения. Сборник докладов второй всесоюзной конференции китаеведов. 25—27 января 1982 г. М.: ИДВ РАН, 1983.

Гудошников Л.М. Становление и модернизация правовых институтов // Китай на пути модернизации и реформ. 1949—1999. М.: Восточная литература РАН, 1999.

Гудошников Л.М. Судебная организация Китайской Народной Республики. Дисс. ... канд. юр. наук. М., 1953.

Гудошников Л.М. Судебная система Демократической Республики Вьетнам // Советская юстиция. 1971. № 24.

Гудошников Л.М. Судебные органы Китайской Народной Республики / Академия наук СССР. Институт права им. А.Я. Вышинского. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957.

Гудошников Л.М. Третья конституция КНР // Советское государство и право. 1979. № 1.

Гудошников Л.М. Четвертая ревизия конституции на Тайване // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3.

Гудошников Л.М. Эволюция государственного строя Китайской Народной Республики (становление, развитие и деформация системы государственных органов). Дисс. ... доктора юр. наук. М., 1971.

Гудошников Л.М. Эволюция местного управления Японии // Советское государство и право. 1968. № 3.

Гудошников Л.М. Эволюция политических институтов Китая во второй половине XX и начале XXI вв // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А.Д. Воскресенского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Организация правосудия и конституционного контроля на Тайване // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5.

Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Политическая система Тайваня. 2-е изд., доп. М.: КОМАРМ, 1999.

Гудошников Л., Кокарев К. Развитие (к юбилею профессора Сунь Гохуа) // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 6.

Гудошников Л.М. Пашенко Е.Г. Административное право Китайской Народной Республики // Административное право зарубежных стран. Учебное пособие. М.: СПАРК, 1996.

Гудошников Л.М., Пашенко Е.Г. Первая систематизация гражданского права КНР // Советское государство и право. 1988. № 2.

Гудошников Л.М., Поляков В.П. Развитие конституционного права Китайской Народной Республики (1988—2004 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4.

Гудошников Л.М., Степанова Г.А. Возвращение Макао (Аомэня) // Стратегия объединения Китая: Аомэнь. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 2000.

Гудошников Л.М., Степанова Г.А. Многопартийность на Тайване // Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в 80-е — 90-е годы XX века. М.: ИДВ РАН, 2001.

Гудошников Л.М., Степанова Г.А. О политических институтах Тайваня // Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978—2005 / рук. авт. колл. Л.М. Гудошников. М.: Русская панорама, 2007.

Гудошников Л., Трошинский П. Китайский исследователь Ван Чжичэн об истории шанхайской ветви русской эмиграции // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4.

Гудошников Л.М., Яковлев М.А. Обновление законодательства КНР о политико-юридических органах // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1.

Гудошников М.А. Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Подготовлена к печати Комиссией по литературному наследию М.А. Гудошникова под председательством д.и.н., проф. В.И. Дулова. Иркутск: Иркутское книжное издание, 1959.

Диченко А.А. Борьба с незаконным оборотом наркотиков в КНР: история, современность, международный аспект // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2.

Доклад на 14 Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая // Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность. Статьи и выступления. М.: Палей, 1996.

Доклад Ху Цзиньтао на открытии XVIII съезда КПК. XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8—14 ноября 2012 г.). Экспресс-информация. № 7. М.: ИДВ РАН, 2012.

Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. М.: Муравей, 2003.

Делюсин Л. П. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» в КНР (1973—1975 годы). М., 2004.

Доклад Ху Цзиньтао на открытии XVIII съезда КПК. XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8—14 ноября 2012 г.). Экспресс-информация. № 7. М.: ИДВ РАН, 2012.

Дробышевский В.С. Право и политика современного Китая: проблемы взаимодетерминации // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: философия, социология, культурология, социальная работа. 2009. № 4.

Дудин П.Н. Образовательный процесс на юридическом факультете Харбина // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 3.

Дудин П.Н. Русское право и русская правовая мысль на страницах маньчжурской прессы // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Т. 2. № 2.

Дэн Сяопин. Соображения относительно мирного объединения континентальной части Китая и Тайваня // Дэн Сяопин. О строительстве специфически китайского социализма. Бэйцзин: Издательство литературы на иностранных языках, 1985.

Дэн Сяопин. «Одно государство — два строя» // Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая: пер. с кит. М.: Политиздат, 1988.

Егоров К.А. Государственный аппарат КНР. 1967—1981. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1982.

Егоров К.А. Государственный механизм военно-бюрократической диктатуры в Китае: Основные государственные институты. Дисс. ... канд. юр. наук. М., 1974.

Егоров К.А. Эволюция политической системы Китайской Народной Республики и политическая динамика (1980-е — начало 1990-х годов). Дисс. ... доктора юр. наук. М., 1992.

Егоров К.А. Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (1980-е годы). М.: Наука, 1993.

Егоров К.А. О политико-правовом содержании концепции «одно государство, две системы» в КНР // Доклады и сообщения XII ежегодной конференции «Актуальные вопросы политической системы и внутриполитического положения Китайской Народной Республики». 26 декабря 1985 г. М.: ИДВ РАН.

Егоров К.А. Представительная система Китая: История и современность / под ред. и с пред. Л.М. Гудошников. М.: Спарк, 1998.

Ежемесячный журнал Китай. 2013. № 2.

Ельцов В.Н. Правовой эксперимент в современной России: Проблемы эффективности. Автореф. дисс. ...канд. юр. наук. Тамбов, 2009.

Ефимов Г.В. Идея модернизации в истории политических и правовых учений Китая. Дисс. ...канд. юр. наук. М., 2005.

Желуховцев А. «Культурная революция» с близкого расстояния (Записки очевидца). М.: Политическая литература, 1973.

Законодательные акты Китайской Народной Республики. Пер. с кит. / под ред. Е.Ф. Ковалева. М.: Издательство иностранной литературы, 1952.

Захарова М.В. История развития идей сравнительного правоведения // Lex Russica. 2011. № 2.

Захарова М.В. Категория «правовая система» в теоретико-компаративном знании России и зарубежных стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 6.

Иванова Н.И. В Министерстве юстиции Тайваня продолжают активные реформы // Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. Выпуск 5 (14) / сост. Л.М. Гудошников, А.Г. Ларин. М.: ИДВ РАН, 2002.

Игнатенко Г.В. Всекитайское собрание народных представителей — верховный орган государственной власти Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1957. № 2.

Игнатенко Г.В. Система представительных органов Китайской Народной Республики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959.

Известия юридического факультета. Харбин, 1925. Т.1.

Имамов Э.З. К характеристике правосознания и права Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1988. № 4.

Имамов Э.З. Основные тенденции формирования и развития уголовного права Китайской Народной Республики. Дисс. ... доктора юр. наук. М., 1992.

Имамов Э.З. Понятие преступления по уголовному праву Китайской Народной Республики. Дисс. ... кандидата юр. наук. М., 1984.

Имамов Э.З. Реформа хозяйственного механизма и уголовное право в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 4.

Имамов Э.З. Современное китайское право // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3.

Имамов Э.З. Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретически вопросы Общей части / под ред. Л.М. Гудошников. М.: Наука, 1990.

Инако Цунэо. Право и политика современного Китая. 1949—1975 гг. / под ред. Л.М. Гудошников и В.И. Прокопова. М.: Прогресс, 1978.

Институт «Соучастия» в Китайском Уголовном праве (Из лекций по уголовному праву Китая) / А. Камков // Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1928. Том V.

Интеллектуальная собственность в Китае. Консалтинговая компания SBF Group. 2014.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. акад. С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2013. Т. X: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова; сост. Т.Г. Герасимова. 2014.

Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в 80-е — 90-е годы XX века / под ред. чл.-корр. РАН, проф. М.Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН, 2001.

Каменнов П.Б. Военная политика // Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура. К 65-летию КНР. М.: ИД «Форум», 2014.

Камков А.А. Очерки современного уголовного права Китайской Республики. М., 1932.

Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.

Кириллов Андрей. Китай: время перемен // Ежемесячный журнал Китай. № 12. Декабрь 2013.

Китай после «культурной революции»: (политическая система, внутривластное положение) / Л.М. Гудошников, Б.П. Барахта, В.Г. Карымов, Р.М. Неронов / М.: Мысль, 1979.

Китайская Народная Республика. Законодательные акты / под ред. Л.М. Гудошников. М.: Прогресс, 1989.

Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. пер. с кит. / под ред. Л.М. Гудошникова. М.: Прогресс, 1984.

Китайская республика. Законы, постановления // Гражданский кодекс Китайской республики / под ред. В.А. Рязановского. Харбин, 1934. Кн.4.

Китайские политологи об отношениях КНР с Россией и США (оценки и прогнозы). Экспресс-информация. № 3. М.: ИДВ РАН, 2010.

Книга правителя области Шан / пер., вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М.: Ладомир, 1993.

КНР. Конституция и законодательные акты / под ред. Л.М. Гудошникова. М.: Прогресс, 1984.

Кобзев А.И. Методологические особенности классической китайской философии и категория «пять элементов» // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. Ч.1. М.: Наука, 1986.

Ковалев Е.Ф. Аренда и арендные отношения в Китае. Очерк. М.: Госполитиздат, 1947.

Козлов В.С. Китай. Гражданское и уголовное законодательство. Справка об административном и судебном устройстве областей, входящих в состав Китайской империи, и о существующем в стране гражданском и уголовном законодательстве. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1899.

Кокарев К.А. Аомэнь (Макао). Глава 1. История. О чем рассказывают древние письмены // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. акад. С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2013. Т. X: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова; сост. Т.Г. Герасимова. 2014. С. 487.

Кокарев К.А. Политическая система Аомэня // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 1.

Кокарев К.А. Политический механизм особых автономий Китая. М.: ИДВ РАН, 2004.

Кокарев К.А. Политический механизм особых автономий Китая. М.: БФРГТЗ «Слов», 2004.

Кокарев К.А. Формирование политической системы сянганского особого административного района КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3.

Колесников К.А. Консолидация антинаркотического законодательства: опыт Китайской Народной Республики // Наркоконтроль. 2012. № 1.

Комиссина И.Н. Наркоситуация в Китае: последствия для России // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 1.

Конрад Н. И. Синология / Репринт с изд. 1977 г. М.: Ладомир, 1995.

Кондратьев Р.С., Грачев Л.А. Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Госюриздат, 1959.

Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть: учебник / рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А. Страшун. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2008.

Конституция Китайской Республики. Правительственное информационное бюро Китайской Республики. 1998. М.: МК-Сервис. (Перевод выполнен к.полит.н. В.П. Поляковым. Редакция Л.М. Гудошникова.)

Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики (1954—1958). Пер. с кит. / под ред. А.Г. Крымова и М.А. Шафира. М.: Иностранная литература, 1959.

Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики / под ред. Н.Г. Сударикова. М.: Иностранная литература, 1955.

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Пер. с кит. и коммент. А.И.Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии А.М. Майорова. М.: Восточная литература, 2004.

Корольков М.В. Земельное законодательство и контроль государства над землей в эпоху Чжаньго и в начале раннеимператорской эпохи (по данным вновь обнаруженных законодательных текстов. Дисс. ...канд.истор.наук. М., 2010.

Котов К.Ф. Местная национальная автономия в Китайской Народной Республике: на примере Синьцзян-Уйгурской автономной области. М. : Госюриздат, 1959.

Котов К.Ф. Строительство местной национальности автономии в Синьцзяне // Ученые записки: Изд-во Казах. ун-та, 1957. Вып. 4.

Кроль Ю. Л. Древнейшие в Китае законы о критике (Цинь — Западная Хань) // Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Выпуск 2. М., 1970.

Кроль Ю.А. Правовые воззрения легистов из трактата «Янь те лунь» (I в. до н. э.) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 16. СПб., 1995.

Кроль Ю.А. Правовые воззрения ханьских конфуцианцев (по материалам трактата «Янь те лунь») // XI научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Часть 1. М., 1980.

Крымов А.Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972.

Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия — 2050: стратегия соразвития. М.: ИДВ РАН, Институт экономических стратегий, 2006.

Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990.

Курц Б. Рецензия на кн.: [Энгельфельд В. В. Очерки государственного права Китая]. V. V. Engelfeld. Precis de droit constitutionnel chinois. Paris, Societe Anonyme Imprimerie de Navarre. [Харбин, 1925]. (Изв. юрид. Фак-та в г. Харбине, т. II.) // Новый Восток. 1927. № 18.

Кучера С. История, культура и право Древнего Китая: собрание трудов. М.: Наталис, 2012.

Кычанов Е.И. *Ли* и право // Этика и ритуал в традиционном Китае. Сборник статей. М.: Наука, 1988.

Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (7—13 вв.). М.: Наука, 1986.

Кычанов Е.И. Правовая культура древнего Китая. В разделе: Традиционное право // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. ИДВ РАН. М.: Вост. лит., 2006. Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко. 2009.

Лазарев В.В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. 2014. № 10.

Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышление теоретика) // LEX RUSSICA. 2013. № 2.

Лазарева Т.В. Закон об автономии как фактор развития Автономного района Внутренняя Монголия // Новые аспекты социально-политического развития КНР. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. Часть 1. М.: ИДВ РАН, 2015.

Лазарева Т.В. К вопросу проведения в жизнь «Закона КНР о районной национальной автономии» // КНР перед XVII съездом КПК (Материалы ежегодной конференции Центра современной истории и политики Китая). М.: ИДВ РАН, 2008.

Лазарева Т.В. Национальная политика КПК (на примере Тибета и Синьцзяна) // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012—2013. М.: ИД «Форум», 2013.

Лазарева Т.В. Развитие законодательной базы районной национальной автономии // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 5.

Ларин А. Г. Два президента, или Путь Тайваня к демократии. М.: Academia, 2000.

Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права: В 2 т. Том второй. М.: Статут, 2011.

Лафитский В.И. Универсальные законы развития права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 5.

Лафитский В.И. Юридическая наука: история и современность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 3.

Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Клувер, 2009.

Леониду Моисеевичу Гудошникову — 80 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1.

Леонтьев А.Л. Тайцинъ Гурунь и Ухери Коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства. (1781—1783. Т. 1—3). Санктпетербург: Императорская Академия Наук, 1781.

Ли Госян. Краткий анализ восьмой поправки к Уголовному кодексу КНР, отменяющей смертную казнь как меру наказания за 13 составов преступлений // Российский юридический журнал. 2011. № 4.

Ли Минян (Li Mingyang). Коллизионные проблемы в современном Китае. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2009.

Ли Эрбин. Выбор Китая внешнеполитической стратегии на начало 21 века // Китай: проблемы внешней и военной политики. Экспресс-информация. № 11. М.: ИДВ РАН, 2006.

Липовцов С.В. Уложение китайской палаты внешних сношений («Лифаньюань»). Т.1,2. СПб., 1828.

Литвинова С.Ф. Генезис международного права КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 6.

Литвинова С.Ф. Особенности правового регулирования применения коллизионных норм и применения иностранного права в КНР // *Международное публичное и частное право в КНР*. 2011. № 2.

Ло Хаочай. Мягкое право Китая. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2015.

Ло Хаочай. Очерки современного административного права Китая / Пер. с кит. д-ра эконом. наук А.В. Островского, канд. экон. наук В.В. Жигулевой, Б.Я. Надточено / под ред. канд. юр. наук, доцента А.А. Демина. М.: Книгодел, 2010.

Лузянин С.Г. Китай в системе глобальной и региональной безопасности // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. № 9. М.: ИДВ РАН, 2014.

Лун Чанхай. Тенденция развития уголовного права современного Китая и защита прав граждан // *Вестник ХГАЭП*. 2010. № 4—5.

Лунев А.Е. Некоторые вопросы права государственной социалистической собственности в Китайской Народной Республике // *Советское государство и право*. 1954. № 7.

Лунев А.Е. Правовое положение органов государственного управления Китайской Народной Республики. М., 1956.

Лю Шао-ци. О проекте Конституции Китайской Народной Республики // *Конституция Китайской Народной Республики*. Пекин, 1954. С. 46.

Лю Цзюнь Пин. Кодификация гражданского законодательства в Китайской Народной Республике. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2010.

Майоров В.М. Государственный аппарат // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. ИДВ РАН. М.: Вост. лит., 2006. Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. В разделе: Политическая культура традиционного Китая. / ред. М.Л. Титаренко*. 2009.

Макаров А.В. Коррупция: опыт успешной борьбы Китая и реальность современной России // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2012. № 3.

Макаров А.В. Условия развития приграничной территории путем регулирования местного законодательства на примере города Маньчжурия (КНР) // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2014. № 2.

МакГрегор Р. Партия: тайный мир коммунистических властителей Китая / пер. с англ. И. Судакевича. М.: Эксмо, 2011.

Максимов Д.А. Гражданский процесс // *Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978—2005 / рук. авт. колл. Л.М. Гудошников. М.: Русская панорама, 2007*.

Максимов Д.А. Гражданский процесс // *Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов / сост., ред. и авт. предисл. Л.М. Гудошников. М.: ИКД «Зерцало-М», 2004*.

Максимов Д.А. Идея правового государства в Китае в начале 20 века // *Китай, Россия, страны АТР и перспективы междивизиональных отношений в 21 веке. Тезисы докладов 12 Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы»*. (Москва, 25—27 сентября 2001 г.). Часть 2. М., 2001.

Максимов Д.А. Политико-правовая теория Шэнь Цзябяня // *Информационные материалы. Серия В. Выпуск 10—11. М.: ИДВ РАН, 2001*.

Максимов Д.А. Идея правового государства в Китае в начале XX века // *Китай, Россия, страны АТР и перспективы междивизиональных отношений в XXI веке. Тезисы*

докладов XII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 25—27 сентября 2001 г.). Ч.2. М.: ИДВ РАН, 2001.

Максимов Д.А. Политические и правовые учения в Китае в конце XIX — начале XX века. Дисс. ...канд. истор. наук. М., 2003.

Максимова О.О. Институт Председателя Китайской Народной Республики в политико-правовом развитии страны // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3.

Максимова О.О. Конституционно-правовой статус главы государства в Китае (история и современность). Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2012.

Максимова О.О. Расширение полномочий главы государства в Китае в свете создания Совета государственной безопасности КНР // 3-й Пленум ЦК КПК 18-го созыва: Новое руководство и стратегия реформ. Материалы ежегодной научной конференции. М.: ИДВ РАН, 2014.

Максимова О.О. Эволюция института главы государства в Китае в XX веке: конституционно-правовое исследование // Реформы и право. 2009. № 3. 2009.

Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М.: НП ИД «Русская панорама», 2007.

Манцуров А.Ю. Место и роль полиции в системе органов исполнительной власти Китайской Народной Республики // Проблемы экономики, организации и управления в России и мире. Материалы III международной научно-практической конференции (22 октября 2013 года) / отв. ред. Н.В. Уварина. Прага, Чешская республика: Изд-во WORLD PRESS s r.o., 2013.

Манцуров А.Ю. Национальная безопасность Китайской Народной Республики: административно-правовой аспект // Национальная безопасность / nota bene. 2015. № 1.

Манцуров А.Ю. Система обеспечения внутренней безопасности Китайской Народной Республики. Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2012.

Мао Цзэдун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. М.: Правда, 1957.

Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Развитие сравнительного правоведения в России // Право и государство. 2014. № 3.

Марченко М.Н. Социалистическое правовое государство: каким ему быть? // Российская юстиция. 1989. № 5.

Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть. М.: Зерцало, 2001.

Мо Цзихун. Создание антикоррупционного заслона в Китае // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2.

Мозиас П.М. Финансовая реформа на Тайване // Общество и государство в Китае: XXXIV научная конференция / Ин-т востоковедения; Сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. М.: Вост. лит., 2004.

Морозова В.С. Теоретические и практические аспекты государственного (конституционного) права КНР: учебное пособие. Чита: ЗабГУ, 2015.

Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации нации и национализму. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

Москалев А.А. Политика КНР в национально-языковом вопросе. М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1981.

Мутай И.М. Исследование права современного Китая. Рецензия на книгу: Ignazio Castellucci. Rule of Law and Legal Complexity in the People's Republic of China. Università Delgi Studi di Trento, 2012. 250 p. // Журнал российского права. 2014. № 7.

Мыльникова Ю.С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (династия Тан-Сун). Дисс. ...канд.юр.наук. М., 2012.

Надлежаше вести религиозную работу. Выступление во время беседы с группой представителей Всекитайского собрания народных представителей по вопросам религиозной работы // Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность. Статьи и выступления. М.: Паляя, 1996.

«Наказан за вождение в нетрезвом виде» // Ежемесячный журнал Китай. 2009. № 9.

Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 1999.

Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 2001.

Новое законодательство КНР. Проблемы экологии. Экспресс-информация № 1. Сост. и пер. Е.В. Бирюлин. Москва: ИДВ РАН, 2010.

О законе КНР Об оборонной мобилизации 2010 г. / сост. П.Б. Каменнов // Экспресс-информация. № 3. М.: ИДВ РАН, 2011.

Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1950.

Овчинников В. Чан Кайши живет всех живых. И это не мешает Тайваню быть богаче многих других // Российская газета. 17.10.1998.

Овчинников В. Через год над Гонконгом взвевается красный флаг // Российская газета. 08.08.1996.

Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1950.

Окно возможностей. Тайвань стремится обеспечить дальнейший рост экономики посредством дерегуляционных мер, предусмотренных проектом создания пилотных свободных экономических зон // Тайваньская панорама. 2014. № 4.

Опалев Ю.М. Конституционный контроль на Тайване. Дисс. ...канд. юр. наук. М., 2007.

Ортман Я. Эволюция политики руководства КПК в области законодательства (1949—1979 гг.). Дисс. ...канд. истор. наук. М., 1983.

Основные законы и постановления Китайской Народной Республики (1979—1981 гг.). В 2 ч. Пер. с кит. М.: ИДВ РАН, 1983.

Основные нормативные акты о местных органах государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики (Сборник документов). М., 1959.

Остроумов Г.С. Политико-правовая идеология и кризис политической власти в Китае // Советское государство и право. 1967. № 6.

Островский А.В. Тайвань накануне XXI века. М.: Восточная литература, 1999.

Патюлин В.А. К вопросу о возникновении социалистического государства в Китае // Советское государство и право. 1958. № 10.

Пащенко Е.Г. Гражданско-правовое регулирование хозяйственных отношений в КНР периода реформы экономической системы. Дисс. ... доктора юр.наук. М., 1994.

Пащенко Е.Г. Гражданское законодательство КНР. Серия: Современное зарубежное и международное частное право. Пер. с кит. М.: Междунар. центр финансово-экономического развития, 1997.

Пащенко Е.Г. Правовые аспекты политики «открытых дверей» в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1985. № 1.

Пащенко Е.Г. Экономическая реформа в КНР и гражданское право. М.: Спарк, 1997.

Пентковский В.И. Трудовое законодательство в Китайской Народной Республике // М.: Профсоюзы, 1952. № 4.

Пентковский В.И. Условия труда рабочих и вопросы трудового законодательства в Китае в период господства гоминьдановской реакции (1927—1949 гг.). Дисс. ... канд. эк. наук. М., 1954.

Пергамент М.Я. Из вопросов о подсудимости в Китае // Вестник Маньчжурии. 1925. № 3—4.

Пергамент М.Я. К юридической природе так называемого Дипломатического квартала в Пекине // Вестник Маньчжурии. 1926. № 7.

Пергамент М.Я. Новейший обмен мнений по вопросу об экстерриториальности в Китае // Вестник Маньчжурии. 1925. № 8—10.

Пергамент М.Я. Об юридической природе так называемого Дипломатического квартала в Пекине // Вестник Маньчжурии. 1926. № 6.

Переломов Л.С. Исторические судьбы легизма и конфуцианства // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл.ред. М.Л. Титаренко. ИДВ РАН. М.: Вост. лит., 2006. Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. В разделе: Политическая культура традиционного Китая / ред. М.Л. Титаренко. 2009.

Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.

Переломов Л. С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. — XXI в.). М.: Стилсервис, 2009.

Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981.

Переломов Л.С. «Четверокнижие» — ключ к постижению конфуцианства. Вступит. статья // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Пер. с кит. и коммент. А.И.Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии А.М. Майорова. М.: Восточная литература, 2004.

Поленина С.В. Глобальные и гендерные проблемы конвергенции правовых систем современности // Евразийский юридический журнал. 2010. № 3.

Поленина С.В. Правовая политика — негериализующий фактор правотворчества // Государство и право. 2011. № 1.

Поленина С.В. Проблемы национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности // Государство и право. 2008. № 1.

Поленина С.В. Система права и система законодательства в современных условиях // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1987. № 5.

Поленина С.В. Юридическая техника и правовая технология: теория, практика, предметность // Юридическая техника. 2011. № 5.

Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978—2005 // рук. авт. колл. Л.М. Гудошников. М.: Русская панорама, 2007.

Поляков В.П. История и ход конституционной реформы на Тайване // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6.

Попов А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века. М.: «Экзамен», 2007.

Попов П.С. Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших времен до второй половины X века по Р.Х. Труды Третьего международного съезда ориенталистов в СПб., 1976. Т. 1.

Поршняков С.М. Карательная система китайского уложения хана Юнь-Дженъ. СПб., 1909.

Почагина О.В. Наркомания и китайская молодежь // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 5.

Правовые аспекты модернизации в КНР / под ред. Л.М. Гудошникова. М.: Наука, 1990.

Прокофьев Г.С. Соотношение права и языка: теоретико-философский анализ. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2002.

Пу Сун-лин (Ляо-Чжай). Рассказы о людях необычных. Пер. с кит. М.: Государственное издательство художественной литературы 1954.

Рене Давид. Основные правовые системы современности. Пер. с франц. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988.

Реформа финансового законодательства // Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. Выпуск 4 (13). М.: ИДВ РАН, 2002.

Рыбаков В.М. Благотворные иллюзии культуры: Философская основа и правовая конкретика уголовного кодекса китайской династии Тан // Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций. Тезисы докладов XXV Международной конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». 22—24 апреля 2009. Санкт-Петербург: Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2009.

Рыбаков В.М. Механизм общеслужебной ответственности в уголовных законах династии Тан // Восток (Oriens). 2012. № 5.

Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Часть 2: Правовое саморегулирование. Том 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.

Рыбаков В.М. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

Рыбаков В.М. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цююани 17—25. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005.

Рязановский В.А. Основные начала земельного, горного и лесного права Китая. Харбин, 1928.

Рязановский В.А. Современное гражданское право Китая. Вып. 1,2. Харбин, 1926, 1927.

Саидов А.Х. Сравнительное правоведение и законодательство // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. № 1.

Саидов А.Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира. М.: ИГиП РАН, 1993.

Саидов А.Х. Типология и классификация правовых систем современности // Правоведение. 1985. № 2.

Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1843—1925) // Труды московского института востоковедения им. Н.Н. Нариманова при ЦИК СССР. Том VI / сост. Э.Д. Гримм. М.: издание Института Востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927.

Свистунова Н.П. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин луй цзи цзе фу ли). В 2 ч. Пер. с кит. М., 1997, 2002.

Севальнев В.В. Антикоррупционное законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. 2015. № 10.

Севальнев В.В. Источники правового регулирования налогообложения инновационного сектора КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 1.

Севальнев В.В. Правовое регулирование налогообложения инновационного сектора КНР. Дисс. ...канд.юр.наук. Москва, 2012.

Севальнев В.В. Противодействие коррупции: опыт КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1.

Севальнев В.В. Эволюция правоотношений в сфере налогообложения инновационного сектора в Китайской Народной Республике // Адвокат. 2012. № 4.

Синоков В.Н. Российская правовая система (вопросы теории). Дисс. ...доктора юр. наук. Саратов, 1995.

Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами. М.: Мысль, 1984.

Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М.: Наука, 1977.

Сладковский М.И. Китай — основные проблемы истории, экономики, идеологии. М.: Мысль, 1978.

Смирнова Л.Н. Борьба с коррупцией в КНР: международный опыт и «особая китайская модель». Дисс. ...канд. полит. наук. М., 2014.

Смирнова Л.Н. Великолепный путь. К тридцатилетию работы по проверке партийной дисциплины // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4.

Смирнова Л.Н. Личные наказания за коррупцию и возвращение похищенных активов: законодательство и практика КНР // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». 2013. № 3.

Смирнова Л.Н. Особенности уголовного процесса в коррупционных делах в КНР // Право и управление. XXI век. 2014. № 2.

Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов / сост., ред. и авт. предисл. Л.М. Гудошников. М.: Зерцало-М, 2004.

Современное право КНР / под ред. Л.М. Гудошникова и Л. Кржижковского. М.: Наука, 1985.

Современное право КНР (обзор законодательства) / под ред. Л.М. Гудошникова, П.В. Трощинского. Часть 1. 1978—2001. Часть 2. 2002—2010. М.: Центр научной информации и документации ИДВ РАН, 2012.

Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. Выпуск 1 (10) / сост. Л.М. Гудошников, А.Г. Ларин, Э.О. Батчаев. М.: ИДВ РАН, 2000.

Советские районы Китая. Законодательство Китайской Советской Республики. 1931—1934. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

Сонин В.В. Российская Конституция в зеркале китайской юридической науки // Право и политика. 2013. № 13.

Сонин В.В. Укрощение «Троянского коня»: избирательные фильтры на выборах главы администрации Гонконга // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 5.

Стародубец Г. Русское юридическое образование в Харбине (1919—1937) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6.

Степанова Г.А. Модернизация партийной системы на Тайване // Проблемы модернизации Тайваня. Материалы научной конференции 8 декабря 2000 г., г. Москва / сост. А.Г. Ларин. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

Степанова Г.А. Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М.: ИДВ РАН, 1999.

Стратегия объединения Китая: Аомэнь. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 2000.

Судариков Н.Г. Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Знание, 1956.

Судариков Н.Г. Демократизация семейно-брачного законодательства Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1954. № 7.

Судариков Н.Г. Избирательная система Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1953. № 5.

Судариков Н.Г. Организация суда и прокуратуры КНР // Социалистическая законность. 1952. № 5.

Судариков Н.Г. Органы юстиции Китайской Народной Республики. Социалистическая законность. 1951. № 10.

Судариков Н.Г. Создание и укрепление местных органов власти Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1951. № 11.

Сунь Ятсен: Избранные произведения / отв. ред.: С. Л. Тихвинский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1985.

Сяо Чуньфэй, Ию И. Что изменилось в 2009 г.? 10 наиболее популярных слов 2009. Ежемесячный журнал Китай. № 1. Январь. 2010.

Тертицкий К. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. Часть 1. М.: ИСАА МГУ, 1994.

Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М.: Наука, 1985.

Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М.: Республика, 1999.

Титаренко М.Л. О феномене китайского социализма (Размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2.

Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй. М.: Восточная литература, 1959.

Тихвинский С.Л. История Китая и современность. М.: Наука, 1976.

Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898—1949. М.: Восточная литература, 1996.

Тихомиров Ю.А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3.

Тихомиров Ю.А. Юридическая экспертиза как условие обеспечения качества нормативного правового акта // Право и современные государства. 2015. № 1.

Третьяков К.Н. Основные источники современного конституционного права Китайской Народной Республики. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2010.

Трошинский П.В. Борьба с преступностью в Китае: нормативно-правовой аспект // Журнал Российского права. 2015. № 8.

Трошинский П.В. Влияние доктрины «управление государством на основе закона» на правовую систему современного Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2015.

Трошинский П. Суровая воля государства. В Китае пьяные виновники ДТП с человеческими жертвами получают пожизненный срок // Время Новостей. 28.10.2010. № 198.

Трошинский П.В. Законодательство. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012—2013. Сборник научных трудов / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: ИД «Форум», 2013.

Трошинский П.В. К вопросу об истории законодательства о браке в старом Китае (до образования КНР). Экспресс-информация № 4. М.: Центр научной информации и документации ИДВ РАН, 2010.

Трошинский П.В. Китай // Прозрачность юридических лиц и образований: пути снижения рисков отмывания денег и финансирования терроризма (сравнительно-правовое исследование): монография / М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, МУМЦФМ; Ярославль: Литера, 2014.

Трошинский П.В. Основные направления борьбы с преступностью в современном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 2.

Трошинский П.В. Основные этапы формирования правовой системы Китайской Народной Республики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 4.

Трошинский П.В. Перевод Закона КНР О борьбе с отмыванием денег. М.: Центр научной информации и документации ИДВ РАН, 2010.

Трощинский П.В. Правовое регулирование борьбы китайского государства с незаконным оборотом наркотиков // Наркоконтроль. 2015. № 1.

Трощинский П.В. Уголовный процесс // Политическая система и право в процессе реформ 1978—2005 / рук. авт. колл. Л.М. Гудошников. М.: Русская панорама, 2007.

Трощинский П.В. Уголовный процесс // Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов / сост., ред. и авт. предисл. Л.М. Гудошников. М.: ИКД «Зерцало-М», 2004.

Трощинский П.В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М.: ИДВ РАН, 2011.

Трощинский П.В., Чжао Чжучэн. Правовая система и финансово-банковский сектор Китайской Республики на Тайване // Вопросы экономики и права. 2014. № 8.

Туганов Ю.Н., Дробышевский В.С., Гуменюк О.П. Теория права Китая: традиции и новации. Иркутск-Чита: ЧитГУ, 2005.

Уголовный кодекс Китайской Республики. Распубликован Националистическим правительством в марте 17 г. Китайской Республики и введен в действие тем же правительством в июле того же года, а в Особом Районе Восточных Провинций 7 января 18 г. Китайской Республики (1929 г.). Пер. с кит. Харбин: 1929.

Уголовные установления с разъяснениями (Тан луй шу и). Цзюани 17—25. Пер. с кит., введение и комментарий В.М. Рыбаков. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005.

Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время. М.: Стильсервис, 2009.

У Чжэнсюн. Развитие гражданского общества в современном Китае. По материалам Синей книги «Общество в 2009 г.» // Чжунгун яньцзю. 2009. Т. 43. № 3 // КНР: Социальная гармония как гарантия успеха реформ. Экспресс-информация № 5. М.: Центр научной информации и документации ИДВ РАН, 2009.

Ушаков И.В. XVIII съезд КПК и экологический императив Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2.

Ушаков И.В. Экологическая политика и экологическая ситуация // Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура. К 65-летию КНР. М.: ИД «Форум», 2014.

Федоров А.В. К столетию Шанхайской опиумной комиссии 1909 г. // Наркоконтроль. 2008. № 4.

Федоров А.В. Китайское законодательство об уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Человек и закон. 2015. № 4.

Федоров А.В. Ответственность юридических лиц за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в Королевстве Испания // Наркоконтроль. 2014. № 1.

Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц за наркопреступления по законодательству Китайской Народной Республики // Наркоконтроль. 2015. № 1.

Федоров А.В., Федулов А.В. Первая международная конвенция о контроле над наркотиками // Наркоконтроль. 2007. № 4.

Финансовая реформа в городе Вэньчжоу // Ежемесячный журнал «Китай». 2012. № 5.

Формирование будущего статуса Сянгана. Документы и материалы. Экспресс-информация. Выпуск 8 / сост. В.И. Антонов. Пер. материалов: Д.М. Поспелов. Ред. Л.М. Гудошников. М.: ИДВ РАН, 1990.

Формирование статуса Аомэньского особого административного района. Нормативные акты КНР. Экспресс-информация. Выпуск № 4. М.: ИДВ РАН, 1993.

Хан Даюань. Законодательная реформа в Китае и изменения Конституции // Проблемы развития государства и общества в России и Китае после 1990 года. Материалы российско-китайского симпозиума. М.: МГЮА, 2006.

Харро фон Зенгер. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия / под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: Прогресс; Культура, 1995.

Хуа Ивэнь. Создание Комитета по делам национальной безопасности как никогда своевременно // Ежемесячный журнал «Китай». 2013. № 12.

Хуан Яюань. Конституционная реформа КР // Доклады конференции в Институте стран Азии и Африки «Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-тихоокеанского региона». М.: ИСАА МГУ, 1997.

Хисамутдинов А.А. Профессор юриспруденции и востоковед В.А. Рязановский // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2.

Хэ Минцзюнь. Присоединение КНР к ВТО как фактор ускорения экономического развития: автореф. дисс. ... канд. эк. наук. М., 2013.

Хэ Минцзюнь. Присоединение КНР к ВТО как фактор ускорения экономического развития. М.: Эконом-информ, 2014.

Целесообразность пересмотра Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2758. Программный документ по вопросу участия Китайской Республики (Тайвань) в деятельности ООН. М.: МК-Сервис, 1997.

Цзи Пэнфэй. Политическая система Сянгана должна соответствовать принципу «одно государство, две системы» // Формирование будущего статуса Сянгана. Документы и материалы. Экспресс-информация. Выпуск 8 / сост. В.И. Антонов; Пер. материалов: Д.М. Поспелов; Ред. Л.М. Гудошников. М.: ИДВ РАН, 1990.

Цзян Цзэминь. Глубоко осмыслить и всесторонне претворять в жизнь дух важных бесед товарища Дэн Сяопина, быстрее и лучше осуществлять экономическое строительство, реформу и открытость. Речь на курсах усовершенствования руководящих кадров на уровне провинции и министерства в Партийной школе ЦК КПК. 9 июня 1992 г. // Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность. Статьи и выступления. М.: Палея, 1996.

Цзань Ци-пынь, Чугунов В.Е. Основные черты уголовного процесса КНР // Советское государство и право. 1957. № 2.

Цзин Чжао-ин, Чугунов В.Е. Политико-юридическое образование в Китайской Народной Республике // Вестник высшей школы. 1957. № 1.

Черниловский З.М. Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951.

Чжан Синь. Управление государством на основе закона как условие построения гармоничного общества // Проблемы развития государства и общества в России и Китае после 1990 года. Материалы российско-китайского симпозиума. М.: МГЮА, 2006.

Чжоу Фан. Государственные органы Китайской Народной Республики. Пер. с кит. Л.М. Гудошникова и Г.С. Остроумова / под ред. М.А. Шафира. М.: Иностранная литература, 1958.

- Чжун Оскар. Торжествует ли правосудие? // Свободный Китай. 1998. № 5.
- Чжэн Юйшэн. Политическое будущее Гонконга // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 2.
- Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. М.: Юрист, 1997.
- Чиркин В.Е. О формах возникновения социалистического государства // Советское государство и право. 1964. № 1.
- Чиркин В.Е. Современные глобальные правовые системы: сближение и антагонизм // Журнал российского права. 2015. № 8.
- Чугунов В.Е. Основные черты уголовного процесса Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1957. № 2.
- Чугунов В.Е., Рябо И.Ф. Принцип народно-демократической законности в уголовном процессе Китайской Народной Республики // Ученые записки Рост. н/Д ун-та. Том 59. Труды юрид. фак-та. Вып.3, 1957.
- Чугунов В.Е. Уголовный процесс Китайской Народной Республики. Дисс. ... доктора юр. наук. М., 1960.
- Чун Яту. Чувство досады, вызванное статьей о «регулярных визитах» // Журнал «Китай». 2013. № 8.
- Чупанов А.С. Государственный строй Китайской Народной Республики (конституционно-правовой аспект). Дисс. ...канд. юр. наук. М., 2006.
- Шакиров А.О. Органы общественной безопасности в государственном механизме Китайской Народной Республики (1949—1983 гг.). Дисс. ...канд. истор. наук. М., 1984.
- Шепенко Р.А. Налоговое право Гонконга. М.: Вузовская книга, 2003; 2007; 2012.
- Шепенко Р.А. Налоговое право Китая: взимание и ответственность. М.: Волтерс Клувер, 2005.
- Шепенко Р.А. Налоговое право Китая: источники и субъекты. М.: Статут, 2004.
- Шепенко Р.А. Правовое регулирование налогообложения в Китайской Народной Республике. М.: Муравей, 2001.
- Шепенко Р.А. Правовое регулирование налоговой системы Китайской Народной Республики. Дисс. .. доктора юр. наук. М., 2005.
- Ширли В.Ю.Го. Экономическая политика Тайваня. М.: ИСАА; «Муравей-Гайд», 1999.
- Шкиттина Д.А. Особенности конституционно-правового регулирования экономической системы Китайской Народной Республики. Дисс. .. канд. юр. наук. М., 2011.
- Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая. Том II. Известия Юридического Факультета в г. Харбинь, 1925.
- Энгельфельд В.В. Очерки китайского административного права. Вып. I. Харбин, 1928. Вып. II., Харбин, 1929.
- Юань Мэй. Новые (записи) Ци Се (Синь Ци Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй). Пер., предисл., коммент. и прил. О.Л. Фишман. М.: Наука, 1977.
- Юй Лимэй. Пакты о правах человека и их имплементация в КНР. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2004.
- Юридическая жизнь в Китае. Пер. с кит. / отв. ред. Л.М. Гудошников. М.: Юридическая литература, 1990.

Юрковский А.В. Конституционно-правовые основы политической системы Китайской Народной Республики: проблемы теории и практики. Иркутск: Иркутский институт повышения квалификации прокурорских работников Генеральной прокуратуры РФ, 2004.

Юрковский А.В. Концепция разделения властей в Китайской республике на Тайване // Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей и студентов Юридического института ИГУ, октябрь, 2002 г. / [отв. ред. С. И. Шишкин]. Иркутск, 2002.

Юрковский А.В. Особенности судебной системы Китайской Народной Республики // Сибирский Юридический Вестник. 2004. № 4.

Юрковский А.В. Правовая система Китайской Народной Республики // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Материалы международной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 19—22 июня 2008 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008.

Языковая ситуация в Китае: 2006. Глава 3. Использование языка в юридической сфере // КНР: Социальная гармония как гарантия успеха реформ. Экспресс-информация. № 5. М.: ИДВ РАН, 2009.

Яичков К. Бранчо-семейное право Китайской Народной Республики // Социалистическая законность. 1952. № 1.

Яковлев М.И. 17 лет в Китае. М.: Политиздат, 1981.

На китайском и других языках

Бэйцзин цзаобао (北京晨报) (Утренний Пекин). 26.07.2011.

Ван Вэйгуан. 中国法学30年 (Чжунго фасюе 30 нянь) (30 лет китайской юридической науке) / под ред. Ли Линя. Пекин: Общественные науки Китая, 2008.

Ван Иялюй. 台湾地区政治体制分析 (Тайвань дицхой чжэньчжи тичжи фэньси) (Анализ политической системы тайваньского региона). Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2010.

网络法律 (Ванло фалюй) (Законы Интернета) / под ред. У Пэйцзян. Ханчжоу: Чжэцзянский университет, 2009.

Ван Чжэньминь. 中央与特别行政区关系: 一种法治结构的解析 (Чжунянь юй тэбье синчжэн цхой гуанси: и чжун фачжи цзегоу дэ цзэси) (Отношения между центром и особыми административными районами: анализ одной правовой конструкции). Пекин: Цинхуа дасюе чубаньшэ, 2002.

我国政府采购制度研究 (Вого чжэнфу цайгоу чжиду яньцзю) (Исследование системы государственных закупок в Китае) / под ред. Ма Хайтао и Цзян Айхуа. Пекин: Бэйцзин дасюе, 2007.

打击网络有组织违法犯罪行动取得新进展 (Дацзи ванло ю цзучжи вэйфа фаньцзуй синдун шойдэ синь цзиньчжань) (В борьбе с организованной противоправной преступной деятельностью в Интернете достигнуты новые сдвиги). Цзинцзи жибао. 25.08.2013.

Дай Чжанхун. 试论澳门法律本地化 (Шилунь Аомэнь фалюй бэньдихуа) (Попытка обоснования локализации законов Аомэня) // Фасюе цзачжи. 1998. № 2.

Дун Ликунь. 香港特别行政区法院的违反基本法审查权 (Сянган тэбье синчжэнцхой дэ вейфань Цзибэньфа шэньчаоань) (Право на проверку нарушений Основного закона судами Особого административного района Сянган) // Фасюе янцзю. 2010. № 3.

Дунфан цзаобао (东方早报) (Утренний Восток). 27.11.2008.

Дун Хэпин. 宪法修改的基本经验与中国宪法的发展 (Сяньфа сюагы дэ цзибэнь цзянянь юй Чжунго Сяньфа дэ фачжэнь) (Основной опыт конституционных изменений и развитие китайской Конституции) // Чжунго фасюе. 2012. № 4.

邓小平“和平统一、一国两制”理论与实践 (Дэн Сяопин «хэпин туни, и го лян чжи» лилунь юй шицзянь) (Теория и практика концепции Дэн Сяопина «мирное объединение, одно государство — две системы»). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1997.

Жэньминь жибао (人民日报) (Народная газета): 28.10.78; 24.12.78; 30.11.79; 14.12.85; 15.12.85; 03.04.86; 04.04.86; 07.04.1990; 03.04.1993; 17.03.1999; 11.11.1999; 01.08.2003; 18.05.2011; 31.08.2011; 27.12.2012; 21.03.2013; 12.04.2013; 19.07.2013; 19.08.2013; 10.12.2013; 28.02.2014; 16.04.2014; 30.07.2014; 26.08.2014; 20.10.2014; 29.10.2014; 08.01.2015; 13.03.2015; 14.03.2015.

Жэньминь хуабэо (人民画报) (Народный иллюстрированный журнал). 2010. № 1; 2010. № 7; 2012. № 12; 2014. № 1, № 11.

Зоу Цяньхун. «五四宪法»草案初稿中国国家主席制度的雏形 («Усы Сяньфа» цаоань чугао гоцзя чжуси чжиду дэ чусин) (Прототип системы государственно Председателя по первым проектам «Конституции 54-го года») // Чжунго фасюе. 2014. № 4.

Ignazio Castellucci: Rule of Law and Legal Complexity in the People's Republic of China («Верховенство права и сложности законодательства Китайской Народной Республики»). Università Delgi. Studi di Trento, 2012.

«一国两制»与香港基本法 («И го лян чжи» юй Сянган Цзибэнь фа) («Одно государство — две системы и Основной закон Сянгана»). Авторство статьи принадлежит группе ученых из 9 человек // Фасюе янцзю. 1997. № 4.

依法治国七将 (图解版) (И фа чжи го ци цзян (туцзэбань)) (Семь бесед об управлении государством на основе закона) (издание с разъяснительными схемами). Пекин: Народное издательство, 2014.

Contemporary Chinese Law: Research Problems and Perspectives. Edited by Jerome Alan Cohen. USA: Harvard Studies in East Asian Law, 4, 1970.

Leonid Gudoshnikov. Mechanizm polityczny Chin. Warszawa, 1979.

Law in Imperial China. Exemplified by 190 Ch'ing Dynasty Cases. Translated from the Hsing-an hui-lan. With Historical, Social and Juridical Commentaries. Derk Bodde and Clarence Morris. Philadelphia: University of Pennsylvania press, 1973.

Люй Ижэнь. 葡萄牙抢占澳门与清政府拒绝批准中葡《和平贸易条约》 (Путаоя цянчжэнь Аомэнь юй Цин чжэньфу цзюйцзэ пичжунь ЧжунПу «Хэпин маои тяоэ») (Аннексия Португалией Макао и отказ цинского правительства от подписания китайско-португальского «Мирного торгового договора») // Чжунго бяньцзян шида янцзю. 1999. № 2.

Люй Цигуй, Цянь Гояо. 打击经济领域犯罪活动的强大武器 (Дацзи цзинци линюй фаньцзуй ходунды цяньда учи) (Сильное оружие в нанесении удара по преступности в сфере экономики) // Чжэньчжи юй фалюй. 1982. № 2.

民法学 (Миньфасюе) (Гражданское право) // под ред. Пэн Ваньлина. Пекин: Политико-юридический институт, 1999.

Мэн Сянпэй. 伟满洲国民法典若干问题研究 (Вэй Маньчжоуго миньфадянь жогань вэньти яньцзю) (Исследование некоторых вопросов Гражданского кодекса фальшивого государства Маньчжоу-го) // Шэхуэй кэсюе. 2008. № 12.

Оу Ян и Вэй Мин. 国际反洗钱重要文献选读 («Гоцзи фаньсицянь чжунян вэньсянь сюаньду») («Сборник важнейших документов в сфере международной борьбы с отмыванием денег»). Пекин: Финансы Китая, 2005.

Palmer V. V. Mixed Jurisdictions Worldwide the Third Legal Family («Смешанная юрисдикция во всем мире: третья юридическая семья») (Cambridge, 2001).

Си Цзиньпин. 加快建设社会主义法治国家 (Цзякуай цзэньшэ чжуй фачжи гоцзя) (Ускорение построения социалистического правового государства) // Цюши. 2015. № 1.

刑法学 (Синфа сюе) (Уголовное право) / под ред. Су Хуэйюй. Пекин, 1997.

刑事案件审判依据 (Синши аньцзянь шэньпань ицзюй) (Источники для судебных разбирательств по уголовным делам). Пекин, 2008.

行政法学 (Синчжэн фасюе) (Административное право) / под ред. Чжу Синь. Пекин, 2004.

行政法学总论 (Синчжэн фасюе цзунлунь) (Общая теория административного права) / под ред. Пэн Гуйцай. Пекин, 2005.

行政法史论从 (Синчжэнфа шилуньцунь) (Сборник по истории теории административного права) / под ред. Гуань Баоин. Пекин, 2007.

Синь цзиньбао (Новая столичная газета). 29.04.2015.

新版中华人民共和国常用法律法规全书 (Синьбянь Чжунхуа жэньминь гунхэго чанюан фахой фагуй сюань шу) (Новая редакция полного собрания часто используемых законов и подзаконных актов КНР). Пекин: Китайская законность, 2012.

新中国宪法发展60年 (Синь Чжунго Сяньфа фачжань 60 нянь) (60 лет развития Конституции нового Китая) / под ред. Хань Даюань. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 2009.

新中国法制建设与法学发展60年 (Синь Чжунго фачжи цзяньшэ юй фасюе фачжань 60 нянь) (60 лет правовому строительству и развитию юридической науки нового Китая) / под ред. Ли Линя. Пекин: Изд-во работ по общественным наукам, 2010.

Stanley B. Lubman. Bird in a Cage. Legal Reform in China after Mao. Stanford University Press. Stanford, California, 1999.

Су Игун. 港英时代的中国习惯法 (ГанИн шидай дэ Чжунго сигуаньфа) (Правовой обычай Китая в англо-сянганский период). URL: Сюй Аньбяо. 体现一国两制的香港特别行政区驻军法 (Тисянь и го лян дэ Сянган тэбье синчжэн шюй чжужюэнь фа) (Закон о гарнизоне Особого административного района Сянган как воплощение принципа «одно государство — две системы») // Чжунго фасюе. 2007. № 2.

Сюй Чундэ. 中华人民共和国宪法史 (Чжунхуа жэньминь гунхэго Сяньфа ши) (История Конституции Китайской Народной Республики). Фуцзянь: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ, 2003.

宪法学原理与案例教程 (Сяньфасюе юаньли юй аньли цзяочэн) (Учебный курс по основным положениям конституционного права и практические примеры) / под ред. Ху Цзиньгуан. Пекин, 2006.

Тан Шичунь. 建国初期来华苏联法学专家的群体考察 (Цзяньго чужи лайхуа сулянь фасюе чжуаньцзя дэ цюньти каооча) (Изучение групп советских специалистов-юристов, посетивших Китай в начальный период его образования) // Цюаньцзо фалюй пинлунь. 2010. № 5.

У Банго. 形成中国特色社会主义法律体系的重大意义和基本经验 (Синчэн Чжунго тэсэ шэхуэй чжуи фалюй тиси дэ чжунда ни хэ цзибэнь цзинянь) (Важнейшее значение и основной опыт формирования социалистической правовой системы с китайской спецификой) // Цюши. 2011. № 3.

无期不能接受, 要求判死刑 (Уци бу нэн цзешоу, яоцзо пань сысин) («Пожизненное лишение свободы не принимаем, требуем смертной казни») // Наньцзинь жибао (Нанкинская газета). 24.12.2009.

法人犯罪与刑事责任 (Фажэнь фаньцзуй юй синши цзэжэнь) (Преступления, совершенные юридическими лицами и уголовная ответственность) / под ред. Хэ Бинсуна. Пекин, 1991.

法理学 (Фали сюе) (Теория права) / под ред. Чжан Вэньсяна. Пекин, 1997.

犯罪学教程 (Фаньцзуйсюе цзяочэн) (Курс по криминологии) / под ред. Шан Сяопин и Ян Сюэфэн. Пекин, 2008.

Фачжи жибао (Газета Законность). 28.04.2015.

Фачжи вэньцуйбао (法制文萃报) (Правовой дайжест). 14.07.2010.

法治中国 — 新常态下的大国法治 (Фачжи гоцзя — синь чан тай ся дэ даго фачжи) (Правовой Китай — правовое регулирование великого государства в новых нормализованных условиях). Пекин: Хунци чубаньшэ, 2014.

腐败：性质, 表现与应对 (Фубай: синчжи, бяосянь юй индуй / (Элосы) Хабулиева чжубянь; Ли Тецзюнь дэн и. Бейцзин: фалюй чубаньшэ, 2014.9 (Коррупция: природа, проявление, противодействие: Монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева; Перевод Ли Тецзюня и др. Пекин: Юридическое издательство), сентябрь 2014.

Фэн Цзюнь. 论“刑法”第133条之1的规范目的及其适用(«К обсуждению нормативной цели и применения части 1 статьи 133 «Уголовного кодекса») // Чжунго фасюе. 2011. № 5.

海南省人民政府公报 (Хайнань шэн жэньминь чжэнфу гунбао) (Вестник народного правительства пров. Хайнань). 2010. № 2.

Хань Даюань. «五四宪法»的历史地位与时代精神 («Усы Сяньфа» дэ лиши дивэй юй шидай цзиншэнь) (Место в истории и эпохальный дух «Конституции 54-го года») // Чжунго фасюе. 2014. № 4.

Хэ Бинсун. 单位 (法人) 犯罪的概念及其理论根据 (Даньвэй (фажэнь) фаньцзуйдэ гайнянь цзи ци лилунь гэньцзюй) (Понятие совершенного организацией (юридическим лицом) преступления и его теоретическое основание) // Фасюе яньцзю. 1998. № 2.

Хэ Циньхуа. 新中国法学发展规律考 (Исследование закономерностей развития юридической науки нового Китая) // Чжунго фасюе. 2013. № 3.

Цайцзин гоцзя чжоукань (财经国家周刊) (Государственный еженедельник финансов и экономики). 2015.10.05

Цзи Цюн. 进一步依靠人民群众巩固与加强人民民主专政 (Цзинь и бу икао жэньминь цюньчжун гунгу юй цзяян жэньминь миньчжу чжуань чжэн) (Опираясь на народные массы, укреплять и усиливать народно-демократическую диктатуру) // Политико-юридические исследования. 1965. № 1.

警告澳门葡萄牙当局 (Цзингао Аомэнь Путаоя данцзюй) (Предупреждение португальским властям Аомэня) // Жэньминь жибао. 26.10.1955.

Цзинзи жибао (经济日报) (Экономическая газета). 11.03.2011; 18.05.2011; 15.06.2011; 21.06.2011; 08.04.2012; 15.03.2013; 16.03.2012; 28.05.2013; 22.11.2013; 26.12.2013; 06.11.2014.

经济犯罪与对策 (Цзинци фаньцзуй юй дуйцэ) (Экономические преступления и противодействие им) / под ред. Чжан Чжэньфаня. Хэбей, 1989.

最新综合六法全书 (2015年9月版) (Цзуй синь цзун хэ лю фа цюань шу) (Новейшее собрание Полной книги шести законов). Сентябрь 2015. Тайбэй: Саньминь чубаньшэ, 2015.

Цзэн Сяньи, Чжан Вэньсянь. 中国法学专业教育教学改革与发展战略研究 (Чжунго фасюе чжуань цзяюй цзяосюе гайгэ юй фачжань чжаньлюе яньцзю) (Исследование стратегии развития и реформы китайской системы образования и обучения по специальности юриспруденция). Пекин: Гаодэн цзяюй яньцзю чубаньшэ, 2002.

Цзян Сяовэй. 論對澳門特別行政區行政長官的控權機制 (Лунь дуй Аомэнь тэбье синчжэн цюй синчжэн чангуан дэ кун цюань цзичжи) (Обсуждая систему контроля прав Главы администрации Аомэньского Особого административного района) // «И го лян чжи» яньцзю. 2014. № 2.

Цзяо Жуньмин. 梁启超法律思想总论 (Лян Цичао фалюй сысян цзунлунь) (Комплексное обсуждение правовых идей Лян Цичао). Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 2006.

走进北京警察博物馆 (Цоуцзинь бейцзин цзинча бовугуань) (Посещая пекинский музей полиции) / под ред. Лю Дэ. Пекин, 2002.

促进技术创新的法律机制研究 (Цуцзинь цзишу чуансинь дэ фалюй цзичжи яньцзю) (Исследование законодательной системы стимулирования технической инновации) / под ред. Линь Сюэцин. Пекин: Гаодэн цзяюй, 2010.

Цю Тинбяо. 澳门博彩法律制度 (Аомэнь боцай фалюй чжиду) (Правовой режим игровой сферы Аомэня). Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2014.

Чжан Минкай. 适应经济体制改革正确认定经济犯罪 (Шиин цзинци тичжи гайгэ чжэнцзоэ жэньдин цзинци фаньцзуй) (Правильно квалифицировать экономические преступления в соответствии с требованиями реформы экономической системы) // Цзинци тичжи гайгэ юй дацзи цзинци фаньцзуй (Реформа экономической системы и борьба с экономическими преступлениями). Пекин, 1987.

Чжан Цзиньфань. 中国宪法史 (Чжунго Сяньфа ши) (История китайской Конституции). Чанчун: Цилин жэньминь чубаньшэ, 2004.

Чжан Чжунцзо. 传统中国法的精神及其哲学 (Чуаньтун Чжунго фа дэ цзиньшэнь цзи чжэсюе) (Дух традиционного китайского права и его философия) // Чжунго фасюе. 2014. № 2.

Чжао Бинчжи. 关于中国现阶段慎用死刑的思 (Гуаньюй Чжунго сянь цзэдуань шэньюн сысин дэ сыкао) (Размышления об осторожном применении смертной казни в Китае на современном этапе) // Чжунго фасюе. 2011. № 6.

制定反洗钱法有五个“有利于” (Чжидин фаньсицяньфа ю угэ «юлюию») (Пять «польз» от принятия Закона о борьбе с отмыванием денег) // Цзинци жибао (Экономическая газета), 26.04.2006.

Jerome Alan Cohen. The Criminal Process in the People's Republic of China 1949—1963. An Introduction. Cambridge, Massachusetts, 1968.

Чжу Вэйшонь. 共产党员不能信仰宗教 (Гунчанданюань бу нэн синьян цзунцзяо) (Член партии не может исповедовать религии) // Цюши. 2011. № 24.

Чжу Фухуэй. «五四宪法»与国家机构体系的形成与创新 («Усы Сяньфа» юй гоцзя цзигоу тиси дэ синчэн юй чуансинь («Конституция 54-го года и формирование, инновации системы государственных органов») // Чжунго фасюе. 2014. № 4.

中国共产党党内法规选编. (Чжунго гунчандан дан нэй фагуй сюанбянь) (Избранное законодательство Коммунистической партии Китая). 2007—2012. Пекин: Фалюй чубаньшэ, 2013.

中国人民大学法学院院史 (Чжунго жэньминь дасюе фасюеюань юаньши) (История Института права Народного университета Китая) (1950—2010). Пекин: Издательство Народного университета Китая, 2010.

Чжунго циньянь бао (中国亲年报) (Китайская молодежная газета). 22.03.2012.

Цюй Тунцу. 中国法律与中国社会 (Чжунго фалюй юй Чжунго шэхуэй) (Право Китая и китайское общество). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1981.

中国法学三十年 (Чжунго фасюе саньши нянь) (1978—2008) (30 лет китайскому праву) / сост. Цзян Минань. Пекин, 2008.

中国法制60年 (1949—2009) (Чжунго фачжи 60 нянь) (60 лет законодательной системе Китая) (1949—2009) / под ред. Чжан Цзиньфаня. Сиань: Шаньсинское народное издательство, 2009.

中国法治30年: 1978—2008 (Чжунго фачжи 30 нянь) (30 лет законодательству Китая). Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2008.

中国反洗钱报告, 2005 (Чжунго фань сицянь баогао) (Доклад о противодействии отмыванию денег в Китае за 2005 год) / под ред. Сян Цзюньбо. Пекин, 2006.

中国国家和法的历史参考资料 (Чжунго гоцзя хэ фадэ лиши цанькао цзиляо) (Справочные материалы по истории китайского государства и права). Пекин: Издательство Народного университета Китая, 1956.

中国特色社会主义法律体系 (Чжунго тесе шэхуэй чжуи фалюй тиси) (социалистическая правовая система с китайской спецификой). Издание Канцелярии Государственного совета КНР по информации. Пекин: Народное издательство, 10.2011.

中国特色社会主义法律体系前沿问题研究 (Чжунго тесе шэхуэй чжуи фалюй тиси цяньянь вэньти яньцзю) (Исследование важных вопросов социалистической правовой системы с китайской спецификой) / под ред. Сунь Гохуа, Фэн Юйцзюня. Пекин: Чжунго миньчжу фачжи, 2005.

中国经济犯罪罪行论 (Чжунго цзинци фаньцзуй цзуйсин лунь) (Китайская теория уголовного наказания за экономические преступления) / под ред. Чжан Цюна. Пекин, 1989.

中华人民共和国香港特别行政区驻军法释义 (Чжунхуа жэнь минь гун хэ го Сянган тэ-бье синчжэн шой чжуцзюнь фа ши и) (Разъяснение к Закону КНР О гарнизоне Особого административного района Сянган). Пекин: Цзэфань цзюнь чубаньшэ, 1997.

Чжэн Юнлю. 中国法圈：跨文化的当代中国法及未来走向 (Чжунго фашюань: куа вэньхуа дэ дандай Чжунго фа цзи вэйлай цзоусян) (Круг китайского права: обозревая культуру современного права Китая и его направления развития в будущем) // Чжунго фасюе. 2012. № 4.

陈云文选 (Собрание сочинений Чэнь Юня). Том 3. Пекин: Народное издательство, 1995.

Ян Жунчжэнь. 香港回归前后法律的变化 (Сянган хуэйгуй цяньюу фалюй дэ бяньхуа) (Изменения в законодательстве Сянгана до и после его возвращения) // Фасюе цзачжи. 1997. № 4.

Ян Лисинь. 中国反洗钱战略 (2013—2018) 的升级转型及其实施机制的建立 (Чжунго фаньсицян чжанлюе (2013—2018) дэ шэнци чжуаньсин цзи ци шиши цзичжи дэ цзянли) (Построение нового уровня системы стратегии Китая по борьбе с отмыванием денег (2013—2018 гг.) и ее реализации) // Ежемесячный журнал «Управляя миром». 2013. № 9.

Ян Сюйчжун. 我的“一国两制”观 (Во дэ «И го лян чжи» гуань) (Мои взгляды на «Одно государство — две системы»). Аомэнь: Аомэнь Лигун сюеюань И го лян чжи яньцзю чжунсин чубань, 2011.

Ян Хунлэ. 中国法律思想史 (Чжунго фалюй сысян ши) (История правовой мысли Китая). Пекин: Чжунго чжэнфа дасюе чубаньшэ, 2004.

Ян Яньсуй. 新劳动法概念 (Синь лаодунфа гайнянь) (Понятие нового трудового права). Пекин: Цинхуа дасюе чубаньшэ, 2004.

SUMMARY

Legal system of China

The present monograph is a comprehensive and fundamental study of the modern Chinese legal system conducted through analysis of the current legislation, ancient law and traditional attitudes of China's population toward law and legislative acts. The research features explicit description of the major periods of the legal system's development from the year 1949 when the People's Republic of China was founded till now; it also states the basic features of the socialistic legal system with Chinese characteristics. The issues of tradition's influence on the PRC legal system along with correlation of law and politics, law and ideology in the Chinese society are examined. The book places particular emphasis on the overview of the Russian Law and Sinology schools' contribution to the study of the Chinese Law.

A full chapter of the monograph is devoted to the research of the major branches of the PRC public and private law. It analyses constitutional, criminal, civil, administrative law, as well as the other branches of law (environmental, energy, labour, military law), and the PRC procedure law, insufficiently studied by the Russian Law school. The legal systems of Xianggang (Hong Kong), Aomen (Macao) and Taiwan are of considerable importance in understanding the specific character of the Chinese law, thus their characteristics are represented in the final chapter of the present work.

The book is intended for the attention of broad reading audience: from professional lawyers and scholars interested in Comparative Law to sinologists who face the Chinese legislation due to their occupation. This work can be used in teaching a separate course of «Chinese Law» within the educational programmes of Political Science and Law in the Russian higher education institutes.

Keywords: china law, comparative law, legal science, legal system, legislation, Confucianism, legalism, death penalty, socialist law, reform, Chinese specifics, policy.

Научное издание

Трощинский Павел Владимирович

Правовая система Китая

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Корректор *Н.Б. Потапова*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иванишиной*

Подписано в печать 23.04.2016

Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л. 29,5. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз.

Заказ № 3

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.